Земля наша велика и обильна

С ЮБИЛЕЕМ!

1_078_2131_0394 *0078190869811* 25

КИРПИЧНИКОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ПРОСПЕКТ НАУКИ д.42, кв.81
Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
195252

Уважаемый Анатолий Николаевич!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем.

Вы прошли большую жизненную школу, стойко преодолели тяжелейшие испытания военного времени, самоотверженно восстанавливали страну из руин. И всегда чувствуете сопричастность к судьбе Отечества, верите в правое дело.

Великую любовь к Родине, ответственность за её настоящее и будущее Вы передаёте нам и грядущим поколениям.

Желаю Вам здоровья, бодрости духа и благополучия.

Президент
Российской Федерации **В. Путин**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Земля наша

ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна…», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладоги и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения

Анатолий Николаевич Кирпичников — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин Ленинградской области. Он один из ведущих и международно признанных специалистов в области изучения археологии, истории и культуры Древней Руси — России и сопредельных стран Северной Европы. За его плечами огромный опыт научных, полевых и научно-организационных работ, многолетняя борьба за сохранение памятников культуры России.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 года в Ленинграде. Ребенком он чудом выжил в годы страшной ленинградской блокады 1941–1944 гг., потеряв мать, убитую немецким снарядом. В 1948 г., закончив школу, поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В 1949 г. он впервые поехал в археологическую экспедицию профессора М. К. Каргера, ставшего на многие годы его научным руководителем. Как ученый А. Н. Кирпичников сформировался и благодаря лекциям блестящих историков и археологов — В. В. Мавродина, М. И. Артамонова, В. И. Равдоникаса и других ученых, преподававших тогда на историческом факультете.

В 1953 г. после окончания с отличием университета А. Н. Кирпичников был принят научным сотрудником в Артиллерийский исторический музей. Богатейшие коллекции музея, выходящие за рамки огнестрельного периода истории, привлекли внимание молодого исследователя к малоизученной тогда теме древнерусского вооружения и древней военной техники. Одним из директоров музея был выдающийся археолог конца XIX — начала XX в. Н. Е. Бранденбург. С его научным наследием Анатолию Николаевичу предстояло столкнуться 20 лет спустя в связи с исследованиями Староладожской крепости. Пока же исследователя увлекла идея поисков в руинах Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря арсенала, известного по описи XVII в. На эти раскопки в 1953 г. Анатолий Николаевич получил свой первый Открытый лист. С тех пор ежегодные полевые исследования не прекращаются уже 65 лет. Первые поиски окончились неудачей — арсенал монастыря был расхищен в конце XVIII в. Но в процессе исследований сформировалась еще одна тема научных интересов, которую А. Н. Кирпичников проносит через всю жизнь — оборонное зодчество Северо-Запада России.

В 1955 г. А. Н. Кирпичников поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры

Российской академии наук). С этого момента его работа и жизнь оказались навсегда связаны с Институтом. В 1963 г. Анатолием Николаевичем была успешно защищена кандидатская диссертация «Русское вооружение ближнего боя X–XIII вв.», а в 1975 г. — докторская диссертация «Военное дело Руси IX–XV вв.». А. Н. Кирпичников на основе изучения всей массы археологического материала выдвинул концепцию формирования комплекса вооружения Древней Руси как творческого синтеза западноевропейского и азиатско-кочевнического путей развития.

С 1966 г. в серии «Свод археологических источников» стали выходить корпуса, посвященные древнерусскому вооружению. 37-летний ученый сразу стал классиком отечественной археологии. Фундаментальность трудов настолько не вязалась с возрастом автора, что незнавшие Анатолия Николаевича лично иногда путали его с А. И. Кирпичниковым — участником I Археологического съезда (1869), активно публиковавшимся в последней четверти XIX в.

Новым направлением в изучении оружия стала клинковая эпиграфика — раскрытие на лезвиях мечей знаков и надписей. Ныне А. Н. Кирпичникову удалось расчистить и изучить более 300 клинков из музеев России, Украины, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии. Впервые на нескольких раннесредневековых клинках были раскрыты русские именные надписи.

Вторым направлением научных интересов А. Н. Кирпичникова стало изучение крепостей Северной Руси. Им проведены раскопки в Старой Ладоге, Орешке, Копорье, Ямгороде, Пскове, Порхове, Гдове, Новгороде, Велье, Кирилло-Белозерском монастыре, Кореле и Тиверском городке. В результате сформировалась детализированная картина двух этапов формирования северо-западного крепостного щита Северной Руси — новгородского и московского.

Из изучения северных крепостей логически вытекает еще одно направление научной деятельности А. Н. Кирпичникова — исследование и публикация позднесредневековых письменных и графических источников, касающихся городов Северной Руси. В частности, под редакцией А. Н. Кирпичникова впервые опубликованы и прокомментированы дневники и рисунки Николааса Витсена, голландца, посетившего Московию в царствование Алексея Михайловича. Именно Н. Витсен принимал в Голландии приехавшего в составе Великого посольства молодого Петра I и руководил его «культурной программой», наложившей неизгладимый отпечаток на всю последующую историю России.

Начиная с 1972 г. внимание А. Н. Кирпичникова привлекает Старая Ладога, где начинает работать экспедиция под его руководством. В этой экспедиции отряды возглавляли В. П. Петренко, Е. А. Рябинин, Е. Н. Носов, В. А. Назаренко, работали другие сотрудники Отдела славяно-финской археологии, который в 1974 г. возглавил А. Н. Кирпичников. Сначала он провел цикл полевых исследований каменной крепости и выявил три ее строительных периода. Результаты были опубликованы в 1984 г. в книге «Каменные крепости Новгородской земли». В 1985 г. вышла в свет коллективная монография «Средневековая Ладога», подводившая итог первого этапа работ Староладожской экспедиции: исследования Земляного городища, посада и погребальных памятников. Принципиально новым, по сравнению с раскопками первой половины — середины XX в., было получение серии дендродат на раскопах Е. А. Рябинина на Земляном городище и В. П. Петренко на посаде. Была обоснована дата возникновения Ладожского поселения — середина VIII в. В 1984 г.

А. Н. Кирпичников начинает 40-летний цикл полевых исследований Земляного городища. Его итогом стала монография «Старая Ладога — первая столица Руси». Анатолий Николаевич внес огромный вклад в популяризацию Старой Ладоги, не только в проводившиеся там археологические исследования, но и в сохранение и реставрацию архитектурных памятников.

Научная деятельность Анатолия Николаевича логично сочетается и находит продолжение в его общественной деятельности — пропаганде прошлого нашей страны, борьбе за совершенствование охраны памятников ее истории и культуры. С 1978 г. он являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1997 г. — его председателем и членом Президиума Центрального совета ВООПИК. В первую очередь благодаря его усилиям в 1984 г. в Старой Ладоге создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Не замыкаясь в архитектурно-археологической проблематике, близкой ему по научным интересам, Анатолий Николаевич болеет душой за всё культурное наследие нашей Родины.

Оружиеведческие труды А. Н. Кирпичникова и его лекционная деятельность нашли продолжение в деятельности многочисленных молодежных клубов реконструкторов. На фестивалях, регулярно устраиваемых не только в Старой Ладоге, но и в других исторических городах России и Украины, Анатолий Николаевич всегда желанный гость: реконструкторы по праву считают его своим духовным отцом.

Друзья, коллеги и ученики Анатолия Николаевича, отмечая его юбилейную дату, желают ему крепкого здоровья, как можно дольше сохранять поразительную творческую активность, новых трудов и творческих успехов во благо России.

Директор Института истории материальной культуры РАН
доктор исторических наук
В. А. Лапшин

Л. А. Губчевская
(Старая Ладога)

«Заповедный» — значит «особо хранимый»

Руководителю Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства
в области охраны культурного наследия
А. В. Кибовскому

Глубокоуважаемый Александр Владимирович!

Обращаемся к Вам с просьбой ускорить принятие решения по согласованию Проекта зон охраны памятников истории и культуры с. Старая Ладога с проектом границ Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Соответствующий пакет документов направлен в адрес вашей службы 26.11.07 г. № 930. Затягивание сроков принятия решения по данному вопросу приводит к губительным последствиям: в границах охранной зоны активно ведется несогласованное индивидуальное жилищное строительство; часть земельных участков проданы в частную собственность. Отсутствие правовой базы не позволяет музею-заповеднику обеспечить сохранность историко-культурной территории, в том числе уникального культурного слоя VIII в. — памятник федерального (общероссийского) значения.

С уважением,
А. Н. Кирпичников — профессор, д. и. н.,
заслуженный деятель Российской Федерации,
начальник Староладожской археологической экспедиции,
советник Председателя Совета Федерации
Федерального Собрания РФ

Л. А. Губчевская — директор музея-заповедника

Таких совместных обращений, направленных во властные структуры руководством музея-заповедника и Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН, за прошедшие 40 лет было немало. «Заповедный» — значит «особо хранимый», и мало кому известно, сколько сил уходит на борьбу за сохранение исторического облика древнего города.

С 1972 г. силами Староладожской археологической экспедиции, возглавляемой доктором исторических наук А. Н. Кирпичниковым, в Старой Ладоге возобновились регулярные археологические раскопки. С этого времени все перемены в судьбе нашего

музея-заповедника тесно связаны именно с Анатолием Николаевичем, с его неуемной энергией по созданию и развитию в Старой Ладоге крупного музейного центра.

По ходатайству научной общественности Ленинграда 14 сентября 1979 г. Леноблисполком принимает решение № 375 «Об организации Государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника в селе Старая Ладога Волховского района». Впервые были определены границы музея-заповедника, охранные зоны и зоны регулирования застройки. Данное решение предусматривало обращение в Совет Министров РСФСР с инициативой по организации в Старой Ладоге музея-заповедника.

15 июня 1984 г. Староладожский филиал Дирекции объединения музеев Ленинградской области получил статут историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Этому событию предшествовала большая работа. В 1981 г. видные деятели российской науки — Д. С. Лихачев, В. Л. Янин, Б. А. Рыбаков, В. А. Суслов — направляли в Совет Министров Российской Федерации свои обращения с целью донести идею о том, что Старая Ладога заслуживает общероссийского признания. Инициатором обращений был А. Н. Кирпичников.

Позже Анатолий Николаевич активно поддерживал идею выхода Староладожского филиала из состава Дирекции объединения музеев Ленинградской области (ДОМЛО). Шли годы, а Министерство культуры Ленинградской области упорно оставляло этот вопрос без ответа. Инициаторам получения музеем-заповедником прав юридического лица пришлось преодолеть множество бюрократических препон. Только 25 июля 1995 г. был подписан судьбоносный для музея-заповедника приказ о реорганизации Областного музейного центра (в прошлом — ДОМЛО) путем выведения из его состава Староладожского филиала и создания на его базе Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

10 июня 1998 г. в доме Шварца прошло организационное заседание Общественного совета по подготовке к празднованию 1250-летия Ладоги. Председателем Совета избрали А. Н. Кирпичникова, сопредседателями — зам. председателя Законодательного собрания Ленинградской области В. Н. Морозова и главу Волховского района А. М. Белицкого. 2 марта 1999 г. вышло распоряжение Администрации Волховского района № 50-р «О подготовке к празднованию 1250-летия Старой Ладоги в 2003 г.». Был создан оргкомитет и рабочая комиссия.

Совместно с А. Н. Кирпичниковым мы пытались подключить к подготовке юбилея Ладоги все властные структуры. Крайне важно было заинтересовать данным проектом членов Правительства Ленинградской области, владеющих политическими и экономическими рычагами. Однако предстоящий 1250-летний юбилей Ладоги руководство области не принимало всерьез. Вместе с Анатолием Николаевичем за поддержкой предстоящего юбилея пришлось обратиться к ладожанам. В доме культуры 11 июня 2001 г. состоялся сход граждан Старой Ладоги, на котором было принято обращение к губернатору В. А. Густову и председателю ЗАКСа Ленинградской обл. В. Н. Климову. Ладожане просили поддержать инициативу по празднованию 1250-летнего юбилея Старой Ладоги. В канун юбилея в 2002 г. новый губернатор В. П. Сердюков поручил вице-губернатору Н. И. Пустотину заниматься ладожским юбилеем. Николай Иванович стал готовить необходимые документы для рассмотрения их в Правительстве России, добился совещания у вице-премьера В. И. Матвиенко. Казалось, цель достигнута — однако радость была преждевременной.

Из всех министров Правительства России документы по ладожскому юбилею согласовывал только один федеральный министр — министр культуры М. Е. Швыдкой. Юбилей продолжал «пробуксовывать». Выяснилось, что по законодательству юбилеи могут быть только у городов, а Старая Ладога — село! К счастью, профессор А. Н. Кирпичников вышел на советника Президента по экономическим вопросам Андрея Владимировича Илларионова, который оказался знатоком истории и дал поручение своему помощнику Е. Василевскому собрать все «тома» предъюбилейных обращений.

9 декабря 2002 г. президент России В. В. Путин подписал указ «О праздновании 1250-летия основания села Старая Ладога Ленинградской области». Началась работа по определению финансирования юбилейных мероприятий. Министры Правительства России согласовали программу финансирования праздничных мероприятий, кроме министра финансов, написавшего: «За счет местных источников субъекта федерации». В итоге федеральный бюджет выделил музею-заповеднику только 1,5 миллиона рублей. Финансирование остальных праздничных мероприятий шло за счет казны Ленинградской области и Волховского района.

Благодаря содействию А. Н. Кирпичникова началась международная деятельность музея-заповедника. Первая зарубежная выставка была посвящена 500-летнему юбилею подписания мирного договора между Россией и Данией. Затем: Сигтуна, Мельхус, Хёрнорсанд и т. д. Многие годы складывалась странная ситуация: археологические находки из собрания музея-заповедника экспонировались в Швеции, Норвегии, Дании, Эрмитаже, Государственном историческом музее, а в Старой Ладоге не было археологической экспозиции. Даже то, что староладожские выставки открывали премьер-министр Швеции Карл Бильдт и королева Дании Маргрет II не помогало получить здание для археологического музея.

Юбилей Ладоги помог и в этом. Был выделен и отреставрирован бывший дом купца П. В. Калязина. В торжественной обстановке в присутствии гостей в старом доме открылась экспозиция «Археология Ладоги VIII–XVII вв.» с конференц-залом, оснащенным новейшими техническими мультимедийными средствами.

Одновременно в залах первого этажа открывалась выставка из собрания Государственного Эрмитажа «Святой Александр Невский — небесный покровитель Санкт-Петербурга». В рамках празднования 1250-летнего юбилея Старой Ладоги ее посетил президент России В. В. Путин. Владимир Владимирович познакомился с памятниками Ладожской крепости и осмотрел экспозицию «Археология Ладоги VIII–XVII вв.». В следующем 2004 г. президент вновь посетил Старую Ладогу и встретился с участниками Староладожской археологической экспедиции.

Благодаря Анатолию Николаевичу Кирпичникову село Старая Ладога стало исследовательским и туристическим центром, внесенным в Мировой список объектов духовного наследия IRS. Это высочайшая оценка не только труда наших предшественников, создавших «столь привлекательное место», но и его хранителей. Теперь село в низовьях Волхова известно всему миру. Пожелаем же и самому Анатолию Николаевичу староладожского долголетия!

Л. М. Всевиов (составитель)
(Санкт-Петербург)

Библиография работ А. Н. Кирпичникова

Анатолий Николаевич Кирпичников: Биобиблиография / РАН. ИИМК. СПб.: Вести, 2004. 74 с.: ил.

Дополнение к библиографии А. Н. Кирпичникова: (2003–2009) // Краеугольный камень. Т. 1. М., 2010. С. 27–30.

Список трудов А. Н. Кирпичникова: (1957–2014) // SP. 2014. № 6. С. 27–44.

Дополнение к библиографии А. Н. Кирпичникова (2014–2018)

2014

Две великие битвы Александра Невского // Fasciculi archaeologiae historicae. Fasc. 27. С. 41–47. Рез. англ., пол.

Древняя Ладога в эпоху викингов в свете международной культурной интеграции // Культурное наследие Российского государства. Вып. 6. С. 6. Ч. 1. С. 225–252: ил.

К характеристике общественного строя начальной Руси // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. С. 5–6: ил.

Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // SP. С. 129–136: ил. Рез. англ., молд. (В соавторстве с А. В. Курбатовым.)

Открытие Ниеншанца // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. С. 8–10.

Памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2011 году // Труды ГЭ. Т. 71. С. 297–318: ил. (В соавторстве с С. В. Белецким.)

Послеледниковая история Балтийского моря: Ладожское озеро и расселение человека // Проблемы балтийской археологии. Вып. 2. С. 7–16: ил., карт. (В соавторстве с П. М. Долухановым, Г. И. Зайцевой и др.)

Сложение Древнерусского государства и его политико-территориальные структуры: (по письменным и археологическим данным) // Труды IV Всероссийского археологического съезда. Т. 3. С. 74–76.

[Статьи] // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир.

Уникальный сфрагистический комплекс из раскопок в Старой Ладоге // Славянские языки и культура. СПб. С. 5–8. (В соавторстве с С. В. Белецким.)

2015

Александр Невский — личность, великие битвы, народная память // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 6. С. 5–21.

Исторические ценности Старой Ладоги и современность // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. С. 18–28.

Предисловие // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вп. 5. С. 7–17: ил. (В соавторстве с С. В. Белецким.)

Раскопки на Земляном городище в Старой Ладоге в 2011–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. М. С. 40–42: ил. (В соавторстве с В. А. Лапшиным, В. А. Курбатовым, Н. В. Григорьевой.)

Граффито на костяном изделии из Старой Ладоги // Археология Пскова и Псковской земли. Вып. 61. С. 240–248: ил. Рез. англ. (В соавторстве с Н. В. Григорьевой, Н. А. Плавинским.)

2016

Об изучении русского вооружения: Заметки и размышления / ГЭ. СПб. 15 с. (Оружейный семинар.)

Переломное время // Памятник великим князьям Рюрику и Олегу Вещему. СПб. С. 21–23. Рус., англ.

Полоцк по письменным и археологическим источникам: вариант нового осмысления // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. С. 224–232: ил.

Рец.: Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Киев: Простір, 2013; Он же Viking Swords. Stockholm, 2014 // SP. № 5. С. 377–378.

2017

Дело Всеволода Арендта: Возвращенная память // Ex Ungue Leonem. СПб. С. 93–104. Рез. англ. (В соавторстве с С. В. Ефимовым.)

Древнерусские мечники: (к трактовке источников и термина) // Труды ИИМК. Т. 48. С. 227–228: ил. Рез. англ.

Необычная средневековая крепость в г. Порхов Новгородской земли // Культурний шар. Кїев. С. 183–186: ил.

Олег Овсянников: опыт творческой биографии // Записки ИИМК. № 16. С. 177–190: портр. (В соавторстве с А. Е. Мусиным, А. А. Песковой.)

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН в 2011–2016 гг. // Записки ИИМК. № 15. С. 160–170. Рез. англ. (В соавторстве с В. А. Лапшиным, А. В. Курбатовым.)

Присуждение степени почетного доктора ИИМК РАН профессору П. П. Толочко // АВ. № 23. С. 438–439: портр.

Финляндско-российское научное сотрудничество в области археологии: Итоги пройденного пути. 1969–2014 гг. // АВ. № 23. С. 404–409: портр. (В соавторстве с П. Уйно, Е. Н. Носовым.)

2018

Выступление на презентации книги Л. С. Клейна «Спор о варягах (СПб.:Евразия, 2009.) 27 мая 2009 г. // Культурное наследие Российского государства. Вып. 7. С. 145–147: портр.

Заметки о блокадном детстве // Культурное наследие Российского государства. Вып. 7. С. 551–555: ил.

Наш друг Леонид Тарасюк // Культурное наследие Российского государства. Вып. 7. С. 585–590.

О стиле новый русский модерн // Культурное наследие Российского государства. Вып. 7. С. 292–293.

Об одном типе построек раннесредневековой Ладоги // Записки ИИМК. № 19. С. 148–156: ил. Рез. англ. (В соавторстве с В. А. Лапшиным, Н. В. Григорьевой.)

Старая Ладога и освоение Русского Севера // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 7. С. 34–44: ил. (В соавторстве с В. А. Лапшиным.)

Рец.: Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015 // РА. № 2. С. 186–187.

Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Труды ИИМК РАН. Т. LIII. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с.: ил. (В соавторстве с С. В. Белецким, А. В. Курбатовым, В. А. Лапшиным, П. А. Миляевым, Е. Н. Носовым, Н. И. Платоновой, С. Л. Санкиной.)

А. А. Александров
(Псков)

«Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)

Рюрик и братья

Новгородская Первая летопись под 859 годом сообщает: «В лето 6362… Во времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владяще; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверици, а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И въсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и городы ставити. И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в нихъ правды. И реша к себе: „князя поищемъ, иже бы владел нами и рядил ны по праву“. Идоша за море к Варягом и ркоша: „земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами“. Изъбрашася три брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе стареишии Новегороде, бе имя ему Рюрик; а другыи седее на Белеозере, Синеус; а третеи в Изборьске, имя ему Трувор. И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Русская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска.

По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастъшю же ему, Игорю, и бысть храбор и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег, муж мудр и храбор» (НПЛ: 106).

Другие летописные списки относят «призвание варягов» к 862 г., а смерть Трувора и Синеуса и начало правления Рюрика — к 864 г.

«Град на град» — то же, что «род на род» в других летописях. Следовательно, на середину IX в. град равен роду. Это же можно спроецировать, вероятно, и на более раннее время — большая семья, возможный эквивалент рода, до XIX в. насчитывала до 120 человек.

Дружина «многа и предивна». «Предивна», может быть, в том смысле, что именно таких варягов здесь еще не видели: они пришли из зоны юрисдикции франков и имели соответствующее вооружение (франкские шлемы с гребешками, франкскую мечевую амуниция). Могла быть и необычная одежда — франкские плащи. Известно также, что некоторые викинги, происходившие от смешанных браков скандинавов

с шотландками, носили шотландские килты. Конечно, воины в такой одежде и с таким снаряжением могли вызвать фурор среди местных славян. Здесь уместно также вспомнить две гибридные ирландско-скандинавские накладки из Пскова.

По поводу княжеской субординации летопись сообщает, что Игорь «храбр и мудр» тогда как Олег «мудр и храбр».

Несколько слов о самом процессе призвания князей. В известном летописном рассказе о призвании трех братьев в 862 г. коалицией племенных союзов северного региона Восточной Европы: «…реша Руси Чюдь и Словени и Кривичи…» (ЛЛ: 19–20) — уже содержится трехчленная структура, присутствующая в дальнейшем летописном изложении:

кривичи	словене	чудь
Изборск	Новгород	Белоозеро
Трувор	Рюрик	Синеус

При этом под ранним Новгородом в IX в. понимались либо Ладога, либо Рюриково городище. Таким образом, распределение городов и князей идет по племенному принципу в рамках всё той же северной конфедерации племен. Древнейшая летопись — «Повесть временных лет» — так и сообщает: «В лето 6367 (859 г. — *Авт.*). Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех…» (ЛЛ: 19). Обычный перевод: «…взимали дань…», с какого именно времени — непонятно. Историки карамзинской поры считали, что, может быть, платили уже с VI в. В словаре И. И. Срезневского *имати* — «брать» (Срезневский, т. I 1958: 1091–1092). То есть, можно понять и так, что дань варяги стали брать в 859 г., и продержалась она только три года. Учитывая гигантскую территорию «всех кривичей» (древненовгородский или севернокривичский диалект) и немалые объединенные силы перечисленных племен, такая дань в Восточной Европе и не могла продержаться долго.

Итак, что сообщает летопись под 862 годом: «Изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву. И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англяне, друзии гте, тако и си. Реша руси чудь, словени, и кривичи, и весь: „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володети нами“. И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша…» (ЛЛ: 19–20).

Когда я перечитываю этот текст и его общепринятый перевод, меня не покидает странное ощущение недоговоренности. В самом деле, слова «а наряда в ней нет» переводятся как «а порядка в ней нет». В этом смысле перевод недалеко ушел от того, как это понимал в 1868 г. А. К. Толстой:

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядку де, вишь, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пойдем к варягам:
Пускай придут княжить...».

Действительно, ключевое слово *наряд* перевод трактует как *порядок*. Но *порядок* в общепринятом смысле у славян, как раз, был: об этом племенном порядке сообщает сама же летопись: «Имяху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав» — «все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждое — свой нрав» (ЛЛ: 14). За всем этим им, как раз, к варягам ходить было совершенно незачем. Племенной порядок был, и он, несомненно, соблюдался. Что касается междоусобиц, то они периодически бывали в славянских землях и раньше. Ничего необычного тут нет. Летопись прямо говорит, что шли к варягам не за «порядком», а за другим — за князем. И действительно, в словаре В. И. Даля находим: «Наряд*у* нар. На ряде, в голове, в начальниках» (Даль 1979: 405). Тогда обращение послов надо понимать иначе: «Земля наша велика и обильна, а в начальниках в ней никого нет». Учитывая, что новгородского князя Гостомысла, который всем этим управлял, уже не было в живых, фраза получается вполне адекватной сложившейся ситуации. Действительно, один из списков летописи излагает суть дела чуть иначе: не «наряда», а «рядника в ней нет», распорядителя то есть.

Далее. Что есть «правда» с точки зрения летописца в конце XI — начале XII в.? Применительно к ситуации только одно — «Русская Правда», фиксированный писаный закон, имеющий полную юридическую силу на всей территории Руси. В самом деле, если мы посмотрим значение слова «правъда» в словаре И. И. Срезневского, то найдем 20 значений. Однако связанное с этим другое ключевое слово — «право» — имеет два значения: 1) Свобода действия, власть, и 2) Законы, право. «Свобода действий» — это как раз то, от чего хотели избавиться. Так что, по тексту летописи, более всего подходит второе значение. Теперь посмотрим, есть ли что-то, связанное с «правом» по смыслу в одном из 20 значений слова «правъда». Да, есть: «свод правил, законы», причем, законы кодифицированные, зафиксированные в письменном виде (Срезневский, II, 1958: 1348–1349,1355–1359).

Итак, с точки зрения коалиции племен, требовался князь, который бы «володел … и судил по праву». Слово «володеть» имеет два значения: 1) «владеть, иметь в своей власти, в подчинении» и 2) «управляться» (Срезневский, I, 1958: 291). Правда, второе значение стоит у Срезневского под знаком вопроса. Однако, по летописной ситуации, подходит именно оно — князь должен не обладать, а управлять и судить в соответствии с законом. Князь же всегда имел дружину. Так что складывается приблизительно такая схема:

князь	дружина	«Правда»
Рюрик	«вся Русь»	«Закон Русский» (кодифицирован)

Из всего изложенного следует, что посылали не только за князем, но и за теми компонентами государственной власти, которых на месте не было. Следовательно, всё остальное было.

В связи с находкой в Новгороде цер с текстом конца X в. (до «Русской Правды»), остается надежда когда-либо найти если не весь текст «Закона Русского», то хотя бы какую-то его часть. Летопись же составлялась позднее. В конце XI — начале XII в. она знает только современное себе законодательство. В эпоху летописца это была «Русская Правда». Вот именно в таком законе и нуждался пестрый конгломерат славянских и неславянских племен. Князь же, на основании этой «Правды», должен судить «по праву», то есть в соответствии с законодательством. Именно этим и занимались древнерусские князья впоследствии. Очевидно, коалиция племен знала, где есть князья с фиксированным законом, от которого до нас дошло только название: «Закон Русский».

Показательно, что в перечне летописных скандинавских племен нет данов, датчан, не знать о которых летописец не мог. Есть: свие — шведы; урмане — норвежцы; англяне — англичане; гте — жители острова Готланд; русь — «те же варяги». Датчан нет — есть русь. Учитывая происхождение Рюрика/Рёрека, летописец, очевидно, знал, что это, в общем, одно и то же. И повторяться не стал. Значительно позднее, в 1018 г., Титмар Мерзебургский, описывая реалии Киева и киевской земли, отметил, что город полон беглых рабов и «проворных данов» (ex velocibus danis) (Ключевский 1904: 154–155). Сведения Титмара основывались на непосредственных наблюдениях немецких участников похода польского короля Болеслава на русского князя Ярослава. Отмечу, что в это время и несколько позднее русь как этническая единица оставалась в Восточной Европе реальностью. В самом деле, в последний раз русь — суммарно псковичи и новгородцы — упоминаются летописью в 1060 г. в связи с битвой под Псковом с коалицией колыванцев и сосолов. Скорее всего, в начале XI в. эта русь в Киеве и его окрестностях и «проворствовала»; при этом летописец ее назвал русью, а Титмар — данами.

Е. А. Рыдзевская обратила внимание на ранний схолиаст (комментатор) Адама Бременского, который сообщает: «Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard», то есть, «Руссия призвала варваров данов в Острогард» (Рыдзевская 1922: 107). Ostr/Austr — это восток; то есть, имеется в виду город на востоке. Острогард — это «восточное укрепление» или «восточный город». Учитывая то обстоятельство, что скандинавы воспринимали Неву как пролив, а Ладожское озеро как крайнее восточное ответвление Балтики, речь вполне может идти о городе Ладоге. Эти сведения о данах в Острогарде напрямую перекликаются с данными Титмара Мерзебургского о данах в Киеве. Адам Бременский написал свой исторический труд около 1075 г. Сведения о призвании данов явно относятся к более ранним временам и могут быть сопоставлены с известным летописным призванием варягов, которые, как известно, сначала появились именно в Ладоге.

Титмар — это 1018 г. Адам писал еще позднее. Мне скажут: слишком поздно по времени. Хорошо, посмотрим, кто есть кто киевские скандинавы раньше: в камерных погребениях Киева, Гнёздова, а теперь и Пскова есть находки восковых свечей — а это датский погребальный обычай.

Нельзя сказать, что в летописное время датчан не знали совсем: под 1134 г. в новгородской летописи отмечена расправа с новгородцами в Дании: «порубиша новгородцев за морем в Дони» (НПЛ: 208), так что для летописца Дания — «Дони» — это тоже «за морем», и за это море из Новгорода плавали.

В 862 г. у шведов, норвежцев и ютландских датчан еще не было фиксированного письменного законодательства. Возможно, здесь, как и в Исландии, был законоговоритель, который знал всё законодательство наизусть и всецело полагался на свою память. А вот в зоне юрисдикции франков, на территории руссов, весьма вероятно, письменная фиксация закона уже могла быть.

Была ли кодификация законодательства в самом государстве франков в столь раннее время? Да, была. Известно, что саллический закон (Lex Salica) был записан по распоряжению короля Хлодвига (481–511 гг.) еще в начале VI в., а при его преемниках подвергался дополнениям и переработкам. Наиболее поздние редакции появились при Карле Великом (768–814 гг.). После распада государства Карла (843 г.) и завершения образования новых народностей на его территории Салическая Правда потеряла значение. Но для викингов-ленников 840-х гг. и несколько позднее это кодифицированное, письменное право было реальностью.

С эпохи каролингского возрождения проблем с грамотными людьми во Франкском государстве (до и после его разделения) не было. Перед глазами ленников-скандинавов был образец — кодифицированное франкское право, как салическое, так и разного рода распоряжения-капитулярии самого Карла Великого.

Хорошо известно, что «Закон Русский» вошел в древнейший текст «Русской Правды» — на это есть прямая отсылка в летописи под 911 г. в тексте договора с греками, где за удар мечом или сосудом «да вдасть литр 5 сребра по закону русскому» (ЛЛ: 34), что соответствует статье 3 «Русской Правды» (Русская правда 1952: 77). Это заметил еще Б. Д. Греков. Он же, между прочим, отметил также, что «Правда» Ярославичей по духу близка к Capitulare de villis — законодательству Карла Великого (Греков 1953: 90). Вполне вероятно, что не только по духу, но и по происхождению. Правда, опосредованно и преемственно, через «Закон русский».

Примечательно, что в другом формирующемся славянском государстве — в Болгарии — законодательство развивалось приблизительно тем же путем. Там при князе Борисе-Михаиле (852–888 гг.) был переведен с греческого на славянский язык Мефодием и введен в практику первый писаный свод законов «Номоканон», или «Кормчая книга». Тогда же составлен судебник «Закон судный людем». По-видимому, кодифицированный, письменный закон — непременное условие нормального и устойчивого функционирования ранних славянских государств.

Теперь относительно того, каких варягов «изгнаша» за море коалиция славянских и неславянских племен. В речи лагмана Торгнюра на тинге в Уппсале свеи сожалели о неких землях, утраченных за морем; среди историков давно существует мнение, что этими изгнанными варягами и были свеи — шведы, воевавшие в Восточной Европе и подчинившие себе некоторые земли при короле Эйрике. Позвали же других, «хороших» варягов, которые, к тому же, по Татищеву, состояли в родстве с линией князя Гостомысла через его дочь Умилу.

Между прочим, в «Сказаниях» А. Я. Артынова, использовавшего недошедшие до нас источники в списках XVII в., встречаются любопытные сведения. В литературном переложении Ю. К. Бегунова, издавшего его «Сказания», это будет так: «шведы („варяги“) напали на Новгород и завоевали его, но новгородцы восстали и изгнали шведов „за море“ (859 г.). Гостомысл умер вскоре после того (861 г.) и завещал новгородским словенам на княжение пригласить для защиты от шведов Рюрика. Так они и сделали. 8 сентября 862 г. конунг Рюрик прибыл в Новгород на 160 кораблях

и установил свое владычество как князь Новгородский. С тех пор начались „исторические времена“» (Бегунов 2000: 9). Если заменить несуществующий тогда Новгород Ладогой, наверное, всё это так, приблизительно, и было.

Может показаться чрезмерно большим число кораблей, однако надо иметь в виду, что именно 60-е годы IX в. — это расцвет эпохи викингов. Современник, монах Эрментариус сообщает: «Всё более судов, всё шире нескончаемый поток викингов» (Викинги 1996: 60). Для этого времени и для такого серьезного конунга, каким был на западе Рёрик-Рюрик, это, в общем, достойно.

Рис. 1. Гребень из Псковского городища. Раскопки 1936 г.

Своеобразным символом этого времени является роговой гребень X в. с изображением ладьи, найденный во время раскопок 1936 г. на Псковском городище (рис. 1). Гребень роговой односторонний, цельный с резной фигурной спинкой и с отверстием для подвески. Наверху спинки по обеим сторонам — резные головы птиц, к которым ниже, в технике глубокой резьбы, «пририсованы» по четыре лапы, так что получились некие фантастические животные. В центре — схематическое изображение ладьи в технике глубокой резьбы. Штевни ладьи с двух сторон высокие, загнуты внутрь. Мачта с обычным для ладей викингов четырехугольным парусом. Слева — рулевое весло. Изображенный корабль — северного типа. Слева от корабля изображение дерева, ветви которого поднимаются вверх. Часть зубцов обломана. Подобные изображения ладей и деревьев хорошо известны на территории Скандинавии. На таких ладьях в земли славян приплыли Рюрик, его братья и их дружины (Кондратьева 1977: 123–126).

Уникальными для Пскова, да и для всей Восточной Европы, являются две литые бронзовые накладки на ножны меча, найденные в Пскове при случайных обстоятельствах на берегу р. Псковы (рис. 2). Накладки представляют собой прямоугольные пластинки, несколько суженные в центре. Они могут быть датированы X в. (до 1000 г.). На одной из них по двум сторонам от центра — сцены борьбы двух хищ-

Рис. 2. Бронзовые накладки на ножны меча. Псков, подъемный материал

ников из семейства кошачьих со змеей. Морды хищников — с глазами и ушками, характерные для стиля Еллинг. По всему краю накладки идет невысокий бортик в виде стилизованной плетеной веревочки. На концах — свободные поля, возможно — литейные хвосты. Длина 6,6 см.

На другой накладке по двум сторонам от центра — зеркально расположенные стилизованные изображения сидящего человека со скрещенными на груди руками. Над обоими плечами — изображения морд драконов с глазами и ушками, обращенные по сторонам, характерные для стиля Еллиг. По краям накладки, обрамляя композиции, идет невысокий бортик. Длина 5,7 см.

Следы крепления на накладках отсутствуют, поэтому данные экземпляры, видимо, являются либо заготовками, либо матрицами[1].

Накладка такой же формы, но с иным орнаментом и большей длины — 9,8 см — найдена в Ирландии. На обороте этой накладки процарапано скандинавскими рунами: «Домналлу Роббенкопфу принадлежит этот меч». Имя Домналл — ирландское, фамилия Роббенкопф — скандинавская; из этого делается вывод, что у обладателя этого имени были ирландско-скандинавские родители. Из надписи также делается заключение, что это накладка на ножны меча. Форма накладки единична, но возможно, она происходит от наконечников ремней из кельтских областей Британии и Ирландии IX–X вв. (Wikinger 1992: 333, № 405). Следовательно, и псковские накладки могли иметь то же происхождение и назначение.

Военные действия в Псковской земле в X–XI вв.

Вслед за сообщением о призвании в 862 г. князей Рюрика, Трувора и Синеуса в летописи отмечено: «и начаша воевати всюду» (Лейбович 1876: 16). Имея в виду, что резиденциями князей стали Ладога, Изборск и Белоозеро, получаем весьма обширную территорию русского северо-запада и северо-востока, где с призванием князей начались какие-то боевые действия. Из той же летописи известно, что некоторое «неустроение» в среде местных племен наступило сразу же вслед за изгнанием неких «варягов», бравших здесь дань: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся (ЛЛ: 19). Учитывая, что в коалицию, призвавшую Рюрика и братьев с дружинами, входили чудь, словене, кривичи и весь — конгломерат племен многонациональный — возникает, естественно, вопрос: а с кем именно немедленно «почаша воевать всюду» боевые подразделения Рюрика и братьев? С теми, кто их призвал ради наведения порядка и управления, или были еще какие-то причины для ведения боевых действий? Первое весьма сомнительно: а зачем было призывать на свою голову вторых варягов, только что сбросив владычество первых? Всякого рода «усобицы» в среде славянских племен — дело обыкновенное; призвать третейских судей и управленцев в виде князя и дружины — это одно, а вот немедленно вовлекать их в какие-то боевые действия на своей территории или на ее границах — это нечто совсем иное.

[1] ПГОИАХМЗ, фонды археологии, колл. 2033, № 3, 12.

О некой военной деятельности первых русских князей сообщают внелетописные источники. На один из таких источников обратил внимание Д. А. Мачинский: это изданная в 1791 г. «Подробнейшая История Государей Российских», в части своих сведений восходящая к утраченным летописям. В 864 г. «по двою лету умре Трувор и Синеус, оба бесчадна, остася един Рюрик, и нача владети всею Рускою землею, и сбираху дани на Словянех и на Кривичах и на Мери, и на Муроме… и посла Воеводу своего именем Валета, и повоева Корелу, и дань на них возложи… В лето 6387 умре Рюрик в войне в Кореле…» (Новиков 1791: 52).

Если верить источнику, Рюрик выбрал северное направление для внешней экспансии. Очевидно, для замирения внутренних усобиц достаточно было мирных, дипломатических усилий. Теперь попытаемся понять, чем занимался князь Трувор, о котором летописям вообще ничего не известно. Но так, очевидно, было не всегда. Русский историк конца XIX в. князь Михаил Щербатов в первом томе своей «Истории Российской», со ссылкой на Стрыйковского, сообщает, «что Трувор умер под Вильною, знатно стараясь границы земель владения своего расширить» (Щербатов 1770: 194). Сейчас мы знаем, что в юго-восточной Литве, в 30 км к северо-западу от Вильнюса в местечке Кернаве, имеется комплекс из трех огромных городищ — центр формирования литовской государственности. Одно из них относится к рассматриваемому времени (Лухтан 1985: 49–50). Возникает вполне резонный вопрос: а что там делал Трувор в некотором, скажем, отдалении от своей базы — от Изборска? Некоторое прояснение дает летопись, которая в числе данников Ранней Руси называет племя нерома: «Нерома [Норома] сиречь Жемоить», на что давно обратил внимание А. И. Попов (Попов 1973: 97). Судя по топонимике, проанализированной Д. А. Мачинским, эта норома/нерома «сидела» на землях русского Северо-Запада, занимая северные половины современных Псковской и Новгородской областей (Мачинский 1986: 13). Очаг «неромской» топонимии известен также в Белоруссии, где вообще было довольно значительное балтийское присутствие (Шадыра 1993: 83). В составе инвентаря сопок на землях этой северной неромы встречаются бронзовые спиральные накосники жемайтийского типа, но с иной, чем в самой Литве, орнаментикой. Очевидно, что это не трофеи походов, а местные новации «насельников» здешних мест (Яблоник 1987: 21–23). Хорошо известны балтийские элементы и в предшествующей культуре псковско-новгородских длинных курганов, в том числе, вещи просто литовских типов. Общая датировка культуры — V–VII вв., но ее верхний хронологический рубеж так и не был сколько-нибудь достоверно определен. Скорее всего, остатки этого населения дожили и до VIII, и до IX, и до X в., дав, в конце концов, ту самую летописную нерому. Приблизительно в те же века на Северо-Западе фиксируется импульс славянского продвижения с юга. Продвинувшиеся группы славян нашли эту территорию не пустой, а заселенной, в том числе, и населением, говорившем на балтийских (пралитовских?) диалектах. Вероятно, оба этноса пришли к состоянию затянувшегося конфликта. Показательно хотя бы то, что ни литва, ни нерома не входят в состав коалиции, призвавшей Рюрика и братьев. Очевидно, что боевые дружины Трувора, на территории квартирования которых выявилось это противостояние, неизбежно должны были начать боевые действия на стороне тех, кто их призвал и им платил. Противоположная сторона, по логике войны, также неизбежно должна была обратиться за помощью в коренные земли своего первоначального расселения. Внутрилокальный конфликт

перерос в большую войну. Трувор и Рюрик — викинги первого поколения на Руси — могли придерживаться только одной тактики — наступательной. При этом личная безопасность для них мало что значила — «конунг рожден не для долгой жизни, а для громкой славы». Трудно сказать, чем кончился поход в Литву, но Трувор в этом походе, вероятно, погиб.

Кроме того, с 862 по 882 г. Восточная Европа была разделена на два враждующих между собой лагеря — с одной стороны северная Русь Рюрика и Олега, с другой — южная Русь Аскольда и Дира. Это противостояние достаточно хорошо показано Шахматовым (Шахматов 1919: 9).

По составу участников походов на Византию мы знаем, что без участия и поддержки восточнославянских племен ни одно из таких мероприятий не могло иметь места. Точно так же шли боевые действия и в Восточной Европе.

Исход этой долгой двадцатилетней войны до последнего момента оставался неопределенным. И война эта никак не могла состояться без участия и поддержки тех же восточнославянских племен — южной коалиции с одной стороны и северной — с другой. Естественно, что обе стороны в этой войне использовали все имевшиеся у них резервы, то есть, какие-то группы населения с территории будущей Псковской земли неизбежно должны были принимать участие в этих боевых действиях.

В 879 г. (по летописи) умирает Рюрик. Наступает правление малолетнего Игоря и регентство Олега. По одному из списков летописи, в 882 г. Олег идет на захват у южной коалиции кривичского Смоленска именно с кривичами. Согласно «Подробнейшей истории», после занятия Киева в 882 г., «иде Олег войною на Древлян и на Северы, и повоева их, и дань возложи… и начаша… дань имати на Мордве и на Черемисе и на Перми и по Печоре и на Кореле…» (Новиков 1791: 54). Земли Биармии — Перми и Печоры — были уже известны скандинавам во время их северных плаваний, и установление контроля над ними вполне реально. Итак, экспансия, начатая в 862 г., идет по нарастающей; схема всё та же — поход-война-дань.

Исследование последующих событий началось для меня с одной маленькой исторической загадки — в своей книге «Псков» известный архитектор Ю. П. Спегальский написал: «После нападения на Псков полоцкого князя Рогволда, то есть после 977 года, укрепления Крома, вероятно, были значительно усилены» (Спегальский 1963: 11). После некоторых поисков первоисточник этого уникального сообщения сыскался у Н. С. Ильинского в его «Историческом описании города Пскова», изданном в 1790 г. Н. С. Ильинский, понятное дело, не ссылается ни на кого. Вот что он об этом пишет: «В 977 году Владимир по смерти своего отца, имея неудовольствие на Полоцкого Князя Рохволда, который воевал волости Новгородские и град Псков взял, отъезжал к Варягам и тамо собирал войска за деньги» (Ильинский 1790: 18). Очередной внелетописный источник, который эти сведения тоже откуда-то взял, возможно — из какой-то недошедшей до нас летописи. Дошедшие же до нас летописи ни о каких подвигах Рогволода в Псковской и Новгородской землях не сообщают. «Повесть временных лет» отмечает только: «Слышав же се Владимир в Новегороде, яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море. А Ярополк посадники своя посади в Новегороде, и бе володея един в Руси» (ЛЛ: 75). Произошло следующее: старший сын Святослава, законный наследник киевского престола великий киевский князь Ярополк, действуя жесткой вооруженной рукой, произвел объединение всех русских земель. Один его брат — Олег древлянский — был убит войсками Ярополка,

другой сводный брат — Владимир — не дожидаясь той же участи, бежал за море в Скандинавию собирать наемное войско. Согласно сообщению источника, приводимого Н. С. Ильинским, это произошло не сразу, а после некоторого вооруженного сопротивления, организованного Владимиром: в неких новгородских волостях людям Ярополка пришлось вести боевые действия, а Псков, который не хотел сдаваться, по-видимому, пришлось брать штурмом. Несколько другую окраску приобретают и последующие события. На три года раньше, чем в летописи, упоминается полоцкий князь Рогволод, который действует в интересах и по поручению Ярополка. Становится ясно, что это его ставленник, им же в Полоцке и посаженный.

Через два года, в 980 г., Владимир появляется с войском: «Приде Володимир с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «Идете к брату моему и рцете ему: „Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу бится“. И седе в Новегороде» (ЛЛ: 75). «Древняя Российская вивлиофика» уточняет: «приде Великий Князь Владимир из за моря со многими Варяги в великий Новград, и согна Наместники и Посадники Ярополковы» (Новиков 1791: 60). Пауза в войне закончилась. Обе стороны активно готовились к боевым действиям. Очевидно, что Владимир, снова вокняжившись в Новгороде, отбирает у Ярополка и Псков. Возможно, что это произошло не сразу.

Затем Владимир предпринимает попытку «перетащить» на свою сторону полоцкого князя Рогволода, для чего отправляет сватов к его дочери Рогнеде: «И посла ко Рогволоду Полотьску, глаголя: „Хочю пояти дщерь твою собе жене“. Он же рече дщери своей: „Хочеши ли за Володимира?“ Она же рече: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“». После такого ответа «Володимер же собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогволда. В се же время хотячу Рогнедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогволода и сына его два, и дчерь его поя жене» (ЛЛ: 75). То есть, Рогволода с сыновьями убили, а Рогнеду взяли в жены Владимиру принудительно.

Софийский список новгородской летописи имеет любопытное расхождение: «И посла Добрыню ко Рогволоду, князю Псковскому». Возможно, что к моменту владимирова посольства Рогволод всё еще владел Псковом и даже мог там находиться; та же летопись иначе отмечает начало похода Владимира на Рогволода: «и приде Володимер на Псков, и уби Рогволода» (Лейбович 1876: 68).

То, что попытка переманивания Рогволода могла иметь место, косвенно подтверждает точно такая же история с «перетаскиванием» на свою сторону Владимиром главного ярополкова воеводы Блуда. Там это сработало. Воевода Блуд даже организовал убийство Ярополка. И пережил Ярополка ровно на три дня — Владимир наказал его за убийство брата.

Есть и еще одно любопытное разночтение — в Летописце Переяславля Суздальского речь Рогнеды немного иная: «не хочю розути кривитина» (Лейбович 1876: 68). То есть Владимир для Рогнеды еще и «кривитин», то есть кривич. Д. А. Мачинский справедливо заметил, что «Слово „кривитин“ было столь же „укоряющим“, как и „робичич“». Учитывая, что по отцовской линии Владимир был потомком Рюрика, а матерью его была «милостница» Ольги Малуша, Малка с явно германским прозвищем Мауся или Мауса — «Мышка», вероятно, та самая летописная Малфрида-Малфредь, которая, хотя и не названа по имени, но с большим почтением упомянута в «Саге о йомсвикингах», Владимир был потомком двух скандинавских линий. Единственное, что могло быть ему поставлено в упрек наименованием «кривитин»,

так это рождение в земле кривичей, вероятно, под Псковом. Следовательно, Рогволод и его семейство — уроженцы Скандинавии, пришедшие совсем недавно. «Варяжская» спесь и заставила Рогнеду назвать Владимира не только «робичичем» — сыном рабыни, но еще и «кривитином». В сложившейся ситуации любого из таких «перлов» было достаточно для начала войны. Любопытно, что и потомки служилых варягов, уже родившиеся на Руси, вели себя ничуть не лучше — в XI в. в «Слове на неделю мытаря и фарисея» содержится внушение знати не кичиться своей знатностью: «не хвались родом, ты благородный, не говори: отец у меня боярин, а мученики Христовы братья мне» (Ключевский 1904: 197). Имелись в виду два мученика-варяга, погибшие за веру от рук киевских язычников в 983 г.

Под 991 г. летопись сообщает: «Крестися Володимер [и вся Руская земля]… […Того же лета в Киеве Леонт митрополит всея Руси постави] Новугороду [и Пскову] архиепископа Иоакима Корсунянина, [а Ростову архиепископа Федора] [Гречина], а по инем градом епископы, и попы и диаконы, иже крестиша всю землю Русьскую…» (Лейбович 1876: 92). Существенно, что наряду с Новгородом в числе городов, подвергшихся крещению, сразу упомянут Псков. Как дружинники Владимира — Добрыня и Путята — крестили Новгород, хорошо известно из текста, написанного от первого лица и приводимого В. Н. Татищевым: дело закончилось грандиозной сечей новгородцев с киевской дружиной, сопровождавшей крестителей, и затем пожаром города. Подобного описания по Пскову нет, но там наверняка происходило то же самое. С той только разницей, что в Пскове с 988 г., казалось бы, мог быть уже свой князь — один из младших сыновей Владимира, Судислав, «посаженный» туда отцом. Однако по другим сведениям, Владимир из всех сыновей «трех у себя остави, бе бо млади: Станислав, Судислав, Позвизд» (Лейбович 1876: 88–89). В этом случае, Судислав мог обосноваться в Пскове позднее, уже после крещения.

В составе ктиторской части Стефановского синодика Спасо-Мирожского монастыря упоминаются только старшие сыновья — Ярослав, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб и их двоюродный брат Святополк Ярополчич; трех младших сыновей Владимира — тех самых, что он оставил при себе «по младости», — нет (Белецкий 1988: 8–10). Особенно показательно отсутствие Судислава: видимо, монастырь основывался еще без него. По С. В. Белецкому, это могло произойти в 1010–1015 гг.

Что же касается связанных с крещением событий 991 г. и соотносимых с этим весьма вероятных военных коллизий, то о них ничего неизвестно. Горел при этом Псков или нет — мы не знаем. Вероятно, горел, поскольку технология крещения была отработана на Новгороде.

В 1018 г. умирает престарелый князь Владимир и между его сыновьями начинается борьба за наследство отца. В этой борьбе активно участвуют сыновья Владимира: Святополк, Ярослав, Мстислав, Борис. Претенденты гибнут один за другим. В результате упорнейшей борьбы победителем становится Ярослав. С Мстиславом заключается мир (1024 г.), и тот получает Чернигов и левобережье Днепра. В 1034 г. здоровый и цветущий Мстислав умирает при загадочных обстоятельствах, и Ярослав становится полновластным правителем Русской земли. Первое, что сделал новый киевский князь в этом качестве, это «всади … Судислава в поруб, брата своего [меньшого], Плескове до живота своего, оклеветан бе к нему» (Лейбович 1876: 126, 127). Показательно, что пока был жив Мстислав, Судислав мог жить спокойно. Как только его не стало, Ярослав быстро разобрался с последним братом. Это позволяет

думать, что в ходе династической войны Судислав участвовал в каких-то блоках и соглашениях с братьями, но не с Ярославом, на котором, по тогдашним слухам, лежало пятно братоубийства (Филист 1990: 90–91, 140–143). Только в 1059 г., уже после смерти Ярослава, Судислав вышел из заточения глубоким стариком: «Изяслав, Святослав, Всеволод высадиша стрыя своего Судислава князя ис поруба, сиде бо лет 20 и 4 [в Пскове], заводивше и ко кресту, и бысть чернцем, и введоша и в Киев, [и подвизаша добродетельным житием] [в Киевопечерском монастыре]» (Лейбович 1876: 137).

Далее летопись довольно долго молчит о военных коллизиях на землях Новгорода и Пскова. Только под 1054 г. она повествует о походе князя Изяслава на эстонские земли. Маршрут похода пролегал через псковские владения: «Пришел Изяслав к Новгороду и посадил Остромира в Новгороде и пошел Остромир с Новгородцами на Чудь, и убила его Чудь, и много Новгородцев с ним пало. И во второй раз Изяслав пошел на Чудь и взял осек Кедипив, сиречь Солнечная Рука» (Лейбович 1876: 135–136).

Встречаются разночтения названия этого осека, или засечной черты — Декипив, Кевадив; последнее очень близко к эстонскому kevadine — «весенний», «вешний». Укрепленные засечные линии всегда ставились на границах. Судя по всему, и этот осек стоял на границе эстонских и псковско-новгородских земель, почему и носил двойное название. В этом походе был и сам посадник Остромир.

В летописи прямо не сказано, принимали ли участие в этом походе одни только новгородцы или вместе с псковичами, поскольку и сам Псков входил тогда в состав новгородской земли.

А вот в 1060 г. и новгородцам, и псковичам уже самим приходится защищать подступы к Пскову. Всё началось с того, что князь Изяслав наложил на одно эстонское племя совершенно неподъемную дань: «того же лета ходи Изяслав на Сосолы и дань заповеда даяти по 2000 гривен; они же поручьшеся, и изгнаша даньники; на весну же пришедше, повоеваша села о Юрьев и град и хоромы пожгоша, и много зла створиша, и Плескова доидоша воююще; и изидоша противу им Псковичи и Новгородци на сечу, и паде Руси 1000, а Сосол бещисла». Есть разночтение: «[около Юрьева дни (Апреля 22)] и [грады] пожгоша» (Лейбович 1876: 138). По первому варианту сосолы взяли и сожгли городок Юрьев, основанный Ярославом в 1030 г., по второму — пожгли еще какие-то городки между Юрьевым и Псковом. Первым на их пути на собственно русской территории был Изборск… Впрочем, оба варианта вполне совместимы.

Итак, даньщики возмутились непомерно большой данью, выгнали ее сборщиков и пошли войной под Псков, где и развернулись основные события. Судя по числу убитых с русской стороны и в несколько раз большему числу убитых со стороны противника, эта малоизвестная битва по своему накалу и количеству участников далеко оставляет за собой известное Ледовое побоище, которое произошло через 182 года. Пассионарии с двух сторон взаимно истребили друг друга. На русском Северо-Западе закончилась эпоха викингов. В последний раз на страницах летописи псковичи и новгородцы, действующие сообща, называются русью. Дальше пути расходятся: псковичи — отдельно, новгородцы — отдельно.

Передышка продолжалась недолго. В 1065 г. «Всеслав [Брячиславич Полотьский] рать почал; [собрав силы своя многыя], [приде ко Пскову, и много тружався с многыми замыслении и пороками шибав] [перси] [отъиде, ничтоже успев] (Сводная

летопись 1876: 140). Несмотря на тяжелые потери 1060 г., времена уже были не рогволодовы, город окреп и вырос, псковичи отбились. Тогда Всеслав через два года, в 1067 г., отправился походом на Новгород, взял его, пожег и разграбил. Кара последовала немедленно: киевские князья Изяслав, Святослав и Всеволод наголову разбили Всеслава на Немиге, обманом взяли его в плен и посадили в поруб.

После 1065 г. Псков до конца XII в. не упоминается в связи с активными боевыми действиями. По-видимому, на протяжении ближайших полутора столетий других любителей лезть лобовой атакой на псковские стены больше не находилось. Любопытно упоминание в связи с реалиями 1065 г. псковских «персей» — напольной высокой приступной стены. Мы знаем только упоминание псковской летописи: «заложиша Перши у Крому, стену каменную» под 1393 г. Это не исключает того, что у них были некие «некаменные» предшественники.

Вся вторая половина XI в. и весь XII в. — это время не только формирования будущей Псковской земли, но и постепенное проникновение в Прибалтику, на земли эстов и латгалов, где постепенно, под давлением скорее военно-политическим, нежели чисто военным, сформировались те податные области, где в дальнейшем, в эпоху республики, псковичи собирали дань со значительных территорий. Эту податную систему не смогло поколебать и немецкое завоевание Прибалтики. В дальнейшем, после присоединения к московскому государству, невыплата этой дани ливонцами явилась одной из причин 24-летней Ливонской войны.

Граница между собственно Русью и прибалтийскими землями колебалась. С постройкой Юрьева и в связи с неоднократными походами псковско-новгородских войск, эта граница, вероятно, была довольно далеко отодвинута к западу. Авторы исторических карт-ретроспекций, относящихся к этому времени, показывают широкую полосу территориальных приобретений русского государства до 1054 г., идущую от балтийского побережья на юг и заканчивающуюся значительно южнее Западной Двины (Atlas 1974: 37). С обретением Псковом самостоятельности, эта зона влияния и сбора дани перешла по наследству к псковичам.

«Меж Лютой и Скиру…»

Еще в работе 1981 г. известный топонимист А. И. Попов полагал, что на великом водном пути «из Варяг в Греки» могут встречаться отдельные скандинавские топонимы, своеобразное наследие местных варягов-викингов. Их могли оставить группы служилых скандинавов, поставленных охранять ключевые точки основных водных путей, поскольку иные — сухопутные — пути в IX–X вв. просто отсутствовали. В качестве одного из примеров такой топонимики Попов приводил название р. Веряжа под Новгородом, что означает просто «Варяжская», и это название связывается с местами первоначального проживания наемных варягов в земле новгородского племени словен. Названия типа Веряжа, Вережье есть и в Псковской земле, где скандинавы-варяги, судя по археологическим данным, определенно были. Вероятно, только названиями этого типа скандинавская топонимика и гидронимия здесь не ограничивались.

В Псковской летописи под 1471 г. упоминается уникальное название некой реки Скира или Скир: «в среду скопившеся Псковской силе добровольных людей с пол 2000 и больши … и поидоша в Новгородцкую волость воевати за рубеж

на Запсковскую сторону, и також пришед к рубежу и поидоша в утрее Бельской губе, и поидоша воюя по Новгородцкой волости, а хоромы жгуще. И бывши им за Лютою рекою меж Лютой и Скиру, и бысть в суботу в полдень удариша на них Новгородцкая рать» (ПЗЛ: 183).

Ходили псковичи против Новгорода тогда уже не по своей воле, а будучи «под рукой» Москвы, да и то воевали недалеко от своих собственных рубежей. Путь псковского войска прослеживается достаточно хорошо. Псковичи переправились через реку Пскову, перешли затем рубеж Новгородской земли, перебрались через речку Люта, которая и ныне носит то же самое название, и двинулись затем к Бельской губе — ныне деревня Бельско, которая находится в 2,5 км, не доходя речки Дряжна. Здесь-то и настигли их новгородцы.

Расстояние от Пскова до Бельско по прямой — 75 км. Если учесть извивы дороги, то никак не менее 80 км или немного дальше. Состав (добровольцы) и численность псковского войска — никак не менее 1000 человек — дает основание считать, что войско это было наверняка смешанным — конным и пешим. Дневной путь такого войска по старым, еще ранневизантийским канонам, равнялся 29,5 км. Трехдневный путь, таким образом, едва ли был больше 88–90 км. Если псковичи вышли в среду утром, то, как минимум, три дня — среда, четверг и пятница — у них заняла дорога. Значит, к Бельской губе они подошли утром в субботу, а боевые действия начали еще по пути, как только перешли новгородский рубеж. И в полдень, в ту же субботу по ним уже ударили новгородцы.

Итак, перейдя через Люту, но не доходя Скира, псковичи задержались либо вообще остановились для отдыха после трехдневного марша, что понятно. Речка Люта, левый приток реки Плюссы, течет в общем направлении с юга на север. Восточнее, параллельно ей, течет речка Дряжна. Следующий значительный левый приток р. Плюссы — речка Чёрная, вытекающая из озера Чёрного, расположена восточнее и течет в общем направлении к востоку — юго-востоку.

Сейчас река под названием Скир-Скира в этом районе неизвестна. Поэтому есть все основания считать, что Скиром в конце XV в. называлась какая-то речка, известная ныне под другим названием. Судя по тому, что Бельская губа расположена между речками Лютой и Дряжной, и что здесь и встретились новгородские и псковские войска, речка Дряжна — это и есть искомая летописная речка Скира или Скир.

В современном шведском языке слово *skir* означает «чистый, прозрачный». В древнеисландском языке, который весьма близок к древнескандинавскому, слово *skirr* имеет то же значение — «чистый». В этом случае, летописная речка Скир/Skirr имеет вполне «прозрачное», к тому же общегерманское, значение.

Скандинавские вещи — материальные следы пребывания здесь летописных варягов — довольно хорошо известны в Псковской области. Найдены они и в слоях X — начала XI в. во время археологических раскопок в самом городе Пскове. А на городище Камно, судя по находкам скандинавских вещей, варяги были еще в IX в. Очевидно, вместе с ними «из заморья» пришел обычай сооружать сопки. Особенно много таких курганов в Новгородской области, но есть они и в Псковской — всего здесь известно около 250 пунктов. Немного выше истока Дряжны, к западу от Чёрного и Щирского озер, сопки отмечены в шести пунктах. Есть сопки и на самой речке Дряжна. На карте все эти пункты образуют довольно компактное скопление, зону древнего освоения. Традиция сооружения таких высоких (до 5–8 м высотой) насыпей пришла сюда, вероятно, из района Старой Ладоги, где они известны еще

в VIII в. В Ладогу же эта традиция пришла из Скандинавии. А там такие огромные погребальные насыпи — королевские курганы, например, в Старой Упсале, — известны с V–VI вв. Вероятно, что и скандинавские дружинники, живя на Руси, также могли хоронить своих умерших в привычных для них высоких престижных курганах.

Обосновавшись в верховьях небольшой речки, горстка служивых варягов назвала ее по-своему — Скир, чистая, прозрачная. Название это удержалось, по крайней мере, до 1471 г., когда оно и попало на страницы Псковской летописи. И это при том, что после начала XII в. ни о каких проживающих в Восточной Европе скандинавах мы ничего не знаем. А к концу XV в. они давно смешались с местными славянами, утратив и свой язык, и свою культуру. Остались от них только слабые следы в виде единичных названий на географической карте на месте старых мест поселений и кое-что в антропологии русского населения Северо-Запада России (Гуревич 1966: 180).

Служба наемного воина-профессионала в Древней Руси хорошо оплачивалась, так что люди это были далеко небедные. Поэтому не надо удивляться тому, что в этой же «зоне освоения», близ д. Узьмино, в 1889 г. «на старинном вековечном поле», которое обрабатывалось «с незапамятных времен», был найден клад, относящийся к X — началу XI в. Клад этот состоял из серебряных вещей — трех целых шейных гривен, из которых одна была гранчатая, три гривны — с нарезками, подражающими витью, и несколько обломков таких гривен (Корзухина 1954: 82). Серебряная гривна на шее в те времена — украшение не рядовое, престижное, своеобразный знак принадлежности к высшему сословию. По-видимому, в минуты опасности клад был зарыт в землю, а хозяин за ним так и не пришел. Учитывая то, что время тогда было грозное, он, скорее всего, погиб в бою и был захоронен под высокой сопкой где-то на бескрайних просторах той самой Древней Руси, которую он защищал. Возможно даже, погиб в 1060 г. под Псковом в битве с сосолами. И остались от него и его сотоварищей только высокие курганы на взгорках, капли варяжской крови, текущей в жилах современных псковичей и новгородцев, да загадочное название речки Скира, случайно сохранившееся на страницах Псковской летописи.

Литература

Бегунов 2000 — Бегунов Ю. К. (сост.). Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым. М.: Буй-Тур, Менеджер, 2000. 319 с.

Белецкий 1988 — *Белецкий С. В.* К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства // АИППЗ. Псков, 1988. С. 8–10.

Викинги 1996 — Викинги: набеги с севера. Флорентьев М. (пер.). М.: Терра, 1996. 168 с.

Греков 1953 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. 569 с.

Гуревич 1966 — *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966. 183 с.

Даль 1979 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1979. 779 с.

Ильинский 1790 — *Ильинский Н. С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания… Ч. I. СПб., 1790. 67 с.

Ключевский 1904 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. I. М., 1904. 1146 с.

Кондратьева 1977 — *Кондратьева О. А.* Гребень из раскопок Н. Н. Чернягина в Псковском кремле // Мавродин В. В. (отв. ред.). Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд. ЛГУ, 1977. С. 123–126.

Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Л., 1962. 577 стб.

Лухтан 1985 — *Лухтан А. Б.* Кернаве в свете письменных и археологических источников // АИППЗ. Краткие тезисы докладов к предстоящей НПК (заседания 13–15). Псков, 1985. С. 49–50.

Мачинский 1986 — *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Бернштам Т. А., Чистов К. В. (отв. ред.). Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986. С. 3–29.

Новиков 1791 — Древняя Российская Вивлиофика… издаваемая … Николаем Новиковым. Изд. 2-е. Ч. XVI. М., 1791. 434 с.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 15–427.

ПЗЛ — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 70–290.

Попов 1973 — *Попов А. И.* Названия народов СССР: введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973. 170 с.

Русская Правда 1952 — Русская Правда. Краткая редакция // Памятники права Киевского государства X–XII вв. М.: Госюриздат, 1952. С. 77–107.

Рыдзевская 1922 — *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древне-северный Holmgarđr. Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. II. Петроград, 1922. С. 105–112.

Сводная летопись 1876 — Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. Вып. 1. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1876. 414 с.

Спегальский 1963 — *Спегальский Ю. П.* Псков. М.; Л.: Искусство, 1963. 61 с.

Срезневский, I-III 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Гос. издат. иностранных и национальных словарей, 1958. Т. I (1420 стб), II (1802 стб.), III (1684 стб.; доп. 272 стб.).

Филист 1990 — *Филист Г. М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990. 154 с.

Шадыра 1993 — *Шадыра В. І.* Фіна-угры, балты і славяне на поўначы Беларусі ў I тыс. н. э. // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1993. № 3. С. 83–90.

Шахматов 1919 — *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Русский ист. журнал, 1919. 64 с.

Щербатов 1770 — *Щербатов М. М.* История Российская от древних времен. Т. I. Кн. 2. СПб.: 1770. XVI, 325, [48] с.

Яблоник 1987 — *Яблоник Д. Л.* О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и Археология Новгородской земли (тезисы НПК). Новгород: НГОМЗ, 1987. С. 21–23.

Atlas 1974 — Atlas historyczny swiata. Warszawa: Panstwowe przdsiebiorstwo wydawnictw kartograficznych, 1974.

Wikinger 1992 — Wikinger. Warager. Normannen. Die Skandinavier und Europa 800–1200. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, 1992. 432 S.

С. В. Белецкий
(Санкт-Петербург)

Геральдические подвески X–XI вв.

Так называемые «геральдические подвески» — это подвески, на одной или на обеих сторонах которых помещены изображения древнерусских княжеских знаков либо их имитаций. Подвески разделяются на три группы: подвески-оригиналы (X–XI вв.), подвески-реплики (XII–XIV вв.) и сомнительные предметы (Белецкий 2004). Здесь речь пойдет только о подвесках-оригиналах, представленных металлическими и костяными предметами. Металлические подвески являлись верительными знаками княжеских чиновников X–XI вв. Костяные подвески представляли собой детские игрушки — подражания подлинным верительным знакам (Белецкий 2011а: 47, 48). Княжеские знаки, выявленные на большинстве подвесок, хорошо известны благодаря другим геральдическим памятникам — монетам, печатям, граффити и проч.

В каталоге геральдических подвесок, опубликованном в 2004 г., учтена 21 подвеска-оригинал (Белецкий 2004: 287, табл. 1). В последующие годы несколько подвесок были найдены при археологических раскопках. Кроме того, ряд подвесок стал известен благодаря антикварным аукционам. Большинство этих находок были учтены мною в дополнениях к каталогу 2004 г. (Белецкий 2014а; 2015а; 2015б; 2016а). Однако новая публикация каталога геральдических подвесок пока не предпринималась.

К настоящему времени зафиксировано 64 геральдические подвески X–XI вв. (табл. 1)[1]. Их можно разделить на четыре хронологические группы.

Группа 1 (9 экз.) объединяет подвески, которые относятся ко времени великого княжения Игоря Рюриковича (879–945) и, главным образом, Святослава Игоревича (945–972).

Группа 2 (13 экз.) включает подвески, датированные временем единоличного великого княжения Владимира Святославича (980–988).

Группу 3 (28 экз.) составляют подвески, относящиеся ко времени правления Владимира Святославича и его наместников (988–1015).

Наконец, *группу 4* (14 экз.) составляют подвески, относящиеся ко времени после смерти Владимира Святого (†1015).

[1] Есть сведения еще о нескольких геральдических подвесках-оригиналах, но эти предметы пока остаются неопубликованными.

Таблица 1

Древнерусские геральдические подвески X–XI вв.

№	Сторона «А»	Сторона «Б»	Материал	Место находки	Публикация
Группа 1					
81*	Двузубец		Белый металл, позолота	Винницкая обл., Украина	Белецкий 2014а: 18, 37, рис. 20.
32	Двузубец	Крест (?)	Кость	Новгород	Белецкий 2004: 271-273, 311, рис. 12, *3*.
59	Двузубец	Птица с крестом на голове	Белый металл	Псков	Белецкий 2014а: 12, 13, 27, рис. 1-2.
40	Двузубец	Изображение стяга	Белый металл	Гнёздово	Белецкий 2004: 252, 313, рис. 14
63	Двузубец	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Белый металл	Лубны, Полтавская обл., Украина	Белецкий 2014а: 13, 28, рис. 3.
31	Двузубец, переделан в трезубец	Трезубец	Кость	Новгород	Белецкий 2004: 254, 255, 311, рис. 12, *1*.
53	Двузубец	Изображение стяга, на который наложено изображение рога	Белый металл	Каукай	Белецкий 2004: 252, 253, 318, рис. 19, *1*.
88	Трезубец	Нереализованная разметка двузубца	Белый металл, позолота	Украина	Белецкий 2014а: 15, 34, рис. 14; Белецкий 2015а: 184, 185, 190, рис. 1-2
136	Трезубец		Белый металл	Малая Киреевка, Винницкая обл., Украина	Сорокин 2015: 121, 122, рис. 8; Белецкий 2015б: 217, 218, рис. 1, 136.
Группа 2					
73	Трезубец		Белый металл	Черниговская обл., Украина	Белецкий 2014а: 13, 28, рис. 4.
110	Трезубец		Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2015а: 185, 191, рис. 3.
139	Трезубец		Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2015б: 218, 220, рис. 1, 139.
141	Трезубец		Медный сплав, полуда	Неизвестно	Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, 141.
158	Трезубец		Медный сплав, полуда	Черниговская обл., Украина	Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, 158.
29	Трезубец	Надпись-граффити	Белый металл	Новгород	Белецкий 2004: 255, 256, 310, рис. 11, *1*.

Продолжение таблицы 1

№	Сторона «А»	Сторона «Б»	Материал	Место находки	Публикация
160	Трезубец		Белый металл	Клещин близ Переяславля Залесского	Белецкий 2015б: 219, 221, рис. 2, 160.
142	Трезубец		Медный сплав, полуда	Неизвестно	Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, 142.
58	Трезубец		Кость	Новгород	Белецкий 2014а: 13.
39	Трезубец		Кость	Прудянки	Белецкий 2004: 271, 311, рис. 12, *2*; Белецкий 2011: 47, 48.
42	Трезубец	Процветший крест	Медный сплав	Передольский погост	Белецкий 2004: 256, 314, рис. 15, *2*.
97	Трезубец	Процветший крест	Медный сплав, полуда	Полоцк, Беларусь	Белецкий 2014а: 15, 32, рис. 10.
126	Трезубец	Кельтский крест	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015б: 216, 218, рис. 1, 126.
Группа 3					
51	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Кельгининский могильник	Белецкий 2004: 259-261, 317, рис. 18, *1*.
52	Трезубец	Трезубец	Медный сплав, полуда	Кельгининский могильник	Белецкий 2004: 259-261, 317, рис. 18, *2*.
34	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Победище, близ Ладоги	Белецкий 2004: 257, 310, рис. 11, *3*.
146	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Велижский р-н, Смоленская обл.	Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, 146.
129	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015б: 216, 218, рис. 1, 129.
43	Трезубец	Нереализованная разметка трезубца	Медный сплав	Чернигов, Украина	Новик, Белецкий 2009: 51-55; Белецкий 2015б: 28-32.
137	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015б: 218. 220, рис. 1, 137.
56	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Цыбля, близ Преяславля Южного, Украина	Белецкий 2014а: 14, 31, рис. 8
94	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2014а: 14-15, 31, рис. 9
50	Трезубец	Знак «меч-молот»	Белый металл	Рождественский могильник	Белецкий 2004: 258, 259, 310, рис. 11, *2*.
62	Трезубец	Знак «меч-молот»	Белый металл	Удмуртия	Белецкий 2014а: 13, 29, рис. 5.

Продолжение таблицы 1

№	Сторона «А»	Сторона «Б»	Материал	Место находки	Публикация
93	Трезубец	Знак «меч-молот»	Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2014а: 13-14, 29, рис. 6.
89	Трезубец	Знак «меч-копье»	Белый металл	Седнев, Черниговская обл., Украина	Белецкий 2014а: 14, 30, рис. 7.
35	Трезубец	Якоревидный знак	Медный сплав	Киев, Украина	Белецкий 2004: 261, 262, 312, рис. 13, *1*.
36	Трезубец	Якоревидный знак	Медный сплав	Киев, Украина	Белецкий 2004: 261, 262, 312, рис. 13, *2*.
80	Трезубец	Якоревидный знак	Белый металл	Витебская обл., Беларусь	Белецкий 2014а: 17, 35, рис. 16
111	Трезубец	Якоревидный знак	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015а: 185, 186, 191, рис. 4
133	Трезубец	Якоревидный знак	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015б: 217, 218, рис. 1. 133.
165	Трезубец	Графья нереализованного знака в виде наконечника копья	Медный сплав	Каспля, Смоленская обл.	Белецкий 2018в: 372-381
8	Трезубец	Трезубец	Белый металл	Даугмале	Белецкий 2004: 262-265, 308, рис. 9.
41	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Поозерье	Белецкий 2004: 262-265, 314, рис. 15, *1*.
98	Трезубец	Трезубец	Медный сплав, полуда	Неизвестно	Белецкий 2014а: 15, 32, рис. 11.
33	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Рюриково городище	Белецкий 2004: 262-265, 310, рис. 11, *5*.
114	Трезубец	Трезубец	Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2015а: 186, 193, рис. 8.
145	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Беларусь	Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 1, 145.
140	Трезубец	Трезубец	Светло-серый металл	Неизвестно	Белецкий 2015б: 218, 220, рис. 1, 140.
118	Двузубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015а: 186, 187, 194, рис. 9-10.
164	Трезубец (фрагм.)	Трезубец (фрагм.)	Белый металл, позолота	Горожане, Псковская обл.	Белецкий. Михайлов 2017: 335-340.
	Группа 4				
30	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Новгород	Белецкий 2004: 265, 266, 310, рис. 11, *4*.
113	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015а: 186, 193, рис. 7

Окончание таблицы 1

№	Сторона «А»	Сторона «Б»	Материал	Место находки	Публикация
161	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Белая Церковь, Украина	Белецкий 2015б: 219, 221, рис. 2, 161.
162	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Витебская обл., Беларусь	Белецкий 2015б: 219, 221, рис. 2, 162.
57	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2014а: 15, 33, рис. 12
37	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Окрестности Киева, Украина	Белецкий 2004: 266-268, 310, рис. 11, *6*.
112	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015а: 186, 192, рис. 5.
28	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Новгород	Белецкий 2004: 268-271, 309, рис. 10, *2*.
38	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Белгород	Белецкий 2004: 268-271, 309, рис. 10, *1*.
101	Трезубец	Трезубец	Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2014а: 16-17, 34, рис. 15; Белецкий 2014б: 140
130	Трезубец	Трезубец	Медный сплав	Неизвестно	Белецкий 2015б: 216-218, рис. 1, 130.
131	Трезубец		Медный сплав	Черкасская обл., Украина	Белецкий 2015б: 117, 118, рис. 1. 131.
64	Трезубец		Белый металл	Лубны, Полтавская обл., Украина	Белецкий 2014а: 15, 33, рис. 13
127	Трезубец		Белый металл	Неизвестно	Белецкий 2015б: 116, 118, рис. 1, 127.

* Номера подвесок технические: они присваивались подвескам по мере учета сведений о находках.

Группа 1 (рис. 1)

Серебряная позолоченная односторонняя подвеска (№ 81) из Винницкой обл., Украина, несет изображение двузубца (Белецкий 2014а: 18, 37, рис. 20). На стороне «А» двух серебряных подвесок — № 40 (Белецкий 2004: № 40) из Гнёздово и № 59 (Ершова 2010: 284–289; Белецкий 2011б: 44–48) из Пскова — помещены изображения двузубцев; сторона «Б» этих подвесок несет изображения символов индивидуальных типов, соответственно, стяга и ловчей птицы в ошейнике. Подвеска № 59 происходит из погребения, совершенного не раньше 960-х — начала 970-х гг.; держатель ее был представителем одновременно Святослава Игоревича (двузубец) и его матери вдовствующей княгини Ольги (изображение птицы — родовой символ Ольги, Белецкий 2017: 38–50; 2018а: 57–63). Подвеска № 40 была изготовлена в годы великого княжения Святослава Игоревича, поскольку тот же мастер (Сорокин 2015: 123), изготовил одностороннюю подвеску № 136 из Винницкой обл.

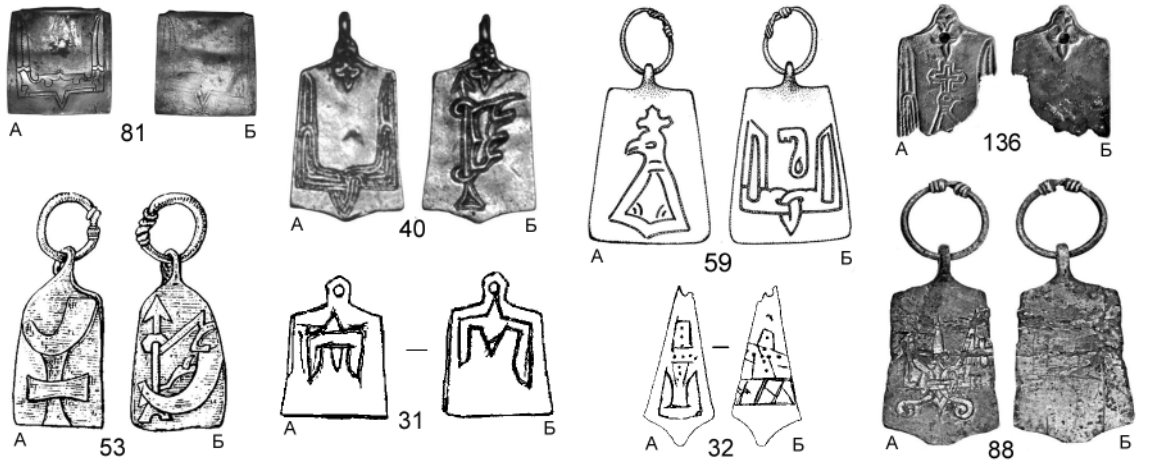

Рис. 1. Геральдические подвески. Группа 1. № 81 — Винницкая обл., Украина; № 40 — Гнёздово; № 59 — Псков; № 136 — Винницкая обл., Украина; № 53 — Каукай, Литва; № 31 — Новгород; № 32 — Новгород; № 88 — Украина

с изображением трезубца Владимира Святославича, соединившего в себе двузубец отца и ловчую птицу бабки (Белецкий 2017: 38–50; 2018а: 57–63). Изображение двузубца с крестовидной ножкой, принадлежавшего Ярополку Святославичу, помещено на стороне «А» серебряной подвески № 53 из городища Каукай в Литве (Белецкий 2004: 252, 253, 318, рис. 19, 1, № 53), на стороне «Б» у этой подвески размещены два изобразительных символа индивидуальных типов — стяг и турий рог (рис. 1, *2*). На подвеске № 63 из Полтавской обл. (Украина) помещены двузубец Святослава и трезубец Владимира (Белецкий 2014а: 13, 28, рис. 3).

К ранней группе относятся две костяные подвески-игрушки. Одна из них (№ 31) происходит из Новгорода. Комментируя подвеску, В. Л. Янин писал: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; впоследствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин 1982: 149). Действительно, подвеска найдена в слое 26 яруса Троицкого раскопа, сформировавшимся в 954–973 гг. Однако на эти годы приходится не только момент перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, но и самое начало великого княжения Ярополка Святославича. И так как верхняя хронологическая дата подвески определяется началом княжения Ярополка, отмеченный факт переделки знака на подвеске приобретает особое значение.

Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что знаки на разных сторонах подвески разновременны. Напротив, тот факт, что дополнительный центральный зубец у трезубца «процарапан... очень легким штрихом», указывает на возможность иной реконструкции судеб подвески: первоначально на ее сторонах были размещены разные знаки, и только потом двузубец на одной из сторон был переделан в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне. Таким образом, владелец подвески первоначально считал себя представителем двух князей — владельца двузубца и владельца трезубца, а впоследствии объявил себя полномочным

представителем владельца трезубца, что и потребовало переделки двузубца на одной из сторон подвески в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.

Переделка знака на одной из сторон костяной новгородской подвески, безусловно, свидетельствует об изменении характера власти, которую хотел представлять ребенок, владелец подвески. Напомню, что на середину 970-х годов приходится борьба между Святославичами, завершившаяся гибелью в битве под Овручем Олега древлянского и бегством Владимира «за море» (ЛЛ: 74, 75). Комментируя эти события, О. М. Рапов писал: «По-видимому, древлянский и новгородский наместники рассматривали свои земельные владения, полученные от отца, а не от старшего брата, как полную безусловную собственность... Узнав о сепаратистских тенденциях Олега и Владимира, Ярополк решил пресечь их в корне. Ему удалось с помощью военной силы возвратить Руси отпавшие от нее земли» (Рапов 1977: 32, 33).

Отмеченное «редактирование» новгородской костяной подвески в полной мере соответствует данной реконструкции событий 977 г. Сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески первоначально считал себя представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского наместника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича (в статусе соправителя отца?). Переделка подвески потребовалась в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе, поскольку родовым двузубцем теперь стал пользоваться Ярополк. Заменив двузубец на трезубец, владелец подвески подчеркнул свою приверженность исключительно Владимиру Святославичу.

Еще одна костяная подвеска-игрушка (№ 32), найденная в Новгороде (Белецкий 2004: № 32), несет на стороне «А» изображение двузубца без ножки, а на стороне «Б» — поясок геометрического орнамента, над которым размещена крестообразная фигура, образованная двумя перпендикулярными рядами точек, стороны «креста» ограничены разомкнутыми трапециевидными фигурами. Я уже отмечал, что наиболее вероятными владельцами знаков без ножки являются княгини, пользовавшиеся упрощенными версиями княжеских знаков своих мужей (Белецкий 2004: 272–273). Судя по исключительной редкости знаков без ножек, случаи их использования были в каждом конкретном случае вызваны чрезвычайными обстоятельствами (например, вдовство владелицы знака). В частности, знак на новгородской подвеске принадлежал, вероятнее всего, княгине Ольге (†969), вдове Игоря Рюриковича.

Серебряная подвеска из собрания музея Шереметевых в Киеве (№ 88) несет на стороне «А» изображение трезубца, покрытого тонким слоем позолоты (рис. 1, *3*). На правом зубце трезубца имеется крестовидный отпятныш наружу. Уникальность для древнерусских княжеских знаков таких отпятнышей свидетельствует, что этот элемент не использовался при традиционных процедурах, связанных с наследованием княжеских знаков. На стороне «Б» подвески сохранилась графья-разметка нереализованного изображения двузубца: отчетливо читаются два зубца, основание двузубца, лишенное ножки, и разметка для двух лент плетенки. Очевидно, что первоначально на стороне «Б» предполагалось разместить парадное изображение двузубца без ножки.

Лица, от имени которых должен был выступать держатель подвески, имели непосредственное отношение к управлению державой Рюриковичей. Поэтому нереализованный двузубец на подвеске символизировал, вероятнее всего, вдовствующую княгиню Ольгу, а редактирование подвески, проведенное в процессе ее изготовления, было связано с кончиной княгини.

Трезубец на стороне «А» подвески должен принадлежать Владимиру Святославичу, внуку Ольги. Однако такой атрибуции трезубца противоречит упомянутый крестик-отпятныш на правом зубце, отличающий трезубец на подвеске от обычного трезубца Владимира. Решение загадки напрямую связано с событиями, происходившими на Руси в конце 960-х годов. На эти годы приходится война Святослава с Болгарским царством. В то время, когда Святослав обустраивался в Переяславце на Дунае, Киев, в котором находилась княгиня Ольга с малолетними внуками, осадили печенеги. Гонец, отправленный к Святославу, сообщил князю о случившемся. Святослав с дружиной вернулся и отогнал печенегов от города обратно в степь. В то время, когда Святослав был в Киеве, скончалась Ольга. После ее похорон великий князь посадил сыновей наместниками в Киеве (Ярополк), Древлянской земле (Олег) и Новгороде (Владимир) и вновь отправился вместе с дружиной в Переяславец. Таким образом, в начальный период балканских войн Святослава управление в Киевском государстве находилось в руках его матери, вдовствующей княгини Ольги. По-видимому, в отсутствие Святослава Ольга назначила своим соправителем младшего внука, и крестик-отпятныш, помещенный на правом зубце трезубца Владимира, имел единственное значение — продемонстрировать, что соправитель Ольги исполнял обязанности великокняжеского местоблюстителя. Показательно, что после смерти Ольги Святослав не утвердил ее решение о местоблюстительстве Владимира: княжича отправили вместе с дядькой-воспитателем Добрыней наместником в далекий Новгород, а наследником киевского престола был объявлен Ярополк, которому Святослав передал управление столицей государства (Белецкий 2018б: 53–57).

Группа 2 (рис. 2)

Большинство подвесок, объединенных в эту группу, односторонние. На стороне «А» помещены изображения трезубцев Владимира Святославича, стилистически близкие трезубцам на сребрениках Владимира типов II–IV (Сотникова, Спасский 1983: 69−81; Сотникова 1995: 181–192). Сторона «Б» чаще всего лишена изображений. Таковы серебряные подвески № 73 из Черниговской обл., Украина (Белецкий 2014а: 13, 28, рис. 4), № 110 (Белецкий 2015а: 185, 191, рис. 3), № 139 (Белецкий 2015б: 218, 220, рис. 1, *139*) и № 160 из Клещина (Белецкий 2015б: 221), а также подвески из медных сплавов № 141 (Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, *141*), № 142 (Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, *142*) и № 158 (Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, *158*) из Черниговской обл., Украина.

У серебряной подвески № 29 из Новгорода на стороне «Б» имеется граффито. А. А. Молчанов не исключал, что надпись состоит из скандинавских рун, хотя и подчеркивал, что «специалисты-рунологи… не считают эту надпись рунической» (Молчанов 1976: 72). Однако, на мой взгляд, более убедительное чтение предложил

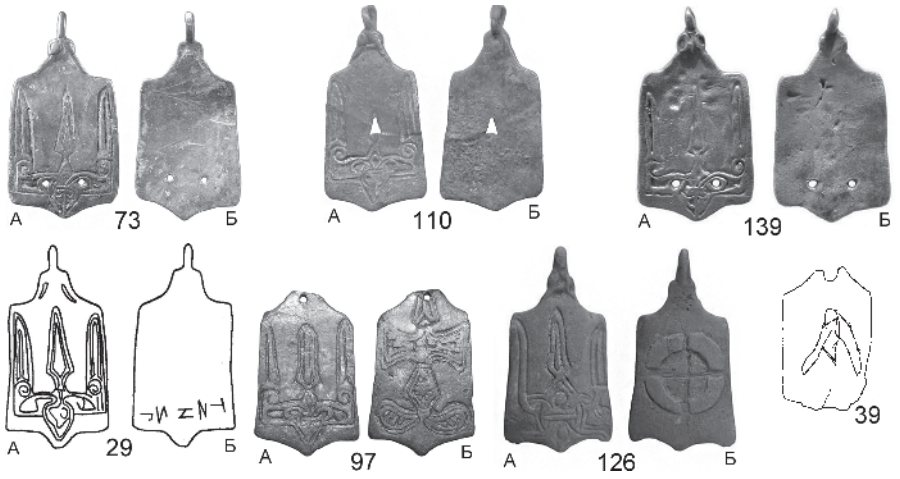

Рис. 2. Геральдические подвески. Группа 2. № 73, 110, 139— неизвестно;
№ 29 — Новгород; № 97 — Полоцк, Беларусь; № 39 — Прудянки; № 126 — неизвестно

Ю. К. Кузьменко: исследователь увидел в загадочных «рунообразных» знаках буквы кириллического алфавита (TZHSГ) и полагал (Кузьменко 1982: 247–251), что здесь имеет место аббревиатура, основанная на наименовании букв: Т(верда) Z(емля) Н(аша) S(ело) Г(лаголи).

Две подвески из медных сплавов — № 42 (Белецкий 2004: 256, 314, рис. 15, *2*) из Передольского погоста и № 97 из Полоцка (Белецкий 2014а: 15, 32, рис. 10), отлитые в одной форме, несут на стороне «Б» изображение процветшего креста. У подвески № 126 (Белецкий 2015б: 216, 218, рис. 1, *126*) на стороне «Б» размещен так называемый кельтский крест.

Костяная подвеска с изображением трезубца Владимира Святого (№ 39) происходит из с. Прудянки на верхнем Днепре (Белецкий 2004: № 39). Публикуя эту подвеску, Б. А. Рыбаков отмечал, что «по форме она очень близка к киевской и белгородской подвескам... Знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей» (Рыбаков 1940: 239, 240, рис. 38). А. А. Молчанов подчеркивал, что подвеска «оказалась случайно поцарапанной с обеих сторон» и причислена к рассматриваемой группе памятников ошибочно (Молчанов 1976: 77). Однако на фотографии, которую, по моей просьбе, сделал в фондах ГИМ Ю. М. Лесман, отчетливо читается трезубец Владимира (Белецкий 2011а: 47, 48), причем не схематичный, как это полагал Рыбаков, а «парадный», хотя и выполненный крайне неумело. Полагаю, что подвеска из Прудянок являлась детской игрушкой, имитирующей подлинные верительные знаки. Еще одна костяная подвеска-игрушка с изображением трезубца Владимира (№ 58) происходит из Новгорода (Белецкий 2014а: 13).

Группа 3 (рис. 3)

Подвески, составляющие эту группу, несут изображения на обеих сторонах. Многие из знаков нам уже известны. На трех подвесках из медных сплавов — № 34 из Победища, близ Старой Ладоги (Белецкий 2004: 257, 310, рис. 11, *3*), № 146 из Смоленской обл. (Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, *146*) и № 129 (Белецкий 2015б:

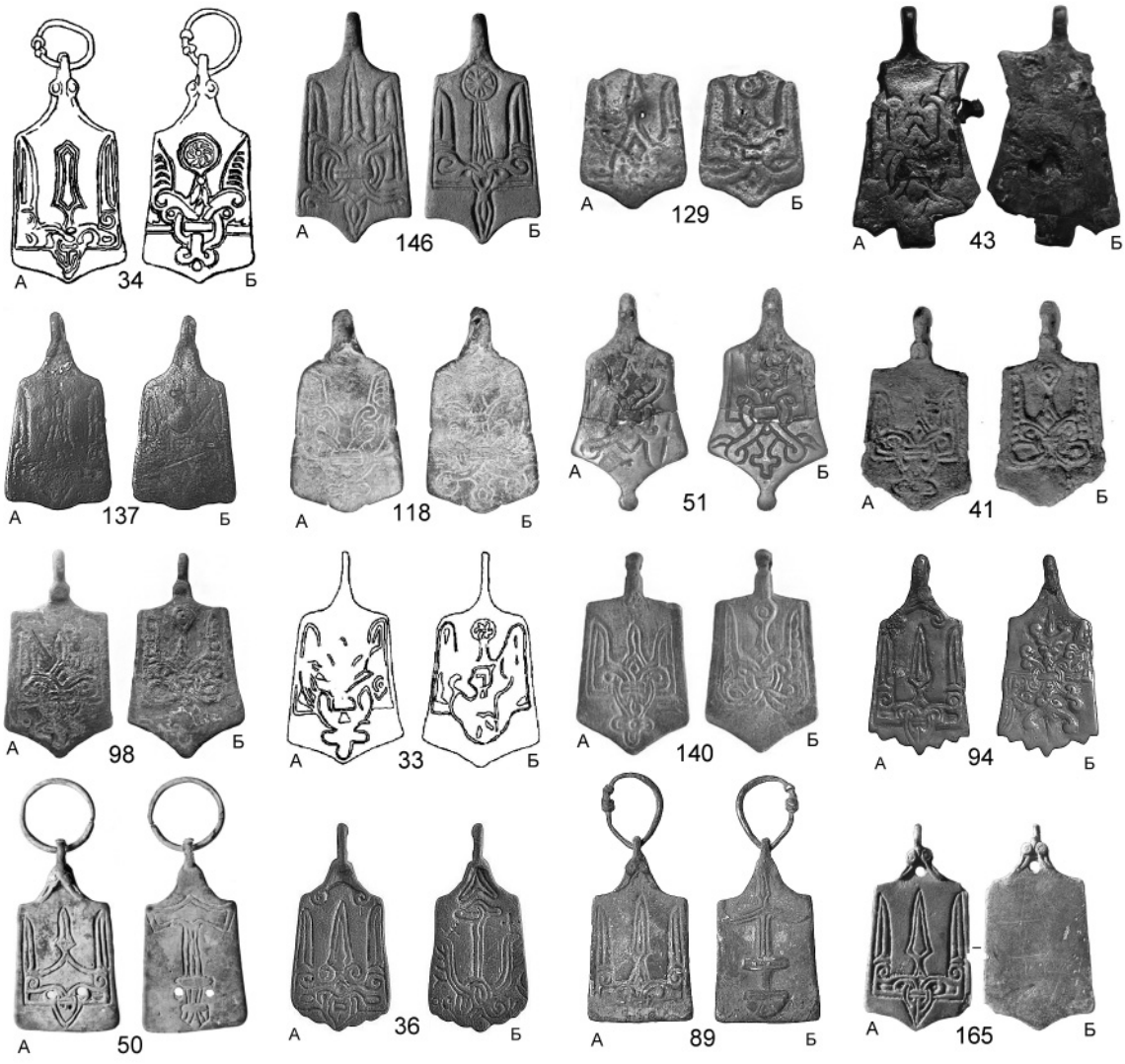

Рис. 3. Геральдические подвески. Группа 3. № 34 — Победище, близ Старой Ладоги; № 146 — Смоленская обл.; № 129 —неизвестно; № 43 — Чернигов, Украина; № 137, 118 — неизвестно; № 51 — Кельгининский могильник, Мордовия; № 41 — Ильменское Поозерье; № 98 — неизвестно; № 33 — Рюриково городище близ Новгорода; № 140, 94 — неизвестно; № 50 — Рождественский могильник, Прикамье; № 36 — Киев, Украина; № 89 — Седнев, Украина; № 165 — Каспля, Смоленская обл.

216, 218, рис. 1, *129*) — на стороне «А» помещено изображение трезубца Владимира Святославича, а на стороне «Б» — изображение трезубца Ярослава Владимировича.

На стороне «А» у подвески № 43 из Чернигова (Новик, Белецкий 2010: 51–55; Белецкий 2015в: 28–32) помещено изображение трезубца Владимира Святого. На стороне «Б» отчетливо читается графья — разметка для изображения трезубца, оставшаяся нереализованной. Трезубец, который предполагалось разместить на стороне Б этой подвески, вряд ли принадлежал самому Владимиру — случаи размещения на обеих сторонах геральдической подвески одинаковых знаков не известны.

Следовательно, на стороне «Б» планировалось изобразить трезубец одного из сыновей Владимира Святославича. Изменения, внесенные в оформление подвески на стадии изготовления, превратили владельца данного верительного знака из потенциального представителя великого князя и князя-наместника в представителя исключительно великого князя. Велика вероятность того, что за редактированием верительного знака скрыта утрата юрисдикции князем-наместником. Вряд ли это было связано с физической смертью княжича: на место ушедшего из жизни князя-наместника Владимир обычно назначал нового[2]. Не могло ли редактирование верительного знака явиться следствием решения великого князя Владимира лишить одного из сыновей стола? На память сразу приходят события 1014 г., когда новгородский князь-наместник Ярослав отказался платить ежегодный «урок» Киеву, и Владимир собрался идти войной на мятежного сына[3]. Именно такое решение и должен был бы принять великий киевский князь перед карательным походом. Конечно, поверхность стороны «Б» у черниговской подвески сильно разрушена коррозией, но, тем не менее, над разметкой центрального зубца трезубца, как будто бы угадывается фрагмент графьи, обозначавшей кружок. Если это не случайные каверны, то трезубец на стороне «Б» должен был быть изображением лично-родового знака Ярослава Владимировича.

На стороне «А» подвески № 137 (Белецкий 2015б: 218, 220, рис. 1, *137*) помещено изображение трезубца Владимира Святославича. На стороне «Б» этой подвески размещено изображение трезубца Изяслава Владимировича.

Массивная подвеска № 118 из медного сплава (Белецкий 2015а: 186, 187, рис. 9) несет на стороне «Б» изображение трезубца Ярослава Владимировича. На стороне «А» помещено изображение двузубца. А. А. Алфёров полагает, что «по спадковій лінії двозуб могли використоувати нащадки князя Ярослава Володимировича — сини та онуки … Найбільшу подібність … має двозуб Володимира Всеволодовича Мономаха. Він так само перехрещений знизу. Логично припустити, що ймовірним володарем знака міг бути Всеволод Ярославич» (1000 років: 88). Полагаю, нет никаких оснований считать, что сыновья Ярослава Владимировича использовали в качестве лично-родовых знаков двузубцы. Если у знака на стороне «А» ножка действительно крестовидная, его можно было бы атрибутировать Ярополку Святославичу, пользовавшемуся таким двузубцем при жизни отца, то есть до 971 г. Однако Ярополк был убит за три года до рождения Ярослава (Войтович 1992: 16), так что лично-родовые знаки этих князей не могли быть помещены на одной геральдической подвеске. Кроме того, и это самое главное, ножка у двузубца на стороне «А» подвески № 118 при внимательном рассмотрении оказывается не крестовидной — за перекрестие приняты орнаментальные завитки, отходящие вправо и влево от основания треугольной ножки. Следовательно, на подвеске помещено парадное изображение простого двузубца. При жизни Ярослава таким двузубцем пользовался

[2] «Оумершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде» (ЛЛ: 121).

[3] «Ярославу же сущю Новегороде и оурокомъ дающю Кыеву две тысяче гривне от года до года, а тысячю Новегороде гридем раздаваху. А тако даяху вси посадници новъгородьстии, а Ярослав сего не даяше к Кыеву, отцю своему. И рече Володимер: требите путь и мостите мостъ, — хотяшет бо на Ярослава ити, на сына своего» (ЛЛ: 130).

только его кузен, Святополк Ярополчич, так что двузубец на подвеске, очевидно, принадлежал именно ему.

В знаке, изображенном на стороне «А» подвесок № 51 и № 52, найденных в Кельгининском могильнике в Мордовии (Белецкий 2004: 259–261, 317, рис. 18, *1, 2*; 2006), опознается трезубец Владимира Святого (вариант с обратной ориентировкой боковых зубцов). Трезубец, изображенный на стороне «Б», чрезвычайно близок трезубцу Владимира Святославича, отличается от него формой ножки, которая опирается на крест. Изменение исходного знака путем добавления к треугольной ножке креста интерпретируется как отличие между знаками отца и старшего сына, так что трезубец на стороне «Б» с наибольшим вероятием принадлежал старшему сыну Владимира Святого, Вышеславу Владимировичу (†1010).

Знак Вышеслава Владимировича зафиксирован также на стороне «А» подвесок № 8 (Белецкий 2004: 262–265, 308, рис. 9), № 41 (Белецкий 2004: 262–265, 314, рис. 15, *1*), № 98 (Белецкий 2014а: 15, 32, рис. 11), № 33 (Белецкий 2004: 262–265, 310, рис. 11, *5*), № 114 (Белецкий 2015а: 186, 193, рис. 8), № 145 (Белецкий 2015б: 219, 220, рис. 2, *145*) и № 140 (Белецкий 2015б: 218, 220, рис. 2, *140*); на стороне «Б» этих подвесок помещено изображение трезубца Ярослава Владимировича.

На стороне «А» подвески № 56, найденной близ Переяслава (Белецкий 2014а: 14, 31, рис. 8), и подвески № 94 (Белецкий 2014а: 14–15, 31, рис. 9) изображен трезубец Владимира Ярославича. У трезубца на стороне «Б» этой подвески боковые зубцы обращены в разные стороны, а центральный зубец повторен дважды: один раз он ориентирован параллельно правому зубцу, а второй раз — параллельно левому зубцу. Близ вершины центрального зубца размещены два симметричных завитка, так что вершина центрального зубца имела вид миниатюрного трезубца. Таким образом, трезубец на стороне «Б» отличается от знака Владимира формой вершины центрального зубца. Точно также отличаются от знака Владимира трезубцы его младших сыновей. Очевидно, знак на стороне «Б» подвесок № 56 и 94 также принадлежал одному из младших Владимировичей. Судя по месту находки подвески № 56, ее владелец осуществлял свою деятельность в Переяславе. Пребывание здесь чиновника, выступавшего одновременно от лица и самого великого князя, и его сына, возможно только в том случае, если сын являлся соправителем отца. Собственно говоря, в статусе соправителей великого киевского князя находились все сыновья Владимира Святого, отправлявшие обязанности князей-наместников. Однако нет никаких сведений о том, что кто-либо из сыновей Владимира Святого занимал переяславский стол. Напротив, в конце X — начале XI в. Переяслав не был стольным городом, а находился под непосредственным управлением великокняжеской администрации (Ляскоронский 1903: 231). Если считать подвеску из окрестностей Переяслава верительным знаком чиновника, осуществлявшего такое управление, единственным объяснением помещения на подвеске одновременно и трезубца Владимира Святого, и трезубца его сына является факт признания за сыном статуса престолонаследника. Полагаю, что претендентом на этот статус в период до 1013 г. следует считать ростовского князя Бориса Владимировича (†1015), и знак на стороне «Б» подвесок № 56 и 94 следует с известной гипотетичностью персонифицировать именно ему (Белецкий 2011б: 44, 45; 2012: 463).

Подвеска № 164 сильно фрагментирована (Белецкий, Михайлов 2017: 335–340). На стороне «А» сохранилось основание правого зубца и овал, наложенный

на основание зубцов; внутреннее пространство овала заполнено традиционным плетеным орнаментом. На стороне «Б» отчетливо читается четырехконечный крест с кружком в средокрестии. Левый конец перекладины и основание мачты оформлены в виде петель. Правый конец перекладины в основном утрачен. Верхняя часть мачты имеет вид усеченной петли, на которую опирается практически полностью утраченное изображение. Очевидно, что на стороне «А» размещалось изображение трезубца с широкими боковыми зубцами и узким центральным зубцом, опирающимся на овал, верхняя часть которого являлась основанием зубца, а нижняя представляла собой треугольную ножку знака. На стороне «Б» было помещено изображение двузубца или трезубца, треугольная ножка которого опиралась на крест.

На ряде подвесок трезубец Владимира сопровождают изобразительные символы индивидуальных типов. На подвесках № 50 из Рождественского могильника близ Перми (Белецкий 2004: 258, 259, 310, рис. 11, *2*), № 62 из Удмуртии (Белецкий 2014а: 13, 29, рис. 5) и № 93 (Белецкий 2014а: 13, 14, рис. 6) на стороне «Б» помещено изображение меча, переходящего в молот Тора. На подвесках № 35 (Белецкий 2004: 261, 262, 312, рис. 13, *1*) и № 36 (Белецкий 2004: 261, 262, 312, рис. 13, *2*) из Киева, № 80 из Витебской обл. (Белецкий 2014а: 17, 35, рис. 16), № 111 (Белецкий 2015а: 185, 186, 191, рис. 4) и № 133 (Белецкий 2015б: 217, 218, рис. 1, *133*) на стороне «Б» размещены якоревидные знаки. На подвеске № 89 из Седнева (Белецкий 2014а: 14, 30, рис. 7) на стороне «Б» помещено изображение меча, переходящее в копье. На подвеске № 165 (Белецкий 2018в: 372–381), найденной близ с. Каспля Смоленской обл., на стороне «Б» зафиксирована графья нереализованного изображения втульчатого наконечника копья.

Группа 4 (рис. 4)

На стороне «А» подвесок № 30 (Белецкий 2004: 265, 266, 310, рис. 11, *4*), № 57 (Белецкий 2014а: 15, 33, рис. 12), а также № 113 (Белецкий 2015а: 186, 193, рис. 7), № 161 (Белецкий 2015б: 219, 221, рис. 2, *160*) и № 162 (Белецкий 2015б: С. 219, 221, рис. 2, *161*) зафиксированы изображения трезубца Мстислава Владимировича; на стороне «Б» тех же подвесок помещены изображения трезубца Ярослава Владимировича. Эти подвески иллюстрируют известное по письменным источникам соправительство Ярослава и Мстислава Владимировичей (*ЛЛ*: 149, 150) и могут быть датированы временем от 1026 г. (Городецкий мир, положивший начало дуумвирату Владимировичей) до 1034 г. (кончина Мстислава).

Трезубец Ярослава Владимировича зафиксирован на стороне «Б» подвесок № 37 (Белецкий 2004: 266–268, 310, рис. 11, *6*) и № 112 (Белецкий 2015а: 186, 192, рис. 5). На стороне «А» этих подвесок помещено изображение трезубца, центральный зубец которого увенчивает изображение птицы. Знак отличается на один элемент от трезубца Владимира Святого, причем отличие совершенно аналогично отличию от знака Владимира трезубцев его сыновей — Изяслава, Ярослава и Мстислава. Очевидно, знак, помещенный на стороне «А», принадлежал еще одному сыну Владимира Святого. Птица на вершине центрального зубца трезубца напоминает о родовом символе Ольги, передавшей незадолго до смерти права на свои отчинные владения — Псков и его округу — внуку Владимиру (Белецкий 2017: 38–50; 2018а:

Рис. 4. Геральдические подвески. Группа 4. № 30 — Новгород; № 57 — неизвестно; № 37—окрестности Киева, Украина; № 112 — неизвестно; № 28 — Новгород; № 101, 130 — неизвестно; № 131 — Черкасская обл., Украина

57–63). Поэтому напрашивается персонификация знака на стороне «А» Судиславу Владимировичу, получившему из руки отца именно псковский княжеский стол (Ник.: 57).

На сторонах «А» у подвесок № 28 (Белецкий 2004: 268–271, 309, рис. 10, *2*), № 38 (Белецкий 2004: 268–271, 309, рис. 10, *1*) и № 101 (Белецкий 2014а: 16–17, 34, рис. 15; 2014б: 140) изображен трезубец Брячислава Изяславича. На сторонах «Б» помещены изображения трезубца, центральный зубец которого завершается кружком, а ножка опирается на крест. Если наследование знака сыновьями Ярослава Мудрого происходило по тем же правилам, по которым происходило наследование знака сыновьями Владимира Святого, то этот трезубец может быть персонифицирован Владимиру Ярославичу, посаженному на новгородский стол в 1034 г. в возрасте 14 лет (Войтович 1992: 30–31). Его старший брат, Илья, умер младенцем (Войтович 1992: 30), так что в момент своего первого вокняжения Владимир являлся старшим среди Ярославичей, и присвоение ему знака старшего сына представляется весьма вероятным.

На стороне «Б» подвески № 130 (Белецкий 2015б: 217, 218, рис. 1, *130*) изображен трезубец Владимира Ярославича. Завершение центрального зубца у трезубца на стороне «А» имеет вид треугольника, обращенного острием вверх, а треугольная ножка дополнена крестиком. Предполагая, что знак является производным от трезубца с треугольником на вершине центрального зубца и треугольной ножкой, я считаю, что наиболее вероятным владельцем трезубца на стороне «А» подвески № 130 был старший сын одного из сыновей Владимира Святого. Аналогией знаку являются изображения трезубцев в гончарном клейме из Вышгорода (Белецкий 2014в: 360, рис. 2, *4*) и на топорике из могильника Шекшово в Суздальском Ополье (Белецкий 2014г: 67, рис. 2, *2*). Однако между этими трезубцами и знаком на подвеске имеется существенное различие: ножка у трезубцев на топорике и в гончарном клейме имеет вид треугольника, обращенного острием вниз, в то время как ножка на стороне «А» подвески № 130 дополнена крестиком. Наиболее вероятным владельцем трезубца на подвеске, таким образом, был старший сын владельца

знака, помещенного на топорике и в гончарном клейме. Ранее я предполагал, что знак на топорике мог принадлежать сыну Владимира Святого Всеволоду (Белецкий 2014г: 65–72). Правда, о потомках Всеволода в письменных источниках сведений, как будто бы, нет (Войтович 1992: 16).

Центральный зубец трезубца на стороне «А» односторонней подвески № 131 завершается трезубой короной, а треугольная ножка опирается на крест. Предполагая, что знак является производным от трезубца с короной на вершине центрального зубца и простой треугольной ножкой, я считаю, что наиболее вероятным владельцем реконструированного знака был один из младших сыновей Владимира Святого. Пока нам остаются неизвестны трезубцы, принадлежавшие Святославу, Глебу, Станиславу и Позвизду Владимировичам. При этом Позвизд, как будто бы, погиб ребенком (Белецкий 1998: 59–61), а Глеб и Станислав не оставили потомков. Только у Святослава был сын Ян (Войтович 1992: 16, 21, 24), которому я и решаюсь персонифицировать трезубец на подвеске № 131. В таком случае, реконструированный знак принадлежал Святославу Владимировичу.

Подвеска № 64 побывала в пожаре, поверхности обеих сторон грубо зачищены во время антикварной «реставрации». На одной из сторон подвески сохранился фрагмент изображения, первоначально принятого за процветший крест (Белецкий, Тарлаковский 2011: 104–105). Вероятнее, однако, что это фрагмент крестовидной ножки трезубца, изображенного на подвеске зубцами вниз, в окружении лент плетеного орнамента (Белецкий 2014а: 15, 33, рис. 13).

На стороне «А» подвески № 127 (Белецкий 2015б: 116, 118, рис. 1, 127) помещено изображение трезубца, ориентированного зубцами вниз. Левый зубец вертикальный, с кинжаловидным (?) завершением. Правый зубец не сохранился, а от центрального зубца в площадь фрагмента вошло только основание и переход к ножке. Треугольная ножка, образованная нижней частью овала, составляющего основание центрального зубца, опирается на крест. В пространстве между крестом и острием треугольной части ножки отчетливо читаются два симметричных завитка. Подвеска чрезвычайно близка подвеске № 64. Не исключено, что обе они были отлиты в одной форме.

Попробую подвести некоторые итоги предпринятого обзора древнерусских геральдических подвесок X–XI вв. Прежде всего, отметим, что распределение металлических подвесок по хронологическим группам достаточно выразительно (табл. 2).

Таблица 2

Распределение металлических подвесок по хронологическим группам

	Белый металл	Медные сплавы, полуда	Медные сплавы	Всего
Группа 1	7	–	–	7
Группа 2	5	4	2	11
Группа 3	8	2	18	28
Группа 4	3	–	11	14
Всего	24	6	30	60

В группе 1 представлены пока только подвески из белого металла (серебра). В группе 2 есть подвески из белого металла, из медных сплавов, плакированные светлым металлом (полуда) и из медных сплавов. При этом, около половины находок составляют подвески из белого металла. В группе 3 также есть подвески из белого металла, из медных сплавов, плакированные светлым металлом и из медных сплавов, однако их соотношение принципиально иное — теперь более половины находок представлено подвесками из медных сплавов. Наконец, в группе 4 решительно преобладают подвески из медных сплавов.

Если плакировка подвески светлым металлом должна была имитировать белый металл (серебро), то картина оказывается еще более выразительной (табл. 3).

Таблица 3

Распределение металлических подвесок по хронологическим группам

	Белый металл и его имитация	Медные сплавы
Группа 1	7	–
Группа 2	9	2
Группа 3	10	18
Группа 4	3	11
Всего	30	30

В первой половине — середине X в. княжеские чиновники использовали в качестве верительных знаков исключительно подвески из белого металла. Такие же верительные знаки преобладали и в годы единоличного великого княжения Владимира Святославича (980–988), хотя в это время появляются и верительные знаки, изготовленные из медных сплавов. Но уже в годы великого княжения Владимира Святого и его наместников (988–1015) значительно увеличилась группа чиновников, инсигниями власти которых являлись подвески из медных сплавов. А после смерти Владимира Святого (†1015) в княжеском аппарате преобладали носители подвесок из медных сплавов.

Заслуживает внимания география находок геральдических подвесок. Правда, места находок известны далеко не для всех предметов. Тем не менее, очевидно, что геральдические подвески найдены не только на территории древнерусского государства, но и за его пределами — от Прикамья на востоке до Понеманья и низовьев Даугавы на западе и от Ладожской округи на севере почти до Приднестровья на юге. В большинстве мест найдено по одной подвеске. Исключение составляет Киев и его округа, откуда происходят четыре находки, Кельгининский могильник в Мордовии, в погребениях которого найдены две одинаковые подвески, а также Новгород и его округа, где обнаружены восемь подвесок, три из которых костяные (табл. 1).

Наиболее выразительным оказывается картирование находок по выделенным хронологическим группам (Белецкий 2014д: 85–88; 2015б: 226, 227, рис. 3–6). В первой половине — середине X в. геральдические подвески зафиксированы в пределах территории собственно Руси — от Новгорода и Пскова до среднего Поднепровья и левобережья Днестра. За пределами Руси найдена всего одна подвеска — на городище Каукай в Понеманье.

В годы единоличного великого княжения Владимира Святославича геральдические подвески были распространены на Новгородчине, в Подвинье и на Киевщине. За пределами владений киевских князей подвески этого времени пока не найдены.

В годы княжения Владимира Святого и его наместников геральдические подвески распространились на заметно большей территории по сравнению с предшествующим временем: находки подвесок теперь зафиксированы не только на Новгородчине, в Верхнем Подвинье, Киевщине и Черниговщине, но также к востоку от Руси — на территории Мордовии и в Прикамье, и к западу — в низовьях Даугавы.

В годы, последовавшие за смертью Владимира Святого, геральдические подвески зафиксированы в Новгороде, Подвинье и на Киевщине. Однако для этого времени находки геральдических подвесок сравнительно немногочисленны. Не исключено, что редкость находок объясняется начавшейся заменой верительных знаков на верительные грамоты, скрепленные печатями.

В заключение несколько слов о том, кто был держателем геральдических подвесок. Уже А. В. Орешников не сомневался в официальном характере подвесок (Орешников 1930: 95). Комментируя четыре подвески из медных сплавов, Б. А. Рыбаков соотнес их с татарскими пайцзе и отмечал: «Вполне возможно, что киевские князья давали эти знаки, своего рода верительные грамоты, своим посадникам, даньщикам, тиунам, вирникам» (Рыбаков 1940: 239). А. А. Молчанов сопоставил геральдические подвески с «печатями», упомянутыми в договоре 944 г.: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени» (ЛЛ: 47; ИЛ: 36–37). Исследователь отметил, что «ранговые степени (подвесок. — *Авт.*) различались по металлу, из которого они изготовлены» (Молчанов 1976: 83), и полагал, что «кроме княжеских чиновников различных рангов ими, по-видимому, пользовались послы и купцы-„гости“» (Молчанов 1996: 32).

В договоре 944 г. названы две группы «печатей» — золотые, которые носили послы, и серебряные, принадлежавшие гостям. Если А. А. Молчанов прав в том, что «печати», упомянутые в тексте договора, — это именно геральдические подвески, то соответствие для «печатей» договора 944 г. следует искать, прежде всего, среди подвесок группы 1. Все они, кроме двух костяных, изготовлены из низкопробного серебра. Поэтому велика вероятность того, что эти подвески являлись верительными знаками именно «гостей», использовавших серебряные «печати» в качестве инсигний власти и позднее — во второй половине X — XI в.

Вопрос о золотых верительных знаках, принадлежавших «послам», пока остается открытым, поскольку золотые геральдические подвески до настоящего времени не обнаружены. Не исключено, впрочем, что посольские «печати» могли быть не золотыми, а позолоченными, тогда верительными знаками послов являлись серебряные подвески № 81 и 88 со следами золочения на стороне «А».

Вопрос о носителях подвесок из медных сплавов остается открытым. Пока очевидно лишь, что должностные лица, получавшие в качестве инсигний власти такие подвески, появились в структуре княжеского аппарата в годы единоличного правления Владимира Святославича, а уже к рубежу X–XI вв. составляли в этом аппарате значительное большинство.

Заметим, что костяные подвески-игрушки представлены только в группах 1 и 2, то есть в тех группах, в которых решительно преобладают подвески из белого

металла или их имитации. Очевидно, что в глазах детей престижным был статус лиц, являвшихся носителями именно таких подвесок, статус же носителей подвесок из медных сплавов не вызывал интереса, и, уж во всяком случае, деятельность этих чиновников не была образцом для подражания.

Литература

1000 років 2013 — 1000 років української печатки. Київ. Інститут історії України. 2013. 503 с.

Белецкий 1998 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в кургане 61 Шестовицкого могильника? // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб.: СИААМЗ, 1998. С. 59–61.

Белецкий 2004 — *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 243–319.

Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Знаки на геральдических подвесках из Кельгининского могильника // SP. 2003–2004. № 6. С. 451–452.

Белецкий 2011а — *Белецкий С. В.* Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси // ГИМ. Нумизматические чтения 2011 года. Памяти А. В. Фомина. Москва, 21–22 ноября 2011 г. ТДиС. М.: ГИМ, 2011. С. 47–48.

Белецкий 2011б — *Белецкий С. В.* Две древнерусские геральдические подвески // АИППЗ. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.). М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 44–48.

Белецкий 2012 — *Белецкий С. В.* Древнейшая геральдика Руси // Повесть Временных лет. СПб.: Вита-Нова, 2012. С. 431–463.

Белецкий 2014а — *Белецкий С. В.* Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. ММНК «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». Старая Ладога, 12–13 июля 2013 г. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 12–54.

Белецкий 2014б — *Белецкий С. В.* Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // SP. 2014. № 5. С. 139–145.

Белецкий 2014в — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // АИППЗ. Материалы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 358–387.

Белецкий 2014г — *Белецкий С. В.* Топорик из Суздальского Ополья // SP. 2014. № 6. С. 65–72.

Белецкий 2014д — *Белецкий С. В.* Геральдические подвески Древней Руси: география находок // Толочко П. П. (наук. ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яти А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 85–88.

Белецкий 2015а — *Белецкий С. В.* Новые находки древнерусских геральдических подвесок (материалы к своду) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская

земля в эпоху средневековья. Вып. 5. Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века Русской истории». Старая Ладога, 13 июня 2015 года. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 184–199.

Белецкий 2015б — *Белецкий С. В.* Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. // SP. 2015. № 6. С. 215–229.

Белецкий 2015в — *Белецкий С. В.* Еще раз о геральдической подвеске из Чернигова // Костылёва Е. Л., Аверин В. А. (редкол.). Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. IV. К 60-летию А. В. Уткина. Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. С. 28–32.

Белецкий 2016а — *Белецкий С. В.* Древнерусские геральдические подвески (дополнение к своду) // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск: Редакционно-издательский отдел Брянского ГУ, 2016. С. 24–30.

Белецкий 2017 — *Белецкий С. В.* Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича // Толочко О. П. (відповідальний ред.). Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Laurus, 2017. С. 38–50.

Белецкий 2018а — *Белецкий С. В.* О происхождении трезубца Владимира Святого // Геральдика: исследования и практика. Конференция, посвященная 25-летию воссоздания Геральдической службы в Российской Федерации. 20–22 февраля 2017 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. С. 57–63.

Белецкий 2018б — *Белецкий С. В.* Загадки геральдической подвески № 88 // SP. 2018. № 6. С. 53–57.

Белецкий 2018в — *Белецкий С. В.* Геральдическая подвеска из-под Смоленска // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. Памяти Г. В. Глазыриной. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 372–381.

Белецкий Тарлаковский 2011 — *Белецкий С. В., Тарлаковский Л. С.* Новые находки геральдических подвесок // XVI ВНК. ТДиС. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. С. 104–105.

Белецкий, Михайлов 2017 — *Белецкий С. В., Михайлов А. В.* Геральдическая подвеска с территории южной Псковщины // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 335–340 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Войтович 1992 — *Войтович Л. В.* Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ: Таурус, 1992. 199 с.

Ершова 2010 — *Ершова Т. Е.* Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. I. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010. С. 284–289.

ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 938 стб.

Кузьменко 1982 — *Кузьменко Ю. К.* Надпись-граффито на подвеске со знаком Рюриковичей // СА. 1982. № 1. С. 247–251.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 577 стб.

Ляскоронский 1903 — *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. 2-е изд. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1903. 510 с.

Молчанов 1976 — *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л.: Наука, 1976. С. 69–91.

Молчанов 1996 — *Молчанов А. А.* Верительные знаки в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб.: СИААМЗ, 1996. С. 32–35.

Ник. — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 9. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1862. 256 с.

Новик, Белецкий 2010 — *Новик Т. Г., Белецкий С. В.* Древнерусская геральдическая подвеска из Чернигова // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. II. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010. С. 51–55.

Орешников 1930 — *Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Серия VII. № 2. М.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 79–158.

Рапов 1977 — *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XI в. М.: МГУ, 1977. 264 с.

Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. Т. VI. М.; Л., 1940. С. 227−257.

Сорокин 2015 — *Сорокин И. Ю.* О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб.: Знакъ, 2015. С. 116–129.

Сотникова, Спасский 1983 — *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. 239 с.

Сотникова 1995 — *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М.: Банки и биржи, 1995. 318 с.

Янин 1982 — *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 138–155.

Р. Брузис
(Рига)

Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии

Оружие привлекало внимание общества во все периоды существования человечества. Его внешний вид, функция, а также семантика наполнялись разнообразным значением: начав с охотничьего орудия, уже в каменном веке оно стало символом защиты общинного имущества и жизни ее индивидов. В христианском мире средневековья оружие стало важным атрибутом справедливого суда.

Хронологические границы статьи охватывают промежуток времени с момента укрепления на рубеже XIII–XIV вв. типичной средневековой формы управления — Ливонской конфедерации, в которую входила и территория современной Латвии, — до ее развала в 1561 г. Становление Ливонской конфедерации совпало с расцветом тех процессов, которые в милитарной сфере в Европе начались в середине XIII в. и закончились с Семилетней войной (Roggers 2008: 21–58). С середины XIII в., при постепенной смене кольчуги пластинчатой броней, с изменением военной тактики и состава войска, большие изменения произошли и с комплектом наступательного оружия (The Cambridge History of Warfare 2005: 84–96). В Ливонии эти процессы выкристаллизовались в ходе XIV в.: в боевой тактике увеличилось значение пехоты, а в конце века на вооружении появилось огнестрельное оружие. Конец исследуемого периода ознаменовался широкими и комплексными изменениями, которые в европейском военном деле произошли в период с 1560 по 1660 г. В Ливонии этот процесс фиксируется во второй половине XVI в. В военном отношении это привело к краху устаревшей стратегии и тактики Ливонского ордена в последних его сражениях (Zeids 1961: 2–11). В то же самое время стремительно приходит на смену отвечающее военным веяниям нового времени стандартизированное вооружение.

Так как любое оружие является активным элементом, который всегда стремится к преодолению защитного вооружения, то и в Ливонский период оно отражало развитие военной мысли в обществе и определяло тактику боя. В результате успешного применения средств ближнего боя изменяется физическое состояние воздействуемого объекта, а также исчезает боеспособность противника и уменьшается мотивация к нападению. Достижение этих целей обладало определенным престижем в средневековом обществе, которое было идеологически мотивированно к войне. Битва, которая выигрывалась в ближнем бою, являлась частью неписанного морального кодекса благородного воина, что подтверждается правилами рыцарских турниров, а также тем обстоятельством, что элитная часть войска XIV–

XVI вв. — тяжеловооруженная кавалерия — как правило, не пользовалась оружием дальнего боя. Право на ношение оружия ближнего боя в средневековье — это признак свободного человека, которое было неразрывно связано с возможностью защитить себя.

Хотя на практике человек всегда стремился использовать именно боевое оружие, вне реальной схватки всё-таки безопаснее было применять его реплики или бутафории. Бутафорией обозначается копия реального оружия, которая в условиях настоящего боя не приводит к смерти противника. Хотя внешне реплика мало отличалась от настоящего оружия, ее боевая неэффективность обусловливалась либо использованием отличного от оригинала материала, например, более легкого, либо уменьшением толщины боевой части или рукояти. В результате вес бутафории снижался, что уменьшало инерцию колющего или режущего удара. Это могло дополняться использованием более легкого и хрупкого материала, которым чаще всего являлось дерево, что уменьшало сопротивление «боевой» части по отношению к объекту применения. Функции бутафорий были самыми различными — реплики оружия использовались в качестве реквизита в театральных постановках, в виде декорации у скульптур библейских героев или как инсигнии в похоронных ритуалах. В то же самое время бутафории надо четко отделять от встречаемых в латвийском археологическом материале детских игрушек и сознательно изготовленного в миниатюрном виде оружия.

Бутафории мечей

Части и детали подражаний люксового оружия — меча — найдены в Риге, на улице Лиела Пилс (RVKM[1], VI, 166 /310) и на кладбище Берзгалес Вайди в Латгале (LNVM[2], A, 12228: 75). В Риге была найдена отломанная рукоять деревянного меча, которая состояла из сжимаемой в руке части и полукруглого набалдашника (рис. 1, *1*). Длина рукояти была 16,1 см, ширина — 5 см. Автор раскопок охарактеризовал набалдашник как полукруглый (Caune 1997: 131). После осмотра описываемой части деревянного меча спустя 46 лет после извлечения ее из сырого городского культурного слоя можно констатировать, что она приняла форму восьмиугольника. Хотя изменение очертаний произошло под воздействием процесса высыхания древесины, всё же четко просматривается, что стороны набалдашника выстругаены ножом именно угловатыми. Такая форма соответствует выделенному исследователем оружия Э. Окшоттом типу I-1 дисковидных набалдашников, использование которых датируется периодом с начала XIV в. по 1425 год (Окшотт 2006: 371–372). Исходя из размера рукояти, А. Цауне сделал вывод, что фрагмент отломался от деревянного оружия, которое юноши использовали при обучении фехтованию мечом (Caune 1997: 131). Схоже выполненный целый деревянный меч, который сохранился на длину 86 см, найден при раскопках Бреста в Белоруссии (Лысенко 1985: 322).

Более сложным назначением и семантикой обладал бронзовый набалдашник из захоронения № 29 кладбища Берзгалес Вайди (рис. 1, *2*). В инвентарь захоронения

[1] Музей истории Риги и мореходства (Рига, Латвия).

[2] Национальный музей истории Латвии (Рига, Латвия).

Рис. 1. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. *1–2* — мечи (*1* — Рига, Лиела Пилс, RVKM, VI, 166 /310; *2* — Латгале, кладбище Берзгалес Вайди, захоронение № 29, LNVM, A, 12228: 75); *3–4* — рубящие боевые ножи (*3* — Рига, церковь Св. Петра, RVKM, VRVM, 40979; *4* — Рига, Брунииеку 41, RVKM, VRVM, 40980); *5* — кинжал (Рига, котлован здания Министерства Финансов, RVKM, VRVM, 23295)

также входили навершие булавы, копье, кинжал и топор. Захоронение в целом датируется периодом с конца XIII по начало XIV в. (Atgāzis 1999: 19). Этот набалдашник, крепившийся в завершении рукояти рубящего меча, тоже принадлежит типу I-1 по Окшотту. Деталь выполнена многогранной, ее длина — 2,5 см, отверстие имеет ширину 1,7 см. Большой размер свидетельствует о том, что набалдашник крепился к двуручному мечу с массивной рукоятью и лезвием (Tomsons 2014: 131–132). На поверхности набалдашника в негативном рельефе выполнено изображение лилии, а на другой стороне — стилизированная фигура орла, что может свидетельствовать об использовании детали в качестве печати (Tomsons 2014: 131).

Надо отметить, что набалдашник рукояти меча должен был быть достаточно увесистым, чтобы сбалансировать массивное лезвие оружия. Найденная в захоронении № 29 кладбища Вайди деталь рукояти выполнена полой и весит всего 154 г, чего явно недостаточно, чтобы в бою можно было бы удобно манипулировать тяжелым мечом. Это позволяет видеть в данном набалдашнике инсигнию, т. е. набалдашник рукояти был выполнен из толстой бронзовой жести в качестве символической детали реального меча специально для нужд похоронного ритуала. Благодаря консервирующим свойствам бронзы, внутри набалдашника сохранились частички древесины рукояти (Vasks 1974: 14. att., 80. lpp.). Это достаточно весомое указание на то, что сам меч-инсигния был деревянным — бутафорией оружия. Останки древесины могли бы указывать и на деревянные накладки рукояти оружия, но внутри полого набалдашника нет признаков железа. Такое бутафорское оружие как инсигния служило символом власти, чина или социального статуса умершего. Надо упомянуть, что остальное оружие из инвентаря захоронения соответствует реально используемым в ближнем бою экземплярам, которые в Латвии хорошо известны по случайным находкам или по материалам раскопок слоев XIV в. Следует отметить, что в исторической действительности, как в ее отражении в иконографических источниках, так и в религиозных представлениях общества, оружие редко функционировало само по себе как контекстуально независимая единица. Это в полной мере относится и к контексту захоронения № 29 в Вайди. Комплект реального оружия здесь великолепно дополнил деревянный меч с почти реальным бронзовым набалдашником навершия рукояти. Только в отличие от остального оружия умерший при жизни бутафорией меча, скорее всего, не пользовался. Бронзовая деталь этого люксового оружия вместе с полированным навершием булавы акцентировала идентичность умершего, которую в качестве кода в виде приданного захоронению инвентаря безошибочно «считывали», сохраняли в памяти и позже об этом свидетельствовали присутствующие на похоронах.

Очевидно, захоронение № 29 на кладбище Вайди, особенно вследствие того, что оно содержало так же такой индикатор власти и высокого социального статуса, как булава (Atgāzis 1999: 26; Šnē 2002: 292), надо связать с каким-то вассалом местного происхождения, роль которого в дружине резекнского фогта Ливонского ордена превосходила значение легковооруженного пехотинца. Традиция помещения бутафорских мечей в могилу известна и на территории Эстонии — в составе инвентаря в захоронении № 248, датируемого концом XIII в., на кладбище Сиксала обнаружен изготовленный из железа плохого качества меч, перекрестье и набалдашник рукояти которого были изготовлены из кости (Laul, Valk 2007: 196, fig. 35).

Бутафории рубящих боевых ножей

На территории Латвии боевые рубящие ножи найдены в очень небольшом количестве — только семь экземпляров. Это оружие развилось из лангсакса, поздние предметы в Центральной Европе появились в XIII в., и их форма практически не претерпевала изменений вплоть до XVI в (Dolínek, Durdík 1996: 88). От меча данный вид оружия отличает односторонняя заточка плоскости лезвия, часто встречается ассиметрично выполненная рукоять. В свою очередь, главное различие между колющими и рубящими ножами, которое определяет принадлежность предмета к разным функциональным подгруппам, — это форма основания и острия лезвия. У рубящих ножей основание лезвия изготовлялось массивным — широким и утолщенным. Такое исполнение, которое часто напоминает рубящий зуб, обеспечивало большую инерцию основания лезвия в момент нанесения рубящего удара. Весь объем лезвия боевого ножа также был более массивным, армирование его обеспечивала толщина спинки. Форма и балансировка такого ножа указывают на его рубящую функцию, а таранный укол под углом в 90° по отношению к верхней части тела колющего этим оружием, не будет эффективен.

На территории Латвии известно только два образца боевых ножей, у которых в нижней части лезвия имеется рубящий зуб, и оба предмета — это именно подражания боевому оружию. Они найдены в Риге, в церкви Св. Петра (RVKM, VRVM[3], 40979) и на улице Бруниниеку 41 (RVKM, VRVM, 40980). Оба экземпляра выполнены из железной жести, причем форма лезвия, рукояти и размеры предметов поразительно схожи. Толщина жести спинки лезвия достигает всего 0,2 см, ширина боевой части — 5,3–5,4 см. Длина найденного на улице Бруниниеку ножа (рис. 1, *4*) составляет 55,1 см, а экземпляра из церкви Св. Петра (рис. 1, *3*) — 59,8 см. Длина рукоятей обоих ножей — 10,5 см. Спинка ножей, начиная с основания у рукояти на длину 27–35 см, прямая. В свою очередь последняя ее треть выгнута назад на 9–10°, формируя тем самым так называемый рубящий зуб. Форма и расположение рукоятей у обеих рижских находок одинакова и схожа с боевым ножом из замка Кокнесе. Спинка рукоятей и лезвия идут в одну линию. Рукоять выполнена в форме прямоугольника с утолщением в верхней части и пятью отверстиями для клепки накладок. Накладки могли быть из дерева или кости, но они не сохранились. Характерная для обеих бутафорий ножей форма лезвия у боевых ножей появилась в середине XIII в., но вплоть до конца XV в. такое оружие оснащалось симметричным перекрестьем от меча (Seitz 1981: 186–195). В свою очередь, асимметричные рукояти, характерные только для боевых ножей, которые мы видим у обоих рижских экземпляров, оружейники начали изготовлять с конца XV в. Форма рукояти обеих бутафорий характерна для типа боевых ножей, который снабжался круто выгнутым навершием (Marek 2006: ryc. 8). Обе бутафории боевых ножей выполнены настолько тщательно, что при быстром, поверхностном ознакомлении они оставляют впечатление реального боевого оружия. Это позволяет предположить, что они были выполнены тем же кузнецом, который изготовлял в Риге реальные ножи и кинжалы (Anteins 1976: 82). В ведении мастеров этого цеха находилась и ковка боевого ножа (Müller, Kölling 1982: 38). Принимая во внимание форму

[3] VRVM — шифр коллекции Музея истории Риги и мореходства (Рига, Латвия).

найденных в Риге экземпляров, надо думать, что образцом для изготовления обоих бутафорий служило реальное оружие.

Исторический контекст обоих находок одинаков — бутафории были изображениями реального боевого оружия в интерьере церквей. Найденный в церкви Св. Петра нож располагался на одном из 30 алтарей, который служил культу какого-нибудь святого или принадлежал одной из корпораций горожан (Neilands 2000: 17). Вероятно, копия боевого ножа была связана с изображенным на алтаре архангелом Михаилом, который в сценах, символизирующих борьбу и победу Господа над Сатаной, изображался с мечом, занесенным для рубящего, реже — колющего удара. В XVI в., когда рубящий боевой нож опять стал популярным оружием, его в своих произведениях стали изображать и скульпторы. В христианстве архангелу Михаилу приписывались четыре главные роли. С милитаризмом связана одна из них — архангел считался военачальником Божией рати в борьбе со Злым духом. Как предводитель триумфа небесных сил над силами преисподней Михаил наделялся всеми добродетелями духовного воина, при этом архангел изображался в сверкающих доспехах или кирасе, чаще всего держащим в руках меч и щит, реже — копье, которое всё же более традиционный атрибут для Св. Георгия. Самый частый сюжет для изображений с архангелом Михаилом — его триумф над Сатаной, который предстает в виде змеи, дракона или демона (Фергюсон 1998: 167). Библейское обоснование сюжета дается в Откровении Иоанна: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И извержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвергнуты с ним» (Откр. 12: 7–9).

Защита веры была одним из идеалов христианского воина, поэтому меч стал важным символом адептов культа Св. Михаила, который, помимо остальных семантических значений этого оружия, отражают иконографические источники XIV–XVI вв. и на территории Латвии. В период католицизма церковь была тем местом, где непосредственно через различные изобразительные источники, в том числе скульптуру, участники христианского культа адаптировали клерикальное послание, распознавали святых, участвовали в их почитании. В первой половине XVI в. одним из центральных опознавательных элементов архангела Михаила определенно был меч или рубящий боевой нож. Оружие, которое было изготовлено из металла, сверкало в интерьере церкви, в свою очередь, сама скульптура, скорее всего, была из дерева.

Интерьер церкви Св. Петра погиб 8 августа 1524 г. в ходе церковных погромов, когда алтари выносились на улицу, деревянные части сжигались, а негорящие детали топились в Даугаве. Можно предположить, что в суете погрома бутафория боевого ножа упала и затерялась в церкви, а с течением времени археологизировалась. Контекст археологизации бутофорного ножа с улицы Бруниниеку (улица находится на некотором отдалении от границ средневекового города) не устанавливается, но судьба его могла быть столь же схожей, насколько обе копии боевых ножей схожи по изготовлению.

Найденные в Риге бутафорские боевые ножи по типу рукояти и форме лезвия датируются периодом с рубежа XV–XVI вв. по середину XVI в. При этом конец использования обоих предметов в качестве детали церковного интерьера соотносится

с конкретным годом — 1524 г. Две бутафории, которые связаны с католическим интерьером и культом рижских церквей первой четверти XVI в., пока что являются единственным свидетельством использования на территории Латвии ножей с выгнутым лезвием и т. н. рубящим зубом. Это является доказательством существования реального, боевого прототипа, который визуализировал рижскому кузнецу ножей форму изготовляемых бутафорий.

Бутафории кинжалов

Проще, чем по размерам, бутафорию реального артефакта определить исходя из материала, из которого предмет изготовлен. В историческом центре Риги во время археологического наблюдения за строительством здания Министерства финансов (1938 г.) был найден изготовленный из дерева кинжал (RVKM, VRVM, 23295) (рис. 1, *5*). Его длина — 18,4 см, ширина лезвия 3,1 см, толщина — 0,8 см. За исключением большей толщины, форма и размер артефакта очень близки кинжалу, который был найден совсем рядом — на рижской Ратушной площади. По типологии польского исследователя оружия М. Левандовского, он принадлежит кинжалам подварианта Б-1б, для которых характерно в верхней части расширенное и ассиметричное лезвие, причем ось рукояти и лезвия не соединяются, а идут параллельно (Łewandowski 1986: tabl. I).

На территории Латвии кинжалы подварианта Б-1б найдены при раскопках замков Кокнесе (LNVM, VI, 62, 141, 2539, 2795, 7173), Резекне (LNVM, VI, 270, 255), а также в захоронении № 389 кладбища Веселава в Видземе (LNVM, A, 13676, 159). В виде случайных находок три предмета обнаружены в Старой Риге: квартал между улицами Вальню, 13 января, Сталлю и Калею (RVKM, VRVM, 41149/4006), на Ратушной площади (RVKM, VRVM, 41235/6649), котлован здания Министерства финансов (RVKM, VRVM, 23295). Один предмет известен с одного из островов озера Лубанас в Восточной Латвии (LdNM[4], 1911). Из всех приведенных экземпляров целыми сохранились кинжалы из Кокнесе, кладбища Веселава и острова на озере Лубанас, их длина колеблется от 14,8 до 22,1 см. У остальных экземпляров полностью или частично недостает втулки, а также кончика острия. Длина клинка кинжалов от 15,1 до 19,9 см, ширина — от 1,8 до 3,2 см, толщина спинки от 0,5 до 0,6 см. Острие лезвия выполнено под углом в 18°–30°. Его конечная часть отогнута назад относительно основания лезвия под углом 3–7°.

У найденных на территории Латвии кинжалов лезвие имеет так называемый зуб — со второй или третей трети лезвия ширина плоскости равномерно увеличивается. Зуб заканчивался острием, которое выполнено по отношению к линии лезвия резко отогнутым под острым углом в сторону спинки. Хотя кинжалы подварианта Б-1б больше приспособлены для резки, выполненное под относительно острым углом лезвие всё же позволяло произвести укол по поверхности с небольшим сопротивлением — в ткань или в кожу.

В археологических работах с культурно-историческим уклоном такие кинжалы причислены к типу коротких охотничьих кинжалов, форма которых сформировалась

[4] LdNM — Лудзенский Краеведческий музей (Лудза, Латвия).

в начале XVI в. (Verner 1984: 62–63). Эти кинжалы могли использоваться в качестве вспомогательного орудия для снятия шкуры и разделки туши убитого зверя. В свою очередь, находки из культурного слоя города могут быть связаны с инвентарем кожевенных мастерских.

Найденный в Риге предмет, как и упомянутый выше деревянный меч, является моделью реального прототипа из железа. Схожие деревянные модели оружия найдены в слоях XVI в. в Пскове, где использование такого рода бутафорного оружия связывается с турнирными поединками, на которых взрослые мужчины мерились силой и боевым навыком, или же с театральными выступлениями (Салмин 2013: 74–77). Такие постановки, или мистерии, изначально ставились на религиозные темы и происходили во время богослужений. Их целью было наглядно и в доступной форме показать местным новообращенным жителям различные библейские сюжеты. На территории Латвии мистерия с батальными сценами в письменных источниках впервые фиксируется уже в начале миссии латинской церкви — в 1205 г. (Генрих 1938: 94). Театральные выступления часто устраивали странствующие труппы, которые наведывались в Прибалтику благодаря ее выгодному географическому положению.

Как соревнования по силе и ловкости, так и мистерии только имитировали сражение на глазах у большой аудитории горожан. Чтобы в условиях узости средневековой улицы или переполненной людьми площади избежать летального исхода, участники состязаний использовали деревянное оружие. В свою очередь, в мистерии бутафории актерам выдавались постановщиком представления из реквизита театра.

Бутафории, миниатюрное и игрушечное оружие

В латвийском материале подражания оружия встречаются также в формате миниатюры или игрушки. Миниатюры — это копии реального функционального оружия, которое изготовлено в более малых размерах. Процесс миниатюризации различных предметов, который в Северной Европе начался в VII в., на территории Латвии проходил с VII по XV в. (Doniņa 2013: 5). Изготовление и использование миниатюр на территории Латвии — это локальное явление, которое характерно для захоронений живущих в западной части страны куршей. Из оружия ближнего боя в малых размерах изготовлялись только топоры. Пять из них (A, 9198, 48, 50, VI, 234, 3210, VVM[5], 30003, 243, A, 8794, 1) найдены в захоронениях, датируемых XIV — началом XV в. (Brūzis 2016: 176-190), в том числе в кремациях (Šnore 1937), а четыре являются случайными находками (KNM[6], 33 372, TM, TMNM[7], 801, TNMM[8], 226, 6313). Эти топоры изготовлены специально для размещения в инвентаре захоронений, хотя отдельные исследователи не исключают возможность реального использования экземпляров более крупного размера (Gintautaitė-Buteniėnė, Butėnas

[5] VVM — Музей истории Вентспилса (Вентспилс, Латвия).

[6] KNM — шифр коллекции Кулдигского краеведческого музея (Кулдига, Латвия).

[7] TM — Тукумский музей (Тукумс, Латвия). TMNM — шифр коллекции Тукумского музея.

[8] TNMM — Талский краеведческий музей (Талси, Латвия).

2002: 19; Brūzis 2016: 190). Миниатюрное оружие использовалось и в ритуальных целях. Существенная разница между бутафориями и миниатюрами состоит в том, что первые изготавливались в реальном размере, а вторые — в уменьшенном.

В культурном слое средневековой Риги XIII–XIV вв. найдены деревянные игрушки, в том числе — подражания оружию. Дети в своих играх использовали деревянные наконечники стрел, найдено также 12 фрагментов деревянных мечей, в основном их рукоятей (Caune 1997: 130). Хотя отдельные фрагменты игрушечных деревянных мечей изготовлены как точные копии формы средневекового оружия, их можно отличить благодаря маленьким рукоятям, которые приспособлены для детской руки. Сложнее отличить редкие лезвия деревянного оружия. На улице Пелду-Уденсвада в раскопках 1974–1976 гг. найдено завершение изготовленного из дерева односторонне заточенного лезвия, от которого сохранилось само острие (VRVM, 18348/260). Его длина — 20 см, ширина — 2,5 см, толщина — 0,4 см. Такое острие видим у найденных в Латвии поздних колющих кинжалов XVI в. Целый экземпляр найден в Сигулдском (TMR[9], 15220), а фрагмент острия — в Кокнесском замке (VI, 62 :1189). Как у деревянного, так и у металлического оружия линия заточки и спинки прямые. У металлического оружия лезвие равномерно сужается, острие выполнено в форме равностороннего треугольника, линии заточки и спинки лезвия соединяются в симметричных углах. Оружие датируется XVI в. (Brūzis 2016: 98–99). Изготовленный из дерева фрагмент лезвия боевого ножа у́же металлических экземпляров. Острие лезвия также выполнено ассиметричным, а не в форме равностороннего треугольника. Такое несовпадение форм и размеров наводит на мысль, что деревянные экземпляры как игрушечное оружие строгались ножом самими детьми в домашних условиях (Цауне 1989: 112).

В заключении можно сделать вывод, что на данной стадии исследования визуально распознаваемые бутафории оружия ближнего боя Ливонского периода в археологическом материале появляются с конца XIII в. Фактически они существовали и раньше, хотя бы как реквизит христианских мистерий с начала XIII в. Всё же рассматриваемые в статье археологические артефакты могли быть не единственными подражаниями оружия, дополнительную информацию и новые источники, возможно, дал бы спектроскопический анализ оружия, найденного в инвентаре захоронений. Бутафории — это четко отделяемые от реальных, используемых в сражении артефактов. Главное различие — нелетальность при использовании бутафории в условиях ближнего боя, что определяется размером боевой части, толщиной основания, а также разницей в весе. Также бутафории оружия ближнего боя определенно отделяемы от группы артефактов, функционировавших в качестве детских игрушек. Здесь главное отличие — размер, так как игрушки, хотя их форма схематично близка реальному оружию, сознательно выполнялись в миниатюре. В свою очередь, бутафории, как уже отмечалось, отличаются от реального оружия шириной, весом и материалом боевой части. Остальные параметры чаще всего совпадают с реальным оружием. Также важно отделить подражания оружию от миниатюр, которые на территории Латвии найдены, в основном, на населенной куршами территории.

Бутафории оружия доминировали в городской среде, где их использовали во время религиозного ритуала, в церковном интерьере, в средневековых театральных

[9] TMR — Турайдский музей-заповедник (Турайда, Латвия).

постановках или мистериях. Использование оружия в таком виде церковь акцептировала, причем в настолько реальном формате, что в некоторых случаях аудитория мистерии при просмотре театральной постановки с использованием бутафории принимала действо за реальность и в страхе разбегалась (Генрих 1938: 94). Единственные подражания оружию, которые не участвовали в культовых обрядах, — это изготовленные из дерева снаряды, которые использовались юношами и мужчинами в соревнованиях — в имитациях битв в рамках турниров, в фехтовании на мечах. В свою очередь, вне городов больше шансов встретить бутафорию оружия в похоронном ритуале, в составе могильного инвентаря.

Подражания оружию сопровождали члена средневекового общества, начиная с игр раннего детства и до похорон. Находки бутафорного оружия в средневековом слое еще раз акцентирует милитарную идентичность Ливонского общества и желание видеть оружие не только на войне, но и в сравнительно безопасные будни. Можно надеяться, что анализ таких предметов даст новую информацию и возможность переоценить уже имеющиеся в составе музейных коллекций находки средневекового оружия.

Литература

Генрих 1938 — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.

Лысенко 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 395 с.

Окшотт 2006 — *Окшотт Э.* Археология оружия: от бронзового века до эпохи ренессанса. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.

Салмин 2013 — *Салмин С. А.* Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит // АИППЗ: Материалы 58-го заседания. Псков: ИА РАН, ПГОИАХМЗ, 2013. С. 74–77.

Фергюсон 1998 — *Фергюсон Дж.* Христианский символизм. М.: АДЕ «Золотой век», 1998. 332 с.

Цауне 1989 — *Цауне А.* Рижские деревянные изделия XII–XIV вв. — предметы народного прикладного искусства // Цимерманис С. (отв. ред.). Народное прикладное искусство: актуальные вопросы истории и развития. Рига: Зинатне, 1989. С. 106–125.

Anteins 1976 — *Anteins A.* Melnais metāls Latvijā. Rīga: Zinātne, 1976.

Atgāzis 1999 — *Atgāzis M.* Kaujas vāles Latvijā 10.–14. gs. Latvijas vēstures institūta žurnāls, 2. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999. 16.–33. lpp.

Brūzis 2016 — *Brūzis R.* Tuvcīņas ieroči Latvijā 14.–16. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2016. 284 lpp.

Caune 1997 — *Caune A.* Bērnu koka rotaļlietas viduslaiku Rīgā. Arheoloģija un etnogrāfija, XIX. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1997. 130.–134. lpp.

Dolínek, Durdík 1996 — *Dolínek V., Durdík J.* Historische Waffen. Augsburg: Bechtermünz Verlag. 1996.

Doniņa 2013 — *Doniņa I.* Miniatūri kuršu 7.–15. gs. arheoloģiskajā materiālā. Latvijas vēstures institūta žurnāls, 5. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2013. 5.–36. lpp.

Gintautaitė-Buteniėnė, Butėnas 2002 — *Gintautaitė-Buteniėnė E., Butėnas E*. Laivi kapinynas. Lietuvos archeologija, 22. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2002. S. 9–198.

Laul, Valk 2007 — *Laul S., Valk H*. Siksälä: A Communiti at the Frontiers Iron Age and Medieval. Tallinn; Tartu: University of Tartu, Institute of History and Archaeology, 2007. 237 lpp.

Łewandowski 1986 — *Łewandowski M*. Puginały średnioweczne z ziem Polskich // Acta archeologica Lodziensa: Mediaevalia archaeologica, 31. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1986. S. 101–114.

Marek 2006 — *Marek L*. Średnioweczne i nowożytne kordy ze Śląska // Acta militaria mediaevalia, II. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2006. S. 189–206.

Müller, Kölling 1982 — *Müller H., Kölling H*. Europäische Hieb- und Stichwaffen. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1982. 448 s.

Neilands 2000 — *Neilands A. F*. Trīs pastaigas pa Rīgas iekšpilsētu un bulvāru loku ar Aleksandru Fridrichu Neilandu. Rīga: autora pašapgāds, 2000.

Roggers 2008 — *Roggers C*. The Military Revolutions of the Hundred Years War. Warfare in Early Modern Europe 1450–1660. Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2008. P. 21–58.

Šnē 2002 — *Šnē A*. Sabiedrība un vara: Sociālās attiecības Austrumlatvijā aizvēstures beigās. Rīga: Intelekts, 2002. 469 lpp.

Šnore 1937 — *Šnore E*. Izrakumi agro vēsturisko laiku kapulaukā Jūrkalnes pagasta Darvdedžos. Senatne un māksla, 2. Rīga: Pieminekļu valde, 1937. 57.–64. lpp.

The Cambridge History of Warfare 2005 — Parker G. (ed.). The Cambridge History of Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 515 p.

Tomsons 2014 — *Tomsons A*. Liecības par zobenu un to piederumu izplatību Austrumlatvijā 9.–14. gadsimtā: jaunas interpretācijas iespējas // Arheoloģija un etnogrāfija. 2014. XVII. 124.–139. lpp.

Vasks 1974 — *Vasks A*. Izrakumi Vaidu kapos // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1973. gada pētījumu rezultātiem. Rīga: Zinātne, 1974. 78.–81. lpp.

Verner 1984 — *Verner D*. Histoire des armes de chasse. Paris: Jacques Grancher, 1984. 219 p.

Seitz 1981 — *Seitz H*. Blankwaffen, I. München: Klinkhardt&Bierman GMBH, 1981. 448 S.

Zeids 1961 — *Zeids T*. Ērģemes kauja un tās vēsturiskā nozīme // Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vēstis, 7 (168). Rīga: Zinātne, 1961. 3.–11. lpp.

Ю. А. Виноградов
(Санкт-Петербург)

О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии

Среди находок терракотовых статуэток, происходящих из Ольвийского региона, очень любопытны фигурки воинов с подвесными ногами (Деревицкий и др. 1898: 30–33, табл. XIV, *2, 3*; Савельєва, Савельєв 2012: 42–47). Обычно их датируют II в. н. э. и связывают с присутствием в это время в городе римского гарнизона (Крыжицкий и др. 1999: 447; Виноградов 2006: 205–215; Савельєва, Савельєв 2012). Ничего сколько-нибудь схожего с этими фигурками здесь ранее не встречалось. Отметим при этом, что подобные изображения не известны в Боспорском царстве и Херсонесе Таврическом[1], но представлены, пусть не очень выразительными экземплярами, в городах Северо-Западного Причерноморья — Тире и Никонии (Савельєва, Савельєв 2012: 43–44). В научной литературе эти статуэтки связывают с распространением культа Митры (о нем см.: Кюмон 2000; 2002: 183–204), очень популярного среди римских войск, расквартированных в восточных провинциях империи (Савельєва, Савельєв 2012: 43–44). Такое заключение, однако, нельзя признать в полной мере приемлемым, поскольку Митра обычно изображался во фригийском колпаке, что можно видеть на статуэтках из Малой Азии (Савельєва, Савельєв 2012: 45, рис. 3, *3–7*), но все фигурки воинов из Северного Причерноморья представлены без головных уборов. Отсутствие на них этого легко узнаваемого символа восточного божества заставляет усомниться в бесспорности такой трактовки, хотя связь наших статуэток с культовой сферой представляется бесспорной.

Может показаться странным, но исследователи до сих пор не обратили особого внимания на характер вооружения этих воинов, а оно, на мой взгляд, в высшей степени показательно. Наибольший интерес в этом отношении представляют два хорошо сохранившихся экземпляра этих статуэток[2]. *Первая из них* (рис. 1) была найдена в ольвийской могиле I–II вв. н. э. (Раскопки в Ольвии 1918: 43, 44, рис. 63; Леви 1970: 38, табл. 37, *5*; Скуднова и др. 1970: 55, кат. 64; Савельєва, Савельєв 2012: 43, рис. 1, *1*). На статуэтке представлен воин без головного убора, который, как иногда считается, облачен в панцирь, поверх которого надет плащ (Скуднова и др. 1970: 55).

[1] Правда, из Крыма происходит одна фигурка такого типа (Савельєва, Савельєв 2012: 45, рис. 3, *1*), которую, скорее всего, следует связывать с Херсонесом, поскольку в этом городе тоже находился римский гарнизон.

[2] Я прекрасно понимаю, что знакомство со статуэтками только на основании публикаций делает любые заключения по поводу этих своеобразных артефактов, по крайней мере, спорными. К сожалению, подержать их в руках мне не довелось.

Рис. 1. Статуэтка из Ольвии

О панцире, однако, мы с уверенностью судить не можем. В остальном же сразу бросаются в глаза детали вооружения, характерные для воинов Рима. Из-под плаща свисает «фартук», покрытый металлическими пластинками, который у легионеров обычно крепился на поясе (Коннолли 2000: 232, рис. 21, 23; Д'Амато 2012: 90–91). С правой стороны к этому поясу подвешен меч. В левой руке воин держит щит; правая, согнутая в локте рука отставлена в сторону. Мнение о том, что в ней находился меч, вряд ли реалистично (Савельєва, Савельєв 2012: 42), поскольку тогда надо допускать, что воин имел два меча. Более уместным представляется предположение, что в правой руке воин держит копье (Деревицкий и др. 1898: 31).

Щит имеет богатую орнаментацию. В центре его изображена человеческая личина; по периметру, возможно, идут солярные символы. Высказанное в позапрошлом веке предположение, что на щите был изображен портрет «какой-нибудь римской императрицы» (Деревицкий и др. 1898: 31), сейчас вряд ли можно признать убедительным. В личине, скорее всего, следует видеть голову горгоны Медузы (Скуднова и др. 1970: 55), поскольку в греческой традиции такие изображения на щитах гоплитов были очень популярными. Схожим образом орнаментированы щиты на ольвийских статуэтках, хранящихся в Одесском археологическом музее (Деревицкий и др. 1898: табл. XIV, *2, 3*). Имеющаяся фотография, к сожалению, не дает основания для уверенного суждения о форме щита — овальной или круглой. На статуэтках представлены оба варианта.

У пояса ольвийского воина с правой стороны прикреплен, как считается, короткий кинжал (Скуднова и др. 1970: 55). На самом деле, это короткий меч, при этом есть все основания считать, что он относится к типу римских *гладиусов*, во всяком случае, четыре желобка на его рукояти, различимые здесь вполне отчетливо, характерны именно для этого типа мечей (Коннолли 2000: 230–233; Д'Амато 2012: 102 и след.; Hanzell 1981). Крупное навершие округлой формы также являлось характерной деталью оформления рукояти *гладиуса*. Меч такого типа можно видеть еще на одной ольвийской статуэтке, сохранившейся частично (Крыжицкий и др. 1999: 446, рис. 136, справа).

Весьма любопытно, что в обоих случаях мечи ольвийских воинов подвешены к поясу с правой стороны. Именно так носили свое оружие римские легионеры, при этом они подвешивали их в строго вертикальном положении. П. Хазель показал, что длинные мечи, если они находились справа, трудно извлечь из ножен. По этой причине он предложил считать *гладиусами* мечи длиною 38–43 см, мечи в 50 см —

оружием пеших *ауксилиариев*, то есть римских союзников, и в 90 см — мечами типа кавалерийской *спаты* (*spata*) (Hanzell 1981: 73 ff.). Длинные мечи, конечно, значительно практичней было носить слева.

Ольвийская статуэтка, на мой взгляд, представляет великолепный пример адаптации римского оружия к местным традициям. Можно считать, что ольвиополиты *гладиус*, так сказать, приняли на вооружение, о чем свидетельствует также находка костяной бутероли, надевавшейся на окончание ножен такого меча (Сон, Назаров 1993: 121–122). В соответствии с римской традицией в Ольвии его носили справа, но предпочитали крепить к поясу так, как делали это ранее со своими короткими мечами или кинжалами, т. е. не вертикально, а в наклонном положении[3].

Рис. 2. Статуэтка из городища Козырка

Терракота, обнаруженная около Козырского городища (рис. 2), по всей видимости, происходит из какой-то разграбленной могилы. Она тоже представляет немалый научный интерес (Бураков 1988; Буйских 1991: 123; Савельєва, Савельєв 2012: 42–43, рис. 1, *3–4*). Статуэтка изображает мужчину в короткой тунике со щитом в левой руке. Поверх туники надет наборный пояс со свисающим с него фартуком. Меч в данном случае отсутствует, но щит чрезвычайно любопытен. Он заметно отличается от круглых ольвийских щитов более раннего времени (Русяева, Назаров 1994; Трейстер 1994; Виноградов 2006: 29–30, 42–45, 134). Его овальную форму, восходящую, как представляется, к кельтским щитам типа *тюреос* (Виноградов 2006: 112–114), вполне можно связывать с усилившимся римским влиянием. Такие овальные щиты у легионеров ко времени империи уже вышли из употребления, но в подразделениях вспомогательных войск они всё еще были широко распространены (Д'Амато 2012: 191). Укажу в связи с этим на то, что введенный в Ольвию отряд римских щитников, о котором сообщает одна из надписей (IOSPE, I², 687), имел на вооружении овальные щиты-*тюреосы* (Виноградов 1990: 28 сл.; ср.: Яйленко 2017: 602–603).

Изображение на щите статуэтки из Козырки, пусть не вполне ясное, позволяет сделать еще некоторые предположения. Помимо солярных символов, здесь видят фигуру воина в защитном вооружении (Бураков 1988: 73; Савельєва, Савельєв 2012: 42). Точнее, конечно, говорить о части фигуры воина, поскольку на изображении отсутствуют руки и ноги. По этой причине можно высказать догадку, что здесь представлен трофей, установленный в честь какой-то победы.

На фотографии статуэтки можно рассмотреть, что изображенный здесь панцирь состоит из довольно широких горизонтальных полос (Бураков 1988: 74, рис. 2)[4]. Если данное наблюдение верно, то можно предположить, что этот доспех относится

[3] На одной статуэтке, происходящей предположительно из Крыма, меч у воина висит слева (Савельєва, Савельєв, 2012: 45, рис. 3, *1*). Сходство его с глалиусом на сей раз не очевидно.

[4] Более отчетливо горизонтальные полосы видны на доспехе, изображенном на щите статуэтки, предположительно происходящей из Крыма (Савельєва, Савельєв, 2012: 45, рис. 3, *1*).

к знаменитому римскому доспеху типа *lorica segmentata*, ставшему со второй четверти I в. одним из символов солдата империи (Коннолли 2000: 232–233; Д'Амато 2012: 158 сл.). Такой доспех состоял из горизонтальных железных полос, скрепленных внутри ремнями или снаружи шнуровкой; наплечники делались аналогичным образом. Ширина металлических полос могла составлять 3,3 или 7,7 см. Несмотря на сложность конструкции, *lorica segmentata* абсолютно не стесняла воина в движении и, в общем, представляла собой замечательное достижение римских оружейников (Robinson 1975: 147 ff.).

Как видим, ольвийские статуэтки могут дать ценную информацию о характере вооружения ольвиополитов II в. н. э., о трансформации в этой сфере, происшедшей под римским влиянием. Остается надеяться, что на городище и его округе будут обнаружены новые экземпляры этих замечательных артефактов.

Литература

Буйских 1991 — *Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1991. 158 с.

Бураков 1988 — *Бураков А. В.* Теракота воїна з поселення Козирка // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 73–75.

Виноградов 1990 — *Виноградов Ю. Г.* Ольвия и Траян // Новосильцев А. П. (отв. ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. ТД. М.: ИИ АН СССР, 1990. С. 27–32.

Виноградов 2006 — *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 256 с.

Д'Амато 2012 — *Д'Амато Р.* Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. — 192 г. н. э. М.: ЭКСМО, 2012. 344 с.

Деревицкий и др. 1898 — *Деревицкий А. Н., Павловский А. А., Штерн Э. Р.* Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. II. Терракоты. Одесса: Тип. А. Шульца, 1898. 48 с.

Коннолли 2000 — *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории: Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 320 с.

Крыжицкий и др. 1999 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: ИА НАНУ, 1999. 478 с.

Кюмон 2000 — *Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Кюмон 2002 — *Кюмон Ф.* Восточные религии в римском язычестве. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.

Леви 1970 — *Леви Е. И.* Терракоты из Ольвии // Кобылина М. М. (отв. ред.). Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. С. 33–38 (САИ. Вып. Г1-11).

Раскопки в Ольвии 1918 — Раскопки в Ольвии // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг. Петроград, 1918. С. 1–51.

Русяева, Назаров 1994 — *Русяева А. С., Назаров В. В.* Фрагмент щита из Ольвии // ВДИ. 1994. № 1. С. 45–52.

Савельєва, Савельєв 2012 — *Савельєва К. С., Савельєв О. К.* Теракотові сатуетки римських воїнів з Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. 2012. № 1. С. 42–47.

Скуднова и др. 1970 — *Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б.* Описание терракот из Ольвии (города и некрополя) // Кобылина М. М. (отв. ред.). Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. С. 49–56 (САИ. Вып. Г1-11).

Сон, Назаров 1993 — *Сон Н. О., Назаров В. В.* Знахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. № 1. С. 120–123.

Трейстер 1994 — *Трейстер М. Ю.* К находке обкладки щита в Ольвии (Археологический комментарий) // ВДИ. 1994. № 1. С. 52–53.

Яйленко 2017 — *Яйленко В. П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.

Hanzell 1981 — *Hanzell P. J.* The pedite gladius // The Antiquaries Journal. 1981. № 1. P. 73–82.

IOSPE — Latyschev B. (edidit.). Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum loconim a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens. Petropoli, MCMXVI. 598 s.

Robinson 1975 — *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London: Arms and Armour Press, 1975. 200 p.

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева
(Санкт-Петербург)

Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги

В ходе археологического исследования староладожского Земляного городища в сезоне 2007 г.[1] при зачистке северного борта раскопа 4 был обнаружен металлический слиток (рис. 1) в виде брусочка подтрапециевидного сечения с небольшим сужением к одной из сторон, обрубленного с одного конца (длина слитка 5 см, максимальная высота — 1,2 см, вес 57,170 г). На боковых и торцевых поверхностях прослеживается шов, указывающий на отливку предмета в два приема. На плоской верхней грани слитка с неглубокой усадочной камерой прослежены несколько букв или знаков (рис. 2). Поверхность предмета несет следы слабовыраженной проковки[2]. В. А. Калинин считает проковку основным морфологическим признаком при выделении новгородских рублей (Калинин 2011: 132). Рентгенофлуоресцентный анализ показал, что брусок отлит из серебра 960 пробы[3].

Перечисленные признаки позволяют идентифицировать ладожскую находку как фракцию короткой или горбатой гривны новгородского типа[4]. Такие слитки имеют более сложную систему развития, чем киевские, черниговские и др. В XII–XIII вв. они отливались в виде продолговатых брусочков полукруглого или трапециевидного сечения, с немного расширяющимися концами. Длина слитков колебалась от 14 до 20 см, а фактический вес большинства экземпляров составляет 196–197 г. Содержание серебра в таких слитках соответствует 960 пробе. В письменных источниках они фигурируют как «гривны серебра» (Сотникова 1961: 45; 1981: 92, 96; Колызин 2015: 251–253).

Вероятно, уже с конца XIII или рубежа XIII–XIV вв.[5] начинается изготовление более коротких слитков с высокой, часто выгнутой спинкой. Их длина варьируется

[1] Пользуемся случаем поблагодарить руководителя экспедиции А. Н. Кирпичникова, предоставившего нам возможность исследовать и опубликовать находку.

[2] Слабая выраженность проковки и литейного шва является следствием процесса археологизации и химического удаления продуктов коррозии. До реставрации на поверхности предмета присутствовала толстая и плотная корка окислов.

[3] Номер находки по полевой описи 2007 г. № 1985. Исследование металла проведено в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа в Лаборатории технико-технологических исследований. Аналитик к. и. н. С. В. Хаврин. Artax 400.

[4] Географическая привязка к Новгороду в названии слитков как к месту их изготовления является условной.

[5] Наиболее ранний клад с горбатыми слитками датируется 1300–1305 гг.

от 10 до 14 см[6], а вес тяготеет к 200 г (Сотникова 1981: 96; Рыбина, Янин 2017: 16). В летописных текстах и берестяных грамотах такие слитки именуются рублями (Колызин 2006: 98, 99; Рыбина, Янин 2017: 16).

Часть «горбатых» гривен представлена монолитами, отлитыми в один прием. Но на большинстве известных экземпляров на боковых сторонах и торцах присутствуют с различной степенью выраженности продольные швы, появившиеся в результате отливки в два приема. Среди двухслойных коротких слитков М. П. Сотниковой был выявлен ряд экземпляров, имеющих в верхнем слое пониженную пробу серебра (менее 700°). Содержание же драгоценного металла в нижней части слитка оставалось высоким (960–985°, см.: Сотникова 1961: 47; 1981: 90, 92, 96).

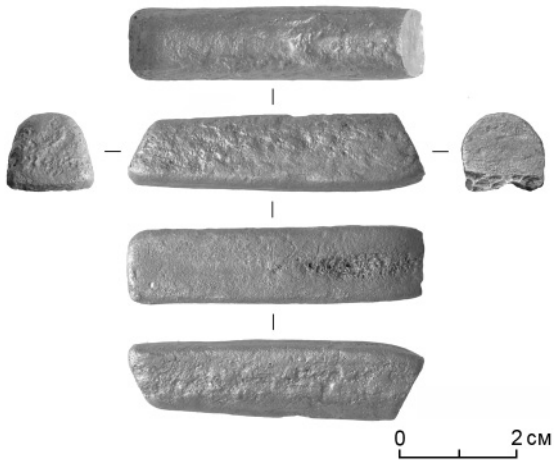

Рис. 1. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги из раскопок 2007 г.

Одновременно с рублями в обращении находились полтины, получаемые путем разделения целых слитков пополам. Их вес тяготел к 100 г (Сотникова 1961: 47; Колызин 2015: 252). В обращении платежные слитки оставались до середины XV в. (Сотникова 1981: 93, 96).

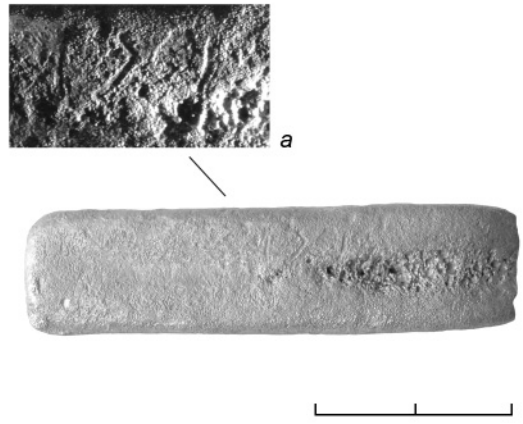

Рис. 2. Буквы или знаки, присутствующие на одной из сторон фракции новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги. *а* — увеличено в два раза

На большинстве известных на сегодня рублях и полтинах присутствуют клейма. Практика их клеймения получила широкое распространение в низовских землях, в Московском княжестве, в частности, с рубежа 60–70-х гг. XIV в. (Глазунова, Зайцев 2012: 34; Зайцев 2015: 141–143). В окрестностях же Новгорода ни одного слитка с клеймами до настоящего времени не обнаружено[7] (Зайцев 2017: 62). На ладожском слитке клейма также отсутствуют, следовательно, он, скорее всего, был отлит в Новгороде или в пределах Новгородской земли.

[6] В. А. Калинин указывает, что между длинными новгородскими гривнами (до 18 см) и короткими слитками рублями с горбатой спинкой (12–14 см) «имеется довольно большая группа слитков, которую условно можно назвать переходной от гривны серебра к рублю. Их длина колеблется в пределах 14–16 см (Калинин 2011: 132).

[7] Так, например, клейма отсутствуют на найденной в 2014 г. в Старой Руссе полтине, происходящей из строительного горизонта 1400–1420-х гг. (Торопова 2017: 61).

В качестве единственного критерия, отличающего находку из Старой Ладоги от других платежных слитков, выступает его масса. Вес известных авторам полтин не опускается ниже 90 г. Масса ладожского слитка составляет примерно половину этого веса, или ¼ часть от рубля, и может быть тождественна новгородской счетной «четверти» (Спасский 1970: 75; Кистерев 1997: 122; Гайдуков 2006: 96). На правильность или ошибочность этого предположения могут указать новые находки слитков с аналогичным весом.

Изучая граффито на гривнах, М. П. Сотникова пришла к выводу, что они наносились на слитки в мастерской ливца, имели для него служебное значение и использовались для помощи расчета с заказчиком. Граффито во всех случаях процарапывались острым орудием и представляли, чаще всего, имена или прозвища людей, отдельные слова, слоги и буквы и ряды параллельных линий — нарезки (Сотникова 1961: 47–49, 74, 91).

В. А. Калинин опубликовал наблюдения Е. В. Янюшкиной, отметившей присутствие нарезок в виде ордынской тамги на одном из слитков поверх клейма. Это обстоятельство позволило В. А. Калинину заключить, «что нарезки не имели отношения к процессу производства слитков, а наносились на них, как и другие граффито, уже во время их обращения» (Калинин 2011: 131, 132).

На ладожской находке канавки знаков или буквы широкие и глубокие, с плавными контурами (рис. 2). Очевидно, знаки были нанесены на слиток твердым предметом (возможно, деревянной заостренной палочкой) в процессе застывания металла. Это обстоятельство свидетельствует в пользу высказанного предположения, что практика нанесения различных информативных знаков на рубли еще в мастерских литейщиков действительно существовала. Поэтому, вероятно, в дальнейших исследованиях следует разделять граффито, которые появились на слитках в процессе отливки и в ходе их бытования.

Особенности техники нанесения надписи заставляют вновь вернуться к вопросам о времени и причинах нанесения на слитки тех или иных знаков и их служебном назначении. Установленное время исчезновения платежных слитков из обращения превращает их в достаточно надежный хронологический индикатор, указывающий на дату культурного слоя в рамках конца XIV — первой половины XV в.

Гривны и их фракции являются кладовыми находками и редко встречаются в культурном слое. Они служили для крупных расчетов и принадлежали верхней прослойке общества. Находка гривны в культурном слое Земляного городища указывает на присутствие в Ладоге конца XIV — начала XV в. представителей социального слоя с высоким имущественным положением.

Литература

Гайдуков 2006 — *Гайдуков П. Г.* Русские полуденьги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

Глазунова, Зайцев 2012 — *Глазунова Е. В., Зайцев В. В.* Клад с платежными слитками из Калужской области: к вопросу о времени клеймения слитков в Московском великом княжестве // Средневековая нумизматика Восточной Европы. 2012. Вып. 4. С. 30–46.

Зайцев 2015 — *Зайцев В. В.* Дополнение к составу Лыковского клада (70-е гг. XIV в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. 2015. Вып. 5. С. 141–146.

Зайцев 2017 — *Зайцев В. В.* О датировке некоторых типов русских клейм на платежных слитках XIV–XV вв. // Гайдуков П. Г. (ред.). Российский рубль. 700 лет в истории: Материалы МНК (Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.). Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2017. С. 62–68.

Калинин 2011 — *Калинин В. А.* К истории новгородского рубля XIV–XV вв. // Калинин В. А. (ред.). XVI Всероссийская нумизматическая конференция. ТДиС. (Санкт-Петербург, 18–23 апреля 2011 г.). СПб.: ГЭ, 2011. С. 129–133.

Кистерев 1997 — *Кистерев С. Н.* К истории русского денежного счета XIII–XIV вв. // Нумизматический сборник. 1997. № 5. С. 118–129.

Колызин 2006 — *Колызин А. М.* Два сюжета из истории русского денежного дела XIV–XV вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. 2006. Вып. 1. С. 97–99.

Колызин 2015 — *Колызин А. М.* Крупные платежные номиналы средневековой Москвы (по данным археологии и письменных источников) // Шустова Ю. Э. (ред.). Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII МНК (Москва, 9–11 апреля 2015 г.). М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. С. 251–253.

Рыбина, Янин 2017 — *Рыбина Е. А. Янин В. Л.* Термин «рубль» в берестяных грамотах // Гайдуков П. Г. (ред.). Российский рубль. 700 лет в истории: ММНК (Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.). Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2017. С. 15–18.

Сотникова 1961 — *Сотникова М. П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // ТГЭ. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. Л.: Искусство, 1961. С. 44–91.

Сотникова 1981 — *Сотникова М. П.* Снова о новгородском рубле-слитке XIII–XV вв. // ТГЭ. Т. XXI. Нумизматика. Вып. 5. Л.: Изд-во ГЭ, 1981. С. 90–98.

Спасский 1970 — *Спасский И. Г.* Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. Изд. четвертое, доп. Л.: Аврора, 1970. 256 с.

Торопова 2017 — *Торопова Е. В.* Русские денежные слитки из раскопок в Старой Руссе // Гайдуков П. Г. (ред.). Российский рубль. 700 лет в истории: Материалы МНК (Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.). Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2017. С. 60–62.

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина
(Псков)

Изборская крепость в первой трети XIV в.

Изборская крепость — памятник со сложной строительной историей (рис. 1). Исследователи крепости давно обратили внимание на то, что ее архитектура содержит в себе разновременные элементы, свидетельствующие о перестройках и ремонтах отдельных частей и даже о кардинальной реконструкции всего сооружения в один из периодов его истории (Раппопорт 1952: 154–183; 1961; Косточкин 1959; 1962; Седов 1988, 1993, 2007; Артемьев 1998). Несмотря на довольно объемную историографию, проблемы строительной периодизации крепости сохраняют актуальность до настоящего времени. Особое место в изучении памятника занимает вопрос о составе фортификаций на начальном этапе его существования.

В данной публикации представлены новые материалы по истории первоначальной крепости, полученные в ходе архитектурно-археологических исследований последних лет.

Начальный этап истории Изборской крепости в основном отражен в кратких летописных упоминаниях. В разных редакциях Псковских летописей статьи о ее строительстве расположены под двумя датами — 1303 и 1330 гг. (П1Л: 14, 17; П2Л: 23; П3Л: 92). Это обстоятельство вызвало разночтения в научной литературе. По основной, наиболее распространенной версии, две летописные даты отражают разные события, следовавшие одно за другим: 1303 г. — перенос (или решение о переносе) Изборска на новое место, 1330 г. — строительство (завершение строительства) крепости на Жеравьей горе (Артемьев 1998: 141; Седов 2007: 12).

На основе анализа летописных сообщений А. Р. Артемьев выдвинул гипотезу об ошибочности летописного сообщения о строительстве крепости на Жеравьей горе, помещенного под 1303 г. Исследователь утверждал, что перенос Изборска с Труворова городища и строительство каменной крепости на Жеравьей горе являлись единовременным актом и были осуществлены в 1330 г. (Артемьев 1998: 20–21)[1].

Вопрос о составе и характере укреплений первоначальной крепости также поразному рассматривался ее исследователями.

Ведущий специалист по древнерусской архитектуре, автор первой наиболее полной научной публикации материалов Изборска П. А. Раппопорт, в частности, высказывал серьезные сомнения в том, что существующие крепостные сооружения

[1] Высказывалось мнение (Белецкий 1995: 101–102), что статья 6838 г. в Псковских летописях, в которой содержится информация о строительстве крепости на Жеравьей горе, датирована в ультра-мартовском стиле летосчисления, и дата должна быть переведена как 1329 г. Примеч. ред.

Рис. 1. Изборская крепость, вид с северо-востока

сохранили в себе следы первого строительного периода (Раппопорт 1952: 183). Исследователь также склонялся к поздней датировке захабов, относя их строительство к XVI в.

Историк архитектуры, специалист по русскому оборонному зодчеству В. В. Косточкин, посвятивший отдельную статью строительной биографии крепости Изборска, выделил в составе дошедших до нас сооружений пять строительных этапов, продатировав каждый из них (Косточкин 1959: 141, 142). К первоначальным укреплениям он отнес каменную башню Луковка, допуская, что стены крепости на этом этапе могли быть построены из дерева. Затем в 1330 г., по его мнению, сооружаются каменные стены с въездными устройствами, ставшие основой планировки крепости. Они сохранились по всему периметру изнутри, кроме северной стены, где к первоначальному этапу исследователь отнес наружный слой кладки. К нему же В. В. Косточкин отнес и рвы, упомянутые в Псковской летописи под 1330 г. Он считал, что один из этих рвов с западной стороны сохранился до наших дней.

В своих публикациях В. В. Косточкин отстаивал мнение о ранней датировке захабов. Он считал, что «рукавчатые» захабы, т. е. въезды, состоящие из двух параллельных стен, характерны только для военной архитектуры XIV–XV вв., и позднее в русском оборонном зодчестве не применялись. Строительство Талавского захаба исследователь отнес к концу XIV в., а Никольский захаб в существующем виде, по его мнению, появляется в третьей четверти XV в., очевидно, на месте более раннего въездного устройства (Косточкин 1959: 139; Косточкин 1962: 262).

В соответствии с концепцией исследователя Изборска академика В. В. Седова на первом строительном этапе (в 1330 г.) Изборской крепости были возведены каменные стены по всему периметру и башня Луковка (Седов 1988: 59–60; Седов 1993: 34). Как отмечал автор, история крепости на Жеравьей горе — «непосредственное продолжение истории Труворова городища», имевшего сходную плановую

структуру с одной каменной башней (Седов 1988: 58; Седов 1993: 34). Он также не исключал, что до строительства каменных фортификаций крепость могла иметь деревянные укрепления (Седов 2007: 13). Признавая весьма вероятной датировку захабов, предложенную В. В. Косточкиным, исследователь считал, что вопрос о времени оформления захабов остается открытым, поскольку они не изучены археологически (Седов 1993: 35).

Соглашаясь с мнением П. А. Раппопорта, к последнему этапу строительства крепости (т. е. к первой половине — середине XVI в.) относил сооружение захабов и А. Р. Артемьев. В то же время он не исключал возможности их более ранней датировки (Артемьев 1998: 36). В состав первоначальных укреплений исследователь определенно включал башню Луковка и каменные стены. Он отрицал возможность существования «деревянного периода» крепости, отмечая, что при раскопках в ее северной части не было выявлено никаких следов деревянных стен (Артемьев 1998: 35).

В целом недостаточная изученность памятника не давала оснований для более определенного решения вопросов хронологии и периодизации строительства крепости.

Таким образом, большинство авторов признавали, что первоначальное ядро крепости сохранилось в составе существующих укреплений в виде башни Луковка (или ее части) и каменных стен (внутреннего или наружного их слоя). Некоторые из исследователей допускали возможность существования на начальном этапе строительства деревянных фортификаций. Оформление же захабов с точки зрения всех исследователей произошло позднее в ходе дальнейших перестроек и усиления крепостных сооружений.

В 2000–2002, 2007–2013 гг. было проведено комплексное исследование крепости (натурное обследование крепостных сооружений, обмеры, архивные изыскания, археологические раскопки), позволившее получить новую информацию для определения состава фортификаций на начальном этапе ее существования[2].

Одним из объектов, относимых большинством исследователей к первому строительному этапу, является башня Луковка (рис. 2). Ее местоположение для древнерусских крепостей исключительно — башня располагается на стрелке мыса внутри крепости и примыкает к крепостным стенам. Это обстоятельство стало предметом дискуссии. В научной литературе высказывалось мнение о том, что первоначально башня не находилась внутри крепости, а оказалась там после сооружения внешнего слоя кладки северной стены (Седов 1993: 34; Артемьев 1998: 35). В 1970–1980-х гг. были проведены раскопки небольшого участка с западной стороны башни. Авторами раскопок были выявлены нижние части кладки, относящиеся к 30-м годам XIV в., а также слой строительного мусора этого времени. Исследователи считали, что в конце XIV в. башня перестраивалась, а верхняя ее часть реконструировалась в конце XV — начале XVI в. (Седов 1988: 59, 62).

В публикациях, посвященных проблемам специфики псковского крепостного строительства, материалы Изборской крепости рассматривались также историком

[2] Исследования проводились сотрудниками Псковского института «Спецпроектреставрация» архитекторами А. К. Богодуховым, В. Е. Никитиным, Г. С. Гофман, И. С. Заяц, Л. Е. Изотовой, археологом Ю. Б. Бирюковым и сотрудниками Псковского археологического центра археологами Т. Ю. Закуриной и С. В. Степановым.

Рис. 2. Башня Луковка до реставрации. Вид с юго-запада. Фото 1960 г. Архив ПСПР

архитектуры Вл. В. Седовым. По мнению исследователя, круглые глухие многоярусные башни Пскова, Порхова и Изборска появились только в 1380–1390-е гг. Башню Луковка Вл. В. Седов относит примерно ко времени постройки башен Пскова — Мстиславской (1397 г.) и Кутекромы (1400 г.), соотнося их по типу с башнями городской стены Таллинна второй половины XIV в. (Седов Вл. 2011: 168, 172–173; 2014: 252).

В 2000 г. были проведены архитектурно-археологические исследования и обмеры башни Луковка[3]. В местах примыкания башни к стенам крепости было заложено два раскопа. Исследования позволили проследить хронологию и порядок строительства башни и стен. Расположение линз строительных растворов показало, что первоначально был возведен фундамент северной стены (несколько рядов кладки из известнякового камня, уложенных на поверхность скалы), затем была возведена башня, после этого — крепостная стена, примыкавшая к башне с восточной стороны. Строительство этого участка крепости было завершено достройкой северной стены, обогнувшей башню и примкнувшей к восточной стене (рис. 3 А).

В целом раскопки показали, что башня была возведена одновременно с северной и восточной стенами и так же как и стены относится к первоначальному этапу строительства крепости.

Может ли весь объем башни быть отнесен к этому строительному этапу? Архитектура сооружения дает определенные основания для ответа на этот вопрос.

Во втором ярусе башни сохранился воротный проем, заложенный позднее при увеличении высоты восточной стены[4]. Наличие воротного проема в башне

[3] Археолог Ю. Б. Бирюков, архитектор Л. Е. Изотова.

[4] Археологические исследования в 70–80-х гг. XX в. у северной стены крепости позволили выявить следы строительного этапа, который авторы связывали не с утолщением стен, а с увеличением их высоты (Артемьев 1998: 35).

указывает на то, что на уровне его порога располагалась ходовая площадка. Эта площадка может иметь отношение только к первому строительному этапу башни (рис. 3).

Наличие бойниц и гнезд для перекрытий в стенах башни свидетельствует о том, что всего сохранилось четыре яруса сооружения. Следов перестроек в кладке стен не выявлено. Отсутствие кладки выше перемычек бойниц четвертого яруса не позволяет судить о характере завершения башни. Таким образом, данных о проведении реконструкции верхней части сооружения нет.

Все бойницы Луковки однотипны. Они имеют трапециевидную в плане форму, при которой узкая часть обращена наружу, а широкая примыкает к камере, выходящей в интерьер башни. Бойницы типологически сходны с единственной сохранившейся в крепости бойницей, расположенной в западной стене у Талавских ворот и однозначно относящейся к первому (доогнестрельному) строительному этапу крепости (рис. 4). Анализируя устройство бойниц разных периодов строительства Изборской и Порховской крепостей, В. В. Косточкин отмечал: «...во время употребления первых огнестрельных орудий устройство бойниц башен, строившихся с учетом использования пушек, осталось прежним, — как и в башнях, построенных до появления артиллерии» (Косточкин 1962: 247–252). Таким образом, форма бойниц в данном случае не является датирующим признаком. Их однотипность скорее свидетельствует о единовременности сооружения.

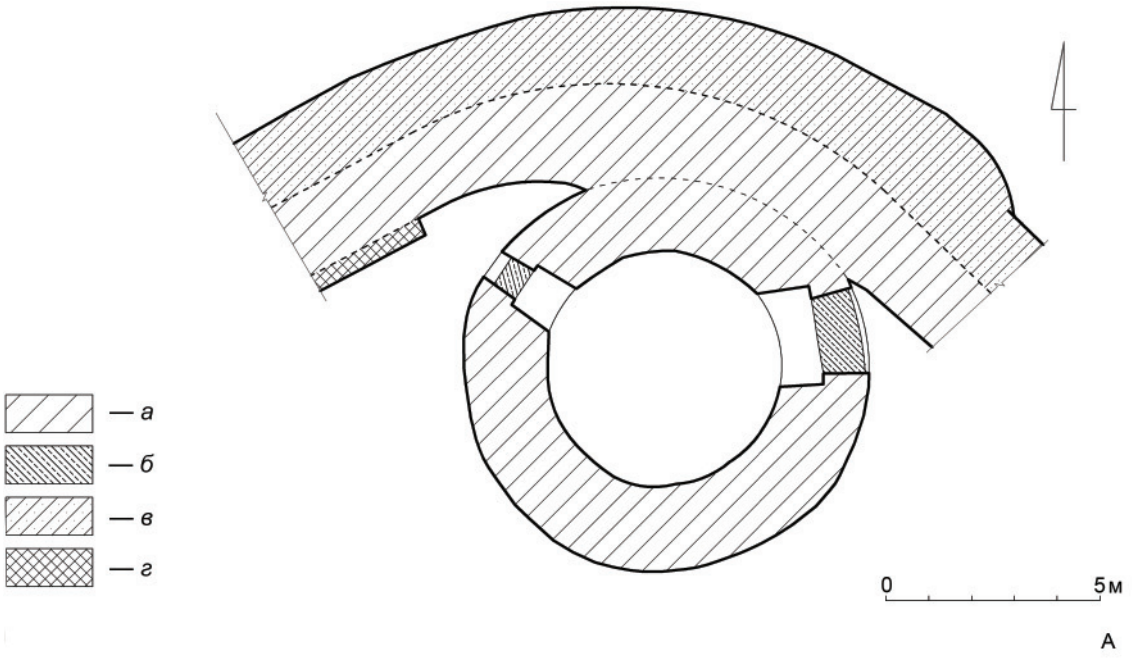
В целом приведенные выше данные указывают на то, что большая часть дошедшего до нас объема башни Луковка может быть отнесена к одному строительному этапу[5]. Башня была построена на Жеравьей горе одновременно с северной и восточной каменными стенами в начальный период истории крепости.

Большинство исследователей крепости относили к первоначальному строительному этапу кроме башни Луковка также и крепостные стены. Вопрос состоял только в том, какая их часть и в каком виде дошла до нашего времени? Натурные исследования и археологические раскопки показали, что значительные по объему части первоначальных стен сохранились в составе существующих крепостных сооружений. В исследованных местах именно внутренний слой стен является первоначальным. Отметим, что на участке северной стены в районе башни Луковка этот слой закрыт более поздним прикладом длиной около 100 м.

Наилучшую сохранность имеют западная крепостная стена и фрагменты стен в районе Темной и Талавской башен. Хуже всего сохранились южный и юго-восточный участки крепостной стены, где до недавнего времени существовали большие проломы, частично восстановленные при реставрационных работах. В различных частях крепости деструктированная древняя лицевая кладка заменена реставрационной.

Оценить параметры сохранившихся древних стен стало возможным только на отдельных участках крепости. Их высота в исследованных местах от низа фундамента до уровня ходовых площадок колеблется от 4,8 м (на северной стене) до 5,8 м

[5] Позднее башня подвергалась неоднократным ремонтам и реконструкциям: закладывались проемы, ремонтировались отдельные фрагменты лицевой кладки. При последней реконструкции под башней был вырублен погреб со сводчатым перекрытием, в связи с чем реконструировался и первый ярус (Бирюков 2000: 4-6).

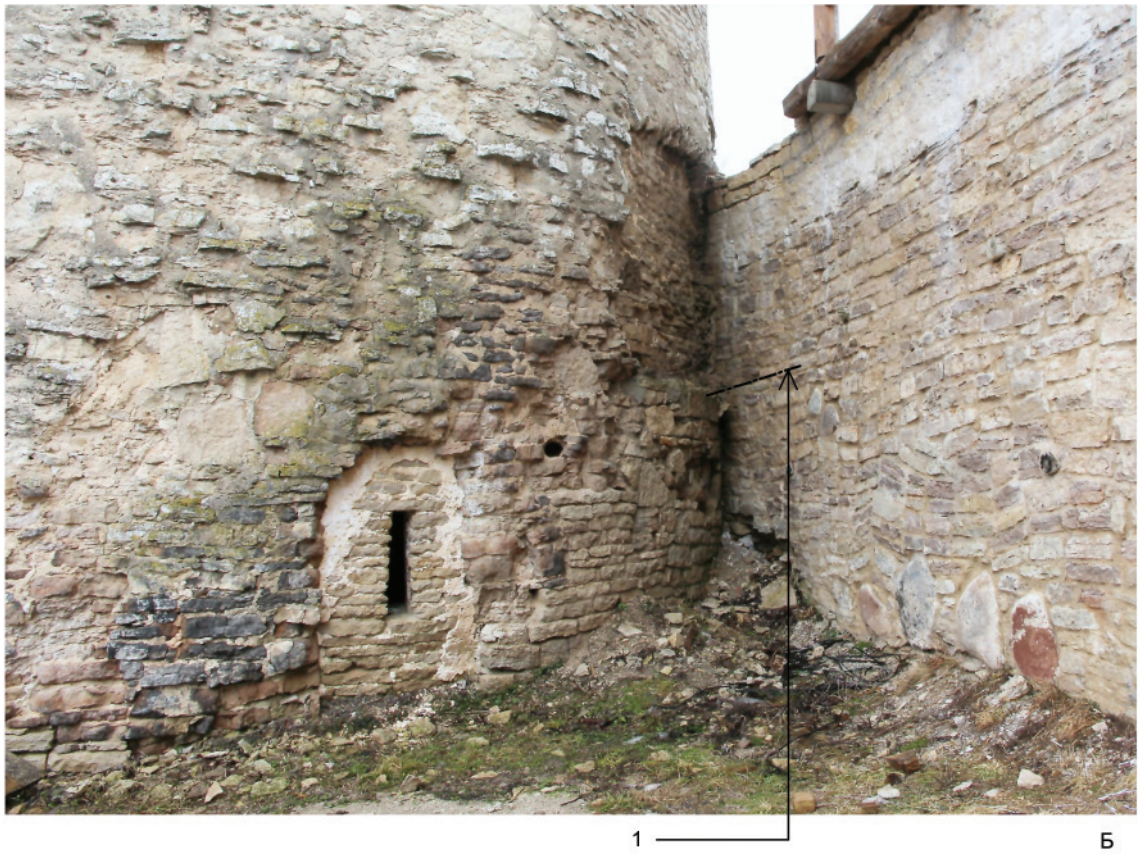

Рис. 3. Башня Луковка: А — план второго яруса; Б— вид с юга, фрагмент (1 — уровень ходовой лощадки первоначальной стены):
а — 1-й строительный этап; *б* — 2-й строительный этап (закладка проемов); *в* — 3-й строительный этап; *г* — последний строительный этап

Рис. 4. Бойница в западной стене: А — общий вид.; Б — южный откос с гнездом от запорного бруса

(на западной стене). В ходе расчистки стен от руинированных кладок и осыпей были открыты фрагменты лицевой кладки частично сохранившихся брустверов первоначальной стены (предполагаемая высота от 1,8 до 2 м). В стенах брустверов отсутствовали бойницы, что указывает на возможность существования деревянных сооружений в верхней их части (рис. 5).

Интересно, что при реставрации северной стены в районе Талавских ворот была открыта ходовая площадка и бруствер первоначальной стены, высота которой вместе с бруствером составляет всего около 3 м (рис. 6). В целом при исследовании первоначальных стен было прослежено, что поверхности ходовых площадок следовали за линией древней дневной поверхности.

Ширина древних стен была выявлена в проемах вылазных, башенных и крепостных ворот, а также на участках археологически открытых руинированных кладок и составляла от 2,07–2,70 м.

Оценка особенностей и параметров нижней части древних стен стала возможной только после проведения археологических исследований. Внутри крепости было заложено несколько раскопов, примыкавших к основаниям стен (рис. 7). На всех исследованных участках была выявлена подлинная кладка первоначальных конструкций разной степени сохранности. Определено, что стены закладывались с применением разных строительных приемов и материала. Если восточная и северная стены были сооружены от основания из колотых известняковых плит (рис. 8–9), то западная стена имела фундаментные конструкции из крупных валунов

Рис. 5. Западная стена, общий вид с юго-востока. 1 — уровень ходовой площадки стены 1-го строительного этапа; 2 — ворота в западной стене 1-го строительного этапа

Рис. 6. Северная стена во время реставрационных работ 2011 г. 1 — уровень ходовой площадки первого строительного этапа; 2 — бруствер первоначальной стены

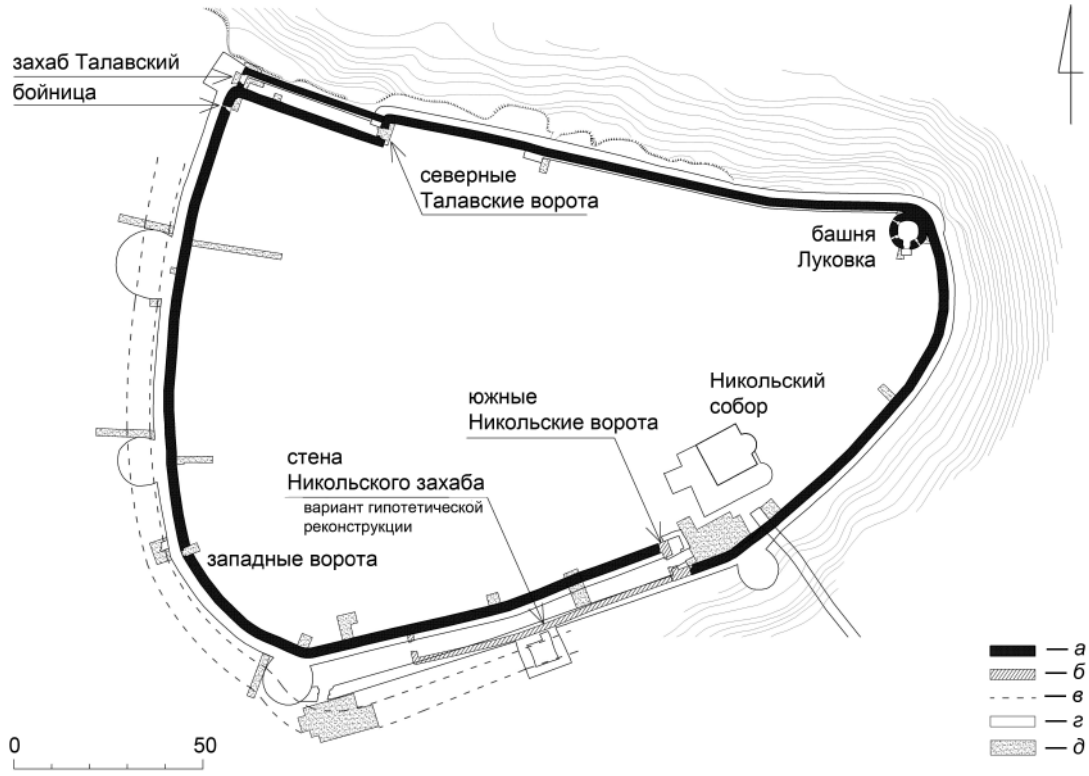

Рис. 7. Реконструкция плана Изборской крепости. Первоначальная крепость в системе сооружений последующих этапов: *а* — крепостные сооружения 1-го строительного этапа; *б* — гипотетическая реконструкция; *в* — зона крепостного рва 1-го строительного этапа; *г* — крепостные сооружения в XV–XIX вв.; *д* — археологические раскопы 2000–2013 гг., связанные с исследованием первоначального строительного этапа крепости

(рис. 10). Кроме того, при строительстве северной стены был использован прием, при котором первоначально подрубалась скала, на которую устанавливалось основание стены. Западная и восточная стены были поставлены на уровень горизонта древней дневной поверхности, которая в раскопах прослеживалась по слою погребенной почвы. Повсеместно были выявлены строительные линзы, опиравшиеся на этот слой. Таким образом, исследованные нами нижние части крепостных стен являются первоначальными, и их строительство может быть отнесено к первой трети XIV в.

Отметим, что ни на одном из исследованных участков не было обнаружено следов деревянных укреплений. Таким образом, гипотеза о существовании «деревянного этапа» первоначальной крепости на Жеравьей горе пока не получила реального подтверждения.

Из-за недостатка информации вопрос об оформлении въездных устройств на начальном этапе истории крепости долгое время оставался открытым. Существующие ныне въезды в крепость — захабы — относили ко времени не ранее конца XIV в.

Исследования Талавского захаба многое прояснили. В ходе натурного и археологического изучения захаба в его составе были выделены части, относящиеся к первоначальным конструкциям: небольшие фрагменты западной стены с воротами и поворот к северной стене (рис. 11). Первоначальный захаб представлял собой

Рис. 8. Северная стена и северный откос Талавских ворот, вид с востока. 1 — кладка первого строительного этапа; 2 — фрагмент кладки последующей реконструкции ворот; 3 — откос ворот после последней реконструкции

Рис. 9. Основание восточной стены

Рис. 10. Основание северо-западного угла крепости, вид с юга

Рис. 11. Талавские захабные ворота, вид с востока. Первый строительный этап: 1 — северная стена крепости; 2 — западная стена захаба с воротами; 3 — фрагмент северной стены захаба. Второй строительный этап: 4 — восточная стена башни Талавской; 5 — закладка ворот захаба и устройство ворот башни; 6 — кладка 1845 г.

коридор, образованный основной стеной крепости и параллельной ей пристроенной снаружи более тонкой стеной — «приделком». Коридор ограничивался наружными воротами с запада и внутренними — с востока. Его датировка определяется соотношением с северной крепостной стеной, которая является на данном месте первоначальной (Гофман, Закурина 2005: 225–230). Таким образом, захаб как въездное устройство был задуман и сооружен изначально и может быть отнесен к первому строительному этапу крепости.

Необходимо отметить, что остается неизвестным, как выглядел древний южный въезд в крепость (Никольские крепостные ворота с захабом). Относя появление захаба к третьей четверти XV в., В. В. Косточкин отмечал, что на месте построенного в этот период захаба должно было существовать какое-то недошедшее до настоящего времени устройство (Косточкин 1959: 139). Открытие Талавских первоначальных крепостных ворот и захаба дает основание допустить, что с южной стороны крепость была снабжена подобным ему въездом.

Значительная часть каменных сооружений крепости сохранилась до наших дней, чего нельзя сказать о ее земляных и деревоземляных фортификациях, в частности рвах и валах. Сведения о том, что при строительстве крепости на Жеравьей

Рис. 12. Ров у башни Темной, вид с юго-запада

Рис. 13. Ров у башни Рябиновки, вид с востока

горе были выкопаны рвы, имеются в сообщении Псковской третьей летописи под 1330 г.: «Селога посадникъ съ псковичи и съ изборяны поставише город Изборескъ на горе на Жеравии; того же лета и стеноу каменоу с плитою оучиниша, и *ровы изриша под городом*…(курсив наш. — *Авт.*)» (ПЗЛ: 92). О рвах Изборской крепости в более поздних письменных документах нет никаких известий. Только в описи Изборска 1701 г. мы встречаем упоминание о существовании вала между башнями Рябиновкой и Талавской (Емелина 2002: 43). В 60-е гг. XIX в. инженером И. Ф. Годовиковым были выполнены эскизы Изборской крепости, где показана система из рва и вала, огибающая крепость с западной стороны (Годовиков 1880: лист II Б). И в настоящее время с западной стороны на расстоянии около 15–18 м от стен крепости хорошо просматриваются участки сильно заплывшего рва.

В 2000-х гг. в ходе исследований с западной и южной сторон крепости были открыты ранее неизвестные земляные фортификации (Закурина 2014: 48–54). На расстоянии 3–4 м от крепостных стен выявлены участки рва, вырубленного в скале, ширина которого достигала 6 м, а глубина около 1,5 м (рис. 12–13). Заполнение рва повсеместно, кроме участка перед воротами Никольского захаба, состояло из однородных дресвяных суглинистых отложений с большим количеством известнякового щебня. Большая их часть (толщиной до 0,8 м) сформировалась единовременно.

В раскопах прослеживалось, что башни Вышка, Рябиновка, Темная и Плоская были поставлены в ров — местами на дно, местами на заполнение толщиной до 0,5 м. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что относительно башен ров имеет более раннее происхождение, и на этапе их строительства он утратил свое

значение. Небольшое расстояние от основания первоначальной крепостной стены до края рва (ширина бермы) указывает на то, что в период его функционирования стены крепости имели относительно небольшую высоту, что характерно для стен первого строительного этапа. Материалы, полученные из заполнения рва, дают основание отнести его к первой трети XIV в. Видимо, именно об этом рве написал псковский летописец: «…и ровы изриша под городом…» (П3Л: 92).

Таким образом, в состав первоначальных сооружений крепости на Жеравьей горе может быть включен и впервые открытый ров, огибавший укрепления с западной и южной сторон. Участок же ныне существующего сильно заплывшего рва имеет отношение к более позднему этапу строительства крепости, связанному с возведением башен в конце XIV — начале XV в.

Для полноты картины отметим, что в западной стене между башнями Рябиновкой и Темной сохранились небольшие ворота, относящиеся к первому строительному этапу, назначение которых остается неизвестным. Археологическими исследованиями с напольной стороны перед воротами был открыт крепостной ров, в пределах которого выявлены фрагменты каменного сооружения на валунном основании предположительно относящегося к концу XIV — началу XV в.

Важнейшим каменным сооружением, которое также может быть отнесено к первоначальной крепости, является до сих пор неисследованный Никольский собор, впервые упомянутый в Псковской летописи под 1341 г. как уже существующий (П1Л: 18; П3Л: 95).

Таким образом, первоначальный строительный этап Изборской крепости представляется нам в следующем виде. Первыми сооружениями крепости были башня Луковка, находившаяся изначально внутри крепости, каменные стены по всему сохранившемуся до наших дней периметру, а также Никольский собор. Северный и южный въезды в крепость защищали устройства коридорного типа — захабы. С западной и южной сторон крепость огибал ров.

Литература

Артемьев 1998 — *Артемьев А. Р.* Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1998. 418 с.

Белецкий 1995 — *Белецкий С. В.* О летописной дате строительства Изборской крепости // Фортификация в древности и средневековье (материалы методического семинара ИИМК РАН). СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 101–102.

Бирюков 2000 — *Бирюков Ю. Б.* Памятник архитектуры XIV–XV вв. Изборская крепость. Музей-заповедник «Изборск». Башня Луковка XIV в. Т. 2. Комплексные научные исследования. Кн. 2. Отчет об археологических исследованиях // Архив ПСПР. Арх. № 25.1.1-288 а. 2000.

Годовиков 1880 — *Годовиков И. Ф.* План Изборской крепости. Альбом «Описание и изображение древностей Псковской губернии». Вып. 1. Псков, 1880 // Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Фонд 174 И. Ф. Годовикова. Л. II.

Гофман, Закурина 2005 — *Гофман Г. С., Закурина Т. Ю.* Исследования Талавского захаба Изборской крепости (к вопросу о периодизации строительства) // АИППЗ. Материалы 50-го научного семинара. Псков: ИА РАН, ПГОИАХМЗ, 2005. С. 220–235.

Емелина 2002 — *Емелина О. В.* Памятник архитектуры XIV–XV вв. Изборская крепость. Научно-проектная документация. Т. 2. Комплексные научные исследования. Кн. 1. Историко-архивные и библиографические исследования. Историческая записка // Архив ПСПР. Арх. № 25.1.1-287. 2002.

Закурина 2014 — *Закурина Т. Ю.* Изборская крепость. Новые открытия археологов. Псков: Стерх, 2014. 57 с.

Косточкин 1959 — *Косточкин В. В.* Строительная биография крепости Изборска // СА. 1959. № 1. С. 124–143.

Косточкин 1962 — *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.

П1Л — Псковская Первая летопись // Псковские летописи. Вып. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 3–146.

П2Л — Псковская Вторая летопись // Псковские летописи. Вып. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 9–69.

П3Л — Псковская Третья летопись // Псковские летописи. Вып. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 70–290.

Раппопорт 1952 — *Раппопорт П. А.* Изборск: из истории военно-инженерного искусства Древней Руси // Воронин Н. Н. (ред.). Древнерусские города. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 154–183 (МИА. № 31).

Раппопорт 1961 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 246 с. (МИА. № 105).

Седов 1988 — *Седов В. В.* Древний Изборск // Ямщиков С. В. (сост.). Древний Псков: история искусство, археология: новые исследования. М.: Изобразительное искусство, 1988. С. 44–65.

Седов 1993 — *Седов В. В.* Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности — заповедный край России. Псков: ПГОИАХМЗ, 1993. С. 9–40.

Седов 2007 — *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 412 с.

Седов Вл. 2011 — *Седов Вл. В.* Мстиславский костер Среднего города Пскова и псковско-новгородские фортификации конца XIV — начала XV века // Седов В. В. (отв. ред.). Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2. К юбилею И. К. Лабутиной. Псков: ПГОИАХМЗ, 2011. С. 166–176.

Седов Вл. 2014 — *Седов Вл. В.* Изборск и крепости Ливонии. Противостояние башен // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna aukus. Tallinn; Tartu, 2014. С. 247–258.

Т. Н. Джаксон
(Москва)

О природных чудесах Исландии[1]

В этой статье, написанной к юбилею Анатолия Николаевича Кирпичникова, я хочу подарить ему тот остров, с которым связана вся моя сознательная жизнь, откуда происходят те письменные источники, с которыми я работаю и которые, среди прочего, знают об Альдейгье/Альдейгьюборге — Ладоге, которую мне когда-то подарил, показав мне ее и приветив меня в ней,
Анатолий Николаевич

Остров, носящий сейчас имя Исландия, был открыт во второй половине IX в. и на отрезке времени немногим более полувека заселен и освоен (Глазырина 2009). Однако его письменная «фиксация» произошла значительно позже. Со времен Пифея (вторая половина IV в. до н. э.), чье подлинное сообщение, однако, не сохранилось, греческие и римские писатели и географы, описывая крайний (в их понимании) север, живописали удивительный остров Туле (варианты: Фула, Тула, Тиле), который (в пересказе Страбона) «отстоит от Бреттании к северу на 6 дней морского пути и находится вблизи замерзшего моря», «является наиболее отдаленной страной», а в соседних с ним областях «нет более ни земли в собственном смысле, ни моря, ни воздуха, а некое вещество, сгустившееся из всех этих элементов, похожее на морское легкое.., по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле» (I.4.2, II.4.1, II.5.8 — Страбон: 69, 116, 106). Возникнув как воплощение человеческого представления о крайнем северном пределе обитаемой земли, остров Туле по мере расширения географических знаний «смещался» на север. Но раннесредневековые авторы крайне мало сумели добавить к тому, что уже было сказано античными авторами, повторяя их удивительные рассказы. Существует предположение, что первым, кто писал об острове Туле, имея в виду Исландию, был ирландский монах и ученый Дикуил (до 770 — после 825 г.), который в географическом трактате «Об измерении круга Земли» (Dikuil VII.7–13) рассказал о неизвестных ранее островах в Атлантическом океане (один из них Туле) со слов живших там ирландских монахов (подробнее см.: Джаксон 2005).

И всё же впервые Исландия была описана в 70-х годах XI в. — когда на практике она была уже достаточно хорошо известна — в хронике Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви». Адам пишет об Исландии (IV.36),

[1] Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья» (руководитель А. В. Махлаюк).

держась, как он утверждает, «правдивости, избегая россказней» (Адам: 443), а проще говоря, — на основании книжной учености, соединенной с библейской мудростью. Ссылаясь в одном параграфе и нескольких схолиях на (либо цитируя/пересказывая без указания) Саллюстия, Плиния, Лукана, Солина, Марциана Капеллу, Павла Орозия, Беду Достопочтенного (упоминающего к тому же Пифея), а также Книгу Числа, Евангелие от Иоанна, Деяния святых Апостолов, Первое послание к Тимофею и Послание к Римлянам, Адам рисует образ лежащего «далеко в середине океана», «почти неизвестного» и «бесконечно отнесенного от прочих» острова Тиле (*insula Thyle*), носящего имя «Исландия» (*Island*) «по тому льду, что сковывает океан», черному и способному к горению; *о*строва, где по полгода не бывает ночи и дня, где «совсем нет плодов, деревьев [же] очень мало», где люди «обитают в подземных пещерах», «живут за счет разведения скота и укрываются его шкурами» (Адам: 442–443). Далеко не такой была жизнь на острове к середине XI в., так что Адам просто воспользовался стандартным приемом для описания тех земель, о которых ничего не знал, — он составил компиляцию из книжных сведений.

Вместе с тем, будучи приближенным гамбургско-бременских архиепископов Адальберта (1053–1072) и Лимара (1072–1101), он имел информацию о том, что жители острова не так давно приняли христианство (это случилось в 1000 г.), и даже назвал по имени (*Isleph*) исландского епископа: действительно, в то время, когда Адам писал свою хронику, епископом в Скалхольте в Исландии (первым местным епископом) был Ислейв Гицурарсон (1056–1080). Любопытно перекликаются слова Адама (IV.36) о том, что «своего епископа они чтут за короля» (Адам: 443), с утверждением Гиральда Камбрейского (ок. 1146–1222 гг.), что власть в Исландии «находится в руках епископа» (Giraldus II.13: 96).

Анонимная хроника «История Норвегии»[2], записанная в третьей четверти XII в. (Ellehøj 1965; Mortensen 2003), вероятнее всего в восточной Норвегии, открывается (вслед за прологом) уникальным географическим описанием Норвегии и островов Северного моря (главы I–VIII). Главным источником и образцом для «Истории Норвегии» исследователи считают труд Адама Бременского, но, вопреки ожиданиям, в описании Исландии (HN VIII) аноним ни в коей мере не следует за Адамом. Он лишь сообщает, что «римляне называли остров *ultima Tile* („Крайняя Тиле“)», но не пересказывает при этом ни одного из устоявшихся книжных мифов относительно этого острова. Напротив, его рассказ выдает как принадлежность другой традиции[3], так и хорошее знакомство с островом самого автора либо его информантов.

Остров, по его словам, лежит в океане к западу от Фарерских островов (VIII. 1). Он говорит, что «норвежцы зовут его *Islandia* („Исландия“)», и переводит это название как *glaciei terra* („Ледяная страна“), объясняя его тем, что на острове имеются бесчисленные горы, покрытые вечным льдом, по сиянию которых мореплаватели

[2] Ссылки далее в статье на «Historia Norwegie» — по изданию 2003 года; перевод на русский язык всех цитируемых фрагментов из «Истории Норвегии» выполнен А. В. Подосиновым.

[3] Наряду с трудом Адама Бременского называют еще один источник германского происхождения, который мог послужить моделью для автора «Истории Норвегии», — это «Образ мира» Гонория Августодунского (между 1110 и 1139 гг.). Но также среди источников называют сочинения исландских историков начала XII в. Ари Мудрого и Сэмунда Мудрого. Явно не последнее место среди источников занимала и устная традиция, как утверждают, не связанная с исландскими сагами (подробнее см.: Джаксон 2012: 545–553).

обычно ориентируются в открытом океане (VIII. 4–5). Действительно, скандинавские мореходы пользовались визуальными ориентирами и передавали эти знания изустно из поколения в поколение. Такого рода заметка сохранилась, на наше счастье, в исландской «Книге о занятии земли» (редакция «Hauksbók», XIV в.): «С островов Хеннёйа у берегов Норвегии следует плыть постоянно на запад вплоть до Хварва на Гренландии, и тогда плавание пройдет к северу от Хьяльтланда (Шетландских островов), таким образом, чтобы они были достаточно хорошо видны с моря, и к югу от Фарерских островов так, что море лежит между горными склонами, и далее к югу от Исландии, чтобы [были видны] обитающие там птицы и киты» (Landnámabók: 33).

Автор «Истории Норвегии» знает, что «сейчас на острове проживает множество поселенцев (*frequentia colonum*)», и считает, что «раньше остров был пуст и людям неизвестен вплоть до времени Харальда Косматого» (VIII.1). Последнее утверждение весьма примечательно тем, что в исторической памяти и в дошедших до нас текстах заселение Исландии связано с именем норвежского конунга Харальда, сына Хальвдана Черного (ок. 858–928), но он известен по преимуществу как Харальд Прекрасноволосый (*Haraldr hárfagri*). Из большого числа саг и бесчисленных упоминаний в них конунга Харальда лишь по одному разу он назван «Косматым» (*lúfa*) в восьми источниках конца XII — XIV в. — трех сводах королевских саг («Обзор саг о норвежских конунгах», «Красивая кожа», «Круг земной» Снорри Стурлусона), в основанной на тексте Снорри «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», в вероятно написанной Снорри родовой «Саге об Эгиле» и в более поздних родовых сагах: «Саге о людях из Флои» и «Саге о людях из Озерной Долины», — причем во всех случаях уточняется, что его прежнее прозвище «Косматый» сменилось на «Прекрасноволосый». Можно думать, что всё это — отголоски существовавшей в устной традиции той красивой легенды о данном Харальдом обете не стричь волос, покуда он не завоюет всей Норвегии, которую передает Снорри Стурлусон (Hkr 1: 96–97, 122). В целом же приведенное утверждение анонимного автора хорошо перекликается с начальными словами «Книги об исландцах» Ари Мудрого (1122–1132 гг.) — «Исландия была впервые заселена из Норвегии в дни Харальда Прекрасноволосого» (Íslendingabók: 4) — или аналогичными замечаниями из «Книги о занятии земли» (Landnámabók: 32).

Не соглашусь с К. Фелпстедом, утверждающим, что аноним либо не был знаком с традициями, зафиксированными Дикуилом и Ари, либо не хотел ставить под сомнение роль норвежцев в колонизации острова, а потому утверждал, что раньше остров был пуст (Phelpstead 2001: 87). Но, как я отметила выше, Дикуил не отождествляет описываемый им остров с Исландией, а Ари об этих ирландских христианах, покинувших остров с появлением на нем язычников, говорит так, что явственно представляешь не постоянных жителей, а группку ирландских монахов-отшельников, избравших пустынный остров в качестве своего места обитания: «Тогда были здесь какие-то христиане, которых норвежцы называют „папар“, но позже они уехали прочь, потому что не хотели быть здесь вместе с язычниками, и оставили они после себя ирландские книги и колокольчики, и посохи: по ним можно было понять, что они были ирландцами» (Íslendingabók: 4). Об ирландских отшельниках, которые бывали на острове до норвежцев, говорит и Теодорик Монах, чья несколько более поздняя «История о древних норвежских королях» (1177–1180 гг.) не несет следов знакомства с анонимной «Историей Норвегии»: «в старину лишь очень немногие с острова Иберния, то есть с Малой Британии (т. е. Ирландии. — *Авт.*),

бывали там, как полагают на основании некоторых примет, а именно найденных их книг и иной утвари» (Theodoricus: 8–9, пер. А. В. Бусыгина). По поводу соотношения двух норвежских хроник и книги Ари Мудрого существуют взаимоисключающие мнения, из которых наиболее убедительной представляется точка зрения Т. М. Андерссона, утверждающего, что все три «кратких норвежских обзора», а именно «История Норвегии», «История» Теодорика и «Обзор саг о норвежских конунгах», восходят к Сэмунду и Ари (Andersson 1985: 201–211).

Первопоселенцами на острове «История Норвегии» объявляет двух норвежцев, «Ингвара и Хьёрлейва, бежавших с родины, потому что они были обвинены в убийстве», а вот первооткрывателями острова он называет Гардара, а вслед за ним Одда (HN VIII.2). И вновь мы находим параллельную информацию в нескольких ранних древнескандинавских источниках. Так, Ари Мудрый утверждает следующее: «Ингольвом звали норвежца, который, как истинно говорят, в первый раз приплыл оттуда в Исландию, когда Харальду Прекрасноволосому было шестнадцать лет, а во второй раз — несколькими годами позже» (Íslendingabók: 5). Вероятно, именно поэтому имя первопоселенца *Ingwar* заменено в издании Г. Сторма на *Ingulfr*, и чтение это принято исследователями, в правомерности чего справедливо сомневается Л. Б. Мортенсен (Mortensen 2003: 129), — ведь традиция могла донести имя до автора XII в. из восточной Норвегии именно в таком звучании. «Книга о занятии земли»[4] сообщает больше имен и подробностей, а именно: она знает викинга Наддодда (*Nadd-oddr*), чей корабль случайно занесло в (будущую) Исландию, когда он плыл из Норвегии на Фарерские острова, и который назвал этот остров *Snæland* «Снежной землей», да к тому же утверждает, что «так говорил священник Сэмунд Мудрый»; рассказывает о шведе Гардаре (*Garðarr*), отправившемся искать эту землю и проведшем зиму в Хусавике на севере, по чьему имени остров назвали *Garðarshólmr* «Остров Гардара»; повествует о викинге Флоки (которого не упоминает «История Норвегии») и его попутчиках, проведших две не очень удачные зимы на острове и давших ему, наконец, название *Ísland* «Ледяная страна» по увиденному ими с одной вершины заливу полному морского льда; пространно излагает, какие события и сражения вынудили побратимов Ингольва и Хьёрлейва отправиться на поиски той земли, которую нашел Флоки и которая была названа Исландией (Landnámabók: 34–41). Теодорик Монах в своей «Истории» тоже знает о нескольких людях, последовательно «открывавших» Исландию, но передает эту историю несколько иначе, чем анонимный автор: он рассказывает, как неких норвежских купцов, направлявшихся на Фарерские острова, прибило после долгих блужданий по океану к какой-то весьма удаленной земле, куда вскоре после них приплыли Гардар, затем Флоки, а позднее Ингольв и Хьёрлейв, начавшие обживаться там на десятый год правления в Норвегии Харальда Прекрасноволосого, т. е. в конце 860-х гг. (Theodoricus: 8–9). Исландские анналы датируют «начало заселения Исландии» (порой уточняя, что Ингольвом) 874 и 875 гг. (IA: 14, 46, 99, 247, 313), а Скалхольтские анналы называют два года — когда он в первый (870 г.) и во второй (874 г.) раз приплыл на остров (Ibid.: 174).

Несильно ошибается автор «Истории Норвегии», утверждая, что «в течение примерно пятидесяти лет [Исландия] была заселена так, как она поделена теперь

[4] Самая старшая из дошедших до нас пяти редакций книги была написана Стурлой Тордарсоном ок. 1275–1280 гг., а сохранилась в рукописи AM 107 fol. (*Sturlubók*), являющейся копией XVII в. с утраченного оригинала. Однако в основу этой версии, как полагают исследователи, лег текст начала XII в., созданный Ари Мудрым и его современником Колскеггом Мудрым.

(т. е. в его время. — *Авт.*)» (HN VIII.3). Здесь он близок к следующему утверждению Ари: «Мудрые люди также рассказали, что за шесть десятков лет Исландия была полностью заселена, так что больше не заселялась с тех пор» (Íslendingabók: 9).

Анонимный автор не только начитан/наслышан относительно истории острова, но также имеет представление о ее природных особенностях — вулканах, гейзерах, разнообразных источниках, о чем он мог узнать как из каких-то письменных текстов, так и из устных рассказов. Его текст изобилует вполне конкретными подробностями. Так, он говорит об одной горе, которая, содрогаясь подобно Этне, во время землетрясений извергает фрагменты горящей серы (HN VIII.6). Называет он ее *Mons Casule*, видимо, по ошибке поставив *casula* вместо *cuculla* «капюшон», а имея в виду вулкан Гекла, чье название (*Hekla*) буквально означает «плащ с капюшоном» (Mortensen 2003: 130). Исландские анналы фиксируют извержения Геклы под 1104, 1158, 1206, 1222, 1300 и 1341 гг. (IA: 111, 116, 122, 126, 146, 155). Для сравнения с вулканом Этна основания у автора «Истории Норвегии» были: о нем пишет в первой трети XII в. его источник, Гонорий Августодунский (I.35 и I.41–43), а известное во всей Европе извержение Этны произошло в 1169 г. (Koht 1950: 27). В конце XII в. находившийся на службе в Ирландии Гиральд Камбрейский писал, что в Исландии случаются землетрясения и извержения вулканов (Giraldus II.13: 96). Вне сомнения, о Гекле (не называя ее имени) как о горе, выбрасывающей пламя, пишет в начале XIII в. и датский хронист Саксон Грамматик (Saxo 0.2.7). В созданном в Норвегии в середине XIII в. дидактическом сочинении под названием «Королевское зерцало» (гл. 13) сын обращается к отцу с просьбой разъяснить ему, что собой представляют те большие выбросы огня (*eldsgangar*), которые столь многочисленны в Исландии, и что он думает о тех ужасающих землетрясениях (*landskjálftar*), которые там могут случаться (Speculum: 33). Исландские анналы говорят о землетрясениях и числе погибших в них людей под 1164 (в районе вулкана Гримснес) и 1182 гг. (IA: 116, 118).

Автору «Истории Норвегии» известно также, что во многих местах острова вырываются из-под земли небольшие горячие источники (HN VIII.7). Это, конечно же, гейзеры, пар от которых первопоселенцы приняли за дым, откуда и название того места, где, согласно Ари Мудрому (Íslendingabók: 5), поселился Ингольв, — *Reykjarvík* (от *reykr* — дым и *vík* — залив), «Залив дымов». Надо сказать, что гейзеры и в наше время снабжают город горячей водой. А вот анонимный автор явно передает сведения очевидца, рассказывая, что если такой источник перекрыть крышей, а жар его ослабить холодной водой, то это помещение жители могут использовать для мытья (HN VIII.7).

Еще два любопытных природных явления в Исландии отмечаются и автором «Истории Норвегии», и, возможно, заимствовавшим это у него (Mortensen 2003: 131) Саксоном Грамматиком. Первое — это такие колодцы/источники, что погруженная в них на одну ночь или находящаяся под воздействием их испарений ткань/вещь обращается в камень (HN VIII.8; Saxo 0.2.7). Очень близко к этим двух хроникам описывает то же явление «Королевское зерцало», где в гл. 13 говорится, что в Исландии имеются так яростно кипящие источники, что горячая вода выбрасывается в воздух, и то, на что она падает, обращается в камень (Speculum: 34). Х. Эллис Дэвидсон в комментарии к Саксону утверждает, что в горячих источниках Исландии случается перенасыщенность диоксидом кремния, а при выбросе в воздух попадание его кристаллов в поры другого вещества ведет к затвердению этого последнего (Ellis Davidson 1980: 22, note 21).

Второе явление — «бьющий среди песчаных излучин одной реки источник со вкусом и цветом пива (*cervasie*)», описанный в «Истории Норвегии» (HN VIII.9); источники, о которых говорят, что вода их имеет вкус напитка из *Cereale poculum* «чаши Цереры», т. е. пива/браги/эля, у Саксона (Saxo 0.2.7); наконец, *ölkeldur* «источники эля», о которых со ссылкой на устную традицию (*svá er sagt* «как говорят») рассказывает сыну отец в гл. 15 «Королевского зерцала» (Speculum: 37). Х. Эллис Дэвидсон высказывает мнение, что речь идет о минеральных источниках (Ellis Davidson 1980: 23, note 29). Такое мнение подтверждается рассказом «Королевского зерцала» о том, что унесенная из источника эта вода вскоре теряет свои свойства и делается ничуть не лучше обычной воды (Speculum: 38).

Уникален (в кругу близких жанрово и хронологически текстов) рассказ автора «Истории Норвегии» об удивительных событиях, случившихся у берегов Исландии в его время (*nostra etate*), — о том, как более чем на три мили вся вода в океане (букв.: в море) начала бурлить и кипеть, как в котле, а затем, вместе с выбросом из глубины огня и дыма, над поверхностью образовалась огромная гора (HN VIII.11), хотя несколько лексических оборотов и позаимствованы автором у Гонория. Дело в том, что описание настолько соответствует исландской действительности, что вполне могло бы быть записью рассказа очевидца. Вулканическая активность в Исландии на всем протяжении существования острова проявляется не только на само́м острове, но и на близлежащих южных островах, а также под водой в южном и северном направлениях. Через Исландию тянется огненный пояс, связанный с системой разломов Срединно-Атлантического хребта, и далее на юг разлом продолжается уже под водой, о чем свидетельствует множество мелких островков Вестманнаэйяр, имеющих вулканическое происхождение. Впервые исландские анналы фиксируют подобное событие под 1211 г.: «Землетрясение к югу от земли. Погибло 15 человек. Огонь взлетал вверх из моря» (IA: 123), однако это не означает, что раньше (до времени записи «Истории Норвегии») такого не происходило, поскольку анналы для XII в. и более раннего времени отражают далеко не всё из того, что случалось в исландской жизни (Koht 1927). Событие это, однако, самому рассказчику показалось столь невероятным, что он завершил эту главу пространным рассуждением о природе подобных чудес, сославшись на Солина с его «Книгой о чудесах мира» (HN VIII.13) и закончив молитвой о том, чтобы Всевышний просветил наши умы, дабы мы могли постичь подобные явления (VIII.19–20).

Судя по количеству описанных в «Истории Норвегии» природных чудес, то, что путешественники видели в Исландии, о чем впоследствии рассказывали, потрясало воображение и закреплялось в устной традиции, почему анонимному автору и не пришлось в рассказе об этом острове прибегать к древнему книжному знанию.

Источники

Адам — Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви. Пер. В. В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. С. 297–449.

Страбон — Страбон. География: в 17 кн. / Пер., статья и комм. Г. А. Стратановского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1994. 637 с.

Adam — Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Schmeidler B. (ed.). Hannover; Leipzig, 1917.

Dikuil — Dikuili Liber de mensura orbis terrae // Tierney J. J., Bieler L. (eds.). Scriptores latini Hiberniae. Vol. VI. Dublin: Institute for Advanced Studies, 1967.

Giraldus — Giraldi Cambrensis Topographia Hiberniae // Dimock J. F. (ed.). Giraldi Cambrensis Opera. Vol. V. London : Longman, Green, Longman, & Roberts, 1867. 596 c.

Hkr 1 — Snorri Sturluson. Heimskringla. 1 // Bjarni Aðalbjarnarson (ed.). Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1941. B. XXVI.

HN — Ekrem I., Mortensen L. B. (eds.). Fisher P. (tr.). Historia Norwegie. Copenhagen, 2003. 251 p.

IA — Storm G. (ed.). Islandske annaler indtil 1578. Christiania, 1888 (reprint — Oslo, 1977). 667 c.

Íslendingabók — Íslendingabók // Jakob Benediktsson (ed.). Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1969. B. I. Bls. 1–28.

Landnámabók — Landnamabok // Jakob Benediktsson (ed.). Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1969. B. I. Bls. 29–397.

Saxo — Olrik J., Ræder H. (eds.). Saxonis Gesta Danorum. Hauniæ, 1931. 560 c.

Theodoricus — Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Storm G. (ed.). Monumenta historica Norvegiæ Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen. Kristiania, 1880. P. 1–68.

Speculum — Keyser R., Munch P. A., Unger C. R. (eds.). Speculum Regale. Konungs-Skuggsjá: Konge-Speilet. Et Philosophisk-Didaktisk Skrift, Forfattet i Norge mod Slutningen af det Tolfte Aarhundrede. Christiania, 1848. 206 c.

Литература

Глазырина 2009 — *Глазырина Г. В.* Исландия. История // Новая российская энциклопедия. Т. 7. Ч. 1. М.: Инфра-М, 2009. С. 201–206.

Джаксон 2005 — *Джаксон Т. Н. Ultima Thule* в западноевропейской и исландской традициях // Джаксон Т. Н. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М.: Восточная литература, 2005. С. 63–72.

Джаксон 2012 — *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание 2-е, в одной книге, испр. и доп. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.

Andersson 1985 — *Andersson Th. M.* King's Sagas (*Konungasögur*) // Clover C. J., Lindow J. (eds.). Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. Ithaca: Cornell University Press, 1985 P. 197–238 (Islandica. Vol. XLV).

Ellehøj 1965 — *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning // Bibliotheca Arnamagnæana. Kobenhavn, 1965. Vol. XXVI.

Ellis Davidson 1980 — *Ellis Davidson H.* Commentary on the text // Ellis Davidson H. (ed.). Fisher P. (tr.). Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Books I–IX. Cambridge, 1980. Vol. II.

Koht 1927 — *Koht H.* Um upphave til dei islendske annalane // Historisk tidsskrift. Oslo, 1927. R. 5. B. 6. S. 31–45.

Koht 1950 — Koht H. (tr.). Den eldste Noregs-historie. 2. utg. (Norrøne bokverk 19). Oslo, 1950.

Mortensen 2003 — *Mortensen L.B.* Introduction // Ekrem I., Mortensen L. B. (eds.). Fisher P. (tr.). Historia Norwegie. Copenhagen, 2003. P. 8–47.

Phelpstead 2001 — *Phelpstead C.* Introduction; Notes to Historia Norwegiae // Phelpstead C. (ed.). Kunin D. (tr.). A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr. L., 2001. P. IX–XLV; 75–100.

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов
(Санкт-Петербург)

Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища[1]

Во второй половине IX — X в. Рюриково городище являлось крупнейшим торгово-ремесленным и военно-административным центром Приильменья, находящимся в месте схождения двух главных водных путей Восточной Европы — балтийско-волжского и балтийско-днепровского. В ходе раскопок на памятнике были найдены многочисленные привозные стеклянные предметы. В первую очередь — это бусы, составляющие вторую по численности после керамики категорию находок. Значительно меньше на Рюриковом городище встречено других стеклянных изделий.

Впервые при исследованиях последних десятилетий на памятнике были найдены фрагменты раннесредневекового посудного стекла (Носов и др. 2017: 41, 148, 160, 215, ил. 4, *1–19, 37*). Эти находки происходят из раскопов 1994, 2007–2009 и 2011 гг., расположенных в разных частях поселения. Всего зафиксировано два десятка обломков сосудов: девять венчиков и 11 стенок. В основном обломки принадлежали сосудам, изготовленным из прозрачного голубовато-зеленоватого стекла. Только один фрагмент венчика имеет зеленоватый цвет. Диаметр сосудов на уровне венчика около 7 и 8 см. Найденные обломки принадлежат не менее чем пяти сосудам. Из-за малого размера фрагментов трудно определить их форму, хотя, судя по наклону стенок верхней части тулова, она, скорее всего, была конической. Большинство находок происходит из напластований X в., в том числе из комплексов, датированных не позднее третьей четверти этого столетия. Кроме посудного стекла в культурном слое Рюрикова городища, отложившемся во второй четверти или второй трети X в., были найдены обломок оконного стекла и мозаичный модуль из зеленоватого прозрачного стекла с золотой прокладкой (Носов и др. 2017: 205, ил. 4, *39, 44*).

Химический состав стекла исследован у семи предметов с Рюрикова городища: пяти обломков сосудов, смальты и фрагмента оконного стекла (рис. 1; табл.).

[1] Работа выполнена по темам государственного задания ИИМК РАН: «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология» (№ 0184-2019-0009) и «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития» (№ 0184-2019-0007).

Таблица

Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла с Рюрикова городища, %

Основа SiO_2

Шифр анализа	893–60	894–40	894–41	894–42	894–43	894–44	895–3
№ п/п	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Предмет	сосуд	сосуд	сосуд	сосуд	сосуд	смальта	оконное стекло
Год	2011	2007	2007	2008	1994	1994	1994
№ по описи	РГ-1220	РГ-518	РГ-1127	РГ-1131	РГ-59	РГ-II-206	РГ-II-314
Цвет	син-зел	зел	син-зел	син-зел	син-зел	зел +Au	син-зел
Na_2O	18	1,5	16	15	17	16	2,1
K_2O	2,0	8,7	2,1	2,1	1,8	2,8	1,6
CaO	5,1	14	7,7	9,3	7,0	7,7	8,0
MgO	1,1	5,1	1,7	3,6	2,0	2,2	1,4
Al_2O_3	1,4	3,3	3,2	3,6	3,3	3,6	2,7
Fe_2O_3	2,0	1,1	1,7	1,7	2,0	3,2	0,9
MnO	0,7	1,8	0,8	1,3	1,6	2,1	1,1
TiO_2	0,3	0,1	0,3	0,3	0,3	0,5	0,3
PbO	0,4	–	0,2	0,1	0,5	0,07	0,2
SnO_2	0,02	–	0,06	0,04	0,5	0,03	0,3
CuO	–	–	0,1	–	–	–	0,04
CoO	–	–	–	–	–	–	–
Sb_2O_5	–	–	–	–	–	–	–
Ag_2O	–	–	–	–	–	–	–
NiO	0,01	0,01	0,02	0,02	0,01	0,02	–

Анализ выполнен методом оптико-эмиссионной спектрографии на кварцевом спектрографе ИСП-22 по методике, разработанной В. А. Галибиным (Галибин 2001: 59) с использованием подобранных им эталонов и эталонов из Музея стекла в Корнинге, США. Пробы сжигались в кратере коксового электрода в дуге переменного тока. Учитывая невысокую точность анализа, для содержаний компонентов ниже 1 % дана одна значащая цифра, для больших — две. За значимые приняты значения содержаний равные или выше 0,01 %, что в большинстве случаев (здесь исключение CuO с более низким пределом определения) близко соответствует пределу обнаружения. Содержание SiO_2, которое во всех случаях является основой, не определяли. Предел обнаружения калия В. А. Галибин оценивает в 2 % (Галибин 2001: 48), однако при использовании современных фотопластинок, имеющих гораздо большую спектральную чувствительность чем те, с которыми работал аналитик, достижимый предел обнаружения снижается примерно до уровня 1 %. Результаты анализа приведены в таблице, при этом прочерк в ячейке означает, что содержание компонента ниже 0,01 % (CuO) или же он не обнаружен.

Уже беглый взгляд на состав стекла четырех сосудов и смальты Рюрикова городища (образцы №1, 3–6; рис. 1, *1, 3–6*) убеждает в том, что стекло названных артефактов сварено с участием растительной золы солончаковых растений, иначе галофитов, о чем говорит повышенное содержание калия (по отношению к натрию) и магния (по отношению к кальцию). Зольный характер стекла предполагается при достижении определенных значений содержания этих компонентов. Так, в часто цитируемой одной из основополагающих работ Э. В. Сайра и Р. В. Смита для содержания магния и калия в стекле второй половины второго тысячелетия до н. э., когда содового стекла еще не существовало, среднее содержание из полутора десятков определений составило соответственно 3,6 и 1,13 %. В более позднем раннеисламском несвинцовом стекле значения также близкие, соответственно 4,9 и 1,45 %, средние из 66 определений (Sayre, Smith 1961: 1825). К этим значениям близко содержание магния и калия в стекле четырех образцов (№ 3–6) с Рюрикова городища.

Такой состав стекла не вызывает удивления, поскольку в последней четверти I — начале II тыс. н. э. наблюдается переход от содового стекла, бывшего основным типом в римское и ранневизантийское время на широком циркумсредиземноморском пространстве, к зольному. В Восточном Средиземноморье процесс замены в рецептуре стекла происходил в период между концом VIII и XI в. (Henderson 2003; Henderson et al. 2004; Phelps 2018). Анализ датированных исламских стеклянных разновесов и пломб из Египта показал, что на берегах Нила переход к стеклу на основе растительной золы произошел не позже середины X в. (Gratuze, Barrandon 1990: 161–162; 1991: 41–42, fig. 11). В византийском производстве равновесие в применении этих двух видов щелочного сырья, по предположению Ю. Л. Щаповой, «могло наступить на рубеже VIII–IX вв.», а в XI–XII вв., по ее данным, «применяли главным образом золу и очень редко соду» (Щапова 1983: 179–180). На территории Руси единичные находки содового стекла отмечены и в более позднее время, например в Твери в XIV в. (Егорьков 2001: 148, ан. 94).

В стекле одного сосуда (№ 1; рис. 1, *4*) с Рюрикова городища содержание магния составляет 1,1 %, т. е. ниже величины, приводимой Э. В. Сайром и Р. В. Смитом для зольного стекла (Sayre, Smith 1961: 1825). В таких случаях ряд исследователей предполагает частичную замену золы природной содой (Bugoi et al. 2014: 166–167), представляющей собой минеральный эвапорит *трону*, в качестве месторождения которого чаще всего называется долина Вади-Натрун в Египте. Однако в рассматриваемом случае предполагать добавку природной соды к золе в исходной шихте вряд ли возможно. Во-первых, содержание калия вполне соответствует зольному стеклу, во-вторых, как уже отмечено, вычисленное низкое содержание магния может быть следствием невысокой точности метода анализа, иногда рассматриваемого как полуколичественный, в-третьих, нельзя исключить погрешность взвешивания при взятии навески или просыпки ее части при осуществлении сжигания пробы. Последнее представляется наиболее вероятным из-за пониженного, точнее говоря, самого низкого из всех исследованных образцов содержания кальция.

Впрочем, иные исследователи решают вопрос о принадлежности стекла к содовому или зольному (на золе галофитов) лишь на основании отношения натрия к калию при определенном наименьшем содержании последнего. Краткий обзор этих взглядов изложил В. А. Галибин (Галибин 2001: 75). В качестве пограничного он дает наименьшее значение отношения Na_2O/K_2O, равное 7,5 (при минимальном

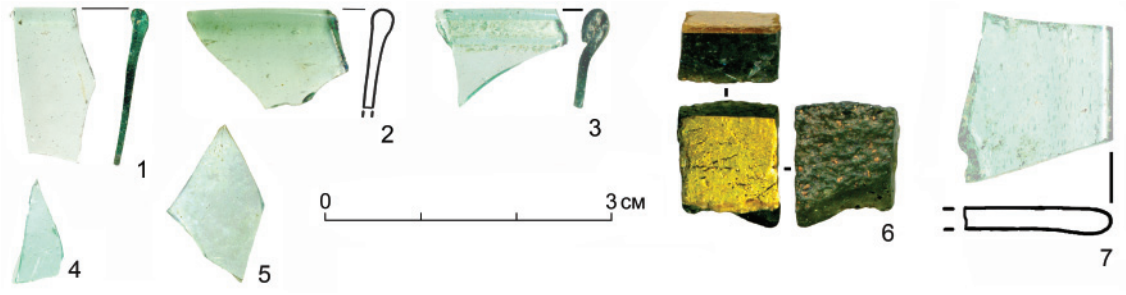

Рис. 1. Образцы стекла с Рюрикова городища, исследованные методом оптико-эмиссионной спектрографии

содержании калия 1,5 %), ниже которого образец попадает в область зольных стекол. В то же время, по мнению Ю.Л. Щаповой, это соотношение составляет 13, при калии не ниже 1,5 % (Щапова 1983: 29), а согласно польской исследовательнице А. Гирдвойнь — 11 и 1,3 % соответственно (Girdwoyń 1987: 25). Последнее соотношение представляется наиболее близким к реальности. По нему стекло образца № 1 с соотношением Na_2O/K_2O, равным девяти, определяется как зольное. Аналогию такому стеклу можно найти в литературе. Так, к сваренному на золе галофитов по соотношению щелочных элементов отнесено стекло 15 из 16 игровых фишек из Гнёздова (Ениосова и др. 2018: 154–156), причем в половине случаев содержание магния в них не превышает 1 % и лишь в одном оно достигает 3 %.

Разумеется, здесь не вполне уместно решать вопрос о примеси природной соды к растительной золе из-за неточности использованного метода анализа и малого количества определений. Важным является лишь факт установления использования золы галофитов в качестве основного щелочного плавня. Более подробно проблема определения компонентов шихты рассмотрена в недавно вышедшей работе одного из авторов (Егорьков 2015).

Несколько отличным от сосудов Рюрикова городища (№ 1, 3–5) выглядит состав золотостеклянной смальты (№ 6; рис. 1, *6*). В нем отмечено большее чем в посудном стекле содержание калия, алюминия, железа, марганца и титана, что свидетельствует о другом составе исходной золы и песка для его производства. Спектр стекла мозаичного кубика не показал присутствия золота, поскольку золотая фольга не была вовлечена в пробу. Интересно отметить, что в англоязычной литературе стекло с повышенным содержанием трех последних элементов часто встречается под аббревиатурой HIMT (high iron, manganese, titanium). Она относится к содовому стеклу, широко распространившемуся на территории Европы и Средиземноморья в конце IV или начале V в. н. э. (Freestone et al. 2005). Объяснение повышенного содержания титана в стекле, окрашенном железом, дал В. А. Галибин. Он предположил его попадание в стекло из песка, в котором в составе железосодержащих минералов присутствует титаномагнетит Fe_2TiO_4 (Галибин 2001: 48). Действительно, титан в стекле берет свое начало из песка, поскольку растениями он усваивается в ничтожных количествах (Ивлев 1986: 40) и следовательно в золе практически отсутствует. Очевидно и то, что для обесцвечивания стекла при повышенном содержании железа требуется введение повышенной дозы диоксида марганца. Поскольку такой набор элементов в содовом стекле определяется особенностями состава песка, можно

предполагать его использование как маркера провинций, его производящих. Однако для зольного стекла, из которого изготовлена рассматриваемая здесь смальта, такая функция состава не может быть маркирующей, поскольку железо постоянный компонент как песка, так и золы.

Состав смальты Рюрикова городища можно сопоставить с составом средневековой (более точно не датированной) византийской смальты, тоже содержащей золотую фольгу. В обоих случаях стекло зольное, хотя в последнем содержание железа и, следовательно, титана заметно ниже (Henderson, Mundel Mango 1995: 350–352). Вместе с тем состав единственного найденного экземпляра смальты мало что говорит о традиционных типах стекла, используемых для изготовления настенных мозаичных полотен, поскольку от стеклянных кубиков, имеющих широкую цветовую гамму, трудно ожидать постоянства состава. Примером его разнообразия могут служить смальты XI в. из Успенского собора Киево-Печерской Лавры и из собора Санта-Мария-Ассунта на острове Торчелло, недалеко от Венеции (Щапова 1975; Andreescu-Treadgold et al. 2006: 120–137; Andreescu-Treadgold, Henderson 2009: 407–415).

Результаты анализа показывают, что не во всех случаях для выработки стекла была использована зола одного типа. Из общего ряда выделяется состав стекла одного сосуда Рюрикова городища (№ 2; рис. 1, *2*). Совместное высокое содержание калия и кальция указывает на то, что это стекло сварено на золе деревьев континентальной зоны, прежде всего бука (Галибин 2001: 84). Находки стеклянных изделий, сваренных с использованием древесной золы, представлены на памятниках Западной, Центральной и Северной Европы уже в последней четверти I тыс. н. э. Древнейшие хорошо датированные образцы стекла такого состава обнаружены в слое разрушения императорского дворца в Падерборне (Германия), сожженного во время восстания саксов в 778 г. В течение нескольких столетий стекло на основе древесной золы постепенно вытеснило содовое и стало с начала II тыс. н. э. доминирующим (Galuška et al. 2012: 64, 71, 74, 90, analysis A 02, A 09; Krueger, Wedepohl 2003: 93–94; Heyworth 1990; Wedepohl et al. 2011: 82, 88, 94–95, fig. 1; Wersch et al. 2015). На территории нашей страны находки артефактов из такого стекла зафиксированы в отложениях второй половины X в. Гнёздовского поселения (Мурашова и др. 2010: 517–518, 523, ан. 1), а также в слоях XIV столетия в Твери (Егорьков 2001: 148, ан. 95, 96).

В отличие от рассмотренных выше артефактов состав оконного стекла с Рюрикова городища (образец № 7; рис. 1, *7*) не поддается интерпретации. Причина в очень низком содержании щелочей, недостаточном, как считается, для стеклообразования. Ошибка определения состава при этом не может рассматриваться в качестве причины такого несоответствия, поскольку повторный анализ (№ 8) в целом подтвердил правильность первоначального определения. Несмотря на отличие цифровых значений содержаний, вызванное невысокой точностью оптико-эмиссионной спектрографии, тип состава остался прежним. Впрочем, возникающие иногда сложности интерпретации состава стекла с целью установления исходных компонентов шихты отмечены в литературе. Не имея возможности останавливаться подробно на трудностях, возникающих при интерпретации состава стекла из-за их разнообразия, сошлемся лишь на проблемы, отраженные в последних публикациях. Так, при изучении стеклянных артефактов из древнерусского Мстиславля

(Республика Беларусь) (в подавляющем большинстве — браслетов) необычность предмета (вставка в перстень, найденная в единственном экземпляре) сопровождалась и необычностью его состава, интерпретировать который так и не удалось (Королёва, Егорьков 2016: 168, 170). Сложность интерпретации отмечена и для одной из стеклянных фишек из Гнёздова (Ениосова и др. 2018: 154, 156, ан. 8 (358)). В рассматриваемом здесь случае образца № 7 остается лишь надеяться, что решение может быть найдено при использовании современных точных методов анализа, которые в перспективе планируется использовать.

Итак, стекло из ранних слоев Рюрикова Городища оказалось главным образом сварено с использованием золы солончаковых растений и только в одном случае в качестве щелочного сырья использована зола деревьев континентальной зоны. В недавно вышедшей публикации материалов Рюрикова городища одним из авторов было высказано предположение, что найденные на памятнике обломки стеклянных сосудов принадлежали к так называемым воронковидным кубкам — типу сосудов, широко распространенному в IX–X вв. на территории Центральной, Северо-Западной и Северной Европы и Центральной Европы (Носов и др. 2017: 41). Однако в этих регионах в раннем средневековье посуда изготавливалась из стекла на основе соды или древесной золы (Krueger, Wedepohl 2003). Обломок лишь одного сосуда (№ 2) с Рюрикова городища, судя по составу, имеет «западное» происхождение. Стекло на основе растений пустынной зоны в конце I тыс. н. э. варили на исламском Ближнем Востоке и в Византии. По всей видимости, именно оттуда, с юга, на берега Волхова были привезены мозаичный модуль и большинство стеклянных сосудов.

Литература

Галибин 2001 — *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с.

Егорьков 2001 — *Егорьков А. Н.* Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Лапшин В. А. (ред.). Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский дом, 2001. С. 138–148.

Егорьков 2015 — *Егорьков А. Н.* Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327–335.

Ениосова и др. 2018 — *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Столярова Е. К.* Стеклянные игральные фишки из раскопок в Гнёздове // Чернецов А. В. (отв. ред.). Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 143–160.

Ивлев 1986 — *Ивлев А. М.* Биогеохимия: учебник для ун-тов по специальности «Почвоведение и агрохимия». М.: Высшая школа, 1986. 125 с.

Королёва, Егорьков 2016 — *Королёва Е. П., Егорьков А. Н.* Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия на традиции древнерусского стеклоделия // SP. 2016. № 5. С. 163–174.

Мурашова и др. 2010 — *Мурашова В. В., Довгалюк Н. П., Фетисов А. А.* Византийские импорты с территории пойменной части Гнёздовского поселения // Носов Е. Н.,

Белецкий С. В. (отв. ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 512–536.

Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX).

Щапова 1975 — *Щапова Ю. Л.* Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве // СА. 1975. № 4. С. 209–222.

Щапова 1983 — *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Andreescu-Treadgold, Henderson 2009 — *Andreescu-Treadgold I., Henderson J.* How does the glass of the wall mosaics at Torchello contribute to the study of trade in the 11th century // Mango M. M. (ed.). Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St John's College, University of Oxford, March 2004. Farnham; Burlington: Ashgate, 2009. P. 393–421 (Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 14).

Andreescu-Treadgold at al. 2006 — *Andreescu-Treadgold I., Henderson J., Roe M.* Glass from the Mosaics on the West Wall of Torcello's Basilica // Arte medieval. 2006. No. 2. P. 87–140.

Bugoi et al. 2014 — *Bugoi R., Poll I., Mănucu-Adameșteanu Gh., Calligaro T., Pichon L.* Byzantine glass bracelets (10th–13th century A. D.) found on Romanian territory investigated using external IBA methods // Scott R. B., Braekmans D., Carremans M., Degryse P. (eds.). Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry, 28 May to 1 June 2012, Leuven, Belgium. Leuven: Centre for Archaeological Sciences, 2014. P. 164–170.

Freestone et al. 2005 — *Freestone I. C., Wolf S., Thirlwall M.* The production of HIMT glass: Elemental and isotopic evidence // Nenna M.-D. (ed.). Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (London, 2003). Nottingham, 2005. P. 153–157.

Galuška et al. 2012 — *Galuška L., Macháček J., Pieta K, Sedláčková H.* The glass of Great Moravia: vessel and window glass, and small objects // Journal of glass studies. 2012. No. 54. P. 61–92.

Girdwoyń 1987 — *Girdwoyń A.* Rola badań fizykochemicznych w rozwiazywaniu niektórych problemów archeologicznych // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia, XII. Archeologja Szkła, 2. Toruń, 1987. P. 25–34.

Gratuze, Barrandon 1990 — *Gratuze B., Barrandon J.-N.* Islamic glass weights and stamps: analysis using nuclear techniques // Archaeometry. 1990. 32: 2. P. 155–162.

Gratuze, Barrandon 1991 — *Gratuze B., Barrandon J.-N.* Caractérisation par des méthodes d'analyses nucléaires de la technologie de fabrication des poids monétaires et des estampilles islamiques en verre // Technique et Science Les Arts du Verre. Actes du Colloque de Namur, 21–22 octobre 1989. Namur: Presses Universitaires de Namur, 1991. P. 39–56.

Henderson 2003 — *Henderson J.* Glass trade and chemical analysis: a possible model for Islamic glass production // Foy D., Nenna M.-D. (dir.). Echanges et commerce du verre dans le monde antique. (Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence, Marseille, 7–9 juin 2001). Montagnac: Monique Mergoil, 2003. P. 109–124. (Monographies instrumentum 24).

Henderson et al. 2004 — *Henderson J., McLoughlin S. D., McPhail D. S.* Radical changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from Early and Middle Islamic Raqqa, Syria // Archaeometry. 2004. 46: 3. P. 439–468.

Heyworth 1990 — *Heyworth M*. Analysis of glass vessel fragments from Vendeuil, France // Nord-Ouest Archéologie. 1990. No. 3. P. 97–98.

Krueger, Wedepohl 2003 — *Krueger I., Wedepohl K. H*. Composition and shapes of glass of the early medieval period (8th to 10th century AD) in Central Europe // Foy D., Nenna M.-D. (dir.). Echanges et commerce du verre dans le monde antique (Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence, Marseille, 7–9 juin 2001). Montagnac: Monique Mergoil, 2003. P. 93–100 (Monographies instrumentum, 24).

Phelps 2018 — *Phelps M*. Glass supply and trade in early Islamic Ramla : An investigation of the plant ash glass // Rosenow D., Phelps M., Meeks A., Freestone I. (eds.). Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium AD. London: UCL Press, 2018. P. 236–282.

Sayre, Smith 1961 — *Sayre E. V., Smith R. W*. Compositional categories of ancient glass // Science. 1961. Vol. 133. No. 3467. P. 1824–1826.

Wersch et al. 2015 — *Wersch L., van, Loisel C., Mathis F., Strivay D., Bully S*. Analyses of early medieval stained window glass from the monastery of Baume-les-Messieurs (Jura, France) // Archaeometry. 2015. 58: 6. P. 930–946.

Wedepohl et al. 2011 — *Wedepohl K. H., Simon K., Kronz A*. Data on 61 chemical elements for the characterization of three major glass compositions in late antiquity and the Middle Ages // Archaeometry. 2011. 53: 1. P. 81–102.

И. И. Еремеев
(Санкт-Петербург)

Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом[1]

В 2014 г. во время раскопок на раннесредневековом Бронницком городище при просеивании пахотного слоя над подпольем длинного дома (комплекс VII), шедшего по периметру площадки городища (рис. 1, 2) была обнаружена часть массивного литого изделия, завершавшегося трапециевидной лопастью с односторонним декором (рис. 3). Предмет отлит из свинцово-оловянистой латуни.[2]

Лицевая поверхность фрагмента носит следы полировки и украшена циркульным орнаментом. Трапециевидная деталь первоначально имела по углам удлиненные выступы — «слёзки». Край «трапеции» обломан (это видно по обрывающимся фрагментам циркульной орнаментации), и одна из «слёзок», очевидно, была утрачена. В центральной части лопасти размещается еще один округлый выступ, покрытый циркульным орнаментом. Он также завершается «слёзкой». Таким образом, выделяется три орнаментальных мотива: трехчастное оформление завершения трапециевидного предмета; использование «слёзок» по углам; циркульный орнамент.

Мы видим фрагмент какого-то изделия, не относящегося к разряду ювелирных украшений и нехарактерного для лесной полосы Восточной Европы. Ни в славянских древностях, ни в финно-угорских (включая богатое ювелирным и культовым литьем Прикамье), ни в литовских мы не найдем вещей, которые сочетали бы подобные элементы. Нет ничего похожего и в культуре восточноевропейских степняков второй половины I тыс. н. э. Разумеется, циркульная орнаментация имеет повсеместное распространение, но вот такой орнаментальный элемент как «слёзки» в угловых частях композиций во всех этих культурах неизвестен, не говоря уже о сочетании перечисленных элементов на одном предмете. Очевидно, аналогии ему следует искать за пределами «варварских» культур Восточной Европы.

В первую очередь, на ум приходит прикладное искусство Византии. Трапециевидные ручки имели, например, некоторые металлические ковши (trulla) V–VII вв. (Cruikshank Dodd 1961: 80, 81; *Age* of *spirituality 1979: 136, 137)*. Такие вещи известны и в России, в частности (Cruikshank Dodd 1961: 52, 53, 118, 119; Залесская 2006: 55, 61, 62) — ковш из Перми (491–518 гг.) или из Перещепинского клада (582–602 гг.).

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 13-06-00744 «Приильменье во второй половине I тыс. н. э.: от эпохи переселения народов к средневековью».

[2] Медь — основа, цинк около 8–10 %, олово — 3–4 %, свинец — 3–5 %, железо — менее 1 %, мышьяк — следы, сурьма — следы, серебро — следы, висмут (?). Металл желтого (золотистого) цвета, следы золочения не выявлены. Металлографический анализ выполнен С. В. Хавриным (ГЭ).

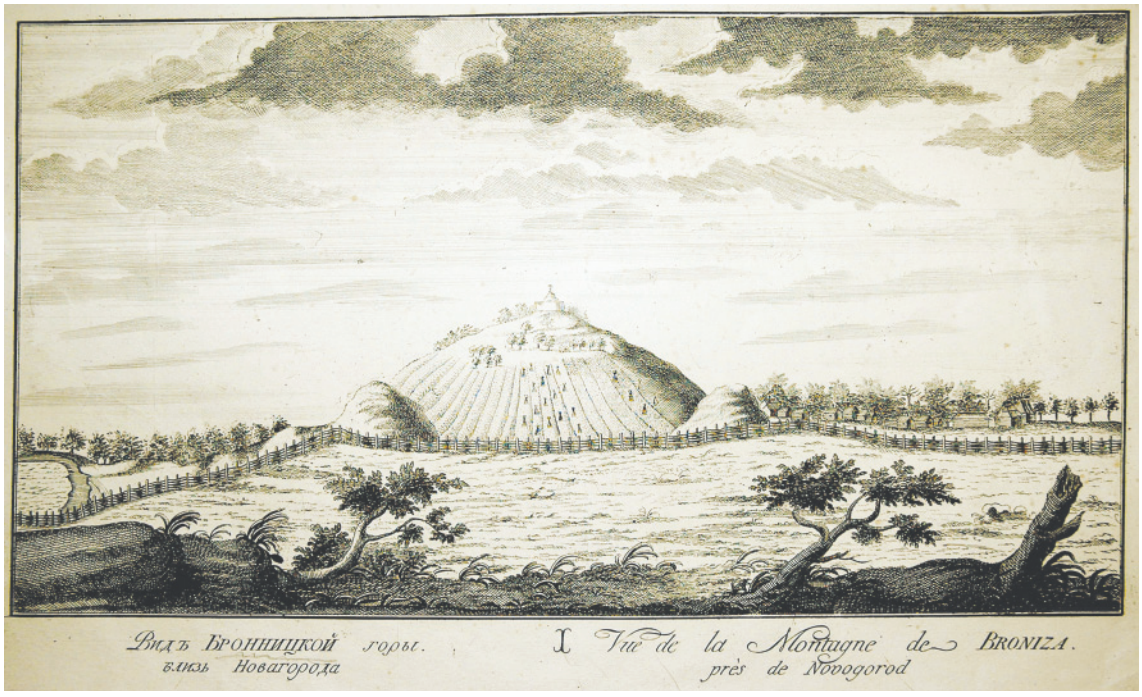

Рис. 1. Вид на Бронницкое городище и сопки с северо-востока.
Гравюра А. М. Шухина (1760 г.)

Рис. 2. Верхняя часть заполнения комплекса VII и место (квадрат)
находки фрагмента креста на Бронницком городище

Рис. 3. Фрагмент креста с Бронницкого городища

Использование «слёзок» для декорации ручек таких ковшей зафиксировано в VII в. Подобным образом украшена трапециевидная ручка серебряного ковша из клада Кратигос (рис. 4), датирующегося 613–629/30 г. (Everyday Life 2002: 221, 222)[3]. Однако трехчастные завершения рукояток ковшей неизвестны, да и применение их в быту было бы не очень удобно.

Изделие, которому принадлежал найденный фрагмент, значительно проще представить себе в виде христианского символа — креста. Кресты со «слёзками» (разного назначения), покрытые упорядоченным или хаотичным циркульным орнаментом, вероятно, представляющим стилизованное изображение драгоценных камней (рис. 9, *1*), во множестве представлены среди раннесредневековых христианских древностей Византии (напр.: Тотев 2012а; 2012б; Пескова, Строкова 2012: рис. 24, *1*). Наверное, нельзя полностью отрицать и возможность западноевропейского происхождения бронницкой находки, хотя это гораздо менее вероятно.

Рис. 4. Рукоять серебряного ковша из клада Кратигос, 613–629/30 г. (по: Everyday life 2002)

[3] Хранится в Византийском и христианском музее в Афинах. Клад, помимо ковша, ложек, подсвечника и монетной части, содержал серебряный дискос. Поэтому, вероятно, форма ручки ковша неслучайно напоминает лопасть христианского креста, как его часто изображали в VII в. Комплекс мог представлять собой набор церковной утвари.

Рис. 5. Изображение процессионного креста со «слезками» на завершениях лопастей. Сирийское Евангелие, VII в. (Национальная библиотека, Париж, Syr. 341)

Скорее всего, перед нами фрагмент процессионного или запрестольного креста (рис. 5). Но возможны и другие его интерпретации. Крупные металлические кресты украшали в Византии самую разнообразную церковную утварь. Подвесной светильник (лампадофор) с такой деталью, датирующийся VI–VII вв. (рис. 6), представлен в византийской коллекции Metropolitan Museum of Art (*Age* of *spirituality 1979: 621*). В Средиземноморье в VI–VII вв. были распространены подвесные масляные лампы с крестом, украшенным «слёзками» и циркульным орнаментом (Everyday Life 2002: 295). К VI в. относится хранящаяся в Эрмитаже масляная лампа на треножнике, увенчанном массивным крестом, найденная в Керчи в склепе № 152 (Залесская 2006: 126). Крест мог быть элементом хороса, венчать киворий в храме или украшать какой-то иной элемент храмового интерьера.

Интересны две детали. Во-первых, неровности литья на оборотной стороне изделия наводят на мысль, что она не предназначалась для обозрения. Это затрудняет интерпретацию находки как части изделия, предназначавшегося для процессий. Во-вторых, края лопасти креста как будто слегка вогнуты. Такое, конечно, могло произойти и случайно, тем более что фрагмент невелик. Но всё же возникает впечатление, что крест мог накладываться на какую-то выпуклую (цилиндрическую?) поверхность большого диаметра. В таком случае, перед нами части верхней или нижней лопасти.

Мне представляется, что следует обратить внимание еще на одну традицию, представленную в интерьерах византийских храмов, — на металлические кресты, крепившиеся к каменным архитектурным элементам. Для этого на поверхности камня вырезался углубленный контур креста и в его границах выдалбливались отверстия для деревянных пробок, в которые загонялись гвозди или шпеньки, прочно удерживавшие крест на основе. До наших времен такие кресты не дошли in situ, известны лишь их следы на колоннах ранневизантийских базилик.

Рис. 6 (слева). Подвесной светильник (лампадофор), VI–VII вв. (Metropolitan Museum of Art)

Рис. 7 (справа). След крепления к колонне металлического креста. Вифлеем, колонна базилики Рождества Христова (527–565 гг.)

Самый знаменитый пример — в базилике Рождества Христова в Вифлееме, построенной в период правления Юстиниана Великого (527– 565 гг.). Здесь на колонну был помещен крест с расширяющимися от средокрестия лопастями (рис. 7). Форма креста не противоречит датировке его временем, близким к постройке второго вифлеемского храма.

Следы такого же как в Вифлееме накладного креста можно видеть на одной из мраморных колонн в Салониках, принадлежавшей неустановленной базилике. Колонна с вырезанным на ней углублением для креста, крепившегося при помощи дюбеля в средокрестии, в настоящее время стоит рядом с «источником нимф» возле храма Святой Софии (рис. 8).

Редкой особенностью бронницкого креста является наличие центрального выступа между «слёзками», имеющего округлую форму и завершающегося еще одной «слёзкой». Три «слёзки» должны были, вероятно, символизировать сияние святыни. Тройные лучи, исходящие от лопастей креста, известны в раннесредневековом византийском искусстве, например, в мозаике арки алтаря храма Святой Софии в Салониках (конец VIII в.).

Центральные выступы, в том числе подтреугольной формы, встречаются на больших процессионных и запрестольных крестах (рис. 10). Таков, например, знаменитый ювелирный шедевр — крест Победы из Овьедо в Испании, датирующийся 908 г. (Priego 1990: 17). Изображения крестов с трехчастным завершением очень многочисленны (рис. 11). Известны нательные кресты подобной схемы (рис. 9, *2*), предположительно датирующиеся VII в. (Everyday Life 2002: 499). Можно, наконец, указать на изображение креста с трехчастным завершением боковых лопастей и сплошной точечной орнаментацией на серебряном потире XI–XII вв. из Херсонеса (Византия… 2017).

Рис. 8. След крепления к колонне металлического креста. Салоники, колонна неизвестной базилики близ храма Святой Софии. Фото автора

Рис. 9 (слева). Ранневизантийские изображения константинова креста. 1 — серебряный дискос из Березова с изображением геммированного креста,VI в. (по: Толстой, Кондаков 1891); 2 — нательный крест из медного сплава из Афинского музея византийского и христианского искусства, VII в. (по: Everyday life 2002)

Рис. 10 (справа). Крест Победы, 908 г. Овьедо

Реконструировать размеры бронницкого креста по аналогиям достаточно сложно, поскольку выносные византийские кресты, не говоря о прочей церковной утвари и предметах интерьера, отличаются большим разнообразием. Исходя из массивности фрагмента, найденного на городище, можно лишь предположить, что целое изделие имело размеры не менее 170 × 240 мм (рис. 12). Такими обычно и изображаются на миниатюрах (например, в Сирийском Евангелии VII в.) раннесредневековые процессионные кресты (рис. 5). Таковы были накладные кресты на колоннах базилик в Вифлееме и Салониках.

Использование выносных крестов в религиозных шествиях в Византии начинается не позднее начала V в. (Романов 2003: 68, 69). Древнейший из сохранившихся византийских выносных крестов датируется эпохой Юстиниана (Щедрина 2003: 60). Первые изображения крестов такого типа, как в прикладном искусстве, так и на книжных миниатюрах также относятся к VI (Толстой, Кондаков 1891: 174; Залесская 2006) и VII вв. (Everyday Life 2002: 499). Трудно удержаться от мысли, что по стилю и массивности изделия из Бронницы его следует отнести скорее к третьей четверти I тыс. н. э. Это предположение будет выглядеть более убедительно, если мы вспомним о находке клада серебряного лома в виде исковерканной византийской чаши в устье реки Эмайэги в Западном Причудье. Чаша датируется V–VI вв.

Рис. 11. Византийские барельефные изображения крестов с тройным завершением лопастей. 1 — IX в.; 2 — XI в. Музей византийской культуры. Салоники. Фото автора

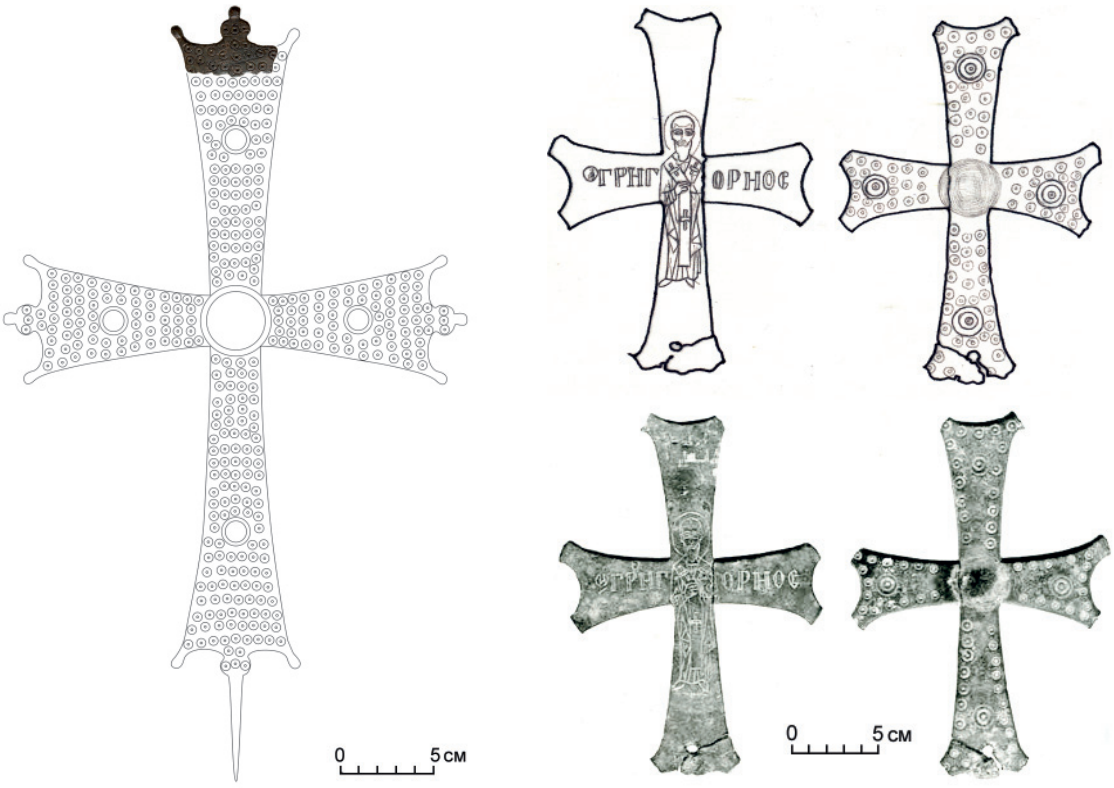

Рис. 12 (слева). Возможная реконструкция креста с Бронницкого городища

Рис. 13 (справа). Процессионный крест с территории Болгарии, украшенный циркульным орнаментом, X в. (по: Тотев 2012б)

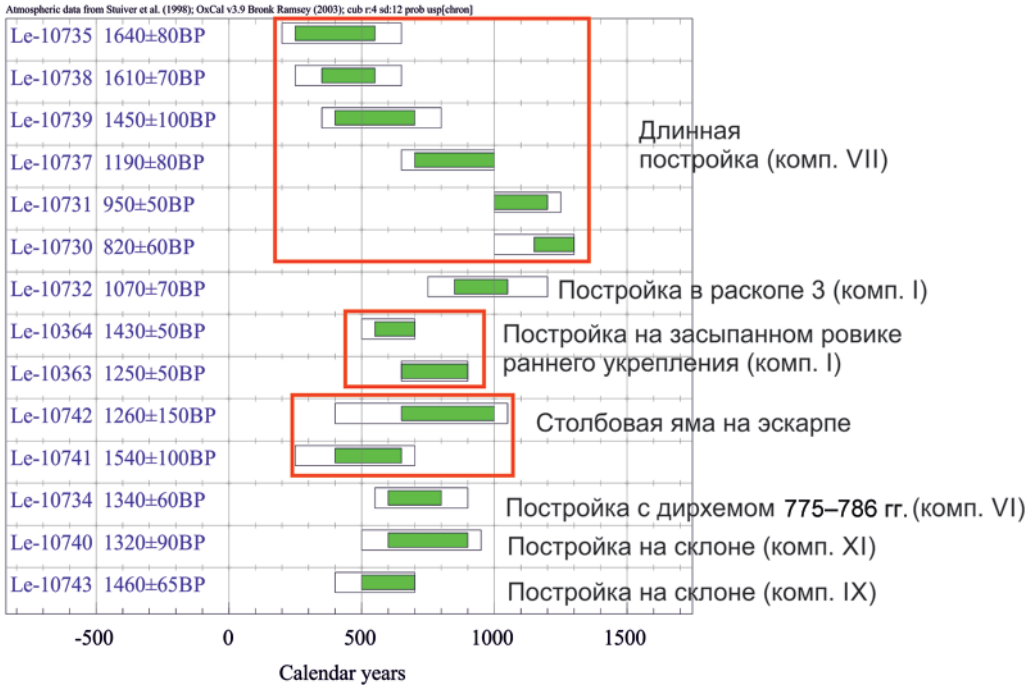

Рис. 14. Бронницкое городище. Сводная таблица радиоуглеродных дат комплексов

(Казанский 2010а: 330; 2010б: 74, 75). Неподалеку найдена еще одна аналогичная чаша (Аун 1992: 142). Словом, известно, что византийские изделия каким-то образом достигали Северо-Запада России уже в середине I тыс. н. э.

Однако некоторые более отдаленные аналогии бронницкому кресту датируются X–XI вв. (рис. 13). Разумеется, накладные, процессионные и запрестольные кресты сохранялись в храмах при жизни многих поколений, и их облик многократно воспроизводился мастерами. Поэтому пока (исходя из датировки слоя Бронницкого городища, жизнь на котором прекращается до распространения в Приильменье гончарной керамики, т. е. до середины X в.) следует принять для предмета широкую дату: VI — первая половина X в.

Датировка длинной постройки, в пределах которой была сделана находка, мало чем нам помогает. Судя по стратиграфии и двум группам радиоуглеродных дат (рис. 14), в пределах второй половины I тыс. н. э. она перестраивалась дважды, похоже, с немалым хронологическим перерывом.

Находки раннесредневековых процессионных крестов в Восточной Европе известны в значительном количестве и датируются X–XI вв. Большинство их связано с византийским Херсонесом (Византия… 2017). Упомяну предметы из Киева (Пекарська, Павлова 2004; Пескова, Строкова 2012: 160–180), Волжской Булгарии. Известна также случайная находка фрагмента креста из Старицы в верховьях Волги. Большинство предметов имеет провинциально-византийское происхождение (Павлова 1998).

Датировка бронницкой находки языческим временем подтверждается как контекстом памятника (городища), так и информацией, читающейся на самом фрагменте креста. Чрезвычайно интересны следы вторичного использования обломка. Последний владелец фрагмента, на мой взгляд, приложил немало усилий для того, чтобы выпилить из него нечто, отвечавшее его представлениям о языческом амулете.

На обратную сторону обломка была нанесена разметка в виде ряда насечек (рис. 15), по которым грубым напильником были неискусно вырезаны подтреугольные зубцы (рис. 16). Всего получилось шесть зубцов. Место слома края лопасти (на котором находилась одна из «слёзок») обработано напильником таким образом, что получилась ровная закругленная грань. Следы напильника можно заметить и на лицевой поверхности фрагмента поверх орнамента (рис. 17).

Все эти действия следует интерпретировать как попытку изготовить амулет в виде гребня. Бронзовые расчески-амулеты (для практического применения они, за редким исключением, непригодны) бытовали в Балтийском регионе в VIII–X вв., в первую очередь в среде прибалтийско-финского населения. Ближайшим известным мне памятником, где найдена такая вещица, является городище Рыуге в юго-восточной Эстонии (Шмидехельм 1959: табл. IX, *8*) (рис. 18). Встречаются они в разных вариантах и в Финляндии (Rácz, Meinander, Lehtosalo 1967: 98; Kivikoski 1973: Taf. 89, *789, 790*) (рис. 19). Позднее, уже в домонгольское время, бронзовые гребни-амулеты получают широкое распространение в древнерусской культуре, преимущественно в тех областях Руси, которые соприкасаются с финским миром. Конечно, не исключено то, что из бронницкой металлической пластины пытались сделать какое-то орудие, например, для обработки шкур.

Находка христианской церковной реликвии в языческом контексте приильменского городища является важным свидетельством ранних контактов Северной

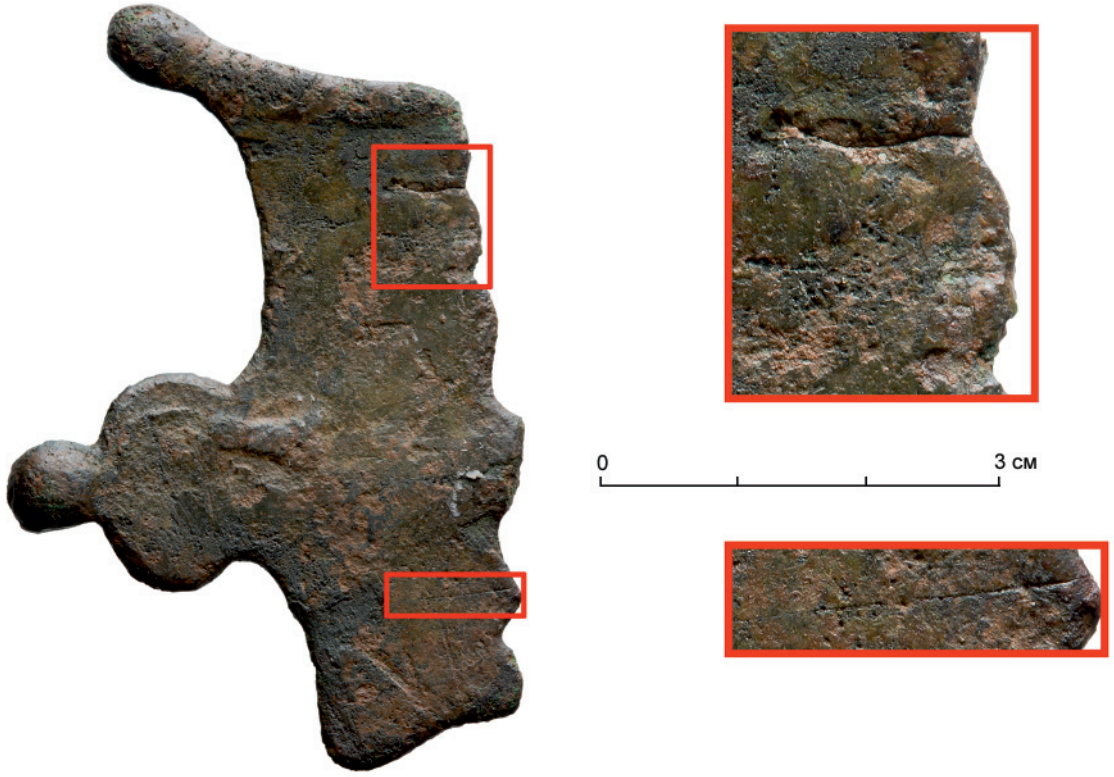

Рис. 15 (сверху). Фрагмент креста с Бронницкого городища. Следы вторичной разметки на обратной стороне изделия

Рис. 16 (внизу слева). Фрагмент креста с Бронницкого городища. Следы обработки места слома напильником с целью получения зубцов

Рис. 17 (внизу справа). Фрагмент креста с Бронницкого городища. Следы вторичной обработки напильником на лицевой поверхности изделия

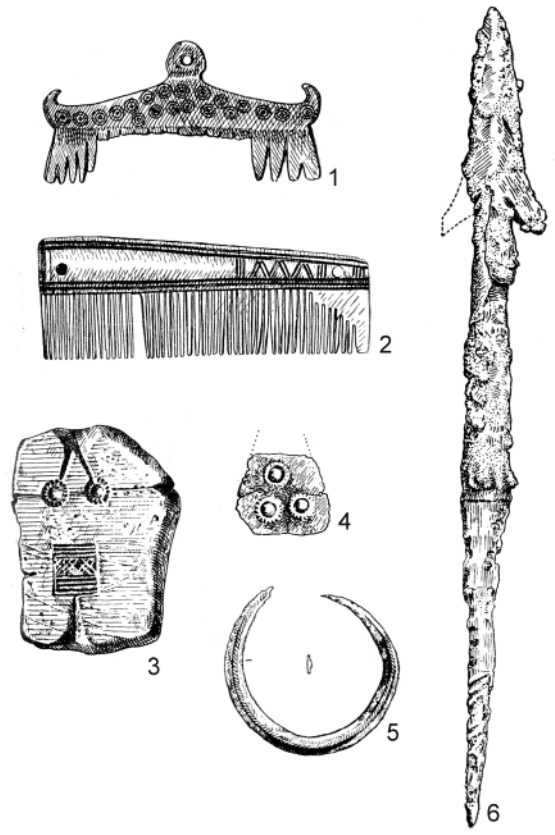

Рис. 18. Городище Рыуге. Бронзовый гребень-амулет (1) и некоторые датирующие находки (по: Шмидехельм 1959)

Руси с Византией и вызывает в памяти знаменитые летописные описания первых набегов руси на Византию, походов Игоря и Святослава. В этом нет преувеличения — церковная реликвия могла быть изъята из храма и разрублена на куски, скорее всего, в какой-то исключительной ситуации. Крест почти наверняка происходит из разоренного храма. Он мог находиться где-то в зоне военной активности руси: в Крыму, в Болгарии, в окрестностях Константинополя или на малоазийском побережье Черного моря.

Возможна и другая версия. Как известно, первые сообщения о крещении русов относятся ко времени сразу после их похода на Константинополь в 860 г. Археологическим воплощением этих данных является древнейшая находка креста-энколпиона из Старой Ладоги, датирующаяся периодом между 900 и 924 гг. (Пескова 2002: 32). В языческом Киеве в 945 г., согласно «Повести временных лет», стояла уже соборная церковь Св. Ильи, в которой клялась

Рис. 19. Бронзовый гребень-амулет IX в. с территории Финляндии (по: Rácz, Meinander, Lehtosalo 1967)

соблюдать «ряд» с Византией приобщившаяся к христианству часть игоревой дружины. Еще один храм, посвященный Св. Николаю, согласно тому же источнику, поставила Ольга на могиле Аскольда. Таким образом, литургические предметы во второй половине IX — первой половине X в. ввозились на Русь не только в качестве трофеев, но и для использования по своему прямому назначению. Дальнейшая их судьба в языческой стране могла складываться самым непредсказуемым образом.

Разумеется, можно допустить прозаическое путешествие на север уже «обезличенного» обломка в сумке ремесленника-ювелира или торговца металлом. Использования византийской бронзы как ювелирного сырья действительно зафиксировано на Северо-Западе в X в. Укажу на разрубленный ювелиром (совершенно как дирхем) византийский фоллис последней четверти IX — третьей четверти X в., найденный на ремесленном поселении в Усвятах (Еремеев 2015: рис. 446, *1*). Возможно, в качестве контекста бронницкого креста следует рассматривать находки на Ильмене и в истоке Волхова византийских монет императора Феофила (829–842 гг.), известных на Рюриковом городище (5 экз.), близ Хутынского монастыря (1 экз.) и в с. Подгощи (Носов, Хвощинская, Медведева 2012: 59; Шевцов 2017: 143–144).

Литература

Аун 1992 — *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: Олион, 1992. 198 с.

Еремеев 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 693 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XXXXIV).

Залесская 2006 — *Залесская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 269 с.

Казанский 2010а — *Казанский М. М.* О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 330–336.

Казанский 2010б — *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // SP. 2010. № 4. С. 17–127.

Носов, Хвощинская, Медведева 2012 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь. Рождение державы: свидетельства из глубины столетий. СПб.: Информационно-изд. агентство ЛИК, 2012. 222 с.

Павлова 1998 — *Павлова В. В.* Крест из склада Св. Синода в коллекции Национального музея истории Украины (г. Киев) // Церковная археология. 1998. Вып. 4. С. 226–229.

Пекарська, Павлова 2004 — *Пекарська Л. В., Павлова В. В.* Процесійний хрест із Київського дитинця // Археологія. 2004. № 4. С. 94–100.

Пескова 2002 — *Пескова А. А.* Энколпионы Старой Ладоги // Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (отв. ред.). Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 30–37.

Пескова, Строкова 2012 — *Пескова А. А., Строкова Л. В.* Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.; Петербургское Востоковедение, 2012. 219 с.

Романов 2003 — *Романов Г. А.* Кресты в крестных ходах Древней Руси // Гнутова С. В. (сост., отв. ред.). Ставрографический сборник. Кн. 2. Крест в православии. М.: Изд-во Московской патриархии; Древлехранилище, 2003. С. 67–86.

Толстой, Кондаков 1891 — Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1891. 176 с.

Тотев 2012а — *Тотев К.* Константинополски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част I // Археология. 2012. Год. LIII. Кн. 1. С. 46–61.

Тотев 2012б — *Тотев К.* Константинополски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част II // Археология. 2012. Год. LIII. Кн. 2. С. 66–80.

Шевцов 2017 — *Шевцов А. О.* Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.

Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Тараканова С. В., Терентьева Л. Н. (ред.). Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 154–185.

Щедрина 2003 — *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // Гнутова С. В. (сост., отв. ред.). Ставрографический сборник. Кн. 2. Крест в православии. М.: Изд-во Московской патриархии; Древлехранилище, 2003. С. 55–66.

Византия… 2017 — Византия. Сакральная среда. Церковная утварь и предметы личного благочестия из бронзы и серебра в византийском Херсонесе. Проспект выставки из собрания Херсонесского музея-заповедника 3 ноября 2016 г. — 31 января 2017 г. Авторы выставки Т. Ю. Яшаева, Е. А. Денисова. Севастополь, 2017.

Age of spirituality 1979 — Age of spirituality: Late Antique and Early Christian Art, third to seventh century: catalogue of the exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978. New York, 1979.

Cruikshank Dodd 1961 — *Cruikshank Dodd E.* Byzantine Silver Stamps. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Trustees for Harvard University, 1961. 314 p.

Everyday life 2002 —Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). Everyday life in Byzantium. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.

Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eizenzeit Finnlands. Bildwerkund Text. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1973. 250 s.

Priego 1990 — *Priego C. C.* Las joyas prerrománicas de la Cámara Santa de Oviedo en la cultura medieval // Liño: Revista anual de historia del arte. 1990. No. 9. P. 7–44.

Rácz, Meinander, Lehtosalo 1967 — *Rácz I., Meinander C. F., Lehtosalo P.-L.* Skatter ur Finlands konst och kultur: Förhistorisk tid. Helsingfors: Otava, 1967.

М. М. Казанский
(Париж)

О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы

Мечи и кинжалы в эпоху Великого переселения народов часто несут богатый декор, который отражает общеевропейские тенденции в украшении престижного оружия. В данной работе будет предпринята попытка по характеру орнаментации ножен и рукоятей клинкового оружия определить происхождение «парадных» мечей и кинжалов, найденных на юге Восточной Европы — в Поднепровье, Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье, на Северном Кавказе. На мой взгляд, в гуннское и постгуннское время (т. е. с последней трети IV по середину VI в.) в орнаменте оружия выявляются две традиции — позднеримская, средиземноморская и восточная, иранская.

Позднеримская традиция

Сам факт распространения позднеримского парадного оружия в Северном Причерноморье уже давно является общепризнанным. Скорее всего из средиземноморских, возможно — константинопольских мастерских происходит основная часть престижных мечей, обнаруженных в погребениях боспорской знати IV–V вв., и, вне всякого сомнения, воинский костюм поздней Империи являлся предметом подражания на Боспоре Киммерийском. В том, что касается мечей, можно предполагать, что здесь был распространен «римский» способ ношения меча на портупейном ремне (Kazanski 1991: 133), представленный, в частности, в изображении императора (рис. 1, *4–9*) на известном серебряном блюде из Гордиковского склепа 1891 г. в Керчи (Мацулевич 1926: табл. I).

Позднеримскими, ранневизантийскими по происхождению, являются «парадные» мечи с инкрустированной гардой (рис. 2). Они уже были предметом подробного изучения (Kazanski 2001; Засецкая и др. 2007: 122–141). Эти мечи представлены рядом находок на юге Европы, в первую очередь в Западном и Центральном Предкавказье[1], на территории Абхазии, в южнорусских и украинских степях, в Крыму[2].

[1] Помимо учтенных в 2007 г. следует добавить находку меча из пятигорского могильника Березовский-2 (Савенко 2014: рис. 2, 8).

[2] К списку находок, опубликованному в 2007 г., необходимо добавить элементы декора меча из погр. 40 могильника Джурга-Оба (Ermolin 2012: Fig. 5, 10).

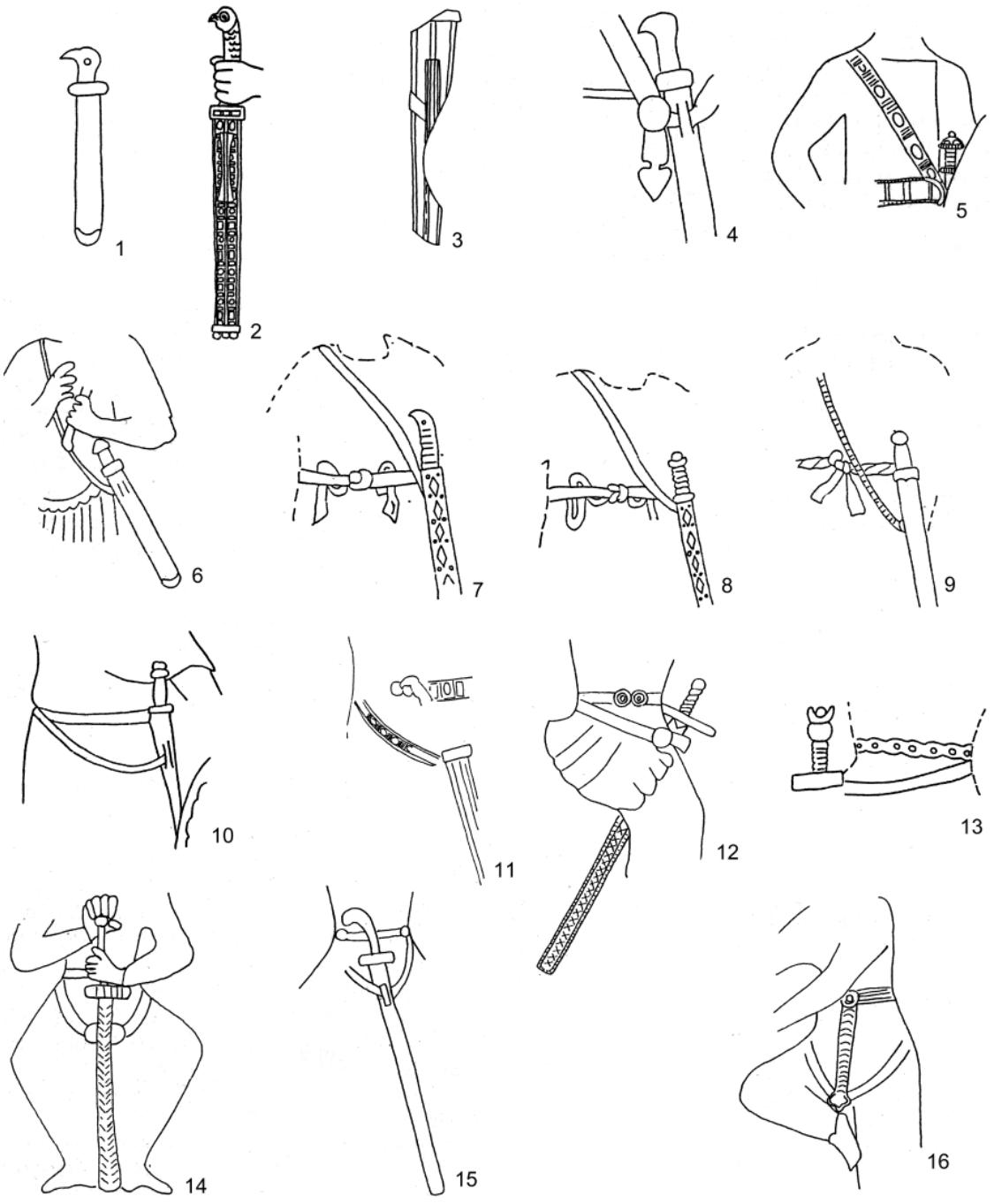

Рис. 1. Способы ношения и элементы декора позднеримских и сасанидских мечей по иконографическим данным. 1, 6 — так называемая чаша Бризея, из окрестностей Авиньона, IV в.; 2 — статуя тетрархов, Венеция; 3 — статуя императора, Равенна, IV в.; 4 — изображение Филиппа Араба, Бишапур; 5 — чаша из Гордиковского склепа 1891 г., Керчь; 7, 8 — диптих Проба, Аоста, 406 г.; 9 — пластина из слоновой кости, Трир, конец V в.; 10 — диптих Стилихона, Монца, 396 г.; 11 — статуя императора, Турин, IV в.; 12 — блюдо с изображением сасанидского царя, Сори (Иран), IV в.; 13 — блюдо с изображением сасанидского царя, V–VI вв.; 14 — чаша с изображением Хозроя II, Стрелка (Урал), VI в.; 15 — блюдо с изображением Шапура II, Турушева (Урал), IV в.; 16 — блюдо с изображением сасанидского царя, V — VI вв. (по: Kazanski 1991: Fig. 3)

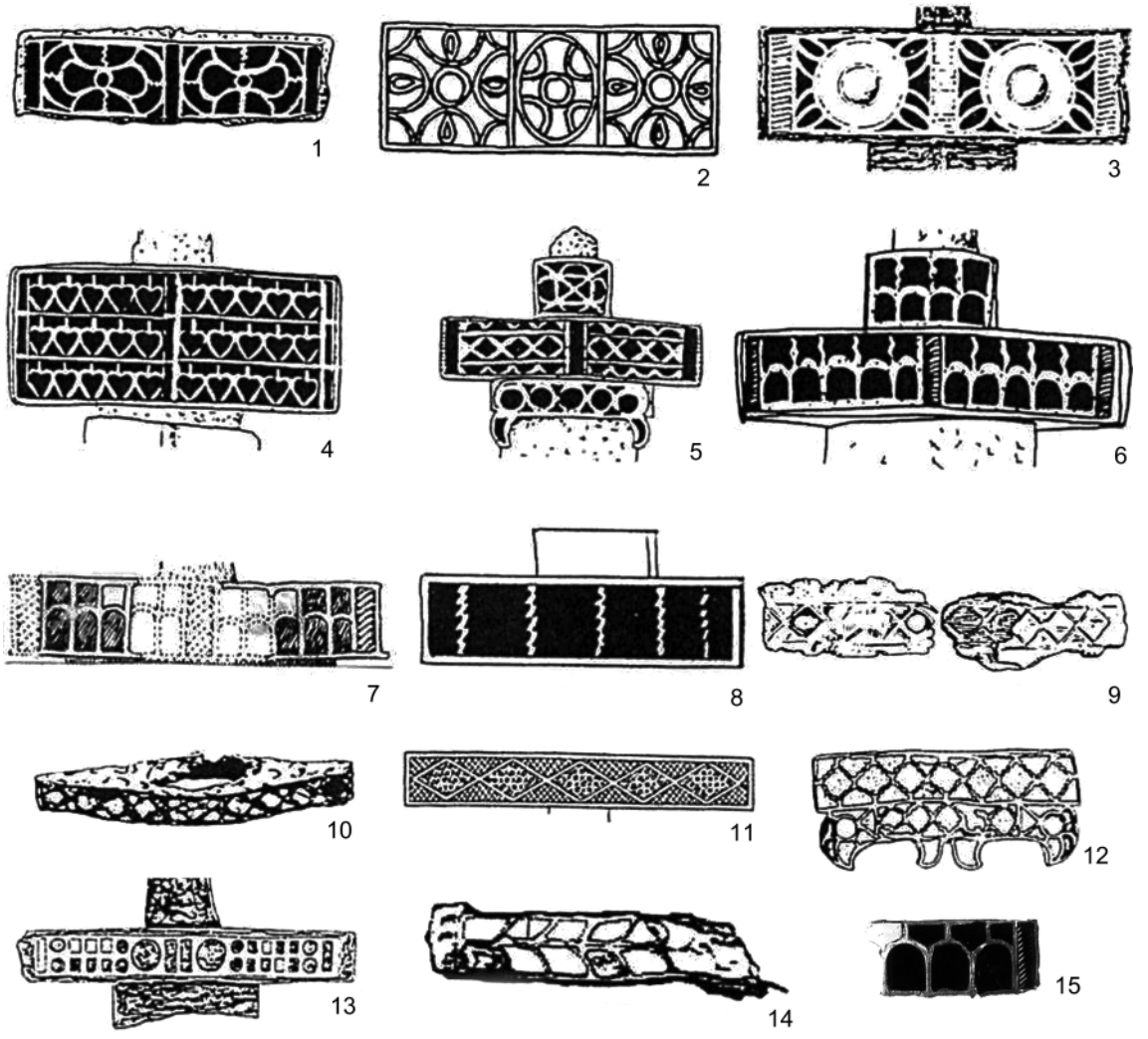

Рис. 2. Инкрустированные гарды мечей. 1 — Керчь, Крым; 2 — Гагра-Цихерва, Абхазия; 3 — Лермонтовская Скала, Северный Кавказ; 4 — Альтлюсхейм, Германия; 5 — Тамань; 6 — Дмитриевка–Вольная Вода, Северное Приазовье; 7 — Дюрсо, погр. 479, Северный Кавказ; 8 — Дюрсо. конское погр. 13, Северный Кавказ; 9 — Бежа, Португалия; 10 — Паннонхалма, Венгрия; 11 — Шапка-Верин Холм Абхазия; 12 — Покровск-Восход, Саратовское Поволжье; 13 — Дюрсо, Северный Кавказ; 14 — Дижон, Франция; 15 — Джурга-Оба, Крым (по: 1–14 — Засецкая и др. 2007: рис. 44; 15 — Ermolin 2012: Fig. 5, 10)

За этими пределами их находки известны в Дагестане (Буйнакск)[3], на Среднем Дунае, на Рейне, на территории Франции и на Пиренейском полуострове. Их отличает широкая гарда, украшенная перегородчатой инкрустацией. Эти мечи получили название «понтийских» (Menghin 1994–1995). У некоторых «понтийских» мечей имеется массивная железная гарда (напр.: рис. 2, *9, 10, 14*), которая позволяет их отнести к оружию т. н. азиатского типа (Menghin 1994–1995: 165–175). По мнению Я. Тейрала, «азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени (Tejral 2011: 282–285), т. е. в период D2/D3 хронологии европейского

[3] Эта находка в погр. 18 Большого Буйнакского кургана (Абрамова 1977: рис. 7, 26) в ранее опубликованных сводках учтена не была.

Барбарикума, соответствующий времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.). На мой взгляд, вряд ли стоит связывать напрямую появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху, хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время (Скрипкин 1990: рис. 22, *1, 3, 6, 7*; Kazanski 2009: 101).

По рисунку декора гарды представляется возможным выделить несколько типов, дата которых определяется в пределах V — первой половины VI в. Инкрустированный орнамент гарды этих мечей очень разнообразен, что свидетельствует об их изготовлении на заказ. При этом мотивы декора (сердцевидные, листовидные, мальтийский крест, крест в овале, арочные, зигзагообразные и волнистые линии) и характер обработки камней-инкрустаций (в частности в виде валика с каннелюрами и без них) являются типичными для изделий средиземноморских мастерских (Kazanski, Périn 1996; Засецкая и др. 2007: 137, 138). Поскольку в Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны, речь идет, прежде всего, о восточноримском/византийском оружии (Arrhenius 1985: 101–113; Kazanski 2001; Засецкая и др. 2007: 138, 139). Судя по картографии декора и его параллелям эти мечи изготовлялись в разных ателье: черноморском, на возможность существования которого указывает особая концентрация мечей в Северо-Восточном Причерноморье и в Абхазии, константинопольском (о нем подробнее см.: Arrhenius 1985: 101–113), и отдельные — в каких-то западно-средиземноморских (Kazanski, Périn 1996).

Иконографические данные подтверждают мнение о римском/византийском происхождении мечей с инкрустированной гардой. На изображениях эпохи тетрархов видны перекрестья мечей с богатым декором (рис. 1, *2, 5*). На некоторых изображениях можно увидеть и металлические ножны, похожие на те, что имеет меч с инкрустированной гардой из Альтлюсхейма (Altlussheim) на Рейне (рис. 1, *3*), а также большие портупейные скобы (рис. 1, *2, 3*), как на парадных мечах из погребений Покровск-Восход в Нижнем Поволжье и Альтлюсхейм. Надо, однако, учитывать, что вторым центром распространения мечей с инкрустированной гардой мог быть также и сасанидский Иран (Засецкая и др. 2007: 139).

Помимо мечей с инкрустированной гардой на Кавказе несомненно средиземноморского происхождения короткий парадный меч или, скорее, кинжал из аланского некрополя Зарагиж, в Кабардино-Балкарии (Atabiev 2000). Он имеет инкрустированную бутероль с двумя развернутыми *face à face* птичьими (орлиными) головами (рис. 3, *9*). Эта бутероль имеет наиболее близкую аналогию на мече франкского короля Хильдерика († 481 г.; его могила обнаружена в г. Турнэ, в Бельгии) (рис. 3, *8*), изготовленном в каком-то западносредиземноморском ателье, может быть в Равенне (подробнее см.: Kazanski, Périn 1996). Как заметил Я. Тейрал[4], могила в Зарагиже содержала пряжку, явно относящуюся к более раннему времени, к концу IV — началу V в., а декор зарагижской бутероли стилистически ближе изделиям гуннского времени, чем эпохи Хильдерика. Таким образом, зарагижская бутероль, попавшая на Кавказ из Средиземноморья, может рассматриваться как прототип декора меча из Турнэ (подробнее см.: Kazanski, Mastykova, Périn 2002: 166, 167).

[4] Благодарю Я. Тейрала за эти указания, сделанные в частной беседе.

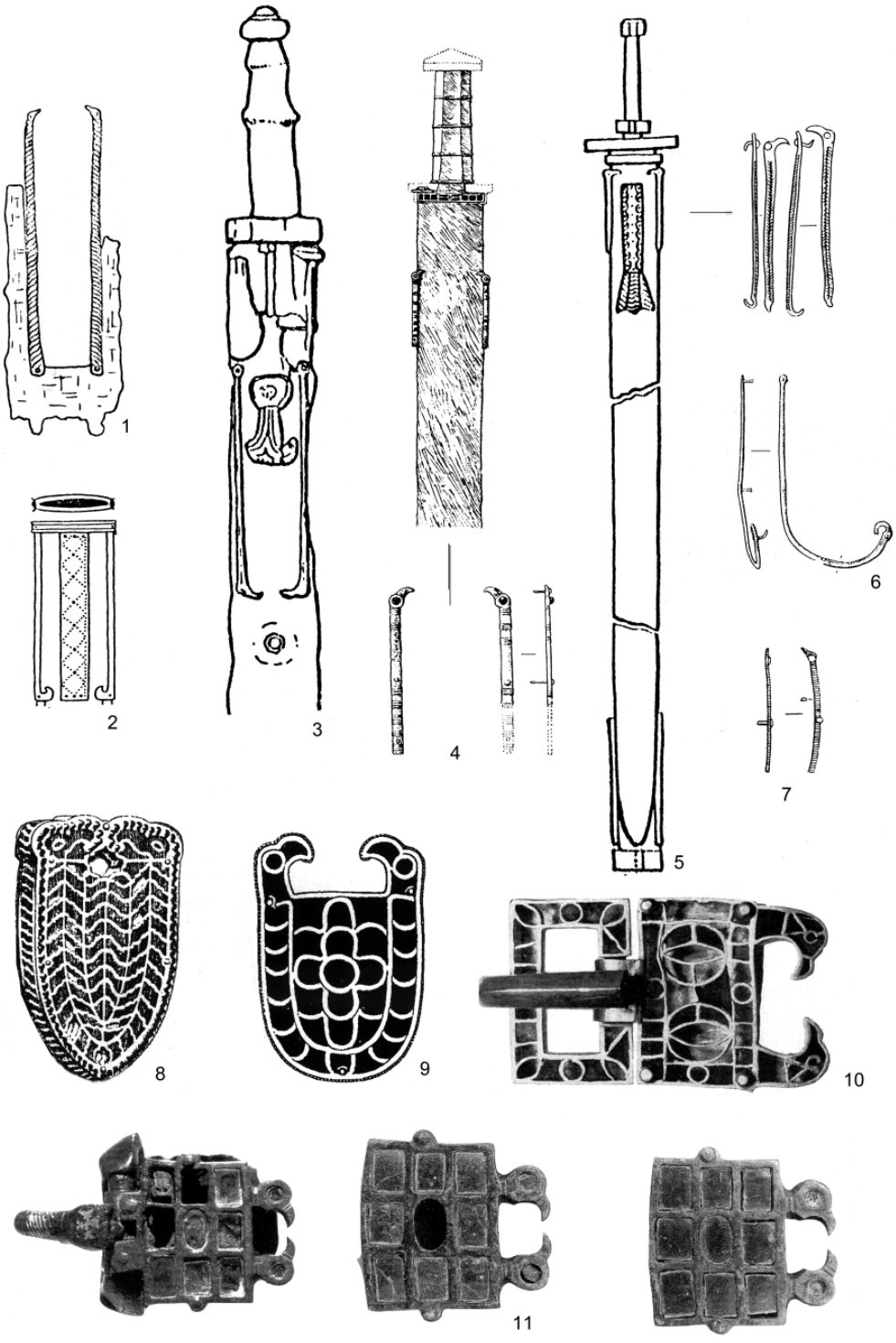

Рис. 3. Элементы декора с изображением птичьих голов на оружии и поясной гарнитуре. 1 — Сирмабешенье, Венгрия; 2 — Лар, погр. 1, Абхазия; 3 — Тамань; 4 — Роммерсхейм, Германия; 5 — Дюрсо, погр. 300, Северный Кавказ; 6 — Рюбенах, погр. 11, Германия; 7 — Дюрсо, погр. 479, Северный Кавказ; 8 — Турнэ, погребение Хильдерика, Бельгия; 9 — Зарагиж, погр. 118, Северный Кавказ; 10 — Ландриано, Италия; 11 — Глобазитц, Австрия (по: 1–7 — Kazanski, Mastykova, Périn 2002: Fig. 7.; 8 — Kazanski, Mastykova, Périn 2002: Fig. 1, *9*; 9 — Kazanski, Mastykova, Périn 2002: Fig. 6, *2*; 10, 11 — Казанский 2016: рис. 20, *9–11*)

Что касается декора в виде орлиных голов, то он присутствует и на инкрустированных устьях ножен ранневизантийских мечей из погребений в Тамани, 1912 г. и Покровск-Восход (рис. 2, *5, 12*). Кроме того, окантовки ножен, украшенные птичьими головами, есть и на мечах из Тамани, а также из могильника Дюрсо под Новороссийском, принадлежавшего готам-тетракситам (погр. 300 и 479), и, наконец, из абхазского могильника Лар, погр. 1 (рис. 3, *2, 3, 5, 7*). В целом такие окантовки в V в. довольно хорошо представлены не только в Причерноморье, но и в Центральной и Западной Европе на мечах гуннского и постгуннского времени (рис. 3, *1, 4, 6*).

Надо отметить, что птичьи головы хорошо известны и на средиземноморских изделиях стиля «клуазоне» в том числе на мужских пряжках (рис. 3, *10, 11*) и конской упряжи (Kazanski, Mastykova 1999: 539, 540, 543). Такого рода вещи довольно далеко проникают на север, в лесную зону Восточной Европы (Казанский 2016: 22, 223, рис. 20, *1, 2, 5*). Сам по себе образ орла является римским имперским символом. Изображение орлиной головы широко применялось в императорской символике Поздней Империи и Византии. Изображения орлов или орлиных голов имеются на рукоятях позднеримских мечей (рис. 1, *1, 2, 4, 7, 11*)[5], чем они, кстати, отличаются от сасанидских, а также на консульских жезлах, щитах позднеримской армии, мраморных ранневизантийских капителях. Считается, что орел связан в первую очередь с консульской символикой. Так что в случае клинкового оружия вполне возможен хорошо известный у варваров феномен *imitatio imperii*, тем более что орлиные головы известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например у северокавказских алан или у гуннов (Kazanski, Mastykova, Périn 2002: 167; Засецкая и др. 2007: 62).

Иранская традиция

К сожалению, иранские мечи интересующего нас периода (последняя треть IV — середина VI в.) археологически на территории Сасанидской империи практически неизвестны, в отличие от позднего клинкового оружия с Р-образной портупейной скобой (напр.: Splendeur des Sassanides 1993: No 35–41). Гораздо лучше ранние сасанидские мечи представлены в иконографии, в частности на рельефах и на металлической посуде (см., напр.: Girshman 1962; Тревер, Луконин 1987; Overlaet 1989; Splendeur des Sassanides 1993: 89–94). Благодаря этим изображениям можно утверждать, что типичным для сасанидов был так называемый иранский способ ношения меча, прикреплявшегося портупейными ремнями к поясу (Seyrig 1937: 27, 29). Такой способ крепления оружия хорошо засвидетельствован на Ближнем и Среднем Востоке (рис. 1, *12–16*), причем не только в Иране, но и в Пальмире. На Западе же он встречается редко, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина (рис. 1, *10, 11*).

Для Барбарикума удачную попытку выделения мечей ранней сасанидской традиции предпринял И. Бона (Bóna 2002: 199, Fig. 104). На основании иконографических параллелей он идентифицировал как иранские мечи и кинжалы с полусферическим

[5] Один такой короткий меч или кинжал с навершием рукояти в виде птичьей головы происходит из Керчи (Vorgeschichte... 1940: Taf. 498).

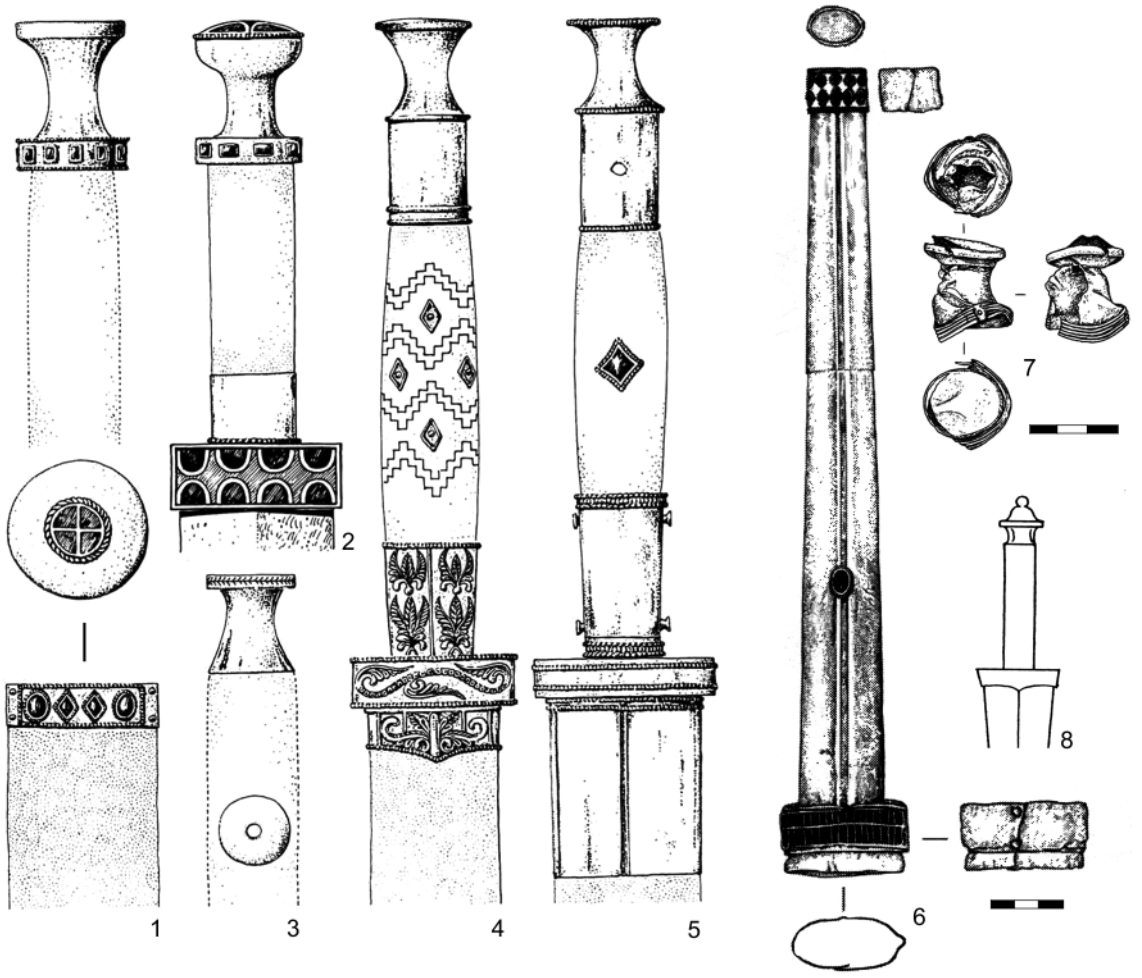

Рис. 4. Мечи и кинжалы иранской традиции. 1 — Совхоз Калинина, Крым; *2* — Цибилиум, Абхазия; 3 — Керчь, склеп 145.1904 г.; 4 — Тураево, курган 5, Приуралье; 5 — Муслюмово, Приуралье; 6 — Брут, Северный Кавказ; 7 — Волчьи Ворота, Северный Кавказ; 8 — Пальмира, изображение 229, Сирия (по: 1–5 — Bóna 2002: Fig. 104; 6 — Габуев 2014: рис. 4, *1*; 7 — Коробов, Малашев 2015: рис. 4, *5*; 8 — Seyrig 1937: Fig. 18)

навершием, отделенным от рукояти перехватом, или же рукояти без полусферического навершия, но заканчивающиеся перехватом (рис. 4, *1–5, 7*). Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис. 4, *8*). В принципе, позднеримские/ранневизантийские мечи с полусферическим навершием рукояти также хорошо известны (Kazanski 1991: 128, fig. 3, *11*), но у них нет перехвата. В Восточной Европе мечи и кинжалы иранской традиции выявлены в Керчи (Штерн 1897: рис. 7; Damm 1988: № 103), в Абхазии, на могильнике Цибилиум (Казанский 2011), на Северном Кавказе, в могильнике Волчьи Ворота под Кисловодском (Коробов, Малашев 2015: рис. 4, *5*) и в Ингушетии (Гаджиев, Шаушев 2018), в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка (Волниковский «клад» 2014), у гуннов в крымском погребении Совхоз Калинина (Засецкая 1994: табл. 23, *5*), а также в степных погребениях несколько более раннего времени (середина — вторая половина IV в.), например в Муслюмово (Засецкая 1994: табл. 43, *10*). Еще одна «восточная»

деталь, проявившаяся, в частности, в оружии из могильника Брут (Габуев 2014: рис. 4, *1*) — это очень длинная рукоять (рис. 4, *6*), как на некоторых изображениях оружия сасанидских царей (см. напр.: Тревер, Луконин 1987: илл. 18, 19). Известны такие рукояти и на мечах из Ингушетии (Гаджиев, Шаушев 2018: рис. 1). В Центральную и Западную Европу «иранские» мечи с полусферическим навершием и перехватом или с длинной рукоятью, насколько мне известно, не попадают.

Еще один несомненно восточный и, скорее всего, иранский элемент в восточноевропейском вооружении — это кинжалы с четырьмя выступами для крепления ремней (рис. 5, *1–7*), уже становившиеся предметом исследования (Soupault 2007; Казанский 2011). Для интересующего нас времени они известны в могильнике Брут на Северном Кавказе и в абхазском могильнике Цибилиум (рис. 5, *5–7*). Кинжалы с такими ножнами известны в Сибири уже с III–II вв. до н. э. В I–III вв. они распространяются в Центральной Азии, на Среднем и Ближнем Востоке (напр.: рис. 5, *1, 2*), в Закавказье и у сармат, в том числе в степях Северного Причерноморья, а также в понтийских античных городах (Горгиппия). Что касается эпохи переселения народов, то, скорее всего, на Кавказе эти кинжалы появляются в результате иранского влияния. Действительно, серия кинжалов с выступами на ножнах представлена на сасанидской серебряной посуде (рис. 5, *3, 4*). Это, например, блюдо со сценой охоты Шапура II (309–379 гг.), блюдо с охотой Шапура III (383–388 гг.) на онагра, блюдо с охотой Шапура III на леопарда, блюдо с охотой Йездигерда I (399–421 гг.) на оленя (Казанский 2011).

Наконец, возможно иранскими по происхождению являются и некоторые каменные элементы ножен мечей и кинжалов, попадающие в Европу с Востока, как считается, из Китая (Ли Джи Ын 2010). Каменные гарды для эпохи переселения народов в Европе найдены в погр. 40 восточнокрымского могильника Джурга-Оба (Ermolin 2012: 346, Fig. 5, *11*), а также в уже упоминавшемся «княжеском» захоронении Альтлюсссхейм (рис. 5, *8*). В последнем случае гарда использовалась вторично: она была трансформирована в бутероль (Werner 1956: Taf. 3, *1*; Quast 1999: 716, Abb. 7). Не отрицая «китайской» атрибуции европейских находок, надо подчеркнуть, что гарда из Альтлюсссхейма может иметь и иранское происхождение. Она изготовлена из ляпислазури, а основные месторождения этого камня находятся на территории Афганистана, то есть — в сасанидской зоне. Иранская атрибуция кажется тем более убедительной, что в том же погребении найден фрагмент браслета с иранский надписью (Quast 1999).

Часто находки парадных мечей и кинжалов как римской, так и иранской традиции происходят из одной географический зоны, а в некоторых случаях — с одних и тех памятников (Керчь, Джурга-Оба). Вместе с тем нельзя не отметить, что если престижное оружие римской традиции покрывает всю рассматриваемую здесь зону, то находки мечей и кинжалов иранской традиции концентрируются в первую очередь на Кавказе. Представляется, что такая география распространения оружия неслучайна, она отражает вкусы, а возможно и политическую ориентацию местных элит. Надо учесть, что богатое престижное оружие входило в состав дипломатических даров и использовалось во время символической инвеституры варварских царьков (подробнее см.: Засецкая и др. 2007: 96). Насколько

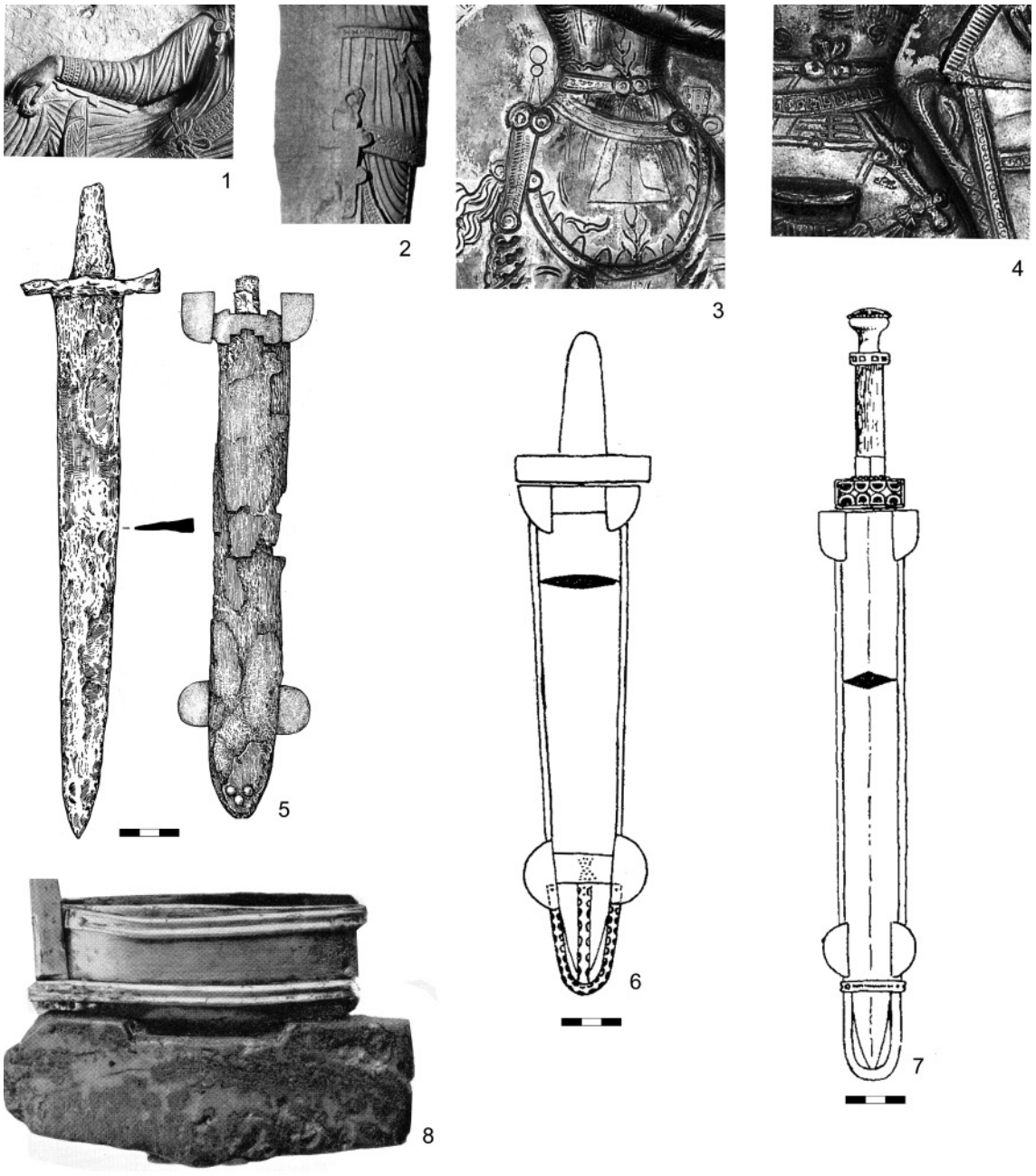

Рис. 5. Кинжалы с четырьми выступами на ножнах. 1 — Пальмира, Сирия; 2 — Нимруд-даг, Иран; 3 — блюдо с изображением Шапура III; 4 — блюдо с изображением Шапура II; 5 — Брут 1, курган 7, Северный Кавказ; 6 — Цибилиум-1, погр. 57, Абхазия; 7 — Цибилиум-1, погр. 61, Абхазия; 8 — Альтлюсхейм, Германия (по: 1–4 — Казанский 2011: рис. 4; 5 — Габуев 2014: рис. 26, 1, 2; 6 — Воронов 2003: рис. 26, 7; 7 — Воронов 2003: рис. 28, 3; 8 — Werner 1956: Taf. 3, *1*)

можно судить по сообщениям древних авторов, сфера военно-политического влияния Восточной Римской Империи действительно распространялась очень далеко, вплоть до гуннов-савир Северо-Восточного Кавказа (Артамонов 1962: 71). В то же время влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками не далее Кавказа (Артамонов 1962: 61, 70–74).

Литература

Абрамова 1977 — *Абрамова М. П.* Большой Буйнакский курган // Материалы по археологии Дагестана. 1977. Вып. 7. С. 54–73.

Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 523 с.

Волниковский «клад» 2014 — Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., Шпилев А. Г. (ред.). Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. н. э. М.: Голден-Би, 2014. 197 с.

Воронов 2003 — *Воронов Ю. Н.* Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: Пущинский научный центр РАН, 2003. 347 с.

Габуев 2014 — *Габуев Т. А.* Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания; М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2014. 184 с.

Гаджиев, Шаушев 2018 — *Гаджиев М. С., Шаушев К. Б.* Мечи V в. н. э. из коллекции Ингушского Государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова // Качкаров У. Ю. (отв. ред.). Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карачаевск: Карачаево-Черкесский ГУ имени У. Д. Алиева: ИА РАН, 2018. С. 307–310.

Засецкая 1994 — *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.). СПб: Эллипс, 1994. 221 с.

Засецкая и др. 2007 — *Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.* Морской Чулек: погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ, 2007. 209 с.

Казанский 2011 — *Казанский М. М.* Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиума // Скаков А. Ю. (отв. ред.). Проблемы археологии Кавказа: сборник материалов МНК, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2011. С. 146–152.

Казанский 2016 — *Казанский М. М.* Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // SP. 2016. № 4. С. 191–240.

Коробов, Малашев 2015 — *Коробов Д. С., Малашев В. Ю.* Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 214–230.

Ли Джи Ын 2010. — *Ли Джи Ын.* Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. С. 41–55.

Мацулевич 1926 — *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. Л.: [Б. и.], 1926. 66 с.

Савенко 2014 — *Савенко С. Н.* Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 115–139.

Скрипкин 1990 — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 300 с.

Тревер, Луконин 1987 — *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VIII вв.: Собрание ГЭ. М.: Искусство, 1987. 154 с.

Штерн 1897 — *Штерн Э.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 20. 1897. С. 1–5.

Arrhenius 1985 — *Arrhenius B.* Merovingian garnet jewellery: Emergence a social implications. Stockholm: Kungl. vitterhets historie och antikvitets akad., 1985. 229 p.

Atabiev 2000 — *Atabiev B.* Tombe 118 de Zaragij, Caucase du Nord (République de Kabardino-Balkarie, Fédération de Russie) // L'Archeologue Nouvelle. 2000. № 50. P. 26–27.

Bóna 2002 — *Bóna I.* Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris: Errance, 2002. 239 p.

Damm 1988 — *Damm I.* Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65-210.

Ermolin 2012 — *Ermolin A.* Džurga-Oba — a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // Ivanišević V., Kazanski M. (eds.). The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration. Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.

Girshman 1962 — *Girshman R.* Partes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962. 401 p.

Kazanski 1991 — *Kazanski M.* A propos des armes et des éléments de harnachement "orientaux" en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. No. 4. P. 123–139.

Kazanski 2001 — *Kazanski M.* Les épées "orientales" à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). International Connections of the Barbarians in the 1st–5st centuries A. D. Aszod-Nyiregyhaza: Jósa Anrás Museum — Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.

Kazanski 2009 — *Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 494p.

Kazanski, Mastykova 1999 — *Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. P. 523–573.

Kazanski, Mastykova, Périn 2002 — *Kazanski M. Mastykova A., Périn P.* Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Tejral J. (Hrsg.). Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 159–194.

Kazanski, Périn 1996 — *Kazanski M., Périn P.* La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.

Menghin 1994–1995 — *Menghin W.* Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994–1995. T. 26/27. S. 140–191.

Overlaet 1989 — *Overlaet B. J.* Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips // Meyer L., Haerinck E. (eds.). Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Gent: Peeters, 1989. P. 741–755.

Quast 1999 — *Quast D.* Das "Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen. Germania, 1999. 77–2, 705–718.

Vorgeschichte... 1940 — Reinerth H. (hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd. 3. Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut, Berlin: Stubenrauch, 1940.

Seyrig 1937 — *Seyrig H.* Antiquités syriennes. 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. Vol. 18. P. 4–31.

Soupault 2007 — *Soupault V.* Les poignards à fourreau quadrilobe // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Vol. 2. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C.-VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Oxford: John nd Erica Hedges Ltd., 2007. P. 63, 64 (BAR. IS. S1721).

Splendeur des Sassanides 1993 — Overlaet B. (coord.). Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244–642). Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1993.

Tejral 2011 — *Tejral J.* Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 s.

Werner 1956 — *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 75 taf.

С. Ю. Каинов
(Москва)

«Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)

Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1872–1873 гг. монументальной погребальной насыпи, носящей название Чёрная могила и расположенной в черте города Чернигова, выявили сложный обряд захоронения, который сопровождался большим количеством погребального инвентаря.

Основное количество предметов, найденных при раскопках кургана, только в 1891 г. было передано в Исторический музей, где и хранится в настоящий момент (опись В 1537). Часть предметов из Чёрной могилы (в том числе один шлем и фрагменты кольчужного плетения) была отдана Д. Я. Самоквасовым в музей университета Св. Владимира в Киеве, другая часть — в частные коллекции В. Б. Антоновича, Л. К. Ивановского, А. С. Уварова и другим лицам «как образцы Северянских древностей» (Самоквасов 1916: 10). Фрагмент спекшегося кострища с кальцинированными костями, золотыми слитками и золотой ниткой был передан в музей Черниговской ученой архивной комиссии (Самоквасов 1916: 16, рис. 18). Местонахождение этих предметов неизвестно. А. Н. Кирпичников указывал на наличие в картотеке Г. Ф. Корзухиной рисунка навершия шлема, хранившегося в Киевском государственном историческом музее (Кирпичников 1958: 51, примеч. 22). Этот рисунок удалось найти[1], сопоставить с фотографией второго шлема из Чёрной могилы и убедиться в их идентичности. Что, в свою очередь, позволяет предполагать, что по крайней мере навершие второго шлема из Чёрной могилы может храниться в Национальном музее истории Украины.

В центре насыпи, маркируя первоначальную ее высоту, находились два шлема, стоявшие на груде кольчужного плетения (кольчужные бармицы шлемов и кольчуги). Рядом были уложены два питьевых рога, окованные серебром. Здесь же были найдены «две византийские монеты, бронзовая статуэтка, два железных обоюдоострых ножа[2] и … обугленный железный сосуд с пережженными костями» (Самоквасов 1916: 8).

Основное количество погребального инвентаря располагалось непосредственно на кострище. В северной его части находилась груда предметов, сформированная, по всей видимости, уже после прогорания погребального костра. По описанию

[1] Сердечно благодарю К.А. Михайлова за помощь.

[2] Б. А. Рыбаков считал эти предметы жертвенными ножами (Рыбаков 1949: 34). Но выявленная в ходе реставрации на одном из них серебряная инкрустация в стиле Еллинг, а также конструктивные особенности (в первую очередь, отсутствие режущих лезвий) не позволяют считать их ножами. В. В. Мурашева выдвинула предположение, что предметы представляют собой жезлы, символизирующие власть (личное сообщение В. В. Мурашевой).

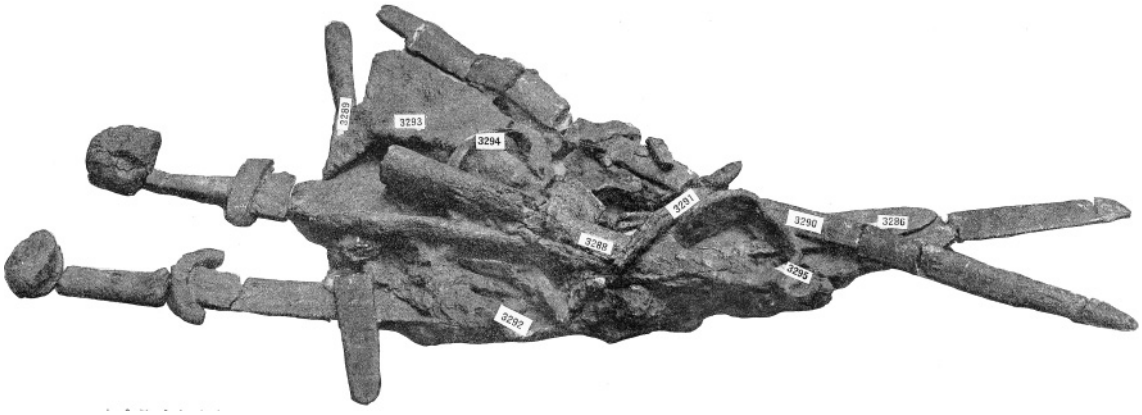

Рис. 1. Груда оружия с кострища кургана Чёрная могила (по: Самоквасов 1916: 20, рис. 23)

Д. Я. Самоквасова (Самоквасов 1916: 20–22), эта «железная груда, при очистке распавшаяся на части», состояла из двух мечей, сабли, двух наконечников копий, дротика[3], двух ножей, фрагментов кольчужного полотна, стремян и шпоры[4] (рис. 1).

Основываясь на расположении кальцинированных костей и инвентаря, Д. Я. Самоквасов предположил, что на погребальном костре были сожжены мужчина и женщина (Самоквасов 1916: 31). Б. А. Рыбаков обратил внимание на парность части мужского инвентаря, что, по его мнению, свидетельствует о нахождении в Чёрной могиле погребений двух мужчин[5]. Небольшие размеры одного из шлемов[6], незначительная длина рукояти одного из мечей, а также наличие в погребении набора игральных бабок, по мнению Б. А. Рыбакова, говорят в пользу того, что один из погребенных мужского пола был подростком. Сожженную женщину Б. А. Рыбаков рассматривал как «принадлежность ритуала», хотя не исключал и возможность ее родственных связей с мужчиной и подростком (Рыбаков 1949: 27).

Б. А. Рыбаков, как и Д. Я. Самоквасов, предлагал считать погребенного в кургане Чёрная могила мужчину князем (Рыбаков 1949: 34; Самоквасов 1908: 37). Позднее высказывались мнения о захоронении в кургане боярина или воеводы. Что касается времени совершения захоронения, то определяющим здесь являлся фрагмент византийской монеты, чеканенной в 945– 959 гг. в правление Константина VII и Романа II. На основании хорошей сохранности монеты курган был датирован Б. А. Рыбаковым 960-ми годами (Рыбаков 1949: 29). Эта датировка является наиболее распространенной, хотя в литературе высказывалась точка зрения и о более позднем времени сооружения Чёрной могилы — вплоть до рубежа X–XI вв.[7]

[3] Предмет совершенно определенно не является наконечником метательного копья, тем не менее, его предназначение остается неясным.

[4] Предмет, атрибутированный Д. Я. Самоквасовым как шпора, на самом деле является скобелем.

[5] В ходе исследования состава груды оружия, располагавшейся на кострище, была выявлена еще одна пара предметов — помимо двух мечей и двух наконечников копий в ней находились две сабли, а не одна, как предполагалось ранее.

[6] Не понятно, из чего был сделан вывод о меньших размерах второго шлема.

[7] Обзор мнений о количестве погребенных, социальной принадлежности и некоторых других вопросах изучения Чёрной могилы см. в статье О. Васюты (Васюта 2016).

Многие вопросы, связанные с Чёрной могилой, до сих пор являются дискуссионными, и их решение невозможно без тщательного анализа всех архивных материалов, обработки и издания вещевой коллекции. На данном этапе исследования мы придерживаемся точки зрения, что набор вещей, вынесенных на первоначальную насыпь и, несомненно, имеющий символический характер, позволяет предполагать, что основными и главными являются погребения двух мужчин высокого социального статуса, возможно, отца и сына[8]. Относительная бедность женского инвентаря, отсутствие женских вещей на вершине насыпи, скорее, говорит о несвободном положении похороненной в Чёрной могиле женщины (женщин?).

Рис. 2. Рукоять «большого» меча (по: Самоквасов 1916: 22, рис. 26)

К сожалению, подавляющее большинство предметов, найденных в захоронении, находились в плохой сохранности[9]. Они не были отреставрированы на должном уровне и как следствие, не были качественно опубликованы. Ситуация начала исправляться только в последнее время[10]. В ходе реставрационных работ была предпринята частичная расчистка одного из двух мечей, найденных в Чёрной могиле, и полученные результаты, хотя и носят предварительный характер, позволяют в значительной степени представить первоначальный облик меча и несколько скорректировать точку зрения о его типологической локализации.

Как уже было отмечено, в захоронении было обнаружено два меча. Еще Б. А. Рыбаков отметил, что их длина была разной — 82 и около 105 см (рис. 2). Особо отмечалось, что длина рукояти короткого меча составляла 8,5 см, что явилось для

[8] В ходе исследования кальцинированных костей из Чёрной могилы, небольшое количество которых сохранилось в собрании Исторического музея и известно по фотоснимку, было определено, что часть их «принадлежала минимум одному индивиду в возрасте от 18 до 35 лет» (Зозуля, Клещенко 2019: 124).

[9] Довольно показателен описанный Д. Я. Самоквасовым процесс извлечения предметов из слоя кострища: «приходилось отделять уголь за углем, кость за костью, иногда жертвовать одной вещью, чтобы получить соседнюю в сохранившейся форме..; проба смачивания вырезанных глыб для легчайшего отделения скипевшихся углей, костей и бытовых изделий показала непригодность этого способа: пережженные и окисшие изделия из кости, бронзы, серебра и железа, смоченные водою, распадались на мелкие куски и обращались в порошок» (Самоквасов 1916: 18–20).

[10] К настоящему времени полностью расчищена позолоченная фигурка сидящего божества, частично — меч, шлем, один из «жертвенных» ножей, наконечники стрел, на одном из которых была выявлена инкрустация цветным металлом.

исследователя еще одним аргументом в пользу нахождения в Чёрной могиле погребения подростка (Рыбаков 1949: 39).

Измерение обломков, на которые распались мечи при их извлечении из слоя кострища, подтвердило данные Б. А. Рыбакова: длина первого меча составляла около 102 см, второго — около 80 см. Если параметры «большого» меча и кажутся довольно значительными, тем не менее, они вполне «укладываются» в размерные характеристики мечей эпохи викингов. Длина «малого» меча меньше средней длины мечей этого периода, что, скорее всего, подтверждает, что второй погребенный в Чёрной могиле был подростком.

Следует отметить, что из измеренных Ф. Андрощуком 140 рукоятей мечей эпохи викингов из Швеции большинство (77) «имело рукояти длиной 8,5–9,5 см», что, вероятно, указывало на «среднестатистическую ширину ладони человека» (Андрощук 2013: 98). В этой связи стоит указать, что рукоять меча из черниговского кургана Гульбище составляла всего около 9,5 см при общей длине меча около 126 см.

Помимо длины рукояти важным для предположений о возрастной принадлежности меча является его общая длина и длина клинка. В погребении 977 могильника Бирка в захоронении мальчика 9–10 лет находился меч общей длиной 70 см, клинком длиной около 58,5 см и длиной черена рукояти 7,5 см (Андрощук 2013: 380, 381). В погребении Вальсъерде 11 у меча, общей длиной 66,5 см, черен рукояти был всего 6 см.

Длина клинка «малого» меча из Чёрной могилы составляла 63–65 см, что меньше значений измеренных 48 мечей из Швеции, диапазон длин клинков которых колебался от 68 до 88 см (Андрощук 2013: 95, табл. III, 2).

В пользу гипотезы о погребении в Чёрной могиле подростка свидетельствует и находка набора игральных бабок. По данным К. А. Михайлова, подобные предметы найдены еще в двух синхронных Чёрной могиле ингумационных погребениях, где, благодаря сохранившимся костякам, можно уверенно говорить о детских погребениях (Михайлов 2016: 170–171). Первое погребение обнаружено в деревянной камере кургана 110 Киевского некрополя (157 астрагалов), второе — в погребении 61/1 Шестовицкого могильника (2 астрагала). Оба погребенных, несмотря на возраст, были захоронены с оружием — топорами. В древнерусскую материальную культуру игральные астрагалы проникли из мира кочевников, где они также обнаружены в погребениях мальчиков (Михайлов 2016: 171).

А. Н. Кирпичников, работая над созданием каталога древнерусских мечей IX — первой половины XI в., отнес «большой» меч из Чёрной могилы к типу Z-особый, отметив отсутствие аналогичных мечей в типологии Я. Петерсена (Кирпичников 1966: 34). Мечи этого типа отличались (в первую очередь от мечей типа Z) головкой навершия линзовидной формы и плавно изогнутым перекрестием. Помимо меча из черниговского захоронения в тип Z-особый были включены меч из Щуковщины (Юго-Восточное Приладожье) и фрагментарно сохранившийся меч, предположительно найденный около Рюрикова городища.

Проведенная расчистка деталей рукояти «большого» меча из Чёрной могилы позволяет уточнить их внешний облик и определить аналогии среди синхронного европейского материала (рис. 3, *1*, 5).

Общая реконструируемая длина меча составляет около 102 см. Длина клинка — около 87 см. Ширина клинка под перекрестием — 5,5 см, ширина дола — около 2,5 см.

Рис. 3. 1 — рукоять «большого» меча; 2 — клеймо на клинке «большого» меча

Общая реконструируемая высота рукояти (от верхней точки навершия до нижней точки перекрестия) — около 18 см. Высота навершия (реконструируемая) — около 3,5 см, высота основания навершия — 1,4 см, ширина основания навершия (реконструируемая) — около 3 см. Длина трубки рукояти — около 9 см, толщина — 1,6 см, длина перекрестия — 11,8 см, высота в центральной части — 1,1 см, по краям — 1,6 см, толщина (реконструируемая) — около 3 см.

Рукоять меча состоит их двухсоставного навершия, трубки рукояти и перекрестия. Перекрестие, трубка и основание навершия надеты на черен клинка, верхний выход которого расклепан с верхней стороны основания навершия, тем самым удерживая детали на клинке. Наиболее вероятно, что к основанию навершия через два отверстия по бокам крепится головка навершия. Крепление осуществляется при помощи двух штифтов, впаянных (?) во внутреннюю часть головки навершия.

Поверхность деталей навершия и перекрестия была покрыта инкрустацией. Воздействие погребального костра привело к тому, что большая часть инкрустированного цветного металла расплавилась и сохранилась только в виде отдельных фрагментов серебряной проволоки[11]. Но на всех фронтальных поверхностях, а также на нижней плоскости навершия и верхней плоскости перекрестия выявлена сетка из тонких, перпендикулярных канавок, прочерченных в железной основе и представляющих собой подготовку поверхности под укладку цветного металла. Лучше всего инкрустация сохранилась на фронтальной поверхности основания навершия, хуже — на головке навершия. На фронтальной поверхности перекрестия прослежена только сетка под укладку инкрустации.

На основании навершия, где орнаментация сохранилась лучше всего, она имеет растительный характер в виде симметрично расположенных побегов (рис. 4, *1*, 5, *1*, *3*). Орнаментация головки навершия сохранилась значительно хуже. В ее центральной части угадываются сердцевидные фигуры, расположенные друг над другом и окруженные завитками. На верхней плоскости перекрестия удалось выявить плохо сохранившуюся инкрустацию в виде диагонально расположенных параллельных линий (рис. 4, *3*).

Довольно редкой деталью мечей эпохи викингов являлись трубки рукояти, как правило, отливавшиеся из медного сплава. Подавляющее большинство мечей этого времени снабжались рукоятями, изготовленными из дерева, обмотанного кожей.

Трубка меча из Чёрной могилы была отлита из почти чистой меди (Cu — 98,09 %, Pb — 0,94 %, Fe — 0,63 %, Ag — 0,15 %, Sn — 0,1 %, Zn — 0,05 %, Sb — 0,04 %). Деталь сильно пострадала от воздействия погребального костра и 900-летнего пребывания в земле (рис. 4, *2*). Плохая сохранность трубки не позволила Д. Я. Самоквасову при публикации меча представить правильную реконструкцию ее орнаментации (рис. 2).

Расчистка выявила в центральной части трубки литой плетеный орнамент в виде двух тройных лент, петлевые завершения которых с обеих сторон переходят

[11] Все количественные анализы химического состава выполнены с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral. Пробы взяты с поверхности основания навершия.

	Sn	Sb	Pb	As	Zn	Hg	Au	Ag	Cu	Mn
1	0,55 %	0,94%	0,62%	0,14%	2,66%	0,35%	0,64%	88,0%	4,31%	1,78%
2	0,44%	0,91%	0,54%	0,09%	1,99%	0,33%	0,88%	89,06	3,93%	1,82%

Рис. 4. Детали рукояти «большого» меча. 1 — навершие; 2 — фрагмент трубки; 3 — орнамент на верхней плоскости перекрестия

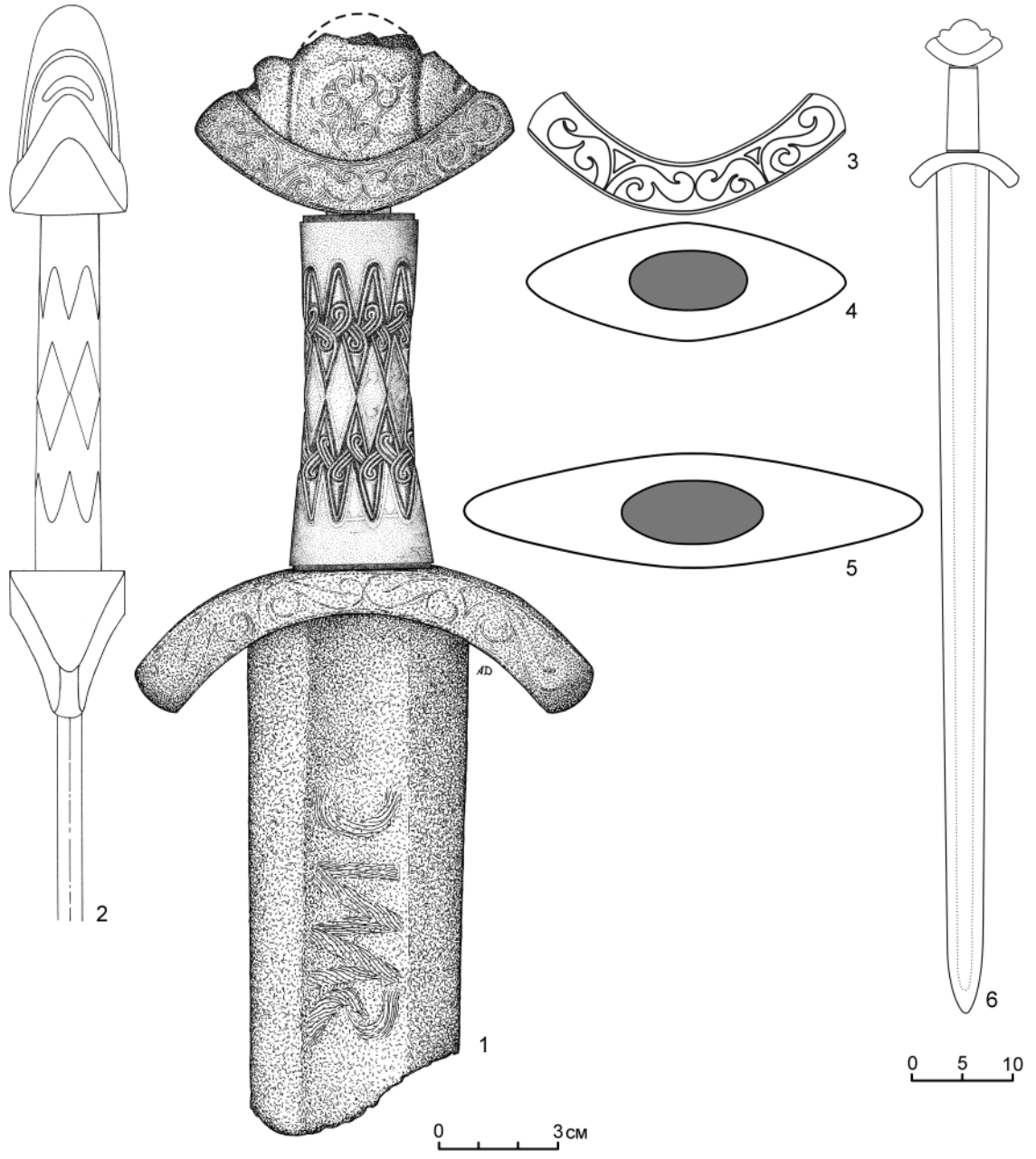

Рис. 5. 1 — рукоять «большого» меча; 2 — вид с боку; 3 — вариант реконструкции орнаментации основания навершия; 4 — нижняя плоскость навершия; 5 — верхняя плоскость перекрестия; 6 — реконструкция общего вида «большого» меча из Чёрной могилы (1–6 — рис. А. С. Дементьевой)

в треугольные выступы, обращенные в две стороны. Таким образом, в середине трубки формируется лента из сильно вытянутых ромбов, а на краевых плоскостях — полосы с треугольными выступами, обращенными к центру рукояти[12]. На краевых

[12] Нельзя не отметить схожесть орнаментации краевых зон трубки меча из Чёрной могилы с отдельными деталями в виде колец с подтреугольными выступами, оформленными в виде звериных морд или в виде зубчатой короны, крепившихся на концах рукоятей из органических материалов (Peirce 2002: 43; Evison 1967: plate XVI, B).

плоскостях трубки выявлен геометрический гравированный орнамент, на ромбах в центральной части — геометрический и, возможно, растительный орнамент.

Расчистка клинка «большого» меча еще не производилась, за исключением небольшого участка в зоне предполагаемого расположения клейма. В ходе этих работ была выявлена часть клейма в виде букв и буквообразных знаков (рис. 3, *2*; 5, *1*). Фрагментарность расчистки не позволяет понять, складываются ли буквы в осознанную надпись или это просто набор знаков, а также указать аналогии.

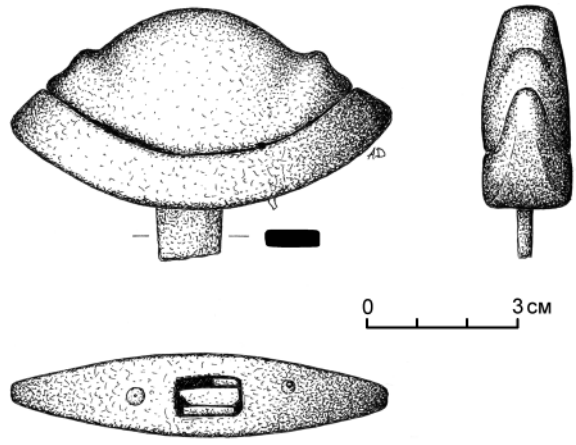

Рис. 6. Навершие меча, предположительно найденного около Рюрикова городища (рис. А. С. Дементьевой)

Как уже отмечалось, А. Н. Кирпичников, помимо меча из Чёрной могилы, отнес к типу Z-особый меч из кургана у д. Щуковщина в Юго-Восточном Приладожье и навершие с частью клинка, предположительно найденные около Рюрикова городища. Второй меч был известен исследователю только по рисунку в каталоге В. В. Арендта, где он изображен с линзовидной головкой навершия (Каинов 2008: 149, рис. 5, *18а*). Этот меч удалось обнаружить в собрании отдела археологических памятников Исторического музея. Оказалось, что головка навершия, так же как у меча из Чёрной могилы, имеет трехчастную форму (рис. 6). На нижней плоскости навершия четко фиксируются расклепанные концы двух штифтов или U-образной скобы, соединяющих верхнюю и нижнюю части навершия. На поверхности навершия не удалось выявить какие-либо следы инкрустации или подготовки поверхности под ее укладку.

Меч из Щуковщины известен нам только по изображению, что не позволяет говорить об особенностях морфологии его навершия (Бранденбург 1895: табл. XI, *3*). Не исключено, что головка навершия действительно имеет линзовидную, а не трехчастную форму. Навершия подобной формы известны, например, у мечей из Мэлюм, Норвегия и погребения 74 (конец X в.) кладбища Стариграда/Ольденбурга, Германия (Петерсен 2005: 156; Gabriel, Kempke 2011).

Выявленные в результате реставрации особенности морфологии и орнаментального решения «большого» меча из Чёрной могилы позволяют найти аналогии рассматриваемому мечу среди западноевропейского материала.

В статье В. Эвисон, изданной в 1967 г., была собрана и проанализирована информация о группе мечей, обозначенной как мечи типа Wallingford (по экземпляру, найденному в р. Темза около моста Wallingford)[13]. По обоснованному мнению В. Эвисон, этот тип является развитием типа L (по типологии Я. Петерсена). Всего в эту группу были включены 11 находок — девять из Великобритании, одна из Норвегии и еще одна из Финляндии (Evison 1967: 177, 186). Основными отличиями мечей этого типа

[13] Мечи этой группы соотносятся с группой VI по типологии англосаксонских мечей М. Уиллера (Wheeler 1927: 32, fig. 13).

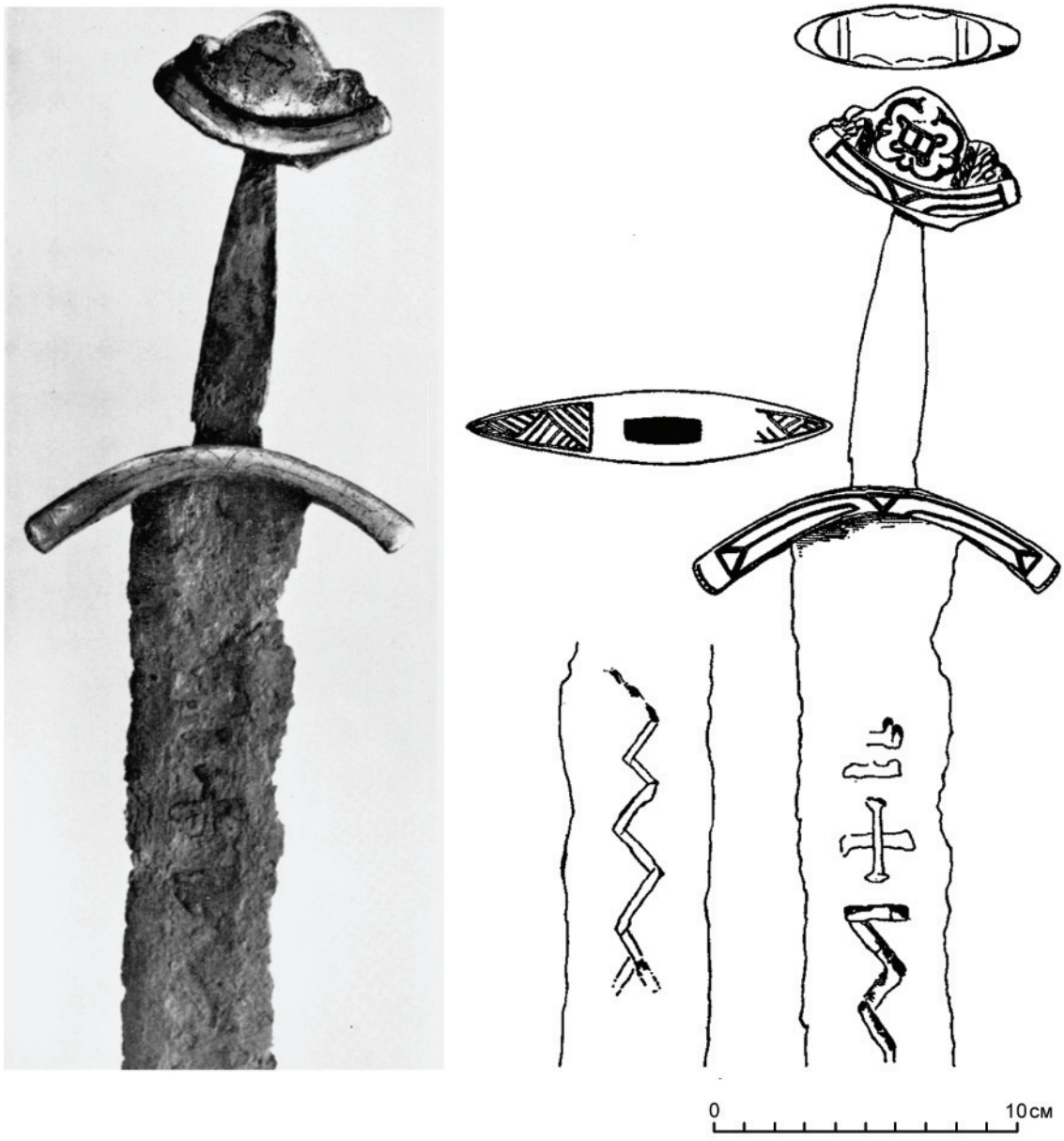

Рис. 7. Меч, найденный в р. Темза около моста Wallingford (Великобритания)

являлись изогнутые перекрестия и основания наверший и, как правило, трехчастная форма головки навершия. Поверхность деталей рукоятей большинства мечей была орнаментирована инкрустированной проволокой разного цвета.

Среди собранного В. Эвисон материала наше внимание привлекли два меча — собственно найденный у моста Wallingford (рис. 7), и меч, также происходящий из р. Темза, обнаруженный в 1840 г. (рис. 8). Форма навершия и перекрестия обоих мечей во многом совпадает с формой аналогичных деталей у меча из Чёрной могилы. Более того, орнаментация фронтальной поверхности меча Thames 1840 сочетает в себе элементы (сердцевидная фигура на головке навершия и растительные побеги на основании навершия и перекрестии), отмеченные на деталях черниговского меча. Совпадает у всех трех мечей и орнаментация верхней плоскости перекрестия

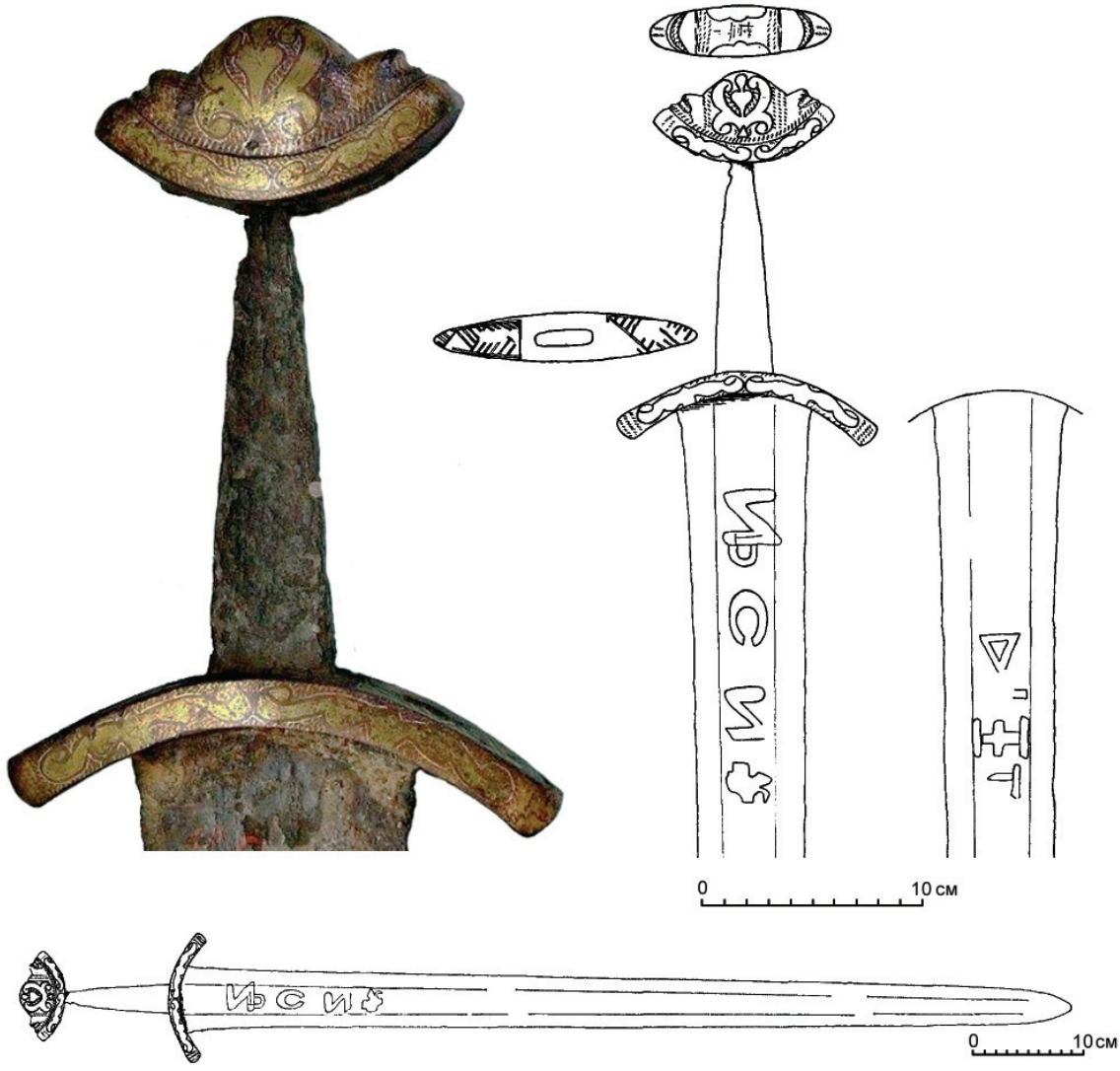

Рис. 8. Меч, найденный в р. Темза в 1840 г. (Великобритания)

в виде «рогожки» («basket weave»). Аналогичная орнаментация перекрестия встречена еще на одном мече, найденном в р. Темза у моста Battersea (рис. 9). По мнению В. Эвисон, с большой долей вероятности можно говорить о производстве трех мечей (Wallingford, Thames 1840, Battersea) в одной мастерской, расположенной в Южной Англии (Evison 1967: 174–175, 183). Схожесть орнаментации деталей рукояти этой группы мечей с орнаментацией черниговского меча позволяет предполагать также англо-саксонское происхождение меча из Чёрной могилы (или, по крайней мере, деталей его рукояти).

Аналогии трубке рукояти из Чёрной могилы были указаны в работе А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966: 34). Это меч с деталями рукояти типа V и полностью сохранившейся трубкой, найденный на о-ве Сааремаа (Эстония), и фрагмент трубки из круглой крепости Треллеборг (Дания), датированной последними десятилетиями X в. (Jets 2013: 47; Nørlund 1948: fig. 120.). Прекрасно сохранившаяся трубка эстонского меча полностью изготовлена из медного сплава (рис. 10, *1*).

Рис. 9. Меч, найденный в р. Темза около моста Battersea (Лондон, Великобритания)

Литой орнамент, полностью аналогичный орнаменту на трубке из Чёрной могилы, дополнен плохо различимым прочерченным (гравированным) орнаментом геометрического характера. Фрагмент трубки из Треллеборга представляет собой более высококачественное изделие (рис. 10, *2*). Она также изготовлена из медного сплава, но ее поверхность частично покрыта серебряным листом, на поверхность которого нанесен гравированный орнамент.

Где произошла сборка клинка, навершия, перекрестия и трубки в единое изделие, сказать трудно. Очень вероятно, что имела место более поздняя установка

трубки на уже готовое изделие. Очевидно, что изогнутые перекрестие и основание навершия не приспособлены под установку на них прямых срезов трубки рукояти. Монтаж трубки, скорее всего, имел целью увеличить впечатление богатого меча с роскошной отделкой.

Более определенно можно высказаться о времени изготовления «большого» меча из Чёрной могилы. Подавляющее большинство мечей типа Wallingford лишены археологического контекста и датируются на основании орнаментальных особенностей, представлений автора об эволюции типов мечей и различных изобразительных источников. Интересующие нас мечи (Wallingford bridge, Thames 1840, Battersea bridge) датируются в рамках конца X — XI в. (Wilson 1965; Evison 1967).

Рис. 10. Трубки рукоятей мечей:
1 — о-в Сааремаа (Эстония);
2 — Треллеборг (Дания)

«Большой» меч из Черной могилы является одним из немногих мечей, найденных в закрытом археологическом комплексе. Проведенные в 2017 г. исследования[14] позволили получить серию AMS дат, которые указывают на период между 980–1025 гг. как наиболее вероятное время возведения кургана Чёрная могила, что прекрасно согласуется с датировкой, предложенной английскими исследователями для трех мечей (Шишлина и др. 2017: 399). То же самое можно сказать и про фрагмент трубки из Треллеборга, датирующийся 980–1000 гг. и в основе своей аналогичный трубке, установленной на мече из черниговского кургана.

Нахождение в Чёрной могиле меча, чье изготовление на территории Англии очень вероятно, добавляет новый сюжет и в без того уже «пеструю» картину, складывающуюся из особенностей погребального обряда и состава погребального инвентаря, что, несомненно, является ярким отражением сложных путей формирования во второй половине X в. полиэтничной и восприимчивой к инокультурным инновациям дружинной культуры Древней Руси. Погребенный в кургане Чёрная могила старший мужчина, несомненно, занимал высокое положение в иерархии общества, возможно, носил славянское имя Чернъ, сражался англо-саксонским мечом и кочевнической саблей, носил хазарский шлем, пил из сделанного на Руси рога, играл в hneftafl, молился скандинавскому богу, опираясь на копье с христианским крестом, и владел византийским золотом (Каинов, Щавелев 2005: 89–90; Щавелёв 2007; Корзухина 2017: 632; Мурашева, Орфинская, Лобода 2019: 73-8).

[14] Проект РНФ № 17-18-01399.

Литература

Андрощук 2013 — *Андрощук Ф.* Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 709 с.

Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895. 156 с. (МАР. № 18).

Васюта 2016 — *Васюта О.* Курган Чорна могила в історичних дослідженнях минулого та сучасності // Сіверянський літопис. № 6 (132). Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, 2016. С. 3–18.

Зозуля, Клещенко 2019 — *Зозуля С. С., Клещенко Е. А.* Кремированные останки из кургана Чёрная могила в собрании Исторического музея // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2019. № 1. С. 117–130.

Каинов 2008 — *Каинов С. Ю.* Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арендтом // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 1: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2008. С. 145–155.

Каинов, Щавелёв 2005 — *Каинов С. Ю., Щавелёв А. С.* Изображение креста на наконечнике копья из Чёрной могилы (Технология и семантика) // Мельникова Е. А. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М.: Индрик, 2005. С. 83–90.

Кирпичников 1958 — *Кирпичников А. Н.* Русские шлемы X–XIII веков // СА. 1958. № 4. С. 47–69.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 176 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Корзухина 2017 — *Корзухина Г. Ф.* Турьи рога Черниговских курганов // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и бронзе: сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 620–634 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Михайлов 2016 — *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.

Мурашева, Орфинская, Лобода 2019 — *Мурашева В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю.* «Новая история» идола из Чёрной могилы // РА. 2019. № 1. С. 73–86.

Петерсен 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 335 с.

Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л.: 1949. С. 7–102 (МИА. № 11).

Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.: Синодальная типография, 1908. 119 с.

Самоквасов 1916 — *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности северянской Черниговщины. М.: Синодальная типография, 1916. 101 с.

Шишлина и др. 2017 — *Шишлина Н. И., Плихт Й., ван дер, Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Мурашева В. В., Панин А. В., Каинов С. Ю., Зозуля С. С., Шевцов А. О.* Радиоуглеродное AMS-датирование экспонатов Исторического музея: результат и обсуждение // Известия Самарского НЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 196–202.

Щавелев 2007 — *Щавелев А. С.* Известие Ипатьевской летописи о Чёрной могиле (к вопросу об имени погребённого князя) // Коваленко О. Б. (відповідальний ред.).

Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Европи. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 100–105.

Jets 2013 — *Jets I.* Lahingu maod. Skandinaavia 9.–11. Sajandikunstistiilid Eesti arheoloogilistelleidudel. Tallinn: Tallinna Ülikool, 2013. 334 lpp.

Evison 1967 — *Evison V. I.* A sword from the Thames at Wallingford bridge // Archaeological Journal. 1967. 124. 1. P. 160–189.

Nørlund 1948 — *Nørlund P.* Trelleborg. København: Gyldendal, 1948. 296 p.

GabrielI, Kempke 2011 — *GabrielI I., Kempke T.* Die Grabfunde. Einführung und archäologisches Material. Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien VI. Neumünster: Wachholtz, 2011.

Peirce 2002 — *Peirce I. G.* Sword of the Viking Age. Woodbridge: Boydell Press, 2002. 160 p.

Wheeler 1927 — *Wheeler R. E. M.* London and the Vikings. London, 1927.

Wilson 1965 — *Wilson D. M.* Some Neglected Late Anglo-Saxon Swords // Medieval Archaeology. 1965. 9: 1. S. 32–54.

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова
(Сургут)

Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты

Топор-секира[1] на севере Европы приобретает особое значение в эпоху норманских завоеваний. Земли Новгорода Великого не стали исключением, и присутствие скандинавов в ряде городов Новгородской республики не вызывает сомнений. С развитием торговых отношений и освоением территорий крайнего севера Европы и Западной Сибири выходцами из земель Новгорода Великого топор-секира как универсальное орудие и оружие, несомненно, был спутником первопроходцев. На памятниках археологии у аборигенного населения Крайнего Севера мы сталкиваемся с находками как самих орудий, так и их моделей, а также амулетов в форме топоров-секир. В данной статье мы представляем комплекс данных, полученных в результате раскопок городища Бухта Находка конца XII — начала XIV в., а также анализ происхождения европейских топоров на севере Западной Сибири и их влияния на культуру аборигенного населения, в том числе религиозную.

Находки целых топоров на севере Западной Сибири достаточно редки. В целом изделия кузнечного производства являются редкой находкой в силу отсутствия исторических традиций железоделательного производства. Это обусловлено несколькими факторами, в частности отсутствием рудных источников. Тем не менее наличие кузнечного производства в ряде средневековых памятников археологически зафиксировано, но оно не являлось выделенным специализированным ремеслом, а скорее было домашним мужским занятием, так называемой «ковкой на обухе». На единичных памятниках рассматриваемого периода, где имеется специализированное кузнечное ремесло, например Тазовская мастерская, при раскопках которой были найдены руда, крицы, остатки кузнечного горна и множество заготовок

[1] Топор (тети, тепать, тяпать, тяпка?) — м. стар. секира или сокира южн. железное, насталенное орудие для тески и рубки, в котором отличают: лопасть с лезом и обух с проухом, а обух насаживается на топорище ср. деревянную рукоять, кривую, выкаченную (Даль 1882: 427). Этимологический словарь Фасмера дает следующую информацию о заимствовании из финск.: tappara «топор», др.-сканд. taparøx «боевой топор», из англос. tæpperæx «топорик»; также считается, что оно родственно лат. securis «топор» (Фасмер 1987: 79–80, 592). Секира: название оружия восходит к глаголу сечь, буквально — «то, чем рассекают» (Крылов 2005: 356). В данном случае мы считаем уместным использовать оба этих определения, поскольку топоры и секиры могли быть использованы как в утилитарном, так и в боевом назначении и подразумевают универсальность орудия.

и отходов кузнечного производства (Визгалов и др. 2018). Но большая часть высокотехнологичных предметов кузнечного производства у аборигенов Севера была импортной, в том числе и топоры. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего средневековья.

На сегодня можно считать, что до IX в. единственным видом рубящего универсального орудия на севере Западной Сибири были втульчатые топоры. С началом массового поступления в эти земли в IX–XI вв. проушных боевых и рабочих топоров более архаичные втульчатые топоры-тёсла начали выходить из употребления и к XII–XIII вв. практически перестали использоваться. По мнению А. П. Зыкова, проушные топоры в регионе появляются на рубеже IX–X вв. как импорт из Волжской Болгарии, а поступление к народам севера Западной Сибири топоров с территории Северной Руси начинается со второй половины X–XI вв. (Зыков 2008). Мы считаем, что импорт проушных топоров к народам Крайнего Севера из Северной Руси мог начаться не ранее XI в., что согласуется с летописными сведениями. Лаврентьевская летопись под 1096 г. отметила торг новгородцев с жителями Севера: «но кажутъ на железо, и помаваютъ рукою, просячи железа; аще же кто дасть имъ ножь или секиру, даютъ скорою противу» (ЛЛ: 235). Отметим, что А. П. Зыков датировал вещи на основе сравнительно-типологического анализа, без привлечения других методов (например, радиоуглеродного), а, как известно, архаичные формы любых ремесленных изделий могли существовать и воспроизводиться длительное время, и, соответственно, топоры форм середины X в. вполне могли появиться у жителей Крайнего Севера и на рубеже XI–XII вв.

С распространением проушных топоров начинаются изменения и в культуре аборигенного населения Крайнего Севера. Эти изменения сопровождаются появлением также костяных и деревянных моделей топоров. Отметим, что при раскопках Усть-Полуйского городища I в. до н. э. в мерзлом культурном слое с хорошей сохранностью органических материалов не было найдено бронзовых, деревянных или костяных имитаций втульчатых топоров (Усть-Полуй 2017). Ситуация изменилась в конце XI — XII в. На археологических памятниках Ямала зафиксированы как реальные орудия, так и их модели. Наиболее яркий комплекс, позволяющий раскрыть проблему приобретения, бытования и влияния на религиозную культуру топоров-секир, был получен в процессе археологического изучения культурного слоя городища Бухта Находка XIII — начала XIV в.

Городище Бухта Находка (Кардаш 2011) находится на восточном побережье полуострова Ямал в Ямальском р-не, в 75 км на северо-восток от пос. Яр-Сале, в 60 км к юго-западу от пос. Новый Порт и в 200 км к северу от г. Надыма. Памятник расположен в устье маленькой реки Харде-Яхи (Городская река), на правом устьевом мысу, образованном руслом реки, прорезавшим террасу коренного берега залива. В окрестностях поверхность преимущественно сырая, кочковатая, покрыта тундровой растительностью. Территория памятника заросла высокотравьем, в окрестностях произрастают карликовая береза и ива.

Площадка, где был размещен оборонительно-жилой комплекс, представляет небольшой хорошо дренированный участок мыса высотой около 10 м от среднего уровня воды в реке, примерно соответствующего нулевой отметке в Балтийской системе высот. Сейчас остатки сооружения выглядят как овальная сопка размером 25 × 40 м, высотой около 5 м.

В результате раскопок городища Бухта Находка в течение шести полевых сезонов был полностью изучен верхний строительный горизонт сооружений оборонительно-жилого комплекса (Кардаш 2009; 2010; 2013а; Рудковская 2012). Его внешние размеры составляют около 35 × 25 м, а внутреннего жилого пространства — примерно 28 × 23 м. В плане городок имел форму прямоугольника, ориентированного по оси северо—северо-восток — юго—юго-запад.

Внутреннее пространство поселения занимали восемь жилых строений, расположенных в два ряда (по четыре в каждом). Осью симметрии служила узкая центральная улица-проход, по обе стороны которой, друг напротив друга, располагались постройки. Собственно «улица» была ограничена наружными стенами фасадов построек. Между собой соседние постройки каждого ряда имели общую стену-перегородку. По периметру городок окружала наружная стена, формировавшая теплоизоляционную защиту от неблагоприятных погодных явлений и от боевых нападений. Наружные стены городка представляли собой конструкцию, сложенную из торфяных и дерновых брикетов с каркасом из одного-двух рядов вертикально установленных жердей и бревен небольшого диаметра. Все пространство оборонительно-жилого комплекса имело единую жердевую кровлю с берестяной гидроизоляцией, удерживаемой слоем грунта и дерновым гнетом. Снаружи городок выглядел как поросшая травой обособленная сопка высотой 10–15 м.

Все постройки были жилыми и выполнены в единой архитектурной традиции. Общий размер построек не превышал 7,5 × 7,0 м при высоте не более 3–4 м. Внутреннюю планировку строения формировало центральное жилое помещение размером 4,5 × 5,0 м, снабженное открытым очагом. По периметру центрального помещения находилась неотапливаемая галерея — круговой обход шириной 0,5–1,5 м. Пространство галереи формировалось за счет стен центрального помещения и межжилищных и наружных стен городка. Галерея выполняла теплоизоляционную функцию и, очевидно, служила для хранения продуктов питания, одежды и утвари, то есть имела хозяйственное назначение. Эти дома имели основной входной проем над очагом и дополнительный малый в одном из боковых фасадов, выходивших на центральную «улицу».

Анализ предметов позволил определить временной интервал функционирования последнего сооружения в пределах середины XII — начала XIV в. Уточненная датировка получена по древесным спилам. Время основания поселения в устье Харде-Яхи определяется около 1084 г., а строительства последнего оборонительно-жилого комплекса — 1219–1225 гг. (Sidorova et al. 2017: 146–152). Отсутствие образцов, датированных позднее 1285 г., судя по периодичности ремонтов сооружения, позволяет считать, что время функционирования городка можно ограничить первым десятилетием XIV в. (ок. 1300–1310 гг.). Таким образом, весь период существования городища Бухта Находка укладывается в интервал конец XI — первое десятилетие XIV в., а последнего сооружения — начало XIII — первое десятилетие XIV в. (ок. 1219–1310 гг.).

Всего в процессе исследований было найдено два железных топора, бронзовая подвеска-амулет в форме секиры и пять моделей топоров (четыре костяные и одна деревянная).

Топоры (2 экз.)

Целый топор (рис. 1, *1*) относится к типу проушных. Он имеет форму вытянутой трапеции, длина 16,9 см, лезвие изогнутое, скошенное к рукояти шириной 10,4 см, вырез с тыльной стороны лезвия плоский, относительно втулки, обух с двумя боковыми щекавицами шириной 5 см. Втулка овальной формы, размерами 4,5 × 3,9 см. Был обнаружен в северной галерее постройки № 7. Фрагмент топора (рис. 1, *2*) имел округлую проушину диаметром 4,4 см и две пары боковых щекавиц. Был обнаружен в постройке № 3.

По типологии Я. Петерсена топоры-секиры относятся к типу «E» и датируются второй половиной IX — X в. (Петерсен 2005: 73–74), что соотносится с эпохой интенсивных связей Руси со Скандинавией. Первые следы пребывания норманнов в Ладоге датируются серединой IX в. В X–XI вв. варяжские торговые корабли регулярно ходили на Русь; в Новгороде норманским купцам принадлежала церковь св. Олава, русским — церковь в Сигтуне. На интенсивные связи Новгорода со Скандинавией указывают вещи норманского круга, обнаруженные в слоях X–XI вв. Новгорода Великого (Носов, Хвощинская 2004; 2014; Носов и др. 2017). Сходные исторические процессы на Руси и в Скандинавии создали условия для этнокультурного синтеза, для взаимопроникновения таких социально значимых элементов культуры знати обоих регионов, как погребальный обряд, вооружение, одежда и проч. (Даркевич 1985: 391–392).

По мнению В. Е. Коршуна, топоры с большей приподнятостью верхнего края лезвия, меньшим полукруглым вырезом в основании, овальным или подтреугольным отверстием для топорища, двумя парами треугольных боковых щекавиц и плоским обухом характерны для Центральной и Северной Европы и для Древней

Рис. 1. Железные проушные топоры, городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–10? гг.; 1 — топор (железо), постр. № 7; 2 — топор, фрагмент обуха (железо), постр. № 3

Руси являются импортными (Коршун 2010: 28). Подобные железные секиры разновидности «Б» типов VI, VII, VIII наиболее характерны для территории юго-восточного Приладожья периода XI–XIII вв. (Кирпичников, Медведев 1985: 310–311, 339, табл. 127, *22–24*). Данный тип топоров, по мнению Б. А. Колчина, принадлежит к числу орудий деревообработки и отнесен к переходному типу, характерному для Новгорода Великого XII–XIII вв. (Колчин 1985: 255, 281, табл. 97: *8–11*).

Подвеска-амулет (1 экз.)

Подвеска (рис. 2, *1*) изготовлена из бронзы. Размеры 6,7 × 7,0 × 1,3 см при толщине лезвия 0,2 см. Подвеска с обеих сторон орнаментирована в средней части лезвия двумя рядами выпуклых треугольников, между ними расположен ряд выпуклых квадратов. В центральной части лезвия проделано круглое отверстие диаметром 0,5 см, орнаментированное валиком, рассеченным наклонными поперечными желобками и двумя треугольниками, направленными к ребрам лезвия. Ребра лезвия орнаментированы также валиком, рассеченным наклонными поперечными желобками. На одном из ребер лезвия имеется декоративный выступ-петелька. Шейка орнаментирована косым крестом, который обрамляет со стороны кромки лезвия валик в виде выпуклых прямоугольников, а со стороны обуха три выпуклых валика. Обух покрыт геометрическим орнаментом. Был обнаружен в южной галерее постройки № 7.

Использование таких подвесок-талисманов зафиксировано не только на территории Древней Руси, но и практически во всей Восточной Европе X–XIII вв. Происхождение амулетов связывают с появлением скандинавов (Голубева 1997: 153, 340, табл. 92, 35–41; Макаров 1992: 41–56; Фюреди и др. 2016: 483–514). У скандинавов богом грозы и молний был Тор. С культом Тора связаны железные подвески-молоточки, широко известные по находкам в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике. На Руси они появились в конце IX — X в. со скандинавскими дружинами и купцами и широко представлены в Ярославском Поволжье и в Гнёздовских курганах. В Древней Руси известны аналогии этим «молоточкам Тора» — миниатюрные железные, бронзовые иногда свинцовые топорики-подвески. Некоторые из них орнаментированы концентрическими кружками и зигзагообразными линиями, в которых исследователи видят символы солнца и молнии. Наиболее ранняя находка амулета происходит из погребения в Киеве (Каргер 1958: 174–176, 201–205, табл. XVI, *10*). Это погребение относится к числу дружинных и может быть отнесено к середине X в. Большинство таких находок связано с мужскими погребениями X–XI вв. В XI–XII вв. топорики-амулеты встречались и в женских погребениях (Успенская 1967: 119).

В XI в. производство топориков-оберегов стало серийным, появились стандартные формы в виде широколезвийных секир, отливавшихся из бронзы. Подвески-топорики найдены в слоях XI в. в Новгороде (Седова 1981: 26, рис. 7–9; Носов и др. 2017: 49–50), Дрогичине, Суздале. На территории Древней Руси известно несколько десятков таких находок. Единичные экземпляры найдены в прилегающих территориях Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Швеции и Дании. Топография находок указывает на тесную связь их с военно-дружинной верхушкой

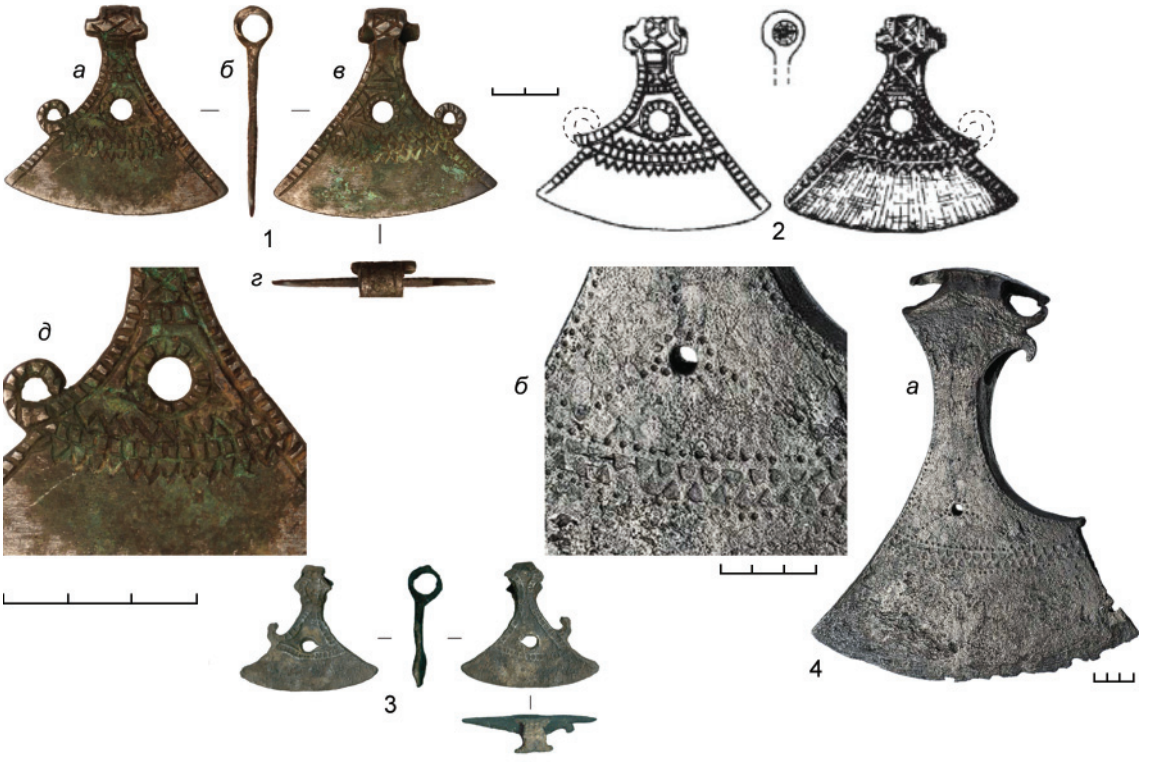

Рис. 2. Бронзовые амулеты-секиры и железный проушный топор — сравнительный анализ: 1 — Городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–1310? гг.: 1*а-в* — амулет-топор (бронза), постр. № 7; 1*д* — деталь: центральная орнаментальная композиция; 2 — святилище Болванский Нос 1 X–XIII вв. (по: Хлобыстин 1992: 164, рис. 1); 3–4 — Новгород Великий XI–XII вв.: 3*а*–3*г* — амулет-топор (бронза) XII в., Софийская сторона, Людин конец (Троицкий раскоп XIII, усадьба Ж, XII в. (по: Янин и др. 2018: 232, рис. 5: 6); 4*а* — топор (железо) XI в., Дубошин раскоп, Торговая сторона г. Великий Новгород, ул. Суворовская (по: Колчин и др. 1985: 156, рис. 295); 4*б* — деталь: центральная орнаментальная композиция

общества, концентрировавшейся в городах (Голубева 1997: 153–165). Такого же мнения придерживается Н. А. Макаров, считая, что они относились к новому этапу развития дружинной культуры, сохранявшей в силу специфического уклада жизни профессиональных воинов языческие верования и после принятия христианства (Макаров 1992: 51). Голубева связывает их распространение в славянской среде со славянскими военно-дружинными отрядами, продвигавшимися на далекие окраины (Голубева 1997: 153–165).

Прямой аналогией публикуемому амулету является находка топорика-амулета на святилище Болванский Нос 1 на острове Вайгач (рис. 2, *2*); возможно, это изделие вышло из той же мастерской (возможно, выполнено тем же мастером), что и амулет с городища Бухта Находка. Святилище Болванский Нос 1 датировано X–XIII вв. (Макаров 1992: 48, рис. 5, *2*). По мнению Н. А. Макарова, этот амулет, как и множество других вещей древнерусского производства, является свидетельством налаженных торговых взаимоотношений между новгородцами и югорцами.

Близки амулету с городища Бухта Находка амулеты-топорики, найденные в Новгороде. Один из них (рис. 2, *3*) обнаружен в Людином конце средневекового Новгорода. Именно Людин конец связан с «Югорщиной», построившей храм Святой Троицы. Весьма вероятно, что «Югорщина» — это некая корпорация первых новгородцев, осуществлявших торговлю и промысел в Югре. Заметим, что на одной усадьбе с амулетом был обнаружен комплекс предметов скандинавского происхождения, среди которых наконечник ножен меча, костяная булавка с орнаментированной головкой, железные амулеты и бронзовая привеска «рыбья голова» (Янин и др. 2018: 231).

Реальным прототипом для подвески-амулета с городища Бухта Находка могли быть секиры с широким, симметрично расходящимся лезвием (тип VII по А. Н. Кирпичникову). Топоры этого типа бытовали на территории Руси в XI–XIII вв., а в Прибалтике — вплоть до XIV в. (Кирпичников 1966: 38, рис. 6; Макаров 1992: 44–48, рис. 5). Орудие со схожей орнаментацией найдено в Новгороде (рис. 2, *4*) в слоях XI в. на Дубошином раскопе. Этот топор орнаментирован с обеих сторон в средней части лезвия двумя рядами штампованных треугольников, обрамленных точечной насечкой. Такая же насечка окружает отверстие в середине лезвия и образует бордюр вдоль краев лезвия до проуха. Сходный орнамент из двух рядов треугольников имеют также топоры из Восточной Пруссии и Эстонии, а точечную насечку — экземпляры из Тронхейма (Норвегия), Эстонии и Латвии. Однако в комбинации, даже подобной имеющейся на новгородском топорике, оба вида орнамента нигде больше не встречены. Это обстоятельство позволяет считать его изделием новгородского мастера, объединившего два вида декора и дополнившего художественный облик топора оригинальными волютообразными щекавицами и косицами (Артемьев 1994: 28).

Металлографический анализ изделия не проводился, но не исключено, что данный топор принадлежит к продукции скандинавского кузнеца в Великом Новгороде. В любом случае, кто бы ни был автором топора из Дубошиного раскопа и топориков-амулетов из Троицкого раскопа и городища Бухта Находка, все они имеют несомненную связь со скандинавским населением Древней Руси. Поражает близость орнаментальной композиции железного изделия и бронзового амулета, причем совпадения имеются даже в орнаментальных элементах. Зигзаг на лезвии топора из Дубошиного раскопа сформирован рядами оттисков *треугольного* чекана, а на подвеске-секире из городища Бухта Находка ряды зигзагов на лезвии также формируют ряды рельефных треугольников (рис. 2, *1д, 4б*). Вероятно, новгородский топор с Торговой стороны или аналогичные изделия послужили прототипом для ямальского амулета, а местом его изготовления могли быть мастерские Новгорода Великого.

Модели топоров

Топорики из рога (4 экз.). Все они близки по форме и конструкции, отличаются размерами и небольшими деталями. Два топорика найдены в постройке № 1, по одному — в постройках № 2 и 4.

Первый топорик из постройки № 1 (рис. 3, *5*). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким изогнутым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом.

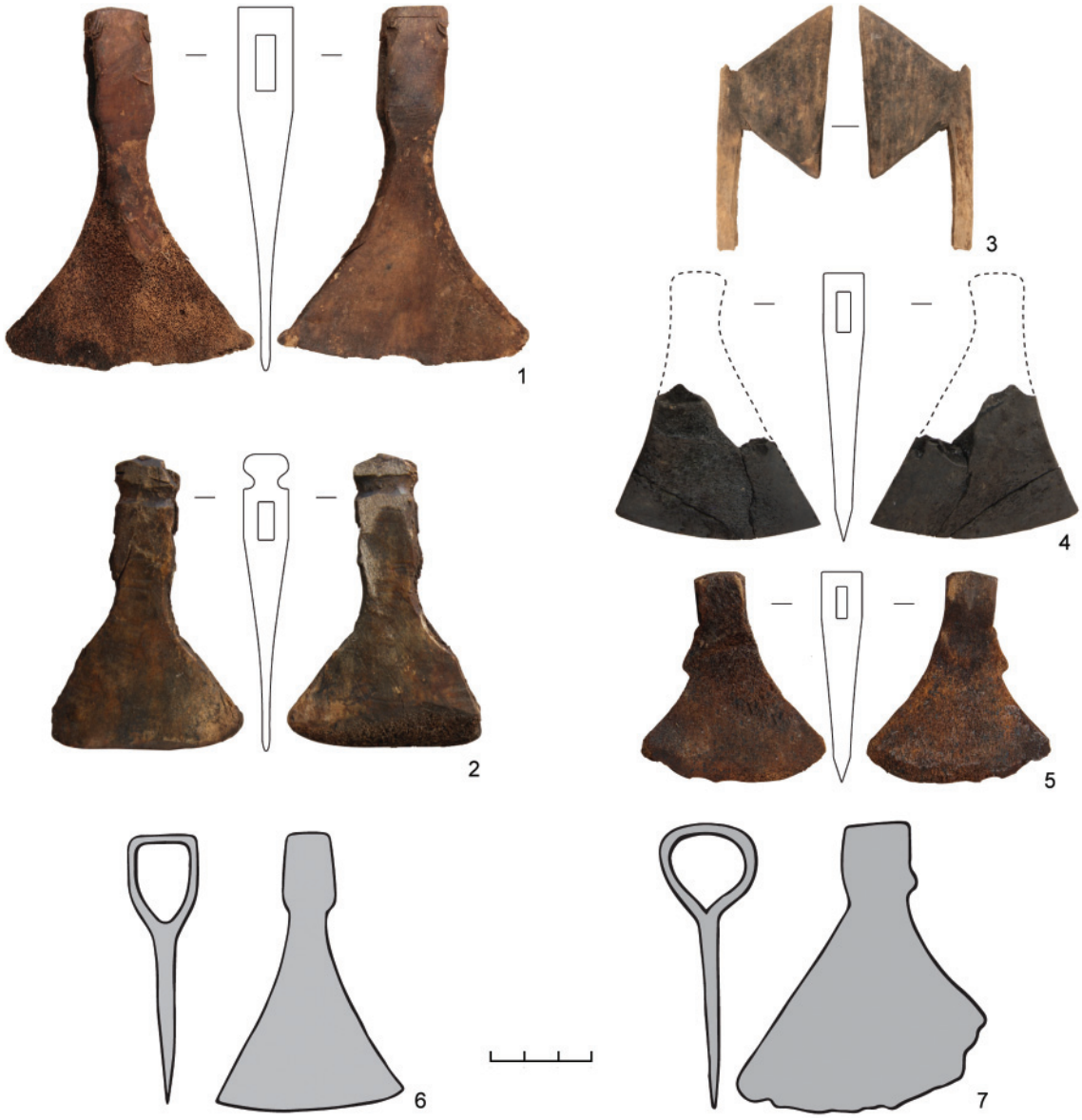

Рис. 3. Модели проушных топоров. 1–5 — Городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–10? гг.: 1 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 4; 2 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 1; 3 — модель топора (дерево), постр. № 4; 5 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 1; 6 — модель топора (железо), Тимерево, IX–XI вв. (по: Макаров 1992: 52, рис. 9–1); 7 — модель топора (железо), Фюркат, X в. (по: Макаров 1992: 52, рис. 9–2)

Со стороны шейки, обращенной к рукояти, имеется выступ, напоминающий шип, как у плотницких топоров. Насколько это может быть связано с прототипом — непонятно. Размеры рабочей части топора — 6,5 × 5,6 × 1,4 см. Лезвие имело заточенный рабочий край. Предусмотрена проушина для явно деревянной рукояти.

Второй топорик из постройки № 1 (рис. 3, *2*). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким, почти прямым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом; обух выделен желобом по периметру, возможно для ремонта трещины при вырезании проушины. Размеры рабочей части топора — 8,5 × 5,8 × 1,8 см.

Предусмотрена проушина для рукояти, которая явно предполагалась деревянной. Лезвие имело заточенный рабочий край.

Топорик из постройки № 2 (рис. 3, *4*). Фрагмент лезвия от топора в форме вытянутой трапеции с широким изогнутым основанием-лезвием, скорее всего имел вытянутый прямоугольный обух. Лезвие имело заточенный рабочий край.

Топорик из постройки № 4 (рис. 3, *1*). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким, почти прямым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом. Размеры рабочей части топора — 10,5 × 7,5 × 1,8 см. Предусмотрена проушина для рукояти, которая вырезалась отдельно, очевидно, из дерева. Лезвие имело заточенный рабочий край. Судя по зарубкам на верхних гранях, предполагался заостренный верх обуха (клевец?), но эта деталь не была завершена.

Топорик из дерева (1 экз.). Найден в постройке № 4. Это миниатюрная и упрощенная модель (рис. 3, *3*). Топор и топорище вырезаны из цельного куска древесины, форма топора в целом близка форме топора из рога: широкое прямое лезвие, плоскость топора резко сужается к обуху. Размеры рабочей части топора — 5,0 × 3,2 × 0,4 см. Рукоять имеет овальное сечение, фрагментирована.

Территориально и типологически наиболее близкая синхронная аналогия описанным предметам — это модель топорика из городища Ярте VI, функционировавшего с конца XI до середины XII в. (Плеханов 2014: 96, табл. 44, *359*). В коллекции моделей топоров этого памятника практически все такие изделия выполнены в близком соответствии реальным орудиям (Плеханов 2014: 96, 97, табл. 44, 45).

Имеются более ранние, типологически идентичные модели, изготовленные из железа и обнаруженные в результате раскопок ряда археологических памятников X в. скандинавских стран (Roesdahl 1977). Н. А. Макаров приводит описание одного из таких топориков, который имеет симметрично расширяющееся широкое прямое лезвие и вытянутый прямоугольный обух без щековиц (рис. 3, *7*). Размеры описанного топорика — 8,3 × 5,6 см — идентичны размерам костяного топорика из постройки № 1 (рис. 3, *5*). Относительно этих находок Н. А. Макаров приводит гипотезу Э. Рёисдаль о их символическом значении и, как следствие этого, о возможном влиянии скандинавской традиции на древнерусскую, поскольку именно в X в., в период оживленных славяно-скандинавских контактов, модели топоров-секир начинают попадать на Русь и становиться частью культуры. Очевидно, что распространение этих топориков, имеющих сакральное значение, произошло немногим позднее и у народов Крайнего Севера, в процессе освоения выходцами из земель Новгорода Великого. Считаем необходимым особо подчеркнуть не только формально-типологическое, но и параметрическое соответствие костяных моделей топоров из Бухты Находка и железных из Скандинавии. Это, в свою очередь, может служить косвенным свидетельством знакомства югорских резчиков с железными прототипами. Поскольку у жителей Крайнего Севера металлообработка и кузнечное производство не были развиты, логично предположить, что именно поэтому эти модели изготавливались из рога северного оленя.

В качестве других, более поздних, аналогий следует упомянуть костяной топорик из слоя XVI в. городища Эмдер (Зыков, Кокшаров 2001: 92, рис. 40, *19*), а также большую серию деревянных и костяных моделей топоров из слоя конца XVI — первой трети XVIII в. Надымского городка (Кардаш 2013б: 261, рис. 3.65). Подобные

топорики также присутствуют на Полуйском мысовом городке конца XVI — первой трети XVIII в. (Кардаш 2013в: 276, рис. 3.58, *1–7*).

Рассматривая в целом назначение топора, следует акцентировать внимание на универсальности орудия: его могли использовать как в качестве бытового инструмента, так и боевого оружия. В древнерусских письменных источниках он часто употребляется под термином «сокира» или «секыра» (Срезневский 1912: 891–892).

По сообщению Ибн Фадлана, видевшего воинов-руссов на Волге, «при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим они [никогда] не расстаются» (Ковалевский 1956: 141). Лев Диакон в описании русско-византийской войны 970–971 гг. отмечает боевое применение секир наряду с мечами. А в письме епископа Бруно к Генриху II в 1008 г. сообщается, что войска Владимира Святославича были вооружены множеством топоров и мечей (Кирпичников 1966: 51). Широкое распространение топор в качестве универсального орудия получает в X–XIII вв. на территории Древней Руси и становится предметом импорта на север Западной Сибири.

На данном этапе исследования мы считаем, что межрегиональные связи населения Бухты Находка имели преимущественно западное направление и были ориентированы на торгово-экономические отношения с Новгородом Великим, которые проходили вне Обь-Иртышского бассейна. Косвенным подтверждением этого может быть сообщение летописи под 1096 г. о торге новгородцев с жителями Севера: «Югра же людье есть языкъ немъ, и седятъ съ Самоядьюе на полунощныхъ странахъ» (ЛЛ: 235). То есть они вели торг с югорцами и самоедами, которые живут рядом, и в качестве места торга указали: «горы зайдуче [в] луку и моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ техъ кличь великъ и говоръ, и секуть гору, хотяще высечися; и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку ихъ, но кажуть на железо и помавають рукою, просяще железа; наще кто даста имъ ножь ли, ли секиру, дають скорою противу» (ЛЛ: 235). Предположительно, районом такого торга можно назвать северную оконечность Уральских гор, достаточно близко подходящую к Байдарацкой губе (заливу Карского моря). Это территория в 250 км к западу от бухты Находка, вероятно в районе истока реки Усы, притока реки Печоры, по которым функционировал древний речной путь в Югру, между горными вершинами Нгэтенапэ (1338 м) и Хайдыпэ (1235 м). Попасть в предполагаемое место торга жителям Бухты Находка можно было на нартенном транспорте примерно за пять дней пути, минуя Обский бассейн по водоразделам 100 км севернее.

Немаловажным, хотя и косвенным подтверждением прямой меновой торговли населения земель Новгорода Великого с жителями Бухты Находка являются находки вышеописанных топоров русского производства. Кроме того, в культурном слое городища Бухта Находка был найден бронзовый амулет в виде широколезвийного топора-секиры. Использование таких подвесок-талисманов считается характерной чертой населения Древней Руси X–XIII вв., а их происхождение связывают с появлением скандинавов и определяют как этнокультурной маркер (Голубева 1997; Каргер 1958; Успенская 1967; Седова 1981; Дорофеева 2011).

Важно отметить, что на археологических памятниках аборигенов Крайнего Севера реальные проушные топоры появляются синхронно с костяными и деревянными моделями таких топоров. Модели секир полностью воспроизводят реальные

орудия, включая заточку рабочего края лезвия, тем не менее на них отсутствуют следы использования в каком-либо процессе, например игровом. При рассмотрении моделей топориков в Надымском городке следует отметить разнообразие размеров, вплоть до натуральных, и многочисленные следы использования, включая забитость заостренного лезвия, а также фрагментированность сломанных изделий (Кардаш 2013в: 183, рис. 3.65). Представляется очевидным культово-ритуальное назначение моделей топоров из городища Бухта Находка. Косвенным фактом, указывающим на сакральную функцию, является их малое количество. Например, на городище Ярте VI их также небольшое количество — 11 экз. (Плеханов 2014: 96–97, табл. 44–45). Их число примерно соотносится с численностью построек городища Ярте VI, которое равно семи, причем в каждом из двух строительных горизонтов. В городище Бухта Находка, где на восемь построек одного строительного горизонта приходится шесть моделей топоров, включая бронзовый амулет, все находки были обнаружены в разных постройках, лишь в одном строении было найдено две модели.

Мы предполагаем, что эти топорики были атрибутами божеств: семейно-родовых духов-хранителей, размещавшихся в домашних кумирнях. Из этнографических сведений о религиозной культуре коренных народов Севера хорошо известно, что домашних духов-хранителей снабжали реальными предметами вооружения или моделями для защиты от «злых духов» потустороннего мира. Сабля — это непременный атрибут святилищ аборигенного населения XIX–XX вв. (Народы Западной Сибири 2005). Топоры же встречаются очень редко, причем преимущественно на культовых памятниках Крайнего Севера (Народы Западной Сибири 2005). В этой связи может возникнуть вопрос, почему таким предметом для жителей городища Бухта Находка стал именно топор, а не сабля. В вещевом комплексе есть гарда и обойма ножен сабли, а в могильнике Бухта Находка 2 обнаружен обломок сабли. Это говорит о том, что сабля и ее элементы присутствовали в культуре жителей городища, однако сабля не стала оружием защиты у семейного божества.

На наш взгляд, это связано с несколькими факторами. Во-первых, на протяжении XI–XIII вв. начинается активное торгово-промысловое продвижение жителей Новгородской республики на северо-восток по районам Крайнего Севера. Это было непростым предприятием, основное содержание которого — длительное перемещение по пустынным незаселенным территориям. В таких экспедициях универсальные орудия были куда более актуальны, нежели специализированные, включая холодное оружие. Возможно, именно топор становится главным универсальным орудием, используемым первопроходцами в освоении территорий Крайнего Севера и Югры. Секира была неотъемлемым оружием скандинавов, влившихся в древнерусское население новгородской республики. По мнению А. Е. Мусина, среди первопоселенцев будущего новгородского Людина конца были скандинавы, которые принесли с собой элементы материальной, духовной культуры и архаические ритуалы сельских регионов Средней Швеции эпохи Венделя. Архаические элементы культа импортировались новыми переселенцами, вливавшимися в новый этносоциум. Отсутствие единого миграционного механизма скандинавов приводило к «волнообразности» этого процесса и отсутствию непосредственных связей между разновременными группами переселенцев. В свою очередь, это препятствовало полноценному воспроизводству северной религии на Востоке.

Археология определенно позволяет выделить несколько таких «волн», одна из которых датируется 930–950 гг. и находит отражение в материалах Ладоги, Новгорода, Гнёздова и Среднего Поднепровья в виде следов скандинавских строительных ритуалов, в сооружении культовых мест и в формировании стабильной погребальной традиции. На Русь из Скандинавии были перенесены особенности культовой «миниатюризации», связанной с заменой бытовых предметов, используемых в ритуалах, на их уменьшенные копии (Мусин 2012: 565–586). В погребальных комплексах XII–XIII вв. очень часто встречается именно топор в качестве погребального инвентаря, что указывает на его особое значение в жизни воина. На присутствие потомков скандинавов в составе торговых экспедиций указывают характеристики топора, обнаруженного в культурном слое городища Бухта Находка, а именно форма отверстия для топорища. У орудий, идентичных ранним скандинавским формам, она была овальной с плоским обухом, в то время как у русских топоров само отверстие было округлым с цилиндрическим обухом (Коршун 2010: 22–27).

Вторым фактором, оказавшим влияние на принятие топора в качестве сакрального оружия родового духа жителей Крайнего Севера, скорее всего, является непосредственное взаимодействие между людьми, осуществлявшими торговые контакты. Из летописей нам известно, что первые контакты были немыми, что указывает на явное лингвистическое различие и неразвитость языкового общения, однако в той же летописи указано: «югричи же рекоша отроку моему» (ЛЛ: 235), что явно свидетельствует о некоем общении, возможно, через переводчика. По мнению Г. Л. Новиковой, будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, а ареал их находок объясняется пребыванием на этой территории их владельцев (Новикова 1988: 37–38). Это может указывать на состав торговой экспедиции, в которой были люди, имевшие все соответствующие внешние атрибуты: топор-секиру и амулет. Жители Югры могли видеть как амулеты, так и реальные орудия, которые явно привлекали внимание и вызывали у них интерес. При длительных систематических торгово-меновых контактах внешняя атрибутика новгородцев или ладожан могла быть воспринята югорцами и пояснена торговцами или их переводчиками. Таким образом, эти элементы — как материальной, так и духовной культуры — вполне могли быть заимствованы, и произойти это могло только при непосредственном общении.

Немаловажно подчеркнуть тот факт, что несмотря на длительное существование в материальной культуре жителей севера Западной Сибири втульчатых топоров, начиная с позднего бронзового века моделей таких орудий или амулетов археологически не зафиксировано. Свое дальнейшее развитие в культуре аборигенного населения Крайнего Севера получают именно модели проушных топоров, появившиеся на рубеже XI–XII вв. Таким образом, мы можем говорить о заимствовании элемента духовной культуры, связанного с реальными орудиями и амулетами-оберегами, с дальнейшей трансформацией его в духовной сфере в форму сакрального атрибута домашнего божества. Следует также обратить внимание на материал, из которого они изготовлены, — рог северного оленя. Как известно, одним из его предназначений является защита от хищников. Вполне возможно, что это свойство в качестве естественного орудия защиты также было использовано

для создания моделей топоров, которыми наделяли божеств для защиты от потустороннего мира.

Определенным подтверждением вышесказанному может служить находка амулета-секиры на святилище Болванский Нос 1, который наряду с амулетом из городища Бухта Находка является материальным свидетельством трансформации части духовной культуры под влиянием торговых контактов. Причем эти амулеты-секиры были осознанным предметом торга, как со стороны новгородцев, так и со стороны жителей Крайнего Севера.

Форма моделей топоров с прямым лезвием, изготовленных из рога северного оленя, соответствует большинству топоров, найденных в скандинавских странах и на территории Древней Руси, изготовленных из железа и относящихся к X в. По мнению Н. А. Макарова, присутствие скандинавов во внутренних районах Севера ограничивалось в основном Белозерской округой, а пик их активности приходится на вторую половину X — рубеж X–XI вв. Исходной точкой маршрута могла быть Ладога, в которой варяги постоянно проживали в IX–X вв., наряду со славянами и финно-уграми, и которая в первой половине XI в. управлялась норвежскими ярлами, родственниками Ингигерд, жены Ярослава Мудрого (Макаров 1993).

Модели топоров из рога северного оленя изготовлены в очень близком соответствии скандинавским прототипам, также не орнаментированы, что подчеркивает их близость. Все такие предметы предполагали явное ритуальное или какое-либо сакральное назначение и вряд ли могли служить в качестве товара.

Подведем некоторые итоги сказанному. Поставки железных проушных топоров аборигенным народам Крайнего Севера — летописным «югричам» — происходят с конца XI в., то есть со времени начала функционирования городища Бухта Находка, а также городища Ярте VI. Жителям Южного Ямала XI–XIII вв. поступают формы топоров, типологически соответствующие как русским типам XI–XIII вв., так и ранним скандинавским X в.

Кроме орудий труда в качестве предмета импорта зафиксированы амулеты в форме топора-секиры, происхождение и бытование которых связывают со скандинавами. Это позволяет предположить участие в торговых операциях на Крайнем Севере в числе новгородцев потомков выходцев из Скандинавии, живших в Новгороде Великом или Старой Ладоге.

С рубежа XI–XII вв. в культуре аборигенных народов Крайнего Севера появляются костяные и деревянные модели проушных топоров. Мы предполагаем их культово-ритуальное назначение в качестве сакрального атрибута домашнего божества, предназначавшегося для защиты семей. Данный элемент духовной культуры был заимствован у представителей новгородских торгово-промысловых экспедиций в результате систематических контактов при непосредственном общении. Восприятие сакрального значения реального топора и секиры в виде амулетов могло быть передано жителям Крайнего Севера только вербально-коммуникативными методами.

Моделирование аборигенами Крайнего Севера скандинавских железных топоров X в. позволяет предполагать возможность более ранних торговых контактов жителей Югры с населением северо-востока Европы, причем мы не исключаем вероятность прямых контактов с новгородцами слявяно-скандинавского происхождения.

Место летописного упоминания первых контактов новгородцев и югричей — аборигенного населения Крайнего Севера — на наш взгляд, соотносится с северной оконечностью Уральских гор, территорией, расположенной в 250 км к западу от городища Бухта Находка. Вполне возможно, что в источнике описаны контакты жителей городища Бухта Находка и Ярте VI, что подтверждает прямые торгово-экономические контакты конца XI — XIII в. между населением Новгорода Великого и жителями Крайнего Севера.

Литература

Артемьев 1994 — *Артемьев А. Р.* Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // НИЗИА. 1994. Вып. 8. С. 156–166.

Визгалов и др. 2018 — *Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В.* Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV вв. в низовье реки Таз // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. Ч. I. Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 437–460 (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII).

Голубева 1997 — *Голубева Л. А.* Амулеты // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 153–165. (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Даль 1882 — *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. 4. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. 704 с.

Даркевич 1985 — *Даркевич В. П.* Международные связи // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 387–411. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Дорофеева 2011 — *Дорофеева Т. С.* Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород: [Б. и.], 2011. С. 25.

Зыков 2008 — *Зыков А. П.* Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2008. Архив ПниАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 4007, 407А.

Зыков, Кокшаров 2001 — *Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 579 с.

Кардаш 2009 — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: комплексное изучение городища Бухта Находка в 2008 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2009. 178 с.

Кардаш 2010 — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2009 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2010. 168 с.

Кардаш 2011 — *Кардаш О. В.* Городок Сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011. 60 с.

Кардаш 2013а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: комплексное изучение городища Бухта Находка в 2013 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2013. 187 с.

Кардаш 2013б — *Кардаш О. В.* Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII в.: история и материальная культура). Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 360 с.

Кардаш 2013в — *Кардаш О. В.* Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII в.: история и материальная культура). Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 380 с.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 181 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников, Медведев 1985 — *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 298–363 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ им. А. М. Горького, 1956. 345 с.

Колчин 1985 — *Колчин Б. А.* Ремесло // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 243–273 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Колчин и др. 1985 — *Колчин Б., Янин В., Ямщиков С.* Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 167 с.

Коршун 2010 — *Коршун В. Е.* Рабочие и универсальные топоры XIX–XVII вв. // Родная старина. 2010. № 4. С. 22–31.

Крылов 2005 — *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962.

Макаров 1992 — *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992. № 2. С. 41–56.

Макаров 1993 — *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.: ИА РАН, 1993. 192 с.

Мусин 2012 — *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 555–602.

Народы Западной Сибири 2005 — Гемуев И. Н., Молодин В. И., Соколова З. П. (отв. ред.). Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с. (Народы и культуры).

Новикова 1988 — *Новикова Г. Л.* Языческая символика кресаловидных привесок // АИППЗ. Древнерусское язычество и его традиции. Псков: Псковский объединенный музей-заповедник, 1988. С. 37–38.

Носов, Хвощинская 2004 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 227–233.

Носов, Хвощинская 2014 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // SP. 2014. № 6. С. 47–54.

Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX).

Петерсен 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 237 с.

Плеханов 2014 — *Плеханов А. В.* Ярте VI — Средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 122 с.

Рудковская 2012 — *Рудковская М. А.* Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексное изучение городища Бухта Находка XII–XIV вв. в 2012 г. Нефтеюганск: [Б. и.], 2012. 238 с.

Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV). М.: Наука, 1981. 196 с.

Срезневский 1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. 910 стб.

Успенская 1967 — *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Вып. 3. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Усть-Полуй 2017 — Корочкова О. Н. (науч. ред.). Усть-Полуй: материалы и исследования: коллективная монография в 2 т. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Т. 1. — 280 с.; Т. 2. — 232 с. (Археология Арктики. Вып. 4).

Фасмер 1987 — *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Фюреди и др. 2016 — *Фюреди А., Тюрк А., Загорхиди-Цигань Б.* Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI–XIII веков: археологические наблюдения о связях Венгрии с Русью во время раннего периода династии Арпадов // III Международный Мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 2016. С. 483–514.

Хлобыстин 1992 — *Хлобыстин Л. П.* Святилища острова Вайгач // Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Древности славян и финно-угров: доклады 4-го советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 16–22 мая 1986 г. СПб.: Наука, 1992. С. 164–169.

Янин и др. 2018 — *Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.* Археологические исследования в Людином конце средневекового Новгорода: открытия последних лет на Троицком раскопе // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. Ч. I. Сургут и др.: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 437–460 (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII).

Roesdahl 1977 — *Roesdahl E.* Fyrkat. En jusk vikingeborg. II. Oldsagerne og gravpladsen // Nordiske Fortidsminder. Ser. B. 1977. Bind 4.

Sidorova et al. 2017 — *Sidorova M. O., Büntgen Ulf., Omurova G. T., Kardash O. V., Myglan V. S.* First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // Dendrochronologia. Vol. 44, June 2017. P. 146–152.

А. А. Кищук, О. В. Овсянников
(Санкт-Петербург, Вюрцбург)

Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского

Первым, кто «представил» персону Ивана Погорельского в научной публикации, был «архангелогородский гражданин», историк Василий Васильевич Крестинин в 1795 г.: «Иван Погорельской был прежде в доме перваго Архангельской епархии архиерея Афанасия служителем, под званием боярскаго сына; потом состоял в службе Архангелогородской торговой таможни, под званием подканцеляристом, скончался в глубокой старости, по выпуске из приказной службы, сей добронравный муж перед сим временем лет за сорок» (Крестинин 1795: 19)[1].

Являясь по существу одним из первых и крупнейшим представителем российского источниковедения второй половины XVIII в., Крестинин в своих исследованиях, наряду с опубликованным вариантом «Двинского летописца» 1774 г., использовал другие доступные ему источники летописного характера местного происхождения. Правда, весьма осторожный в своих суждениях историк ссылался на их данные следующим образом: «Рукописной Двинской летописец, с дополнениями Иова Холмогорскаго протопопа и Горожанина Федора Полянского», «Рукописной Двинской летописец с дополнениями Ивана Погорельскаго» (Крестинин 1795: 24, 78, 89 и др.). Судя по многочисленным ссылкам на эти источники, Крестинин рассматривал их в качестве заслуживающих доверия источников информации.

Упомянутые историком персоны хорошо известны по многим документам XVIII в. Так, протопоп Иов начинал свою карьеру еще при архиепископе Афанасии — в 1701 г.: священник Богоявленского собора в Холмогорском городе (крепости) был переведен в соборный Преображенский храм и в 1711 г. был уже ключарем (Голубцов 1903: 250, 260). В декабре 1717 г. в Архангельском городе «святили церкви, одна Богоявления Господня, другая Святыя Троицы архимандрит Иосаф, да протопоп с Холмогор, Иов, Архангелогородской Калинник» (ДвЛ: 205). В списках служителей архиерейского дома 1723 и 1725 гг. Иов тоже упомянут (Брызгалов и др. 2013: 80, 84). Он скончался в 1727 г., «был протопопом 12 лет несмена» (Голубцов 1903: 271). Упомянутый Крестининым «горожанин Федор Полянской» — это

[1] Именно в этой работе В. В. Крестинин ввел в научную литературу написание фамилии автора «Рукописного Двинского летописца, с дополнениями» как «Погорельский». Цитируя документы конца XVII — начала XVIII в., мы сохраняли написание фамилии, которое там было — «Погарельский».

архангелогородский бургомистр, известный по выборам в Ратушу 1720 г. (ДвЛ: 205). Оба эти персонажа, несомненно, могли обладать существенным объемом сведений о церковной и городской жизни Холмогорских посадов и Архангельского города конца XVII — первой половины XVIII в. По указу Правительствующего Сената 1760 г. «надлежало по Академическим запросам разныя Географические известия так же городовые старинные где есть Летописцы отправлять из провинции в Санктпетербургскую Академию Наук», но тогда не было ничего отправлено, так как «сочиненное вне судебнаго места летописание не можно одобрить судебным местом» (Крестинин 1792: 245). Дальнейшую судьбу всех упомянутых Крестининым списков Двинской летописи с известными ему «дополнениями» отследить не удается. А. А. Титов, подготавливая к публикации свой вариант «Двинской летописи», использовал, по его мнению, неизвестные ранее списки этой летописи наряду с уже известными (Титов 1889: II). Из неизвестных ранее списков А. А. Титов особое внимание обратил на рукопись, события в которой оканчивались 1701 г. (Титов 1889: II). Именно ее, использовав едва ли не на 90 % неизвестный ранее текст, он включил в свой, «титовский», вариант «Двинской летописи». К. Н. Сербина, издатель «Двинского летописца» в 1977 г., определенно указала: «В основу своего издания А. А. Титов положил принадлежавший ему список, дополнив его без всяких оговорок по остальным трем спискам и другим источникам» (Сербина 1977: 6). Титов использовал его, считая, что «рукопись пополняла пробелы первых двух летописцев», а на первом листе было написано: «Летописец о начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе диаконом. Принадлежит Иакинфу Варовчикову с 1832 года» (Титов 1889: II). Рукопись была получена от служащего Архангельского статистического комитета Г. О. Манейко, именно она и легла в основу издания Титова: «Летописец писан разных почерков скорописью XVII–XVIII вв. в лист, на 40 листах. События в нем доведены до 1701 года включительно. Судя по некоторым данным, имеющимся в летописце, писателем его было то лицо, которое часто говорит о себе в записях об иконных работах, как участник их, числившихся в детях боярских и женившейся на дочери Холмогорского соборного ключаря Алексея Венидиктова Золотарева» (Титов 1889: III). Несомненно, автор всех сведений в этом летописном списке, а так же различных семейных и «производственных» перипетий — сын боярский архиепископского дома Иван Погорельский, о котором и писал В. В. Крестинин в 1795 г.

В прошлом столетии советские исследователи проявляли весьма глубокий интерес к поморскому летописанию (Лурье 1970: 135–149; Лимонов 1970: 251–252; Сербина 1973: 196–214; Амосов 1970: 30–32), а значительная концентрация в нем сведений о художественных работах в храмах Холмогорской епархии в последней четверти XVII в. не оставила равнодушными прежде всего исследователей северного иконописания (Брюсова 1951: 445–453). В последующие годы были предприняты попытки детализации наиболее интересных и важных событий, зафиксированных в «Летописце»» Ивана Погорельского, а так же персонификации упомянутых им действующих лиц (о работе иконописцев см.: Булкин, Овсянников 1987: 23–25; Овсянников 1992: 46–76; Кольцова, Овсянников 1995: 17–18; Овсянников 2009: 8–12).

В настоящей статье мы не ставим задачу всеобъемлющего исследования рукописи Ивана Погорельского. Этот документ оказался очень непростым по структуре, а главное — по своей сохранности. Так, согласно пагинации, рукопись состоит

из 41 листа, но есть чистые листы и встречены повторы пагинации. Все это позволяет сделать неутешительный вывод: перед нами частично сохранившийся фрагмент несомненно большой рукописи с перепутанной пагинацией. Объективное подтверждение этому видно по ссылкам Крестинина на рукопись Погорельского, например «Таможенная перечневая роспись в прибавлениях Ивана Погорельского к Двинскому летописцу» упомянута более 10 раз и полностью отсутствует в рукописи А. А. Титова (Крестинин 1795: 55–58, 61–63, 65–66).

Титов ошибочно считал, что в имеющейся у него рукописи Погорельского события доведены лишь до 1701 г. Однако поданная в 1701 г. царю челобитная подьячего Федьки Блезнина «с товарыщи» от имени Двинской Приказной избы о неполной выдачи им «денежного жалованья» имела долгое «хождение» по различным инстанциям вплоть до 1707 г., что нашло отражение в рукописи Погорельского (Брызгалов, Овсянников 2011: 138–158). Эта опубликованная вставка в записках Погорельского не единственная. В «Летописце Двинском» А. А. Титов после текста о посещении архиепископом Афанасием села Дубровицы под Москвой неожиданно поместил «странный» текст об оплате наемных иноземных моряков, после которого последовал текст о пребывании архиепископа Афанасия в Москве (Титов 1889: 104), взятый у Погорельского. Вот текст, так неудачно включенный Титовым в его книгу.

«Великого государя договор учинен капитаном, командором, поручиком и иным меншого чину началным людем и матрозом.

1. В первом начале за морем.

Будет им дано здесь на 2 месяца жалованье наперед.

2. После их отъезду будут им заплачены договорные кормовые денги там за морем, кому они прикажут принять и которые люди росписки их поднесут.

3. А их помесячные жалованные денги станут давать зачинатца того дни как они из Амстердама поедут и скончается миняв в три года в службу. А буде государь изволит служить им сверх тех договорных трех годов, и им служить шесть или восмь месяцей, и считать в году жалованных 12 месяцев.

4. Подводы им готовы будут конные и тележные и судовые под них и под рухлядь по государевому указу по всем городам и местам, где им путь случитца.

5. Им же будут даны дворы стоялые, хлеб и харчи, питье и дрова, или вместо того денгами, по достоинству и по их чину смотря.

6. А будет который из них от неприятелей взят будет в полон, и ево ис полону выменить против иного полоняника или денгами выкупить. А сколь времени он в полону будет, и за те месяцы жалованья не убавить.

7. А буде который из них будет ранен в государской службе, и те будут леченье из государевы казны. А буде какая им скорбь от ран учинитца, и им за то будет жалованье как у высокоме(с)ных стать таким людем ведетца и в их уставах поставлена. А буде какая иная скорбь или немочь будучи в государеве службе учинитца, и их лечить государевым лекарем, а за лекарство из их жалованья не вычитать.

8. А им служивым началным и матрозом служить по морю, по губам и по рекам великими и малыми судами, и с которыми им возможно по берегу выступать и по местам смотря и по угожеству государской указ везде исполнять под знающим мореходным началником.

9. И как они срочное свое время отслужат, и тогда даны им будут отпускные грамоты и до рубежа спроважены, а с рубежа им подыматца до своих мест своими денгами по их хотению.

10. А вышеписанным капитаном и комендором и иным менших чинов начальным людем в тех местех в которых им указано быть, погодно им заслуженное месечное жалованье будет заплачено (или дано) за 8 месяцей, а за 4 месяца дано будет в Амстердаме кому они принять прикажут. А первой месяц ис тех вышепомянутых 4-х месяцей будет платеж как от них с Руси будет ведомость, что он, приехав из-за моря, в государеве державе пробыли 2 месяца. И впредь тако будет им платеж за 2 месяца здесь в Руси, а за третий месяц в Амстердаме, покамест они служивые люди в животе будут свидетелствовать отписками. А которые иноземцы выехали на Русь з женами и з детми и будут они похотят государево жалованье все здесь на Руси иметь, и им давать. А за 4 месяца жалованье, которое писано, платить в Амстердаме, и то будет давано по государеву указу от каммисара или кому он великий государь укажет».

(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 24об–25.)

Однако вставленные записки Ивана Погорельского с неким «морским» документом в контексте событий, происходивших в городе Архангельском, странными отнюдь не представляются. Начавшееся в 1708 г. активное строительство военных судов на Соломбальской верфи требовало обеспечения их матросскими экипажами, и в 1710 г. стали набирать матросов, имевших опыт хождения «за море на казенных торговых судах и на компанейских, в Гренландию, и на Новую землю и в Колу» (Огородников 1875: 30). Архангелогородский вице-губернатор Алексей Курбатов, по данным С. Ф. Огородникова, мог только частью снабдить экипажи кораблей «матросами Английской, Голландской и Гамбурской компаниями» (Огородников 1875: 44). Порой наборы в матросы проводились непосредственно в тех уездах, в которых значительное количество мужчин занималось морскими промыслами. Так, в 1713–1714 гг. капитан-поручик Синявин только в Лапожинской волости Мезенского уезда набрал 50 мореходов (Овсянников, Ясински 2006: 98–101; Материалы для истории 1866: 105). Всего общий список взятых на флот в 1714 г. составил 1526 человек, а к 1915 г. набралось уже 3256 человек. Можно предполагать, что «морской» документ, вставленный Погорельским в летописные записки, относится к более раннему времени. Озабоченный не только строительством военных кораблей для Российского флота, Петр I вынужден был предпринимать необходимые шаги для комплектации морских экипажей уже в период «великого посольства» в 1697–1698 гг., корабли строились на Дону, в Воронеже и на Двине. В Адмиралтейском приказе Архангельского города уже летом 1698 г. был составлен «приемный список» иностранцев на российские корабли: до 20 июня прибыли 3 капитана-голландца, 23 комендора (из них 15 голландцев), 35 порутчиков (19 голландцев), 16 штурманов (8 голландцев), 15 подштурманов (8 голландцев), из «нижних чинов» — 36 боцманов (3 голландцев), 31 боцманатов (6 голландцев), из 15 констапелей — 1 голландец, и из 339 матросов — 24 голландца (Кротов 1996: 31–39). Двинский летописец этому весьма важному, особенно для Русского Поморья, событию уделил особое внимание в 1698 г.: «Того же года вышли на кораблях по указу великого

государя и приняты в службу в морской флот, вице-адмирал Корнелиус Круус (Креус), и шеубенахт, и всяких чинов служителей и ремесляных человек с 1000 (и больши), и пошли к Архангельскому городу, и от города отпущены того же года до Вологды на судах» (ХЛ: 200).

Высказано мнение, что во время пребывания в Голландии в 1697 г. Петр I начал приглашать морских специалистов (Хусейн 1999: 327). Открывшийся «поток» иноземцев, несомненно, нуждался в определенном юридическом оформлении, на основании которого поступающие на государственную службу специалисты получали бы необходимые и гарантированные государством Российским средства существования. В Двинском летописце за 1696 г. значится запись: «А понеже флот морской и полезным походам и действиям своим требует регламента, или устава, без котораго и ветры, и кормчие всуе того ради премудрейшии монарх и к сему делу приложил труды своя ово от своего разсуждения, ово от иностранных регламентов собрал лучшия в книгу Регула» (ХЛ: 200). На наш взгляд, автор этих слов хронологически немного поспешил, говоря о «книге Регула», но был прав, что определенные инструкции в связи с появлением и становлением русского флота стали составляться одновременно с ним.

С. Ф. Огородников, несомненно, в контексте подобных проблем приводит весьма знаковый пример о так называемых «послушных указах»: «Воинские же, морские уставы за подписанием вице-губернатора (Архангелогородского. — *Авт.*), даны были на корабли письменные, так как печатных в то время еще не было» (Огородников 1875: 45). Система «указов» относилась к обширному кругу вопросов — не только к строительству кораблей, но и к назначению командиров судов, размеров «жалованья» и даже обмундирования их и «нижних чинов», снабжение экипажей продовольствием и т. д. (Огородников 1875: 45–46). Можно предположить, что и «морской» документ в составе записок Погорельского принадлежит к подобному роду «послушных указов», регулировавших наем специалистов на суда как за границей, так и в Архангельском городе в первые годы XVIII в. По крайней мере, мы имеем дело с первым юридическим документом подобного рода.

Попробуем реконструировать часть текста записок Погорельского уже без «морского» документа, который, несомненно, разрушил целостность первоначального текста. Суть реконструкции — соединить сведения о пребывании архиепископа Афанасия в четвертый, последний приезд его «в службу» в Москву в 1697 г. Начнем с отъезда из Холмогор.

> «По указу святейшаго патриарха преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, генваря в 14 день в четверток изволил путешествовать с Холмогор к Москве во чреду священнослужения, то есть 4-й поход. К Москве пришествовал в четверток. В путном шествии были 3 недели. На житие в дом пристали в белом городе на Мясницкой у съезжей Сухарева полку, а у церкве Гребенской в полаты каменные Рязанскаго митрополита.
>
> В Великом Заговеньи у Красноселского пруда была великого государя потеха чиненая великими удивительными и неслыханными до сих времен видимыми всякими штуками разными, которые все горели великими цветами, огни стелбы и сверху спущали множество всяких рокиток.

Февраля в день по указу великого государя казнены смертью в Преображенском Алексей Соковнин с товарищы за смертныя вины их. Головы их на Москве у Спасских ворот на площади на новопостроенном каменном столпе взоткнуты на пяти железных колах, и руки и ноги круг столпа на деревянном колье взоткнуты. На третей недели Великого поста Стремянной да Озеров полки пошли все с Москвы в службу.

В четвертую неделю святаго и Великого поста благочистивейший великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец пред походом своим в службу быть в кельи у преосвященного архиепископа в ноче не со многими своими ближними людми.

На пятой недели того ж поста изволил преосвященный архиепископ взять из Чюдова монастыря болшее и первое лутчее евангелие и с того все сознаменить и срысовать приказал слово в слово, чтоб бес погрешения и мерою во всем таково ж было, против которого и учинено тако, за что милостивое слов.

Февраля в 20 день приехал на Двину воеводою боярин князь Михайло Иванович Лыков ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича место Опраксина, а с ним дьяк Еремей Полянской дьяка ж на Андреево место Озерова.

Февраля в последних числех великий государь изволил путешествовать с Москвы в Великий Новград, а из Великого Новаграда во Псков, а изо Пскова в Ригу, свейской город. И тамо был во время Святыя Пасхи, токмо его государских посолских людей в город не пущали. И изволил из Риги великий государь на кораблях путешествовать морем в немецкия земли. С сего ж месяца великий государь изволил отпустить с Москвы посла своего Фряеса Яковлевича Лафорта с товарищи за море в немецкие земли.

Тогда ж по указу великого государя ходили за море с Москвы дети великих бояр и всяких чинов люди в Рим и во иные королевства заморские ради всяких наук.

После Троицына дни во вторник был с преосвященным архиепископом в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге и имеет в расстоянии 30 верст, на(д) двумя реками стоит над Десною и Пахрою. А церковь такова удивителная и резная с вонную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивителной по нынешнее время не было.

Оттоле были у святейшаго патриарха в Андреевском монастыре. Оттоле с ним были и у Крутицкого митрополита на Крутицах и в Москву прибыли оттоль.» (Рис. 1.)

«Заговев в Петров пост, Троицы Сергиева монастыря архимандриту Иеву в пяток было наречение при святейшем патриархе и при архиереях в Крестовой чрез архидиакона выговором и указом великого государя в великий Новград митрополитом. А в выборе были с ним Новоспасской и Знаменской.

В воскресной день святейший патриарх, служа божественную литургию, постановил оного Иова из архимандрита в митрополиты Великому Новуграду и Великим Лукам, а на его место в Сергиев монастырь перевел Знаменского архимандрита. В Петров день святейший патриарх, служа божественную литоргию, поставил в Киево-Печорский монастырь архимандрита да себе подиякона и подьяка.

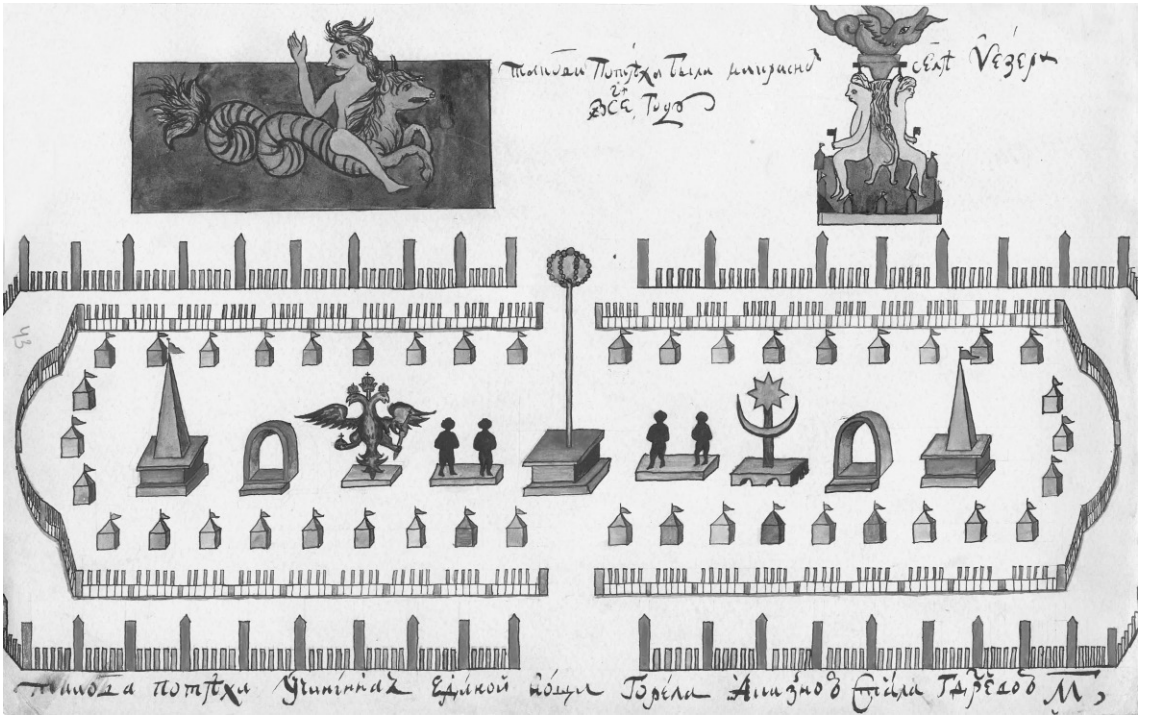

Рис. 1. *Сверху*: «Такова потеха была на Красном Селе у озера 7205-го году». *Под рисунком*: «Такова потеха учиненная единой нощи горела. А казною стала государевою 40…»

Июля в 2-й день ночи во 2-м часу туча шла зело грозна, грому и молния много было. От молня в двух местах пожар был и людей било.

После Преображеньева дни в воскресной день у святейшаго патриарха стол был на всех архиереев и властей. На той же недели в четверток пришол в Москву свейской посланник и стреча была по обычаю. В Успеньев день святейший патриарх служил божественную литургию у праздника в Успенском соборе сам с протчими митрополиты и архиерея и з другими власти. Во едину неделю в четверток в вечерни до заутрени в ноче слышать было якобы грак, топот и стрелба на Резанском подворье при архиереи.

7206-го сентября в 6 день в понедельник на Москве боярин Кондратей Фомичь Нарышкин преставися. При погребении служил и погребал в Петровском монастыре архиерей Холмогорский.

В Филиппов пост в другом часу ночи было знамение в луне в первой молодовой четверти на восходе, и акибы… была чрез месяц вверх острой, а к земли вниз широкой лучь от ней был.

Преосвященный архиепископ призвал живописца персоника Степана Дементьева сына Нарыкова и заставил свою архиерейскую персонь написать, которую и писал он на картине, смотречи на него архиерея, обрисовал и все подобие сущее лица его, и провохрил фарбами, какими надлежит, слово в слово, и оставил у него архиерея во внутренней кельи сушить. А в ыный день приехатчи оное ево архиерейское персонное лицо поправивши наготово, взял с собою, протчее дома дописывал. А по совершении писма всего преосвященный архиепископ платил ему за труд wosm rublev denek da kosak kamky пожаловал.

По представлении его архиерейскому оная персона поставлена с надписаниями в соборной Преображенской церкве над гробницею ево. С тое персони тем же кунштом слово в слово написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорелским и поставлена в ево архиерейской Крестовой на Холмогорах.

Того ж времени к преосвященному архиепископу с Холмогор сын боярской Василей Погарельской с сыном своим Федором привезли ружье в отдачю в казну великого государя. А ехали чрез Устюг из-за морозу. И за оное отправление пожалованы ево архиерейским жалованием.

В генваре месяце преставися болярына Екатерина Богданова, супруга болярина Тихона Никитича Стрешнева. При погребении служил и погребал в Вознесенском монастыре архиерей Холмогорской.

В феврале месяце отпущен с Москвы преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, и изволил путешествовать з домовыми своими с Москвы на Холмогоры. А двинского воеводу стретили Федора Матвеевича Опраксина в Шенкурском. На Холмогоры пришествовал марта 5-го числа на Сырной недели в субботу».

(ОР РНБ собрание А. А. Титова, № 4682, 23об, 26, 27.)

Сделанная нами реконструкция части текста летописца Ивана Погорельского позволила «увидеть» первоначальную структуру повествования о последнем «пришествия» архиепископа Афанасия в череду священнослужения в Москву. Как видно из текста, последний год «службы» архиепископа Афанасия в Москве в 1697–1698 гг. богат многими весьма примечательными событиями. Некоторые из них были уже рассмотрены: написание «персоны» Афанасия выдающим русским живописцем Степаном Дементьевым сыном Нарыкова и копирование этого портрета самим Иваном Погорельским, заказ и написание Евангелия для Холмогорского Преображенского собора с «лутчего» Евангелия из Чюдова монастыря (Брызгалов, Овсяников, Ясински 2013: 22–85).

К сожалению, объем данной статьи не позволяет провести подробную реконструкцию эпизодов текста Погорельского, поэтому мы далее остановимся лишь на некоторых, как мы полагаем, наиболее важных и интересных.

Вышедший из ближайшего окружения патриарха Иоакима, поддерживающий тесные отношения с последующим владыкой — первосвятителем — патриархом Адрианом, уважаемый царем Петром, Афанасий вхож в круг и царствующего семейства Нарышкиных. Вообще, так сложилось, что многие Нарышкины «служили» воеводами на Двине. Так, еще в 1675 г. «на Колмогорах умре» думный дворянин Федор Полуектович Нарышкин, кстати, при нем на воеводском дворе была построена «каменная палата» — первая каменная гражданская постройка на Холмогорах (ДвЛ: 181, 219). В 1687 г. именно воеводе стольнику Кондратию Фомичу Нарышкину (воеводство в 1685–1688 гг.) пришлось решать вопрос о выборе земельного участка у Архангельского города для строительства архиерейского подворья (ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 27. Лл. 1–8об)[2]. В первое «пришествие» Петра I к Архангельскому городу в его свите были Василий Федорович Нарышкин и кравчий Кирилл

[2] Пользуемся случаем поблагодарить В. В. Брызгалова за указание на эти сведения.

Алексеевич Нарышкин — брат матери царя Натальи Кирилловны (ДвЛ: 194). Когда в январе 1694 г. умерла царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, при ее погребении присутствовал, наряду с другими архиереями и митрополитами, и Афанасий — об этом свидетельствует довольно подробный рассказ в записках Погорельского: «Ианнуария в 25 день во 2-й час дне в день недельный до литоргии на Ивана Великом в Успенской колокол три накона горазо, нескоро и ретко. Того часа приставися, к богу отиде в вечное блаженство благоверная царица и великая княгиня Наталия Кирилловна. Того ж часа святейший Андриян патриарх с архиереи и властми был вверху и отправляли по обычаю яко же достоит.

На другой день хоронили в Вознесенском монастыре, где изначала кладутца царицы и царевны в соборной церкве. Несли оное тело сверху мимо Грановитую полату и Красное крылцо через крылцо, которое за медною решеткою. И как несли, в то время на Иване Великом во все колокола звонили не вдруг все, по одному колоколу перебирали с малых и до болших. А несли тихо. В провождении были святейший патриарх со архиереи и власти в темных одеянии, и государь царь Иоанн Алексеевич, и царица, и царевна и боляры все, в простом платье черном все, и возники двойками шли черные и сани под черным сукном обиты. А государь царь Петр Алексеевич в провождении не был» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 8об.). Подобного повествования о похоронах царицы Наталии Кирилловны, таких простых ритмичных слов, словно окутанных в дымку светлой печали, нет ни в одном из известных списков Двинского летописца. Совсем скоро вслед за мачехой той же дорогой понесут единокровного брата Петра — царя и государя Ивана Алексеевича, и на Руси останется один царь — Петр Алексеевич.

Отметим значительный объем каменного храмового строительства в Северном Поморье при архиепископе Афанасии, причем прежде всего в этом следует усмотреть амбициозный характер деятельности первого архиерея Северного Поморья. Недаром еще А. Голубцов отмечал, что Афанасий хотел «из своего кафолического храма Спасова сделать тоже для Холмогор, чем был для столицы и всего государства большой Успенский собор» (Голубцов 1903: 19–20). Тексты, повествующие об освящении Спасо-Преображенского собора в 1691 г., в Двинском летописце и в записках Погорельского, почти совпадают: «Иулия в 28 день во вторник на память святых апостол и диакон Прохора и Никанора, Тимона и Пармена индиктиона 14-го освятися соборная каменная первая соборная церковь Боголепного Преображения господня богоспасаемого града Холмогор самем первоздателем преосвященным первопростолным Афанасием архиепископом Холмогорским и Важеским, в 10-е лето архиерейство его. А здание церкви сея от начала основания почалось быть труды и тщанием преосвященного его Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, со 193-го году майя со 11 числа по нынешней 199 год иулия по 28 число. И всего от начала здания по освящение 6 лет и 2 месяца и 17 дней» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 8об.[3]).

В рукописи Ивана Погорельского после этой записи помещено любопытное заявление: «И для такого торжественного церкви освященного дня по совершении жертвенные литоргии его архиерейским благоразсудительным соизволением, елико собралось со всего граду нищих и всяких маломошных, всем был подел денежной

[3] Пагинация листов в рукописи нарушена.

да и кормили всех пищею доволнею столовым порядком. А от священного чина также и от граждан началники, и протчие люди и мастеровые все были удоволствованы учрежденною питателною трапезою со всяким доволством» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 6об.).

Интерес архиепископа Афанасия к архитектуре храмов всегда проявлялся довольно отчетливо. Например, летом 1699 г. «Преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, по благому своему архиерейскому намерению трудников своих, то есть иконописцев, а именно протопопа Федора з домом ево, Алексея Струнина з детми с Егором и Степаном, Ивана Погорелского отпустить на наемном из своей архиерейской казны извозном карбасе в Соловецкой монастырь помолитца соловецким чюдотворцем и дать свой архиерейской лист к архимандриту Фирсу со изъявлением, что по ево архиерейскому благословению отпущены с милости ево архиерейской оные иконописцы за многой их труд по соборной Преображенской церкве. И по тому ево архиерейскому отпуску по прибытии в монастыре от архимандрита Фирса всем тако учинено каждому по достоинству подобающая честь с воздоянием награждения. В сем же отпуске были и столяры купно отпущены обще, в котором отпуске было от преосвященного архиепископа дано харчевых припасов со многим доволством. Отпущены с Холмогор июня в 18 день. А возвратились из монастыря июля во 2 день» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 21).

О проведении архитектурных обмеров в Соловецком монастыре довольно определенно писал А. И. Голубцов — он привел указание архиепископа Афанасия об этом, что и было сделано 20 июня 1684 г.: «указал преосвященный архиепископ ключарю измерить в Соловецком монастыре соборную церковь Преображения Господня с приделы. И мерою та церковь Преображения от восточныя стены до западныя стены внутрь 8 сажен трехаршинных и 7 вершков; от полуденной стены до северной 10 сажен 2 аршина 2 вершка. В той же церкви два столпа четвероуголные мерою оба с востока к западу сажен 1 аршин 4 вершка, с юга к северу сажен один аршин. От алтарной стены до столпов 3 сажени пол-2 аршина; от полуденной стены до правого столпа 2 сажени 2 аршина; от северной стены до левого столпа 2 сажени пол-3 аршина; меж столпами 2 сажени один аршин 3 четверти; от южной стены до западных дверей 5 сажен; от северной стены до тех же дверей 4 сажени 1 аршин. Западные церковные двери по середине порога пол третя аршина, от западной стены по южную сторону до большого окна 5 сажен 1 аршин 4 вершка; от западныя же по северной стене до дверей 5 сажен. Толщина стен церковных сажен 10 вершков. Олтар от восточныя стены и со столпами до царских дверей 4 сажени с полуаршином, поперег 3 сажени пол-2 аршина 2 вершка. Предолтарне от восточной стены до северных дверей 4 сажени 4 вершка, поперег сажень 2 аршина 4 вершка; стена меж олтарем и предолтарием толщина 11 вершков. Пределы Чюдотворцов и архангела Михаила мерою от стены соборныя церкве оба и с олтарями до восточных стен 3 сажени пол-2 аршина, до олтарнаго прага по 2 сажени, поперег по 3 сажени, так же и по олтарях. Паперть соборная, церкве от крылца до церковных дверей 4 сажени, поперег 10 сажен» (Голубцов 1903: 143–144). Возможно это древнейшее описание соловецкого Преображенского собора с метрическими данными.

В рукописи Ивана Погорельского присутствует один лист (без пагинации), который содержит описание деталей некоего каменного храма, определить который пока не удалось.

«1. Ширина по воной стороне 2 сажени 1 аршин.
2. Ширина столбов 2 аршина 10 вершков, всякой столб четверть вне стены толщина стен 2 аршина 6 вершков.
3. Вышина окон в свету сажень 5 четвертей.
Поперег в свету 2 аршина.
4. В сенях со столба на столб дерево 2 сажени 1 четверть.
5. От земли до среднего пояса 5 саженей 1 аршин 2 четверти.
6. От зем(ли) вне церкви до сводов 9 саженей 1 аршин.
7. Вышиною шеи до маковки 2 сажени 2 аршина.
8. Шея вышиною саженей до маковицы.
9. 19 окон вышиною 2 сажени 1 четверть.
10. По 6 окон вышиною 1 сажень аршин с четвертью,
шириною аршин, толщиною стен 3 четверти.
11. Ширина вся
12. Ширина 4 сажени 1 четверть.
13. Кровля досками крыта.
14. Ширина стены 5 сажень
15. Вышина столба на столб свод 1 сажень 5 четвертей.
16. Шириною столбы 2 аршина 3 четверти.
17. Шириною столп 2 аршина 10 четвертей.
18. Чересл шириною шея внутре 2 сажени 1 аршин.
19. Вышина дверей церковных 1 сажен 5 четвертей.
20. Вышина от земли до пояса 2 аршина».
(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Помещен в рукописи после л. 6 об.)

Особое внимание в рукописи Ивана Погорельского заслуживает краткий, но весьма содержательный рассказ его о поездке в усадьбу князя Голицына в 1698 г.: «После Троицына дня во вторник был с преосвященным архиепископом в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге и имеет в расстоянии 30 верст, на(д) двумя реками стоит над Десною и Пахрою. А церковь такова удивительная и резная с вонную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивительной по нынешнее время не было». Из метрики церкви, составленной 22 февраля 1887 г. священником Петром Скворцовым: церковь «Во имя Знамения Пресвятыя Богородицы. Основана 22 июля 1690 г., храмосозидатели: Император Петр Алексеевич и помещик имения князь Борис Алексеевич Голицын… Церковь крестообразная, в четыре равных полукруга. Алтарь с одним полукружьем. Размеры церкви, вышина с куполом 19 саж. 2 аршина и 10 вершков. Весь храм от земли до купола снаружи стены — пилястры, карнизы, арки украшены гранями, колонами, узорчатой барельефной работы, изваянными изображениями Апостолов и учителей церкви…» (НА ИИМК РАН. РО. Р-III. Д. 3942. Лл. 1–14). «Оттоле были у святейшаго патриарха в Андреевском монастыре. Оттоле с ним были и у Крутицкого митрополита на Крутицах и в Москву прибыли оттоль» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 23об.). Титов «отредактировал» эту запись подобным образом: «был преосвященный архиепископ в селе князя Бориса Алексеевича Голицына» (Титов 1889: 101), вместо «был с преосвященным архиепископом», что лишило самого Погорельского и присутствия в имении

князя Голицына, и авторства в описании храма, и восприятия необычного храмового великолепия. Поездка архиепископа Афанасия в усадьбу дядьки-воспитателя Петра I, его сподвижника и человека, близкого семье Нарышкиных, не было случайным эпизодом. Семья Голицыных как бы разделилась — Василий Голицын был «приспешником» царевны Софьи, а Борис Голицын — Нарышкиных и Петра, а по «духу» оба были «западниками». Борис Алексеевич Голицын был в синклите Петра во время его поездки в Архангельский город в 1693 г. и от имени Петра «выговаривал государскую милость» при выходе Петра из Преображенского собора в день приезда царя на Холмогоры (ДвЛ: 193). Иван Погорельский неслучайно по заданию архиепископа сделал не только рисунок фасада Знаменского храма, но его план (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Лист без номера после л. 41). Следует отметить, что всё это сделано профессионально и с высоким мастерством (рис. 2). В Географическом словаре Российской империи помещено довольно подробное описание истории создания этого удивительного храма в усадьбе Бориса Голицына с некоторыми интересными подробностями (Щекатов 1804: 303–310).

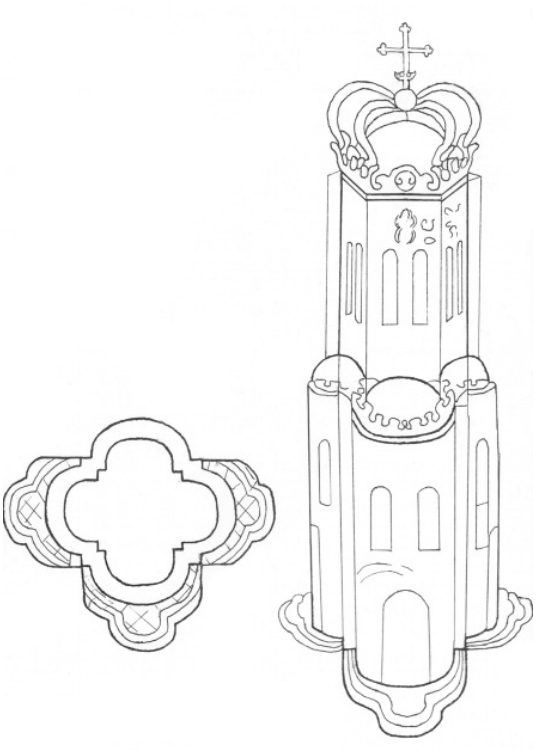

Рис. 2. Храм Знамения Пресвятой Богородицы. Конец XVII в. в с. Дубровицы (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

Можно представить, что рисунок Знаменского храма Погорельского (не имеющий пагинации) является иллюстрацией к тексту о посещении архиепископа и его свиты усадьбы князя Бориса Голицына (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 23об.). Это подтверждается и подписью под рисунками храма: «Сей куншт церкве каменной яже есть на Москве таковым переводом в селе князя Петра Алексеевича Голицына в селе ево от Москвы в ростоянии 30 верст. Внутре и по вонную сторону по каменю все разное, токмо еще не освящена была, достраивана в бытность 7205-го году с преосвященным Афанасием, архиепископом Холмогорским и Важеским первопрестолним» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Подпись под рисунком, лист без номера.).

Известно, что в июле 1698 г. австрийский дипломат Иоганн Георг Корб побывал в гостях в Дубровицах и оставил записки и об этом посещении: «Церковь имеет вид короны и украшена снаружи многими каменными изваяниями, какие выделывают итальянские художники» (Тарунов 1991)[4].

Князь Борис Алексеевич Голицын (1654–1714 гг.), удалившись от государственных дел, построил храм в своей усадьбе, и эта постройка вписала достойную страницу в историю русского каменного зодчества на рубеже XVII–XVIII столетий.

[4] Цит. по: https://www.rulit.me/books/dubrovicy-read-409064-1.html.

Укажем еще на два рисунка Ивана Погорельского, связанные с его пребыванием в Москве в свите архиепископа Афанасия. Оба рисунка посвящены празднеству и фейерверку в честь взятия крепости Азов, устроенному в Красной слободе 12 февраля 1697 г. Под первым рисунком подпись: «такова потеха учиненная единой нощи горела. А казною стала государевою 40…», на самом листе в верхней части еще одна подпись: «Такова потеха была на Красном селе у озера 7205-го году» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 24).

Второй рисунок на эту тему структурно очень схож с первым и имеет подпись: «Такова потеха была на Красном селе у езера 7205-го году. Такова потеха учинена единой нощи горела аки зною, стала государевою 40…» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682.). На гравюре Адриана Шхонебека (Adrian Schoonebeek), посвященной празднеству в Красном Селе, в центре помещен монумент Победы (Viktoria), рядом «русский орел», поражающий турецкий полумесяц, по бокам — транспаранты с изображением русской армии и флота, в самом центре композиции, в вырубленном во льду бассейне — фигура Нептуна (Звоницкий 2003). Наличие в рукописи Ивана Погорельского двух рисунков на эту тему требует дальнейшего изучения, потому что Иван Погорельский, будучи сам художником, высоко ценил красоту «потехи» на льду Красного Села: «В великом Заговеньи у Красноселского пруда была великого государя потеха, чиненая великими и удивительными и неслыханными до сих времен видимыми всякими штуками разными, которые все горели великими цветами, огни стрелбы и сверху спущалии множество всяких рокиток» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 22 об.). Любопытно отметить, что первую гравированную карту нижней Двины, как особо отметил С. Огородников, «повелением Царского Величества делал на Москве Андриан Шхонебек 1710 года» (Огородников 1875: 11).

После возвращения архиепископа Афанасия из Москвы в марте 1698 г.: «На первой недели святаго Великого поста было принесение из Красногорского монастыря чюдотворнаго образа Богоматере Грузинския ВПЕРВЫЕ, а прежде сего до нынешнего времени оттоль не бывал» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Напомним, что еще раньше, в 1696 г., архиепископ Афанасий провел серьезные подготовительные работы, постепенно и поэтапно двигаясь к реализации своей цели.

> «Преосвященный Афанасий милостию божиею архиепископ Холмогорский и Важеский богодуховенно благоволил во славу святаго бога, в честь же и похвалу пренепорочныя его матери пресвятыя девы Марии и чюдотворному ея образу, иже нарицается Грузинскии, который по благости ея сияет преславным чюдесы в его архиерейской епархии в Холмогорском уезде в Красногорской обители, строить вновь оклад и ризу сребреную и позлащеную, зане прежде не бе сицеваго на нем украшения.
>
> И декемврия 18-го дня в таком его архиерейском благом намерении посланы быша во оную Красногорскую обитель града Холмогор великия церкве иконом иерей Алексей Венедиктов да градаскаго Богоявленского собора протопресвитер Федор Васильев, изограф искусный. И по завещанию архиерейскому оной иконом руками домового посланого с ним столяра устроил цку величеством во все страни и толщиною и предел поля во всем подобно дцки оного чюдотворного образа. А протопресвитер Федор со оного Богоматере насущного образа своим изографским художеством снял образ на бумагу во всем подобен

первонаписанному. З бумажного образа начертал той образ на дцку, не погрешив от насущного образа ни же малые черты, и принесеши и вручиши оную цку с написанным образом любо-тщателю ему преосвященному архиепископу».

(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 22.)

Таким образом, к моменту пребывания иконы Грузинской Богоматери из Красногорского монастыря в марте 1698 г. в распоряжении архиепископа Афанасия на Холмогорах имелись две иконы: копия, написанная архиерейским иконописцем протопопом Федором Васильевым сыном Струниным, и «подлинник» из монастыря с Пинеги.

Кстати, над иконой, привезенной из Красногорского монастыря, уже упомянутый Федор Струнин осуществил целый ряд реставрационных операций: «Протопросвитер Федор обновлял, олифу снимал и лица так же противного легонко краскою поновлял и сызнова изолифил. И на месиве, которой оклад сребреной позлащено зделан сплошь на всю цку с короною наложена. Таково украшение наложил он, преосвященный архиепископ Афанасий. Такова преж сего не бывало. Прежние всячкие привесы и вещи в то же украшение положены. А чего недостало то он, преосвященный, наполнил» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Иван Погорельский завершил все эти сообщения важным для северной епархии сообщением — установлением нового религиозного праздника: «Провождение было образу Богоматери Грузинския на четвертыя недели Великого поста и указ о том преосвященный архиепископ веле записать, чтоб по вся годы в урошное время и число той образ из Красногорского монастыря Колмогорам непременно привозили в честь и славу Божию и его Богоматере» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Об этом уже записано и в разделе «Выписки вкратце» Холмогорского чиновника: «И, по челобитью земских старост, от всего города, всяких чинов людей, указал преосвященный земским старостам 206-го года и впредь, дондеже Бог благоволит, отпускать карбас извозной с работными людми для пренесения чюдотворнаго образа Богоматере Грузинския на Холмогоры в соборную церковь для молебства всего народа маиа на 21 число» (Голубцов 1903: 251). Так архиепископ Афанасий последовательно реализовал свою программу повышения духовной значимости Холмогорской епархии в жизни всего поморского региона. Икона «Богоматерь Грузинская» (вариант «Богоматери Одигитрии») была вывезена в 1625 г. из Персии на Русь, и этот иконописный сюжет получил широкое распространение прежде всего в северных «новгородских» землях (Вилинбахова, Болотцева 1988: 348). С 1696 г. «21 маия стали привозить на карбасе по р. Пинеге, а затем по протокам Двины каждый год в Холмогоры икону Богоматери Грузинской из Красногорского монастыря, и проводить церковные обряды в ее честь». А в сентябре 1739 г. Холмогорский архиепископ Савва (он был на кафедре один год) приплыл к Архангельскому городу, причалил к берегу у Архангел. В действительности Погорельский повествованием об иконе Грузинской Божией Матери затронул одну из глубинных «струн» духовного правления Афанасия на Холмогорской кафедре — постоянное и энергичное внедрение в духовную жизнь населения Северного Поморья иконописных образов Спасова и Богородичного циклов. Знаменательно, что уже в 1690 г. по заказу архиепископа Афанасия московский мастер Иван Ильин «писал образ Пресвятыя Богородицы Владимирской, подобный, что на Москве, в Успенском соборе» (Брызгалов,

и др. 2013: 30–32). Естественно, что в деятельности архиерейской иконописной артели написание икон указанной тематики занимало одно из центральных мест. Так, в 1701 г. ведущий иконописец артели протопоп Федор (Федор Васильев сын Струнин) «писал меж царские и северных врат образ местной Богородицы с превечным Младенцом» (Бурцев 1900). В составе рукописи Ивана Погорельского сохранился лист с рисунком (рис. 3), который А. А. Титов атрибутировал как «образ Покрова Пресвятыя Богородицы» (Титов 1889: III), под рисунком Погорельский поместил молитвенное стихотворение «Ведущих пресвятое имя твое, Мати, освещаешь Покровом своим покрывати, Аз всегда Мариею тебя нарицаю, Покрый мя убо яки имя твое знаю» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 2об.).

Сохранность листа с этой иллюстрацией очень плохая, и только весьма приблизительно можно судить о композиции рисунка и его деталях. Удалось определить, что в центре композиции помещена женская фигура в рост, длинное одеяние дополнено плащом, верхняя часть которого схвачена брошью, широко раскинутые руки поддерживают полы плаща, под которыми изображены две группы коленопреклоненных бородатых мужчин. Одна группа, по всей вероятности, облачена в священные одежды с рисунками крестов, другая — в княжеские или царские. Головной убор женщины — богатая кика. На земле перед женской фигурой — скипетр, «держава» и цветы.

Несомненно, иконография рисунка не связана с традиционным иконописным образом Богоматери. Вероятнее всего, мы имеем дело с другим иконописным сюжетом, скорее всего относящемуся к XVIII в.: это западноевропейский образ Madonna Misericordia, который послужил основой для православной иконы XVIII в. «Покрой нас кровом крилу Твоею» и опосредовано — «Всех скорбящих радосте». В некотором роде этот образ действительно можно рассматривать как явление латинской иконографии Покрова Богородицы, сложившееся еще в эпоху средневековья. Принято считать, что эта иконография приходит в Москву с территории Украины, а впервые в рамках православной традиции гравюра на этот сюжет была опубликована будущим митрополитом Ростовским Дмитрием (Туптало) в его книге «Руно орошенное», посвященной Богородице. Эта гравюра появляется лишь в четвертом издании 1696 г. (Дмитрий 1696: гравюра перед л. 1; Гусева, Полонская 1990: 31, илл. 2080[5]).

Было бы интересно уточнить, когда Иван Погорельский воспроизвел эту гравюру в Архангельске, иными словами — с какой скоростью на севере России распространялись новые иконографические образцы. Впрочем, есть мнение, что другой северный иконописец Семен Спиридонов Холмогорец уже в 1680-е гг. использовал образ Madonna Misericordia, для своего извода иконы «Всех скорбящих радосте» — «Умиление и посещение в беде страждущих» (Комашко 2004: 27).

Очевидно, что Иван Погорельский имел доступ к новинкам иконографии. В Описи архиерейского дома 1684 г. указаны «печатные» иконы — «Два листа фряжские, на них печатаны Страсти Господни. Распятие Господне, писано на листе же, при кресте образ Пречистые Богородицы да Иоанна Богослова, по краям подпись

[5] Авторы сердечно благодарят главного библиотекаря научно-исследовательского отдела редкой книги БАН М. Ю. Гордееву за помощь в поиске соответствующего издания (НИОРК БАН 1058 Сп) и необходимой библиографии.

и слова», «два листа печатных ж, на одном листе образ Пресвятые Богородицы, а на другом Ангела хранителя», «Четырнадцать листов» в лицах, московской печати, «перед потребом на крылце образ Зосимы и Савватия Соловецких Чюдотворцов, печатны на листе» (ГААО. Ф. 1025. Оп 3. Д. 7. Лл. 11об., 12, 14об., 38об., 39). Документ в трех случаях четко обозначает происхождения «печатных листов» — «листы фряжские» и листы «московской печати». В других упоминаниях таких указаний нет, что, конечно, косвенно позволяет предполагать их местное происхождение (по крайней мере, части листов).

Рис. 3. «Образ Покров Пресвятой Богородицы» (литография Ивана Погорельского)

Таким образом, за годы архипастырства Афанасия в его доме на Холмогорах появилось много «печатной» продукции. Об этом свидетельствуют переписные книги 1711 г., составленные после смерти архиепископа Рафаила: «В Большой крестовой полате. Персона печатная государева, рамы флямовые, золочены. Персона великого государя печатная на александрийской бумаге, большая, в черных рамах. В Столовой полате. Две персоны на бумаге, в том числе у одной рамы золочены. Персона светлейшаго князя, напечатаны на бумаге (еще две персоны князя Меньшикова. — *Авт.*). В келье в деревянной в архиерейской спальне две картинки Страстей Христовых, в рамах. Одна за слюдой, другая за стеклом. Семь картин небольших немецких, в черных рамах. Таблица в черных рамах Учения вере Христианские…» (ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 14. Л. 2–8об.).

На наш взгляд, об этом может свидетельствовать наличие весьма своеобразных механизмов: «Доска винтовальная, в ней три винтовальника». Но это еще не всё — против «задней кельи и клети» среди разнообразного имущества хранилась «…доска оловянная, на ней зачато резать образ Пресвятые Богородицы для печатания образов на бумаге…» (ГААО. Ф. 1025. Оп 3. Д. 7. Лл. 21об., 56об.).

Весьма вероятно, что наряду с писанием икон «на золоте» и «писаны краски» в иконописной мастерской архиепископского дома было налажено производство «печатных» икон, и образчик такой деятельности Иван Погорельский включил в свою рукопись в качестве одной из иллюстраций. Безусловно, это позволяет поновому взглянуть на интенсивную деятельность иконописной архиерейской артели, мастера которой могли писать, реставрировать («поновлять») иконы и, как оказалось, заниматься литографией. Образцы для таких работ могли быть приобретены через иноземцев в Архангельском городе, однако наиболее реален был другой

Рис. 4. Антоний Сийский (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

путь. О нем записал и Иван Погорельский под 1700 г.: «Сего генваря в последних числех приехал на Холмогоры с Москвы Оружейные полаты живописец Иван Федосеев, привез орленую бумагу разных цен, листовое рублевое, полтиннов, полуполтинные, гривенные и грошовые и ерлышные по два с алтына лист. А до сего времени такая орленая печатная бумага НЕ БЫВАЛА» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 31об.). Наряду с «печатной бумагой» поступали уже отпечатанные листы, вероятно, различного содержания, но на имя архиепископа: «Преосвященному архиепископу присланы с Москвы образцы, писанные на полулистах, каковы были ставлены ВОРОТА в Васильев день с цыфирными словами «1700 год» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32). К сожалению, проблема «печатных» на бумаге икон, репертуар их сюжетов, возможные прототипы западноевропейских произведений такого типа или практическое использование заимствованных художественных приемов в нашей искусствоведческой литературе разработана еще недостаточно.

В рукописи есть еще один любопытный рисунок — преподобный Антоний Сийский на фоне монастыря (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 37). На иконе (рис. 4) — сложившийся к концу XVII в. комплекс монастырских каменных построек, фигура Антония изображена во весь рост, он стоит в молитвенной позе, его взгляд и правая рука обращены к гекте, по композиции сравнимой с сюжетом «Троицы Ветхозаветной», за ангелом — Мамврийский дуб, горы «плащадками» и «дом Авраама» (Брызгалов 2005: 21). Вероятнее всего рисунок этот появился в результате прорисовки иконы знаменщиком: аккуратно и с большой точностью прорисованы все элементы архитектурного стаффажа Сийского Свято-Троицкого монастыря.

Нельзя исключать, что появление данной иконной прорисовки связано с событиями 1692 г., очень непростыми и важными: «Иулиа в 31 день в неделю преосвященный архиепископ по указу и по грамоте святейшаго патриарха благословил и освятил в Сийской монастырь перваго архимандрита Никодима, того ж монастыря иеромонаха и пострижника. А до сего времени все были игумены» (Верюжский 1908: 209, 310). Вполне возможно, что в свите архиепископа Афанасия при этом событии был и Иван Погорельский, скопировавший рисунок монастырской иконы. Двинский летописец довольно кратко в 1692 г. отметил появление первого сийского архимандрита: Афанасий согласно «грамоте святейшаго патриарха благословил и посвятил в Сийский монастырь перваго архимандрита Никодима того ж монастыря иеромонаха и постриженика» (ДвЛ: 192).

Однако определенная интрига в этих событиях была, и о ней вполне определенно пишет В. Верюжский — Сийский монастырь практически держал в своем

ведении почти все хозяйские церковные дела в Нижнем Подвинье до учреждения Холмогорской епархии, а после ее образования иеромонах Никодим и келарь Питирим обращались непосредственно к патриарху Адриану о введении в монастыре чина архимандрита и получили на это патриаршую грамоту (Верюжский 1908: 209, 310). Архиепископ Афанасий имел на это место другого своего кандидата, но вынужден был подчиниться, что вызвало определенную напряженность в их отношениях. Любопытно, что жизнь, а точнее смерть, рассудила так, что именно сийский архимандрит Никодим возглавлял 12 ноября 1702 г. погребение архиепископа Афанасия в Холмогорском Спасо-Преображенском соборе, а в ноябре 1711 г. — и его приемника архиепископа Рафаила (ДвЛ: 192).

Госпожа Судьба оказалась вполне доброжелательной к сыну боярскому Ивану Васильевичу сыну Погорельскому — она ввела его в мир искусства, в круговорот таких исторических событий, которые дали ему возможность увидеть Москву, патриарха, царя, быть не только свидетелем, но и участником виденного. О первоначальных мытарствах семейства Погорельских, выпавших на их долю, поведал в челобитной 1699 г. архиепископу Афанасию глава семьи — Василий Гаврилов сын Погорельского.

> «Государю преосвященному Афанасию архиепископу Холмогорскому и Важескому бьет челом раб дому твоего святаго Васка Погарельский. Служи я раб твой тебе государю преосвященному в дому твоем архиерейском тринатцать лет, и ныне государь стали годы недошлые и гладные и доконца я раб обдолжал и оскудал и будучи на твоей государевой службе на Москве вспомянул прежнее свое: из Польши к великому государю выход, також и службишка что служено против свицких немец и в понизовом городе в Астрахани всяких службы больше тритцати годов; и бил челом я раб твой великому государю чтоб мне будучи в милости твоей архиерейской кормитца на Двине у збора стрелецких и у оброчных денег писмом подьяческим на земском дворе и о том дана мне государева грамота и земский писец колмогорец Иван Близнин сельских и посацких людей запоя и накупя всячески научил бить челом мирским челобитьем, что мне у того збора не писать и по тому великого государя указу тое покорми доступить не мог, а в тое волокитное время домовым твоим архиерейским детем боярским давала твоя государская милость хлебное жалованье чем понятца до скрою вешния воды, а мне рабу твоему не дано. Милостивый государь преосвященный Афанасий архиепископ Холмогорский и Важеский пожалуй меня раба твоего вели государь милость свою хлеба дать и мне рабу твоему; государь святитель смилуйся».
>
> (ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 723.)

Цель автора челобитной — получить прибыльную должность — синекуру подьячего по сбору стрелецких и оброчных денег. Но мы обратим внимание на данные истории его семьи. Оказалось, что Василий Погорельский, его жена и мать (Фекла) «вышли» из польских земель, положение православных в которых после Люблинской унии 1569 г. и военных действий между Москвой и Речью Посполитой в 1657–1667 гг. привело к «исходу» православного населения к Москве. Вероятный год рождения Василия Погорельского — около 1651 г., сын Иван родился в 1677 г., приблизительно в это же время родился и второй сын — Федор (может быть,

в 1678 г. — всё зависит от месяца). Все подробные данные о Погорельских относятся к более позднему времени — Переписной книге Архангелогородской 1710 г.: двор Василия Погорельского (59 лет) находился на Сальном берегу (район ц. Успения Пресвятой Богородицы), где, кроме него, жили — его жена Авдотья (40 лет), сын Федор (33 лет) с женой Аксиньей (20 лет), а двор Ивана Погорельского стоял в Солдатской слободе, с ним жила жена Татьяна (27 лет), о детях сведений нет (Овсянников, Ясински 1998: 224, 232).

Первые сведения о Погорельских на Холмогорах в архиерейском доме относятся к 1686 г. — Василий Погорельский в октябре этого года назван приказчиком архиерейской вотчины в Чюхчемской волости, в 1695 г. архиепископ посылает его на Вагу, в Вознесенскую пустынь «для отводу тое пустыни с восточными землями по грамоте великих государей за него преосвященнаго архиепископа…», в документах много сведений о выполнении им различных поручений (БАН. РО. Архангельское собрание. С-294. Л. 353; РА СПБ ФИРИ РАН. Ф. 11. Кн. 107. Л. 105об.). Особо следует отметить поручения, связанные с выполнением графических работ: в 1696 г. Афанасий получил вклад от гостя Василия Грудцына — усолье на р. Юра, и «его архиерейской вотчины Чухченемской волости прикащик Василий Погорельский с волостными людми то ево гостиное поступление в дом ево архиерейской оброчное угодье описал и учинил чертежи, и ту записку и чертежи прислал к нему, преосвященному архиепископу в дом» (Верюжский 1908: 483). В 1698 г. Василий Погорельский «досматривал и измерил» и составил чертеж «домовой архиерейской Спасские земли» (ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 787. Л. 1–4об.). Сын Федор, вероятно, был подручным у отца. Та же Госпожа Судьба Ивану Погорельскому уготовила несколько иную жизненную стезю, о чем сам он потом и напишет в своем «Летописце».

Если дату своего рождения Иван Погорельский сообщил достоверно, то свою деятельность в архиерейском доме он начал в 1691 г. в возрасте 14 лет: «Сего году в дети боярские преосвященный Афанасий Архиепископ Холмогорский и Важеский пожаловал принял в дом свой архиерейской служить и жалованье денежное и хлебное учинил», но только с 1694 г. он стал активно работать в иконной артели: «Преосвященный и первопрестольный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, соизволил душеспасительно любоучительством своим первую соборную каменную церковь во имя Боголепного Преображения Господня новопостроенную украсить вновь же святыми иконами, якоже церковь восточная во вселенной украшается. Призвав Холмогорского града богоявленского протоиерея Федора Васильева сына Струнина, первейшего искусного изографа иконнаго писма, с ним дядю его, а своего архиерейского дому сына боярского Алексея Иванова сына Струнина, к ним же протчих совокупил…»[6] (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 6об., 10об.). Так начиналась карьера сына боярского Холмогорского архиерейского дома Ивана Васильева сына Погорельского и его повседневная работа иконописцем и в Преображенском соборе, и в других храмах Холмогорского уезда. Вероятно, последние иконописные работы Иван Погорельский осуществлял в 1702 г. в Петропавловской двинской крепости вместе с другими архиерейскими мастерами и московскими — златописцем Иваном Петровичем Рефицким (Рефусицким) с учеником (Верюжский 1908: 564; Дементман, Иткина 2007: 23).

[6] «Протчие» — это Филипп Коротаев, Степан Струнин и сам Иван Погорельский.

После смерти архиепископа Афанасия в 1702 г. Иван Погорельский продолжил летописные записки. Свои многочисленные автографы оставили Василий и Иван Погорельские на официальных бумагах, которые были непосредственно связаны с теми администрациями, в которых они служили после переезда в Архангельский город. Так, в Переписной книге Архангельского города 1710 г. Василий Погорельский числился как «крепостной подьячий», а в 1707–1709 гг. под купчими подписывался как «крепостной надсмотрщик» (Овсянников, Ясински 1998: 224, 292, 300, 305, 312).

Подьячий Иван Погорельский жил в бывшей Солдатской слободе в Головине улицы, В. В. Крестинин определял его статус как «портовой таможни подьячий», что обеспечивало ему доступ к данным «заморского» отпуска черной икры, поташа, смольчуги и хлеба вплоть до 1710 г. (Овсянников, Ясински 1998: 232; Крестинин 1795: 35–69).

После смерти архиепископа Афанасия часть его иконописной артели была вынуждена искать другую работу. В том числе и все Погорельские, грамотные люди, переехали после 1702 г. в Архангельский город и нашли себе неплохую работу. Наиболее позднее свидетельство в письменных документах — это роспись Ивана Погорельского в октябре 1729 г. Летописец расписался по просьбе крестьянина Лисестровской волости Ивана Игнатьева сына Корелы на челобитной его новоманерного щербота «Гликерия», отправлявшегося с хлебными припасами из Архангельского города в Кемский городок: «К сей челобитной вместо Ивана Игнатьева по его прошению Иван Погорельский руку приложил» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 103–104).

«Летописец» Ивана Погорельского, как уже было отмечено, сохранился частично и имеет перепутанную пагинацию листов и общий загаловок «О начале Руской земли и протчая вкратце», помещается на одном листе, причем изложенные события (практически каждое) содержит фактическую ошибку.

«О начале Русской земли и протчая вкратце.

В лета 6300 избрашася три брата от немец Рюрик, Синеус, Трувор от Рождества 800-го году. Рюрик убо седее в Новгороде, а Трувор на Беле озере, (Тр)увор во Изборске.

[*Вставка справа от текста*] Славяне начаша песание имети и умети — кесарь гречески мир соделавши послал им в знамение приятелства и ненарушимого мира литеры, сиречь писмена азбучная А, Б, В и прочая. И от того времени и деяния своя исписывати от Рождества 790-го, обаче поляков писмена.

(В лет)а 6463-го крестися Олга, нареченная Елена великая княгиня Киевская и всеа России. От Рождества 963-го, россов ко Христу обрати, но сына своего Светослава невозможно обратити, зане зело храбр и воинствен бяше.

(В лет)а 6496-го крестися Владимер Киевский. От Рождества Христова 996-го.

(В) лета 6666-го постви град Москву князь Юрьи Воладимеровичь. От Рождества Христова 1158-го.

В лета 6745-го приходил царь Батый и грех ради (на)ших всю землю поплени.

От Рождества Христова 1237.

(В л)ета 6875-го князь великий Дмитрий Иванович (Дон)ской основа Москву град каменной на успех (при) митрополите Алексее апреля в 5 день. От Рождества Христова 1367-го.

В лета 6888-го месяца майя при царе Костянтине нарицаемого Дрогоса грех ради наших народа Христианского безбожный Махмет власть греческую погасил, яко же ветр и буря зелна вся без вести сотвори. От Рождества 1380-го. А всех царей греческих от великого царя Констянтина до турского взятья 86.

В лето от сотворения света 6517 поставлена бысть церковь Премудрость божия София в Великом Новеграде при благоверном великом князе Ярославе Владимеровиче и при епископе Великого Новаграда Луки. А делана церковь 7 лет».

(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 1–1об.)

На этом события всей Российской истории до основания в 1584 году Архангельского города кончаются, и сколько листов (если они были) не сохранилось — можно только предполагать. Далее, после двух чистых листов и двух листов с рисунками, начинается раздел «О воеводских в начале приездех 7092-го» и далее следует остальной текст рукописи (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 5–41, последний лист без номера). Любопытно, что автор текста описывает события как до появления Погорельских в архиерейском доме в 1686 г., так и до зачисления Ивана Погорельского в состав архиерейской иконной артели в 1694 г. Очень важно понять, какими источниками и документами пользовался автор при написании текста и почему некоторые его фрагменты явственно напоминают сведения из приходно-расходных книг Холмогорского архиерейского дома, а также из уникальных по своей информативности «Чиновников» Холмогорского Преображенского собора.

Информированность сына боярского Холмогорского архиерейского дома и его присутствие на личных «мероприятиях» государственной важности имеют объяснение. Дело в том, что в возрасте 24 лет, то есть в октябре 1701 г., Иван Погорельский решил жениться и испросил разрешения на это: «октября 24 в пяток преосвященному архиепископу подал челобитную к женитьбе, и указал брачитца невозбранено, и к оному брачному сочетанию ево архиерейскою милостию был пожалован денежным и хлебным жалованием против средней детей боярских, а до сего был в третьей статье служил. И велел отдать вперед и не заслуженное евдокейского сроку жалованье, да брак был. Ноябрь 11, то есть в понедельник, поял дщерь холмогорского большого собора у ключаря Алексея Венедиктова сына Золотарева Татиану от рождения ея 18 лет, а своих 24» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32об.).

Семейство братьев Золотаревых составили самое близкое окружение с начала появления Афанасия на Холмогорской кафедре, а после его смерти стали священниками крупнейших храмов Архангельского города. Фигура ключаря Преображенского собора Алексея Золотарева весьма примечательна: уже вскоре после прибытия на Холмогоры архиепископа Афанасия в октябре 1683 г. священник церкви Николая Чудотворца на Нижнем посаде Алексей Венедиктов сын Золотарев был назначен ключарем холмогорского Спасо-Преображенского собора, а его брат Калинник, священник стоящей в Холмогорском деревянном городе Богоявленской церкви, переведен на место брата — на Нижний посад (Голубцов 1903: 37). Алексей Золотарев выполнял наиболее важные поручения Афанасия, и, по мнению А. Голубцова, мог быть автором, или, по крайней мере, редактором богослужебных, а может быть, и летописных записей одного из «Чиновников» Спасо-Преображенского собора (Голубцов 1903: XXIX). В 1702 г. Алексей Золотарев, по достижении

преклонного возраста, оставил службу соборного ключаря и был пострижен в монахи, говоря языком эпохи — «в старцы» (Овсянников, Ясински 1998: 366).

По Переписной книги Архангельского посада 1702 г. у соборного храма Преображения зафиксирован двор, в котором проживал «протопоп Калинник Венедиктов» с семьей, в таком же документе 1710 г. его двор уже значился на Сальном берегу в нижней части Архангелогородского посада, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, а дети его написаны как подьячие Приказной палаты и таможни. Умер Калинник в 1719 г. (Овсянников, Ясински 1998: 214, 223; ДвЛ: 225).

Очень хочется надеяться, что утраченные части рукописи Ивана Васильевича Погорельского когда-нибудь обнаружатся. Но уже сейчас, исследуя имеющейся текст и рисовальные сюжеты его произведения, можно с уверенностью воспринимать его как неординарную, талантливую и художественную личность. Даже сохранившиеся фрагменты этих записок — необычайно ценный вклад в историю и культуру Архангельского Поморья конца XVII — первой половины XVIII столетий, правдивый и своеобразный взгляд свидетеля и художника той поры.

Малые городские или даже приходские летописи, составленные, как правило, местными жителями, имеют, по мнению академика М. Н. Тихомирова, «значительную историческую ценность» (Тихомиров 1951: 217–236). Этот вид исторических источников постоянно находится в поле зрения исследователей (Корецкий 1981: 223; Копанев 1972: 5–62; Овсянников, Рождественская 1991: 217–229; 1993: 357–366).

Рукопись Ивана Погорельского — весьма знаковый памятник письменности, в котором логично и довольно информативно сочетается изложение важных сведений общегосударственной (светской и духовной) жизни и реальные события жизни автора и его близких. Новая эпоха требовала от индивидуума осознания своего персонального места в череде тех общественных событий, в водовороте которых он оказывался. Конечно, сыну боярскому Ивану Погорельскому и просто повезло, и судьба дала ему талант и художественное чутье. В его записках нет элементов резонерства или назидания.

Создается впечатление, что фразы, написанные Погорельским латиницей, — это что-то сугубо личное или его чем-то смущали упомянутые денежные расчеты; так, за свой портрет архиепископ Афанасий уплатил персонику Степану Дементьеву сыну Нарыкову — «за труд wosm rublev genek da kosak катку пожаловал» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 28об.). Больше всего таких латинских реплик приходится на сведения об отце — Василии Погорельском. В 1710 г. в январе — «Otec priezal iz Klonovskoho monastira s pripasami s harcevimi melkimi, a z dorohi, s zastavi poslal 5 vedr vina, kotoroe ne propustili…», а далее была проверка — «Na fominoя nedeli skasku vzali как otec piezav is monastira I cto privozil» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 36об.).

Конечно, фиксация всех «латиниц» из рукописи — это отдельная и самостоятельная тема, но мы не откажем себе и читателю в удовольствии опубликовать записи, связанные с Иваном Погорельским как с художником. В 1697 г. после того как Степан Нарыков окончил портрет архиепископа Афанасия, Погорельский «с тое персоны тем же кунштем слово в слово написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорельским и поставлена в ево архиерейской Крестовой на Холмогорах», причем тут же Погорельский пишет, что портрет, написанный Нарыковым «с надписанием» поставлен в соборной Преображенской церкви над его

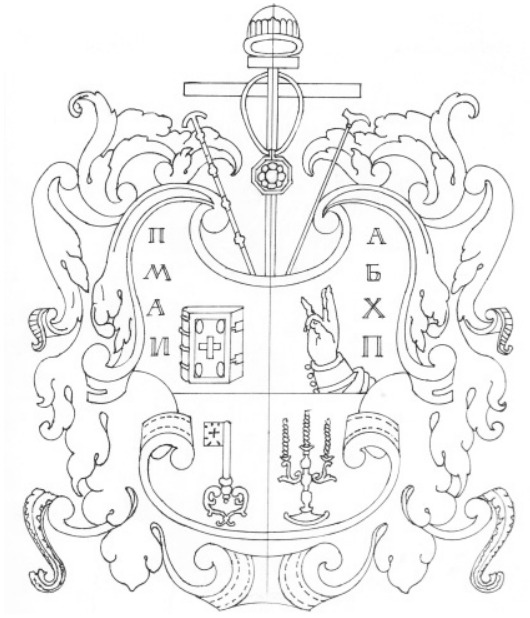

Рис. 5. Герб архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия (1641–1703) (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

гробницей (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 26об.). Совершенно ясно, что подобные строки могли быть написаны только после смерти архиепископа в 1702 г., но на следующих страницах Иван Погорельский опять возвращается к событиям зимы 1701 г., связанным с портретом Афанасия, — он отдает портрет архиерея (непонятно: исходный портрет или копия Погорельского?) — «J без neho po soglasiu s kileinikamy sdal knuct s personi archiereskoy, kotora na Moskve pisana» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32об.). Это был явный подарок архиепископу Афанасию от сына боярского Ивана Погорельского, и поскольку портрет в покои владыки Погорельский принес без предварительного разрешения, то это можно рассматривать как своего рода сюрприз.

Вполне возможно, что Афанасий весьма благожелательно относился к своему талантливому иконописцу — разрешил жениться ему на дочери ключаря кафедрального собора, повысил статус художника из самой низкой до третьей статьи, назначал на должность «вместо сушиленного» (ведание архиерейскими припасами и посудой) во время поездки Афанасия в Архангельский город, кроме того Погорельский выполнял личные указания своего патрона — на новоманерном архиерейском судне баркалоне «нарисовал ему герб, каков писан на корме на вонной стороне с примера патриарша клейнота» (рис. 5), а в «соборной Преображенской церкве прописывал болшей клейнот, который с полным надписанием сызнова один, кроме слов и речей» (Овсянников 2017: 377–392). Доброжелательность архиерея сказывалась в разных формах поощрения. Так, в 1701 г. «на второй неделе Великого поста преосвященный архиепископ изволил по своей архиерейской милости в посылку послать на Пинегу, в Кеврол, на Мезень с церковников годовую ДАНЬ собрать и привесть детям боярским… Первым данщиком племянник ево архиерейской Максим Дмитров Любимов, брата родного сын, два товарища же к нему вместо подьячего Иван Погорелской да вместо пристава Сила Попов. Из которой езде приехали на пятой недели. V toe ezda prisla desat rublev s poltinou svoevo dohodu» (ОР РНБ, собрание А. А. Титова, № 4682, л. 3об.).

Не исключено, что речь идет о копии Ивана Погорельского, так он без согласия архиепископа принес свое произведение в его дом. Оказалось, что тот портрет — не единственное светское произведение иконописца. После возвращения в архиепископской свите в марте 1698 г. уже в июне этого же года он пишет портрет Василия Погорельского, о чем и записал «латиницей»: «Pisal person oxcovscuu slovo v slovo» В апреле 1701 г. в Успенском женском монастыре, «в субботу на Светлой недели, то есть апреля в 26 день, преставилась в монастыре бабушка Фекла, преж именованная Феодосия. Того дня и погребена» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682.

Л. 36об.). Вероятно, по случаю смерти матери из Клоновского монастыря приезжал на погребение Василий Погорельский: «Na fominj nedeli skasku vsali как otec piezal is monastira i cto privozil» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 36об.).

В данной публикации затронуты лишь некоторые сюжеты из рукописи Ивана Погорельского, и, конечно, эта рукопись нуждается в дальнейшем исследовании. Несомненно и то, что мы имеем дело с уникальным литературно-историческим произведением, с исключительными литературными приемами в описании официальных событий, детальном описании работы автора в архиепископской иконописной артели, с профессиональной и объективной оценкой мастерства других артельщиков, историей собственной семьи. Нетрудно понять, что перед нами не только любопытный, но во многом и очень ценный памятник самого конца XVII и первых лет XVIII столетия, в котором автор показывает нам жизнь и события и при этом раскрывается сам. В повествовании нет никаких нравоучений и назиданий. Только факты, на которые он смотрит как художник, а зачастую — как обыкновенный человек.

«Река стала в Покров. Сын боярский Иван Никитин да подьячий Федор Нечаев посланы были для розыску, с ними к городу съехал и жил на Николском дворе (двор Николо-Корельского монастыря в Архангельском городе. — *Авт.*) Kupil sebe sukna… От города пошел впеш в третий день после Покрова. Х Колмогорам пришел один в седмом часу ночи» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 29). Для справки: от Архангельского города до Холмогор около 80 км.

Литература

Амосов 1970 — *Амосов А. А.* Краткие заметки о Двинской летописи // Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г. М.: [Б. и.], 1970. С. 30–32.

Брюсова 1951 — *Брюсова В. Г.* Холмогорский летописец и художник XVII в. (Об одном из авторов Двинской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XVII. М.; Л.: Наука, 1951. С. 445–453.

Брызгалов 2005 — *Брызгалов В. В.* Строительство храмов в Антониево-Сийском монастыре в XVI–XVII вв. Архангельск: Лодия, 2005. 48 с.

Брызгалов, Овсянников 2011 — *Брызгалов В. В., Овсянников О. В.* Челобитная 1701 г. подьячего Двинской Приказной избы Федьки Блезнина «с товарыщи» (по сведениям художника и летописца Ивана Васильева сына Погорельского) // Любимов В. А. (отв. ред.). М. В. Ломоносов и Арктика: Материалы МНК, посвященной 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (1711–1765 гг.). Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2011. С. 138–158.

Брызгалов и др. 2013 — *Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Из истории Нижнего Подвинья. Конец XVII–XVIII вв. (документы Холмогорского архиепископского дома) // Лепин Г. А., Любимов В. А., Шрага М. Х. (сост.). Труды Архангельского центра Русского географического общества. Вып. 1. Архангельск: Архангельский центр Русского географического об-ва, 2013. С. 22–85.

Булкин, Овсянников 1987 — *Булкин В. А., Овсянников О. В.* Холмогорцы Струнины и Погорельские // Тарановская Н. В. (ред.). Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск: ГРМ, Арханг. обл. музей изобразит. искусств, 1987. С. 23–35.

Бурцев 1900 — *Бурцев Евгений*. Из документов Архангельской Духовной семинарии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 26 с.

Верюжский 1908 — *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908.

Вилинбахова, Болотцева 1988 — *Вилинбахова Т. Б., Болотцева И. П.* Иконопись // Белецкий В. Д. (сост.). 1000-летие русской художественной культуры. М.: [Б. и.], 1988. С. 323–331.

Голубцов 1903 — *Голубцов А.* Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. [2], XLII, 286, [1] с.; 27.

Гусева, Полонская 1990 — Гусева А. А., Полонская И. М. (сост.). Каталог изданий, хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вып. 2. Ч. 2: Львовские, новгородсеверские, черниговские, уневские издания 2-й половины XVII в. М.: Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1990. 318 с.

ДвЛ — Двинской летописец. Пространная редакция // ПСРЛ. Т. 33. Л. Наука. 1977. С. 165–221.

Дементман, Иткина 2007 — *Дементман Д. А., Иткина Е. И.* Неизвестный портрет Петра I из Архангельска // Наследие Соловецкого монастыря: Всероссийская конференция. Архангельск, 28 ноября — 1 декабря 2006 г.: доклады, сообщения. Архангельск: Гос. музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», 2007. С. 17–39.

Дмитрий 1696 — *Дмитрий (Туптало), игумен*. Руно орошенное, пречистая и преблагословенная дева Мария, или чудеса образа пресвятыя Богородицы, бывшая в монастыре Ильинском Черниговском. Чернигов: в тип. Монастыря Троицкого Ильинского Черниговского, 1696.

Звоницкий 2003 — *Звоницкий Э.* Фейерверки и салюты. М.: Гелиос, 2003.

Копанев 1972 — *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Лихачев Д. С. (отв. ред.). Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 57–62.

Корецкий 1981 — *Корецкий В. И.* Соловецкий летописный свод конца XVI в. // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Летописи и хроники, 1980. В. Н. Татищев и изуч. рус. Летописания. М.: Наука, 1981. С. 223–243.

Кольцова, Овсянников 1995 — *Кольцова Т. М., Овсянников О. В.* «Книга записная» 1691 г. — новый документ по истории иконописания домовой артели архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 17–18 (Археологические изыскания. Вып. 26-3).

Комашко 2004 — *Комашко Н. И.* Богоматерь «Всех скорбящих Радость» // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 1–2 (14). М.: ЛК пресс, 2004. С. 22–34.

Крестинин 1792 — Краткая история о городе Архангельском, сочинена Архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1792.

Крестинин 1795 — *Крестинин В. В.* Исторический опыт о внешней торговле Государя императора, Петра Великого, от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795.

Кротов 1996 — *Кротов П. А.* Голландские моряки в русском флоте при Петре I // Россия и Голландия: 300 лет сотрудничества. Тезисы МНПК. Москва, октябрь 1995 года. М.: Московский гос. ун-т культуры, 1996. С. 31–39.

Лимонов 1970 — *Лимонов Ю. А.* Заметки о Холмогорской летописи (Ярославское и Двинское местное летописание) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. III. Л.: Наука, 1970. С. 251–252.

Лурье 1970 — *Лурье Я. С.* Холмогорская летопись // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XXV. М.; Л.: Наука, 1970. С. 135–149.

Материалы для истории 1866 — Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб.: Типография Морского министерства, 1866. 726 с.

Овсянников 1992 — *Овсянников О. В.* Северный иконописный фонд по письменным источникам. Пути формирования и судьбы в XVI–XX вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси. Архангельск: ГРМ, Арханг. обл. музей изобразит. искусств, 1992. С. 46–76.

Овсянников 2009 — *Овсянников О. В.* Иконописец XVIII в. Михаил Слепохин, Михаил Константинович Каргер и кот Евстафий // Труды ГЭ. Т. 46. Архитектура и археология Древней Руси. Материалы НК к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посвященного 90-летию ученого, 27 мая 1993 года. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 8–12.

Овсянников 2017 — *Овсянников О. В.* Царь Петр и итальянское судно на Северной Двине: баркалон Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и бронзе: сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 377–392 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Овсянников, Рождественская 1991 — *Овсянников О. В., Рождественская М. В.* Сольвычегодский летописец как историко-архитектурный и географический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 22. Л.: Наука, 1991. С. 217–229.

Овсянников, Рождественская 1993 — *Овсянников О. В., Рождественская М. В.* «Сказание о построении церкви в селе Маврино-Сергеевском» — малоизученный памятник XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 47. Л.: Наука, 1993. С. 357–366.

Овсянников, Ясински 1998 — *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север. Проблемы и источники. Т. II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 425 с.

Овсянников, Ясински 2006 — *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Волоки вдоль Ледовитого океана — древняя дорога торговли, промыслов, этнических контактов (материалы к дискуссии) // Попова Л. Д. (сост., отв. ред.). Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона. Архангельск: Правда Севера, 2006. С. 98–101.

Огородников 1875 — *Огородников С. Ф.* История Архангельского порта. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном адмиралтействе, 1875. 377 с.

Сербина 1973 — *Сербина К. Н.* Двинский летописец // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. V. Л.: Наука, 1973. С. 196–214.

Сербина 1977 — *Сербина К. Н.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 3–9.

Тарунов 1991 — *Тарунов А. М.* Дубровицы. М.: Московский рабочий, 1991. 112 с.

Титов 1889 — *Титов А. А.* Летопись Двинская. М.: Изд. П. Л. Фокина, 1889. 182 с.

Тихомиров 1951 — *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 217–236.

ХЛ — Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 10–147.

Хусейн 1999 — *Хусейн А. Х.* Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Беспятых Ю. Н. (сост. и отв. ред.). Русский Север и Западная Европа. СПб.: Блиц, 1999. С. 326–340.

Щекатов 1804 — *Щекатов А.* Географический словарь Российского государства. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1804. 874 стб.

Л. С. Клейн
(Санкт-Петербург)

Спор о варягах как пережитое[1]

Выношенная книга

Предлагаемая статья — не чистая историография. Я пишу о событиях, которые, имея глубокую историю, продолжаются по сей день и в которых и мне, и юбиляру довелось быть активными участниками. Несмотря на автобиографический компонент, в центре изложения — суть научного спора. Но это — и не чистая наука, так как спор оказывается не только научным.

В 2009 г. я выпустил в свет книгу на русском языке «Спор о варягах» (Клейн 2009а) о проблеме истории и археологии. В основе эта книга была написана мною в 1960 г. За меньший срок (кто считает, что за 30 лет, кто — за 7–10 лет) археология удваивает свои источники. Выводы книги должны были явно устареть, но издатели пошли на риск, и обычный тираж научной книги (1000 экз.) был раскуплен за пару месяцев. Понадобилась допечатка. Почему?

Дело в том, что книга посвящена специфическому российскому спору, который ведется уже более двух с половиной столетий, сохраняя изначальную остроту, — спору между норманизмом и антинорманизмом. Это полемика о роли и значении норманской инвазии на территорию нынешней России и о самом существовании этой инвазии (последние обзоры — Алпатов 1982; Данилевский 1998; Хлевов 1999). Дискуссия изначально имела политическую окраску, которая сохранилась и до сих пор.

Этого спора нет ни в скандинавской науке, ни в науке общеевропейской. Скандинавы не сомневаются, что их предки побывали на западноевропейских и восточноевропейских землях и оставили там свой след. Французы и англичане признают, что их страны были в значительной части захвачены норманнами, во Франции след этого — Нормандия, в восточной и северной Англии — Данло («страна Датского закона»). Те, кто ставит задачей доказать, что норманны не сыграли сколько-нибудь заметной роли в истории этих стран (такие встречаются), оказываются на сугубо маргинальных позициях в европейской науке. Кто взялся бы отрицать,

[1] Материал этой статьи с некоторыми незначительными отличиями отослан также в датский сборник на английском (“From Goths to Varangians”, ed. by Bjerg L., Kind J. H., Sindback S. M.) и во французский сборник (“Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne”, dir. par Bauduin P., Musin A.), где моя статья также напечатана на английском. Обе мои иностранные статьи успели выйти раньше, первая — в 2013 г., под названием “The Russian controversy over the Varangians” (Aarhus University Press: 27–38), вторая под названием “Normanism and Antinormanism in Russia” (Caen, Publications du Craham, 2014: 407–415).

что Осебергский корабль принадлежал норманнам, вряд ли бы сохранил позицию в науке вообще.

Ученым других стран, конечно, приходится сталкиваться с периодическими вспышками антинорманизма в России и в русской диаспоре, но вне этого круга особых сомнений в экспансии норманнов IX–XI вв. на другие области Европы не возникает.

Мне довелось участвовать в этом споре, и так получилось, что он, не став моей главной специализацией в археологии, проходил красной нитью через всю мою долгую и драматичную научную карьеру. Меня называют главным российским норманистом второй половины XX в. Это, мягко говоря, не совсем точно. В Петербурге мои ученики Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. Н. Носов и др., мой питерский коллега А. Н. Кирпичников, а в Москве — историки из школы В. Т. Пашуто — Е. А. Мельникова, Т. Н. Джаксон и др. внесли гораздо более весомый вклад в изучение реальной роли норманнов в истории нашей страны. Но я не отрицаю, что был активным участником этого спора и на каком-то его этапе наиболее заметным выразителем той позиции в споре, которую неверно называют норманизмом или норманской теорией.

Три диспута

Было три случая, с интервалом примерно в сто лет, когда дискуссия выливалась в устные публичные диспуты.

Первый раз спор разгорелся в XVIII в. Зачином послужили исследования академика Готлиба Зигфрида Байера, немецкого историка на русской службе. В 1735–1741 гг. он напечатал статьи, в которых показал, что варяги русской летописи, от которых ведет свое происхождение первая династия российских государей и высшая русская знать, были скандинавами, предками шведов. Байера считают зачинателем норманизма, хотя он таковым не был (Карпеев 1997). Уже после его смерти другой немец на русской службе, академик Герард-Фридрих Мюллер, в России Федор Иванович Миллер, ректор Академического университета в Петербурге (первого русского университета), имеющий колоссальные заслуги перед русской наукой, летом 1749 г. подготовил к тезоименитству государыни и представил к оглашению на празднестве речь («диссертацию») «О происхождении народа и имени российского». В ней он, развивая взгляды своего покойного коллеги академика Г. З. Байера, писал, что первая династия (Рюриковичи) и часть верхнего слоя русского народа происходят от норманнов. Имя «Русь» — от них же, что ясно сказано в летописи. В этой «диссертации» то и другое он выводил из Скандинавии.

Это вызвало подозрения его немецкого недоброжелателя, руководителя Академии И. Д. Шумахера, и тот спровоцировал расследование идейного ущерба от «диссертации» и обсуждение в Академии, продолжавшееся по весну 1750 г. С подачи немецких академиков, врагов Миллера, против его «диссертации» выступил Михайло Васильевич Ломоносов, имевший и свой зуб на Миллера (тот ранее активно выступал за осуждение пьяного буйства Ломоносова). Он обвинил Байера, Миллера и Шлёцера в злонамеренной фальсификации русской истории, происходящей от их немецкого национального чванства.

Ломоносов усмотрел в «диссертации» Миллера ущерб для Российского государства — «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают». Всего несколько десятилетий прошло после войны со шведами, и происхождение от предков недавнего противника Ломоносов считал оскорбительным для русского народа. Раздражение вызывали не сами факты, а оскорбление патриотических чувств. Прибегал Ломоносов и к чисто политическим аргументам. Так, он вменял в вину Байеру, что тот сомневался в реальности путешествия святого апостола Андрея в Россию для проповеди Евангелия. Это «всего несноснее» — в России же учрежден Петром I орден Андрея Первозванного!

И в дальнейшем эти крупные российские историки нередко третировались в нашей историографии как проповедники германского национализма. Не принималось во внимание то, что при их жизни индоевропеистика еще не появилась, что не были четко выявлены языковые семейства и их родство, и поэтому осознавать скандинавов как германцев эти ученые вряд ли могли. От силы их можно было обвинить в тайном чувстве превосходства европейской цивилизации над российской, но если это чувство у них и было, то его с ними разделял Петр I. А ныне показано, что Байер и вовсе не был создателем «норманской теории» (Карпеев 1997).

Заседания Академии наук, на которых бурно обсуждалась «скаредная диссертация» Миллера, шли в конференц-зале Академии наук (ныне — Кунсткамера) в течение более полугода. Ломоносов преуспел. Диссертация Миллера была запрещена к оглашению на торжествах, а сам Миллер лишен профессорского звания и уволен с поста ректора университета. Позже позиция, которую отстаивал Миллер, была окрещена норманизмом или норманской теорией.

Ломоносов же взялся сам писать курс истории российского народа и государства. Славный своими открытиями в естествознании, Ломоносов не имел подготовки к занятиям историей и построил свой курс не на анализе древнерусских летописей, а на основе «Синопсиса» — их позднего польско-украинского переложения (Формозов 2005: 127–146). Ломоносов увидел в варягах русских летописей не скандинавских викингов, а балтских (жмудь) или западнославянских пришельцев, которые ничего на Руси не изменили. Имя же русских он производил от южного племени роксолан (тогда их иранская принадлежность была неведома). «Краткий Российский летописец» Ломоносова увидел свет в 1760 г. (Ломоносов 1760), а полный курс «Древняя Российская история» — в 1766-м (Ломоносов 1766). Это было первое изложение антинорманистской концепции.

При всем том Ломоносов не был ненавистником немцев вообще (ученик немецкого профессора Вольфа, он учился в Германии, имел немецких друзей и был женат на немке). Но он выступал против засилья немцев в Академии и считал, что только природный русский может понять факты русской истории, а инородцам мешает их европейская спесь. Мысль о том, не мешает ли некоторым «природным русским» их субъективная жажда иметь непременно славных предков, не приходила ему в голову.

Далее дискуссия продолжалась в печати, пока через сто лет, в 1865 г., не вспыхнула вновь в публичном пространстве. Если первые обсуждения проходили в конференц-зале Академии наук, то на этот раз события переместились в Актовый зал Петербургского университета. Московский профессор истории М. П. Погодин вызвал на пари питерского профессора Н. И. Костомарова, заявив, что берется ему

доказать норманское происхождение варягов и Рюриковичей. Диспут в университете проходил при огромном стечении публики, билеты продавались очень дорого (цена одного билета была выше стоимости овчинного полушубка или пуда осетрины, а в день открытия диспута билеты перепродавались с рук в десять раз дороже).

Разумеется, оба участника остались неудовлетворены, и дискуссия продолжилась в печати. Во второй половине XIX в. (особенно после работ В. Томсена) центр полемики сместился в область лингвистики (происхождение имени и топонимика), а в середине XX в. (после работ Т. Арне и Х. Арбмана) — в археологию.

Третья вспышка спора разразилась еще через сто лет после второй. Она могла бы состояться в Москве, но была потушена в самом начале.

В 1960 г. на истфак Московского университета поступил студент, сын известного археолога. Он написал пространную курсовую работу по варяжскому вопросу, в которой наивно удивлялся, как можно не видеть очевидной скандинавской принадлежности первых русских князей. Его допрашивали в КГБ, и в 1963 г. исключили из Московского университета, а через два года он был арестован. Впоследствии он стал известным диссидентом, отсидел в психушках, эмигрировал и написал известную книгу «Доживет ли Советский Союз до 1984 года». Имя его — Андрей Амальрик. Он ошибся всего на пять лет. Ныне студенческая рукопись Амальрика о норманнах на Руси разыскана О. Л. Губаревым и опубликована им со своими комментариями (Амальрик 2018).

В том же самом 1960 г. я, тогда аспирант Ленинградского университета, отвлекшись от диссертации, написал книгу «Спор о варягах» с позиций объективности, но, несмотря на отличный отзыв декана профессора В. В. Мавродина (Ленинградский университет тогда был либеральнее Московского), издать ее не удалось. Но став преподавателем, я по этой рукописи обучал студентов и организовал Славяно-варяжский семинар, который просуществовал около 30 лет. В первые же годы наших занятий деятельностью семинара заинтересовалось партбюро факультета и, дабы пресечь брожение, затеяло в декабре 1965 г. на факультете публичную дискуссию по этой теме. Ровно через сто лет после второй «варяжской баталии». Кафедры были обязаны представить своих диспутантов, и от кафедры археологии был назначен я. Ни для кого не было секретом, ради чего была затеяна дискуссия — чтобы вывести меня на чистую воду. Хотя объявление было очень незаметным, слух о событии быстро распространился и сбежались люди со всех факультетов.

В качестве материала и повода для дискуссии была выбрана только что вышедшая книга И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965). Это был интеллигентный человек из Института истории АН СССР, знающий исследователь, но он, оставаясь лояльным режиму, послушно боролся с «норманской теорией» (Шаскольский 1965; 1978; 1983). Тем не менее он рассматривал «норманскую теорию» как одну из теорий западной науки, которую допустимо обсуждать, разумеется, относясь к ней критически. Прогрессом было уже то, что он отказался от советских клише («лженаучная теория», «буржуазная фальсификация истории»), а считал ее научной позицией, хотя и ошибочной.

Мне и моим ученикам удалось в дискуссии отстоять право на объективные исследования в этой области, как свое, так и всех наших коллег. Правда, при обсуждении мне пришлось применять кроме необходимых фактологических аргументов

также доводы, которые в нормальных условиях трудно признать убедительными. Но мне противостояли люди (я не имею в виду Шаскольского), которые обладали властью и на которых научные аргументы не действовали. Я рассмотрел историю двухвековой дискуссии и показал, что те политические силы, которые поддерживали ту или иную спорящую сторону, неоднократно менялись местами.

Вначале норманизм был на руку правящей династии, так как придавал ей престиж, потом антинорманизм стал угоден русским националистам, затем норманизм стал знаменем революционеров, критиковавшим династию как чуждую народу (Маркс был сугубым норманистом), в сталинское время антинорманизм стал считаться патриотической позицией, а норманизм — почти фашистской, но с тех пор произошел новый поворот, и антинорманизм стали поддерживать как раз антисоветские круги… Словом, оценка идей менялась. И я призывал быть крайне осторожным в вынесении политических оценок, чтобы не попасть впросак. Сработало.

Когда я стал называть антинорманистские сочинения западных авторов антисоветской направленности, члены партбюро, сидевшие в зале, потянулись к выходу, чтобы посовещаться. Наши выступления были распределены заранее между мной и учениками, и завершающий удар был поручен Глебу Лебедеву, тогда студенту. В своем выступлении он привел всем известную цитату из Маркса (ее повторяли во всех учебниках), что норманны, конечно, были на Руси, но они быстро ославянились, что видно из их браков и имен. Маркс, казалось бы, выступал здесь как антинорманист. Эта цитата была взята из сочинения Маркса о секретной дипломатии (Marx 1899), тогда не переведенного на русский и не входившего в многотомное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Цитата была подрезана. В оригинале перед этой фразой стояли еще четыре слова: «Мне могут возразить, что...». Когда Глеб произнес эти слова, аудитория забурлила. Послышались выкрики: «Фальсификация! Позор!». В президиум пошли записки от наших противников с отказом от запланированных выступлений.

Следующие полвека

После дискуссии И. П. Шаскольский и директор Института истории АН СССР Н. Е. Носов предложили мне и моим ученикам написать обзор археологических памятников скандинавского происхождения на территории СССР. Такой обзор был написан и опубликован в томе, изданном Институтом истории (Клейн и др. 1970). Эта работа стала первой сводкой археологических материалов скандинавского происхождения на Руси.

Рукопись «Спора о варягах» и мое полуторачасовое выступление в публичной дискуссии, а также эта сводка стали основой книги, изданной в 2009 г., а к ним я присоединил исследования, сделанные позже, характеристику работы семинара и многочисленные комментарии. В книге приведен список из почти четырехсот работ членов моего семинара по норманской тематике (Всевиов 2009). В их числе книги покойного Г. С. Лебедева, в частности «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» (выдержала два издания — Лебедев 1985; 2005), а также открытие И. В. Дубовым массовых скандинавских граффити на восточных монетах (Добровольский и др. 1991).

Мой семинар действовал более тридцати лет, он продолжал действовать (уже под руководством моих учеников), даже когда я был в 1981 г. арестован и изгнан из Университета (вернулся только в 1994-м). В нем выросло несколько поколений исследователей этой проблемы — Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Е. Н. Носов, С. В. Белецкий, Ю. М. Лесман и др.

Надо сказать, что одновременно с нашей деятельностью в Петербурге ряд московских ученых также отстаивал право на объективное рассмотрение норманской проблемы. Это были, прежде всего, В. Т. Пашуто (напр., Пашуто 1970; 1974) и его школа.

Актуальность книги

Почему же, однако, я решил опубликовать эту книгу почти полвека спустя? Дело в том, что ситуация опять изменилась, как менялась она не раз. После падения советской власти, предсказанного Амальриком, идеология, насаждавшаяся ею, в том числе и антинорманизм, оказалась дискредитированной. В новой обстановке казалось, что он уже не возродится. В 1995 г. в Университете был организован торжественный юбилей дискуссии 1965 г. — научная сессия с докладами, где мы смогли открыто заявить, что не существует никакого норманизма — это жупел, который был создан националистической имперской идеологией России и поддержан поздней советской идеологией (сталинской и послесталинской) для очернения объективной науки, а вот антинорманизм существует, но это не научная позиция, а идеология. И он мертв (Клейн 1999).

В последнем мы ошибались. В начале III тысячелетия он ожил снова. Правда, пока в небольшом кругу ученых — их горстка, но эта горстка стояла у власти. Это директор Института российской истории РАЕ проф. А. Н. Сахаров (не путать с А. Д. Сахаровым!) и его ближайшие сподвижники. Сахаров, в советское время управлявший Госкомиздатом, то есть исполнявший функции, близкие к цензорским, объявил, что норманизм — главная опасность для российской истории, изгнал из своего института выдающихся ученых, несогласных с его точкой зрения, вытеснил целый сектор, занимавшийся иностранными письменными источниками о России. Когда в декабре 2008 г. академики попытались его снять голосованием, руководство сохранило его на месте указом января 2009 г. (но в 2010 г. его всё-таки освободили от занимаемой должности).

Структура спора

В этой ситуации я решил, что моя книга снова обрела актуальность. Часть, написанную в 1960 г., я сохранил в неизменном виде. Дело в том, что в ней, во-первых, сведены воедино все аргументы и контраргументы (исторические, лингвистические и археологические), собранные как норманистами, так и антинорманистами. Это факты и группы фактов, всего не менее ста. Новые аргументы и контраргументы, появившиеся после 1960 г., я добавил в квадратных скобках. Дискуссия стала легкообозримой.

Во-вторых, я придал всему обсуждению структуру, сгруппировав аргументы и контраргументы по нескольким основным вопросам, расположенным в логической последовательности. Никто из моих предшественников этого не делал. Теперь каждый новый аргумент сразу находит свое место в существующей системе и можно оценить его значение.

В-третьих, логика структуры такова, что политические акценты, если их вносить в обсуждение, распределяются очень неравномерно. Они всё более концентрируются на последних звеньях логической цепи. Я включал их в целях самообороны: нам нужно было обеспечить возможность спокойно, беспристрастно исследовать как можно больше разделов этой темы, и концентрация политических акцентов на последних звеньях позволяла освободить всё остальное для объективного исследования. Стоило только отделить последние звенья — и почти вся цепочка очищалась.

Логическая схема того, как представлялось построение «норманской теории», такова:

1. Варяги русской летописи — это скандинавские германцы, норманны.

2. Основателем княжеской династии Киевского государства явился варяжский вождь Рюрик, призванный восточными славянами и их соседями и приведший с собой целое племя варягов.

3. Пришедшее в Восточную Европу племя варягов называлось Русью, и от него это название перешло на подвластных ему тогда восточных славян.

4. Норманны цивилизовали славян, оказав огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке.

5. Норманны создали первое восточнославянское государство или, по крайней мере, сыграли важную роль в его создании.

6. Причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

7. Политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться.

По этой схеме и распределялись у меня аргументы и контраргументы сторон. Три первых положения действительно поддерживают все те ученые, кого антинорманисты записывают в норманизм, два последующих положения в таком виде не поддерживают, но используемые для них факты в иной трактовке признают. А вот два последних пункта придают всей концепции злонамеренный вид и политическое звучание. Но они-то как раз и не имеют за собой особых аргументов и даже контраргументов, потому что практически и не выдвигались в науке. С трудом можно найти некоторые высказывания, которые можно было бы сюда подтянуть, но это не доводы ученых, а декларации политиков. Теории и научного течения они не создают. А формулировали их в основном антинорманисты — чтобы было с чем бороться. Вот их и позволяла отсечь моя концепция.

Так антинорманистами был сформирован норманизм, возникло вполне реальное противостояние двух искусственных концепций, и по этой схеме я и структурировал весь спор. Я учел все высказывавшиеся доселе фактические аргументы за и против обеих концепций (таких аргументов оказалось чуть больше ста). Структурирование помогло мне найти место каждого аргумента во всей системе и оценить его значение для всего спора, взглянуть на него с точки зрения целого. Это придало

всему спору организованность и обозримость. Поскольку никто, кроме меня, не проделал этого ни до, ни после 1960 г., я и решил опубликовать эту книгу, хотя и с опозданием на полвека.

Динамика спора

Но дело не только в политических акцентах, но и в аспектах, психологически трудных для массового восприятия, так что антинорманисты вполне могли рассчитывать на поддержку масс.

Ожесточенная борьба шла на всех ступенях схемы. Постепенно антинорманисты сдавали свои позиции одну за другой. Сначала была отброшена первая ступень, на которой стояли антинорманисты первых двух публичных баталий. Почти все антинорманисты давно признали, что варяги — это скандинавы: шведы, датчане, норвежцы, которые были норманнами-викингами — теми самыми, которые штурмовали западноевропейские города и страны. Потом отпало стремление доказать, что не было призвания варягов, что это легенда и всё в ней выдумано. Нашлись совпадения с биографией Ютландского Хрёрика, да и имя Рюрика — не славянское.

Ожесточенные сражения шли за имя народа, на третьей ступени. Хотя, казалось бы, что в имени — слово, звук. Но и это сопротивление было сломлено, происхождение имени было доказано лингвистически безупречно, хотя значение исходного термина неясно — так же, как у многих народов.

Четвертая ступень могла бы доставить антинорманистам удовлетворение: влияние норманнов на славянскую культуру не так уж велико, норманны быстро ославянились. Но таково же было положение и в норманских областях Англии и Франции — там норманны столь же быстро офранцузились и англизировались. А ведь их воинственные акции там не отрицаются.

Но и вопрос об участии в создании государства сейчас уже не обсуждается столь остро. Даже в марксистской схеме признавался и такой путь создания государства — путем завоевания, привлечения династов со стороны.

Антинорманисты практически сдали первые две ступени, большей частью разочаровались в третьей, приняли кое-что из четвертой и пятой, а эти позиции и противники не очень отстаивали, так что к середине XX в. позиции обеих сторон очень сблизились. На дискуссии 1965 г. я мог иронизировать, что с точки зрения антинорманистов прежних веков все нынешние антинорманисты были бы зачислены в норманисты.

И вдруг именно это и произошло! Новейшие антинорманисты (неоантинорманисты) — Вилинбахов, Кузьмин, Сахаров, Фомин — вернулись на первую ступень, к позициям Ломоносова и Костомарова, отвергли норманскую принадлежность варягов. Они вновь объявили варягов западными славянами. То есть с восстановленной точки зрения антинорманистов прошлого (двух прежних баталий) чуть ли не все антинорманисты последнего столетия считались бы норманистами! Сахаров с Фоминым теперь и Мавродина, и Шаскольского, и даже Рыбакова считают норманистами. С их точки зрения все открытия археологов не существуют или неверно трактованы. Камерные погребения, погребения в ладье — не норманские, черепаховидные фибулы занесены торговлей, и славянки почему-то переняли

скандинавскую моду носить плащи с фибулами на плечах и т. д. Спор опять вроде бы в прежнем состоянии, как будто не было двух веков исследований…

Логики нет, конечно, в антинорманистской патриотической аргументации. Чем, собственно, западные славяне лучше для России, чем скандинавы, если «Днем народного единства» избран недавно день мобилизации сил российского сопротивления против западнославянского (польского) нашествия на Москву в 1612 г.?

Вся эта шумиха не имеет ничего общего ни с наукой, ни с разумным патриотизмом. Дело в том, что антинорманистские движения опираются на ущемленное национальное самосознание, усердно подзуживаемое неумной пропагандой правящих кругов. Развалилась советская империя, и хотя большинство народа не имело никаких преимуществ перед Западом (жизнь было гораздо хуже, чем там, победители в войне нищенствовали по сравнению с побежденными), но русскому народу внушалось, что он самый лучший, самый благополучный, самый духовный и ведущий в империи, что все его боятся и завидуют ему. И всё это рухнуло. Осталась неприглядная действительность. Чувство национального унижения рождает озлобление на иностранцев и инородцев и надежды на реванш (Клейн 2006).

Это и есть почва для массового сочувствия в России антинорманизму. Настроение в интернет-блогах можно выразить одной фразой: я не знаю деталей, но мне не нравится норманская теория.

Сочувствие идет и сверху. Вот была создана Комиссия при президенте для борьбы с теми фальсификациями истории, которые в ущерб России. С теми, которые не в ущерб, значит, мириться можно (Клейн 2009б). Конечно, взятие Москвы Наполеоном и поляками отрицать никак не получается. Но вот со скупыми летописными и археологическими данными можно поспорить, можно объявить «норманизм» фальсификацией. Сахаров — один из трех профессиональных историков, вошедших в Комиссию (остальные 24 члена — чиновники администрации и руководители массмедиа). Поэтому развенчание научных основ антинорманизма сохраняет актуальность.

Я отнюдь не призываю к созданию для антинорманистов такого же режима, какой они старались создать для норманистов, не призываю запретить антинорманизм. Существование широкого спектра мнений, включая противоположную точку зрения, сколь бы она ни представлялась абсурдной, нормально. Критика слабых мест исторических реконструкций полезна. Какими мотивами не были бы движимы антинорманисты, их исследования привели к любопытным частным открытиям. Так, обнаружилась сложность употребления термина «варяг» на Руси (Никитин 2001: 76–95); было показано (хотя и преувеличено) первоначальное муссирование агрессии норманнов на восток как раз в Швеции (Фомин 2005) — писания историка Петрея, придворного историографа Карла IX; именно антинорманисты (Кузьмин 1974) обратили внимание на следы западнославянского и даже кельтского воздействия на северную Русь (но более древнего, чем эпоха викингов).

Российская специфика

Искусственность и надуманность всей проблемы лучше всего иллюстрируются тем, что два с половиной века спор норманизма с антинорманизмом остается сугубо российским феноменом. Он разворачивается только в России и среди российской

диаспоры. Ученые других стран участвуют в нем лишь постольку, поскольку им приходится опровергать обвинения российских антинорманистов и отражать нападки на спокойную констатацию фактов истории.

Между тем экспансия норманнов в VIII–X вв. охватывала чуть ли не все европейские страны. Западные европейцы вполне спокойно относятся к тому, что норманны сыграли заметную роль в истории их стран и в сложении их государственности (как римляне, а позже во Франции — германцы франки). Это не ущемляет национального достоинства французов и англичан, потому что им не приходится сомневаться в том, что они по праву находятся в числе передовых стран.

Формирование антинорманизма и противостояние его с норманизмом произошло в России потому, что здесь издавна существовал феномен ущемленного национального достоинства. О длительном татарском иге я уж не говорю. После восприятия себя как «третьего Рима» Российская империя перешла к Смуте, и в Москве сидел польский гарнизон. Потребовалось ополчение Минина и Пожарского, чтобы восстановить национальную государственность. Уже при четвертом Романове, в петровское время, Россия вынуждена была осознать, что она ужасающе отстала от передовых стран Запада и должна учиться и догонять.

С тех пор эта ситуация не раз повторялась. И в начале XIX в., когда после суворовских побед Наполеон взял Москву, и в середине XIX в., когда «жандарм Европы» потерпел сокрушительное поражение в Крымской войне и пришлось отменять крепостное право, давно отмененное в Западной Европе. Затем ситуация повторилась после поражений в войнах, русско-японской и Первой мировой, приведших к революциям, и в сталинское время, когда после залихватских песен о том, что будем бить врага на его территории, половина армии оказалась в немецком плену и Гитлер дошел до Москвы. Наконец, в конце XX в., после 70 лет надсадного крика о том, что догоним и перегоним Америку, что мы самые передовые и научим весь мир, вдруг коммунистический режим рухнул, рассыпался сам, без внешнего вторжения. Империя, разбухшая на пол-Европы и пол-Азии, разом сократилась до предпетровских границ. Мы вдруг оглянулись и увидели, что по качеству жизни мы на уровне африканских стран. Сознавать это унизительно и стыдно.

Вот это и рождает чувство ущемленного национального самолюбия. Невольно задумываешься, почему мы до этого дошли, что нам мешает быть как все. Одни мыслят в этом направлении, а другие ищут более утешительные объяснения. Есть немало таких, кто легко поддается этому настроению: это все вокруг виноваты, а не мы сами; это вечный заговор мировой закулисы; это отпавшие от нашей империи страны неблагодарны и коварны; это всё инородцы и иноверцы. А в истории нашей не было темных пятен, они могли быть только у других народов, а у нас только славное прошлое. Если наука говорит об ином, то это фальсификация, оплаченная Западом. Нам не из чего извлекать уроки, мы всегда были лучше других, выше других, а нынешнее положение — это случайность, надо показать всем вокруг, что мы сильнее.

На это накладывается синдром распадающейся империи. Переживать его людям доминировавшей национальности всегда трудно. Это переживали англичане, французы, голландцы, испанцы, немцы, австрийцы, турки. Русским, с их ущемленным национальным самолюбием, труднее вдвойне. Хочется вернуть всё к «нормальному» состоянию, когда скверные условия жизни компенсировались ощущением доминирования в империи (Клейн 2006). Муссируется вера в то, что

«заблудшие братья» одумаются и вернутся, а тем, кто не захочет, мы сможем показать кузькину мать. И люди ради реванша готовы призвать диктатора, «сильную руку», одобряют ссоры со всеми соседями и задирание с Америкой — самой сильной державой современности.

А что у Америки ВВП в десять раз больше нашего — это временно, вот-вот их экономика рухнет. А что у Америки 400 суперкомпьютеров, а у нас только три — это неважно, зато у нас сохраняются ракеты. А что Америка удваивает свои огромные расходы на науку до 400 млрд долларов в год, а мы сокращаем свои малые расходы до 6 млрд, так зато мы духовнее. И мы продолжаем надувать щеки.

Вот та атмосфера, которая используется элитой, заинтересованной в сохранении статус-кво — своего доминирования. Она подогревает эти настроения повседневной пропагандой. Поэтому не только часть ученых (пока малая) вернулась к антинорманизму, но и эта идеология является массовой. Пройдите по русским блогам интернета, и во многих вы увидите неприятие «норманизма». Либо обыватели стараются на своем дилетантском уровне расправиться с доводами науки, либо они откровенно признаются, что фактами не владеют, но «норманистских» аргументов не приемлют, видя в них проявление антипатриотической позиции. Для них важна не доказательность аргументов, а мотивы, которые якобы за ними скрываются. Логика обычно такая: этот норманист — вообще плохой человек (дерьмократ, инородец, русофоб, аморален, бывал на Западе — вероятно, ему заплатили и т. п.), чего можно от него ожидать? Я ему не верю.

Таким образом, антинорманизм в науке, не будучи чисто научным явлением, имеет поддержку снизу и сверху. Снизу его поддерживает массовое сознание с ущемленным национальным достоинством, а сверху — консервативные устремления элиты, подогревающей эти настроения масс и стимулирующие антинорманизм в науке. Так, когда академики забаллотировали А. Н. Сахарова на выборах директором на очередной срок, этот результат был в 2009 г. отменен Президиумом, как сообщалось в прессе, по настоянию сверху. Указом Президиума в январе срок директорства Сахарова был продлен до его 80-летия. Но и он окончился.

Норманизм и расизм

Норманизм — так, как его подают антинорманисты — резонно рассматривается как разновидность расизма, расовой теории. Но поскольку два последних положения присоединены к концепции искусственно, то в своем реальном, научном содержании то, что подается как норманизм, никакого отношения к расовой теории не имеет. Более того, «норманская теория» — вообще не теория. Да, многие ученые высказывали и высказывают предположения относительно трактовки исторических и археологических фактов в том плане, что норманны действовали на восточнославянских землях (как и на Западе Европы) и сыграли значительную роль в сложении древнерусской государственности. Но не всякая гипотеза при ее подтверждении превращается в теорию. Многие гипотезы, получив подтверждение, становятся фактами науки! Только гипотезы о законе имеют шанс стать теориями. Предположения же о викингах, предположительные интерпретации материалов раскопок и летописей — это гипотезы о фактах, а не о законах!

Следовательно, вопреки уважаемому И. П. Шаскольскому, нет и не было «норманской теории». Была только концепция, то есть система взаимосвязанных фактов, о пребывании и роли норманнов на Руси. Заслуживает ли она названия «норманизма»? По-видимому, нет. Под *-измом* мы обычно подразумеваем некое направление, течение в науке, основанное на определенной теории или хотя бы особой методологической системе взглядов. Система же взглядов, побуждающая исследователей констатировать присутствие и роль норманнов в древнерусской истории, — это просто стремление к объективности и строгости исторической науки, к объективности и независимости археологических выводов.

Антинорманизм же самостоятельного содержания не имеет, как показывает само его название. В отличие от норманизма, он претендует на статус теории, но теорией тоже не является. Это концепция, созданная для борьбы с искусственно сформированной в качестве жупела «норманской теорией» и для подлаживания фактов о норманнах под потребности ущемленного национального самосознания.

В основе противостояния этих двух концепций — спор о фактах. Всё, что надстроено над этим научным спором, находится вне науки и навязано ей политикой и обыденной ментальностью.

Расизму норманизм мог бы пригодиться, но не так уж обязателен. Это лишь одна из групп фактов, которая могла бы получить такую оценку (а может и не получить), но для получения нужен еще целый ряд дополнительных гипотез. Антинорманизм больше связан с националистическими взглядами и настроениями, ибо направлен на заведомое отрицание многих фактов, которые (в понимании людей с ущемленным национальным чувством) могут «наносить ущерб» национальным интересам русского народа.

Лучшее доказательство этого — скопление в блогах интернета уймы несведущих и малообразованных (часто и малограмотных) людей, с пеной у рта (и часто матерной бранью) доказывающих лживость и зловредность «норманской теории». Но нет такой же толпы, доказывающей обратное (разве что из духа противоречия и из оскорбленного чувства справедливости), как нет и опровергающей какую-нибудь математическую теорему. Но доказывающие величие и благородство Сталина и социализма есть, как есть и доказывающие зловредность евреев.

Норманизм и миграционизм

Второй аспект идеи норманизма — это ее связь с миграционизмом как течением в археологии. Норманизм может рассматриваться как разновидность диффузионизма, в частности как разновидность его крайнего аспекта — миграционизма. Если понимать миграционизм как некую теорию, то такой близости нет, но если видеть в миграционизме методологическую концепцию, некое направление исследований, то та концепция, которая остается от норманизма после удаления двух самых одиозных положений, имеет с ней нечто общее, и норманизм может рассматриваться как разновидность диффузионизма в широком плане или миграционизма — в узком.

Однако те предостережения, которые в нашей литературе связывались с миграционизмом, на норманскую концепцию вряд ли распространяются. Во-первых,

эти предостережения носят методологический и очень неконкретный характер. Имеется в виду опасность преувеличения количества и роли миграций вообще. Из них не вытекает никакого решения о каждой конкретной гипотезе о миграции, не говоря уже о том, что прежде чем констатировать преувеличение, нужно установить норму. Во-вторых, в советское время миграции в прошлом почти начисто отвергались, а на Западе нередко реконструировались, эта тема служила как бы демаркатором советской марксистской науки от западной буржуазной. В послесталинское время акценты постепенно смещались, и к концу советской эпохи многие советские археологи увлеклись реконструкцией запрещенных ранее миграций (я назвал это течение субмиграционизмом — Клейн 1993; Klein 1997), в западной же науке во второй половине XX в. как раз возобладало увлечение внутренними местными стимулами развития, а миграции отвергались. Сейчас и там это увлечение изживается.

В этом контексте и норманские древности могут рассматриваться как материалы для реконструкции некоего движения из Скандинавии в другие земли, в частности в земли России, движения, в котором были и компоненты миграции, и компоненты влияния, а какие на каком этапе преобладали — вопрос сложный и требующий детального анализа фактов.

«Неизлечимо больной норманизмом»

А. Н. Кирпичников присоединился к норманноведческому отряду российских историков и археологов не сразу. В 1960–1970-е гг. он прославился как специалист по древнерусскому оружию. Но уже это обращало его к Скандинавии, поскольку почти все мечи, найденные в восточнославянских землях, были каролингскими, франкскими, принесенными норманнами (именно Кирпичников протравкой выявил пару мечей со славянскими надписями). А с 1972 г. Кирпичников стал начальником Староладожской археологической экспедиции, занялся раскопками ранних слоев Старой Ладоги (скандинавского Альдегьюборга), и это подвигло его к расширению своих интересов на «варяжский вопрос». Человек осторожный и чуждый тяге к политическим идеям в науке, он вначале колебался в оценке норманской принадлежности Рюриковичей и пришлой «из-за моря» Руси. Очень упирал на то, что первыми в Ладоге оказались всё-таки славяне. Но чем ближе ко второй декаде 2000-х гг., тем увереннее он стал склоняться к скандинавскому определению пришельцев и к признанию их активности.

Это очень раздражало антинорманистов. В ноябре 2011 г. в Ладоге состоялась конференция «Начало русского мира», созванная антинорманистами. На ней был запланирован доклад Анатолия Николаевича. Узнав об этом, он в резкой форме потребовал снять доклад, но экскурсию для съехавшихся на конференцию провел. А на заседании Отдела славяно-финской археологии, на котором председательствовал, он, отвлекшись на телефонный разговор по поводу участия в конференции антинорманистов, со смешком произнес: «Я давно и неизлечимо болен норманизмом». Антинорманисты растиражировали это высказывание, приняв его всерьез. С. В. Белецкий присутствовал при телефонном разговоре и свидетельствует, что участники заседания восприняли высказывание Кирпичникова с тем юмором, которого оно заслуживает.

Новые находки

Со времени публикации нашей сводки норманских древностей Руси прошло сорок лет. Повторюсь, за меньшее время археология удваивает свои источники. Она и продолжает приносить всё новые свидетельства норманского присутствия на восточнославянских землях.

Уже после активности моего семинара появились яркие открытия (в составлении этой краткой сводки мне помог покойный член семинара Ю. М. Лесман). Новгородская земля изобилует норманскими следами (Платонова 1998; 2002 и др.). На Рюриковом городище возле Новгорода открыто Носовым целое скопление норманских находок (Носов 1990; 1998; Nosov 1998; 1999; 2000 и др.). В Пскове обнаружились в разных местах камерные погребения (Белецкий 1996; 1997; 2011; Лабутина и др. 2009; Ershova, Yakovleva 2011). Камерные могилы открыты и в ярославских могильниках (Недошивина, Фехнер 1985; Фехнер, Недошивина 1987; Sedyh 2000). В Старой Ладоге продолжаются раскопки, рисующие ее первой столицей Рюрика (Кирпичников 1997; Kirpichnikov 2014; Кирпичников, Сарабьянов 2003). На Украине Искоростень оказался еще одним важным центром норманского присутствия (Звиздецкий и др. 2004; Зоценко, Звиздецький 2006; Petrauskas 2009). В Шестовицах теперь известны не только княжеские курганы норманнов, но и поселение (Коваленко и др. 2003). В Киеве обнаружились новые камерные погребения (Ивакин, Козюба 2003; Андрощук 2004). Вообще на Украине теперь известно гораздо больше норманских древностей, чем прежде (Андрощук 2008; Зоценко 2004). И на карте Беларуси теперь известны норманские древности (Вікінгі 2002; Дернович 2006). В деревенском древнерусском женском уборе обнаружились существенные элементы скандинавской традиции, тогда как в крупных городах преобладали византийские влияния — это открытие Лесмана (Лесман 2010). Это далеко неполная сводка (более полную см.: Лесман 2014). Понятно, что в числе соратников Сахарова нет ни одного археолога.

Но нет гарантий, что они не отыщутся. Искушения слишком велики, а научные движения определяются не только фактами науки. Позиции в споре еще придется отстаивать. Здесь как в гостях у Красной Королевы Кэрролла: нужно очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте.

Литература

Алпатов 1982 — *Алпатов М. А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 31–45.

Амальрик 2018 — *Амальрик А.* Норманны и Киевская Русь. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 232 с.

Андрощук 2004 — *Андрощук Ф.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Rutenica. Т. 3. Київ: [Б. и.], 2004. С. 7–47.

Андрощук 2004 — *Андрощук Ф.* Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень: [Б. и.], 2008. С. 6–19.

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. Городское ядро средневекового Пскова. Вып. I. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с. (ИИМК. Археологические изыскания. 30).

Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Низов В. В. (отв. ред.). Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы междунар. науч. симп.: К 210-летию А. Л. Витберга. Киров: Киров. гос. объед. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 139–152.

Белецкий 2011 — *Белецкий С. В.* Псков в I — начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб.: Universities' Publishing Consortium, 2011. С. 361–395.

Вікінгі 2002 — Вікінгі на Усходзе: каталог выставы. Мінск: Юніпак, 2002. 16 с.

Всевиов 2009 — *Всевиов Л. М.* (сост.). Список печатных работ участников Славяно-варяжского семинара (секции «Проблемного семинара» Л. С. Клейна) по варяжской тематике // Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. С. 310–342.

Данилевский 1998 — *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1998. 199 с.

Дернович 2006 — *Дернович С. Д.* Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2006. 86 с.

Добровольский и др. 1991 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 191 с.

Звиздецкий и др. 2004 — *Звиздецкий Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ: КОРВІН ПРЕСС, 2004. С. 51–68.

Зоценко 2004 — *Зоценко В. М.* Скандинавські арефакти південно-західної Русі // Там же. С. 87–105.

Зоценко, Звіздецький 2006 — *Зоценко В., Звіздецький Б.* Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Толочко П. П. (гол. ред.). Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруськоі держави IX–XI ст.): Матеріали міжнар. польового археол. семінару (Чернігів-Шестовиця, 20-23 лип. 2006 р.). Чернігів: Сіверянська думка, 2006. С. 73–89.

Івакин, Козюба 2003 — *Івакин Г., Козюба В.* Нови поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедіції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожітності Центрально-Східної Европи VIII–IX ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 38–50.

Карпеев 1997 — *Карпеев Э. П.* Г. З. Байер и истоки норманской теории // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты: Материалы симпозиума, 16–19 апреля 1996 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1997. С. 19–25.

Кирпичников 1997 — *Кирпичников А. Н.* «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Там же. С. 7–18.

Кирпичников, Сарабьянов 2003 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Н.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2003. 183 с.

Клейн 1993 — *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Клейн 1999 — *Клейн Л. С.* Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии // SP. 1999. № 5. С. 91–101.

Клейн 2006 — *Клейн Л. С.* Диагноз // Звезда. 2006. № 9. С. 142–157.

Клейн 2009а — *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Клейн 2009б — *Клейн Л. С.* Что за Комиссия, Создатель? // Троицкий вариант — Наука. 12 июня 2009 г. Вып. 11 (30). С. 14.

Клейн и др. 1970 — *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Носов Н. Е., Шаскольский И. П. (ред.). Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л.: Наука, 1970. С. 226–252.

Коваленко и др. 2003 — *Коваленко В., Моця А., Сытий Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–IX ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 51–83.

Кузьмин 1974 — *Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54–83.

Лабутина и др. 2009 — *Лабутина И. К., Малышева Н. Н., Закурина Т. Ю., Яковлева Е. А., Михайлов А. В.* Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991–2004 годов. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 386–407.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: ЛГУ, 1985. 286 с.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.

Лесман 2010 — *Лесман Ю. М.* Литейная форма из Вышгорода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 478–484.

Лесман 2014 — *Лесман Ю. М.* Скандинавский компонент древнерусской культуры // SP. 2014. № 5. С. 43–87.

Ломоносов 1760 — *Ломоносов М. В.* Краткой российской летописец. Сочинение Михаила Ломоносова. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1760. 75 с.

Ломоносов 1766 — *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1766. 140 с.

Недошивина, Фехнер 1985 — *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.

Никитин 2001 — *Никитин А. Л.* Основания русской истории: мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001. 768 с.

Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.

Носов 1998 — *Носов Е. Н.* Первые скандинавы в Северной Руси // Хедман А., Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Викинги и славяне. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 56–82.

Пашуто 1970 — *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Т. 15. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. С. 51–62.

Пашуто 1974 — *Пашуто В. Т.* Летописная традиция о племенных княжениях и варяжский вопрос // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Летописи и хроники. 1973. М.: Наука, 1974. С. 103–110.

Платонова 1998 — *Платонова Н. И.* Камерные погребения XI — начала XII веков в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии 26–31 августа 1996. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 372–380.

Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам комплекса памятников у Передольского погоста) // Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. (сост.). У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино: [Б. и.], 2002. С. 116–143.

Фехнер, Недошивина 1987 — *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.

Фомин 2005 — *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская Панорама, 2005. 488 с.

Формозов 2005 — *Формозов А. А.* Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Хлевов 1997 — *Хлевов А. А.* Норманская проблема в отечественной науке. СПб.: СПбГУ, 1997. 103 с.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука. 1965. 221 с.

Шаскольский 1978 — *Шаскольский И. П.* Норманская проблема в советской историографии // Мавродин В. В. (отв. ред.). Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 152–165.

Шаскольский 1983 — *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 35–51 (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7).

Erchova, Yakovleva 2011 — *Erchova T., Yakovleva E.* Une population multiethnique: l'exemple des chambres funéraires de la Pskov ancienne // Russie Viking, vers une autre Normandie? Novgorod de la Russie du Nord, des migrations scandinaves à la fin du Moyen Âge (VIIIe – XVe s.). Exhibition Catalogue, Caen, Musee de Normandie. Paris, 2011. S. 85–87.

Kirpichnikov 2014 — *Kirpichnikov A. N.* Early Ladoga during the Viking Age in thev light of the international cultural transfer // Bauduin P., Musin A. E. (dir.). Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Viking a la Rous ancienne. Caen: Graham, 2014. S. 215–230.

Klejn 1997 — *Klejn L. S.* Das Phanomen der Sowjetischen Archaologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Frankfurt am Main: P. Lang, 1997.

Klejn 2013 — *Klejn L. S.* The Russian controversy over the Varangians // Bjerg L., Lind J. H., Sindbak S. M. (eds.). From Goths to Varangians: communications and cultural exchange between the Baltic and the Black See. Aarhus: Aarhus University Press, 2013. P. 27–38.

Klejn 2014 — *Klejn L. S.* Normanism and Antinormanism in Russia // Bauduin P., Musin A. (dir.). Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne. Caen: Publications du Craham, 2014. P. 407–415.

Marx 1899 — *Marx K.* Secret diplomatic history of the Eighteenth century, ed. by his daughter, Eleanor Marx Aveling. London, 1899.

Nosov 1998 — *Nosov E. N.* The Varangian problem: Russian historical tradition vs new archaeological evidence // Studien zur Archäologie des Ostseeraums: festschrift für M. Müller-Wille. Neumünster, 1998. S. 61–66.

Nosov 1999 — *Nosov E. N.* Scandinavier in der nördlichen Rus' und die Entstehung von Novgorod // Archäologie in Deutschland (Stuttgart). 1999. No. 4. S. 56–60.

Nosov 2000 — *Nosov E.* Rjurikovo Gorodisce et Novgorod // Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient (Realités Byzantines, Paris, 7). Paris, 2000. P. 143–172.

Petrauskas 2009 — *Petrauskas O. V.* A Byzantine solidus coin from the research of V. A. Zvisdec'kyj in Islorosten // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century. Krakow: Inst. Archeol. Universitetu Rzeszowskiego, 2009. S. 653–658.

Sedyh 2000 — *Sedyh V.* Timerevo — un centre protoßurbain sur la grande voie de la Volga // Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). Réalités byzantines, 7. Paris: Lethieelleux, 2000. P. 178–186.

Н. Б. Крыласова
(Пермь)

Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае[1]

На территории Пермского края крупнейшим средневековым памятником является Рождественское городище, упомянутое в письменных источниках как городок Афкула (Белавин, Крыласова 2008). Здесь находилась торгово-ремесленная фактория волжских булгар, население было полиэтничным и поликонфессиональным. Городище сопровождается двумя некрополями — мусульманским и языческим.

На языческом могильнике X–XI вв. к настоящему времени вскрыто 1767 м², изучено 339 погребений — количество, вполне достаточное для проведения предварительного анализа состава и распространения оружия в погребальных комплексах. Подобное исследование проводилось А. Н. Кирпичниковым по материалам древнерусских погребальных памятников (Кирпичников 1971: 41–54).

Детали вооружения обнаружены в 95 погребениях Рождественского языческого могильника (28 %), то есть примерно каждый 3–4 погребенный (иногда включая и женщин) имел оружие. Набор предметов вооружения, использовавшийся в погребальном обряде, в целом ограничен тремя основными категориями — наконечниками стрел, топорами и наконечниками копий, а иные виды оружия представлены единичными предметами (табл.). При этом в 26 погребениях (7,6 %, то есть примерно одно из 3–4 погребений с оружием) в составе погребального инвентаря содержалось по две категории оружия (10 погребений — наконечники стрел + топор; 4 — наконечники стрел + наконечник копья; 3 — топор + наконечник копья) и только в двух погребениях (0,5 %) — по три категории (погр. 78 — наконечник стрелы, топор, наконечник копья; погр. 325 — топор, наконечники стрел и сломанная на части сабля). Сочетание предметов вооружения с элементами конского снаряжения (Крыласова 2017) отмечено в восьми погребениях, в то время как отдельные элементы конского снаряжения (удила, стремя, подпружная пряжка) встречены в 52 погребениях. Таким образом, особой взаимосвязи предметов вооружения с конским снаряжением не прослеживается. Напротив, предметы вооружения присутствовали во всех погребениях с наличием своеобразных комплексов хозяйственных и ремесленных орудий, которые обычно размещались компактным скоплением в ногах погребенного или у изголовья могильной ямы (Крыласова, Белавин 2015).

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)».

Т а б л и ц а. Распределение предметов вооружения по погребениям

№ погр.	Стрелы				Топор						Копье				Комплекс орудий	Конское снаряжение
	Справа	Слева	В ногах	В изголовье	СЗ угол	СВ угол	ЮЗ угол	ЮВ угол	Слева	Справа	Слева	Справа	В ногах	В изголовье		
21	3															
23	2															
36			1		+											
37								+								
49		2									+				+	
55		2														
56			1													
59		4						+							+	
61		5									+				+	
63		7														
65			1												+	+
67			1													
70			1													
73		2														
78			1					+			+				+	
82		3														
88			1													
90			1													+
93		3														
96		2														
98		2													+	
99			1												+	
102			1					+								
103		2														
108			2													
110		3						+								
111			1													
116			2													
117			2					+								
118		3														
119								+								
120			1												+	
121			1													+
124		6														
125			1													
134		2														
139		1							+							
141			1			+										
149	1								+							

Продолжение таблицы

№ погр.	Стрелы				Топор						Копье				Комплекс орудий	Конское снаряжение
	Справа	Слева	В ногах	В изголовье	СЗ угол	СВ угол	ЮЗ угол	ЮВ угол	Слева	Справа	Слева	Справа	В ногах	В изголовье		
150			1							+						
152	2															
153	3															
161	3															
169													+			
179б			1					+							+	
180										+						
184		2														
185						+										
193	2					+										
196				3(ж)												
197		1														
199			1													+
203			1													
207		3														
216							+								+	
219		1														
221		1														
225													+			
227					+											
231								+								
232	1											+				+
233		5														
234а			2					+							+	
237	2															
239									+		+	+				
242														+		+
245		1														
247		4					+									
249		2													+	
250		6													+	+
251		4														
257			1		+										+	
258														+		
259	1														+	
262	2						+									
263			2		+											
264б			1										+		+	
265	3									+						

Окончание таблицы

№ погр.	Стрелы				Топор						Копье				Комплекс орудий	Конское снаряжение
	Справа	Слева	В ногах	В изголовье	СЗ угол	СВ угол	ЮЗ угол	ЮВ угол	Слева	Справа	Слева	Справа	В ногах	В изголовье		
266		1														+
270		2														+
271														+		
273	1															
274		2														
279		1														
319		3														
322							+									
323	1	1														
325			1			+										
330										+				+		+
336				1					+							
341		3														
344								+								
347	7					+										
348		2														
354									+			+				+

Наиболее массовой категорией являются наконечники стрел (181 экз. в 78 погребениях). Они содержались в погребальном инвентаре в количестве от 1 до 7: в 34 погребениях (10 %) — 1 экз., в 23 (6,7 %) — 2 экз., в 12 (3,5 %) — 3 экз. и только в девяти (2,6 %) — от 4 до 7 экземпляров. В случаях, когда присутствовало более одного наконечника, они, как правило, образовывали компактные скопления, что свидетельствует об их вероятном нахождении в колчане. Наконечники стрел размещались либо справа от погребенного (15 погребений), либо слева (35), как правило — остриями к изголовью могильной ямы. В 26 погребениях наконечники (обычно, в количестве 1–2 экз.) располагались в ногах погребенного, и только в двух случаях — в изголовье (причем одно погребение с таким расположением наконечников стрел по составу погребального инвентаря определено как женское).

На рис. 1(1–3) наконечники стрел скомпонованы не по типам, а по комплексам погребений, чтобы можно было наглядно представить состав колчанных наборов X–XI вв. Все наконечники стрел, обнаруженные в погребениях — железные черешковые. Отсутствие костяных наконечников может объясняться очень плохой сохранностью кости на памятнике.

Подавляющее большинство наконечников имеют плоское перо в виде ромба разных пропорций или в виде вытянутой линзы (169 экз. — 93 %). Они подразделяются исследователями на разные типы и варианты (напр.: Белавин, Данич 2006), но для нас важно, что функционально все они предназначались для поражения

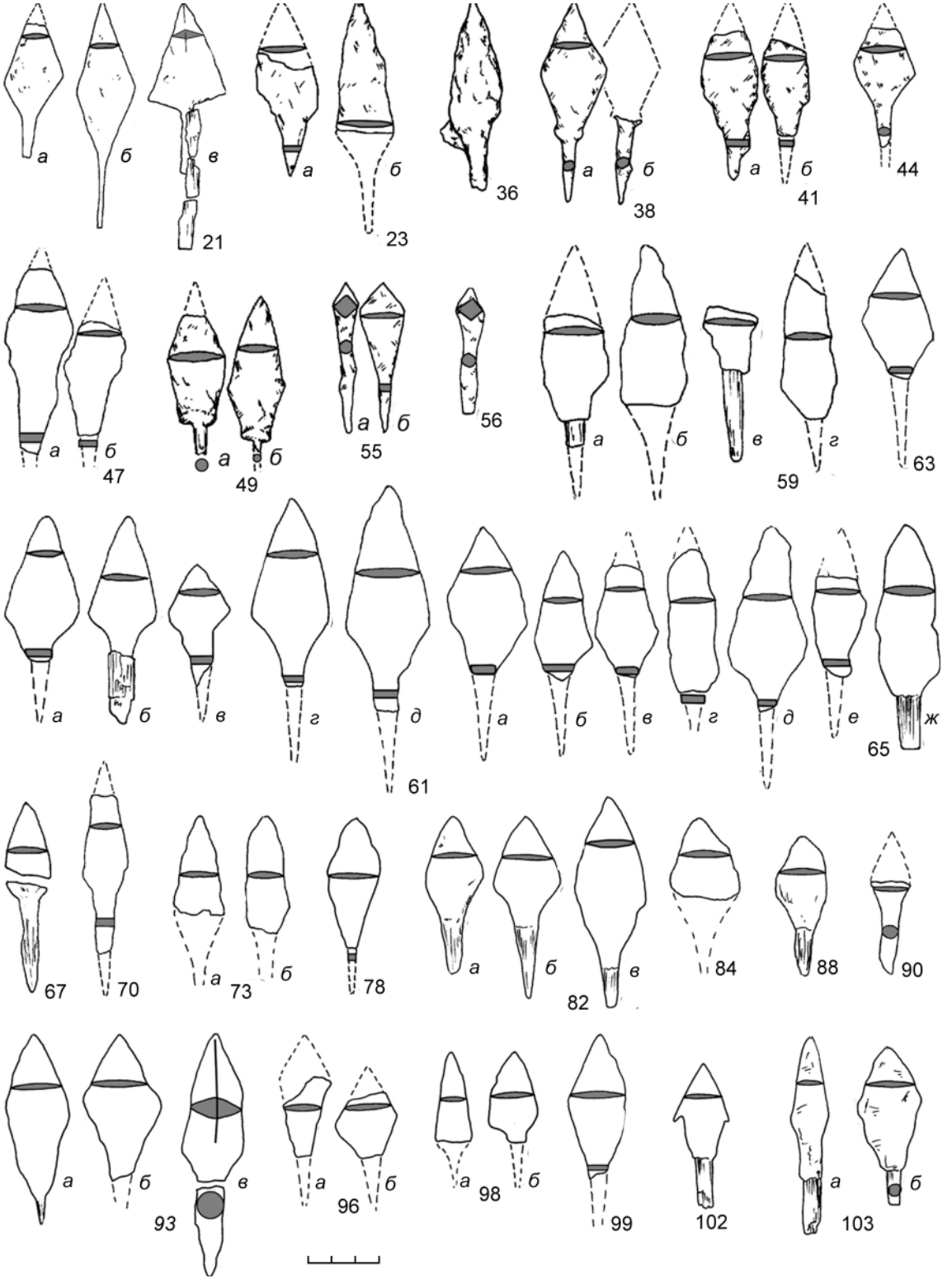

Рис. 1 (1). Наконечники стрел Рождественского могильника (на рис. 1–3 номера соответствуют номерам погребений)

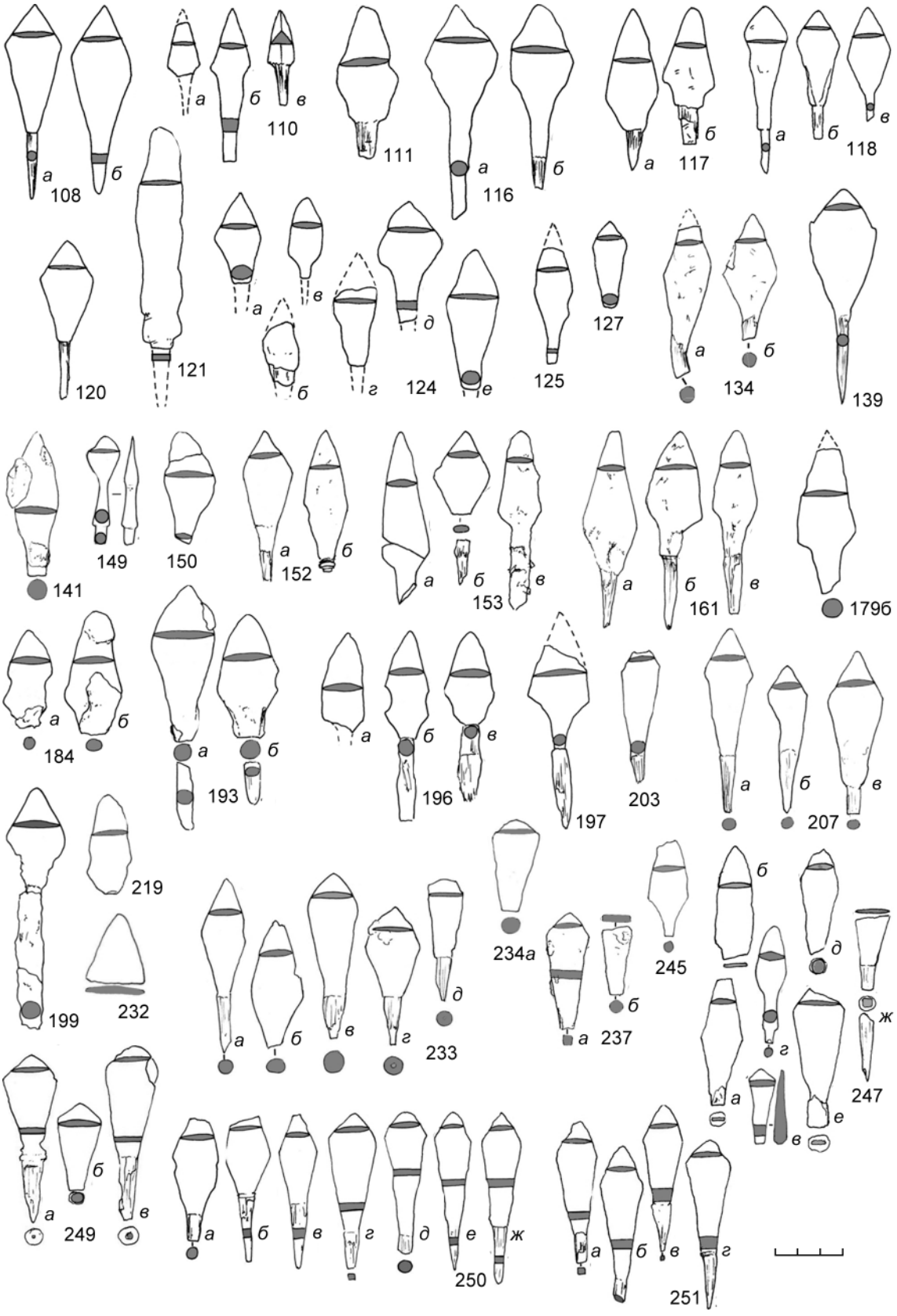

Рис. 1 (2). Наконечники стрел Рождественского могильника

незащищенного панцирем противника или для охоты. Среди наконечников с плоским пером выделяются также два двурогих срезня (погр. 257, 263а) и два треугольных срезня (погр. 233д, 341б) без упора (2 %).

Бронебойные наконечники стрел представлены единичными находками (8 экз. — 4 %). Среди них присутствуют наконечники с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбовидного сечения X–XI вв. (погр. 55а, 56), килевидный сплющенный с прямоугольными плечиками IX–XIV вв. (погр. 93в), треугольный треугольного сечения без упора (погр. 110в), шиловидные ромбического сечения (погр. 319в, 341а), долотовидные (погр. 247в, 263б) (Данич 2011: 100–103). Только в трех погребениях с находками бронебойных наконечников стрел (погр. 110, 247, 263) в составе инвентаря был еще и топор, то есть нет оснований связывать наконечники стрел с вооружением профессиональных воинов.

На втором месте по встречаемости находятся топоры (34 экз.). При почти полном отсутствии клинкового оружия в захоронениях Рождественского могильника[2] здесь топор являлся своеобразным символом особого социального статуса: топоры нередко находятся в составе богатых погребальных комплексов, в том числе с наличием предметов из драгоценных металлов. Топоры обычно размещались (табл. 1) в одном из углов могильной ямы (в изголовье в северо-западном углу — 4, в северо-восточном углу — 5; в ногах в юго-западном углу — 4, в юго-восточном углу — 11). Особая система здесь не прослеживается, отмечается лишь преобладание

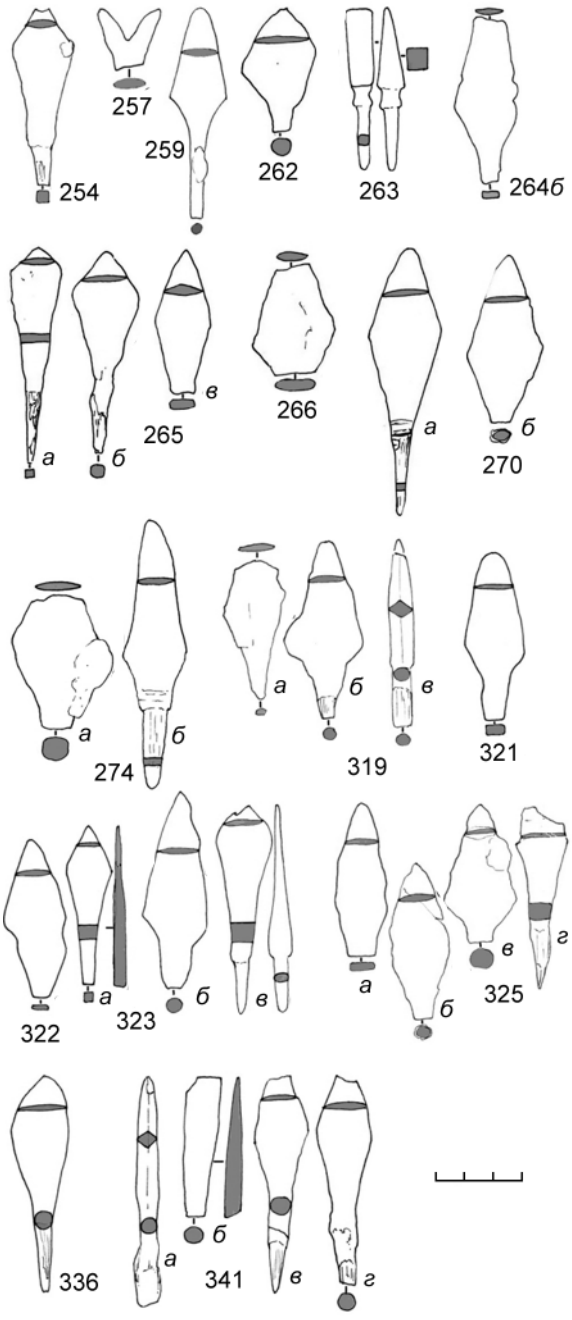

Рис. 1 (3). Наконечники стрел Рождественского могильника

[2] По сравнению, к примеру, с Баяновским могильником X в., где в значительной части погребений присутствуют сабли, сопровождающиеся другими видами оружия и элементами конского снаряжения, что может свидетельствовать о наличии профессиональных воинов-дружинников.

расположения в юго-восточном углу в ногах погребенного. Реже топоры помещались в районе пояса погребенного (слева — 5, справа — 4). В некоторых случаях прослеживается, что топор был воткнут лезвием в дно могильной ямы.

Большинство топоров (21 экз. — 61,7 %) принадлежит к типу широколезвийных (бородовидных) топоров с выемкой, опущенным лезвием, преимущественно прямой верхней гранью, с округлым или уплощенным обухом, подтреугольной или овальной втулкой (рис. 2: погр. 78, 102, 110, 117, 119, 139, 141, 149, 150, 193, 216, 227, 231, 247, 257, 262, 263, 322, 330, 344, 347). Обычно считается, что такие топоры использовались при обработке древесины как столярно-бондарный инструмент, а топоры меньшего веса могли применяться и как боевые (Данич 2015: 79). Представленные на Рождественском городище топоры имеют вес в пределах 400–600 г и вполне могли использоваться для боевых целей, но, вероятнее всего, являлись универсальными.

Единичными экземплярами среди проушных топоров представлены чеканы с узким треугольным лезвием и молоточковидным обушком квадратного сечения (рис. 2: погр. 179б, 180), чеканы с выемкой, опущенным секировидным лезвием, округлыми щековицами (рис. 2: погр. 325, 354), которые имели в большей степени боевое назначение (Данич 2015: 74–75).

Достаточно распространенными на могильнике (9 экз. — 26,5 %) являются втульчатые топоры-кельты (рис. 2: погр. 36, 37, 59, 120, 134а, 185, 239, 265, 336), которые принято относить к рабочим (Данич 2015: 80), хотя нельзя исключать и возможность их использования в боевых целях.

Реже в составе погребального инвентаря присутствуют наконечники копий (11 экз.) и втоки (5 экз.), которые происходят из 14 погребений, при этом только дважды (погр. 234а и 239) отмечено сочетание наконечника копья и втока. Наконечники копий чаще всего размещались слева (погр. 49, 61, 78) или справа (погр. 232, 254) от погребенного, обычно острием к ногам, а также в изголовье (погр. 242, 271, 330) или в ногах (погр. 264б). Втоки размещались в ногах (погр. 169, 225) или в изголовье (погр. 358). В погребении 234а фрагмент втока обнаружен в составе жертвенного комплекса, содержавшего ремесленные инструменты, который находился у северо-восточного угла могильной ямы, а наконечник копья — в ногах, в составе комплекса хозяйственных орудий, характерного для целого ряда мужских погребений Рождественского могильника, и в целом для ломоватовской культуры (Крыласова, Белавин 2015). Наиболее показательным является расположение наконечника копья и втока в погребении 239 — наконечник копья был уложен справа от погребенного острием к ногам, а вток — слева острием к изголовью; таким образом, можно предположить, что слишком длинное для помещения в могилу древко копья переламывалось, и его части укладывались вдоль боковых стенок могильной ямы.

Среди наконечников копий большинство (7 экз.) составляют двушипные (рис. 3: погр. 49, 61, 78, 239, 264б, 272, 354) с втулкой длиной от 10 до 28 см, диаметром 2–3,5 см. Многие исследователи, в том числе А. Н. Кирпичников, считают, что такие наконечники являются в основном охотничьим оружием (Кирпичников 1966: 18). Но существует и другая точка зрения, согласно которой копья с двушипными наконечниками могли служить и для военных целей (Измайлов 1997: 73; Данич 2010: 25). Два наконечника с ромбическим уплощенным пером, более миниатюрных по сравнению с двушипными, имели втулку длиной 4–9,5 см диаметром 1,5 см (рис. 3:

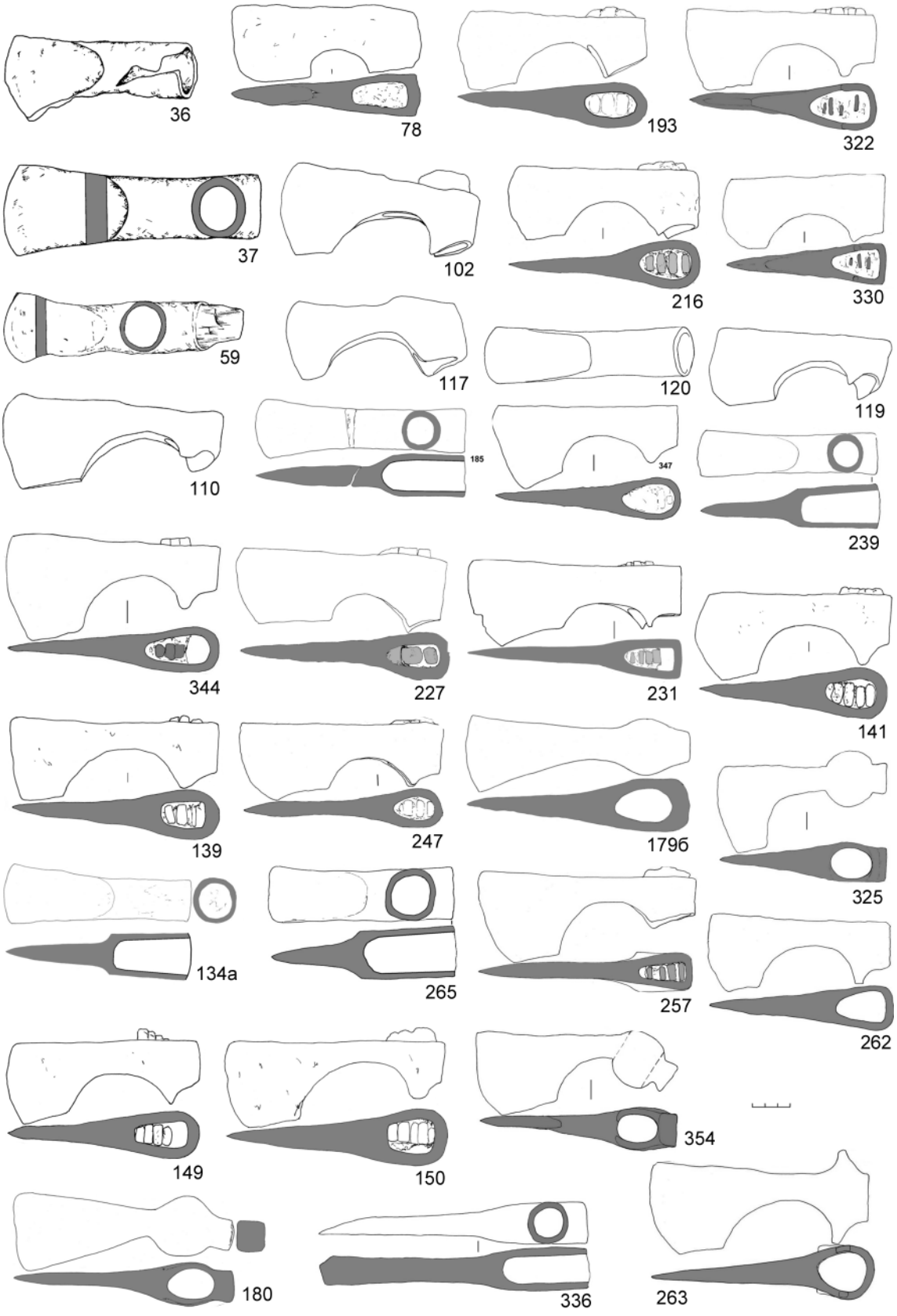

Рис. 2. Топоры Рождественского могильника

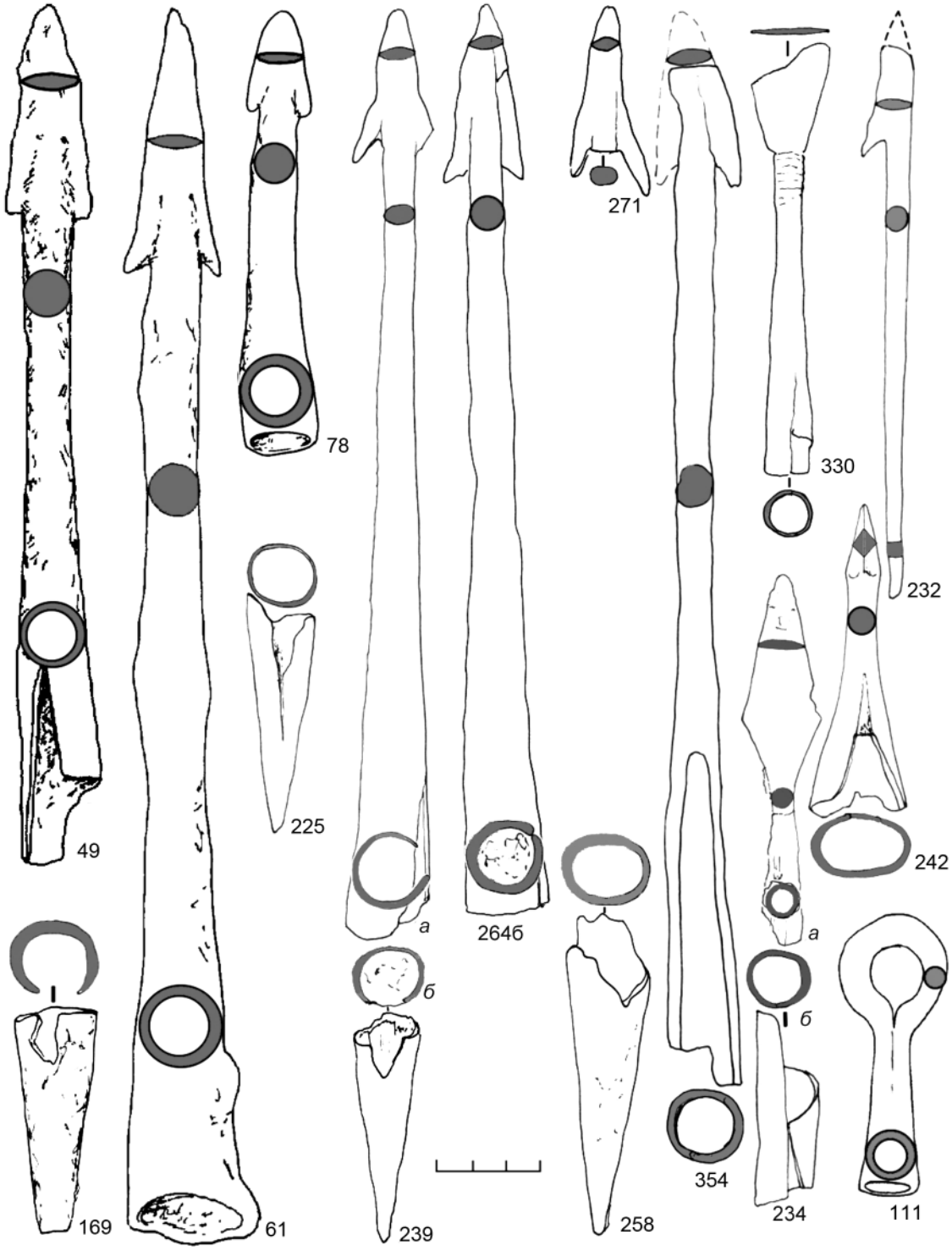

Рис. 3. Наконечники копий, втоки, деталь кистеня из Рождественского могильника

погр. 234а, 330); эти наконечники, очевидно, предназначались для легких дротиков (сулиц) — метательных копий. В составе древнерусских сулиц А. Н. Кирпичниковым выделены и ромбовидные, аналогичные наконечникам, найденным на Рождественском могильнике (Кирпичников 1966: табл. X, *7–8*). Особо выделяется сравнительно небольшой наконечник с граненой головкой ромбического сечения и мощной втулкой длиной 7 см и диаметром 4,7 см (рис. 3: погр. 242). Судя по форме головки, он предназначался для пробивания доспехов противника, а большой диаметр втулки свидетельствует о наличии мощного толстого древка, способного выдержать значительное напряжение. Единственный черешковый наконечник с одношипным пером является наконечником гарпуна (рис. 3: погр. 232), которым могли бить рыбу вручную или метать как дротик.

Кроме указанных видов вооружения в единственном экземпляре найдена железная втулка длиной 5 см диаметром 1,8 см с петлей на конце диаметром 3,2 см (рис. 3: погр. 111). Предположительно, она могла являться деталью кистеня. А. Н. Кирпичников отмечает, что гири кистеней привязывались ремнем, веревкой (реже цепью) к короткой палке или просто к руке, но приводит также описание найденной при раскопках Донецкого городища железной конической втулки с петлей на конце, служившей, по-видимому, для прикрепления подвешенной на ремне гири к деревянной рукояти (Кирпичников 1966: 58). Судя по описанию, втулка с петлей, обнаруженная на Рождественском могильнике, полностью аналогична этой находке.

Пока в единственном экземпляре (погр. 325) обнаружена сабля. Погребение, из которого она происходит, по ряду признаков было определено как кенотаф. В центре его располагался сверток, перетянутый ремнем с серебряными накладками. Внутри свертка находились четыре обломка клинка сабли с долом (рис. 4), три наконечника стрел, нож, серебряная рукоять плетки, а также завернутые в согнутую серебряную погребальную маску затыльник деревянной рукояти сабли, обтянутый серебряной пластиной с серебряным орнаментированным грушевидным навершием, разрубленная пополам серебряная трапециевидная подвеска и крупная бронзовая поясная пряжка с изображением медведя в ритуальной позе. Предметы вооружения, находившиеся в свертке, не включены в таблицу, поскольку занимали нетипичное положение, в отличие от топорика-чекана, расположенного в изголовье, и наконечника стрелы

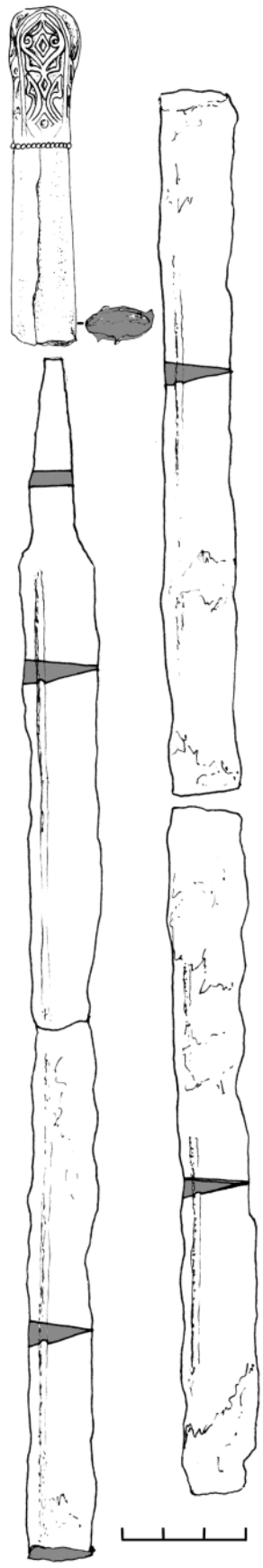

Рис. 4. Сабля из п. 325 Рождественского могильника

Рис. 5. План расположения погребений с оружием на изученной части Рождественского могильника: *а* — погребения с одной категорией вооружения; *б* — погребения с двумя категориями вооружения; *в* — погребения с тремя категориями вооружения

в ногах погребения. Предположительно, данное погребение, представлявшее собой символическое захоронение первой половины XI в., содержало предметы, принадлежавшие мужчине-воину, представителю социальной элиты — дружиннику или даже вождю (Крыласова и др. 2017).

Интересную информацию дает анализ планиграфического распространения погребений с деталями вооружения на площадке могильника (рис. 5). По имеющимся данным сформировалось представления о том, что ряды погребений, вытянутые вдоль течения р. Обва, содержали семейные захоронения. Погребения с одним видом вооружения (рис. 5, *1*) распределяются примерно равномерно по всем рядам (за исключением северо-западного участка могильника, где концентрировались бедные захоронения). Погребения с двумя (рис. 5, *2*) и тремя (рис. 5, *3*) видами оружия концентрируются в одном ряду примерно в центре изученной части памятника, где прослеживались и наиболее «богатые» комплексы с наличием изделий из драгоценных металлов. Но в остальном погребения, где присутствует более одного

вида оружия, образуют группы, вытянутые перпендикулярно рядам. Подобная ситуация прослеживалась и с погребениями, содержавшими комплексы хозяйственных и ремесленных инструментов (Крыласова, Белавин 2015), и с погребениями, содержавшими «комплекс коня» (Крыласова 2017). Создается впечатление, что на могильнике были выделены определенные зоны для захоронения людей разного социального и общественного статуса. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что при наличии следов наземных сооружений нередко прослеживается взаимоперекрытие погребений; отдельные погребения буквально «втискивались» между совершенными ранее захоронениями, в то время как в этих же рядах имелись свободные пространства — это, вероятно, было необходимо для того, чтобы погребенный оказался в той «зоне» могильника, которая соответствовала его общественному статусу (Крыласова 2017: 48).

В целом проведенный анализ показывает, что, с одной стороны, по составу предметов вооружения рассматриваемый могильник (и, соответственно, территория, на которой он расположен), может быть сравним с выделенной А. Н. Кирпичниковым зоной русско-чудских областей, где отмечается соседство могил с копьями и стрелами при значительном преобладании комплексов с боевыми топорами (Кирпичников 1971: 44). С другой стороны, чисто «военных» комплексов, за исключением комплекса из п. 325, на могильнике выделить нельзя. Обнаруженные предметы вооружения преимущественно имели универсальное назначение, и в одинаковой степени могли использоваться для хозяйственных и военных целей. Это может объясняться, отчасти, тем, что Рождественское городище располагалось в глубине территории на р. Обва, возле устья которой при впадении в р. Кама известно несколько городищ, которые могли обеспечивать оборону. Само городище было достаточно защищено, кроме того, сопровождалось малым городищем — цитаделью (Филипповское). Функционирование городища как торгово-ремесленной фактории булгар определяло род деятельности основной части населения, среди которого преобладали ремесленники, охотники-промысловики, люди, занимавшиеся обеспечением населения продуктами питания, торговцы. Как отмечает А. Н. Кирпичников, «нельзя исключить того, что некоторые погребения с копьями, топорами и стрелами, частями конской сбруи связаны не только с воинами, но и с купцами, ремесленниками, охотниками, пахарями и другими невоенными людьми» (Кирпичников 1971: 42). Однако, учитывая своеобразную зонированность Рождественского могильника, нельзя исключать, что в какой-то его части обнаружится группа погребений профессиональных воинов. В пользу этого предположения может свидетельствовать выявленное погребение, сопровождавшееся клинковым оружием.

Литература

Белавин, Данич 2006 — *Белавин А. М., Данич А. В.* Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. Вып. I. С. 25–36.

Белавин, Крыласова 2008 — *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения РАН, 2008. 603 с.

Данич 2010 — *Данич А. В.* Наконечники копий на территории Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2010. Вып. 3. С. 20–43.

Данич 2011 — *Данич А. В.* Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 98–115.

Данич 2015 — *Данич А. В.* Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 71–124.

Измайлов 1997 — *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань; Магадан: Северо-восточный НЦ Дальневосточного отделения РАН, 1997. 212 с.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. Л.: Наука, 1966. 89 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 147 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Крыласова 2017 — *Крыласова Н. Б.* Конь и элементы конской сбруи в погребальном обряде Рождественского могильника в Пермском крае // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 45−55.

Крыласова, Белавин 2015 — *Крыласова Н. Б., Белавин А. М.* Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 6 (361). С. 16–27.

Крыласова и др. 2017 — *Крыласова Н. Б., Белавин А. М., Подосенова Ю. А.* Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник Пермского научного центра. 2017. № 4. С. 91–99.

Ю. А. Кулешов
(Москва)

Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)

В экспозиции Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса, Республика Марий-Эл, выставлен ранее непубликовавшийся шлем[1]. Он представляет собой боевое наголовье сферо-конической формы с козырьком (высота — 23 см, диаметр — 22 см, вес — 855 г). На вершине шлема имеется отверстие (0,4 × 0,8 см), края которого опущены внутрь шлема под углом 90°. Шлем изготовлен из листового железа, свернутого в конус и сваренного кузнечной сваркой. Границы шва отчетливо не просматриваются, так как металл в области сварки был разогнан ковкой, но с большой долей вероятности можно предполагать, что он располагался в лицевой части шлема, так как здесь читаются следы нахлеста. Границы шва по торцу шлема определяются от середины козырька, до правого виска. При этом на тулье в районе правого основания козырька, чуть выше середины, присутствует участок с расслоением металла: верхний слой частично разрушен коррозией, под ним расположен второй слой. Края верхнего слоя приподняты, так что в этом месте произошло вздутие между слоями. Это так называемый *непровар*, то есть участок, где не произошла сварка поверхностей. Как правило, это вызвано или некачественной обработкой свариваемых поверхностей флюсом, или плохой очисткой поверхностей от шлаков, вследствие чего он заковывается внутрь соединения (Шмаков 1990: 144). Видимо, в нашем случае имел место второй вариант.

Далее получившейся заготовке была придана форма и вытянут козырек. Последний имеет сильный изгиб со сглаженным ребром по центру, при этом его край расположен на одном уровне с краем шлема. Примечательна технология формирования козырька. Сначала в лицевой части шлема снизу, на высоте до 2,5 см, видимо на верстаке, на участке длиной 6 см металл был вогнут внутрь тульи, тем самым низ шлема здесь выгнулся наружу. Из этого отогнутого участка и был откован козырек. На это указывает отгиб стенок шлема с обеих сторон козырька под более острым углом, чем сам козырек. Его размеры: длина — 6 см, максимальная ширина — 3 см, максимальная высота — 2,5 см, отгиб под углом 45°. По нижнему краю шлема, по всей окружности, включая козырек, располагается 21 отверстие для фиксации подкладки.

[1] Инв. № КП 9103.

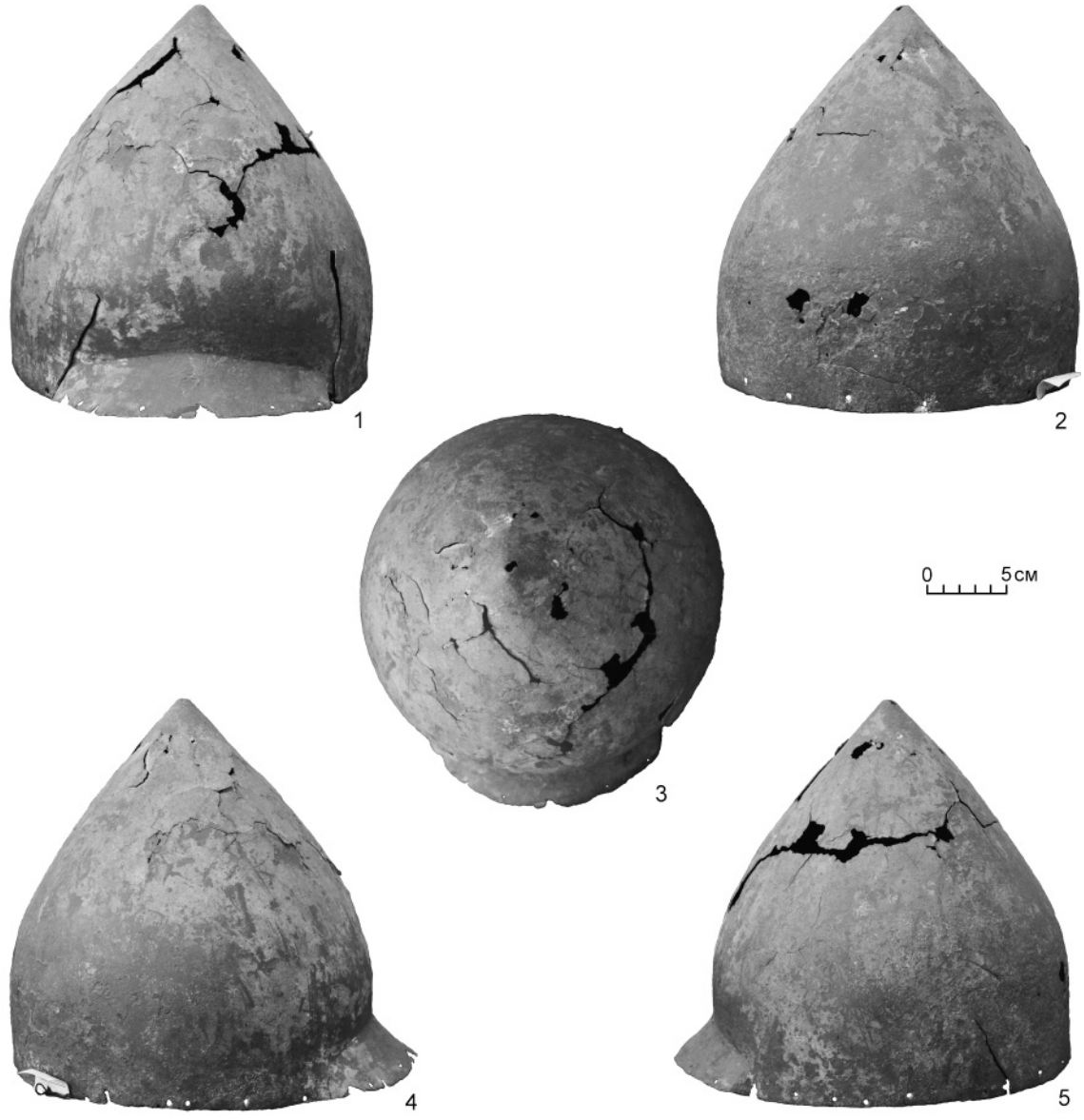

Рис. 1. Шлем из Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса, Республика Марий-Эл: 1 — вид спереди; 2 — вид сзади; 3 — вид сверху; 4 — вид справа; 5 — вид слева

Проделаны они не совсем ровно, расположены на разной высоте и на разном удалении друг от друга. При этом у всех отверстий одинаковый диаметр — 0,2 см. На основании того, что на козырьке диаметр отверстий такой же, как и по всей окружности, можно утверждать, что проделаны отверстия были после выколотки козырька.

Состояние шлема в разных его частях различается — с одной стороны поверхность шлема не сильно подвергнута коррозии, а с другой стороны во многих местах металл лопнул (видимо, это указывает на то, что шлем был прокален). На ряде трещин, уже из-за коррозии, образовались небольшие дыры. В районе правого виска металл расслаивается. На затылке, чуть со смещением вправо, ближе к верху шлема, имеется след от удара (рис. 1, *1–5*).

Появление описанного шлема в музейной коллекции связано с деятельностью известного советского художника А. В. Григорьева по повышению культуры только что образованной Марийской автономной области, которую он развернул будучи назначенным в 1920 г. председателем Козьмодемьянского уездного комитета РКП(б). В записи о поступлении шлема указано, что он поступил из музейного фонда Главнауки в 1920 г. Другая информация о его происхождении и датировке в описях и инвентарных книгах Музейного комплекса отсутствует[2].

Шлемы с козырьком для Восточной Европы периода позднего средневековья прочно ассоциируются с золотоордынским комплексом вооружения (Нарожный, Нарожный 2013: 306–311). Изначально козырек на шлемах появился на Дальнем Востоке, где он был заимствован монголами в ходе их завоевания Империи Цзинь (Кулешов, Гусынин 2012: 33–50). На территорию Восточной Европы козырек как дополнительный защитный элемент боевых наголовий был занесен монголо-татарами в ходе их нашествия на Запад (Кулешов 2017: 537–558). В дальнейшем шлемы с козырьками прочно вошли в золотоордынский комплекс вооружения. На сегодняшний день мы можем констатировать, что в ряду ордынских боевых наголовий это один из наиболее распространенных типов шлемов, и находки таких шлемов отмечены на всей территории Золотой Орды.

Помимо Золотой Орды подобные боевые наголовья встречаются в погребениях вайнахов XIV — первой половины XV в., но комплекс вооружения последних был аналогичным ордынскому (Чахкиев 1994: 14–15).

В настоящее время выделяются две группы шлемов с козырьком Золотой Орды. *Ранняя группа* возникла под влиянием шлемов «цзиньского» типа. Вследствие этого она несет специфические признаки конструктивного и декоративного оформления (Кулешов 2017: 537–558). Находки этой группы не выходят за верхнюю границу первой трети XIV в. *Поздняя группа*, в которой козырек уже был видоизменен и вошел в конструкции шлемов, более характерных для Восточной Европы. Эта группа, предположительно, бытует до первых десятилетий XV в. Публикуемый шлем относится именно к последней группе. Мы располагаем информацией о 30 шлемах, которые относятся к этой группе. К сожалению, третья часть из них происходит из браконьерских раскопок, и контекст их находки для нас утрачен навсегда. Из остальных находок в научный оборот введена только половина.

Территориально находки шлемов с козырьками распределяются следующим образом.

Венгрия: Будапешт (1 экз.), случайная находка в русле р. Дунай (Boncz 1885: 373–374).

Украина: Николаевские обл., р-н (2 экз., опубликован один), могильник Ковалевка IV, курган 6/1 (Ковпаненко и др. 2005: 383, рис. 49, *1*); Кировоградская обл., Голованевский р-н (1 экз.), могильник близ с. Межеречка, курган 4 (Смирнов 1896: 171); Днепропетровские обл., р-н (1 экз.), могильник у с. Николаевка, курган 2 (Шалобудов 1984: 169, 172, рис. 1, *9*); Херсонская область (1 экз.); Запорожская область (1 экз.).

[2] Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить директора Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса Н. В. Суетенкову за предоставленную возможность опубликовать предмет и сотрудника музейного комплекса С. А. Кузнецову за помощь в подготовке публикации.

Российская Федерация: Белгородская обл. (1 экз.); Липецкая обл. (1 экз.); Воронежская обл., Каширский р-н (2 экз.), могильник близ с. Олень-Колодезь, курган 7 (Ефимов 1999: 97, 95, рис. 2, *2*); могильник Высокая гора близ г. Богучар курган 2 (Кравец и др. 2000: 116, 121, рис. 4, *15*); Краснодарский край (11 экз., опубликованы четыре), Калининский р-н, могильник близ хут. Малаи, курган 3/1 (Анфимов, Зеленский 2002: 68–69, рис. 1); могильник в Калининском р-не, курган 13/1 (Нарожный, Чхаидзе 2012: 103–104, рис. 1, *2*); могильник Коллекторский, курган 2/14 (Чхаидзе, Дружинина 2010: 120, 123, рис. 6, *3*); из грабительских раскопок, в публикации отмечено, что шлем случайно найден в Башкирии[3] (Горелик 2012: 88, 98, рис. 4, *б*); Ставропольский край, Александровский район (1 экз.), Калиновский могильник, курган 10 (Чхаидзе, Дружинина 2008: 82–83, рис. 3, *6*); Республика Ингушетия (7 экз., опубликованы четыре), склеп № 2 у поселка Верхний Лейми (Чахкиев 1985: 95–97, рис. 11, *1*); склеп № 1 близ поселка Верхний Оздик (Чахкиев 1990: 95–97, рис. 11, *1*); каменный ящик № 1 Паметского могильника (Чахкиев 1998: 16, 26, рис. 2, *1*); каменный ящик № 67 Келийского могильника (Нарожный, Нарожный 2012: 175, 177, рис. 2).

Несмотря на внешнее сходство с приведенными аналогиями, публикуемый шлем имеет очень серьезные конструктивные отличия от большинства из них. Практически все вышеперечисленные находки изготовлены из нескольких частей — отдельного высокого венца и дву- или четырехчастной, реже свернутой в виде воронки, тульи. Исключениями являются четыре шлема: из русла р. Дунай в черте Будапешта, из Липецкой области, из кургана 13/1 могильника в Калининском районе Краснодарского края и еще одна неопубликованная находка оттуда же.

Остановимся подробнее на конструкции шлемов. Шлем из русла р. Дунай — это боевое наголовье ярко выраженной цилиндро-конический формы с выгнутым, но при этом слегка приподнятым козырьком. Вся поверхность шлема богато украшена гравировкой, показывающей несколько сюжетных линий (рис. 2, *4–5*). Сам он целиком свернут из одного листа и сварен кузнечной сваркой, шов расположен на затылке. На это указывает расслоение металла сверху, по краю технологического отверстия (рис. 2, *3*)[4].

Шлем из Липецкой области представляет собой боевое наголовье сферо-конической формы с чуть выгнутым козырьком. Купол шлема граненый, разделен прочеканенными вертикальными ребрами на 8 секторов. Сам он целиком свернут из одного листа и соединен пайкой латунным припоем. Шов у него расположен на правой стороне. Ранее шлем не публиковался, он был найден браконьерами в Задонском районе области, в лесу, в 1,5 км на юг от с. Верхнее Казачье (рис. 3, *1–2*).

Шлем из кургана 13/1 могильника в Калининском районе Краснодарского края представляет собой боевое наголовье сферо-конической формы с приподнятым сильно выгнутым козырьком (рис. 3, *4–5*). Согласно данным публикации, шлем является цельнокованым (Нарожный, Чхаидзе 2012: 104). Так как в статье сказано, что часть материалов погребения утрачена, видимо, это касается и шлема, исходя

[3] Как позднее выяснилось, данное боевое оголовье было вывезено контрабандным путем и продано на аукционе Sotheby's (Hales 2013, 324. №782).

[4] Ранее мы ошибочно полагали, что данная находка является цельнокованной (Кулешов 2018: 195).

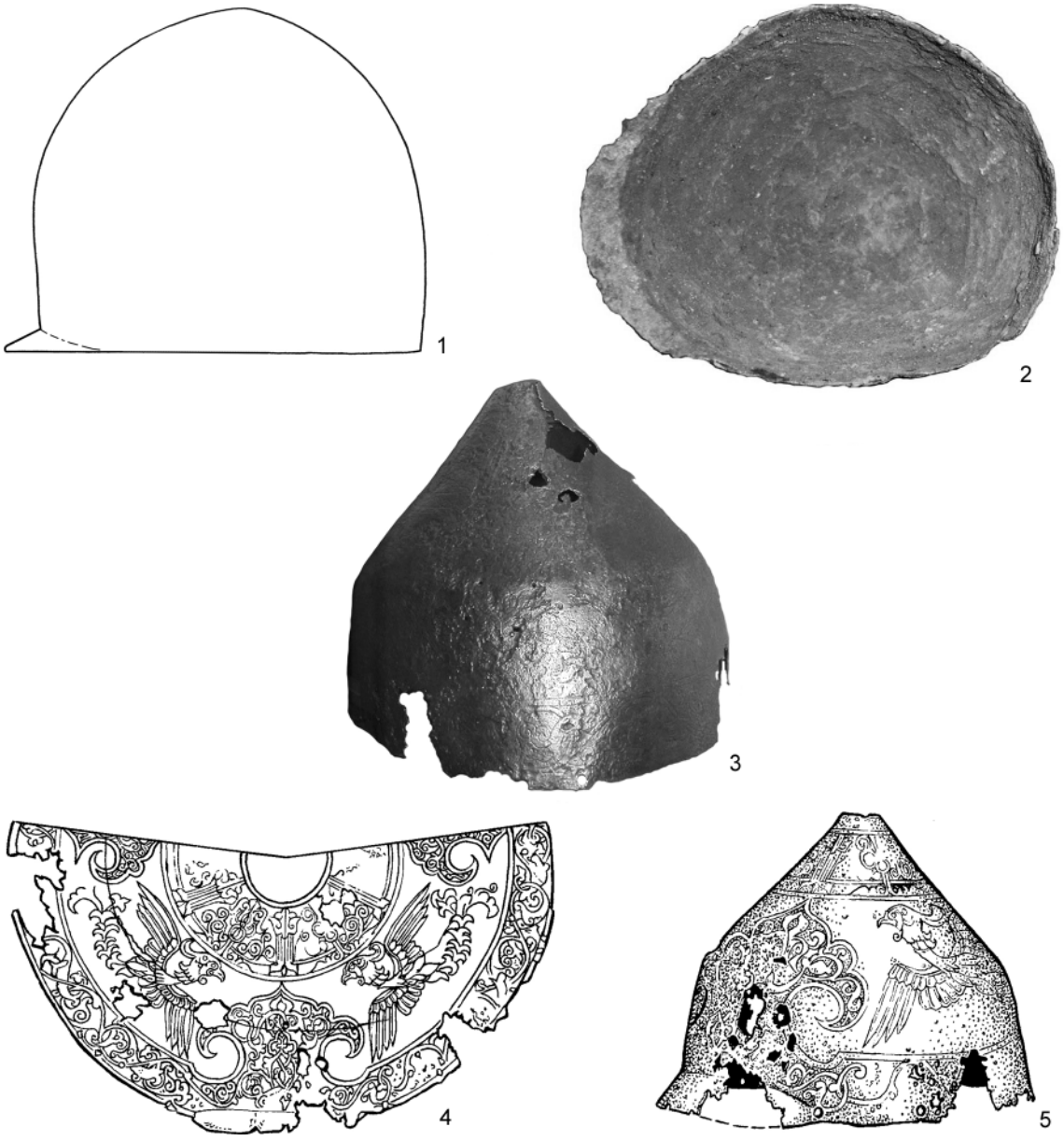

Рис. 2. 1 — шлем из Краснодарского края, общий вид (художник А. С. Дементьева); 2 — шлем из Краснодарского края, вид изнутри; 3 — шлем из русла р. Дунай, вид сзади; 4 — шлем из русла р. Дунай, разворот орнамента (художник Л. А. Бобров); 5 — шлем из русла р. Дунай, общий вид (художник Л. А. Бобров)

из того, что ее авторы не приводят метрических характеристик находки (Нарожный, Чхаидзе 2012: 102, 104). В таком случае, это утверждение может являться ошибкой, так как автор раскопок из-за наличия коррозии мог просто не рассмотреть присутствие швов. Но если обратиться к прорисовке шлема, то обращает на себя внимание усадка стенок купола, а этот нюанс характерен для цельнокованых шлемов, изготовленных в технике райзинга — внешней выколотки. По этому в данном случае мы доверимся приведенным данным, хотя ранее и высказали сомнения в их достоверности (Кулешов 2018а: 195).

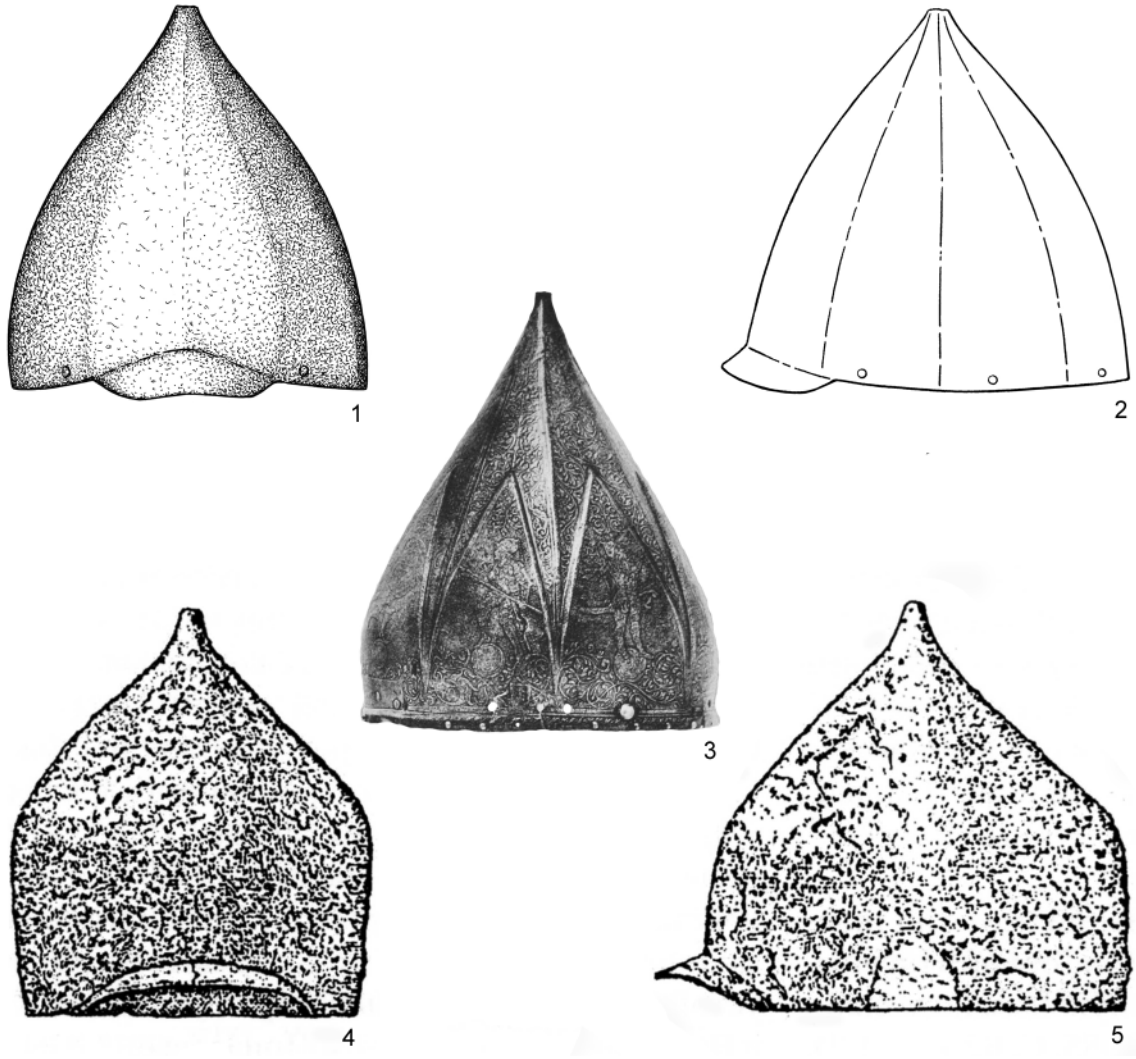

Рис. 3. 1 — шлем из Липецкой оласти, общий вид (художник А. С. Дементьева); 2 — шлем из Липецкой области (художник А. С. Дементьева); 3 — шлем XVI в. работы Нюрнбергских мастерских, козырёк и наносник-стрелка демонтированы (по: Kienbusch 1963); 4–5 — шлем из кургана 13/1 могильника в Калининском районе Краснодарского края (по: Нарожный, Чхаидзе 2012)

Второй шлем из Краснодарского края представляет собой боевое наголовье цилиндро-сферической формы с плоским козырьком. Он изготовлен в технике доуминга[5] — выколачивание изнутри, зачастую в форму. Ранее он не публиковался, происходит из браконьерских раскопок (рис. 2, *1–2*).

Таким образом, в технологическом плане наиболее близки к публикуемому шлему находки из Будапешта и Липецкой обл. Первую из них мы ранее датировали на основании построения композиций орнамента рубежом XIII–XIV вв. (Кулешов 2014: 143–144), а сам орнамент атрибутировали как мамлюкский (Кулешов 2018а: 195–197). Датировка была предложена с опорой на датировку позднейших шлемов

[5] Мы сознательно используем английские термины, так как с отечественными возникает постоянная путаница и у разных авторов они могут обозначать разные операции.

с полумасками (тип 4, по А. Н. Кирпичникову, см.: Кирпичников 1971: 24, рис. 8), на которых присутствуют схожие орнаментальные композиции (Кулешов 2018б: 140–143). В свете новых находок верхние границы бытования рассматриваемых наголовий сдвинулись более чем на 50 лет, и сейчас мы можем утверждать, что группа шлемов с полумасками бытовала еще в третьей четверти XIV в. (Каинов, Кулешов 2014: 94). Таким образом, датировку шлема из русла р. Дунай можно сдвинуть до рубежа третьей и последней четверти XIV в.

Что касается находки из Липецкой обл., то она внешне очень близка группе шлемов, бытовавшей в Восточной Европе в период раннего нового времени. Речь идет о серии боевых наголовий, купол которых разделен на восемь граней прочеканенными ребрами, а сами шлемы снабжены накладными козырьками с подвижным наносником-стрелкой (рис. 3, *3*). Как правило, данные шлемы богато украшены чеканкой и зачастую орнаментированы травлением (Carpegna 1969: 19, № 91; Kienbusch 1963: Taf. LII, № 89–90; Meyer 1937: 179–180; Pomodoro 2000: 15, № 3). Их связывают то с венграми (Kalmár 1971: 275–276, Кер. 49–50; *Kovács 2010*: 231, 233, Кер. 133–134), то с московитами (Солнцев 1853: 25–26, № 22, 24; Gembarzewski 1937: 243), то с турками (Hales 2013: 359, № 863; Rabovyanov, Menkov 2017: 95, Fig. 14). Между тем они определенно связаны с оружейными мастерскими в Аугсбурге и Нюрнберге, где производство таких шлемов было массово налажено в XVI в. специально для восточноевропейского рынка (Kienbusch 1963: 71). Эта преемственность перешла к оружейным мануфактурам Южной Германии от итальянских морских республик (Williams 1997: 371), которые были основными оружейными импортерами в Северное Причерноморье, включая Золотою Орду, начиная с конца XIII в. (Кулешов 2010: 90–91).

По-видимому, схема, использованная на находке из Липецкой обл. и устоявшаяся к XVI в. у европейских бронников при производстве шлемов для восточноевропейского рынка, появилась где-то в северочерноморских факториях. В пользу этого свидетельствует граненый характер купола шлема, что нетипично для золотоордынских боевых наголовий. Так, на сегодняшний день нам известно всего две находки, где встречается данный технический прием: шлем неизвестного происхождения из коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (Горелик 2008: 187, рис. 13, *6*) и шлем из дореволюционных поступлений в Государственный Эрмитаж с территории Украины (Негин 2012: 68, рис. 4, *1*). В то же время такой технический прием, согласно изобразительной традиции, достаточно широко применялся в Западной Европе, начиная еще с XII в. (Nicolle 1999: 362, 373, 408, 409, 423, 450, 462, 466, 470, 475, 485, 487, 489, № 9, *b-d*, 43 *d*, 289 *c, f*, 294, 360 *l*, 524 *h*, 560, 572 *a-c*, 585 *m*, 602 *a*, 603, 636, 663, 667 *b-c*, 680 *g-i, m*, 688, 750 *d*).

В случае с липецкой находкой обращает на себя внимание еще и наличие стационарного козырька — эта технологическая особенность указывает на то, что датировка шлема не выходит за рамки первой половины XV в. Скорее всего эту находку следует относить к финальному существованию в этом регионе Елецкого княжества (1385–1415 гг.), богатому на события, так как позднее эти земли оказываются в глубоком запустении (Андреев 2013: 31–38).

В то же время, приведенные выше в качестве аналогии две находки не являются таковыми в полной мере по отношению к козьмодемьянскому шлему. В обоих

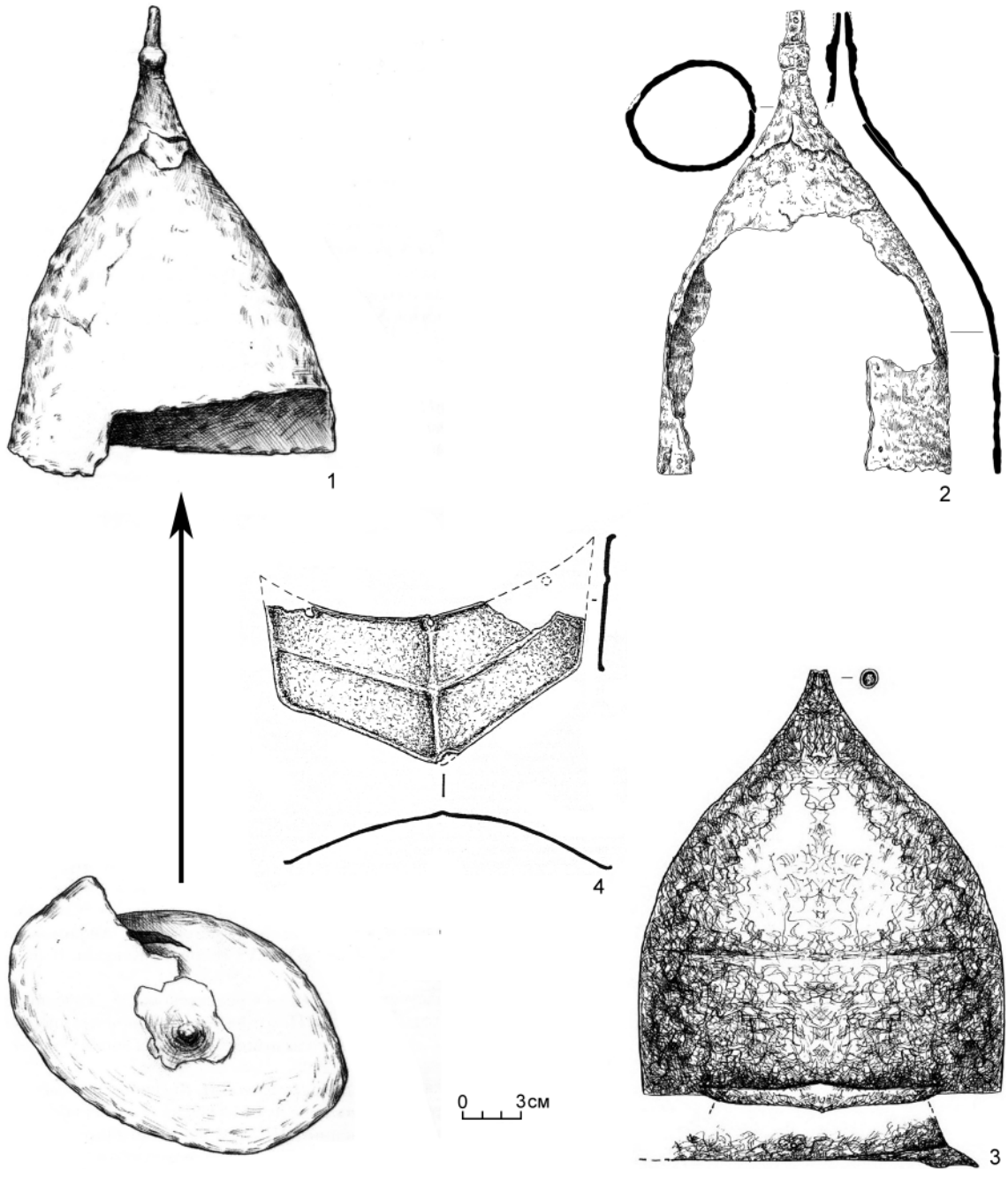

Рис. 4. 1 — шлем из кургана 5/1 могильника Прикубанский-1, Красноармейский район Краснодарского края (по: Нарожный, Сазонов 2011); 2 — шлем из кургана 2/1 могильника Хавалы IV, северо-западная окраина г. Ростов-на-Дону (по: Прокофьев, Трубников 2008); 3 — шлем из каменного ящика № 67 Келийского могильника, Ингушетия (по: Нарожный, Нарожный 2012); 4 — козырёк шлема с Краснояровского городища, Приморье (по: Прокопец 2004)

случаях не совпадает расположение швов, и в одном — способ его соединения. Между тем, в литературе ранее был отмечен один случай находки подобного золотоордынского шлема с расположением шва на лицевой стороне. Речь идет о шлеме из кургана 6/1 могильника Ковалевка IV на Николаевщине (Горелик, Ковпаненко

2001: 155, 161, рис. 1, *3*). Однако при проверке оказалось, что шлем имеет стандартную конструкцию и собран из широкого венца и двухчастевой тульи (Ковпаненко и др. 2005: 383, рис. 49, *1*).

Отметим, что сборка шлема из цельной заготовки, свернутой в виде воронки, очень редка для шлемов Золотой Орды. На сегодняшний день нам известно еще всего три находки, которые не относятся к группе шлемов с козырьками. Первая находка происходит из кургана 3/1 могильника Свирская Щель 1 (Лазаревский р-н г. Сочи, Краснодарский край). Шлем представляет собой боевое наголовье сфероконической формы, свернутое из одного листа. Шов пропаян медным припоем, расположен на затылке (Дедюлькин 2015: 64, рис. 419)[6]. Два других боевых оголовья относятся к группе высоких шлемов вытянутой сферо-конической формы (тип 2б, по А. Н. Кирпичникову, см.: Кирпичников 1971: 24, рис. 8). Один из шлемов (Нарожный, Сазонов 2012: 66–67, рис. 2, *1*; 3, *1*) происходит из кургана 5/1 могильника Прикубанский-1 (Красноармейский р-н, Краснодарский край). Шов шлема располагался на затылке и пропаян медным припоем (Нарожный, Сазонов 2012, 64) (рис. 4, *1*). Второй шлем происходит из кургана 2/1 могильника Хавалы IV на северо-западной окраине г. Ростов-на-Дону (Прокофьев, Трубников 2008: 141, рис. 2). К сожалению, из-за больших утрат не ясно, где у данного шлема расположен шов, но, судя по аналогичному расположению лапок навершия, с большой долей вероятности можно предполагать, что шов также размещался в затылочной части. Правда, при этом авторы публикации указывали, что шов сварной (Прокофьев, Трубников 2008: 136) (рис. 4, *2*), но это явная ошибка, так как исходя из схемы, представленной в публикации, нахлест шва небольшой, что характерно именно для пайки. Отметим, что обследование части хорошо сохранившихся шлемов данной группы показало их двучастную паяную конструкцию с расположением шва по оси лобзатылок (*Gawrysiak-Leszczyńska*, Musianowicz 2002: 289; Lenz 1924: 9). Поэтому мы не исключаем полностью того, что в двух вышеприведенных случаях исследователи могли не рассмотреть продолжения шва в передней части шлемов.

Ближайшей аналогией для боевых наголовий, изготовленных путем сворачивания цельной заготовки в виде воронки с расположением шва в передней части и формированием его с использованием техники кузнечной сварки, является группа так называемых «тюрбанных» шлемов. Ранее никто не разбирал их конструкцию, но в среде оружиеведов негласно принято считать, что они цельнокованые. Между тем нам удалось проследить на некоторых образцах, в частности из коллекции *The Metropolitan Museum* в Нью-Йорке, наличие сварочного шва в лицевой части. Так, расслоение шва хорошо прослеживается на шлеме, поступившем в 1904 г. из *Rogers Fund*, инв. № 04.3.214 (рис. 5, *1*), где он начинается у основания левого аркообразного смотрового выреза, перед рудиментарным наносником и идет выше, к навершию (рис. 5, *2*). Аналогичную конструкцию мы видим и на шлеме, поступившем в то же время и из того же фонда, инв. № 04.3.211 (рис. 5, *3*), но, при этом у него начало шва расположено на самом рудементарном наноснике. Более того, видимо, в процессе выколотки шлема основание шва начало расслаиваться, вследствие чего оружейником была наложена аккуратная заплатка, предназначенная уберечь шов от расползания (рис. 5, *4*).

[6] Пользуюсь случаем поблагодарить А. В. Дедюлькина, познакомившего меня с находкой.

Рис. 5. Тюрбанные шлемы из коллекции The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США: 1 — шлем инв. № 04.3.214.; 2 — шлем инв. № 04.3.214., расслоение сварочного шва; 3 — шлем инв. № 04.3.211.; 4 — шлем инв. № 04.3.211., расслоение сварочного шва и заплатку

В целом изготовление этой группы шлемов выглядит следующим образом. Из листового железа сворачивалась неглубокая, но при этом широкая воронка. Концы ее фиксировались кузнечной сваркой, шов располагался в лицевой части шлема, а сам он расковывался. Далее, как правило с левой стороны, ближе к затылку, делался разрез, высотой чуть больше половины заготовки. Один край разреза заводился на другой, вследствие чего нижняя часть приобретала коническую форму, уплощенную книзу, а верх оставался коническим. Часть заготовки, оказывающаяся внутри шлема, видимо, обрезалась, края разреза фиксировались кузнечной сваркой, а сам шов расковывался. Получившуюся луковицеобразную форму выколачивали на шпераке до нужного вида. При этом швы зачищались и полировались. Тем не менее, их следы, особенно в лицевой части, просматриваются (Alexander

1983: 102. fig. 7; 1992: 71, № 28; Alexander et al. 2015: 76–77, 82–84, 87–89, № 25, 28, 30; Hales 2013: 324, № 783; The arts of the Muslim knight 2008: 323–325, № 310–312).

Традиционно «тюрбанные» шлемы связывают с Малой Азией и Ближнем Востоком. Самым ранним представителем этой группы боевых наголовий считается шлем из гробницы второго правителя Османского бейлика Орхана Гази (1324–1362 гг.) в г. Бурса. Между тем американский исследователь Д. Александер еще 25 лет назад отметил, что титулатура, использованная во владельческой надписи на шлеме, слишком ранняя для первых османских правителей и входит в обиход позднее (Alexander 1983: 97). Более того, почему-то никто из исследователей не обратил внимание на то, что упомянутый шлем несет на себе все признаки развитых представителей этой группы наголовий. В целом проследить генезис «тюрбанных» шлемов на сегодняшний день затруднительно, а происхождение их туманно (Горелик 1983: 266). В то же время до нашего времени сохранилось несколько десятков боевых наголовий данной группы. Большинство из них датируются серединой — второй половиной XV — XVI в. (Alexander 1983: 99–103; 1992: 68–71; Alexander et al. 2015: 69–89; The arts of the Muslim knight 2008: 322–325; Richardson 2015: 14–15). Д. Александер пришел к выводу, что «тюрбанные» шлемы хотя и производились в разных ремесленных центрах, но изготовлявшие их оружейники работали в традициях бывших имперских мастерских в г. Константинополе (Alexander 1983: 104).

Таким образом, козьмодемьянский шлем можно отнести к продукции мастеров, изначально имевших какое-то отношение к Византийской империи. На наш взгляд, это могли быть греки или армяне Газарии, оставшиеся после византийскго правления в Крыму. Есть упоминания современников о присутствии ремесленников греков-византийцев в Крыму, в золотоордынский период (Кулешов 2010: 90). Что же касается армян, то принято считать, что основным занятием этого народа была торговля, а их появление в Восточной Европе связывают с падением Киликийской Армении в 1375 г. (Лесников 1964: 39). Между тем, до наших дней дошли свидетельства того, что среди армян были ремесленники, которые занимались изготовлением оружия (Кулешов 2010: 91). Более того, есть свидетельство около 1347–1349 гг. о наличие именно в Крыму армянских кузнецов (Крамаровский 2012: 68). Что касается их появления в Восточной Европе, то колонии армян в Северном Причерноморье известны и до 1375 г. (Лесников 1964: 39–43).

Почему именно греки или армяне из Газарии? Армянские колонии в Золотой Орде известны в городах Булгаре, Ак-Мечети, Маджаре, Азаке (Крамаровский 2012: 69). А в последнем известен и греческий квартал (Крамаровский 2012: 66). Исходя из культурной и конфессиональной принадлежности, население перечисленных колоний считается выходцами из Армении (Смирнов 1958: 330–359). Носителями имперских традиций, на наш взгляд, могли быть именно армяне-халкидониты. Ввиду наличия в г. Азаке торговых факторий венецианцев, генуэзцев и евреев можно с большой долей вероятности предполагать, что этот квартал, скорее всего, тоже был основан купцами (Ковалевский 1905: 121–123).

Имеется очень примечательная группа боевых наголовий из европейских и американских музейных собраний, которая подтверждает наши выводы. Она представлена тремя шлемами, морфологически составляющими одну группу. Речь идет о сферо-конических шлемах с назатыльниками. Европейские и американские исследователи атрибутируют эти наголовья как западноевропейские шлемы типа *бацинет*.

Первый из трех шлемов происходит из коллекции *Musée de l'Armée*, г. Париж, Франция, инв. №. M.Po.676. О его происхождении известно лишь то, что он ранее входил в одну из престижных частных коллекций Франции конца XIX — начала XX в. — коллекцию Жоржа Пауильчака (рис. 6, *1*). Шлем представляет собой боевое наголовье сферо-конической формы с тульей, разделенной прочеканенными ребрами на восемь граней и с назатыльником. Изготовлен он из свернутой в виде воронки заготовки, края которой сварены кузнечной сваркой. Шов расположен на затылке. Передняя часть тульи чуть завалена назад, но данная особенность не была заложена в конструкцию, а является следствием технологического процесса, воздействующего на шлем при его выколотке. Дело в том, что присутствие назатыльника специально в выкройку шлема не закладывалось. Поэтому при его формировании задняя стенка тульи в нижней части была вдавлена вовнутрь. Из получившейся отогнутой части и был сформирован назатыльник. Но, вследствие этого, задняя стенка тульи стала чуть ниже и более выпуклой, чем передняя. Передний край шлема поднят и наискось плавно спускается к области, которая при посадке на голове располагается за ушами. Сзади у шлема присутствует назатыльник, основания которого начинаются в районе висков, а по центру есть чуть сглаженное ребро. Снизу шлема по периметру, на высоте 0,5–0,8 см и на расстоянии около 5 см располагаются отверстия для фиксации подшлемника. Сзади они идут по краю назатыльника. В некоторых отверстиях сохранились обломки заклепок. Спереди в 0,5 см выше отверстий для фиксации подшлемника, а сзади по линии отгиба назатыльника на расстоянии 0,5 см располагается густая цепь более мелких отверстий для более надежной фиксации подшлемника в тулье. При этом проделаны они в два уровня. Первый уровень спереди, в районе над глазами, второй, на несколько миллиметров выше, от виска к виску. В то же время над концевыми отверстиями нижней цепи с каждой стороны расположены по одному концевому отверстию верхней цепи. Вызвано это тем, что боковые края шлема выполнены наискось и расположение цепи отверстий на одном расстоянии от них невозможно. Еще на 0,5 см выше присутствуют вервейсы для подвешивания бармицы. Не совсем понятно, сколько их было, сохранилось только шесть из них, три справа и два слева, при этом один из них разорван и один обломан спереди. Если смотреть на шлем в профиль, то линия вервейсов и обе цепи отверстий располагаются на тулье с изломом по середине. Также присутствует одно отверстие под вервейс на затылке. По одному отверстию расположено по бокам, чуть ниже середины тульи, одно сзади, чуть выше середины тульи, заглушено ножкой заклепки, и два спереди, чуть выше и чуть ниже середины, нижнее частично заглушено ножкой заклепки. Видимо, это отверстия для дополнительной фиксации подшлемника. В целом состояние шлема удовлетворительное, хотя он весь покрыт ржавчиной и изъеден небольшими раковинами. На затылке, с правой стороны, присутствует небольшая дыра с рваными краями, образовавшимися в процессе коррозии. И чуть коррозирован нижний край шлема, с той же стороны, на участке от виска к затылку. Французский исследователь Ж.-П. Реверсо, опубликовавший шлем, отнес его к типу *бацинетов* и датировал 1340–1350 гг. (Reverseau 1982: 23, № 25).

Второй шлем был продан на июньских торгах 2008 г. британского аукционного дома Tomas Del Mar Ltd., к сожалению, дальнейшая его судьба нам неизвестна, как и его происхождение (рис. 6, *2*). Шлем представляет собой боевое наголовье

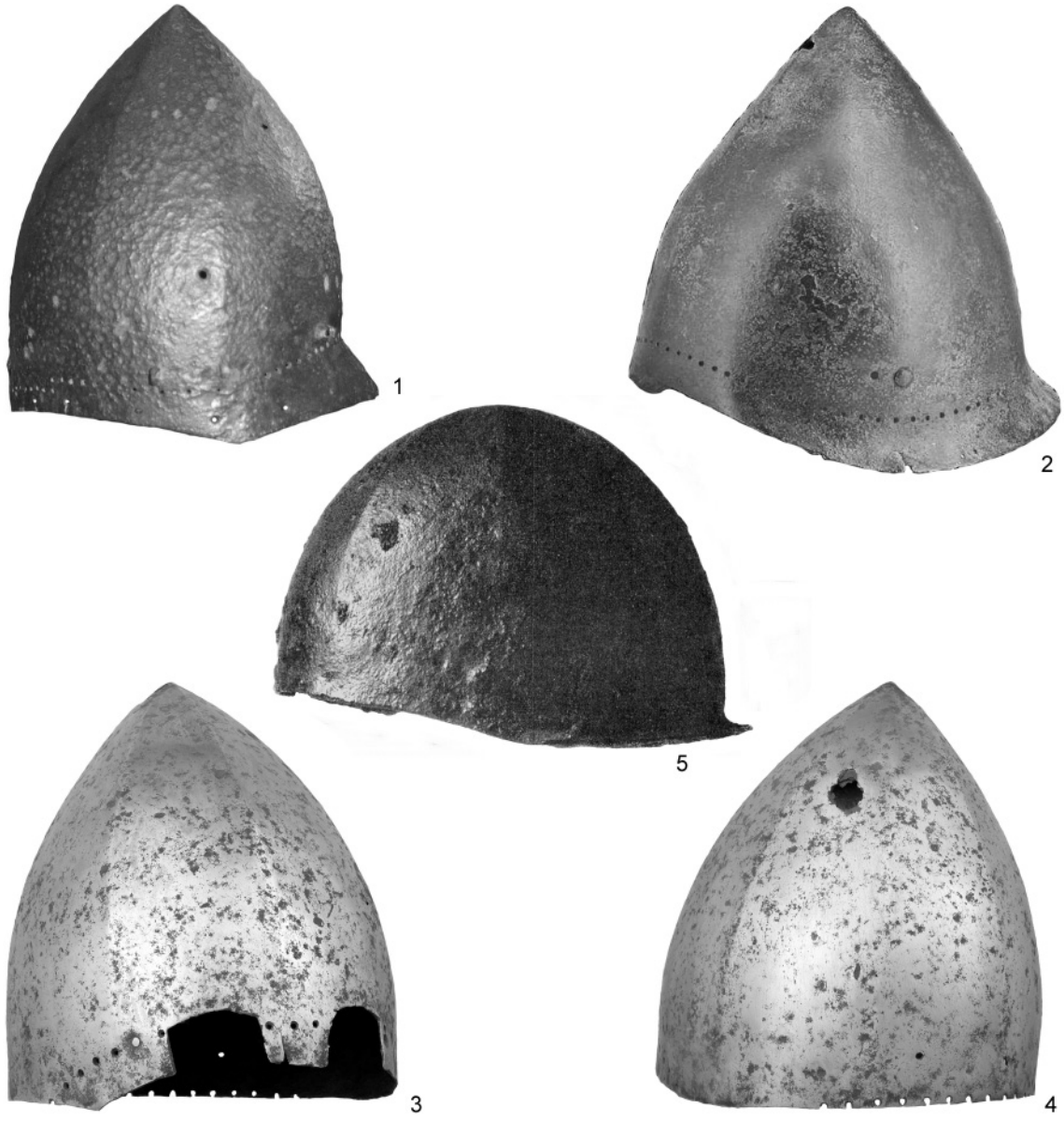

Рис. 6. 1 — византийский салад из Musée de l'Armée, г. Париж, Франция; 2 — византийский салад с торгов британского аукционного дома Tomas Del Mar Ltd.; 3–4 — византийский салад подвергшейся переделки из The Metropolitan Museum of Art, г. Нью-Йорк, США; 5 — салад, найденный в округе г. Гамбург, Германия (по: Post 1936)

сферо-конической формы, с прочеканенным продольным ребром жесткости и назатыльником. К сожалению, его конструкцию проследить не удалось. Передняя часть тульи чуть завалена вперед, но эта особенность не была заложена в конструкцию, а, как и в первом случае, является следствием технологического процесса, воздействующего на шлем при его выколотке. Как следствие этого процесса, задняя стенка тульи стала чуть ниже и более выпуклой, чем передняя. Передний край шлема приподнят и наискось плавно спускается к области висков. Сзади у шлема присутствует назатыльник, основания которого переходят в небольшие полуполя, закрывающие область ушей. Снизу по периметру шлема, включая

назатыльник, на высоте 1,5–2 см и на расстоянии около 5 см располагается густая цепь мелких отверстий для фиксации подшлемника. Если смотреть на шлем в профиль, то, как и в первом случае, линия отверстий располагается на тулье с изломом посередине. Сбоку тульи, примерно на 2 см выше линии пришивочных отверстий, с обеих сторон, присутствуют по паре отверстий. С левой стороны одно из них заглушено заклепкой с массивной выпуклой шляпкой. С большой долей вероятности можно предполагать, что это монтажные отверстия для фиксации подбородочного ремня. Состояние шлема удовлетворительное. Спереди, на ребре жесткости, перед макушкой небольшая дыра, судя по рваным краям, образовавшаяся в процессе коррозии. Местами от тех же процессов незначительно выкрошились поля, а на назатыльнике присутствуют следы ремонта. В каталоге, в описании к лоту, шлем атрибутирован как *бацинет* западноевропейского происхождения и отнесен к началу XV в. (Sotheby's 2008: 104, № 217).

Третий шлем, видимо, полностью аналогичный первому, происходит из собрания *The Metropolitan Museum* г. Нью-Йорк, США, инв. № 29.158.44, куда он попал в 1929 г. из коллекции одного из крупнейших коллекционеров оружия в США начала XX в. Башфорда Дина после его смерти. Д. Николл указывает (Nicolle 1999: 231, № 625), что шлем входил в состав так называемого Халкиского клада (рис. 6, *3–4*)[7].

В процессе эксплуатации шлем поменял не одного владельца, на что указывают следы его переделки. В нынешнем состоянии он представляет собой боевое наголовье сферо-конической формы с тульей, разделенной прочеканенными ребрами на восемь граней. К сожалению, конструкцию его проследить не представляется возможным, так как внешняя поверхность тульи заполирована. Задняя часть тульи чуть завалена назад, но, как и в первых двух случаях, эта особенность не была заложена в конструкцию, а является следствием всё тех же технологических процессов при выколотке. Это становится очевидным, так как снизу по периметру шлем обрезан, причем неровно. Так верхний край, в данный момент ставший лицевой частью, у него приподнят. Одновременно здесь же проделаны неаккуратные аркообразные смотровые щели, делающие шлем глубоким. С левой стороны нижний край шлема плавно наискось спускается к виску под углом 110°. А с правой, от внешней границы смотровой щели, скошен в том же направлении, что и левая сторона, но уже под уголом 230°. При этом неровным является и нижний край рудиментарного наносника — он чуть скошен влево. Сам наносник в процессе вырезки лопнул, это свидетельствует о том, что шлем был закален. Трещина более чем на половину высоты наносника смещена к правой стороне. У верхней границы наносника в нем проделано три отверстия, расположенных цепью. Аналогичные отверстия идут от верхнего внешнего угла каждой смотровой щели к вискам. С правой стороны присутствует семь мелких отверстий, нижние из которых частично разрушены обрезкой, а второе сверху заглушено заклепкой. Они расположены в линию под углом 230°. С левой стороны присутствуют шесть подобных отверстий, при этом под первым верхним расположено еще одно отверстие большего диаметра. Они расположены в линию под углом 130°. Чуть выше окончания этой линии отверстий стоит клеймо в виде литеры «Х». Цепь разрушенных обрезкой мелких отверстий можно видеть и на затылке, вдоль нижнего края с левой стороны, в количестве 13 штук. Очевидно, это отверстия для пришивки подшлемника. Их расположение под разными

[7] Подробнее о кладе из Халкиса см.: (Foulkes, Traquair 1911: 381–390).

углами и на разных участках говорит о том, что изначально порядок размещения отверстий был аналогичен подобным отверстиям на шлеме из коллекции *Musée de l'Armée*. Более того, не вызывает сомнений, что в первоначальном виде оба шлема были практически одинаковыми, но в ходе эксплуатации второй шлем подвергся существенной переделке. Причем настолько серьезной, что у него поменялись местами лобная и затылочная части, и он стал относиться к иному типу боевых оголовий. В целом состояние шлема удовлетворительное, местами на полированной поверхности шлема просматривается ржавчина, и в верхней трети тульи, со смещением к затылку, присутствует дыра. Ее происхождение не совсем ясно, возможно, это пробоина, но корродированные ржавчиной края не позволяют об этом судить точно.

Авторы первой публикации, К.-О. фон Киенбуш и С. Гарансей, атрибутировали шлем как итальянский и отнесли его к XIII в. (Kienbusch, Grancsay 1933: 114 № 21). Д. Николл согласился с предложенной атрибутацией, но сам шлем отнес к типу *бацинетов*. Он сместил верхнюю дату к середине XIV в., указав при этом, что шлем, скорее всего, подвергся переделке в XV в. (Nicolle 1999, № 625).

Таким образом, перед нами группа боевых наголовий, схожая между собой общей конструктивной схемой, идентичным моделированием и единой защитной функцией. При этом становится очевидным, что ранние атрибуции шлемов этой группы в качестве *бацинетов* несостоятельны. Изготовление из единой выкройки и соединение при помощи кузнечной сварки указывают на византийские традиции. Более того, именно такие шлемы мы видим на головах византийских воинов на миниатюрах «Романа об Александре» — византийского списка принадлежащего *Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia* (рис. 7, *1*). Сама рукопись была изготовлена по заказу императора Алексея II Великого Комнина (1297–1330 гг.) (Карпов 2001: 205). Видимо, именно эта группа является самым ранним звеном того большого и разветвленного семейства шлемов, которые в дальнейшем получают обозначение *салады*. При этом у одного из самых ранних «европейских» *саладов* (находка из округи г. Гамбурга, Германия) тулья выполнена в виде граненой полусферы, разделенной прочеканенными ребрами на 8 секторов (Post 1936: 100–101), что, несомненно, роднит его с экземплярами из Musée de l'Armée и The Metropolitan Museum of Art (рис. 6, *5*).

Исходя из вышеизложенного, данную группу шлемов смело можно отнести к византийскому комплексу вооружения, а по функциональному назначению — к группе *саладов*. Появляются такие шлемы не позднее 1300 г., но до 1340-х гг., когда в византийском искусстве уже фиксируются изображения *саладов* привычных нам форм. Одно из первых изображений мы видим на фреске «Страсти Христовы» (рис. 7, *2*) в монастыре Высокие Дечаны в Косово. Согласно выявленным в нартексе и наосе кафоликона надписям, он был расписан между 1338 и 1349 гг. (Тодич и др. 2007: 480–487).

Таким образом, наиболее полной аналогией козьмодемьянскому шлему является группа византийских *саладов*. На это указывают общие процессы в ходе выколотки, закалка шлемов после изготовления и такой нюанс, как вшитый подшлемник, включая обшивку назатыльника/козырька. Для ордынских шлемов подобный прием неизвестен[8]. Единственное отличие заключается в том, что козьмодемьянский

[8] Исключением является шлем из каменного ящика № 67 Келийского могильника, Ингушетия (Нарожный, Нарожный 2012: 175, 177, рис. 2).

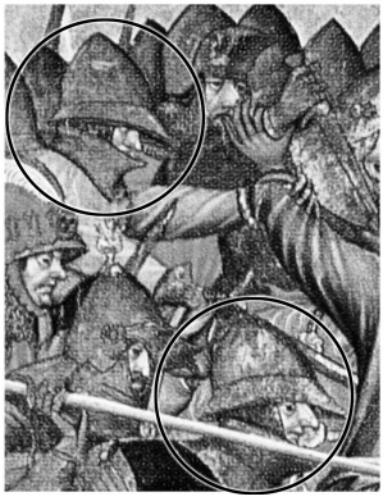
1

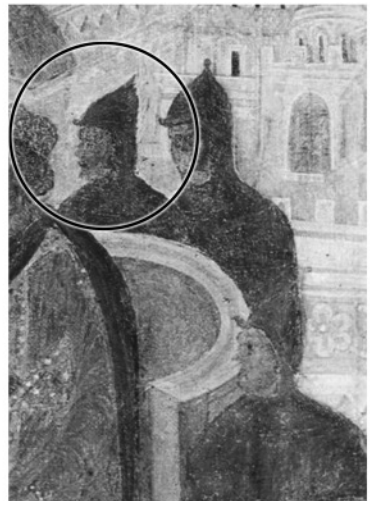
2

3

4

5

Рис. 7. 1 — миниатюры из «Романа об Александре»; 2 — фрагмент фрески «Страсти Христовы» из монастыря Высокие Дечаны; 3 — фрагмент фрески «Св. Бенедикт уличает во лжи переодетого в короля оруженосца Ригго» из ризницы флорентийской базилики Сан-Миниато-аль-Монте; 4 — фрагмент центральной сцены на большом ретабло Св. Георгия из алтаря часовни Св. Георгия из кафедрального собора г. Валенсия; 5 — фрагмент фрески с Вавилонским царём Навуходоносором из Успенского собора Московского Кремля

шлем функционально был перевернут задом наперед, то есть назатыльник стал исполнять роль козырька. На это указывает и то, что у золотоордынских боевых наголовий с широким венцом-основанием в конструкции козырек вырезался еще на этапе раскройки заготовки. В пользу этого свидетельствует то, что передняя стенка у них не вдавлена и козырек не утончался в процессе расковки. Более того, у данной группы боевых оголовий края выгнутых козырьков приподняты относительно края самого шлема. Выше мы специально отметили, что в случае с козьмодемьянским шлемом при сильном изгибе козырька его края находятся на одной плоскости с краями самого шлема. В то же время, изменение функционального назначения дополнительного защитного элемента мы видим в требовании традиции рынка, для которого он был изготовлен, в нашем случае — для золотоордынского.

С другой стороны, можно предположить, что шлем мог быть изготовлен и в византийских владениях. Но в нашем распоряжении нет сведений о поставках оружия в Золотую Орду из Византии. В то же время оружейники Газарии, безусловно, работали на внешний рынок (Кулешов 2010: 91). Более того, в нашем распоряжении есть одно изображение, подтверждающее наши выводы относительно Генуэзской Газарии. Речь идет о фреске «Св. Бенедикт уличает во лжи переодетого в короля оруженосца Ригго» из ризницы флорентийской *Basilica di San Miniato al Monte*. Она была написана итальянским живописцем Спинелло Арентино в 1387 г. На голове у одного из воинов мы видим изображение шлема, очень близкого козьмодемьянскому шлему (рис. 7, *3*). Единственное место, где подобное боевое наголовье могло быть заимствовано итальянцами, — это Северное Причерноморье.

Подтверждают наши выводы еще два дошедших до наших дней шлема «европейского» облика. Первый из них — боевое наголовье из собрания *L'Armeria Reale*, г. Турин, Италия, инв. № E3 (рис. 8, *2*). Он представляет собой боевое наголовье с тульей сферо-конической формы, на которой прочеканено продольное ребро жесткости, и полями двойного профиля, при этом ребро жесткости на поля не переходит. К сожалению, его конструкцию проследить не удалось, но ввиду его слишком малого веса (1100 г), с большой долей вероятности можно говорить о том, что он изготовлен из листового железа с последующей сваркой. Передняя стенка тульи выглядит чуть короче и более выпукло, чем задняя, а сзади она несколько завалена вперед. Но, как и в случаях, описанных выше, данная особенность не была заложена в конструкцию, а явилась следствием одинаковых технологических процессов, воздействующих на шлемы при их выколотке. Как и с козьмодемьянским шлемом, здесь первоначальная конструкция оказалась перевернутой, и затылочная часть поменялась местами с лобной. В то же время шлем вместо козырька/назатыльника имеет поля. Но поля здесь двупрофильные, с переломом: на затылке они сделаны узкими, с плавным расширением к вискам, а от висков резко расширяются и спереди заканчиваются заостренным козырьком. При этом наличие полей никак не сказалось на геометрии купола шлема. Дело в том, что сзади из-за узости полей они были сформированы незначительным отгибом передней стенки наружу, в то время как спереди и чуть по бокам стенки были вогнуты вовнутрь. С правой стороны шлема на полях в районе излома проставлено клеймо в виде греческой буквы «П», наложенной на «Δ». По границе полей и тульи шлема присутствует густая цепь мелких отверстий для фиксации подшлемника. В ряде из них сохранились заклепки или их фрагменты. Состояние шлема удовлетворительное. С левой стороны

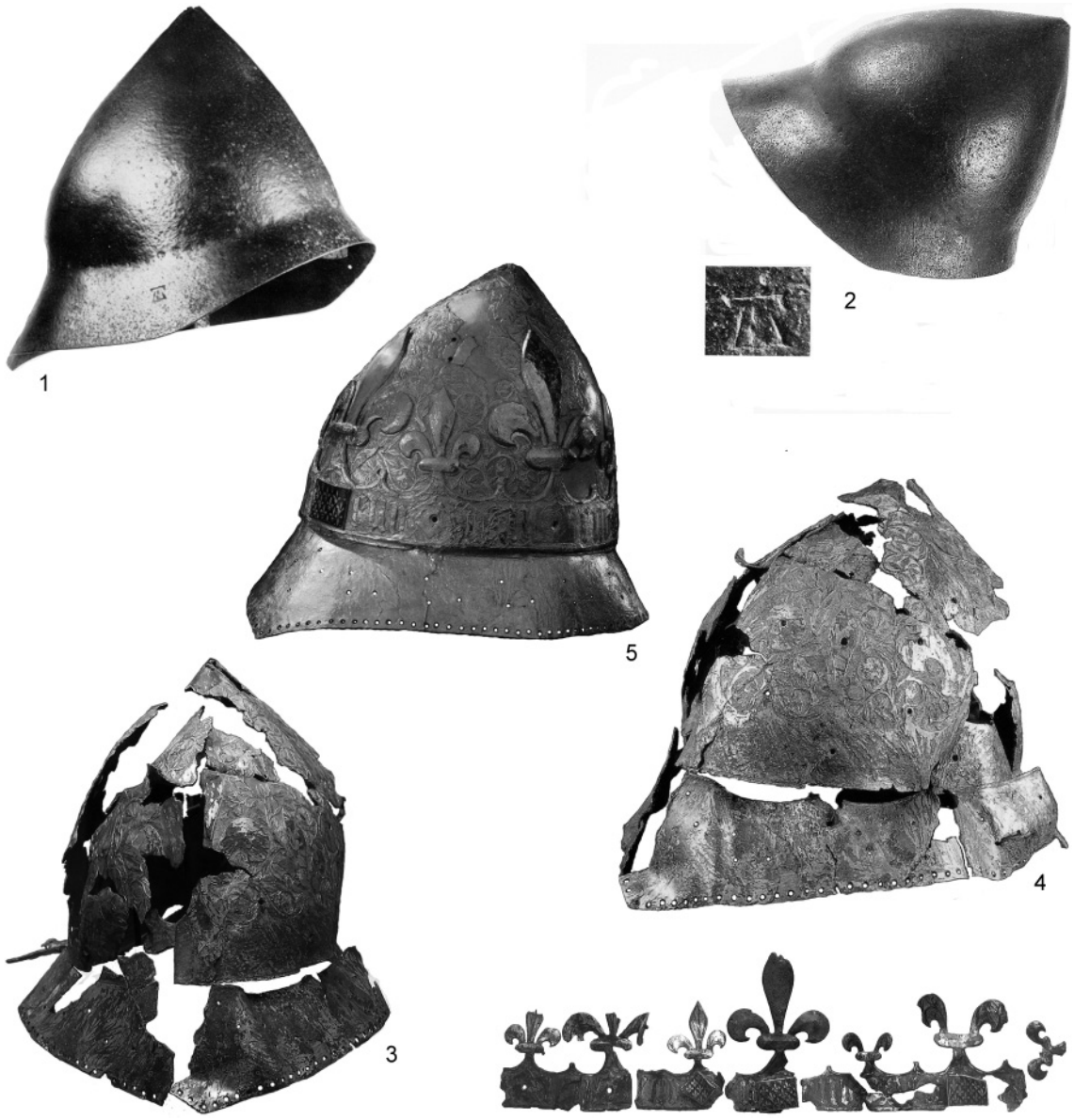

Рис. 8. 1–2 — ранний бургиньот из L'Armeria Reale, г.Турин, Италия; 3–4 — ранний бургиньот, принадлежавший королю Франции Карлу VI, Лувр, г. Париж, Франция; 5 — реконструкция первоначального вида раннего бургиньота, принадлежавшего королю Франции Карлу VI

посредине тульи шлема присутствует заплатка, близкая по форме к полуовалу. Скорее всего, это следы ремонта. В верхней части тульи присутствуют небольшие вмятины. Коррозией незначительно разрушена макушка шлема, хотя, возможно, это последствия процесса коррозии в отношении технологического отверстия.

Итальянский исследователь М. Терензи, первым опубликовавший шлем, затруднился с его идентификацией и датировал находку первой половиной XV в. (Terenzi 1967: № 43). Позднее другой итальянец, М. Скалини, отнес шлем к типу *айзенхутов* и сузил датировку до 1410–1430 гг., при этом в качестве места производства указав на Ломбардию или Бургундию (Scalini 1996: 80, № 22). В то же время, в первой публикации шлем представлен в ракурсе, более напоминающем *салад* (рис. 8, *1*).

На то, что он носился именно в варианте, представленном во второй публикации, указывает второй шлем.

Речь идет о парадном шлеме (рис. 8, *3–4*), найденном в 1984 г. в ходе раскопок так называемого Квадратного двора (Cour Carrée) бывшей королевской резиденции Лувр, г. Париж, Франция. Он был обнаружен в сильно фрагментированном состоянии, разбитым на 169 фрагментов, при исследовании крепостного рва средневекового замка, который здесь располагался до строительства дворца (Fleury, Kruta 1985: 667). М. Флери (Fleury 1991: 141–152) впоследствии доказал, что шлем принадлежал королю Франции Карлу VI (1380–1422 гг.). Шлем изготовлен из листовой меди, его сферо-коническая тулья свернута в виде воронки, с расположением шва спереди, по центру. Передняя стенка тульи чуть завалена назад, в свою очередь от задней стенки тульи сохранилась только нижняя часть. Но, судя по имеющемуся фрагменту, она была более выпуклой и, видимо, несколько короче. Вся поверхность тульи шлема украшена в технике обронной гравировки орнаментом из растительных побегов и завитков. При этом выбранный фон между орнаментом оформлен густой штриховкой, что придает последнему еще большую объемность. На макушке шлема выгравирована четырехлепестковая розетка. Ее фон гладкий, что в свою очередь указывает на наличие накладного навершия на шлеме. Спереди в верхней части тульи, справа и слева от центра, выгравировано по крылатому оленю. Их фон также гладкий, а по контуру фигур располагаются по три монтажных отверстия, что указывает на то, что они не часть орнамента, а площадки под накладные фигуры. Сами фигуры не сохранились. В нижней части, по всему периметру тульи выгравирован венец, который представляет собой чередование больших и малых флёр-де-лис. Как и в случае с крылатыми оленями, весь фон венца гладкий, а по его полю пущены монтажные отверстия. Очевидно, что это не сам орнамент, а площадка под накладную фигуру. Но, в отличие от первого прецедента, здесь накладная фигура частично сохранилась. Накладной венец по форме полностью повторяет свою основу на тулье. Судя по всему, сами фигурки флёр-де-лис были отлиты отдельно и уже после припаяны к основе венца. Дело в том, что все они сделаны объемными. Так, посередине всех элементов — центрального, боковых и горизонтального — проходит грань, а поверхность между ней и краями с обеих сторон плавно опущена. В то время как сама основа венца вырезана из листовой меди, она, как и поверхность тульи, орнаментирована в технике обронной гравировки. Снизу и поверху, по всему периметру, по ней выгравировано по бортику. Под каждой большой фигурой флёр-де-лис на основе выгравировано по квадрату, в то время как под малыми фигурами флёр-де-лис выгравировано по ромбу. Фон фигур гладкий, а в центре расположено по монтажному отверстию, что, в свою очередь, указывает на площадки под накладные фигуры. Такими накладными фигурами являлись броши. Сохранились две квадратные и одна ромбовидная. Они представляют собой золотые пластинки с загнутыми по периметру бортиками, внутреннее пространство которых заполнено прочеканенными флёр-де-лис, а промежутки заполнены лазоревой эмалью. Пространство между каждой брошью заполнено гравированными готическим буквами *ENB* и *IEN*, которые чередуются между собой. Это девиз Карла VI, который звучит как «En bien». Снизу к тулье были припаяны поля, которые вставлялись вовнутрь. Они сохранились фрагментарно и сильно деформированы. В лицевой части шлема поля резко расширяются и спереди заканчиваются

заостренным козырьком. В то же время при реконструкции внешнего вида описываемого шлема французские исследователи полагают, что поля у него были сзади и по бокам ровными (рис. 8, *5*). По аналогии со шлемом из собрания *L'Armeria Reale*, и на том основании, что оба шлема имеют абсолютно одинаковый профиль тульи, мы склонны предполагать, что поля у шлема Карла VI были двупрофильными с изломом. В свою очередь, сзади их ширина была несколько больше, чем на шлеме из собрания *L'Armeria Reale*, на что указывает значительный их фрагмент, сохранившийся с правой стороны, ближе к затылку. Ввиду этого, мы склонны считать, что участок полей сзади у данного шлема был изготовлен не так, как у первого боевого наголовья. Скорее всего, здесь поля являются результатом одного технологического процесса. Посему можно полагать, что излом полей в данном случае был не столь значительным и остался незамеченным в ходе реставрации из-за сильной деформации и фрагментарности данного защитного элемента. В отличие от тульи, вся поверхность полей гладкая. Но по всему их периметру располагаются группы монтажных отверстий, которые по количеству и расстоянию между собой схожи с монтажными отверстиями на площадках для накладных фигурок оленей. На этом основании французские исследователи предполагают, что они предназначались для монтажа накладных фигурок. По низу полей, по всей их окружности, пущена густая цепь монтажных отверстий, предназначенная для пришивания подшлемника. Вся поверхность шлема богато позолочена в технике амальгамирования.

Французский исследователь Ж.-Б. де Вивье на основании описей имущества Королевского двора, убедительно датировал появление шлема не ранее 1411 г. (Vaivre 1991: 92).

Таким образом, мы имеем два практически аналогичных шлема, очень близких козьмедемьянскому экземпляру, с той лишь разницей, что у первых двух сохранился назатыльник, восходящий к базовой конструкции *византийских саладов*, а козырек получил более гипертрофированные размеры. А то, что перед нами на представленных шлемах именно назатыльник и козырек, а не поля, указывает их двупрофильность с переломом. То есть здесь сконцентрировано внимание не просто на круговой защите, что характерно для такой категории дополнительной защиты, как поля, а именно на защите области затылка и лица. Более того, такой признак, как оформление полей в виде козырька путем придания им спереди заостренной формы впервые получает массовое распространение на шлемах типа *айзенхут/шапель/капеллина*. Но появление этого элемента на указанном типе шлема исследователи относят ко времени не ранее первой половины XV в., а наибольшее распространение он получает лишь к середине — второй половине этого столетия (Schneider 1986: 29). В то же время шлемы, аналогичные наголовьям из собрания *L'Armeria Reale* и Карла VI, широко распространяются уже к 1400 г. Подтверждения этому мы видим на так называемом Большом ретабло Св. Георгия, где на центральной панели, изображающей битву при Пюиге 1237 г., арагонские воины изображены в шлемах, аналогичных вышеуказанным. Само ретабло было написано арагонским художником немецкого происхождения Андресом Марзал де Сакс около 1400 г. для алтаря *Capilla de Sant Jordi*, входящей в *Catedral de Santa María de Valencia* (рис. 7, *4*). Более того, на шлемах данного типа мы видим эту деталь уже в сформировавшемся виде, в то время как на шлемах типа *айзенхут/шапель/капеллина* долгое время идет поиск этой формы (Lawrynowicz 2009: 175–195). Поэтому можно предположить,

что перед нами типы шлемов, несвязанные между собой. И, действительно, если мы обратимся к такому типу шлемов, как *бургиньот*, то на классических образцах увидим и хорошо знакомые нам профиль тульи и козырек характерной формы, и назатыльник (Pyhrr 2000: 20–24, № 28–34). Правда, не хватает наушей и гребня, но, видимо, эти элементы появляются позднее.

Возникает резонный вопрос: где шлемы типа ранних *бургиньотов* могли эту деталь позаимствовать? На наш взгляд это могла быть только зона соприкосновения культур Юга Европы и Золотой Орды — Генуэзская Газария. И хотя находки шлемов, связанные с золотоордынским комплексом вооружения (у которых козырек имел заостренную форму), пока единичны (рис. 4, *3*), козырьки шлемов «цзыньского» типа, которые были заимствованы монголами в Китае и позднее привнесены в Восточную Европу (рис. 4, *4*), имели значительную площадь и заостренную форму (Прокопец 2004: 200–203).

Сказанное подтверждает вывод об изготовлении козьмодемьянского шлема греческим оружейником, происходившим из Генуэзской Газарии. Что же касается датировки шлема, то время появления подобных боевых наголовий определяется в интервале между 1380-ми и 1400 г., то есть временем создания фрески Спинелло Аретино и появлением Большого ретабло Св. Георгия. Последнее произведение фиксирует факт широкого распространения данного типа шлемов. Во всяком случае, под его влиянием уже появляется и начинает распространяться новый тип шлемов — ранние *бургиньоты*.

Верхнюю границу бытования шлемов типа козьмодемьянского позволяют уточнить фрески Успенского собора Московского Кремля. В сцене с вавилонским царем Навуходоносором у одного из воинов царского окружения мы видим шлем с козырьком, поразительно похожим по геометрии тульи на козьмодемьянский (рис. 7, *5*). Данная фреска была написана в 1481 г. артелью местных мастеров — попом Тимофеем, некими Ярецем и Коней, во главе с легендарным Дионисием. Таким образом, перед нами два весьма примечательных свидетельства. Первое указывает на то, что подобные шлемы бытовали еще в начале 1480-х гг., а второе — наиболее ранний факт использования шлемов с козырьком воинами Московского государства.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что козьмодемьянский шлем был изготовлен на территории Газарии для местного восточноевропейского рынка, не ранее 1380-х гг. и не позднее 1481 г. На протяжении этого периода подобные шлемы использовались воинами как Золотой Орды, так и Московского государства.

В заключении стоит отметить, что некоторые исследователи идентифицируют найденные в золотоордынских погребениях шлемы с козырьком как монгольские (Зеленский 2013: 143; Нарожный, Нарожный 2013: 306–311). Основанием для такого заключения служит предположение М. В. Горелика о монгольской принадлежности всех шлемов с козырьком (Горелик 1987; 189). Однако в отношении ранней группы шлемов с козырьками (Кулешов 2017, 537–558) для этого заключения оснований нет: данные боевые оголовья были изготовлены в иных технологиях и традициях. Единственным исключением, на наш взгляд, могут являться боевые наголовья с козырьком «цзиньской» группы шлемов (Кулешов 2018б: 75–89), но находки последних в золотоордынских погребениях пока не встречены.

Литература

Андреев 2013 — *Андреев С. И.* Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII — XVI в. // Вестник Тамбовского ГУ. Серия: гуманитарные науки. Вып. 10 (126). С. 31–42.

Анфимов, Зеленский 2002 — *Анфимов И. Н., Зеленский Ю. В.* Половецкие погребения из Восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 2002. С. 68–70.

Горелик 1983 — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Куликовская битва в истории и культуре нашей родины: материалы юбилейной НК. 8–10 сентября 1980 г. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Горелик 1987 — *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Деревянко А. П., Нацагдорж Ш. (отв. ред.). Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–207.

Горелик 2008 — *Горелик М. В.* Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского НЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Горелик 2012 — *Горелик М. В.* Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Кушкумбаев А. К. (отв. ред.). Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана; Фолиант, 2012. С. 84–106.

Горелик, Ковпаненко 2001 — *Горелик М. В., Ковпаненко Г. Т.* Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Белобрыкин Г. Н. (отв. ред.). Археология Поволжья: сб. ст. Пенза: [Б. и.], 2001. С. 154–164.

Дедюлькин 2015 — *Дедюлькин А. В.* Отчет об археологических исследованиях курганной группы «Черноморка 2», курганной группы «Свирская Щель 1», курганной группы «Абиссинка 5» в Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края (по Открытому листу № 134 от 10.04.2013 г.). Т. I. Текстовая часть. Т. II. Альбом иллюстраций. Ростов-на-Дону, 2015.

Ефимов 1999 — *Ефимов К. Ю.* Золотоордынское погребение из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 93–108.

Зеленский 2013 — *Зеленский Ю. В.* К вопросу об этнокультурной принадлежности кочевнических погребений Степного Прикубанья и Восточного Закубанья XIII–XIV вв. // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая международная Кубанская археологическая конференция: МК. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 142–144.

Каинов, Кулешов 2014 — *Каинов С. Ю., Кулешов Ю. А.* Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // SP. 2014. № 6. С. 83–98.

Карпов 2001 — *Карпов С. П.* Средневековый Понт. The Edwin Mellen Press. Lewinston; Queenston; Lamperter: The Edwin Mellen Press, 2001. 470 с.

Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.: Наука, 1971. 92 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Ковалевский 1905 — *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке. Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. Т. II. М., 1905. С. 109–174.

Ковпаненко и др. 2005 — *Ковпаненко Г. Т., Гаврилюк Н. А., Евдокимов Г. Л.* Курганы у с. Ковалевка (группа IV) // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Кїев: ИА НАН, 2005. С. 363–388.

Кравец и др. 2000 — *Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А.* Погребение кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. 2000. № 3–4. С. 114–127.

Крамаровский 2012 — *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Кулешов 2010 — *Кулешов Ю. А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Миргалеев И. М. (отв. ред.). Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. С. 73–97.

Кулешов 2014 — *Кулешов Ю. А.* Место «Шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы // Музеи Московского Кремля: материалы и исследования. Вып. 22. М.: Московский Кремль, 2014. С. 135–152.

Кулешов 2017 — *Кулешов Ю. А.* Об одной серии ранних золотоордынских шлемов из музейных коллекций Украины и Болгарии // Атанасов Г. (ред.). Добруджа. № 32: Сборник в чест на 60 години проф. д. и. н. Г. Атанасов. Силистра: Българска първо издание, 2017. С. 537–558.

Кулешов 2018а — *Кулешов Ю. А.* Уникальный позднесредневековый шлем с Юга России // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 183–201.

Кулешов 2018б — *Кулешов Ю. А.* Новая находка шлема «цзиньского» типа в Восточной Европе // Йотов В. (ред.). Военни експедиции, въоръжение и снаряжение (античност и средновековие): Международна конференция, Варна. 14–16.05.2009. Варна: Славена ООД, 2018. С. 53–61 (Acta Musei Varnaensis. X–2).

Кулешов, Гусынин 2012 — *Кулешов Ю. А., Гусынин В. А.* Находки шлемов «цзиньского типа» в Восточной Европе // Багрин Е. А. (отв. ред.). Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX в. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 33–50.

Лесников 1964 — *Лесников М. П.* Львовское купечество и его торговые связи в XIV веке (к истории экономических связей между странами Восточной и Западной Европы в XIV–XV вв.) // Семенов В. Ф. (ред.). Проблемы экономического и политического развития стран Европы (Из истории средних веков и древнего мира). М.: Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1964. С. 38–54 (Ученые записки МГПИ им. Ленина, № 217).

Нарожный, Нарожный 2012 — *Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Поволжская археология. 2012. № 2 (2). С. 173–183.

Нарожный, Нарожный 2013 — *Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* О группе кочевнических погребений золотоордынского времени со шлемами с козырьками // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая международная Кубанская археологическая конференция: МК. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 306–311.

Нарожный, Сазонов 2012 — *Нарожный Е. И., Сазонов А. А.* Средневековое кочевническое захоронение из курганного могильника «Прикубанский-1» (Красноармейский

район Краснодарского края) // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. № 2. М.: Изд. дом Марджани, 2012. С. 64–68.

Нарожный, Чхаидзе 2012 — *Нарожный Е. И., Чхаидзе В. Н.* Золотоордынское воинское погребение в Калининском районе Краснодарского края // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (4–5). С. 102–105.

Негин 2012 — *Негин А. Е.* Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кыпчака // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. Т. 3. № 6. С. 62–70.

Прокопец 2004 — *Прокопец С. Д.* Новый тип оформления чжурчжэньского шлема // Восьмая дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 26–29 апреля 2004 г. Владивосток: Дальневосточное отделение РАН, 2004. С. 200–203.

Прокофьев, Трубников 2008 — *Прокофьев Р. В., Трубников В. В.* Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 1: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2008. С. 135–141.

Смирнов 1958 — *Смирнов А. П.* Армянская колония города Болгара // Смирнов А. П. (отв. ред.). Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М.: Наука, 1958. С. 330–359 (МИА. № 61).

Смирнов 1896 — *Смирнов И.* Раскопки близ сел. Межиречки // Записки Императорскаго Русскаго археологическаго общества. Н. с. Т. VIII. Вып. 1–2. Труды отделения русской и славянской археологіи. Кн. 1. СПб., 1896. С. 169–172.

Солнцев 1853 — *Солнцев Ф. Г.* Древности Россійского государства, изданныя по Высочайшему повеленію Государя Императора Николая I. Отд. 3: Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М.: Тип. А. Семена, 1853. IV, XXVI, 152 с.

Тодич и др. 2007 — *Тодич Б., Кузеванов О. А., Турилов А. А.* Дечаны // Православная энциклопедия. Т. XIV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 480–487.

Чахкиев 1985 — *Чахкиев Д. Ю.* Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Виноградов В. Б. (отв. ред.). Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Институт истории, социологии и философии, 1985. С. 60–68.

Чахкиев 1990 — *Чахкиев Д. Ю.* Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в Горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 80–100.

Чахкиев 1994 — *Чахкиев Д. Ю.* Золотоордынские черты в военном деле вайнахов (XIII–XV вв.) // Первые Ахриевские чтения: ТД НПК. Назрань: Госиздат, 1994, С. 14–15.

Чахкиев 1998 — *Чахкиев Д. Ю.* Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника Горной Ингушетии // Чакхиев Д. Ю. (отв. ред.). Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1998. С. 15–27.

Чхаидзе, Дружинина 2008 — *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // Археологический журнал. 2008. № 2. С. 79–88.

Чхаидзе, Дружинина 2010 — *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 110–125.

Шалобудов 1984 — *Шалобудов В. Н.* Кочевнические курганы правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ) // Ковалева И. Ф. (отв. ред.). Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 112–123.

Шмаков 1990 — *Шмаков В. Г.* Кузница в современном хозяйстве. М.: Машиностроение, 1990. 287 с.

Alexander 1983 — *Alexander D.* Two Aspects of Islamic Arms and Armor // Metropolitan Museum Journal. 1983. Vol. 18. P. 97–109.

Alexander 1992 — *Alexander D.* The Arts of War: Arms of the 7th to 19th Centuries. London,1992. 240 p. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI).

Alexander et al. 2015 — *Alexander D. G., Stuart W. P., Kwiatkowski W.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan museum of art; New Haven; distributed by Yale univ. press, 2015. 336 p.

Boncz 1885 — *Boncz Ö.* Egy XIV. századbeli sisak a Nemzeti Múzeum Régiségtárában // Archeológia Értesítő. № 5. Budapest, 1885. P. 373–374.

Carpegna 1969 — *Carpegna, di N.* Antiche Armi dal sek. IX al XVIII gia Collazione Odescalhi. Roma; Palazzo Venezia: De Luca Editore, 1969. 100 p., 97 pl.

Foulkes, Traquair 1911 — *Foulkes C., Traquair R.* On Italian Armour from Chalcis in the Ethnological Museum at Athen // Archaeologia: or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity, published by the Society of Antiquaries of London. Vol. 62, part II (2nd series, vol. 12 part 2). London, 1911.

Fleury 1991 — *Fleury M.* Nouvelles observations sur le casque ou chapel doré de Charles VI // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1989. Paris, 1991.

Fleury, Kruta 1985 — *Fleury M., Kruta V.* Premiers résultats des fouilles de la Cour carrée du Louvre // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Année 1985. № 4 (129).

Gawrysiak-Leszczyńska, Musianowicz 2002 — *Gawrysiak-Leszczyńska W., Musianowicz K.* Kurhan s Tahańczy // Archeologia Polski. Vol. 47. No. 1–2. S. 287–340.

Gembarzewski 1937 — *Gembarzewski B.* Szyszak stozkowy o charakterze wschodnim w Muzeum Wojska // Broń i Barwa. T. IV. № 11–12. Warszawa, 1937.

Hales 2013 — *Hales R.* Islamic and Oriental Arms and Armour. A Lifetime's Passion. London, 2013. 400 p.

Kalmár 1971 — *Kalmár J.* Régi magyar fegyverek. Budapest: Natura, 1971. 430 s.

Kienbusch 1963 — *Kienbusch, von C. O.* The Kretzschmar von Kienbusch collection of armor and arms. Princeton: Princeton University Press, 1963. 365 p.

Kienbusch, Grancsay 1933 — *Kienbusch, von C. O., Grancsay S. V.* The Bashford Din Collection of Arms and Armor in The Metropolitan Museum of Art. Portland: The Southworth Press for the Arms and Armor Club of New York, 1933. 270 p.

Kovács 2010 — *Kovács S. T. H*uszárfegyverek a 15–17. században. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2010. 289 s.

Lawrynowicz 2009 — *Lawrynowicz O.* Nowo odkryty kapalin z Włocławka na tle porównawczym // Acta Militaria Mediaevalia. T. V. Kraków; Sanok; Wrocław, 2009.

Lenz 1924 — *Lenz, von E.* In Russland gefundene Fruhmittelalterliche Helme // I Beiheft der Zeitschrift für Historische Waffen und Kostümkunde. Berlin; Leipzig, 1924.

Meyer 1937 — *Meyer S.* Szyszak wschodni XVI-go wieku // Broń i Barwa. T. IV. № 9. Warszawa, 1937.

Nicolle 1999 — *Nicolle D.* Arms & Armour of the Crusading Era, 1050–1350. Western Europe and the Crusader States. London: Greenhill Books, 1999. 636 p.

Pomodoro 2000 — Arnaldo Pomodoro e il Museo Poldi Pezzoli: la Sala d'armi. Milano: Edizioni Olivares, 2000. 122 s.

Post 1936 — *Post, von P.* Von der Anfängen der Schallern // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. NF. Bd. 5. Heft 5. Berlin, 1936.

Pyhrr 2000 — *Pyhrr S. W.* European Helmets, 1450–1650. Treasures from the Reserve Collection. NewYork: The Metropolitan Museum of Art, 2000. 49 p.

Rabovyanov, Menkov 2017 — *Rabovyanov D., Menkov Y.* Ottoman Helmets from the Medieval Fund of the National Archaeological Institute with Museum in Sofia // Archaeologia Bulgarica. T. XXI. Vol. 2. Sofia, 2017.

Reverseau 1982 — *Reverseau J. P.* Musée de l'Armée Paris. Les armes et la vie. Paris: Dargaud Editeur, 1982. 168 p.

Richardson 2015 — *Richardson T.* Islamic Arms and Armour // Royal Armouries: Arms and Armour series. Leeds, 2015.

Scalini 1996 — *Scalini M.* The Armoury ot The Castle of Churburg. London: Magnus, 1996. 720 p.

Schneider 1986 — *Schneider, von H.* Zwei Helme aus der Burgruine Innerjuvalta // Zeitschrift der Gesellschaft für Historische Waffen- und Kostümkunde. Vol. 28. No. 1. München; Berlin, 1986.

Sotheby's 2008 — Tomas Del Mar Ltd. in Association with Sotheby's. Antique Arms, Armour & Militaria: London, Wednesday 25th June 2008. London, 2008.

The arts of the Muslim knight 2008 — Mohamed B. (concept a. direction).The arts of the Muslim knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano: Skira, Inst. du monde arabe, 2008. 416 c.

Terenzi 1967 — *Terenzi M.* Mostra di armi antiche (sec. XIV–XV). Poppi, Castello dei conti Guidi, 16 luglio — 16 agosto 1967. Firenze: Formatecnica, 1967. 120 p.

Vaivre 1991 — *Vaivre, de J. B.* Deux défenses de tête de Charles VI // Bulletin Monumental. T. 149 (n°1, année). Paris, 1991.

Williams 1997 — *Williams A.* Ottoman Military Technology. The Metallurgy of Turkish Armour // War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th Centuries. Leiden. 1997.

А. А. Купранис
(Санкт-Петербург)

О древнерусских весовых эталонах

В 1925 г. были опубликованы тезисы Н. П. Лихачева, посвященные византийским экзагиям, где он, по сути, предвосхитил и обнаружение официальных древнерусских весовых эталонов. «Памятники византийской сфрагистики, византийской нумизматики и византийской метрологии так тесно связаны между собою сходством типов, стиля, определительных признаков, что требуют совместного изучения и постоянного сравнения», — писал Н. П. Лихачёв, обозначая типологические взаимосвязи артефактов (Лихачёв 1925: 519). И далее: «Сопоставление веса позволяет установить значение эксагиев за некоторыми изделиями из бронзы и свинца, на которые до сих пор в этом отношении не обращалось внимания и которые признавались одни просто образками, другие тессерами» (Лихачёв 1925: 525).

Совсем недавно внимание исследователей привлекли необычные экземпляры древнерусских «актовых печатей», дальнейшее изучение которых позволило предположить, что в действительности эти предметы использовались в качестве официальных весовых эталонов (Купранис, Попов 2017: 36–39). Оба эталона представляют собой массивные свинцовые пластины, на которых оттиснуты матрицы актовых печатей. В ряду чисто сфрагистических памятников их выделяет, прежде всего, чрезвычайно высокий, нехарактерный для актовых печатей вес. Подводя итоги всестороннего анализа одной из этих «печатей», С. В. Белецкий констатировал: «рассматриваемый предмет не является, строго говоря, актовой печатью, т. е. печатью, скреплявшей документ» и лишь то, что оттиск на свинцовой пластине совершен обычным буллотирием, позволяет сохранить за предметом обозначение «печать» (Белецкий 2016: 130–131).

Чтобы понять функциональное назначение этих предметов, необходимо было найти их аналоги в средневековой материальной культуре. И такие аналоги нашлись именно среди официальных средневековых весовых эталонов. Они также представляют собой свинцовые пластины, утвержденные оттисками матриц, содержащих информацию об их официальном статусе. В качестве примера можно привести гирю короля Уэссекса Альфреда Великого (871–899) весом 163,1 г (рис. 1, *1*) из собрания Британского музея (Williams 1999: 20, № 1)[1], а также гирю (рис. 1, *2*) основателя халифата Фатимидов, халифа аль-Махди (910–934), выставлявшуюся на аукционе Gorny & Mosch[2].

[1] British Museum № 1937, 1007.4.

[2] Auction № 184. 18.12.2009. № 486.

Рис. 1. 1 — гиря короля Уэссекса Альфреда Великого (871–899 гг.), British Museum; 2 — гиря халифа аль-Махди (910–934 гг.), Gorny & Mosch, Auction № 184; 3 — весовой эталон, Государственный исторический музей; 4 — весовой эталон, Государственный Эрмитаж; 5 — прорисовка оттиска актовой печати на весовом эталоне из Государственного Эрмитажа; 6, 7 — бочковидные гири со следами облегчения, Новгород, Михайловский раскоп

Весовой эталон из собрания Государственного исторического музея[3] имеет вес 96,2 г и представляет собой трапециевидную свинцовую пластину длиной 38 мм и шириной 24–30 мм с глубоко оттиснутыми на ней матрицами печати (рис. 1, *3*). Толщина пластины колеблется от 11 до 8 мм в месте максимального вдавливания матриц. На обрубленных краях видно сплюснутое сквозное отверстие с остатками широкого кожаного ремешка. Матрицы печати с изображением трезубца атрибутированы полоцкому князю Изяславу Владимировичу (†1001), сыну Владимира Святославича (†1015), что позволяет датировать этот эталон рубежом X–XI вв. (Янин 1955: 40–42; 1970: 41, 166 № 2; Белецкий 2016: 123–133).

Эрмитажный эталон[4] весом 94,586 г (рис. 1, *4, 5*) представляет собой свинцовую пластину длиной 40 мм и шириной 30 мм при толщине 8–12 мм (Сотникова 2004: 198). Сохранность эталона удовлетворительная, видимых повреждений, свидетельствующих о существенном отклонении от изначального веса, не имеется. На пластине оттиснуты матрицы печати № 340а Корпуса актовых печатей с погрудным изображением св. Феодора с копьем у правого плеча на одной стороне и процветшего креста на другой (Янин, Гайдуков, 1998: 156, 274, № 340а). Под ними «угадывается оттиск еще какой-то матрицы с надписью в четыре строки» (Сотникова 2004: 198).

Утверждение свинцовых разновесов матрицами печатей, связанных с институтами власти, придает этим разновесам статус официальных весовых эталонов. Сфрагистические особенности матриц, которыми эталон переутвержден, позволяют датировать это переутверждение первой половиной XII в. Учитывая, что матрицы несут изображение св. Феодора, тезоименного Мстиславу (Федору) Владимировичу, можно сузить датировку этого переутверждения, предположив, что оно произошло от имени и по велению Мстислава Владимировича в бытность его

[3] ОН ГИМ № 1. Точный вес предмета любезно сообщил П. Г. Гайдуков.

[4] ОН ГЭ № 5985. Точный вес предмета любезно сообщила Е. В. Лепёхина.

великим Киевским князем (1125–1132 гг.). Первичное утверждение было осуществлено матрицами печати с многострочной надписью, и, соответственно, изготовление эталона можно датировать временем не позже 30-х годов XII в. — именно этим рубежом ограничивается бытование печатей с русской благопожелательной надписью. Уверенное распознавание остатков греческой надписи свидетельствовало бы о еще более раннем времени изготовления эталона.

Сохранность эталонов не дает повода усомниться в их полновесности и не позволяет считать их нормативным весом величину в 102,378 г (четверть фунта в 409,512 г). Согласно статистическим данным, приведенным Н. П. Бауером, наиболее часто встречающийся вес так называемых «северных» или «новгородских» серебряных платежных слитков колеблется около 196 г (Бауер 2014: 191–194, 266–270, табл. II). Таким образом можно считать, что вес официальных древнерусских весовых эталонов составляет примерно половину веса подобных слитков.

Насколько различима была разница межу 98 г и 102 г для средневековых весовщиков? О точности средневековых взвешиваний позволяет судить текст Копысского договора 1407 г. между Полоцком и Ригой, который содержит следующее требование: «…серебрьныи весы у Ризе держати полузолотникомъ болши Полоцкого весу у одного рубля» (Напьерский 1868: 130, стб. 2). Очевидно, что норма для взвешивания серебра в Риге должна была на половину золотника превышать полоцкую рублевую норму. А для уверенного выявления отличия веса в половину золотника нужно произвести взвешивание с вдвое более высокой точностью — не ниже четверти золотника. Если считать вес рубля того времени около 170 г, а золотник — 4,26 г, то взвешивание должно было производиться с точностью не ниже 1,07 г, или 0,6 %. Технология стационарных взвешиваний начала XV в. вряд ли претерпела существенные изменения по сравнению с ранним средневековьем, и, думается, мы вправе считать вполне достижимой точность взвешиваний около 0,6 % для всего средневекового периода.

Наши выводы практически совпадают с результатами Х. Штоера, которые он получил, основываясь на математическом моделировании: при взвешивании груза весом 150 г расчетная погрешность составила 1,0–1,5 г или 0,67–1,0 % (Steuer 1997: 112–122). Таким образом, разница при сравнении грузов весом 102 г и 98 г средневековым весовщикам была хорошо заметна.

Подтверждают использование на Руси весовой нормы около 98 г и две гирьки, найденные на Михайловском раскопе в Новгороде. Гирьки, которые, надо полагать, первоначально весили около 102 г, были намеренно облегчены продольными механическими вырубами на боковых поверхностях до веса в 96,07 г и 98,315 г (рис. 1, *6, 7*). Происходят гирьки из слоев 1201–1228 гг. и 1407–1467 гг., соответственно (Колчин, Хорошев 1978: 163–164, рис. 18). Их новая весовая норма близка половине среднего веса «новгородских» серебряных платежных слитков, рассчитанного Н. П. Бауером.

Таким образом, весовые эталоны с метрологической нормой около 98 г прослеживаются начиная с рубежа X–XI вв. и вплоть до XV в., т. е. практически на всем протяжении использования на Руси разновесов для малых взвешиваний. Однако уточнение этой метрологической нормы, определение ее места среди других метрологических норм средневековья, а также выяснение структуры ее деления на более мелкие фракции — это уже отдельная задача, выходящая за рамки настоящей статьи.

Литература

Бауер 2014 — *Бауэр Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М.: Русское слово, 2014. 689 с.

Белецкий 2016 — *Белецкий С. В.* О печати № 2 Корпуса актовых печатей Древней Руси // ЗИИМК. 2016. № 13. С. 123–133.

Колчин, Хорошев 1978 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 135–173.

Купранис, Попов 2017 — *Купранис А. А., Попов А. А.* Об официальных древнерусских весовых эталонах // Нумизматика. 2017. № 1 (41). С. 36–39.

Лихачёв 1925 — *Лихачёв Н. П.* Византийские эксагии // Известия Российской академии наук. Серия 6. Т. 19. № 16–17. Л., 1925. С. 519–526.

Напьерский 1868 — *Напьерский К. Е.* Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1868. 462 с.

Сотникова 2004 — *Сотникова М. П.* Пополнение эрмитажного собрания древнерусских свинцовых печатей и пломб // СГЭ. Вып. LXII. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 196–199.

Янин 1955 — *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 39–46.

Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. Печати X — начала XIII в. М.: Наука, 1970. 326 с.

Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 501 с.

Steuer 1997 — *Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft. 10. Köln; Bonn, 1997. S. 112–122.

Williams 1999 — *Williams G.* Anglo-Saxon and Viking Coin Weights // The British Numismatic Journal. 1999. № 5 (69). P. 19–36.

А. В. Курбатов
(Санкт-Петербург)

Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным

Тема средневекового оружия и вооружения как особое направление в историко-археологических исследованиях давно нашла широкое отражение в работах специалистов. Особое место занимает изучение кожевенной продукции. Одной из древнейших находок можно считать колчаны из необработанных шкур, встреченные в соляных горных выработках эпохи Гальштатта на территории Австрии (Barth 1992). Остатки же кожаных доспехов археологи отмечают, по крайней мере, с эпохи раннего железного века. В частности, фрагменты кожаного панциря из Толстой Могилы на окраине г. Орджоникидзе упомянуты в работе Е. В. Черненко (Черненко 1975).

Ранее других начали изучаться кожаные детали профессионального вооружения римского времени, когда использовался достаточно широкий набор кожаных изделий и приспособлений. Известны археологические находки, описания и реконструкция римских кавалерийских седел (Connolly, Driel-Murray 1991), а также кожаных понтонов для преодоления водных преград (Munteanu 2013: 545–552). Находки деревянных деталей последних встречены в 1938 г. в *Strasbourg-Königshofen*. По ним реконструированы настоящие деревянные настилы-понтоны, включавшие 48 деревянных брусьев, поддерживаемых 28 воздушными мешками из шкур, создававшие поверхность более 200 кв. м. Сведения о понтонах содержатся в римских письменных и изобразительных источниках, в частности, на колонне Траяна. Среди других предметов можно назвать кожаные армейские палатки, реконструированные по серии железных штырей-клиньев, найденных при раскопках римского лагеря Кунзинг-Квинтана (Herrmann 1972).

Серии кожаных деталей воинского снаряжения найдены в римском лагере Зальбург (Busch 1965) и в других местах размещения воинских контингентов в Европе и на Переднем Востоке. Ряд работ им посвятил К. ван Дриель-Муррау (Driel-Murray 1985а; 1985б; 1988; 1989а; 1989б; 1990). Для позднеримского времени описаны находки кожаной портупеи римского легионера IV в. н. э. из торфяников в Вимоза (Nagy 2005: Abb. 33). Имеются данные по использованию пращи в римской армии (Bondoc 2009). Среди других кожаных элементов надо отметить покрытия щитов, внутренние покрытия металлических шлемов, панцирей, ножны мечей и кожаные рубахи (Банников 2011: 66, 72–73, 76, 86).

Наиболее частыми археологическими находками воинской амуниции являются кожаные сандалии. Римские легионеры традиционно носили сандалии с подошвами,

подбитыми железными гвоздями. Поэтому даже единичные находки такого рода позволяют предполагать присутствие римлян, например, находка 23 таких гвоздей в одной могиле некрополя Херсонеса Таврического, датированной второй половиной II в. н. э. (Костромичёв 2005: 99, рис. 2, *9*; 2011: 106).

Подробно описывал римскую обувь А. В. Банников. «Знаменитые римские калиги — военные сандалии, подбитые гвоздями, исчезают, как кажется, во второй половине III в. Археологические находки позволяют предположить, что в период Поздней империи произошел отказ от стандартизации и в армии использовалась обувь самых различных стилей, зависевших от местных условий. Широкое распространение получили кампаги (campagi), или сокки (socci), как предпочитает называть солдатскую обувь Аноним. Они представляли собой кожаные башмаки с ременной шнуровкой. Кампаги могли быть полуоткрытыми или полностью закрытыми, напоминающими высокие (до уровня лодыжек) ботинки. Они имели толстую подошву из трех слоев кожи, подбитую гвоздями. Чтобы защитить ноги от соприкосновения с обувью, надевали носки. Несколько экземпляров подобного элемента военного костюма было обнаружено в Египте. Они сделаны из шерсти, окрашенной в голубой, красный, оранжевый и зеленый цвета» (Банников 2011: 91).

Исследователь также отметил, что о поставках обуви и другого снаряжения из кожи сведений почти не сохранилось. В источниках не упоминаются государственные сапожные фабрики. Их отсутствие подтверждается также и тем, что к концу III в. специальной обуви военного образца, по-видимому, не было. Поэтому обувь могла поступать из обычных обувных мастерских (Банников 2011: 44).

Широкий набор кожаных предметов в римской армии, известный по письменным и археологическим данным, рассматривает также А. Е. Негин (Негин 2014: 101–105). Он же анализирует скупые упоминания о поставках кож для амуниции и приходит к выводу, что кожаное снаряжение могли изготавливать непосредственно в легионных мастерских. В одной из табличек, найденных в Виндоланде, в числе работников мастерских упомянуты изготовители обуви (sutores). Кроме обуви в местах дислокации легионов было удобно делать и другое кожаное снаряжение.

О том, что кожаные доспехи в римское время были широко распространены у разных народов, писал Р. Робинсон, отмечая прекрасный образец такого доспеха III в. н. э. из Дура-Европос — ламелларные набедренники парфянского или персидского *ауксиллярия* из пластин сыромятной кожи (Robinson 1995: 162–163, pl. 457–458). И позже такие доспехи оставались одним из основных видов защиты рядового воина. В описании средневековых алан Мовсес Хоренаци отметил, что «многие из них были в броне из ремней и кожи», под которыми предлагается видеть кожаные ламелларные доспехи (Негин 2014: 101–105).

М. В. Горелик писал о твердой коже защитных вооружений на Востоке, приводя в качестве источника упоминания эфиопских щитов из буйволовой кожи, которые не пробивали свинцовые ружейные пули, поэтому приходилось стрелять рублеными железными прутьями (Ратцель 1900, т. 2: 471). Также отмечалась как оружие праща, имевшая кожаную основу, и много внимания уделено защитному бронированию тела в виде панцирей из мягких и твердых материалов (Горелик 2003: 71, 73 и сл.).

В материалах симпозиума 1995 г. «Раннесредневековая кожа и мех», проходившего в Оксфорде, собраны работы по широкому кругу вопросов, связанных с организацией кожевенного производства, охотой и торговлей мехами в средневековой

Европе (Курбатов, Матехина 2004: 350–357). В частности, Эстер Камерон предложила анализ данных о коже в Англии до норманского завоевания. Она рассмотрела и использование кожи для оружия и доспехов в VII — первой половине XI в. Археологических данных о кожаных предметах англо-саксов немного. Это фрагменты обуви и минерализованные части кожаной обкладки на оружии, а также остатки прямоугольного кожаного футляра для весов и набора гирек первой половины VI в. из Вотчфилда, Оксфордшир. Предполагается использование англо-саксонской элитой «мышечных доспехов», известных по римским изображениям, которые сшивались или склеивались из нескольких слоев кожи. На это косвенно указывают находки специфичных застежек в Саттон-Ху и Тэплоу. Их наличие в средневековой Европе позволяет предполагать развитая техника cuir bouilli — «кипяченой, вареной кожи». В английских завещаниях и других документах XIV–XV вв. упомянуты кожаные доспехи для воинов и лошадей. Но вещи такого типа пока не найдены. В «Регистрах ремесел и торговли города Парижа», составленных в середине XIII в., cuir bouilli отмечена в статуте «Об изготовителях кожаных футляров и ножен» (Регистры… 1958: 178).

В последнее время эта тема получила развитие в современной польской науке. Имеются работы, в которых анализируются кожаные детали профессионального вооружения (Samsonowicz 2003; Michalak 2009). Некоторые исследователи считают необходимым рассматривать весь круг снаряжения, включая бытовые вещи повседневного употребления, которые можно связывать с воинским бытом (Kurasiński 2008: 27–49; Michalak, Wolanin 2008: 99–120). Предметы воинского снаряжения из раскопок посада Гданьска (в том числе кожаные чехлы для боевых ножей и пращу) описал П. Шведкевич (Świątkiewicz 2012: 5–74). Для раннего нового времени в Западной Европе кожаные детали вооружения включали принадлежности для огнестрельного вооружения — банделеры и сумки для пуль (Strzyż 2008: 131–144).

Отметим редкие находки. В отличие от железных шпор, регулярно находимых в средневековых городах и на сельских памятниках, кожаные ремни для крепления шпор — вещи достаточно редкие. Они впервые выделены в материалах из раскопок слоев XIII–XVIII вв. в Риге (Бебре 2008: 351 и сл.). Всего обнаружено 16 полных ремней или фрагментов. В комплекте шпоры определены надшпорный (верхний) и подшпорный (нижний) ремни. Ранними автор считает шпоры с одним узким ремнем, который охватывал стопу и сверху, и снизу. Такой предмет найден в слоях XIII в. Но в тех же слоях обнаружены и шпоры, на которых крепились по два ремня. Надшпорные ремни, представленные в нескольких вариантах, имели широкую среднюю часть, декоративно вырезанную в форме бабочки. Реконструкцию крепления шпор на таких ремнях дал Ян Шустер (Schuster 2010).

Другой редкой находкой являются кожаные наручи, встреченные в Тарту в заполнении латрины, которое датируется 1330-ми гг. — началом XV в. Они были усилены железными пластинами и заклепками (Mäesalu, Peets 2013: 231–237).

Находку кожаного панциря на Неревском раскопе отмечал еще Б. А. Колчин (Колчин 1956: 70). Недавно об этой же находке упомянули В. И. Завьялов и Л. С. Розанова: «Интересно, что в предыдущем ярусе на этой же усадьбе всего в нескольких метрах от описываемого наконечника был найден пластинчатый доспех.., от которого сохранился кожаный фартук, на который было нашито 300 железных пластин» (Завьялов, Розанова 2011: 228).

Редкие находки чехлов для мечей известны в городах Западной Европы. Целый чехол найден в слоях XIII–XIV вв. в Монникендаме, Голландия (Walle-Woude 1989: 89–90, fig. 3, *34*). Части таких чехлов найдены в средневековых слоях Грейвсвальда в Германии (Schäfer, Schäfer 1997: 273–277). В Польше обрывки чехлов для меча найдены в слоях X–XII вв. в г. Ополье (Hołubowicz 1956: 139–140, rys. 53) и на посаде Гданьска в слоях XI в. (Nadolski 1967: 187–192). Возможная кожаная обтяжка ножен для сабли отмечена в Старом Городе Ельблонга (Marcinkowski 2009: 172, rys. 31). На Аландских островах чехлы найдены при раскопках Кастельхолма (Kykyri 1997: 9–22).

Широкий спектр таких изделий в средневековой Руси мы знаем по письменным источникам, преимущественно начиная с конца XV — XVI в. В них, например, указаны кожаные покрытия конских доспехов — *личины* и *кояры*. С давних времен существовали воинские кожаные панцири, специальные покрытия для режущего и колющего оружия. Введение в русской армии XVI–XVII вв. ручного стрелкового оружия и появление «полков иноземного строя» расширили ассортимент кожаных предметов. В источниках упоминаются: *лядунка* — сумка для патронов и пороха, *натруска* — небольшая пороховница для хранения и насыпания на полку затравочного пороха, а также *патроны*, *втоки*, сумка — *борошень*, мешок? для пуль — *пулешник*, *мешки пороховые*, *барабаны* и *литавры*. Для ношения огнестрельного оружия и патронташа служили *погонъ* и *банделер* — наплечный ремень, а также *вязня* или *перевязь* (Бранденбург 1896: 259–260; Савваитов 1896: 72; СлРЯ XI–XVII, 1: 69, 299; 3: 286; 8: 28, 63, 241; 10: 136, 228, 288; 14: 173, 225–226; 15: 192; 21: 44; 22: 175; СлРЯ XVIII, 1: 136).

Показателем технических поисков в артиллерийском деле XVII в. надо считать «кожаные пушки» — вероятно, железные или медные орудия, обшитые кожей. Для XVII в. они названы в списках крепостных запасов (нарядов) вооружения Пскова, Смоленска и Новгорода. В 1661 г. в Новгород предписано «послать с Москвы на пушечное дело кож задубных 50.., а велено из тех кож делать пушки полковые». Вскоре воевода Б. А. Репнин сообщал в Разрядный приказ, что из Новгорода «прислано к нему ныне две пушки кожаных окованные железом и ядра пустые». В описи «наряда» г. Пскова 1683 г. числилось «пять пищалей кожаных», устройство которых поясняет следующая запись: «и те все кожаные пищали обняты в длину полосами и поперег железными обручами с кольцами, а в середине трубы медные» (СлРЯ XI–XVII, 12: 110). Также описана и пищаль в Описи Смоленска 1670 г.: «пищаль медная с обручами железными, обвита сверху кожами» (Епифанов 1979: 277). Имеются и другие записи: «[1663] (Пушки) заварные железные: пушка золоченая Ермолова дела…; пушка коженая малая на ремнях, пушка коженая полковая в станку» (СлРЯ XI–XVII, 7: 219–220); «[1661] Послано ко мне въ полкъ 50 задубныхъ кожъ.., а изъ задубныхъ кожъ велелъ я пушки дробовыя делать со всякимъ поспешениемъ» (СлРЯ XI–XVII, 5: 188). Кожаные пушки продолжали существовать и в XVIII в. (СлРЯ XVIII, 20: 101). Также использовались и чехлы для пушек: «[1679] 17 чехловъ пушечныхъ кожанныхъ» (СлРЯ XI–XVII, 21: 72).

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона есть небольшая анонимная статья о кожаных пушках: «Очень легкие полевые орудия, которые, по-видимому, употреблялись уже в начале XIV в. (К. мортира венец. Арсенала), затем гуситами, но систематическая попытка применения их сделана была Густавом Адольфом, который ввел их в 1625 г., по предложению полковника Мельхиора

фон Вурмбрандта и барона Роберта Скотта. Эти К. пушки состояли из тонкостенного медного ствола с медною тарелью; ствол скреплялся железными обручами, а затем обшивался осмоленною бичевкою и сверху обшивался кожею, пропитанною дегтем; снаружи одевался железный обруч с двумя цапфами; калибр был 1–3-фунтовый; весило орудие 3 пд. и легко перевозилось на лафете 1 лошадью или 2 человеками; стрельба исключительно картечная. К. пушки не оправдали ожиданий: они имели большой откат и малую дальность, стволы сильно нагревались, выстрелы происходили иногда преждевременно. Поэтому уже в 1631 г. К. пушки заменены были легкими чугунными» (Брокгауз, Ефрон 1895: 567).

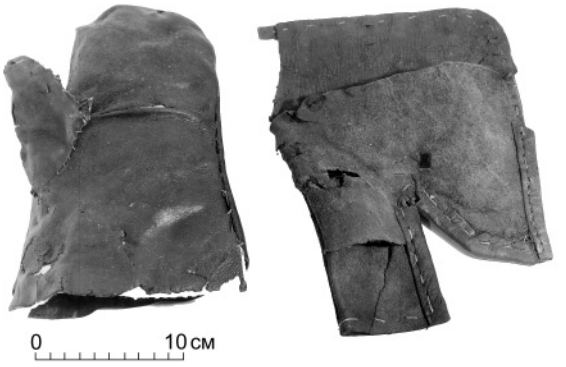

Рис. 1. Ивангородская крепость. Кожаные рукавица и чехол для топора

Очень редко появляются кожаные предметы амуниции в археологических раскопках. Наряду со многими кожаными изделиями, хорошо известными по документам XVI–XVII вв., детали вооружения и воинской экипировки выделяются в археологических материалах очень редко. Основанием для соотнесения исторических наименований с археологическими находками служат: 1) описание изделий в письменных источниках, 2) изобразительные материалы, 3) особенности формы и конструкции археологических находок, а также эксплуатационная деформация кожаных изделий.

Чехлы для крепления к седлу копья (сулицы). Они в письменных источниках не названы, но можно предположить, что они использовались, потому что известны чехлы для топоров и других предметов. Предположительный чехол для крепления топора к седлу отмечен на раскопе 1985 г. в Тверском кремле (Курбатов 1994: рис. 1, *16*), а достоверный — в Ивангороде (рис. 1). Предположительный чехол для ложки или наконечника копья упомянут в Новгороде (Матехина 2009: 17–18). Это конусовидное изделие найдено в слое второй половины XIV в. Троицкого раскопа. Изделие цельнокроеное, с продольным тачным швом, вывернуто бахтармой наружу. Верх чехла собирался на ремешок, стягивающий устье. Он напоминает более раннюю находку в слое XV в. в Московском Зарядье (Медведев 1959: 130).

Колчаны, налучи, саадаки. Изображения колчанов и налучья в древнерусских изобразительных источниках разбирал А. Ф. Медведев (Медведев 1966: 7–10). Из письменных источников мы знаем кожаные футляры для стрел — *тулы,* в том числе бобровые, упомянутые в Ипатьевской летописи под 1241 г. (СлРЯ XI–XVII, 1: 254). Обычно колчаны делали из деревянных дощечек и сверху покрывали кожей или тканью. Их носили на особом поясе (СлРЯ XI–XVII, 7: 254–255). Подобным образом делались и специальные чехлы для лука — *налучи* (СлРЯ XI–XVII, 10: 141). В XVI–XVII вв. были и особые вместилища для стрел — *колчаны, настрельники* (СлРЯ XI–XVII, 10: 275, 286). Комплект стрелкового оружия часто имел совмещенные налуч и колчан — *саадак, сагадак*, крепившийся к специальному поясу. Он отмечен в «Хождении Афанасия Никитина», написанном около 1472 г. (СлРЯ XI–XVII, 23: 9).

Рис. 2. Ивангородская крепость. Кожаная обтяжка меча (сабли?, тесака?)

В археологическом материале эти предметы встречаются редко. А. Ф. Медведев считал, что на территории Восточной Европы в VIII–XIV вв., видимо, использовали два основных типа колчанов: берестяные цилиндрические с костяными петлями для подвешивания и кожаные, полукруглые в сечении, с железными оковками и петлями для подвешивания. Среди письменных сведений об устройстве колчанов исследователь отметил арабский трактат XV в., где говорится, что колчаны можно делать из дерева, кожи или войлока, но лучшие получаются из кожи (Медведев 1966: 20–22). Фрагмент деревянного колчана, обшитого кожей, найден в жилой клети на Райковецком городище (Гончаров 1950: 127, *43*).

Налучье делалось в форме лука, на деревянном каркасе, обтянутом кожей или плотной материей. А. Ф. Медведев писал, что они не найдены (Медведев 1966: 23), но к настоящему времени они уже обнаружены. Это, например, чехол первой половины XVII в. из Мангазеи. Длина его 51 см, верхняя часть сделана раструбом шириной 16,5 см, а нижняя — чулком — шириной 5,5 см. Вся средняя часть чехла украшена рядами тисненых кружков, в отдельных местах разделенных вертикальными и горизонтальными линиями. В верхней части сохранились следы от крепления костяной или кожаной пластины, которая вместе с петлей служила для крепления ремня, которым налуч приторачивался к седлу (Белов и др. 1981: 74, рис. 14: 12).

Полная деталь (лицевая?) кожаного саадака XVI–XVII вв. найдена на Ново-Торговском IV раскопе во Пскове. По мнению руководителей раскопок, реконструируемая длина колчана могла составлять 35–40 см, а ширина — 15–20 см. На детали сохранились отверстия для крепления перевязи и налучья, а в верхней части колчана могла крепиться металлическая накладка (Михайлов, Яковлева 2007: 41).

Из ханского слоя Казани середины XV — первой половины XVI в. происходит фигурно выкроенный колчан, украшенный изящно вышитым по шнуру растительным декором с зооморфным существом — Зилантом? (Ситдиков 2006: рис. 91, *1–2*). В верхней части имеет надрез длиной 13 см, в центре верхней части и по углам фиксируются следы металлических заклепок. Его длина 54,5 см, а ширина в верхней части 26,2 см. Колчан изготовлен из одинаково выкроенных частей кожи толщиной 2 мм. Саадак с другого раскопа в сшитом виде имел треугольную форму длиной более 53 см и шириной вверху 25 см и был украшен по краям зигзагообразным тиснением.

Внизу и вверху имеются следы от нашивок или заплат (Валиев 2009: 121).

Чехлы для мечей и сабель. На Неревском раскопе в Новгороде в слоях XI–XIII вв. найдено несколько деревянных ножен больших ножей, мечей и сабель, представляющих собой тонкий деревянный каркас, обтянутый кожей и окованный железными пластинами с кольцами (Колчин 1968: 84–85, табл. 80, *4, 5*). Позднее Т. С. Матехина писала об известных ей 7 обрывках ножен мечей в Новгороде (Матехина 2009). Фрагмент кожаных ножен найден в комплексе шведского времени (рис. 2) в Ивангородской крепости (Курбатов 1995: рис. 12, *III.6*).

Чехлы для пистолетов. В XVI–XVII вв. чехол для пистолета или ружья, привешиваемый у передней части седла, называли *ольстра, ольстро*. При археологических раскопках такие изделия находят редко. В Москве один чехол был найден в слоях конца XVII — XVIII в. на Манежной площади и приурочен к дому купца Силина XVII в. (Векслер и др. 1996: 104–106; Векслер, Осипов 1999: 214, рис. 1, *9*). В Ивангородской (Курбатов 2014: 99 и сл.) крепости в слоях конца XVI — первой половины XVII в. найдена кобура (рис. 3).

Рис. 3. Ивангородская крепость. Кожаная ольстра

В Московском государстве пошив чехлов связан с изготовлением личного стрелкового оружия, и эту деятельность контролировали Приказы. Шили чехлы особые мастера — ольстрельники (Фасмер 1996: 137; СлРЯ XI–XVII, 10: 46; 12: 362). Надо полагать, что ольстры обязательно прилагались при продаже личного оружия или выдавались служилым людям из Дворцового приказа. Поэтому интересны факты поступления чехлов в гражданское хозяйство, например, в форме вкладов в монастыри (Косцова 2008: 77).

Конница в то время составляла элитный род войск, формируемый из высших дворян, и снаряжение их было соответственно богатым и украшенным. Ольстры шили из кожи и бархата, украшая расшивкой цветной шелковой нитью, серебряной канителью, а также бархатными отворотами. Особым заказом были чехлы для оружия царя (СлРЯ XI–XVII, 3: 260; 12: 362).

Праща. О праще как древнем оружии на Востоке писал М. В. Горелик: «Праща является древнейшим метательным оружием дальнего боя, исключительно простым в изготовлении, дешевым и потому повсеместно распространенным. Пращевые

ядра, каменные и глиняные, диаметром от 3 до 6–8 см сотнями находят в развалинах древневосточных городов, а также в могилах степных кочевников… Праща представляет собой веревку или ремень, куда вкладывают камень, чаще всего в специальный закрытый „гамачок“ в середине, и, накрепко зацепив за большой палец один конец и придерживая остальными второй, пращу раскручивают. После придания достаточной инерционной силы, отпускают свободный конец и ядро летит в цель» (Горелик 2003: 56–57).

Изображения и реальные пращи особенно часто находят в Египте. Там же встречаются изображения пращи-«ложки». Это оружие выделено в древнеегипетской иконографии с середины II тыс. до н. э. как один из основных элементов вооружения фараонов и богов. Но долго оно трактовалось как своеобразная булава, комбинированная с клинком секиры. Только на примере с пращой Давида было доказано, что в большинстве случаев надо говорить о метательном орудии (Газов-Гинзберг 1966: 54–59), использовавшем силу рычага — удлинителя руки.

Таким образом, современные исследователи видят в древней праще широко распространенное и эффективное оружие. По свидетельству Ксенофонта, персидские пращевые ядра диаметром с руку причиняли серьезные раны и контузии греческим наемникам, защищенным панцирями и щитами. Битва при Сфактерии показала силу пращей, ядрами которых, наряду с дротиками, фактически была перебита закованная в доспехи спартанская фаланга (Разин 1955: 168).

Слова «прача» — «праща» в древнерусских рукописях упомянуты только в переводных текстах церковно-исторического содержания XIII–XVII вв., например, из Библиотеки Геннадия 1499 г. (СлРЯ XI–XVII, 18: 140–141). Отсутствие слова в нарративных источниках позволяет предположить отсутствие пращи среди обиходных предметов в средневековой Руси.

В археологических материалах средневековья это редкие находки. В древнерусских городах на сегодня известно три таких предмета (рис. 4) из раскопок в Тверском кремле (Курбатов 2004: 57–58) и Великом Новгороде, где они зафиксированы на Кировском, Космодемьянском и Нутном раскопах в слоях конца XII — первой половины XIII в. (Осипов 2013: 144, 145, рис. 8). Подобные предметы отмечены в ряде средневековых городов Западной Европы — в Свендборге, Йорке, Саутгемптоне, Дублине, Стокгольме, Гревлите (Groenman 1988: 121–122; Helgeandsholmen… 1983) и на раннегородских поселениях Елисенхоф и Хедебю (Groenman 1984: 40–41; Grenander-Nyberg 1985: 244, Taf. 67, 1).

Пращи иной конструкции найдены в Гданьске, причем предмет из слоев конца X в. сохранился полностью. Основой было кожаное или деревянное кольцо, обшитое кожей, с двух сторон которого привязывались два кожаных ремешка. Вторая находка, вырезанная из одного куска кожи, вероятно, относится к XV в. Она имеет расширенную среднюю часть с отверстием посередине и узкими длинными концами, один из которых привязывается петлей к деревянной ручке (Gradowski 1975: ryc. 2, 3).

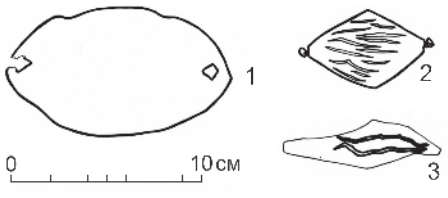

Рис. 4. Пращи. 1 — Тверской кремль; 2, 3 — Великий Новгород

О назначении средневековой пращи имеются разные суждения. По мнению автора и Д. О. Осипова, средневековая праща, скорее всего,

использовалась для охоты на дичь или пушного зверя, а также служила своего рода обучающей детской игрушкой (Осипов 2014: 95). Напротив, В. Гроенман ван Ваатеринге считал, что кроме функций детских игрушек или простых и доступных орудий для охоты на птиц и мелких зверей, они могли быть и оружием (Groenman 1988: 121). Его мнение разделяют специалисты в Болгарии (Рабовянов 2009: 263–269) и Польше (Nadolska 1998: 117–119).

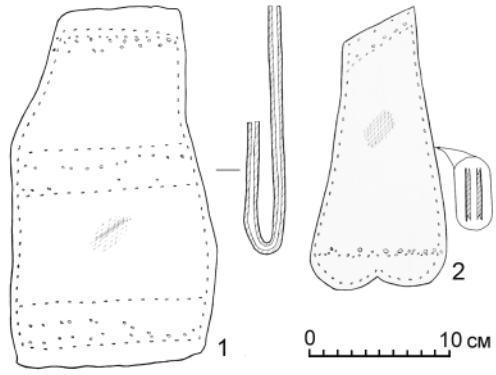

Рис. 5. Портупея. Охтинский мыс, Санкт-Петербург

Кроме пращей при археологических раскопках находят и пращевые шары. Условные «пращевые шары» отмечены на памятниках майкопской культуры, где они датируются концом IV тыс. до н. э. (Бронзовый век… 2013: кат. 24.1.12. и 24.2.8.). Скифские каменные ядра для пращи отмечены в Киевском Поднепровье (Максимов, Петровская 2008). Много камней для пращи найдено на поселении Кой-Крылган-кала в Хорезме IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Кой-Крылган-кала 1967).

Пороховницы, пулечники, лядунки. В таможенных книгах XVII в. по Тобольску отмечен привоз на тобольский рынок «русских» товаров. Среди них названы кожаные предметы вооружения: ножны, ладунки, ремни самопальные, ремни ладуночные (Вилков 1967: 107, табл. 10). В болгарском Казанлыке в музее хранятся пулечники из дерева и кожи, относимые к XVIII в. (Ибришимова-Петрова 2013).

Портупея. В одном из раскопов на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге найдена портупея из нескольких деталей (рис. 5). Сохранился ремень длиной 29,0–24,5 см, ширина 4,8 см, по косому срезу около 5,0 см. Основание двучастное, на одной стороне — тиснение.

Выводы. Необычайная широта использования кожи в древности и средневековье отражается также в применении этого материала в военном деле. Археологические раскопки последних десятилетий позволяют яснее представить эту сторону материального оснащения воинов.

Литература

Банников 2011 — *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, Нестор-История, 2011. 262 с.

Бебре 2008 — *Бебре В. В.* Находки шпорных ремней в рижском археологическом материале // АИППЗ. Материалы 53-го заседания (10–13 апреля 2007 г.). Псков: ИА РАН, 2008. С. 351–359.

Белов и др. 1981 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Ч. II. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981.147 с.

Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. 512 с.

Брокгауз, Ефрон 1895 — *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. XVa. СПб., 1895.

Валиев 2009 — *Валиев Р. Р.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.)// РА. 2009. № 1. С. 112–124.

Векслер и др. 1996 — *Векслер А. Г., Беркович В. А., Васильев Ю. Ю., Долбня Д. В., Зайцев В. В., Кондрашев Л. В.* Охранные археологические исследования в Москве // АО 1995 г. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1996. С. 104–106.

Векслер, Осипов 1999 — *Векслер А. Г., Осипов Д. О.* Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь: Тверской НИИАРЦ, 1999. С. 214–221.

Вилков 1967 — *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

Газов-Гинзберг 1966 — *Газов-Гинзберг А. Н.* Секрет пращи Давида // Палестинский сборник. Вып. 15 (73). М.; Л.: Российское палестинское общество, 1966. С. 54–59.

Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд. АН УССР, 1950. 150 с.

Горелик 2003 — *Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока. СПб.: Атлант, 2003. 347 с.

Епифанов 1979 — *Епифанов П. П.* Войско // Очерки русской культуры XVII в. Ч. I. М.: МГУ, 1979. С. 234–264.

Завьялов, Розанова 2011 — *Завьялов В. И., Розанова Л. С.* Кузнечные изделия западноевропейских мастеров в Великом Новгороде (по археометаллографическим данным) // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород. 2011. С. 226–232.

Ибришимова-Петрова 2013 — *Ибришимова-Петрова М.* За да ти у вярно оръжието! (Оръжейни принадлежности от фонд «Възраждане») // Сборник есенни четения. Исперих Сборяново 2011/2012. Т. 8/9. Велико Търново: Фабер, 2013. С. 351–358.

Регистры… 1958 — Киселева Л. И. (пер.). Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. Вып. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 171–221.

Кой-Крылган-кала 1967 — Толстов С. П., Вайнберг Б. И. (ред.). Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1967. 348 с.

Колчин 1956 — *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Арциховский Н. А., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 44–137 (МИА. № 55).

Колчин 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968. 184 с. (САИ. Вып. Е1-55).

Костромичёв 2005 — *Костромичёв Д. А.* Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. № 11. С. 94–118.

Костромичёв 2011 — *Костромичёв Д. А.* Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V в. (по данным археологии) // SP. 2011. № 4. С. 15–164.

Косцова 2008 — *Косцова А. С.* Вкладная книга Кожеозерского монастыря. СПб.: Изд-во ГЭ, 2008. 247 с.

Курбатов 1994 — *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. 1994. Вып. 1. С. 189–195.

Курбатов 1995 — *Курбатов А. В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. 1995. № 2. С. 198–208.

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.

Курбатов 2014 — *Курбатов А. В.* Ольстра по письменным и археологическим данным // SP. 2014. № 6. С. 99–102.

Курбатов, Матехина 2004 — *Курбатов А. В., Матехина (Варфоломеева) Т. С.* Мех и кожа в средневековой Европе. Рецензия на сб.: Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Edited by Esther Cameron. London. 1998 // АВ. 2004. № 11. С. 350–357.

Максимов, Петровская 2008 — *Максимов Е. В., Петровская Е. А.* Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава: Институт археологии НАН Украины, 2008. 126 с.

Матехина 2009 — *Матехина Т. С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки. Автореферат диссертации … канд. ист. наук. М.: МГУ, 2009. 204 с.

Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Арциховский Н. А., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 121–191 (МИА. № 65).

Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-66).

Михайлов, Яковлева 2007 — *Михайлов А. В., Яковлева Е. А.* Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе // АИППЗ. Материалы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков, 2007. С. 29–45.

Негин 2014 — *Негин А. Е.* Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения // SP. 2014. № 4. С. 15–138.

Осипов 2013 — *Осипов Д. О.* Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) // РА. 2013. №1. С. 141–145.

Осипов 2014 — *Осипов Д. О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО Издательский дом «АКТЕОН», 2014. 269 с.

Бронзовый век… 2013 — Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.

Рабовянов 2009 — *Рабовянов Д.* За употребата на прашката като оръжие в средновековна България // LAUREA. In honorem Megaritae Vaklinova. Кн. II. София, 2009. S. 263–269.

Ратцель 1900 — *Ратцель Ф.* Народоведение. Т. 2. СПб.: Просвещение, 1900.

Разин 1955 — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1. XXXI в. до н. э. — VI в. н. э. М.: Воениздат, 1955. 560 с.

Савваитов 1896 — *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896. 184 с.

Ситдиков 2006 — *Ситдиков А. Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: [Б. и.], 2006. 288 с.

СлРЯ XI-XVII — Словарь русского языка XI — XVII вв. М.: Наука. Вып. 1 (1975), 3 (1976), 5 (1978), 7 (1980), 8 (1981), 10 (1983), 12 (1987), 14 (1988), 15 (1989), 18 (1992), 21 (1995), 22 (1996), 23 (1996).

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб. Вып. 1 (1984), 20 (2013).

Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 3-е изд. Т. III. СПб.: Азбука, ИЦ «Терра», 1996. 832 с.

Черненко 1975 — *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы// Тереножкин А. И. (отв. ред.). Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. С. 152–174.

Barth 1992 — *Barth F. E.* Zu den Tragsäcken aus dem Salzbergwerk Hallstatt// Arcaeologia Austriaca. Bd. 76. Wien, 1992. C. 121–127.

Bondoc 2009 — *Bondoc D.* The Roman rule to the north of the Lower Danube. Ciuj-Napoca: MEGA publishing house, 2009. 370 p.

Busch 1965 — *Busch A.-L.* Die römerzeitlichen Schuh- und Lederfunde der Kastelle Saalburg, Zugmantel und Kleiner Feldberg// Saalburg–Jahrbuch. Bd. XXII. Berlin, 1965. S. 158–210.

Connolly, Driel-Murray 1991 — *Connolly P., Driel-Murray C., van.* The Roman Cavalry Saddle // Britannia. 1991. Vol. XXII. P. 33–50.

Helgeandsholmen… 1983 — Dahlbäck G. (ed.). Helgeandsholmen: 1000 år i Stockholms ström. Stockholm: Borås, 1983.

Driel-Murray 1985a — *Driel-Murray C.*, van. Leatherwork in the roman army// Exercitus. 1985. Vol. 2. S. 1–6.

Driel-Murray 1985б — *Driel-Murray C., van.* The production and supply of military leatherwork in the first and second centuries A.D.: a review of the archaeological evidence // The Production and Distribution of Roman Military Equipment. 1985. S. 43–81 (BAR. IS. 275). (I.P.P.P. 382).

Driel-Murray 1988 — *Driel-Murray C., van.* A fragmentary shield cover from Caerleon // Coulston J. C. (ed.). Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers: Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference. 1988. S. 51–66. (BAR. IS. 394 (I.P.P.Publ. 466).

Driel-Murray 1989a — *Driel-Murray C., van.* The Vindolanda chamfrons and miscellaneous item of leather horse gear// Roman Military Equipment: the Sources of Evidens. S. 281–318 (BAR. IS. 476). (I.P.P.Publ. 523).

Driel-Murray 1989б — *Driel-Murray C., van.* A Circular Shield Cover and the Reconstruction of the Accompanying Shield // Exercitus. The Bulletin of Ermine Street Guard. Winter 1989. Vol. 2, n. 7. 1989. S. 132–134. (I.P.P.Publ. 543).

Driel-Murray 1990 — *Driel-Murray C., van.* New light on old tents // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 1. 1990. S. 109–137. (I.P.P.Publ. 596).

Gradowski 1975 — *Gradowski M.* Proca. Kilka uwag o konstrukcji I zasadach działania // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1975. R. XXIII, z. 3. S. 433–437.

Grenander-Nyberg 1985 — *Grenander-Nyberg G.* Die Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Studien zur Kustenarchaologie Schliswig-Holsteins, Serie A, Elisenhof. Bd. 5. Frankfurt-am-Main, 1985.

Groenman 1984 — *Groenman-van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 21. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984.

Groenman 1988 — *Groenman-van Waateringe W.* Leather from medieval Svendborg // The archaeology of Svendborg, Denmark. Vol. 5. Odense, 1988.

Herrmann 1972 — *Herrmann F.-R.* Die Ausgrabungen in dem Kastell Künzing. Stuttgart, 1972.

Hołubowicz 1956 — *Hołubowicz W.* Opole w wiekach X–XII. Katowice: Slask, 1956. 360 s.

Kurasiński 2008 — *Kurasiński T.* Nie tylko broń. Drobne przedmioty codziennego użytku na wyposażeniu wczesnośredniowiecznego wojownika w świetle znalezisk grobowych z ziem polskich (X–XIII w.) // Acta Archaeologica Lodziensia. T. 54. Łódź, 2008. S. 27–49.

Kykyri 1997 — *Kykyri M.* Medeltida kniv- och svärdslidor från Kastelholms slot // Åländsk Odling. 56. Årsbok, 1997. S. 9–22.

Mäesalu, Peets 2013 — *Mäesalu A., Peets J.* Medieval leather arm guards from Tarnu in Estonia // Acta Militaria Mediaevalia. IX. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2013. S. 231–237.

Marcinkowski 2009 — *Marcinkowski M.* Stan badań nad średniowiecznymi przedmiotami ze skóry odkrytymi w Elblągu // IN GREMIO–IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin, 2009. S. 167–192.

Michalak 2009 — *Michalak A.* Czy w średniowieczy na ziemiach polskich używano skórzanych pancerzy? // Kucypery P., Pudło P., Żabińskigo G. (red.). Arma et medium Aevum. Studia nad uzbrojeniem średniowiecznym. Torun, 2009. S. 53–73.

Michalak, Wolanin 2008 — *Michalak A., Wolanin P.* Skóra w służbie wojny. Militarne i pozamilitarne, skórzane element wyposażenia wojownika w średniowieczu. Przegląd problematyki // Acta Archaeologica Lodziensia. T. 54. Łódź, 2008. S. 99–120.

Munteanu 2013 — *Munteanu C.* Roman military pontoons sustained on inflated animal skins // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2013. No. 43. S. 545–552.

Nadolska 1998 — *Nadolska K.* Czy proca znaleziona w Gdańsku jest zabawka? // Acta universitatis Łodziesis. Folia Archaeologica 22. Lodz, 1998. S. 117–119.

Nadolski 1967 — *Nadolski A.* Pochwa miecza znaleziona w osadzie miejskiej z XI wieku w Gdańsku // Gdańsk wczesnośredniowieczny. T. VI. Gdańsk, 1967. S. 187–192.

Nagy 2005 — *Nagy M.* Zwei spätrömerzeitliche waffengräber am Westrand der canabae von Aquincum // Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. No. 56. S. 403–486.

Robinson 1995 — *Robinson R. H.* Oriental Armour. New York: Wolker, 1995. 257 p.

Samsonowicz 2003 — *Samsonowicz A.* Leather in the equipment of the Early Piast monarchy bodyguard // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. XV. Łódź, 2003. S. 25–31.

Schäfer, Schäfer 1997 — *Schäfer C., Schäfer H.* Lederne Messer-, Dolch- und Schwertscheiden aus dem mittelalterlichen Greifswald // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin. Jahr. 1996. Bd. 44. Lübstorf, 1997. S. 261–295.

Schuster 2010 — *Schuster J.* Lübsow. Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa // Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Band 12. 2010.

Strzyż 2008 — *Strzyż P.* Opoządzenie strzelców z ręczną bronią palną w XIV–XVII w. // Acta Archaeologica Lodziensia. No. 54. Łódź, 2008. S. 131–144.

Świątkiewicz 2012 — Świątkiewicz P. Średniowieczne militaria z gdańskiego zespołu grodowego (stanowiska 1,2 I 4). Ze studiów nad wczesnośredniowiecznym Pomorzem // Acta Archaeologica Lodziensia. No. 58. Łódź, 2012. S. 4–5.

Walle-Woude 1989 — *Walle van de-Woude T. Y.. van der.* Een 14e- eeuws industriecomplex te Monnickendam — het leer // Medemblik and Monnikendam. Aspects of medieval urbanization in northern Holland. Cingula, 11. Amsterdam, 1989. S. 69–103.

В. А. Лапшин
(Санкт-Петербург)

Первые строители Петербурга[1]

До недавнего времени условным рубежом, на котором заканчивается археология, считался 1700 г. В последние годы во всем мире возрос интерес к археологии нового времени. Критерием стала необходимость использования археологических методов при изучении тех или иных объектов культурного наследия, их «археологизированность». Особое значение эта тенденция имеет для Санкт-Петербурга, города, основанного в 1703 г. Открытие культурного слоя XVIII в. состоялось весной 1952 г. благодаря новаторским раскопкам, проведенным А. Д. Грачом (Грач 1957). Пятьдесят лет назад А. Н. Кирпичников одним из первых использовал археологическую методику в изучении истории города при поисках могилы Д. Кваренги (Кирпичников 1969; 1970). Последние полтора десятилетия Институт истории материальной культуры РАН ведет планомерное изучение культурного слоя и утраченных объектов города (Лапшин, Соловьёва 2012; 2016; Lapshin, Solov'yova 2016). Несмотря на обилие письменных источников и графических материалов, которые, казалось бы, не оставляют белых пятен на карте Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв., археологические раскопки каждый год открывают новые, неизвестные ранее страницы истории города.

Статья посвящена двум находкам, сделанным в историческом центре Санкт-Петербурга, в непосредственной близости от Петропавловской крепости. Петроградская сторона — своеобразная часть Санкт-Петербурга. Здесь, рядом с крепостью, город начинался. Здесь жили его первые строители. Здесь поставлена первая деревянная церковь и первый домик царя. Но с переносом парадного центра города на левый берег Невы Городская, то есть прикрепостная, сторона надолго осталась окраиной ремесленных слободок с деревянной одноэтажной застройкой. Память о них хранят названия улиц: Большая и Малая Монетные, Оружейная, Большая и Малая Пушкарские, Пушкарский переулок. Петроградская сторона пережила строительный бум в предреволюционное двадцатилетие и была вся заново застроена большими каменными зданиями. Тем не менее, наряду с несколькими прямыми проспектами вплоть до наших дней сохраняются кривые боковые улочки и переулки, как считается, совершенно нехарактерные для регулярного города.

Археологические исследования Института истории материальной культуры РАН на территории исторического центра Санкт-Петербурга раскрыли спрятанную

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0008 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

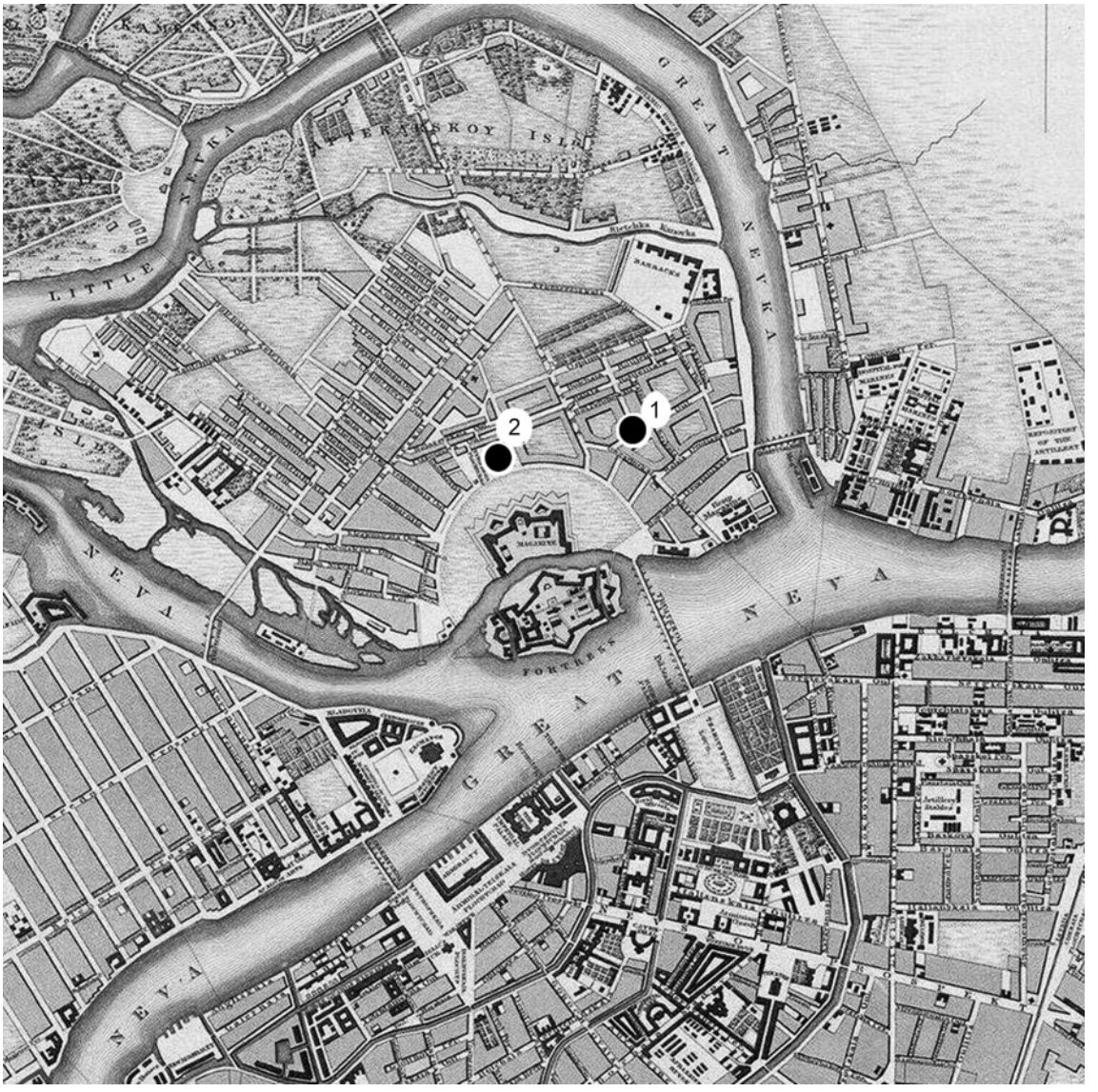

Рис. 1. Кладбища начала XVIII в.: 1 — на Большой Посадской ул., 2 — на Сытнинской ул. (подоснова — карта Санкт-Петербурга 1834 г.)

за официальным фасадом будничную, во многом провинциальную, полудеревенскую жизнь многих его частей. Одно из последних открытий — два кладбища первых строителей города, расположенных на Петроградской стороне (рис. 1).

Первое кладбище, обнаруженное в 2011 г., было расположено на пересечении Большой Посадской и Малой Монетной улиц (рис. 2). Участок расположен в южной части Петроградского острова, в 700 м к северо-востоку от Петропавловской крепости. Согласно планам Петербурга начала XVIII в. и письменным свидетельствам современников, освоение этой местности началось в самом начале XVIII в., но преобладала здесь не регулярная застройка, характерная в целом для Санкт-Петербурга, а спонтанная (посадская). Вот как об этом пишет П. Н. Столпянский: «Нельзя не увидать, что эти кварталы разбивались без предварительного плана, а так, как Бог на душу положит, как кому удобней было селиться: закоулочки,

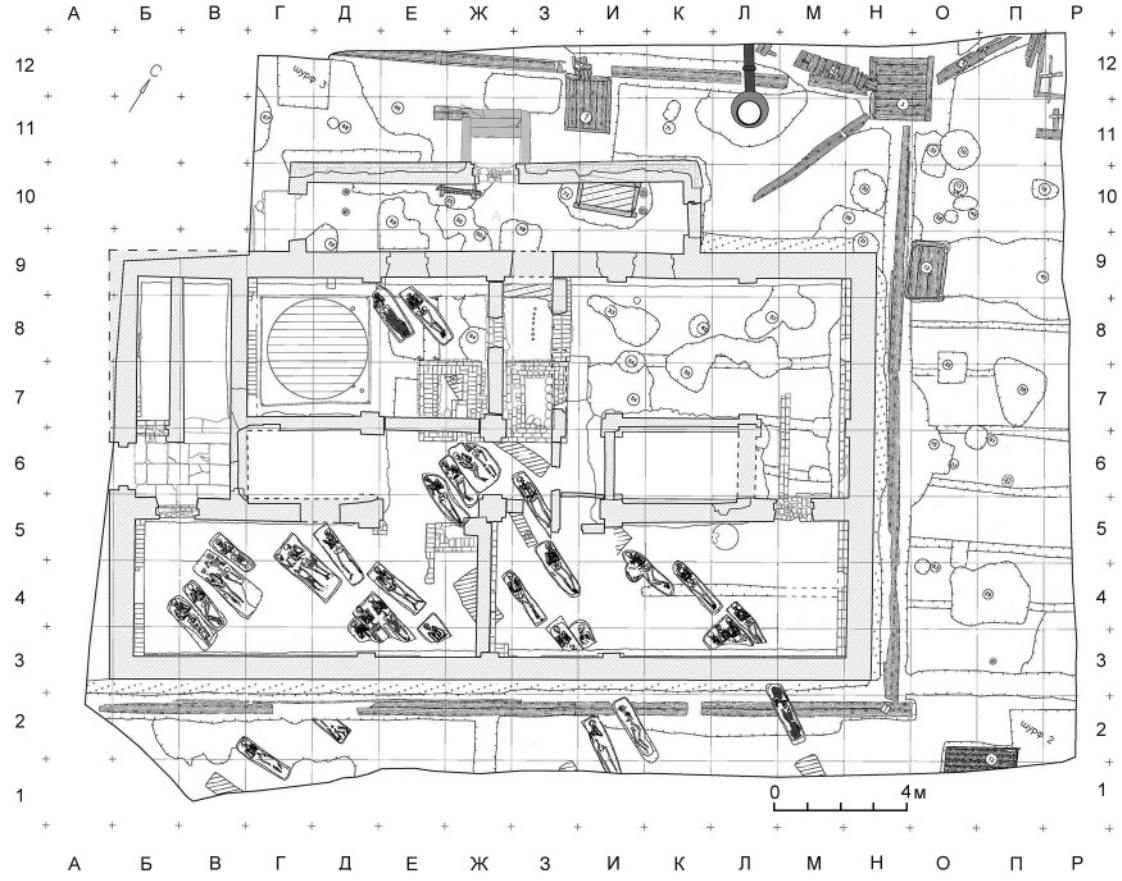

Рис. 2. План раскопа на Большой Посадской ул.

переулочки, тупички, неизвестно почему появившиеся площадки: всё это показывало, что архитектора здесь не было, что и самому Петру Великому было недосуг вначале смотреть, чтобы строились в порядке, а когда и было обращено внимание, то помочь горю было затруднительно: нужно было начинать сначала… Заселение, как показывает само название улиц, или в то время слободок, шло по принципу соединения в одну слободку людей однородных занятий или сословий … Большая Посадская, наоборот, говорила, что ее обыватели — люди, взятые из посадов других городов, люди торговые, коммерческие. Монетная… были понятны всем и каждому… здесь жили монетного дела мастера» (Столпянский 1909: 79–80).

Первоначальный период освоения участка, исследованного при раскопках, связан с функционированием на нем кладбища. Планиграфия распространения могил, а также их стратиграфическое положение свидетельствуют о том, что кладбище функционировало достаточно небольшой промежуток времени, в первые годы строительства Санкт-Петербурга. О том же говорит и отсутствие кладбища на ранних планах города. Хозяйственное освоение участка также начинается достаточно рано. Уже в 1710-х гг. по территории кладбища прокладывают дорогу, проходящую примерно в тех же границах, что и современная Большая Посадская улица, а территорию к северу от дороги отводят под домовладение. В этот период основная часть территории используется под сельскохозяйственные нужды (Лапшин, Городилов 2013: 25). Датируют слой, перекрывающий кладбище, монеты 1704–1713 гг. (Городилов, Седых 2014: 379, 385).

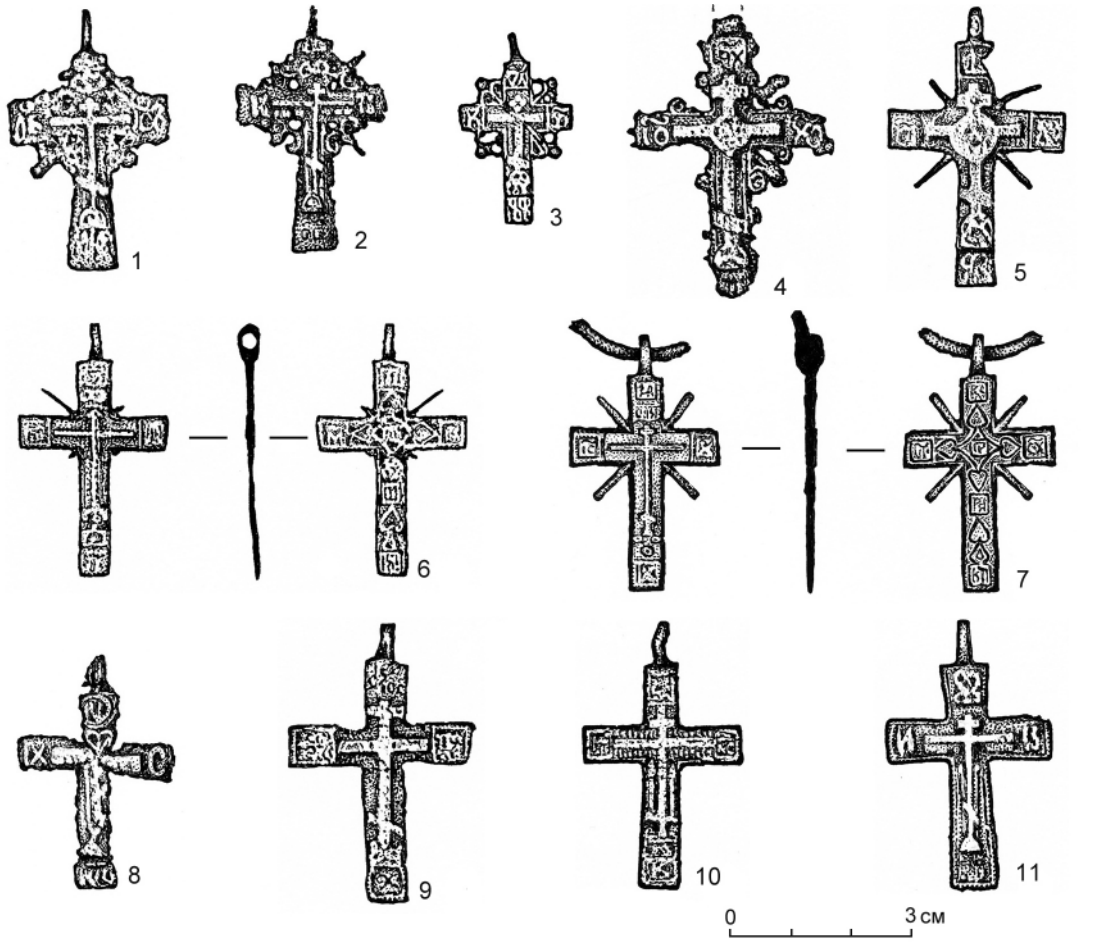

Рис. 3. Кресты-тельники из погребений на Большой Посадской ул.

Погребенные, 35 человек, были похоронены в неглубоких ямах, без гробов, завернутые в рогожу. Погребения индивидуальные или парные. Единственный сопровождающий инвентарь — медные кресты-тельники, найденные при 16 погребенных (рис. 3). В целом типы крестов датируются в рамках XVII–XVIII вв. (Лапшин, Городилов 2013: 31-34).

Две трети погребенных — мужского пола, одна треть — женского. Средний возраст умерших мужчин — 34 года, женщин — 26 лет. Не встречено ни одного индивида в возрасте до 15 лет и старше 50 лет. Половозрастная асимметрия свидетельствует о том, что кладбище было оставлено краткосрочным, преимущественно мужским коллективом. На мужских скелетах прослежены прижизненные травмы со следами заживления: черепа, предплечья и большой берцовой кости, а также один случай прижизненной потери стоп обеих ног без следов заживления. По краниологическим характеристикам погребенные на Большой Посадской наиболее близки населению Ижорского плато и Южной Карелии, прежде всего ижоре XVII–XVIII вв. (Казарницкий, Широбоков 2014).

Учитывая, что кладбище функционировало очень недолго, никак не поддерживалось и, по-видимому, вскоре было снивелировано, а также то, что его перекрывает культурный слой, датируемый петровскими монетами 1704–1714 гг., и то, что

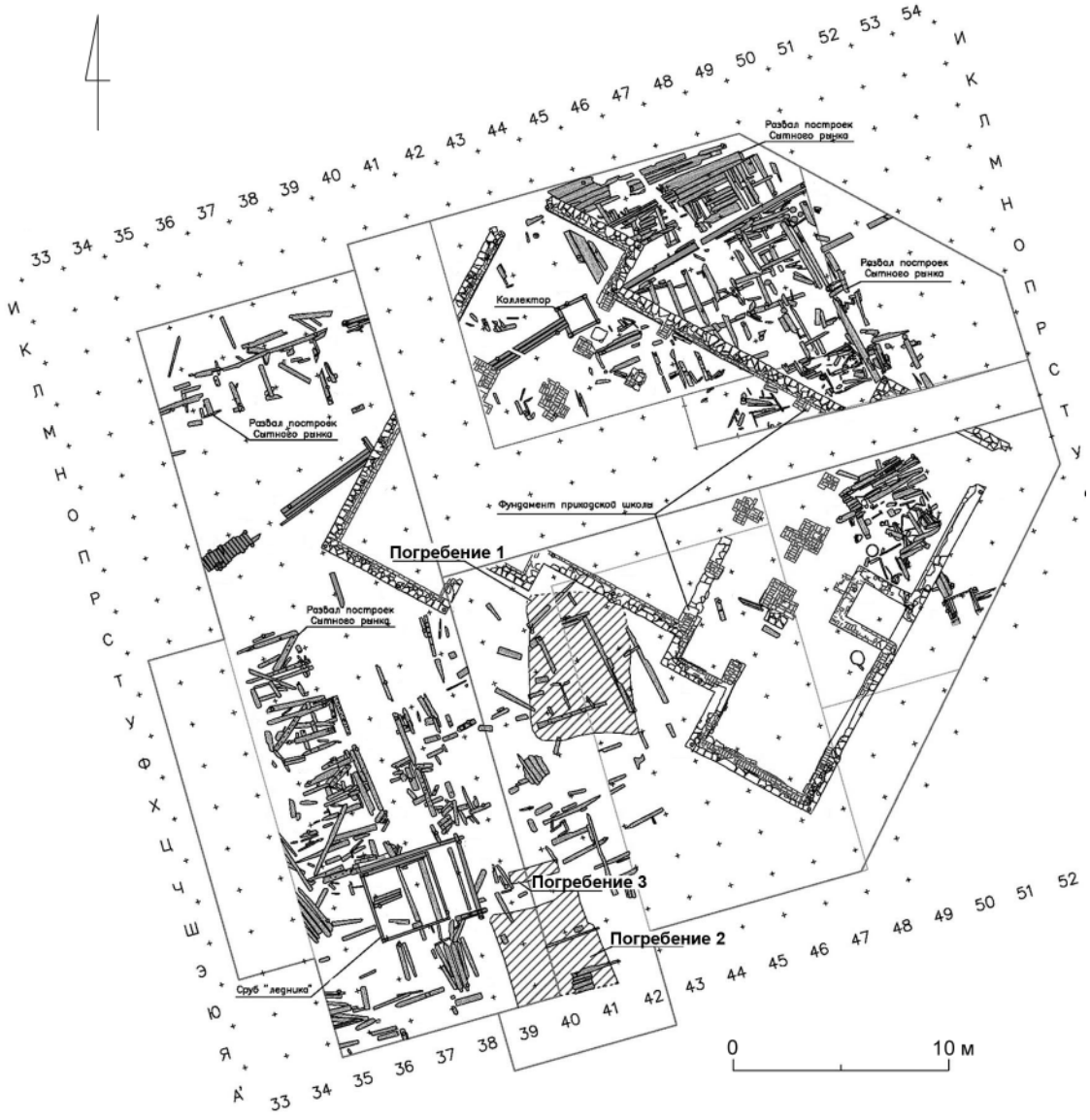

Рис. 4. План раскопа на Сытнинской ул.

кладбище находится в семистах метрах от Заячьего острова, можно с большой долей вероятности предположить, что именно эти люди насыпали первые земляные бастионы Петропавловской крепости.

Второе кладбище, исследованное в 2014 г., также находится в непосредственной близости от крепости, у пересечения Кронверкской и Сытнинской улиц, восточнее Сытного рынка (рис. 4).

Это место в XVIII в. называлось Козье болото и печально известно как место казней. В 1705 г. одновременно с возведением укреплений кронверка эта территория была расчищена от леса для создания открытого пространства и обеспечения зоны обстрела. Каменное строительство на расчищенной территории было запрещено, и местность долгое время представляла собой трущобный район с деревянными строениями. Запрет на капитальное строительство был снят только при

Рис. 5. Коллективное погребение на Сытнинской ул.

императоре Александре II в 1863 г., после чего началась интенсивная застройка пустырей кирпичными домами.

Погребения были обнаружены под слоем, связанным с хаотичной деревянной застройкой XVIII — первой половины XIX в. (в слое найдены монеты периода с 1798 по 1859 г.).

Под слоем щепы на уровне погребенной почвы выявлены ямы коллективных и индивидуальных погребений. Три коллективных погребения представляют собой обширные ямы размерами: две — около 8 × 4,5 м, третья — 4 × 3 м. В них были уложены погребенные в два ряда по 3 яруса в каждом; головами на запад, в вытянутом на спине положении со скрещенными на груди руками. В двух наиболее обширных ямах расчищено по более чем сотне костяков в каждой (рис. 5), в третьей — более 30. Поскольку часть верхнего яруса погребенных была нарушена фундаментами XIX в., точное число не определено, но в целом выявлено не менее 255 скелетов.

Рис. 6. Кресты-тельники из погребений на Сытнинской ул.

Сопровождающий погребения инвентарь весьма скуден. Это кресты-тельники (37 экземпляров, рис. 6), в одном случае — металлическая пуговица; фрагменты ткани и обувь (кожаная и лыковая). Кресты относятся к типам, датирующимся в целом в рамках XVII–XVIII вв. Решающей для датировки захоронений является находка при зачистке по дну могильной ямы коллективного погребения № 1 одиннадцати серебряных монет — копеек Петра I. Годы чеканки не читаются из-за плохой сохранности, тем не менее, они позволяют уверенно отнести погребальный комплекс к первой четверти XVIII в. Горизонт деревянных построек по монетам датируется концом XVIII — первой половиной XIX в. Таким образом, археологически подтверждается, что на протяжении большей части XVIII в. Козье болото оставалось пустырем. Об этом же свидетельствует отсутствие кладбища на планах города XVIII в.

Наиболее многочисленная категория находок — обувь: берестяная, лыковая и кожаная. Это, собственно, изделия, которые правомерно называть «лаптями» — носильной рабочей обувью, заменявшей кожаные башмаки, и предохранительная обувь из бересты, надеваемая поверх кожаной обуви, своеобразные «калоши». В погребениях также встречены разные виды кожаной обуви. Наиболее интересным в данной коллекции является экземпляр поршневидной обуви из сыромятной оленьей кожи, с дополнительной деталью, покрывающей пальцы стопы сверху. Данный вид обуви имеет массовые аналогии только в одной коллекции, опубликованной к настоящему времени. Это представительная коллекция кожаной обуви из заполярного города в Западной Сибири Мангазеи, которая датируется первой половиной XVII в. Формы обуви, напоминающие мангазейские детальнокроеные поршни, встречены как единичные экземпляры в городах северо-запада России в слоях XVI–XVII вв. и признаны специфической обувью северных жителей

Европейской России или Сибири, приехавших с разной надобностью в русские города средней части России. Близкие варианты найдены в Тобольске, а также известны у саамов Норвегии (Курбатов 2015).

Антропологические исследования показали существенные отличия второго кладбища от первого при их хронологической близости. Все костяки принадлежат мужчинам. Самому молодому было 10–12 лет; 6 % – свыше 55 лет. Средний возраст 36 лет. Однако выделяются две возрастные группы: 15–19 лет и 40–44 года. Наиболее вероятная принадлежность — крестьяне, т. к. известно, что главы семей наиболее трудоспособного возраста уклонялись от повинностей, посылая вместо себя младших братьев и стариков. Другие варианты (каторжники, солдаты, военнопленные) не могут объяснить двухпиковое распределение интервалов. Межгрупповой анализ показывает, что это именно русские. Краниологический анализ фиксирует неоднородность выборки: выявленные останки принадлежали различным группам населения европейской части России. Наиболее распространенные виды травм (переломы ребер, ключиц, длинных костей рук, травмы носовых костей) носят хозяйственно-бытовой характер и свидетельствуют также в пользу того, что погребенные — работные люди, а не солдаты, военнопленные или казненные преступники (Широбоков, Учанева 2015).

Погребальные комплексы являются частью захоронений, осуществленных в короткий промежуток времени, не предполагающих организации кладбища в этой части города, что подтверждается отсутствием информации о захоронениях в ранних картографических и исторических источниках. Характер погребений позволяет предполагать эпидемию, во время которой единовременно захоранивалось более 100 человек.

Таким образом, впервые удалось археологически проследить два этапа организации строительства Санкт-Петербурга. На первом этапе использовалось местное население из близлежащих деревень, на втором — привлекались крестьяне из других областей европейской России, преимущественно северных и восточных.

Результаты раскопок на Большой Посадской и Сытнинской улицах показали, что фраза «Петербург построен на костях» имеет твердое археологическое и историческое основание.

Литература

Городилов, Седых 2014 — *Городилов А. Ю., Седых В. Н.* Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2014. № 4. С. 379–386.

Грач 1957 — *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л., 1957. 88 с.

Казарницкий, Широбоков 2014 — *Казарницкий А. А., Широбоков И. Г.* Результаты антропологического исследования скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2014. № 4. С. 387–396.

Кирпичников 1969 — *Кирпичников А. Н.* Как было найдено место захоронения Джакомо Кваренги // Строительный рабочий. 1969. № 21. С. 12–13.

Кирпичников 1970 — *Кирпичников А. Н.* Поиски Джакомо Кваренги // Неделя. 1970. № 29. С. 20.

Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 225–238.

Лапшин, Городилов 2013 — *Лапшин В. А., Городилов А. Ю.* Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 25–34.

Лапшин, Соловьёва 2012 — *Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологическое изучение Санкт-Петербурга в ИИМК РАН // Кондрашев Л. В. (отв. ред.). Археология Москвы — линия жизни: сб. ст. и материалов в связи с 80-летием академика архитектуры, профессора А. Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М.: Т-Принт Групп, 2012. С. 218–222.

Лапшин, Соловьёва 2016 — *Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологическое изучение Санкт-Петербурга в Институте истории материальной культуры Российской академии наук и проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса // Материалы НПК по сохранению объектов археологического наследия памяти А. Г. Векслера. М.: Департамент культурного наследия г. Москвы, 2016. С. 181–192.

Столпянский 1909 — *Столпянский П. Н.* Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1909. 30 с.

Широбоков, Учанева 2015 — *Широбоков И. Г., Учанева Е. Н.* Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе ул. Сытнинской // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 239–248.

Lapshin, Solov'yova 2016 — *Lapshin V. A., Solov'yova N. F.* Archaeological studies of Saint Petersburg in the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences // Iscos. 2016. № 21. P. 262–273.

П. А. Миляев
(Санкт-Петербург)

Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада

Территория посада средневековой Ладоги археологически изучена недостаточно. Некоторые материалы до сих пор не введены в научный оборот, в частности находки, относящиеся к XVI–XVII вв. Ладожский посад указанного периода известен в основном по письменным источникам, на основе которых А. Н. Кирпичниковым была убедительно установлена его площадь и реконструирован план (Кирпичников 1985: 176–178). Посад полукругом охватывал каменную крепость и Земляной город, включал оба берега р. Ладожки, простирался по левому берегу р. Волхов на север до Успенского монастыря, а на юг — до Никольского монастыря (Кирпичников 1985: 177–178; Лапшин 2018: 162). Культурный слой эпохи позднего средневековья и раннего нового времени на указанной территории чаще всего поврежден в результате хозяйственной деятельности в XVIII–XIX вв.

В разное время разведки и раскопки на территории Ладожского открытого поселения проводили Н. Е. Бранденбург, В. И. Равдоникас, Н. Н. Гурина, Г. П. Грездилов, В. П. Петренко, З. Д. Бессарабова, А. Н. Кирпичников и другие исследователи (Лапшин 2018: 162–165). Архитектурно-археологическими исследованиями в Успенском и Никольском монастырях занимались Н. К. Стеценко и О. М. Иоаннисян. В 2015 г. Староладожской археологической экспедицией под руководством В. А. Лапшина проводились охранные полевые исследования по проекту постройки лестницы к р. Ладожке к востоку от памятника первым князьям Руси Рюрику и Олегу Вещему. Раскоп располагался на Варяжской улице почти вплотную к южной стене дома № 9. В пределах восточного участка раскопа у реки были выявлены и исследованы хорошо сохранившиеся культурные напластования, которые можно датировать второй половиной — концом XVI — XVII в. Указанные слои представляли собой в основном бурый гумус, в котором сохранились деревянные конструкции; из бревен удалось отобрать несколько спилов для дендрохронологического анализа (Лапшин 2018: 139–161).

В результате раскопок, разведок и сборов подъемного материала на территории ладожского посада были обнаружены многочисленные находки из черного и цветного металла, кожи, стекла и керамики. Среди них выделяется коллекция предметов вооружения, а также снаряжения коня и всадника XVI–XVII вв.[1] — фрагменты

[1] В их число включены находки из раскопок в Никольском и Успенском монастырях, а также случайные находки с территории окраин современного села Старая Ладога.

холодного оружия ближнего боя (12 предметов), метательного вооружения (1), детали, относящиеся к огнестрельному оружию (11), и боеприпасы (6). Кроме того, найдены подковы, фрагменты удил и подпружные пряжки (9).

Прежде всего отметим четыре железных втульчатых наконечника пик (рис. 1, *1–4*), найденных в 2015 г. во время раскопок на ул. Варяжской (Миляев 2018: 195–198). Все они имеют прямое перо трехгранного сечения и усеченно-коническую втулку, на которой хорошо заметен шов, выполненный с наложением краев или же встык. На двух изделиях в нижней части есть отверстия для закрепления на древках при помощи гвоздей[2] (рис. 1, *1, 4*), на других они отсутствовали или были уничтожены коррозией. Длина наконечников от 112 до 155 мм (в среднем 122–135 мм), внешний диаметр втулок от 29 до 37 мм (чаще всего 30–35 мм). На одном экземпляре есть следы вторичного использования: изделие деформировано, верхняя часть втулки сплющена ударами сверху[3] (рис. 1, *4*). Судя по всему, после утраты своих первоначальных функций, он применялся в качестве вспомогательного инструмента. Отметим, что три наконечника пик были найдены на небольшом участке раскопа в смежных квадратах на расстоянии 1–2 м друг от друга[4] (рис. 1, *1, 3–4*) и еще один — в слое строительного мусора при прокладке траншей под кабель в 2 м западнее юго-западного угла дома 9 по Варяжской улице[5] (рис. 1, *2*).

Два таких же изделия были обнаружены при раскопках 2013 г. на Варяжской улице в 7 м к западу от раскопа 2015 г. в верхних перемешанных напластованиях[6] (рис. 1, *5–6*). Таким образом, шесть экземпляров однотипных и схожих по размеру наконечников пик позднего средневековья — раннего нового времени были найдены на сравнительно небольшом участке Ладожского посада.

Очевидно, что по параметрам и конструкции все описанные выше наконечники были одинаковыми, а современные различия обусловлены сохранностью предметов. По всей вероятности, они были продуктом массового изготовления и стандартизированы по определенным образцам. При раскопках в Старой Ладоге на территории каменной крепости в 2017–2018 гг. было встречено еще два полностью аналогичных изделия, таким образом, их общее количество достигает восьми экземпляров.

Описанные выше наконечники пик относятся к типу 1, варианту 1б, по классификации О. В. Двуреченского. Более всего такие предметы были распространены во второй половине XVI — середине XVII в. Подобные изделия различных размеров обнаружены при раскопках нескольких городов и крепостей на территории России (Двуреченский 2015: 73–81). Что касается наконечников пик из раскопа 2015 г. на улице Варяжской, то они найдены при исследовании условного горизонта 5 на береговом склоне (кв. 43–45, гл. -604 / -624 см ниже R): два из них обнаружены

[2] Полевой шифр САЭ-15 ВУ №№ 460, 483.

[3] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 483.

[4] Полевой шифр САЭ-15 ВУ №№ 425, 460, 483.

[5] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 239.

[6] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-99155/30, А–23634; СЛМ КП-99155/35, А–23639.

Рис. 1. 1–6 — наконечники пик (полупик); 7 — наконечник пики; 8 — вток; 9 — фрагмент лезвия боевого топора. 1–9 — железо

в прослойке мешаной светлой глины с кирпичным боем и углем и один — на поверхности залегавшего ниже бурого гумуса с тленом, углем и остатками деревянных конструкций. Пласты переотложенной глины, судя по всему, являются подсыпкой берега, выполненной в начале XVIII в. Об этом свидетельствует дендродата нижней части фрагмента сваи, перекрытого этим слоем (1693 г.). В залегающем под глиняными линзами буром гумусе с тленом и остатками деревянных конструкций, в который была вкопана свая, найдены монеты-чешуйки, отчеканенные в годы

Рис. 2. «Испанские рогатки», собранные из полупик и продольных граненых брусьев с крестообразными сквозными отверстиями. Фрагмент гравюры Генри Хексхэма (Henry Hexham), 1642 г. (по: De Groot 2017)

правления Бориса Годунова (1598 г.) и Михаила Федоровича Романова (1630–1641 гг.)[7]. Для подсыпки береговой линии в начале XVIII в. использовался более ранний культурный слой, поэтому найденные в нем предметы, в частности наконечники пик, следует датировать в целом XVII в.

Наиболее вероятно, что перед нами детали типового массового вооружения пехоты. В отношении находок с Варяжской улицы в Старой Ладоге можно предположить, что они являются наконечниками полупик, которые имели древки длиной около 2 м с одинаковыми «копейцами» на обоих концах. Они использовались как оружие ближнего боя, а также для сооружения «испанских рогаток» (надолбов) — полевых заграждений от войск противника (рис. 2). Западноевропейская пехота использовала полупики в течение всего XVII в. (De Groot 2017: 23), а окончательно они вышли из употребления в XVIII в. В частности, шведы активно применяли их в первой трети XVII в., во время войн с Речью Посполитой (Brzezinski, Hook 2000: 15–17). Они были известны под названием «свиная щетина» или «шведские перья» (Бехайм 1995: 240–241; Brzezinski, Hook 2000: 16) и часто втыкались в землю наискосок остриями вперед перед строем мушкетеров для защиты от вражеской кавалерии. Первые известия об использовании полупик и рогаток московскими войсками относятся к началу XVII в. (Курбатов 2014: 88; Малов 2006: 37), однако неотъемлемой частью снаряжения стрелецких полков и полков нового строя они стали только с середины этого столетия (Малов 2006: 42, 334, 336). Применение подобного древкового оружия и полевых заграждений в русской армии продолжалось и в первой трети XVIII в., но постепенно от их использования стали отказываться (Татарников 2008: 111–112). «Копейца полупичные» во второй половине XVII в. массово изготавливались в кузницах Московского государства, для них были выработаны стандарты и имелись образцы (Никитин 1971: 23). В полки они выдавались

[7] Определение К. В. Горлова. Металлические предметы из раскопок 2015 г. на улице Варяжской были отреставрированы в лаборатории ИИМК РАН Н. С. Кургановым и К. В. Горловым. Пользуясь случаем, автор выражает им глубокую благодарность.

в большом количестве (Малов 2006: 297, 305–306, 313, 338, 343). В схожих объемах было налажено их производство и в Европе (Brzezinski, Hook 2000: 16; De Groot 2017: 23). Возможно, этим объясняется немалое число данных изделий в культурных напластованиях Ладоги. Кроме того, в процессе использования наконечники могли часто теряться. По сведениям письменных источников, известно, что с 1668 г. (а, возможно, и несколько ранее) в арсенале ладожской каменной крепости имелось «98 пик долгих и коротких с древками», а также «150 копей пичных без древок» (Бранденбург 1896: 259); вероятнее всего, под короткими пиками имелись в виду именно полупики. Указанное древковое оружие хранилось вплоть до конца XVII в., в росписи 1697 г. отмечены «90 копеец пичных без древок, 40 долгих древок с копейцами, 32 пики с копейцами, 27 копеец коротких» (Бранденбург 1896: 274). Таким образом, найденные на посаде наконечники, могут относиться как к Смутному времени, так и ко второй половине XVII в.

Коллекцию изделий, относящихся к древковому оружию, дополняют две находки из южной части ладожского посада. Во время раскопок на территории Никольского мужского монастыря был найден наконечник пики[8] (рис. 1, *7*). Длина находки составляет 140 мм, втулка диаметром 22 мм высокая, усеченно-конической формы, сечение пера квадратное с размерами в основании 10 × 10 мм. Нижний край изделия поврежден ржавчиной, вероятно, на отсутствующем фрагменте находилось отверстие для крепежного гвоздя. Данные наконечники пик относятся к типу 1, варианту 1б, по классификации О. В. Двуреченского, они были наиболее распространены во второй половине XVI — середине XVII в. (Двуреченский 2015: 81). Аналогичное изделие, схожее по размерам, форме и пропорциям с ладожской находкой, было обнаружено во время исследования казачьих слобод Епифани в Тульской области на поселении Голино-1, датированном XVII в., не позднее его третьей четверти (Гоняный, Гриценко, Двуреченский 2011: 35–36, 50, рис. 2, 3; Двуреченский 2015: 73, 81, рис. 22, *3*). По всей видимости, именно к этому времени следует относить и находку с территории Никольского монастыря в Старой Ладоге.

В 1984 г. на картофельном поле в южной части Старой Ладоги был случайно обнаружен железный вток[9] (рис. 1, *8*) конической формы. Длина находки 120 мм, диаметр втулки 25 мм, ее нижняя часть обломана, вероятно, там находилось отверстие для закрепления втока на древке, острие длиной около 45 мм имеет ромбовидное сечение. Подобные изделия XV–XVII вв. относятся к втокам типа 1, по О. В. Двуреченскому, они были найдены во многих городах и крепостях Московского государства (Двуреченский 2015: 113, рис. 58, *1–2*). Их могли использовать для оковки не только древок копий, но и бердышей.

При исследовании верхнего перемешанного слоя в раскопе 2015 г. на Варяжской улице был найден наконечник копья[10] (рис. 3, *1*) (Миляев 2018: 198–200). Длина изделия 184 мм, внешний диаметр втулки 30 мм. Перо вытянуто-треугольной формы с плечиками в нижней части имеет ромбовидное сечение, обломано на конце. Втулка высокая, усеченно-конической формы, на ее боках есть шов, выполненный с наложением краев друг на друга, и округлое отверстие для крепежного гвоздя.

[8] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-НВФ-800-115.

[9] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-94767 А4-130.

[10] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 61, кв. 81, гл. -491 см от R.

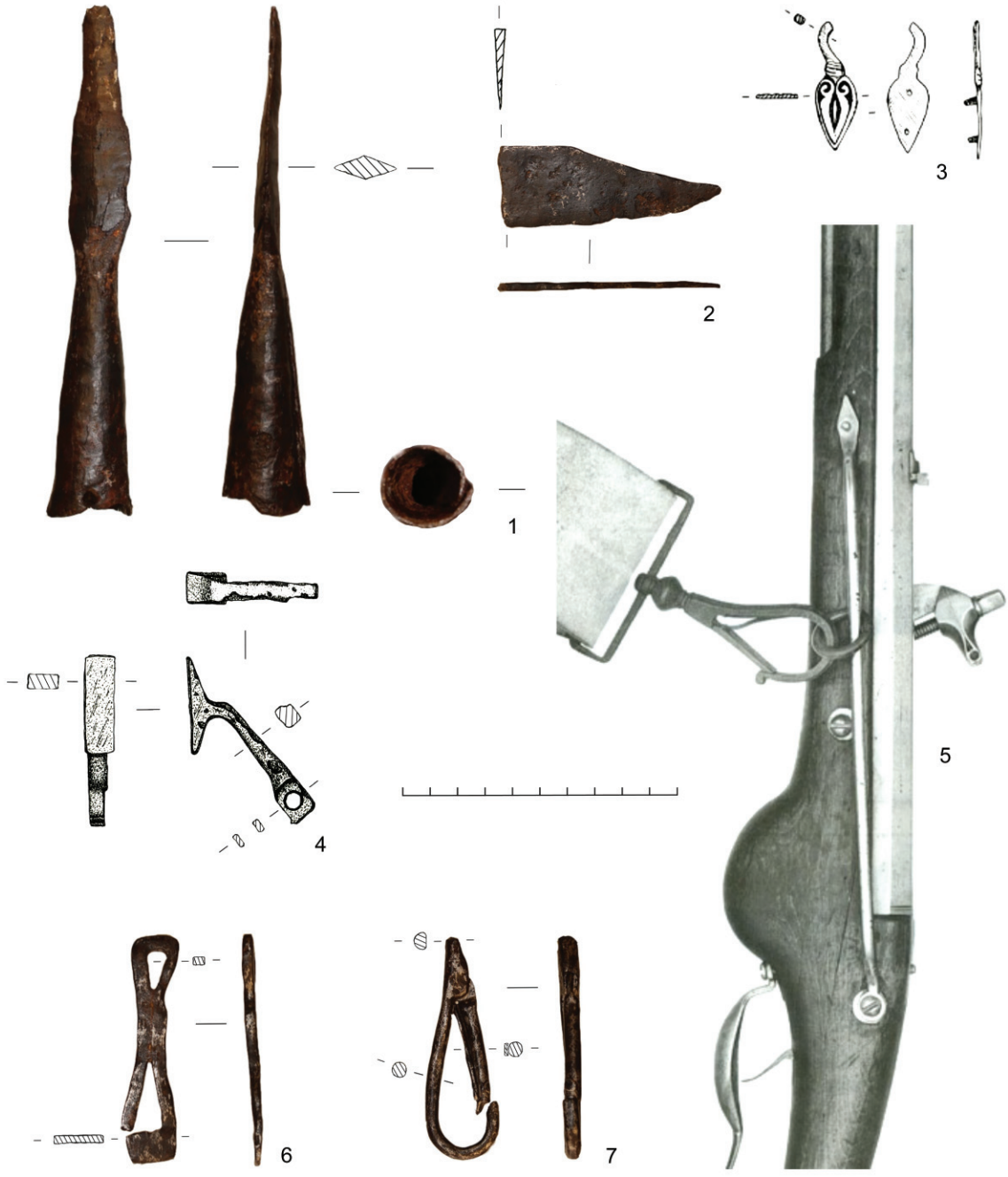

Рис. 3. 1 — наконечник копья; 2 — фрагмент клинка боевого ножа; 3 — фрагмент крюка от портупеи для ношения холодного оружия; 4 — огниво от ружейного кремневого замка; 5 — система крепления кавалерийского карабина к чрезплечному ремню (б/м). Англия, 40–50-е гг. XVII в. (по: Blackmore, 1990); 6 — ружейная отвертка–кресало; 7 — фрагмент механизма крепления кавалерийского карабина к чрезплечному ремню.
1–2, 4, 6–7 —железо, 3 — медный сплав

Так как на территории раскопа не было обнаружено хорошо выраженных культурных напластований, относящихся к раннему средневековью и древнерусскому времени, данный наконечник копья, вероятнее всего, относится к позднему средневековью — раннему новому времени.

Наконечник соответствует типу III, по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966: 12–14), и типу 2, по О. В. Двуреченскому (Двуреченский 2015: 93). Такие наконечники, появившись еще в раннем средневековье, использовались до середины XVII в. Аналогичные находки, датирующиеся XV — первой половиной XVII в. были встречены в нескольких городах и крепостях Московского государства (Двуреченский 2015: 93).

К холодному оружию ближнего боя относится фрагмент лезвия боевого топора или бердыша[11] (рис. 1, *9*). Предмет был обнаружен в 1984 г. во время проведения исследований на раскопе VI на левом берегу реки Ладожки, в 60 м выше моста через нее, почти у уреза воды (Кирпичников 1984: 12). Он был найден в квадрате 2, в верхней мешаной части слоя серого гумуса, в котором было зафиксировано несколько прослоек песка, связанных с разливами реки. Фрагмент сегментовидной формы, обломанный с двух сторон, размерами 107 × 32 мм, толщина лезвия около 2 мм, точно определить тип топора, к которому он принадлежит, не представляется возможным. Аналогичная находка была сделана при проведении раскопок в Можайске (Меньшиков, Янишевский, Балашов 2011: 230, рис. 2, *4*).

К предметам клинкового вооружения относится фрагмент крупного, вероятно боевого ножа[12] (рис. 3, *2*), обнаруженный во время раскопок на Варяжской улице в 2015 г. (Миляев 2018: 200; 2019: 274). Слой бурого гумуса с тленом и остатками деревянных конструкций, в котором обнаружен предмет (условный горизонт 5, кв. 23, гл. -627 см от R), можно датировать XVII в., о чем свидетельствуют упомянутые выше нумизматические находки. Размеры изделия 80 × 30 × 0,3 мм, сохранилась только часть клинка вытянуто-треугольного сечения с плавной выемкой у острия. Крупные ножи аналогичной формы с пластинчатыми рукоятями — вероятно, боевые — найдены в Ипатьевском переулке в Москве (Кирпичников 1976: табл. IV; Кутасов 2010: 308–310, рис. 7). Похожие изделия меньшего размера были обнаружены при раскопках в Тульском кремле (Екимов 2007: рис. 15, *10*, 31, *11–12*).

Из подъемного материала, собранного на левом берегу р. Ладожка при впадении ее в р. Волхов на территории ладожского посада, происходит фрагмент крючка размерами 45 × 16 мм, отлитого из медного сплава, со щитком каплевидной формы, украшенным растительным орнаментом в виде крина[13] (рис. 3, *3*). Сам крючок, располагавшийся в верхней части предмета, обломан, сохранился лишь его фрагмент, имеющий «перетяжку» в основании. Деталь крепилась к ремню посредством двух шпеньков, расположенных на внутренней стороне щитка. Несмотря на утраты, находку с большой долей вероятности можно интерпретировать как фрагмент крюка от портупеи для ношения шпаги или рапиры (Миляев 2019а: 277). Небольшие размеры изделия позволяют определить его как деталь дополнительного ремешка, удерживавшего кожаную лопасть с закрепленным на ней оружием от раскачивания при ходьбе.

Непосредственно на территории ладожского посада не найдено наконечников стрел, которые уверенно можно отнести к XVI–XVII вв., однако стоит отметить находку за южной окраиной села Старая Ладога к югу от урочища Победище у оврага

[11] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-82915, А-16514.

[12] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 477.

[13] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП–85253 А-17062.

«Кровавый ручей» (рис. 5, *4*) (СЛМ КП-78681, А-12311). Изделие относится к типу 6, варианту 6в, по классификации О. В. Двуреченского. Наконечник стрелы имеет размеры 71 × 16 мм, перо ромбовидной формы, уплощенно-ромбовидного сечения с шейкой и упором. Черешок длиной 26 мм имеет круглое сечение. Подобные наконечники были широко распространены и бытовали в течение всего средневековья до второй половины XVII в. (Двуреченский 2007: 284).

Предметы, связанные с огнестрельным оружием, немногочисленны. В первую очередь отметим огниво от ружейного ударно-кремневого замка[14] (рис. 3, *4*). Оно обнаружено в 1984 г. в раскопе II, заложенном на левом берегу реки Ладожки почти у воды, в 120 м к юго-западу от моста вверх по ее течению (Кирпичников 1984: 5). Огниво найдено в верхней части переотложенного слоя серого гумуса, в котором встречены разновременные находки. Размеры детали 65 × 45 × 10 мм, ножка прямая с изгибом в верхней части, ударная площадка прямоугольная с ровной поверхностью. Нижняя часть изделия уплощенная, с небольшим выступом на нижнем углу, в ней имеется круглое отверстие для ружейного винта, крепившего огниво к замочной доске. Данное изделие могло использоваться на нескольких типах ударно-кремневых ружейных замков и характерно более всего для конца XVI — первой половины XVII в. Позже появляются более эффективные огнива с вогнутой ударной площадкой, дающей больше искр (Гордеев 1954: 12). Однако детали, подобные ладожской находке, могли использоваться в течение всего XVII в. При проведении археологических исследований отдельные находки таких огнив были встречены на территории Епифанских казачих слобод (Гоняный, Гриценко, Двуреченский 2011: рис. 4, *14*) и г. Гремячий в Тульской обл. (Заидов, Гуркин 2005: рис. 4, *7*).

Интересной находкой является железный крепежный механизм[15] (рис. 3, *7*), запирание которого осуществлялось при помощи пластинчатой пружины (Миляев 2018: 200–201). Деталь была обнаружена в 2015 г. во время раскопок на Варяжской улице у дома № 9. Основа изделия изготовлена из железного прута круглого сечения, согнутого в петлю каплевидной формы, одна из его боковых стенок была установлена на горизонтальном штифте и открывалась внутрь. Верхняя часть механизма обломана, он находится в открытом состоянии, пластинчатая пружина сжата. Изделие было найдено в слое XVII в. (условный горизонт 5, кв. 45, -620 / -640 см от R, бурый гумус со щепой). Несколько аналогичных предметов было найдено на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Свєшніков 1992: 259, рис. 69, *7, 10*). И. К. Свешников считал, что такие детали использовались для прикрепления к седлу больших кожаных вьючных сумок (Свєшніков 1992: 261). Однако подтверждения этой версии нет, так как в комплексе вместе с седлами или сумками они не были найдены. Скорее всего, данные изделия использовались в качестве карабинов для подвеса кавалерийского ручного огнестрельного оружия к ремню, одевавшемуся через плечо. Для этого на внутренней стороне ружейной ложи карабина имелась длинная железная скоба-погон, за которую цеплялся ремень. При верховой езде ружье висело на боку всадника наискосок, стволом вниз. Деталь, полностью аналогичная ладожской, была обнаружена при раскопках Лудзенского замка в Латвии (Daiga

[14] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-82925, А-16524.

[15] Полевой шифр САЭ ВУ № 937.

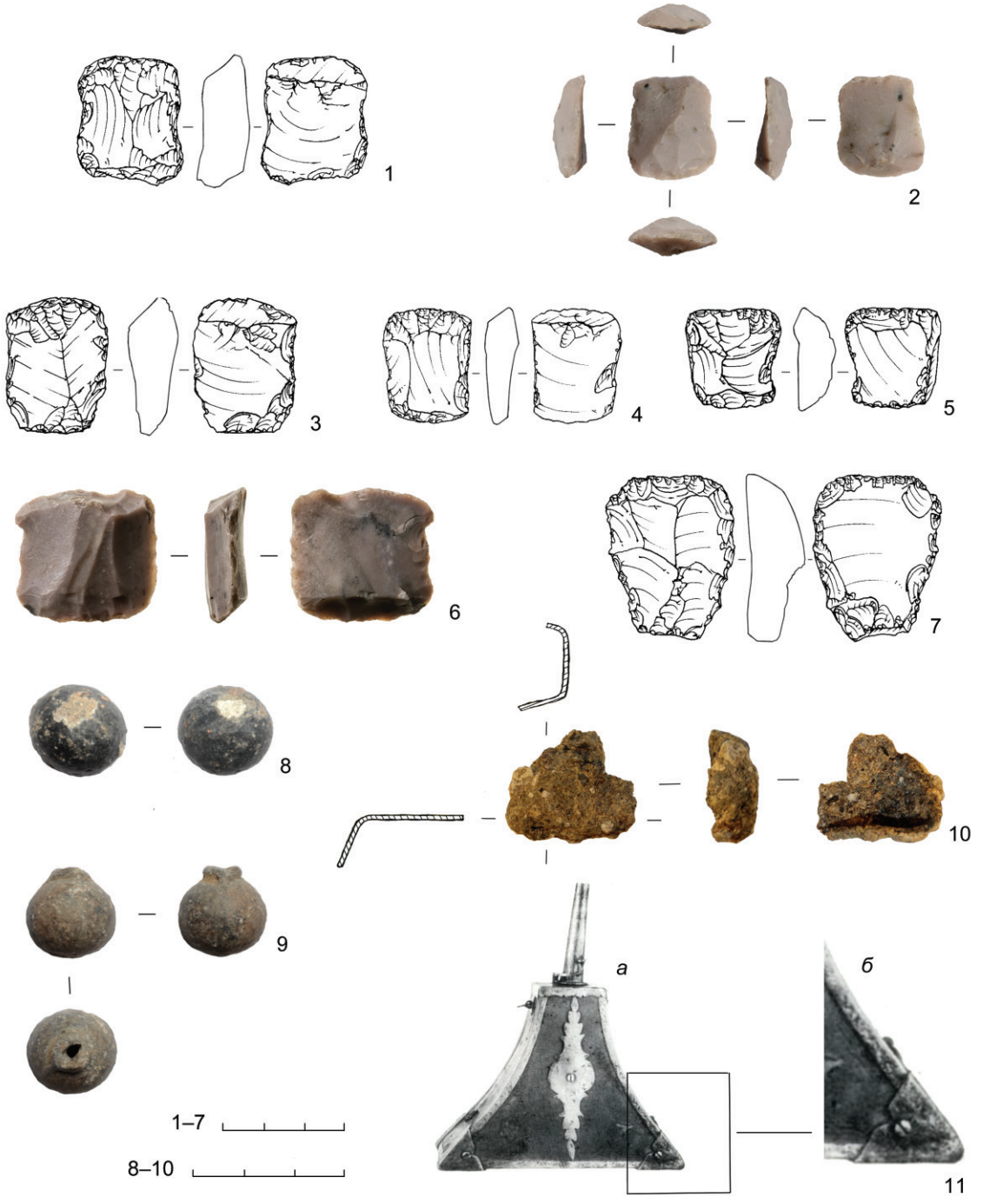

Рис. 4. 1–7 — ружейные кремни; 8–9 — пули; 10 — угловая оковка пороховницы; 11 — пороховница трапециевидной формы с вогнутыми боками (б/м). Германия, первая половина XVII в.: *а* — общий вид, *б* — угловая оковка (по: Lugs 1977). 1–7 — кремень, 8–9 — свинец, 10 — железо

2011: 206, att. 9, *4*). Похожие изделия с несколько иной системой запирания были найдены на селище Луковец[16] в Вологодской обл. и на территории поселения

[16] Автор выражает глубокую благодарность А. В. Кудряшову за информацию и возможность ознакомиться с находками из раскопок селища Луковец.

Духанино (Степаньково) в Подмосковье (Гоняный 2009: 38, 40, рис. 8, *1*). Подобные механизмы крепления для кавалерийских карабинов в Западной Европе использовались начиная со второй половины XVI в. и позднее — на протяжении всего нового времени. Подлинные кожаные чрезплечные ремни, с деталями, полностью аналогичными описанным выше находкам (рис. 3, *5*), находятся в собрании Королевской оружейной палаты (Royal Armouries) в Лондоне и датируются 40–50 гг. XVII в. (Blackmore 1990: 52, fig. 72–73). Распространение подобных элементов военного снаряжения в войсках Московского государства, скорее всего, началось после Смуты, когда для вооружения поместной конницы массово стали использовать пистолеты и карабины (Курбатов 2006: 2–4).

В 2015 г. в раскопе у дома № 9 по улице Варяжской при исследовании заполнения ямы № 9 с остатками двух свай, в слое мешаного бурого гумуса с угольками и тленом была обнаружена угловая оковка, изготовленная из тонкого железного листа[17] (рис. 4, *10*). Она предназначалась для монтажа не на прямой, а на острый угол, по всей видимости, деревянного изделия. Размеры находки 27 × 24 × 0,8–1 мм, края детали отогнуты вниз в виде вертикальных бортиков (Миляев 2018: 201). Подобные накладки из железа и цветных металлов использовались для скрепления углов пороховниц трапециевидной формы с вогнутыми боками (рис. 4, *11а, б*). Данные элементы военного снаряжения широко использовались на территории Западной и Восточной Европы, в том числе и пехотой армии Московского государства. Пороховницы указанной формы появились во второй половине XVI в. (Бехайм 1995: 355–356) и бытовали на протяжении всего XVII в., являясь неотъемлемой частью снаряжения мушкетеров (Ефимов, Рымша 2009: 255–259). В фондах отечественных и зарубежных музеев сохранилось немало таких изделий (Lugs 1977: Bild 13, 15; Müller 1979: Fig. 73; Scalini, Wackernagel, Eaves 1996: 354–356; Ефимов, Рымша 2009: 256–258).

Отдельно стоит упомянуть ружейную отвертку-кресало[18] (рис. 3, *б*), использовавшуюся для обслуживания и ремонта огнестрельного оружия, в частности для разборки ружейных замков (Миляев 2018: 201). Размеры предмета 80 × 16 мм, изделие имеет прямоугольную уплощенную заостренную рабочую часть, бока кресала вогнуты внутрь. Данная форма изделия возникла в результате деформации, рабочая часть имеет разлом, скорее всего, изначально ружейная отвертка-кресало была прямоугольной. Инструмент найден в слое бурого гумуса с белым песком, датированном концом XVI — началом XVII в. Фрагмент аналогичной ружейной отвертки-кресала был обнаружен при раскопках в Чебоксарах (Краснов, Каховский 1978: рис. 71, *2*), изделия похожих и несколько иных пропорций были найдены во многих городах Московского государства, а также за его пределами (Зацаринный 2018: рис. 2).

Из раскопок на Варяжской улице в 2015 г. происходят семь ружейных кремней. Большинство изделий имеют размеры 25–30 × 20–25 мм, отличаются строгой подпрямоугольной формой, нижняя их часть уплощенная, верхняя несколько выпуклая, края обработаны ретушью. Выделяются два экземпляра, один из которых размерами 32 × 32 мм имеет форму, близкую к квадратной (рис. 4, *б*), а второй — массивный, размерами 40 × 32 мм, очертаниями больше напоминающий вытянутую

[17] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 968, кв. 43.

[18] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 745.

трапецию (рис. 4, *7*). Пять из них, найденные при исследовании условного горизонта 5 в буром гумусе с тленом и остатками дерева[19], могут датироваться XVII в. (рис. 4, *1, 4–7*), остальные[20] были обнаружены в вышележащем темно-сером мешаном слое условного горизонта 4 (рис. 4, *2–3*). Изделия характеризуются широкими нефасетированными ударными площадками и острыми углами скалывания (около 50 градусов). Все имеют нерегулярную полукрутую или пологую ретушь на дорсальной и вентральной стороне и мелкую выкрошенность и забитость на четырех сторонах изделий[21]. Кроме того, на территории Старой Ладоги было в разное время найдено 16 ружейных кремней и их фрагментов, некоторые из них, вероятно, происходят с территории посада.

Из снарядов для ручного огнестрельного оружия было найдено пять пуль: четыре из свинца и одна железная. Кроме того, в коллекции находок с территории Ладожского посада имеется каменное изделие округлой формы, которое также могло использоваться для стрельбы из ручного огнестрельного оружия. Две свинцовые пули были найдены в 2015 г. на раскопе у дома № 9 по Варяжской улице (Миляев 2018: 203). Одна из них[22] происходит из темно-серого мешаного слоя горизонта 4 (рис. 4, *8*). Диаметр пули 18 мм, вес 35 г, она относится к группе I, варианту 2, по классификации О. В. Двуреченского (Двуреченский 2005: 266, рис. 1), литник был аккуратно обрублен, следов смещения половинок клещей пулелейки при литье не наблюдается. Вторая пуля[23] была найдена в слое бурого гумуса над досками настила у сруба дренажного колодца (кв. 63, гл. -616 см от R); она может датироваться XVII в. (рис. 4, *9*). Диаметр пули 17 мм, вес 27 г, она относится к группе I, варианту 1, по О. В. Двуреченскому (Двуреченский 2005: 266, рис. 1). В верхней части изделия есть литник, в центре которого заметна западина — следствие усадки при литье, признаков смещения половинок клещей пулелейки при изготовлении снаряда нет.

Остальные четыре пули, найденные на территории Ладожского посада, обнаружены в верхнем мешаном слое или при случайных обстоятельствах, они не имеют узкой датировки.

В 2013 г. во время проведения раскопок на месте установки памятника князьям Рюрику и Олегу была найдена свинцовая пуля[24], относящаяся к группе I, варианту 1, по классификации О. В. Двуреченского, с необрубленным литником (Двуреченский 2005: 266, рис. 1), ее диаметр 11 мм, вес 8 г. Аналогичная пуля, относящаяся к той же группе и варианту, была найдена на берегу в устье реки Ладожки[25], ее диаметр 15 мм, вес 20 г. На территории Успенского монастыря в 1987 г. была найдена железная кованая пуля[26], вес ее 23 г, диаметр 18 мм (рис. 5, *1*). Описанные выше боеприпасы можно широко датировать XVI–XVII вв.

---

[19] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 499, 546, 574, 588, 697.

[20] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 298, 1244.

[21] Автор выражает благодарность А. И. Мурашкину за помощь в работе с данной категорией находок.

[22] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 731.

[23] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 1057.

[24] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-99155/60, А-23664.

[25] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-85247, А-17056.

[26] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-95044, А5-194.

Интересна находка каменного изделия[27], которое предположительно может являться снарядом для ручного огнестрельного оружия XV–XVII вв. (рис. 5, *2*). Изделие было обнаружено в 1984 г. на раскопе II, заложенном выше моста через р. Ладожку (Кирпичников 1984: 5) в верхней части слоя серого гумуса. Его диаметр составляет 26 мм, вес — 19 г, оно имеет округлую форму с небольшими неровностями.

Боеприпасы, аналогичные описанным выше, датированные концом XV–XVII вв., найдены во многих русских городах и крепостях. Судя по весовым и размерным характеристикам, крупные пули диаметром 17–18 мм, обнаруженные на территории Ладожского посада, предназначались для стрельбы из крупнокалиберного длинноствольного ручного огнестрельного оружия: мушкетов или затинных пищалей (Двуреченский 2005: 267). В начале XVII в. в Смутное время фитильные мушкеты использовались наемниками корпуса Якоба Делагарди и шведскими солдатами. Во второй половине столетия (с середины 1660-х гг.) они находились на вооружении ладожских стрельцов: 129 таких мушкетов хранилось в каменной крепости (Бранденбург 1896: 259, 261, 266, 274). У крепостного гарнизона имелось 16 затинных пищалей и боеприпасы к ним (Бранденбург 1896: 254, 256, 259, 261, 265, 269, 274). Изделия диаметром 11–15 мм являлись зарядами для ручных пищалей, основного вооружения пехоты Московского государства (Двуреченский 2005: 267). Наиболее крупная из всех найденных боеприпасов каменная пуля, предположительно, могла использоваться для стрельбы из затинной пищали.

О вооружении посадских людей Ладоги во второй половине XVII в. известно из письменных источников (Бранденбург 1896: 72). В 1655 г. в росписи Ладоги указывается «посадских людей 58 человек с самопалы и с топоры и с копьи». Кроме них отмечено «Ладожскаго яму охотников 20 человек с топоры и с копьем» (Бранденбург 1896: 258). Точное количество людей, вооруженных тем или иным оружием, не указывается. Более подробные сведения имеются в росписи 1666–1667 гг. В ней указываются «посадских людей 7 человек с ружьем с самопалы и с сабли, 24 человеки с самопалы, а 17 человек с копьи, а иные с топоры». В этом же году отмечено: «Ладожского яму охотников 27 человеко с боем с топоры; да подсоседников и бобылей Ладожскаго-же яму 5 человек с топоры-же» (Бранденбург 1896: 266). В 1692–1693 гг. три посадских человека были вооружены пищалями и саблями, 19 — пищалями, 14 — бердышами (в 1693 г. 10 чел.), 5 — копьями (в 1693 г. 4 чел.), 8 — топорками (в 1693 г. 5 чел.), оружие у ямских охотников вовсе не упоминается (Бранденбург 1896: 270). Таким образом, во второй половине XVII в. вооруженных посадских в Ладоге было до 80 человек, причем наибольшее их количество фиксируется в 60-е гг., а к концу века их становится меньше. По всей видимости, большинство ладожан использовали холодное оружие ближнего боя — копья и топоры (топорки) — более дешевое и доступное. Самопалы — ручные пищали с кремневыми замками — могли себе позволить 22–31 человек, причем несколько наиболее состоятельных из них имели еще и сабли. В конце XVII в. на вооружении ладожских посадских людей появляются бердыши. Заметим, что количество личного оружия, находившегося у местных жителей, было весьма большим, так как в случае вражеской осады они совместно с гарнизоном каменной крепости и Земляного города должны были отбивать нападение противника. Кроме того, обстановка на границе не всегда была

[27] Фонды Староладожского музея, инв. № СЛМ КП-83111, А-16709.

Рис. 5. 1–2 — пули; 3 — язычек пряжки (подпружной ?); 4 — наконечник стрелы; 5, 7–8 —подковы; 6 — фрагмент звена грызла удил; 9–11 — пряжки. 1, 3–11 — железо, 2 — камень

спокойной, зачастую происходили вооруженные инциденты, совершались преступления (Селин 2016: 545–551). В таких случаях оружие предназначалось для самообороны, в частности, это касается ямских охотников, для которых топор или копье могли служить защитой от грабителей на дороге.

Из снаряжения коня следует отметить три подковы, две из которых были найдены в виде фрагментов. Одна из них[28], происходящая из темно-серого мешаного

[28] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 473.

слоя (условный горизонт 4), относится к типу I по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: 83–84, рис. 49, *1*) Сохранился фрагмент изделия размерами 70 × 34 × 28 мм (рис. 5, *5*). Подкова изначально имела серповидную форму, была изготовлена из пластины толщиной около 4 мм, в которой пробивались четыре или шесть прямоугольных отверстий для гвоздей. В центре находки располагается вертикальный шип прямоугольного сечения высотой 22 мм, оба края предмета обломаны. Фрагмент подковы мог попасть в мешаные напластования 4-го условного горизонта из залегающих ниже слоев второй половины — конца XVI — XVII вв. в результате позднейших перекопов.

Второй фрагмент подковы[29], был найден при исследовании условного горизонта 5 в слое бурого гумуса с остатками деревянных конструкций. Он датируется XVII в. (рис. 5, *7*). Он также относится к типу I, по А. Н. Кирпичникову, и ко второму варианту данного типа, по классификации О. В. Двуреченского (Кирпичников 1973: 83–84, рис. 49, *1*; Двуреченский 2004: 240). Размеры фрагмента 810 × 770 × 26 мм, подкова была изготовлена из пластины толщиной около 4 мм и изначально имела округлую форму, на обеих сторонах изделия было по три подпрямоугольных отверстия для гвоздей без соединительной канавки. В центре располагается шип треугольной формы высотой 21 мм прямоугольного сечения.

Наиболее ранние образцы подков типа I датируются XI в. (Кирпичников 1973: 84), однако наибольшее распространение они получают в XVI–XVII вв. а позднее не используются. По мнению О. В. Двуреченского, аналогичные предметы конского снаряжения появились на территории Москвы и Московской земли не ранее XV в. (Двуреченский 2004: 240). Аналогичные изделия ранее были найдены на территории ладожской каменной крепости и Земляного городища, они встречены также в Орешке, Пскове, Москве и других городах (Кирпичников 1973: 84).

Одна целая подкова из материалов раскопок 2015 г.[30] (рис. 5, *8*) относится к типу II, по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: 84). Она была обнаружена при исследовании условного горизонта 5 в слое бурого гумуса с тленом и остатками дерева (кв. 45, гл. -635 см от R) и может датироваться XVII в. Подкова размерами 115 × 110 × 22 мм имеет форму трехчетвертного овала, выкована из пластины шириной 29–38 мм и толщиной около 6 мм. Концы изделия загнуты, образуя шипы, центральный шип отсутствует, на обеих сторонах детали есть шесть подпрямоугольных отверстий для гвоздей, соединительная канавка между ними отсутствует.

Наиболее ранние подковы типа II на территории Древней Руси датируются XII–XIII вв. (Кирпичников 1973: 84), однако, размеры и форма ладожской находки характерны для изделий XVI–XVII вв., более того, соотношение длины и ширины изделия указывает на время позднее XVI в. (Двуреченский 2004: 240). Наиболее близки подкове из раскопок 2015 г. изделия с территории Тушинского лагеря, отнесенные О. В. Двуреченским ко второй разновидности типа II. Их отличает невысокое качество изготовления, на некоторых отсутствуют передние шипы и канавки между отверстиями для гвоздей. Автор отмечает, что данные подковы были изготовлены не московскими, а пришлыми кузнецами (Двуреченский 2018: 25).

[29] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 424.

[30] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 418.

Изделия, похожие на ладожскую находку, были найдены и на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Свєшніков 1992: 261, рис. 69, *12–14*).

Единственный подковный гвоздь, найденный в 2015 г. в слое бурого гумуса при исследовании условного горизонта 6, имеет Т-образную шляпку и прямоугольное сечение. Изделие можно датировать концом XVI — началом XVII в., предназначалось оно в первую очередь для закрепления подков типа I (Двуреченский 2018: 25).

Фрагмент звена грызла удил (рис. 5, 6) был найден в слое бурого гумуса с тлен-ом и остатками деревянных конструкций (кв. 43, гл. -620 / -640 см от R, условный горизонт 5) Предмет датируется XVII в, его длина 112 мм, изготовлен из железного стержня диаметром 8 мм. Один из концов изделия уплощен, имеет прямоугольное сечение и согнут в петлю округлой формы, противоположный конец обломан. Разновидность удил, к которой принадлежит данный фрагмент, точно определить невозможно, однако, вероятнее всего, это мог быть тип IV, по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: 16, рис. 4, *IV*). Данные изделия начиная с XII в. были наиболее распространенными на территории Руси и сохраняли доминирующее положение вплоть до позднего средневековья и раннего нового времени (Кирпичников 1973: 19; Никитин 1971: 41).

Отметим три крупные железные пряжки, которые могли выполнять функции подпружных. Все они были найдены в темно-сером мешаном слое условного горизонта 4, куда они могли попасть из нижележащих напластований второй половины — конца XVI — XVII в. Выделяются две составные пряжки (одна из них фрагментирована), собранные из П-образной дужки прямоугольного сечения с круглыми расширениями и отверстиями на обоих концах, в которые вставлен поперечный стержень веретенообразной формы круглого сечения. Одно изделие, размерами 52 × 48 × 12 мм, имело подпрямоугольную форму[31] (рис. 5, *10*), второе, размерами 35 × 34 мм, — квадратное[32] (рис. 5, *9*). Подобные предметы широко представлены в материалах позднесредневековых напластований русских городов и датируются в основном XVI–XVII вв. (Никитин 1971: 42). Третья пряжка прямоугольная, размерами 37 × 30 ×8 мм, выкована целиком, три стороны ее рамки имеют подквадратное сечение, а передняя утолщенная часть — округлое[33] (рис. 5, *11*). Кроме того, в слое бурого гумуса со щепой (условный горизонт 5) был найден железный язычок (рис. 5, *3*) от крупной, вероятно, подпружной пряжки[34] (кв. 45, -620 / -640 см от R). Изделие размерами 33 × 13 × 2 мм изготовлено из пластины прямоугольного сечения, один из концов которой плавно изогнут в круглую петлю. По сопроводительному материалу, в частности нумизматическим находкам, данное изделие можно датировать XVII в.

Подведем некоторые итоги. На первый взгляд среди материалов раскопок на территории Ладожского посада холодное оружие хорошо представлено крупными находками, детали же огнестрельного вооружения и боеприпасы являются, в основном, отдельными разрозненными изделиями. Однако небольшие, по сравнению с каменной крепостью и Земляным городищем, объемы раскопок на данной

[31] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 353.

[32] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 125.

[33] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 276.

[34] Полевой шифр САЭ-15 ВУ № 850.

территории средневекового города не дают пока возможность уверенно распространять вывод на весь посад. Возможно, указанное соотношение находок локально и характерно лишь для исследованных участков, в первую очередь для раскопа 2015 г. на улице Варяжской.

Наиболее широко на Ладожском посаде представлены наконечники древкового оружия, демонстрирующие преобладание пик, что было характерно для XVI–XVII вв. (Двуреченский 2015: 117). Фрагменты клинкового холодного оружия и боевых топоров единичны. О распространении ручного огнестрельного оружия с ударно-кремневыми замками свидетельствуют ружейные кремни, а также огниво. Судя по находкам с территории Земляного городища и каменной крепости, на территории Ладоги в XVII в. преимущественно использовались кремневые замки русского и карельского типов (Миляев 2019б: 455). Снаряжение для ношения и обслуживания огнестрельного оружия на территории Ладожского посада представлено единичными находками. Частей фитильных ружейных замков не было обнаружено вовсе, однако к мушкетам, снабженным этим механизмом воспламенения заряда, могут относиться некоторые найденные при раскопках, разведках и сборах пули. Судя по всему, активное выпадение в слой предметов вооружения и боеприпасов происходило в первую очередь во время боевых действий в Смутное время, наиболее интенсивные из которых относятся к 1610–1611 гг. Впоследствии бои различной степени активности под Ладогой велись в 1613–1614 гг. (Селин 2008: 42–49, 59–61), и даже после заключения Столбовского мира в 1619 г. происходили столкновения с отдельными казачьими отрядами, промышлявшими грабежами (Селин 2016: 465–467). Предметы вооружения, найденные при раскопках в Никольском монастыре и недалеко от него, можно связать с разграблением монастыря в Смутное время иностранными наемниками и солдатами (Бранденбург 1896: 58; Селин 2008: 75). Предметы снаряжения коня и всадника, обнаруженные на посаде Ладоги, в целом характерны для XVI–XVII вв. и представлены наиболее распространенными в этот период типами изделий. Из них наиболее интересна подкова второго типа необычной разновидности. В целом, коллекция предметов вооружения с территории Ладожского посада убедительно свидетельствует об активном функционировании Ладоги в XVI–XVII вв. как крупного военного центра.

Литература

Бехайм 1995 — *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 577 с.

Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. 512 с.

Гоняный 2009 — *Гоняный М. И.* Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 23–42.

Гоняный, Гриценко, Двуреченский 2011 — *Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В.* Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная

археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 2: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2011. С. 32–57.

Гордеев 1954 — *Гордеев Н. В.* Русское огнестрельное оружие. Мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Богоявленский С. К., Новицкий Г. А. (ред.). Государственная Оружейная палата Московского кремля. М.: Искусство, 1954. С. 1–58.

Двуреченский 2004 — *Двуреченский О. В.* Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2004. С. 238–244.

Двуреченский 2005 — *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. 264–295.

Двуреченский 2007 — *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Московского государства XV–XVII вв. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 277–331.

Двуреченский 2015 — *Двуреченский О. В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2015. 498 с.

Двуреченский 2018 — *Двуреченский О. В.* Тушинский лагерь (публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 193 с.

Екимов 2007 — *Екимов Ю. Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Наумов А. Н. (отв. ред.). Позднесредневековый город: археология и история: Материалы Всероссийского семинара 18–20 ноября 2005 г. В 2-х ч. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С. 66–131.

Ефимов, Рымша 2009 — *Ефимов С. В., Рымша С. С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. СПб.: Атлант, 2009. 392 с.

Заидов, Гуркин 2007 — *Заидов О. Н., Гуркин А.* Позднесредневековый город Гремячий и его округа // Наумов А. Н. (отв. ред.). Позднесредневековый город: археология и история. Материалы Всероссийского семинара 18–20 ноября 2005 г. В 2-х ч. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С. 66–77.

Зацаринный 2018 — *Зацаринный С. В.* Ружейные отвертки-огнива XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 388–398.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 181 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. IV: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ. Е1-36).

Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 84 с.

Кирпичников 1984 — *Кирпичников А. Н.* Отчет об археологических раскопках в Старой Ладоге в 1984 г. НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. №169. 1984 г.

Кирпичников 1985 — *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // Седов В. В. (ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.

Краснов, Каховский 1978 — *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.

Курбатов 2006 — *Курбатов О. А.* «Оружность» русской конницы. 1630-е — начало 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. № 23. С. 2–4.

Курбатов 2014 — *Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.

Кутасов 2010 — *Кутасов П. А.* Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переулка в Москве // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 303–321.

Лапшин 2018 — *Лапшин В. А.* Посад Старой Ладоги: новые исследования // Платоно-ва Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Гл. 4. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 135–206.

Малов 2006 — *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 622 с.

Меньшиков, Янишевский, Балашов 2011 — *Меньшиков М. Ю., Янишевский Б. Е., Балашов А. Ю.* Предметы вооружения из раскопок Можайска // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 2: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2011. С. 221–239.

Миляев 2018 — *Миляев П. А.* Предметы вооружения конца XVI–XVII в. из раскопок на территории Ладожского посада в 2015 г. // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. Приложение к главе 4. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. С. 195–206.

Миляев 2019а — *Миляев П. А.* Клинковое оружие из раскопок в Старой Ладоге // ННЗИА. 2019. Вып. 32. С. 271–283.

Миляев 2019б — *Миляев П. А.* Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2019. Вып. 12. С. 447–471.

Никитин 1971 — *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука, 1971. 84 с. (САИ. Вып. Е1-34).

Свєшніков 1992 — *Свєшніков І. К.* Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.

Селин 2008 — *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога: Нестор-История, 2008. 196 с.

Селин 2016 — *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.

Татарников 2008 — *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. М.: Любимая книга, 2008. 352 с.

Blackmore 1990 — *Blackmore D.* Arms & Armour of the English Civil Wars. London: Royal Armouries HM Tower of London; Belmont Press, 1990. 99 p.

Brzezinski, Hook 2000 — *Brzezinski R., Hook R.* The Army of Gustavus Adolphus. Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 2000. 48 p.

Daiga 2011 — *Daiga J.* Arheologiskie pētījumi Ludzas pils pagalmā 1976. gadā // Latvijas viduslaiku pilis VII. Pētijumi un avoti par Livonijas ordeņpilīm. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2011. 194.–215. lpp.

De Groot 2017 — *De Groot B*. Dutch Armies of the 80 Years´ War 1568–1648 (2). Cavalry, Artillery & Engineering. Oxford: Osprey Publishing, 2017. 50 p.

Lugs 1977 — *Lugs J*. Handfeuerwaffen. Systematischer Überblick über die Handfeuerwaffen und ihre Geschichte. Band II. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1977. 474 s.

Müller 1979 — *Müller H*. Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand-und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. 302 s.

Scalini, Wackernagel, Eaves 1996 — *Scalini M., Wackernagel R. H., Eaves I*. L`Armeria Trapp di Castel Coira (Die Churburger Rüstkammer). Udine: Magnus Edizoni SpA, 1996. 720 s.

К. А. Михайлов, А. А. Пескова
(Санкт-Петербург)

Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)[1]

Полвека назад вышел из печати знаменитый монографический труд А. Н. Кирпичникова, посвященный древнерусскому доспеху и комплексу оборонительных средств древнерусского воина IX–XIII вв. (Кирпичников 1971). В нем впервые максимально полно были представлены научному сообществу находки древнерусского защитного вооружения домонгольского периода — кольчуг, доспехов, шлемов, защитных масок и наручей. Среди опубликованных материалов свое место нашли и археологические находки из раскопок древнерусского города у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. Украины. Этому памятнику, который исследовался совместной экспедицией ЛОИА АН СССР и ЛГУ во главе с М. К. Каргером, отождествившим его с летописным городом Изяславлем (Каргер 1965),[2] Анатолий Николаевич посвятил восемь полевых сезонов (1957–1964 гг.). А. Н. Кирпичников, будучи постоянным участником экспедиции, вскоре после ее завершения полностью изучил и типологизировал огромную коллекцию предметов вооружения из раскопок городища, насчитывающую свыше 1500 предметов. Это целостное исследование не было своевременно опубликовано[3], однако большинство городищенских находок, в том числе кольчуга и шлем из раскопок 1959 г., были включены в соответствующие разделы свода древнерусского оружия (Кирпичников 1971: 12–14, 29–30, № 28–29, 68).

Обратить внимание на находки боевых средств защиты воина нас заставила обновленная древнерусская экспозиция, открытая в 2018 г. в Государственном Эрмитаже, где в центре одной из витрин экспонируется отреставрированная боевая

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00753 «Большое Шепетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг.)».

[2] В настоящее время отождествление этого городища с летописным Изяславлем оспаривается рядом исследователей, и в первую очередь на основании результатов раскопок, проведенных на территории находящегося поблизости от городища современного г. Изяслава, где был обнаружен культурный слой, синхронный городищенскому (Никитенко и др. 1985; Никитенко 1999).

[3] Не потерявшая актуальности рукопись А. Н. Кирпичникова о комплексе вооружения из раскопок городища у с. Городище близ Шепетовки в настоящее время подготавливается к печати.

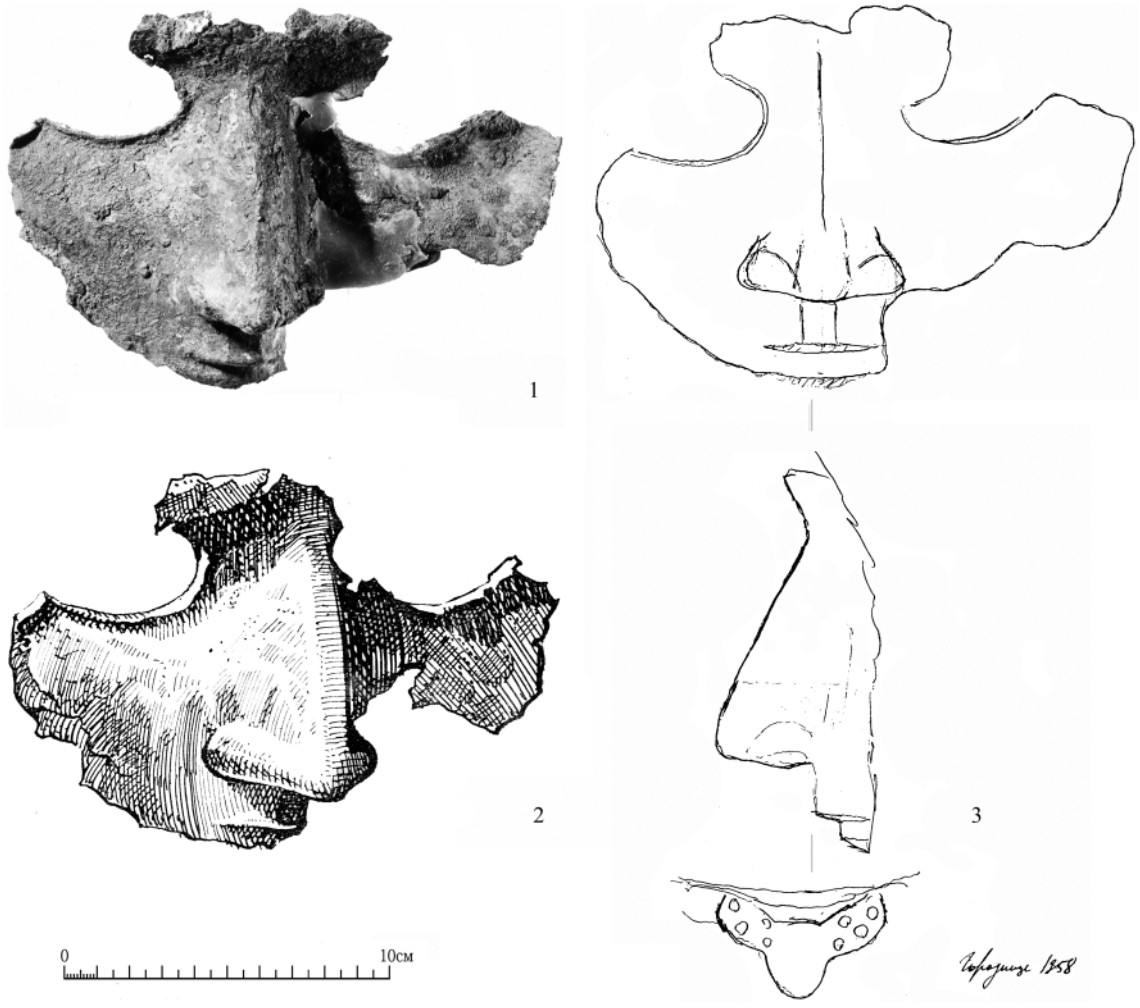

Рис. 1. Железная маска из раскопок Шепетовского городища: 1 — фото по негативу из архива ИИМК РАН (I 54213); 2 — рисунок из каталога 1983 (по: Миролюбов 1983: 26, кат. № 21); 3 — рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова

маска из раскопок городища. Ее внешний облик, как оказалось при внимательном рассмотрении, несколько отличается от того, который демонстрировался на полностью построенной на городищенских материалах временной выставке 1983 г. и был опубликован в каталоге «Древнерусский город Изяславль» (Миролюбов 1983: 24–26, рис. 21, кат. № 21).

Маска представляет собой антропоморфный рельефный пришлемный наличник — своеобразное художественно оформленное забрало, которое крепилось к шлему и закрывало лицо воина. Размеры маски в настоящее время 12,5 × 12,8 см, на 1960–1970-е гг. они составляли 15 × 11 см (Миролюбов 1983: 26, кат. № 21). На фотографии 1960-х годов из архива ИИМК РАН и на рисунке из каталога выставки 1983 г. видно, что верхняя часть лба, окантовка глазниц и брови, а также нижние края маски частично повреждены, частично утрачены (рис. 1, *1–2*). Сохранились скулы, щеки, нижние части окантовки глазниц овальной формы, выступающий прямой нос, узкий сомкнутый рот. Носовые отверстия закрыты пластиной, в которой проделано восемь круглых отверстий для дыхания. Современное состояние

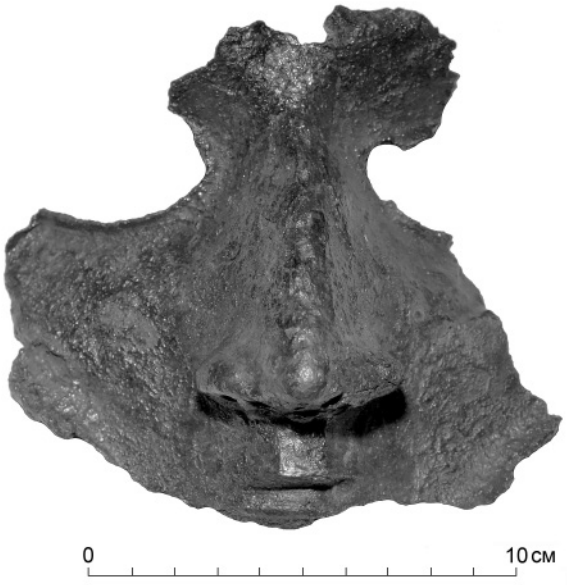

Рис. 2. Железная маска из раскопок Шепетовского городища (современное состояние); фото К. А. Михайлова

маски отличается одной, но важной деталью. С нее исчезла часть окантовки левой глазницы и часть скулы, которые были зафиксированы на рисунках и фотографиях 1960–1970-х гг. В то же время сегодня на маске на месте левой щеки находится железная пластина трапециевидной формы, примыкающая к левому крылу носа (рис. 2). Понять, какой же облик маски был первичен, помог полевой рисунок из личного архива А. Н. Кирпичникова (рис. 1, *3*)[4]. На нем исследователь изобразил маску с целой окантовкой левой глазницы и левой скулой, но без части левой щеки, которая появилась, вероятно, позже, при повторной реставрации. На рисунке обозначен и год находки — 1958 г., что помогло локализовать ее на плане городища — связать эту находку, утратившую с годами (по-видимому, в процессе реставрации) инвентарный номер, с городищенским детинцем (в 1958 г. экспедиция работала только на детинце)[5]. Оказалось, что основная часть маски (ГД-58/2561) была обнаружена около крайней южной клети юго-восточной оборонительной линии детинца, второй фрагмент (ГД-58/2675) был найден на значительном расстоянии — в 35–36 м к СЗ от первого и несколько позже. Скорее всего, именно этот фрагмент в виде небольшой пластины подпрямоугольной формы реставраторы первоначально расположили на левой скуле маски, а при повторной реставрации перемонтировали ее, расположив на месте левой щеки и подбородка, при этом в обоих случаях ее края недостаточно плотно стыкуются с краями маски (рис. 1–2)[6].

К вопросам, связанным с функциональным назначением, датировкой и культурной интерпретацией антропоморфных масок-забрал неоднократно обращались А. Н. Кирпичников, Н. В. Пятышева, М. В. Горелик, И. Л. Измайлов, Э. Е. Кравченко, С. А. Плетнева, П. П. Толочко и ряд других исследователей (Кулешов 2009: 156)[7].

[4] Благодарим А. Н. Кирпичникова за предоставленную возможность ознакомиться с материалами из его личного архива.

[5] Железную маску удалось найти в полевой описи 1958 г. , где она записана под двумя номерами: ГД-58/2561 (кв. П в круге 32, гл. 0,2-0,4 м) и ГД-58/ 2675 (кв. Ж в круге 17, гл. 0,2–0,4 м). В каталоге 1983 г. (Миролюбов 1983: кат. № 21) указан ошибочный инвентарный номер. Имеются в виду инвентарные номера экспедиционной описи, составленной в ЛОИА АН СССР еще до передачи коллекции в Эрмитаж.

[6] Так как место находки пластины расположено на значительном расстоянии от места находки маски, нельзя исключать и того, что она принадлежит другому предмету.

[7] Краткая информация о маске была также опубликована в разделе 6 и на рисунке 20 в интернет-публикации П. Васина и А. Лемешко «Личины» на сайте «Тоже Город» и затем

В последнее время особенно скрупулезно маски рассмотрены в работах Ю. А. Кулешова, который учел в Восточной Европе девять подобных масок и несколько деталей от них (Кулешов 2009; 2009а, 2014). Исследователь разделил их на две условные группы: «обезличенные» и «высокохудожественные (антропоморфно-реалистичные)». Городищенская маска обоснованно отнесена им ко второй группе вместе с находками из с. Ковали, Серенска, Херсонеса, у с. Липовец в Краснодарском Крае и в Поросье. К этой группе, по мнению Ю. А. Кулешова, принадлежат также находки фигурных ушей-фиксаторов, изготовленных из медного сплава, при помощи которых маски крепились к шлему. Подобные фиксаторы были найдены на городище Старая Рязань и у с. Леднево в Юрьево-Польском р-не Владимирской обл. (Кулешов 2014: 195–197).

На Шепетовском городище находки ушей-фиксаторов не выявлены, отсутствует и купол шлема, к которому когда-то крепилась эта маска. Хотя среди значительного количества находок неатрибутированных железных пластин, зафиксированных в полевой описи (около 50 только в 1958 г.), могут оказаться и фрагменты искомого купола шлема. В этой связи следует отметить, что в полевой описи под номером ГД-58/2561, где первоначально была записана «железная маска», что соответствует действительности и рисунку А. Н. Кирпичникова, рядом теми же чернилами эта запись была исправлена на «шлем», что тоже соответствует действительности, если рассматривать маску как неотъемлемую часть шлема. Видимо, именно такой позиции придерживался руководитель экспедиции М. К. Каргер. У А. Н. Кирпичникова по этому поводу в перечне шлемов находим следующую запись: «маска из Городища (№ 23) найдена в обломках; при ней, возможно, имелся шлем описанного здесь типа [тип III]» (Кирпичников 1971: 29, прим. 65).

Основная дискуссия, связанная с масками-забралами, ведется вокруг их датировки и культурной принадлежности. Часть историков относит маски к черноклобуцким или древнерусским древностям и датирует XII — первой половиной XIII в. Другие исследователи связывают такие маски с золотоордынским вооружением конца XIII — XIV в. В своих последних работах Ю. Э. Кулешов склоняется к их поздней датировке и считает, что основным местом производства антропоморфных масок-забрал могли быть оружейные мастерские золотоордынского Крыма (Кулешов 2009: 156–160; 2009а: 165–173; 2014: 195–202).

На наш взгляд, отнесение городищенской маски к «высокохудожественной» группе восточноевропейских антропоморфных масок-забрал вполне правомерно, так же, как и расширение границ бытования этой группы доспехов до конца XIII — XIV в. В то же время, их золотоордынское происхождение до сих пор недостаточно аргументировано и вызывает сомнения.

Второй значимой находкой из набора защитного вооружения является шлем с обломками боевой полумаски (рис. 3–4)[8]. А. Н. Кирпичников, относящий шлемы

переопубликована на сайте «Китаб Хона (колодец знаний)». Иллюстрации здесь даются без ссылки на авторов, одна из них является фотографией из Научного архива ИИМК РАН, другая – авторская реконструкция, наложенная на рисунок А. Н. Кирпичникова 1958 г. Текст (с), 2000-2002 П. Васин («Княжеская Дружина», Ст. Петербург), А. Лемешко («Тоже Город», Ст. Петербург). http://www.kitabhona.org.ua/libwar_armor/lichina.html; http://tgorod.ru/index.php?topgroupid=2&groupid=7&subgroupid=31&contentid=224.

[8] Инв. экспедиционный номер ГП-59/9348 (фрагменты шлема и полумаски были записаны под одним номером).

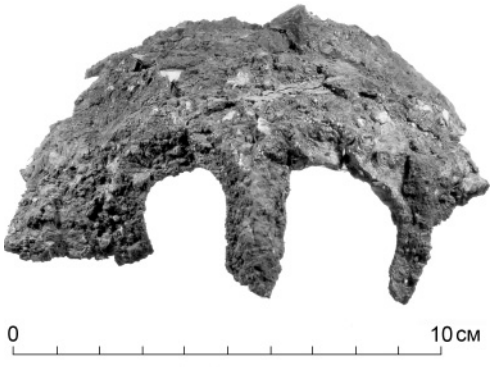

Рис. 3. Полумаска из раскопок Шепетовского городища; фото из архива ИИМК РАН (№ О 2571.2)

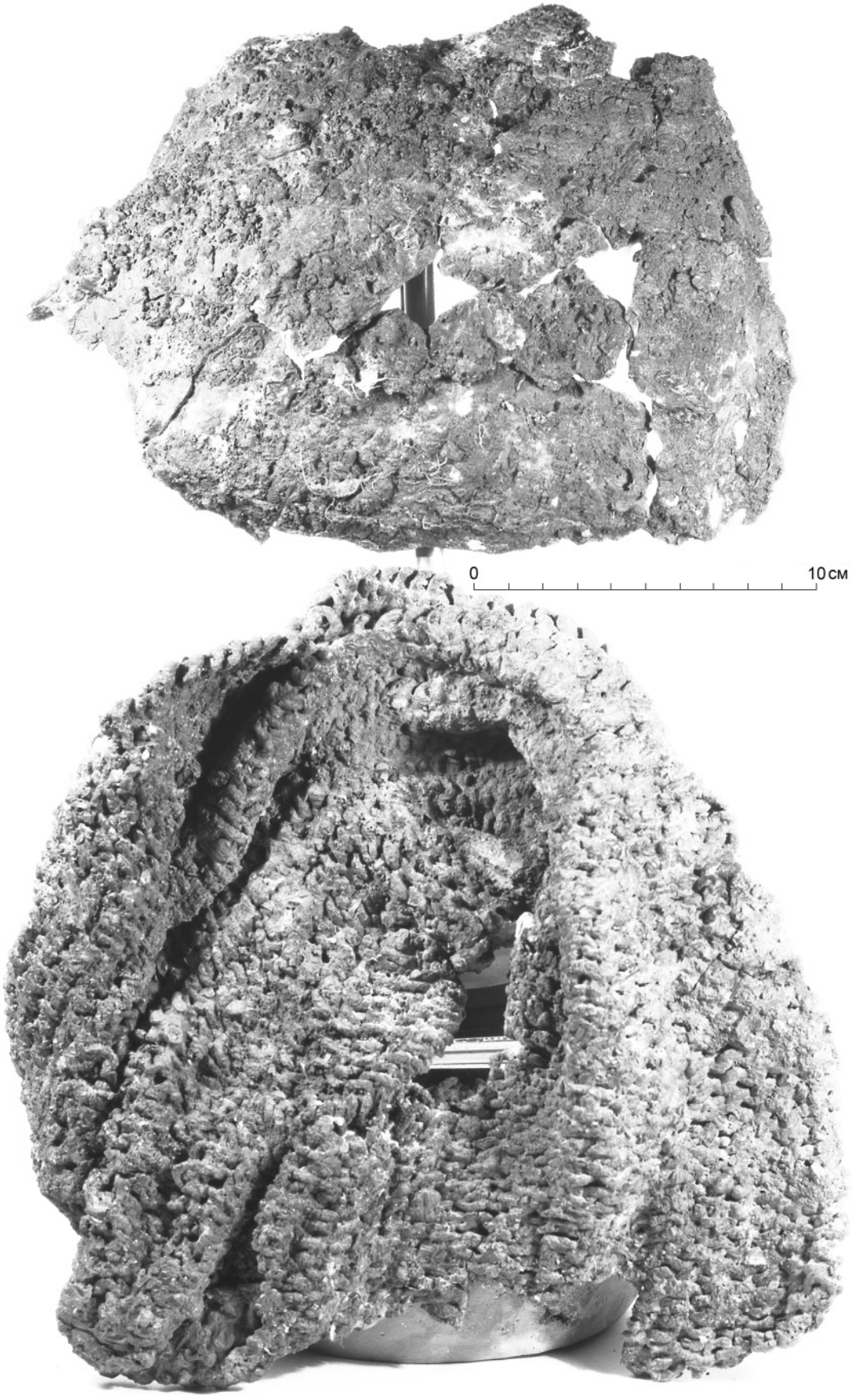
с полумаской к типу IV, писал: «Безусловно, к шлемам данного типа относятся два сильно поврежденных экземпляра из Городища (№ 28–29); один найден «на воине в кольчуге, павшем с мечом в руках в воротах городка» (Кирпичников 1971: 30). В приложении-каталоге находок автор упоминает те же два шлема: «оба [шлема] в обломках, на одном следы серебряной платировки» (Кирпичников 1971: № 28–29). К сожалению, автор, по не зависящим от него обстоятельствам, не смог тогда опубликовать рисунки этих находок.

В фондах Эрмитажа нам удалось ознакомиться с фрагментами лишь одного шлема. Согласно данным полевого отчета, он был обнаружен сотрудниками экспедиции в 1959 г. к северу от юго-западных ворот города, в южной части западной оборонительной линии клетей посада. Единственная реконструкция этого шлема была сделана, очевидно, вскоре после полевых работ и зафиксирована на снимке, хранящемся в научном архиве ИИМК РАН (рис. 4). Следов упомянутой «серебряной платировки» на сохранившихся очень сильно корродированных фрагментах этого шлема в настоящее время мы не обнаружили. Фрагментов второго шлема, на котором могла бы присутствовать искомая деталь, нам также найти не удалось ни в описях, ни в фондах.

Вместе со шлемом в ходе раскопок были найдены фрагменты уже упомянутой полумаски, кольчужная круговая бармица от шлема, кольчуга, меч и целый комплекс вооружения, который получил в отчетах обозначение как комплекс «павшего русского витязя» (Каргер 1959: 11; Кирпичников 1966: 30, № 28–29). От шлема сохранились шесть крупных и около десятка мелких обломков пластин купола, круговая бармица из мелких колец и наносник-полумаска, состоящий из двух обломков. На момент раскопок не только шлем, но и сама полумаска оказались разбиты на несколько частей, а нижние дуги полумаски, очерчивающие глаза, утрачены. Полностью сохранился характерный анатомический наносник и верхние надбровные дуги с фрагментами лицевой пластины шлема, видимой с обратной стороны полумаски (рис. 3). Полумаска, на наш взгляд, первоначально могла представлять собой Т-образный глубоко профилированный анатомический наносник, переходящий в профилированные же дугообразные брови. Безусловные следы ярко выраженных нижних дуг сегодня визуально не обнаруживаются, хотя края дуг и кончик наносника имеют изломы. В настоящее время полумаска склеена из четырех фрагментов и заметно деформирована. Точное определение конструкции городищенской полумаски, к сожалению, будет возможно только после проведения реставрационных работ.

Шлемы из Шепетовского городища и их детали постоянно вызывают интерес специалистов-оружиеведов. Предлагаются и новые реконструкции имеющихся

Рис. 4. Шлем и бармица из раскопок Шепетовского городища; фото по негативу из архива ИИМК РАН (II 78841)

0
10 см

находок. Так А. Е. Негин, сомневающийся в том, что на Шепетовском городище были найдены два шлема типа IV, опубликовал мало аргументированную реконструкцию шлема 1959 г. с куполом, имеющим рифленую поверхность и гладкий околыш (Негин 2013: 60–61).

Круг находок шлемов этого типа за последние десятилетия значительно расширился. В последней обобщающей работе С. Ю. Каинова и Ю. А. Кулешова рассматривается 21 экз. находок боевых шлемов с полумасками и отдельных находок полумасок в Восточной Европе. Исследователи выделяют две конструктивно-хронологические группы Т-образных глубоко профилированных анатомических наносников, переходящих в профилированные же дугообразные брови. Они считают, что, благодаря новым находкам, бытование шлемов с полумасками можно расширить со второй половины XII до третьей четверти XIV в. Первую (раннюю) группу, в которую входят экземпляры из Вщижа, Свислочи и Диброво, отличает превышение ширины полумаски над ее высотой и то, что в фас верхняя часть полумаски имеет форму, близкую к овалу. Еще одной особенностью внутри первой группы авторы считают различные формы носа. Полумаски бывают как со слабо изогнутым или клювовидным кончиком носа, так и с прямым (Каинов, Кулешов 2014: 94). Маски второй (поздней) группы появляются только после середины XIII в. Их отличие состоит в том, что в фас верхняя часть полумасок имеет форму усеченного овала или трапеции со сглаженными углами, а также то, что у поздних полумасок ширина и высота равны, или же высота превышает ширину. Исследователи не исключают, что за подмеченными отличиями могут стоять две технологические традиции (Каинов, Кулешов 2014: 94–95).

Городищенскую находку из-за плохой сохранности сейчас уже трудно уверенно отнести к той или иной группе восточноевропейских боевых полумасок. Ее наиболее важные детали оказались обломаны или скрыты под коррозионной коркой. Но так же, как в случае с антропоморфной маской, предположительное время бытования полумаски расширяется, как минимум, на весь XIII в.

Кольчуга, как и шлем с полумаской, также была найдена в комплексе воина, обнаруженного к северу от юго-западного проезда в город. В разделах свода, посвященных доспехам, А. Н. Кирпичников коротко сообщает о находке одной целой кольчуги и девяти обрывков (Кирпичников 1971: 12, рис. 2, *7,* № 68)[9]. Единственное изображение кольчуги вместе с обломками шлема, полумаской и мечом удалось найти в альбоме иллюстраций к полевому отчету за 1959 г., хранящемуся в архиве ИА РАН в Москве[10] (Каргер 1959: табл. XVIII–XXX), на котором мы видим бесформенный массив, состоящий из множества крупных и мелких, «спекшихся» между собой фрагментов. В настоящий момент кольчуга, хранящаяся в фондах Эрмитажа, представляет собой то же самое, на первый взгляд бесформенное, скопление фрагментов корродирующего металла. Однако при ближайшем рассмотрении в этом массиве можно разглядеть складчатую структуру, указывающую на то, что в процессе археологизации кольчуга подверглась сильной деформации по ее длинной оси (рис. 5). При визуальном знакомстве с остатками кольчуги была обнаружена часть

[9] Инв. экспедиционный номер ГП-59/ 9347.

[10] В аналогичных отчетах М. К. Каргера, находящихся в Санкт-Петербурге и в Киеве, такой фотографии нет.

одного из рукавов, в котором находился фрагмент человеческой плечевой кости. На фотографии из отчета удалось разглядеть часть древнерусского энколпиона, который оказался вплавлен в складки кольчуги и в таком виде сохранился до настоящего времени. На момент находки вес всех обломков кольчуги с прикипевшими к ней обломками составлял около 21 кг. Исследователь пришел к выводу, что кольчуга была сплетена из плоских колец диаметром 15–16 мм, на которых были желобчатые углубления[11]. В приложении-каталоге к своду А. Н. Кирпичникова, помимо целой кольчуги и около 90 плоских колец диаметром 15–16 мм, включая пять обрывков, упоминаются еще четыре кольца диаметром 7,0–8,5 мм и «ок. 55 колец, включая 4 обрывка» диаметром 11–13 мм (Кирпичников 1971: 12, рис. 2, *2,* № 68).

В инвентарных полевых описях экспедиции за 1957–1964 гг. нам удалось найти упоминания о 35 находках отдельных кольчужных колец, которые были обнаружены в разных частях памятника. Визуальное ознакомление показало, что среди них есть как цельные, так и склепанные сквозными заклепками. Большая часть колец относится к круглопроволочным, но около трети — к плоским кольцам с радиальными желобчатыми углублениями на лицевой поверхности.

Вдоль западной оборонительной стены посада было найдено несколько человеческих останков с оружием, однако только один из них оказался найден вместе с комплексом защитного доспеха и нагрудным крестом-реликварием (энколпионом) in situ. Хотя на территории городища в целом, где были обнаружены сотни человеческих скелетов, предметы личного благочестия, в том числе и кресты-энколпионы, не однажды были зафиксированы рядом с человеческими костяками или при разборке костищ (так, в экспедиции М. К. Каргера обозначали груды разрозненных человеческих костей и костей животных). Данный случай, несомненно, исключительный, сопоставимый, разве что с обнаружением в 1985 г. останков русского воина, погибшего под развалинами Цесисского замка (Латвия). Поверх шейных позвонков воина археологи обнаружили перламутровый нательный крестик, среди находившихся рядом с ним разнообразных вещей — остатки кошелька с 61 русской мелкой серебряной монетой. Анализ стратиграфии участка и археологических материалов вкупе с историческими источниками позволил Р. Спиргису прийти к выводу, что найденные останки имеют точную датировку — сентябрь 1577 г., время финального штурма замка воинами армии Ивана Грозного (Спиргис 2017: 564–565, рис. 3, 4). Уникальность находки состоит в том, что перламутровый крестик и другие предметы из раскопок 1985 г. на территории Цесисского замка в прошедшие десятилетия неоднократно публиковались, но не были в свое время оценены должным образом (Спиргис 2017: 565).

На Райковецком городище — памятнике, оставленном жителями этого древнего городка вследствие военного нападения и катастрофического разгрома в середине XIII в. (как и городка близ Шепетовки), тоже было найдено много предметов вооружения и средств защиты воина, в том числе, две целые кольчуги и «одна кольчуга, деформированная огнем и превратившаяся в жгут металла», и шлем «возле скелета, лежащего у ворот детинца» (в клети) (Гончаров 1950: 41–42, 96–97, табл. XV). О находках предметов личного благочестия около погибшего воина в данном случае ничего не сообщается, однако в целом при раскопках Райковецкого городища было обнаружено 35 нательных крестиков из металла, камня, янтаря, перламутра и

[11] Сведения из личного архива А. Н. Кирпичникова.

23 креста-энколпиона (Гончаров 1950: 145–146). Это вполне сопоставимо, учитывая размеры городищ, с соответствующими материалами из раскопок Шепетовского городища — 35 нательных крестиков из различных материалов и свыше 40 (с фрагментами) крестов-энколпионов[12].

Крест-энколпион, имеющий непосредственное отношение к комплексу «витязя» на Шепетовском городище, тоже по-своему уникален. Он удивительным образом прошел незамеченным (?) исследователями в процессе раскопок, но сохранился до наших дней в груде происходящих из этого комплекса фрагментов кольчуги. Он не был записан ни в полевой, ни в инвентарной экспедиционной описи, однако оказался зафиксирован на фотографии, запечатлевшей бесформенные остатки кольчуги (рис. 5). Крест, наполовину уходящий в монолитную толщу большого ошлакованного куска кольчуги, почти незаметный с первого взгляда, при внимательном рассмотрении фотоотпечатка всё же достаточно хорошо различим.

Визуальное ознакомление с находкой в фондах Гос. Эрмитажа[13] показало, что это был отлитый из медного сплава небольшой крест-реликварий, сохранившийся полностью, с закругленными концами, дополненными парными выступами-«слезками», с граненым, слегка уплощенным оглавием, покрытый толстым слоем окислов (рис. 6). В месте примыкания створок креста к кольчуге сохранился небольшой фрагмент обуглившейся (?) ткани. Размеры энколпиона: 6,0 (9,0 с оглавием) × 5,4 × (0,6–1,0) см, одна из верхних петель оборотной створки повреждена. На лицевой створке, несмотря на коррозию, отчетливо видно рельефное изображение Распятия с рельефным же выделением Крестного древа, на гладких боковых и верхнем концах створки едва угадываются следы изображений, выполненных углубленными линиями. На гладкой оборотной створке с трудом просматриваются центральное изображение Креста, по-видимому, восьмиконечного, и буквы в медальонах на концах створки, выполненные углубленными линиями с последующей инкрустацией. На лицевой грани оглавия также видны едва заметные следы углубленных линий, указывающие на то, что и оно могло быть орнаментировано. Буквы прочитываются только в одном из боковых медальонов [N]H, что свидетельствует о наличии здесь стандартной для таких энколпионов надписи IC XC NH KA. В целом данный крест можно уверенно отнести, даже до проведения реставрационных работ, к группе широко распространенных на Руси в конце XII — первой половине XIII в. рельефно-черневых крестов-энколпионов (группа III.2.4 по каталогу: Корзухина, Пескова 2003: 127–132, табл. 72–75).

Группа крестов-энколпионов III.2.4 (Распятие — Крест) представляет собой упрощенный вариант, производный от крестов группы III.2.3 (Распятие — Богоматерь). Они довольно многочисленны, суммарно крестов этих двух групп в настоящее время известно около 150 экземпляров. Створка с Распятием в основных чертах является одинаковой, общей для тех и других крестов. Однако небольшое количество крестов в обеих группах выделяется большими размерами (около 6 × 5 см) по сравнению с остальными крестами (около 5 × 4 см). Отличаются они и

[12] Оба памятника были раскопаны полностью: площадка Шепетовского городища внутри валов и рвов 3,6 га, площадка Райковецкого городища 0,3 га, с валами и рвами — около 1,25 га (Гончаров 1950: 18).

[13] Благодарим за помощь в ознакомлении с находками из состава воинского комплекса С. В. Томсинского и А. Ю. Чуракову.

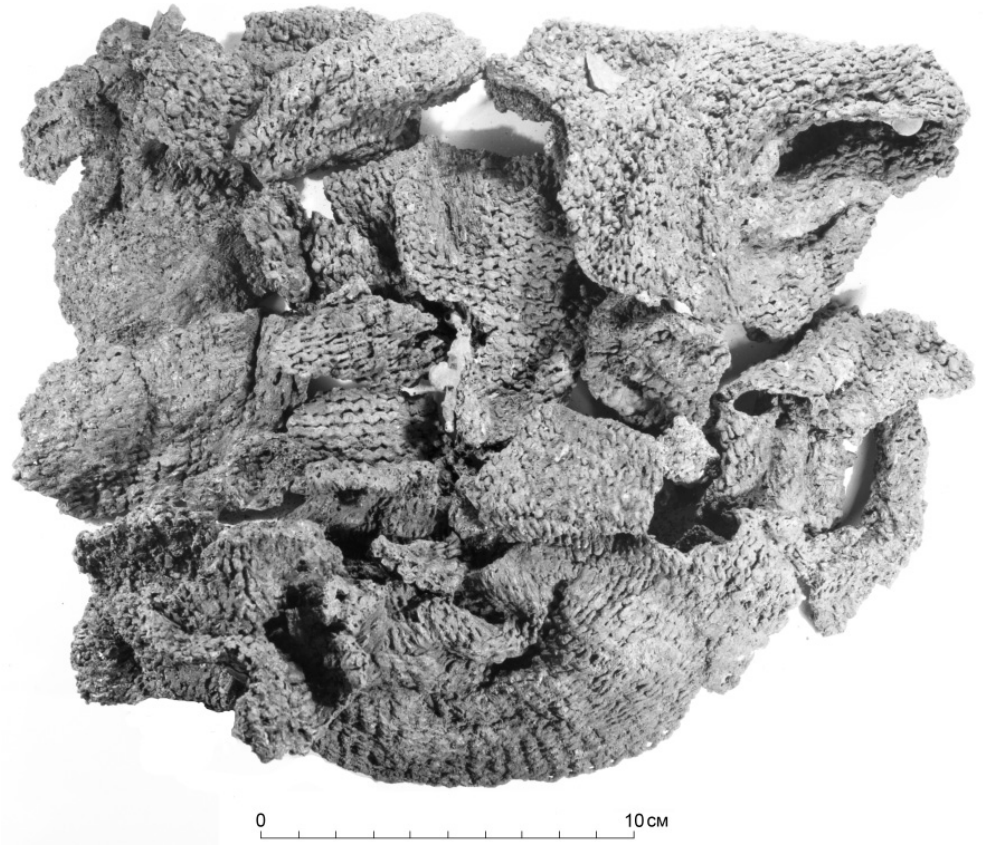

Рис. 5. Кольчуга из раскопок Шепетовского городища, фото по негативу из архива ИИМК РАН (II 78842)

Рис. 6. Крест-энколпион в толще спекшегося куска кольчуги из раскопок Шепетовского городища, фото К. А. Михайлова

иконографически — Распятие на крестах бóльшего размера изображено с рельефным выделением поперечной перекладины Крестного древа. Эта особенность отчетливо видна и на рассматриваемом нами кресте. Немногие типологически близкие аналогии таким створкам происходят из Среднего Поднепровья, в частности из Канева и Девичь-горы близ Сахновки, и из территориально близких Шепетовскому городищу Дорогобужа и Городска, известны такие находки также в Новогрудке и Великом Новгороде (Корзухина, Пескова 2003: 124, № 62; 129, № 13; 130, № 30; 118–119, № 13; 121, № 40; 118, № 5; табл. 67–68, 72).

В целом в результате раскопок на Шепетовском городище, как уже упоминалось, была собрана большая коллекция древнерусских крестов-реликвариев, всего свыше сорока экземпляров, включая фрагментированные. Крестов интересующей нас в данном случае группы III.2.4 было обнаружено семь экземпляров, в том числе крест из комплекса «витязя» и шесть однотипных экземпляров немного меньшего размера (Корзухина, Пескова 2003: 128–129, № 7–12). Это сопоставимо по количеству с найденными здесь же энколпионами группы VII.1.1 с обращением «Святая Богородица, помогай» — восемь экземпляров, не считая мелких фрагментов (Корзухина, Пескова 2003: 196–197, № 22–29, табл. 121–122, 135), в меньшей степени с борисоглебскими рельефными и рельефно-черневыми энколпионами, группа III.1.1 и III.2.1 — вместе пять экземпляров (Корзухина, Пескова 2003: 111–112, № 3–6, табл. 61), а также с рельефными энколпионами среднего размера с изображениями Распятия и Богоматери Одигитрии со святыми в боковых и верхних медальонах, группа II.1.1 — три целых экземпляра и три фрагмента (Корзухина, Пескова 2003: 64–65, № 20–24, табл. 21). Другие типы крестов-реликвариев, в том числе и более крупные или очень редкие, такие как крест, украшенный перегородчатой эмалью, представлены в городищенской коллекции единичными экземплярами.

Столь значительное количество находок нагрудных крестов-реликвариев на одном древнерусском поселении находит объяснение, с одной стороны, в крупномасштабном, почти тотальном исследовании памятника. С другой стороны, напрашивается параллель с необычайно большим количеством и разнообразием предметов вооружения, найденного при раскопках городища (напомним, свыше 1500 экз.), свидетельствующем, по мнению А. Н. Кирпичникова, о присутствии в этом укрепленном городке значительной прослойки профессиональных воинов (Кирпичников 1966–1967: 95). В связи с этим бросается в глаза и значительное количество находок борисоглебских энколпионов (больше, чем на каком-либо другом памятнике). Находка энколпиона в складках кольчуги «витязя» подкрепляет уверенность, что этот параллелизм далеко неслучаен. Очевидно, ношение нагрудных крестов-реликвариев было важным элементом воинской субкультуры в древнерусском обществе XIII в.

В заключение хотелось бы отметить, что настоящей публикацией мы стремились пополнить базу данных в отношении ряда предметов оборонительного вооружения древнерусских воинов из раскопок Шепетовского городища, в первую очередь изобразительными материалами, и уточнить обстоятельства их обнаружения. Данная категория находок всегда вызывала повышенный интерес у оружиеведов, но была издана очень кратко. Это связано с тем, что шестьдесят лет назад А. Н. Кирпичников, по независящим от него причинам, не мог полностью опубликовать вооружение городища, и находки защитного вооружения так и оставались плохо известными специалистам.

Литература

Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: АН УССР, 1950. 217 с.

Каргер 1959 — *Каргер М. К.* Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского Гос. университета им. А. А. Жданова в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2071.

Каргер 1965 — *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М.: Наука, 1965. С. 39–41.

Каинов, Кулешов 2014 — *Каинов С. Ю., Кулешов Ю. А.* Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // SP. 2014. № 6. С. 83–98.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли IX–XIII вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1966. 147 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников 1966–1967 — *Кирпичников А. Н.* Оружие древнего Изяславля (неопубликованная рукопись из личного архива). СПб., 1966–1967.

Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с., 28 л. ил. (САИ. Вып. Е1-36).

Корзухина, Пескова 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 427 с. (Труды ИИМК РАН. Т. VII).

Кулешов 2009 — *Кулешов Ю. А.* Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Militaria Mediaevalia. 2009. T. V. С. 165–173.

Кулешов 2009а — *Кулешов Ю. А.* Об одном аспекте изучения восточноевропейских позднесредневековых антропоморфных масок-забрал // Наумов А. Н. (отв. ред.). Верхнее Подонье: природа, археология, история. Вып. 4. Тула: Куликово поле, 2009. С. 156–160.

Кулешов 2014 — *Кулешов Ю. А.* Еще раз о фигурнооформленных фиксаторах восточноевропейских антропоформных масок-забрал // Бупцев Е. Г. (сост.). Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 195–202.

Миролюбов 1983 — Миролюбов М. А. (сост.). Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Л.: ГЭ, 1983. 63 с.

Негин 2013 — *Негин А. Е.* Шлем из Городца. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2013. 97 с.

Никитенко и др. 1985 — *Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г.* Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области // СА. 1985. № 1. С. 270–274.

Никитенко 1999 — *Никитенко М. М.* 1999. Летописный Изяславль на реке Горыни // Князевская Т. Б. (сост.). Памятники культуры. Новые открытия. 1998. М.: Наука, 1999. С. 547–552.

Спиргис 2017 — *Спиргис Р.* Паломнический контекст находок перламутровых крестиков XIII–XVII вв. на территории современных Латвии и Литвы // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 561–582 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Е. Р. Михайлова
(Санкт-Петербург)

Двушипные наконечники копий из Которского погоста

Крупный, сложный по своему составу комплекс раннесредневековых памятников, связанных с Которским погостом Новгородской земли, изучается уже долгие годы (Кузьмин 1991; Михайлова 2008, 2014а, 2015; Соболев 2010; 2015; Mikhaylova 2014; Михайлова, Соболев 2017). Это один из немногих локальных центров запада Новгородской земли, где стратифицированный культурный слой сохранился практически неповрежденным, что придает материалам Которского погоста важное значение.

Комплекс памятников расположен близ современной дер. Которск Плюсского района Псковской области, на берегу р. Городоньки — притока р. Плюссы в ее верхнем течении. Здесь известно лишенное слоя мысовое городище и примыкающее к нему с напольной стороны крупное селище (собственно Которскóй погост), а также значительное количество погребальных памятников: могильники культуры длинных курганов, сопки, бескурганные могильники с рассыпными кремациями и древнерусские курганные кладбища (рис. 1).

В центральной части селища и на его западном краю было раскопано в общей сложности 752 кв. м (рис. 2). Культурный слой поселения стратифицирован, последовательность слоев в обоих раскопах одинакова (рис. 3). Верхний непотревоженный слой представлен гумусированным песком интенсивно-черного цвета (черный гумус) мощностью 15–40 см, многочисленные находки позволяют уверенно датировать его в пределах X — конца XI в. или начала XII в. Нижнюю часть слоя черного гумуса составляет горизонт мощного пожара — яркая прослойка угля и сажи. При разборке заполнения некоторых ям было замечено, что в них под слоем пожара залегает тонкая (5–10 см) прослойка черного гумуса. Одна из построек (№ 3), сгоревшая в пожаре, также была возведена уже в период формирования слоя черного гумуса. Датируется горизонт пожара серединой — второй половиной X в.

Нижний из стратиграфических слоев — слой гумусированного бурого песка (бурый гумус) мощностью до 30 см, лежащий непосредственно на материке. Узкая датировка этого слоя наиболее затруднительна. Слой бурого гумуса характеризуется наличием в нем почти исключительно лепной керамики (в раскопе на западном краю поселения встречены немногочисленные фрагменты круговых сосудов), при этом за время формирования слоя сменилось два горизонта застройки. По керамике и немногочисленным вещевым находкам слой бурого гумуса можно широко датировать в пределах IX–X вв., а, учитывая датировку вышележащего горизонта

пожара, IX — первой половиной — серединой X в. Несколько радиоуглеродных дат, полученных для Которского поселения, к сожалению, оказались очень широкими и не смогли уточнить датировки.

Находки из слоя бурого гумуса малочисленны (рис. 4), и каждая из них важна для уточнения хронологии слоя. Одна из находок, сделанных в слое бурого гумуса, — фрагментированный массивный двушипный наконечник дротика (рис. 4, *1*), найденный в центральной части поселения в 1999 г., при раскопках В. Ю. Соболева[1]. Рисунок наконечника уже публиковался (Mikhaylova 2014: fig. 6, *6*). Сохранилось массивное двушипное перо ромбического сечения, общая длина предмета составляет 80 мм, длина пера от места крепления к черенку — 65 мм, наибольшая ширина (между кончиками зубцов) — 37 мм, толщина пера — 6 мм. Края пера слегка вогнуты. Хотя от предмета сохранилось только перо, но нет сомнений, что дротик был черешковым.

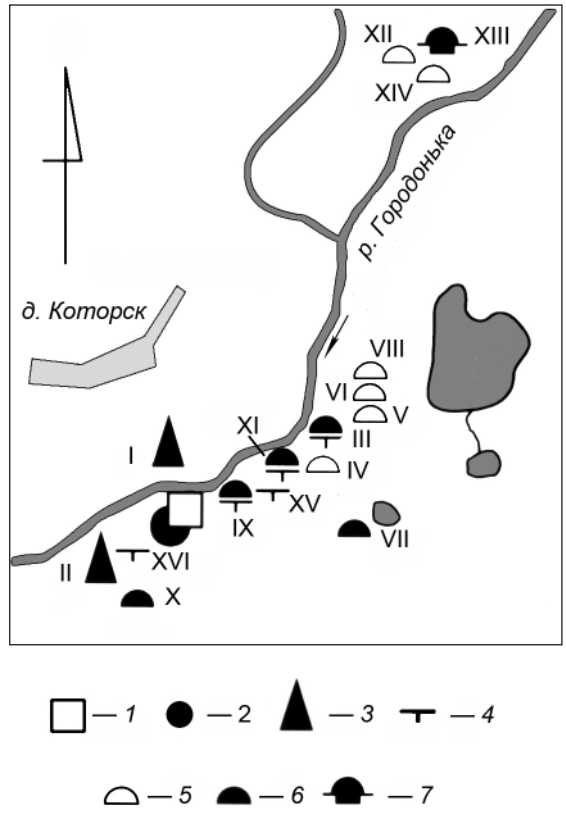

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников у деревни Которск (римские цифры на схеме соответствуют индексам памятников). Условные обозначения: 1 — городище, 2 — селище, 3 — сопка (группа сопок), 4 — бескурганный могильник с кремациями, 5 — могильник культуры длинных курганов, 6 — курганный могильник с ингумациями, 7 — курганно-жальничный могильник

Восточнее поселения Которской погост располагались несколько курганных кладбищ XI–XII вв., разделенных низинами (см. рис. 1), они функционировали и после прекращения жизни на селище (в конце XI в. или в самом начале XII в. поселение переносится на противоположный берег реки). Из изученных здесь курганов происходит несколько предметов вооружения: наконечники дротиков и копий, наконечник стрелы и топор (Михайлова, Соболев 2017: рис. 4).

Двушипный массивный черешковый наконечник был найден в кургане 19 группы Которск XI, содержавшем два мужских захоронения, и оба — с копьями (Соболев 2010: 170–172, рис. 2). Наконечник из погребения 1 — с двушипным пером ромбического сечения и массивным подквадратным в сечении черенком, утолщенным ближе к перу и загнутым на конце. Пропорции дротика из курганной группы Которск XI отличаются от находки на селище: его перо гораздо короче, с прямыми краями, что делает форму пера почти треугольной. Общая длина наконечника

[1] Благодарю В. Ю. Соболева за возможность опубликовать находку и помощь в работе с иллюстрациями.

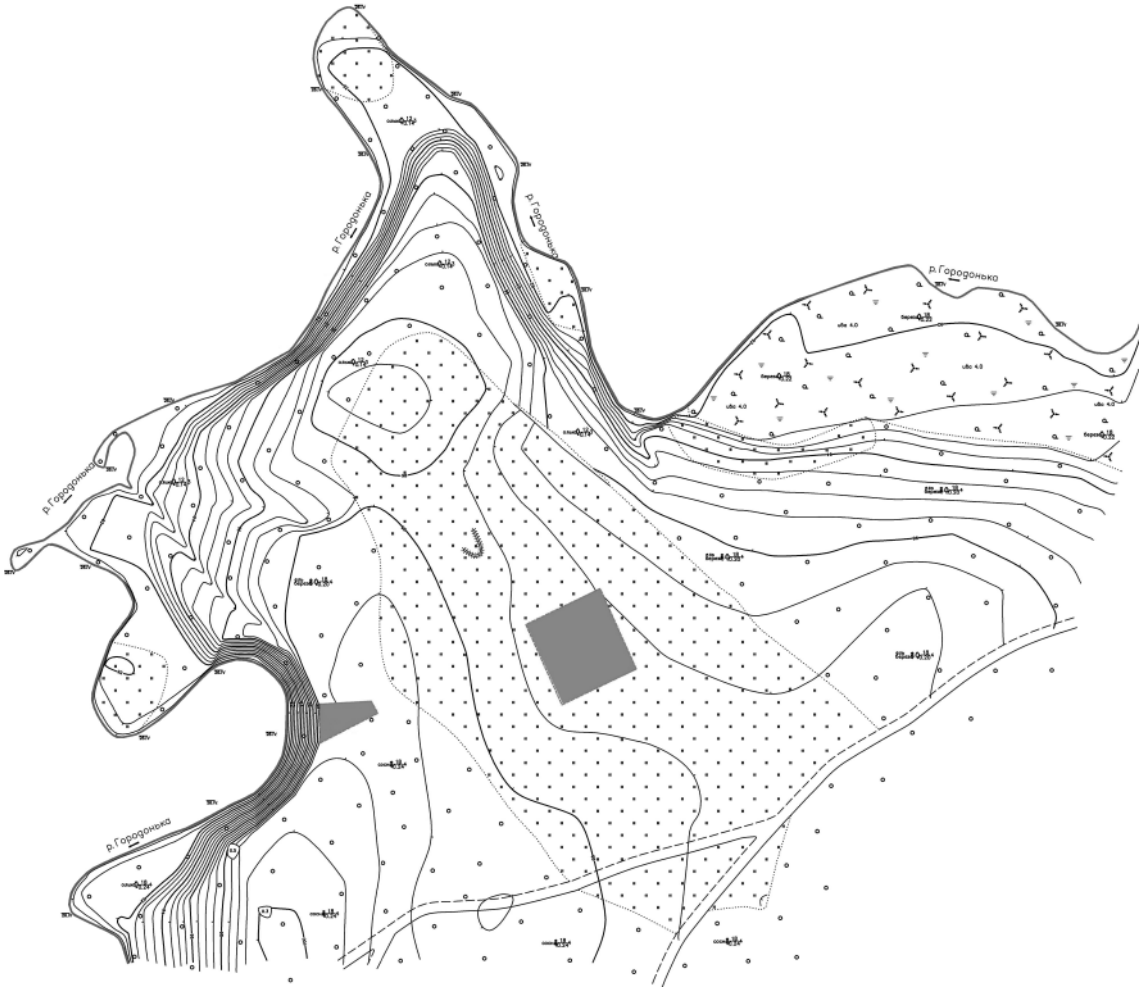

Рис. 2. Топографический план городища и селища Которской погост.
Съемка В. Ю. Соболева, А. В. Бехтера, Г. Н. Порошина. Серым цветом выделены раскопанные участки селища

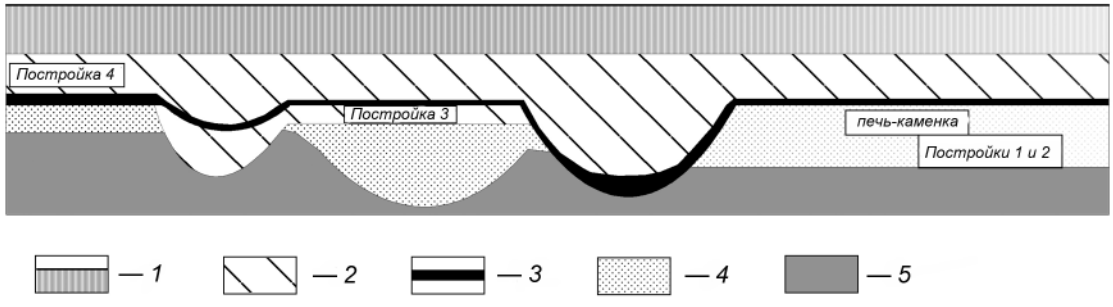

Рис. 3. Стратиграфическая схема поселения: *1* — дерн и распаханный слой; 2 — слой черного гумуса; 3 — горизонт пожара; 4 — слой бурого гумуса; 5 — материк

254 мм, длина пера от кончика до конца зубцов 56 мм, наибольшая ширина пера 37 мм, толщина — 8 мм. Черешок дротика в верхней, ближней к перу половине утолщен, образуя шейку, сечение этой части — четырехгранник со скругленными углами, в поперечнике — 13 мм. Нижняя половина черенка в сечении округлая (диаметр сечения — 8–9 мм), с загнутым окончанием, здесь сохранились следы древесины и кожи (?). Кроме дротика, в погребении были найдены железный нож с остатками деревянной рукояти, массивный четырехгранный железный стержень и подковообразная фибула со спиральными концами и треугольной в сечении дугой из сплава на основе меди; в ногах погребенного был расчищен раздавленный горшок (рис. 5, *1–4*; 7, *1*).

В погребении 2 под тем же курганом были найдены втульчатый наконечник копья типа III по А. Н. Кирпичникову, нож со следами деревянной рукояти, незначительные фрагменты перстня (?) из оловянисто-свинцового сплава, лировидная пряжка с полностью разрушенным коррозией железным язычком и распавшийся на фрагменты составной роговой гребень в футляре (рис. 5, *5–8*, 6). Любопытной особенностью гребешка из этого погребения является колечко, за которое он привешивался: в отверстие на футляре гребня было продето перстнеобразное височное кольцо с завитком на одном конце, которое, в свою очередь, продевалось в еще одно проволочное кольцо. В ногах погребенного также стоял глиняный горшок (рис. 7, *2*), рядом с которым на дне могилы был найден дирхем, чеканенный в Самарканде при Нухе бен Насре в 339 г. х. (950/951 гг. н. э.)[2].

Оба погребения убедительно отнесены В. Ю. Соболевым на основании новгородской хронологической шкалы к середине XI — рубежу XI–XII вв. (Соболев 2010: 174).

Двушипные черешковые наконечники копий и дротиков (ангоны) неоднократно рассматривались в литературе. Они известны начиная с римского времени, но сейчас нас интересуют раннесредневековые образцы. Во второй половине I — начале II тыс. н. э. двушипные наконечники копий наиболее характерны для территорий Латвии и Финляндии, хотя встречаются и в других регионах Северной и Восточной Европы.

В авторитетной типологии Я. Петерсена они составляют тип L — «довольно маленькое перо с ребром и с короткими шипами, вместо втулки — длинный, обычно четырехугольный в сечении черешок, иногда с уступом посередине, примерно, как у наконечников стрел» — и подразделены на две группы. Дротик, найденный на Которском селище, ближе по форме первой, наиболее многочисленной группе наконечников типа L, которую Я. Петерсен отнес в основном к IX в., хотя и указал аналогичную находку из Даларна в Швеции, найденную совместно с кольцевидной фибулой X в. Наконечники второй, менее многочисленной и в целом более поздней группы типа L отличаются короткими шипами или их отсутствием («они как бы срезаны») и отчетливо выделенным ступенчатым переходом от утолщенной верхней части черешка к более тонкой нижней (Петерсен 2005: 66–67, 208–209, рис. 23–25).

А. Н. Кирпичников в своей типологии древнерусского оружия, отметив типологическое единство копий и дротиков / сулиц, выделил все двушипные наконечники в отдельную группу VII (гарпуны) (Кирпичников 1966: 16, рис. 24, *3–6*), в которой многочисленны втульчатые экземпляры, хотя представлены и черешковые, как

[2] Определение И. Г. Добровольского.

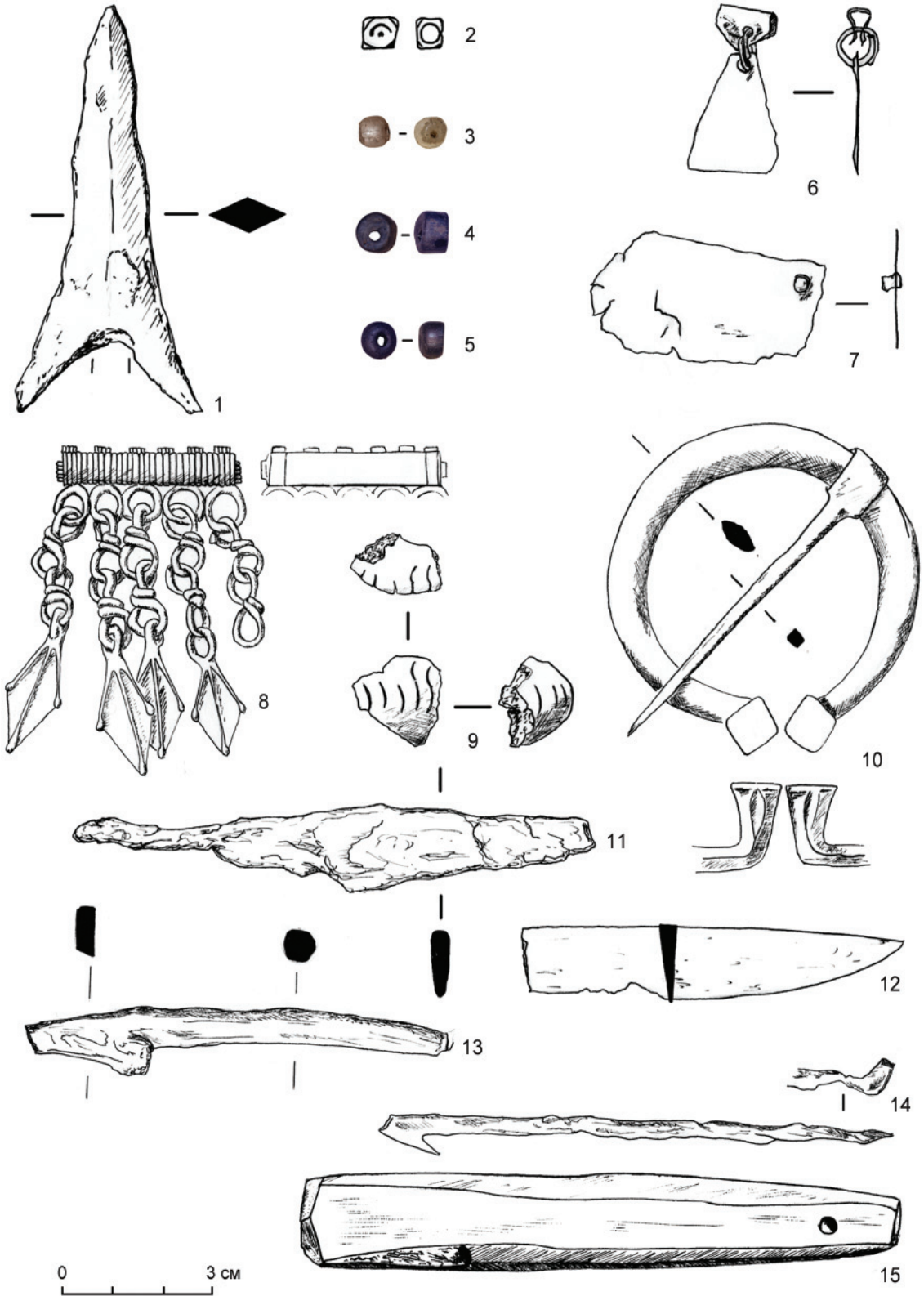

Рис. 4. Находки из слоя бурого гумуса: 1, 11–14 — железо; 2, 6–8, 10 — бронза; 3–5 — стекло; 9 — глина; 15 — камень (6, 13–15 — из постройки 1). Рисунок автора

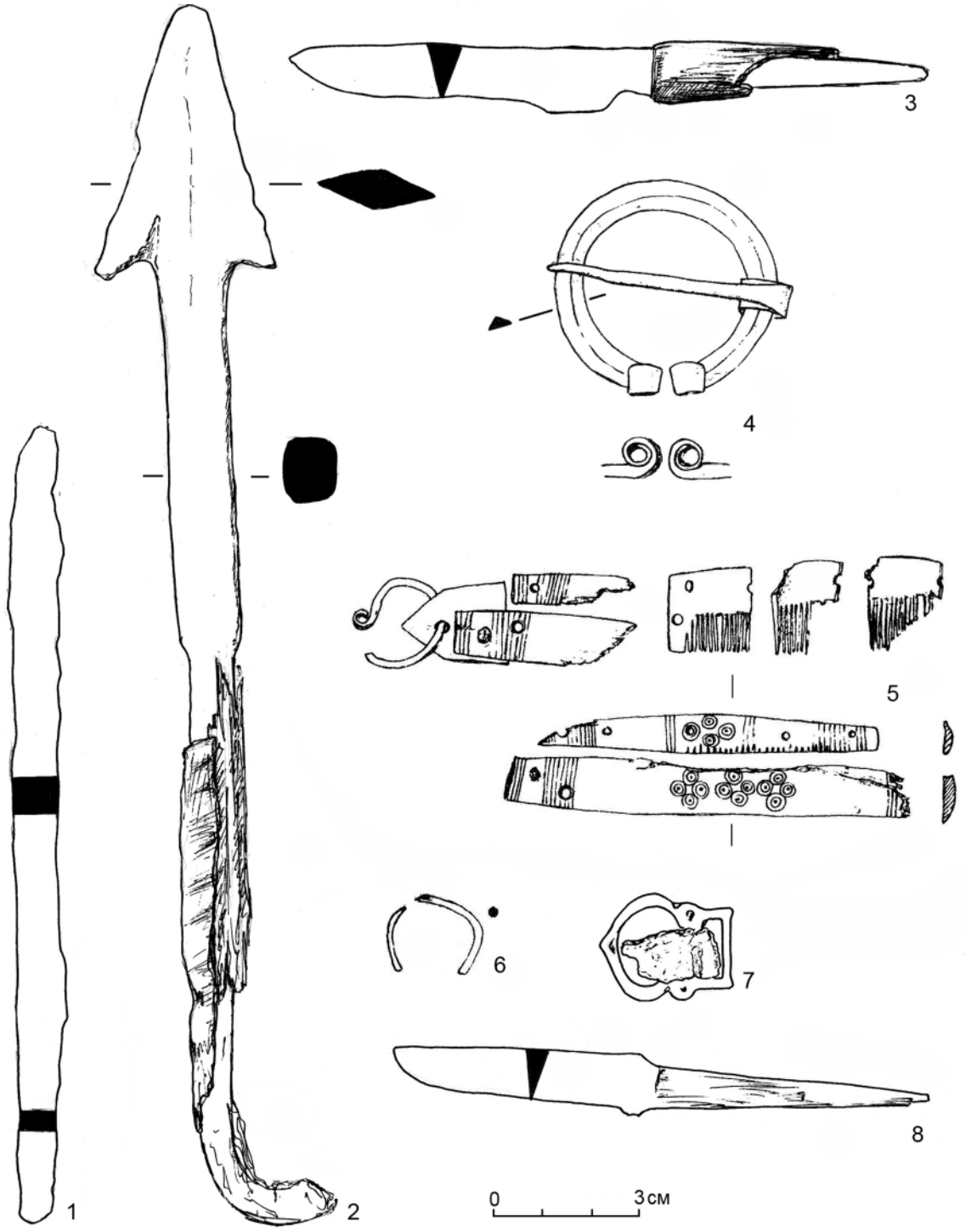
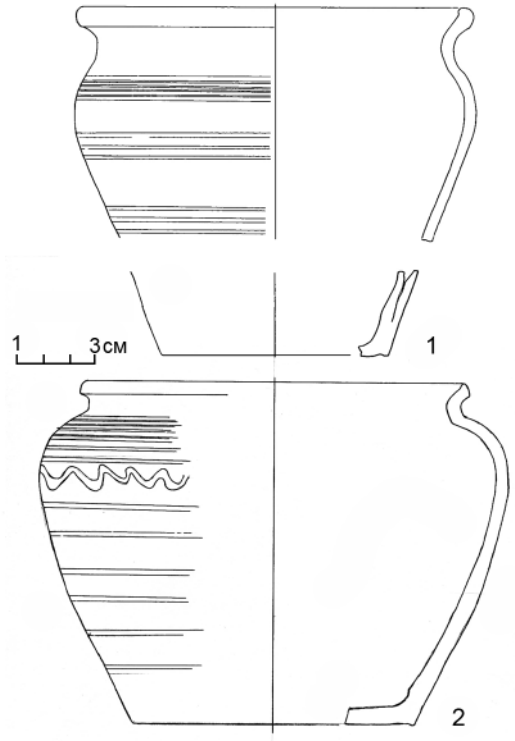
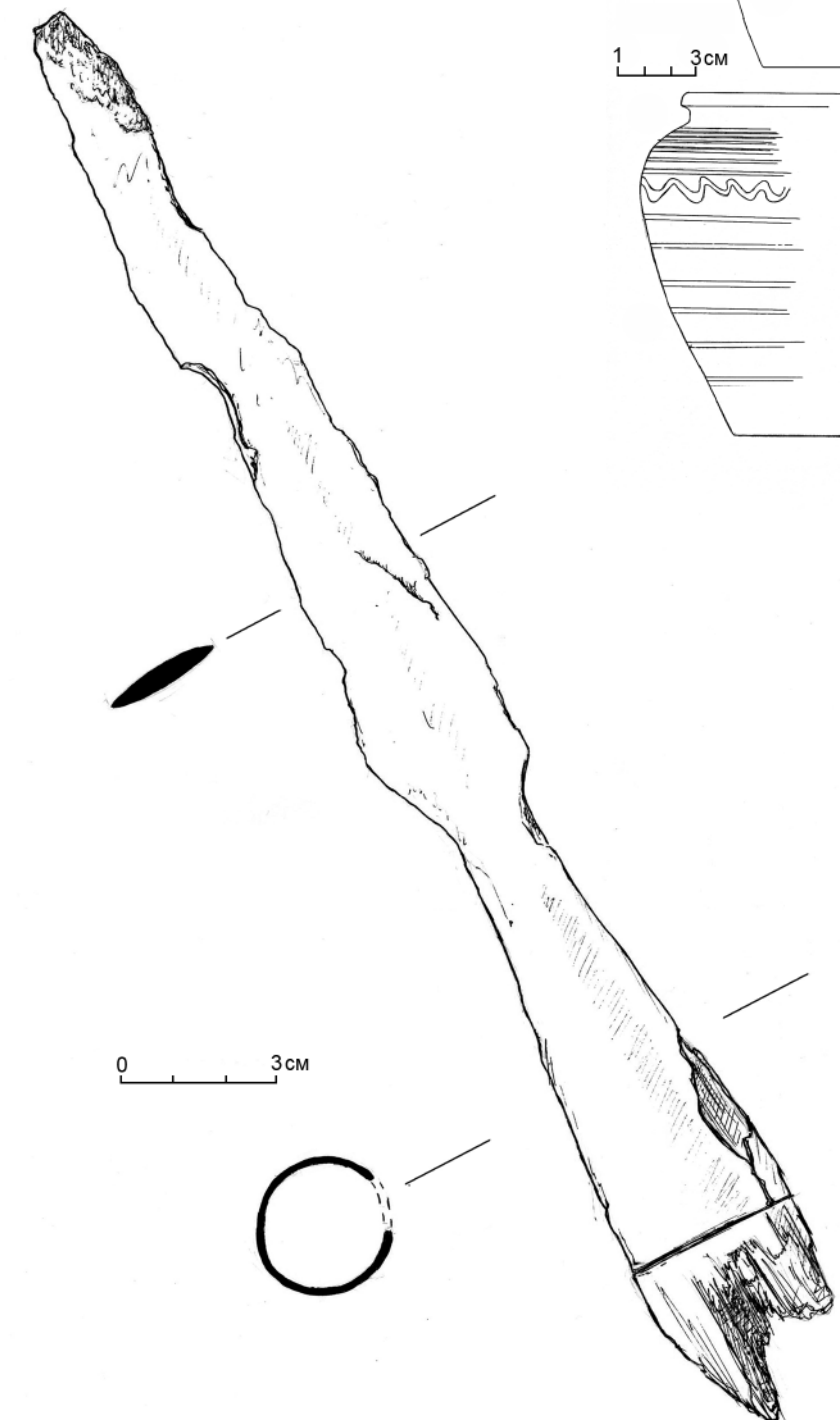

Рис. 5. Находки из погребений под курганом 19 могильника Которск XI (1–4 — погребение 1; 5–8 — погребение 2). 1 — железо; 2, 3, 8 — железо, следы дерева; 4, 6 — медный сплав; 6 — рог, колечко из медного сплава; 7 — медный сплав, железо. Рисунок автора

Рис. 6 (внизу). Копье из погребения 2 под курганом 19 могильника Которск XI. Железо, следы дерева. Рисунок автора

Рис. 7 (наверху). Керамика из погребений под курганом 19 могильника Которск XI (1 — погребение 1; 2 — погребение 2). Рисунок автора

например наконечник с коротким подтреугольным двузубым пером и загнутым на конце черенком из городища Княжа Гора в Среднем Поднепровье, датирующийся XII — первой половиной XIII в. (Кирпичников 1966: 93, табл. X, *б*). Подробно двузубые «гарпуны» исследователь не рассматривал.

Наиболее широко черешковые двушипные дротики и копья представлены в древностях Латвии, где находились в употреблении в VI–XIII вв. Латвийские материалы подробно проанализированы М. Атгазисом, типология которого в настоящее время принята большинством исследователей и для соседних с Латвией регионов. М. Атгазис разделил двушипные черешковые наконечники копий и дротиков с территории Латвии на четыре типа (фактически — типохронологические группы), положив в основание типологии контур пера и сечение черешка. К типу A он отнес наконечники с сильно профилированным пером и круглым или многоугольным в сечении черешком, к типу B — наконечники с почти треугольным пером и черешком круглого сечения, к типу C — с коротким почти треугольным пером и четырехугольным в сечении черешком, который может быть перекручен. Эти три типа представляют собой единую линию типологического развития, выразившегося в первую очередь в постепенном изменении формы пера от сильно профилированного в плане, узкого и длинного, к короткому и широкому, близкому по форме к треугольнику. Тип D по М. Атгазису (с тремя подтипами) составляет отдельную группу двушипных наконечников, возможно, не связанную непосредственно с предыдущими. Для наконечников типа D характерны очень длинное и очень узкое перо, узкая длинная шейка и уплощенный черенок, часто с загнутым вбок концом (Atgāzis 1974).

Типологию и хронологию финляндских ангонов разбирали несколько исследователей (Salmo 1938: 224–225; Cleve 1943: 133; Lehtosalo-Hilander 1982: 21–22, fig. 5). Наиболее подробна типология П.-Л. Лехтосало-Хиландер, которая учла наработки своих предшественников и, кроме того, сопоставила типологию, разработанную ею для Финляндии, с типологией М. Атгазиса (рис. 8). Финляндские формы по сравнению с латвийскими характеризуются граненым сильно удлиненным черешком и сильнее профилированным пером, но для обеих групп наконечников можно наметить единое направление развития: от форм с узким профилированным пером и длинным черешком к более коротким массивным наконечникам, перо которых близко к треугольной форме. Те же различия в форме и пропорциях легли и в основу разделения на две группы наконечников типа L в исследовании Я. Петерсена.

Древнерусские образцы специально рассмотрены в статье А. Р. Артемьева (Артемьев 1991: 183–184), который учел шесть двушипных черешковых наконечников с территории Северо-Запада Руси (Ладога, Изборск, Псков), и еще два — с территории Белоруссии (Масковичи, Берестье). Северо-западные наконечники он датировал, в соответствии с работой М. Атгазиса, от VIII — начала IX в. (дротик из Полой сопки) вплоть до XII–XIII вв. (один из изборских экземпляров).

Завершая краткий историографический обзор, необходимо упомянуть типологию находок оружия с территории Литвы В. Казакявичюса (ангоны составляют малочисленный тип IX, представленный всего тремя экземплярами, см.: Казакявичюс 1988: рис. 23, *1*), а также вылившееся в отдельный историографический сюжет обсуждение хронологии двушипного дротика из могильника культуры длинных курганов Сууре-Рысна в Юго-Восточной Эстонии, который большинство авторов

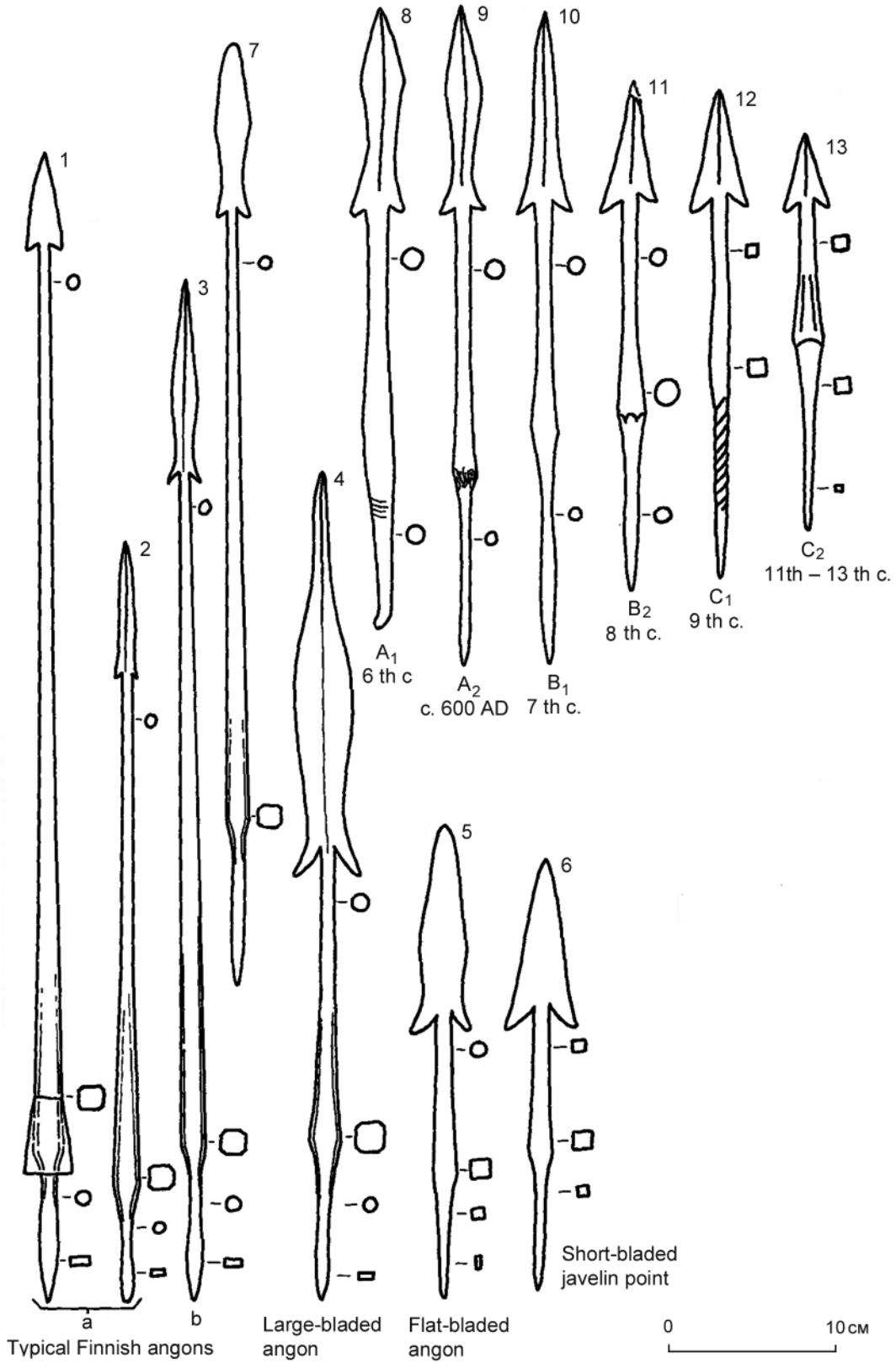

Рис. 8. Типы ангонов с территории Финляндии (1–6) в сравнении с типологией латвийских ангонов М. Аттазиса (7–13) (по: Lehtosalo-Hilander 1982: fig. 5)

отнесли всё же к эпохе раннего средневековья (Аун 1992: 131; Каргапольцев 1997: 100; Kazanski 2000: 203; Михайлова 2014б: 149–151).

На Северо-Западе Восточной Европы и в смежных регионах представлены черешковые двушипные наконечники большинства упомянутых выше типов.

Наконечники дротиков с узким профилированным пером и относительно тонким черенком найдены в Старой Ладоге — в слое E_2 Земляного городища и в так называемой Полой сопке (Петренко 1994: 89), в могильнике Юрьевская горка в бассейне Мсты (Исланова 1997: 52), на городище Прудники в Белорусском Подвинье (Шадыра 2006: 57–58). Следует упомянуть также две находки из Восточной Эстонии: уже упоминавшийся дротик из кургана 9 в могильнике Сууре-Рысна и находку в раскопе на восточном валу городища Рыуге (рис. 9).

Из общей картины несколько выбивается наконечник из могильника Сууре-Рысна с восьмигранным в сечении черенком. Подграненные черенки отмечены на копьях типа A по M. Атгазису, однако у этих копий сильно профилированное перо. Аналогии дротику из Сууре-Рысна следует искать, скорее, среди поздних финляндских ангонов. Остальные наконечники из памятников I тыс. на Северо-Западе вполне укладываются в латвийскую типологическую схему. Дротики из Полой сопки и с городища Прудники хорошо соответствуют типу B2 (с едва намеченной профилировкой пера и округлым сечением гладкого, утолщающегося в середине черешка), датирующемуся VIII в. (Atgāzis 1974: 2 att, *8, 9*). Двушипные наконечники дротика с четырехгранным тордированным черенком составляют тип C1 по M. Атгазису (Atgāzis 1974: 158–159, 3 att, *1–3*). Тип C1 бытует на протяжении длительного времени (IX–XIII вв.), хотя и представлен в Латвии сравнительно небольшим числом находок; наконечники этого типа со временем становятся короче и массивнее. Из восточноевропейских находок к этому типу (его ранним формам IX–XI вв.) надежно относятся экземпляры, найденные на городище Рыуге и на староладожском Земляном городище, что не противоречит дендрохронологической датировке слоя E_2 Земляного городища (840–860-е гг., см.: Черных 1996: 113). Именно к этим дротикам близок по форме своего пера фрагментированный наконечник из Которского погоста.

На территории Северо-Запада представлены и более поздние разновидности двушипных копий / дротиков, сохраняющих слабо выраженную профилировку пера. В Изборске, Пскове и Тиверском городке представлены поздние разновидности наконечников типа C1 (Артемьев 1991: 184; Кочкуркина 1981: 48) (рис. 10, *1, 2*). В Изборске найдены также двушипные наконечники типов C2 и C3 (Артемьев 1991: 184; Седов 2007: 329) (рис. 10, *3, 4*). К типу C2 (XI–XIII вв.) относится и фрагментированный двушипный наконечник (рис. 10, *5*), найденный в 1972 г. в первом (верхнем) горизонте городища Городец под Лугой (Лебедев 1974: рис. 17). Как и Которское поселение, Городец под Лугой представлял собой центр раннесредневекового погоста, расстояние между этими пунктами чуть более 20 км.

Копья типа D, по M. Атгазису (с узким и длинным пером, XI–XIII вв.), на Северо-Западе пока представлены единственной находкой, вновь из Изборска (рис. 10, *6*).

Двушипное копье из курганного кладбища Которск XI, напротив, находит себе ближайшие аналогии на древнерусской территории — в частности, на упоминавшемся городище Княжа Гора (Кирпичников 1966: табл. X, *6*), в кургане 14 могильника Мергино в Юго-Восточном Приладожье (Кочкуркина, Линевский 1985: 83,

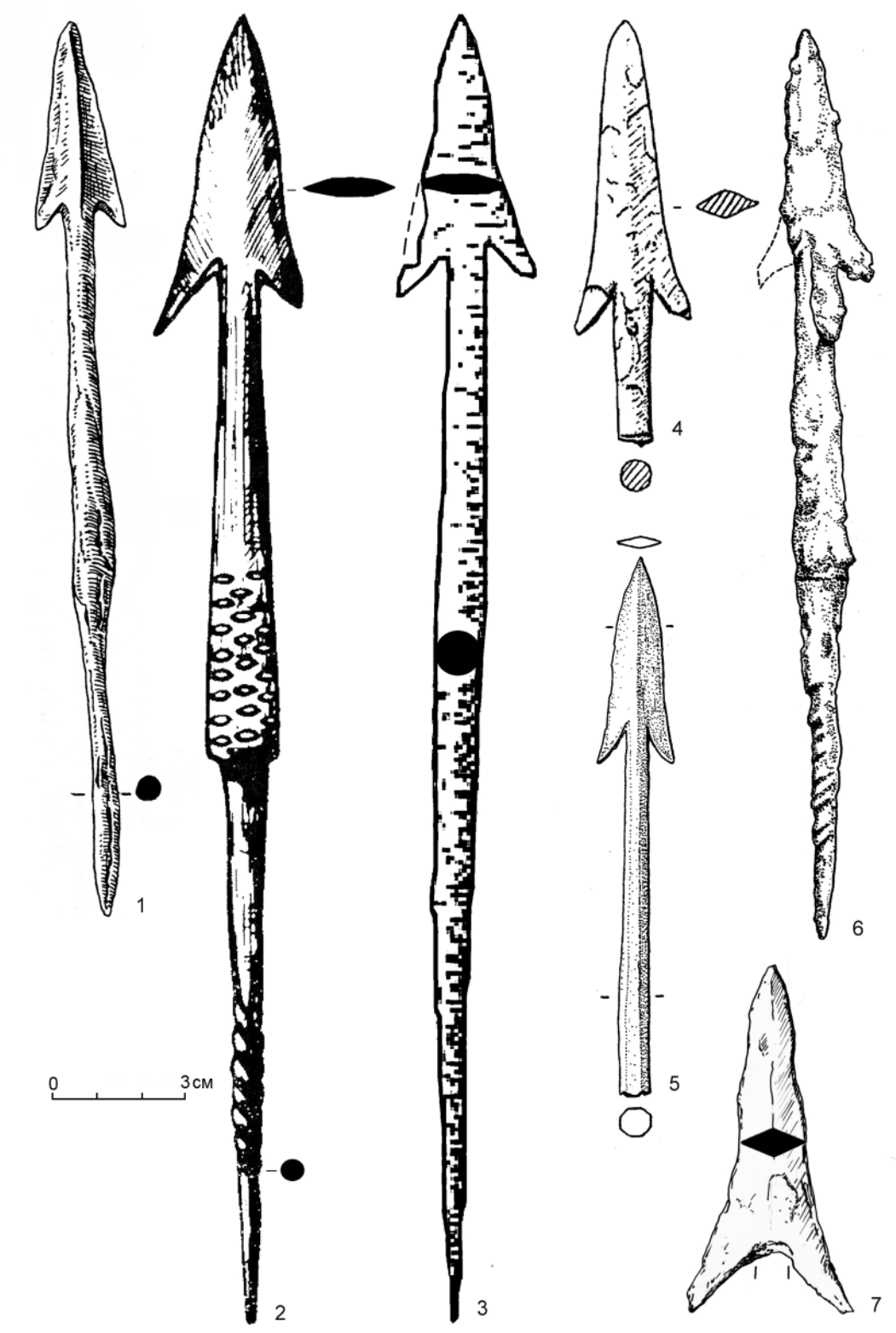

Рис. 9. Наконечники дротиков с профилированным пером. 1 — Полая сопка (по: Петренко 1994: рис. 39); 2 — Земляное городище (по: Артемьев 1991: рис. 3); 3 — Прудники (по: Шадыра 2006: табл. 15/I); 4 — Юрьевская горка, погребение 5 (по: Исланова 1997: рис. 84); 5 — Сууре-Рысна, курган 9 (по: Аун 1992: рис. 53); 6 — Рыуге (по: Аун 1992: рис. 23); 7 — Которской погост

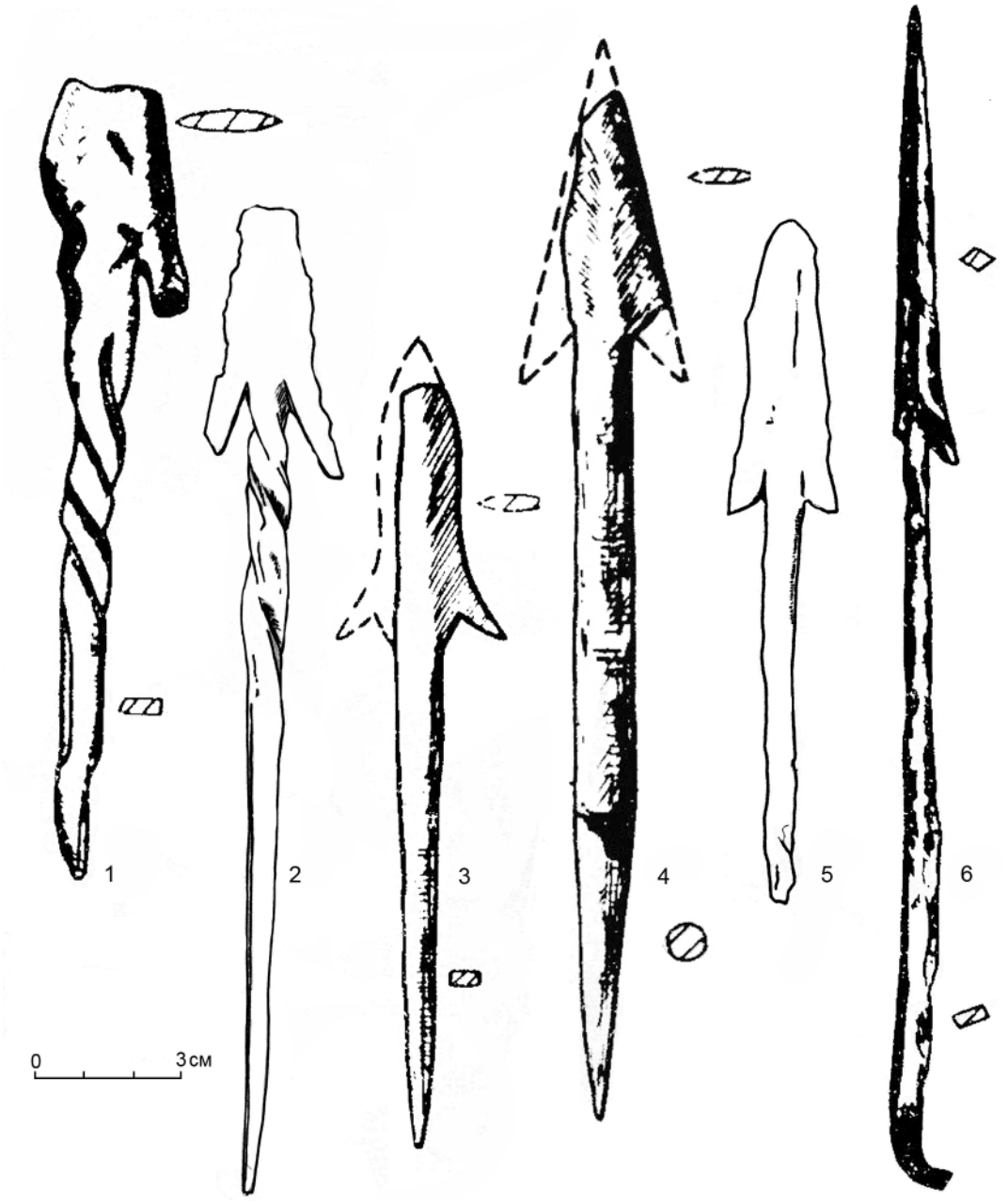

Рис. 10. Двушипные наконечники поздних типов. 1 — Псков (по: Артемьев 1991: рис. 3); 2 — Тиверский городок (прорисовка автора по: Кочкуркина 2017: рис. 35); 3, 4, 6 — Изборск (по: Артемьев 1991: рис. 3); 5 — Городец под Лугой (прорисовка автора по фото Г. С. Лебедева)

рис. на с. 208). Вероятно, массивные двушипные копья с коротким треугольным пером и загнутым на конце черенком нужно считать формой, выработанной в Древней Руси.

Типологическая и хронологическая разница обоих двушипных наконечников из Которского комплекса памятников, таким образом, полностью соответствует хронологической разнице селища Которской погост и курганов с ингумациями, погребения в которых совершались в основном уже после завершения жизни на селище.

Функции средневековых копий с двушипными наконечниками, сравнительно немногочисленных и резко отличающихся от основной массы одновременных им копий, до конца не выяснены. Ряд авторов предполагает, что двушипные копья происходят от ангонов предшествующего времени и употреблялись в качестве метательных (см. напр.: Atgāzis 1974: 172), другие — что это исключительно промысловое оружие, гарпуны (Кирпичников 1966: 16; Кочкуркина 2017: 64). Не претендуя на окончательное решение вопроса, отмечу всё же, что сам факт находки в мужских погребениях под одним курганом разнотипных копий свидетельствует о том, что, по крайней мере в некоторых ситуациях, двушипные и втульчатые с удлиненным пером копья могли рассматриваться погощанами как равнозначные.

Литература

Артемьев 1991 — *Артемьев А. Р.* О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М.: [Б. и.], 1991. С. 183–197.

Аун 1992 — *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992. 200 с.

Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 304 с.

Казакявичюс 1988 — *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.

Каргапольцев 1997 — *Каргапольцев С. Ю.* Двушипные наконечники дротиков памятников Северо-Запада в контексте древностей римского времени и эпохи Великого переселения народов // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1997. С. 99–101.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кочкуркина 1981 — *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л.: Наука, 1981. 160 с.

Кочкуркина 2017 — *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.

Кочкуркина, Линевский 1985 — *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 224 с.

Кузьмин 1991 — *Кузьмин С. Л.* Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М.: [Б. и.], 1991. С. 153–168.

Лебедев 1974 — *Лебедев Г. С.* Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 гг. Л., 1974. Архив ИА РАН. Р-1. № 8766.

Михайлова 2008 — *Михайлова Е. Р.* Исследования селища Которской погост в 2006 г. // АИППЗ. Материалы 53-го заседания. Псков: ИА РАН, 2008. С. 215–228.

Михайлова 2014а — *Михайлова Е. Р.* Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной

Европы // Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Михайлова 2014б — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.

Михайлова 2015 — *Михайлова Е. Р.* Могильник Которск XII: длинные курганы в древнерусскую эпоху // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 103–121.

Михайлова, Соболев 2017 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Платонова Н. И. (отв. ред.). Élite ou Égalité… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Бранко, 2017. С. 147–157.

Петерсен 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. Пер. с норв. Вешняковой К. В. СПб.: Альфарет, 2005. 349 с.

Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб.: Наука, 1994. 137 с.

Седов 2007 — *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.

Соболев 2010 — *Соболев В. Ю.* Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 169–177.

Соболев 2015 — *Соболев В. Ю.* Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI века) // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород: СПб ИИ РАН, Новгородский ГУ, НГОМЗ, 2015. С. 4–32.

Черных 1996 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология и археология. М.: NOX, 1996. 216 с.

Шадыра 2006 — *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 150 с.

Atgāzis 1974 — *Atgāzis M.* Dzelzs iedzitņa šķēpu gali ar atkarpēm Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. 1974. N 11. 154.–173. lpp.

Cleve 1943 — *Cleve N.* Skelettgravfälten på Kjuloholm i Kjulo I. Den yngre folkvandringstiden (SMYA. XLIV, 1). Helsinki, 1943. 233 s.

Kazanski 2000 — *Kazanski M.* Les armes baltes et occidentales dans la zone forestière de l'Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations // Archaeologia Baltica. 2000. № 4. P. 199–212.

Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II. The Artefacts. Helsinki, 1982. 197 p. (SMYA 82: 2).

Mikhaylova 2014 — *Mikhaylova E. R.* Kotorsky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Valk H. (ed.). Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th – 13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson. Tartu: Tartu Ülikool, Ajaloo ja Arheoloogia Instituut, 2014. P. 209–237.

Salmo 1938 — *Salmo H.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. Helsinki, 1938. 360 s. (SMYA XLII: 1).

А. Г. Панкратов
(Санкт-Петербург)

Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси

Пластина из раскопок на Рюриковом городище

В ходе раскопок 2017 г. на Рюриковом городище в перемешанном слое была найдена пластина из черного металла с остатками заклепок (рис. 1)[1]. Размеры фрагмента 48 × 55 мм. Пластина слегка изогнута наружу. На внутренней стороне ее отпечатались следы тканевого переплетения со следами шайб.

Защитное снаряжение в настоящее время изучено относительно хорошо. Во время раскопок на Неревском конце Великого Новгорода найдены сотни пластин (Медведев 1959а: 175). Они относятся к различного вида доспехам (Кирпичников 1971: 17–19), что позволяет достаточно надежно связывать находки с защитным снаряжением определенного вида. Фрагмент с Рюрикова городища, в частности, принадлежал т. н. «клепано-нашивному» пластинчатому доспеху. Подобные доспехи представляли собою жесткие, по-видимому, не очень подвижные панцири, состоящие из нагрудника и наспинника, соединявшихся между собой при помощи ремней и пряжек. На основу пришивались пластины прямоугольной или квадратной формы, дополнительно закрепленные заклепкой. С внутренней стороны заклепка расклепывалась через шайбу, лежащую на мягкой подоснове доспеха. В составе такого доспеха известны пластины с двумя заклепками, а в некоторых случаях количество заклепок достигает трех (Бугис 2014: 272), и даже четырех (Медведев 1959б: 130).

Ближайшей аналогией пластине с Рюрикова городища является одна из пластин, опубликованных А. Ф. Медведевым (Медведев 1959а: 174, рис. 16, *8*). Пластина датируется XV–XVI вв. и максимально соответствует найденному фрагменту по размеру, величине головки заклепки и ее расположению. Правда, при такой реконструкции (рис. 2, *1*) пластины отверстия для пришивания должны были располагаться немного выше практически ровной стороны Б, что предполагает черезвычайно ровный слом края пластины, а это маловероятно.

Пластина с двумя заклепками, расположенными на одной линии, входила в состав «доспеха», обнаруженного на территории Довмонтова города Пскова (Медведев 1959б: 130). Наиболее близкими аналогиями являются пластины, найденные при раскопках крепости Изборска на Жеравьей горе[2]. Пластины с двумя заклепками,

[1] РГ-2017_Тр 2-3. Благодарю К. А. Михайлова и Н. В. Хвощинскую за возможность опубликовать данный фрагмент панциря.

[2] Благодарю Т. Ю. Закурину и О. В. Степанову за возможность ознакомиться с неопубликованными пластинами панцирей из раскопок в Изборске.

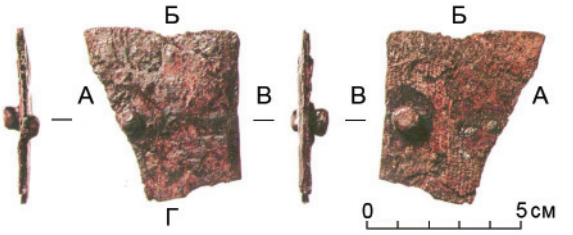

Рис. 1. Фрагмент пластины с Рюрикова городища (раскопки К. А. Михайлова и Н. В. Хвощинской)

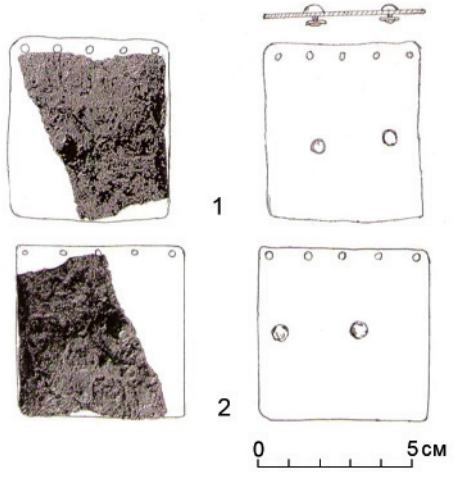

Рис. 2. Реконструкция пластины. 1 — вариант I; 2 — вариант II

расположенными на одной линии (рис. 3), найдены в Пскове (Салмин 2017: 301, рис. 3, *5*), Новгороде (Гайдуков 1992: 147, рис. 56, *9*) и Вильнюсе (Бугис 2014: 276, рис. 4а). Характерные элементы пластины клепано-нашивного пластинчатого доспеха — отверстия для пришивки — мы склонны расположить выше линии скола, таким образом, чтобы «сторона Г» являлась верхней (рис. 2, *2*).

Период бытования доспехов из клепано-пришивных чешуй на мягкой основе в отечественной историографии связывается с домонгольским временем (Кирпичников 1971: 18). Это мнение, основанное на датировке нескольких пластин из Неревских раскопов (Медведев 1959а: 175), в настоящее время следует скорректировать.

Крепость на Жеравьей горе была построена в 1330 г., т. е. начало ее активного функционирования связано с серединой — второй половиной XIV в. Пластины из раскопок на Новом Торгу Пскова датируются, самое раннее, первой половиной XV в. По мнению С. А. Салмина, подобные доспехи присутствуют и в комплексах XVI в. (Салмин 2017: 297). Что же касается датировки пластин из раскопок в Новгороде, то, с учетом данных дендрохронологии (Колчин 1982: 157, рис. 1), первоначальные датировки несколько изменились.

Таким образом, можно ограничить употребление клепано-нашивных доспехов временем от второй половины XIV до XVI в. Исследуемый фрагмент может быть датирован XV–XVI вв., так как «ранний» ряд пластин от клепано-пришивных доспехов отличается пропорциями пластины и размерами головки заклепки (рис. 4).

Отдельное типо-хронологическое положение занимают небольшие пластины из Пскова. Они меньше новгородских «ранних» пластин. Подобные предметы были встречены в комплексах XV–XVI вв. (Салмин 2017: 301).

Материал, из которого изготавливалась подоснова клепано-нашивного доспеха пока достоверно не известен. А. Ф. Медведев сообщает, что подоснова панциря, найденного на территории усадьбы Онцифора, была выполнена из толстой кожи (Медведев 1959а: 130). Исследователь Гомельской оружейной мастерской Ю. М. Лупиенко сообщает о следах обугленной материи на пластинах, правда, местный набор соотносится с ламеллярными системами (Лупиенко 2008: 140). Судя по фактуре, утраченная подоснова была выполнена из толстой льняной ткани грубого переплетения.

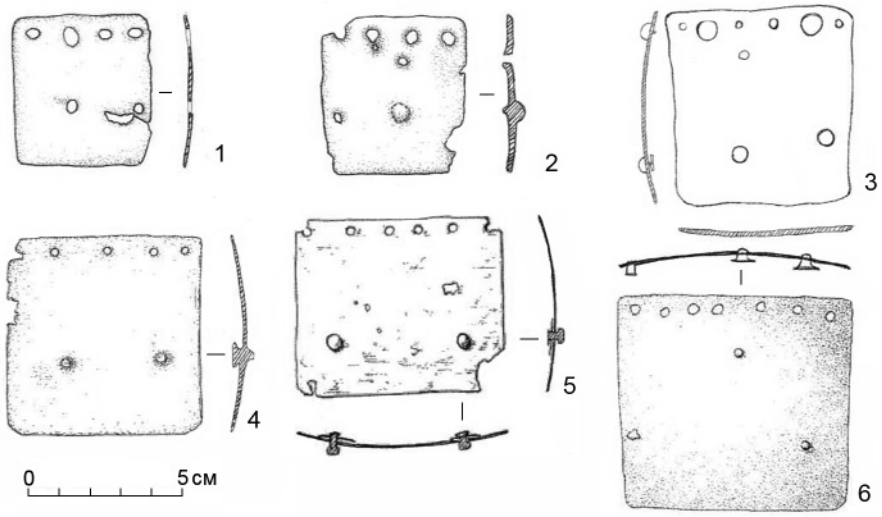

Рис. 3. Пластины клепано-пришивных доспехов с несколькими заклепками.
1, 2 — Изборск, Жеравья гора (раскопки Т. Ю. Закуриной); 3 — Псков, Довмонтов город (раскопки В. Д. Белецкого; по: Медведев, 1959); 4 — Псков XV–XVI вв., Окольный город (раскопки Т. Е. Ершовой и А. В. Яковлева; по: Салмин 2017); 5 — Новгород, Нутный раскоп, XIV–XV вв. (по: Гайдуков 1992); 6 — Вильнюс, XV в. (по: Бугис 2015)

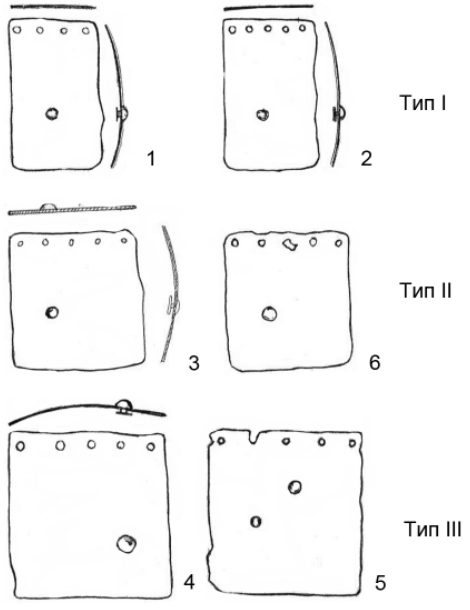

Рис. 4. Клепано-нашивные пластины Великого Новгорода (по: Медведев 1959б). 1, 2 — тип I (1 — вторая половина XIII в. (?), 2 — вторая половина XIV в.), 3, 6 — тип II, 3 середина XIII в. (?), 6 — XV–XVI вв., 4, 5 — тип III (4 — XV в., 5 — XV–XVI вв.)

Пока не выяснено, где именно данная пластина размещалась в доспехе, поскольку ни одного полного панцирного гарнитура, набранного из клепано-пришивных пластин, не сохранилось. Скорее всего, данная пластина являлась частью основного набора пластин, защищавших корпус, а наличие дополнительной заклепки указывает на усиление какой-то части доспеха. Не исключено, что вторая заклепка является следами ремонта доспеха.

Элементы защитного снаряжения на Рюриковом городище встречались и ранее. В частности, в монографии, посвященной работам 1984–1989 гг., опубликована единичная пластина панциря ламеллярной конструкции, имеющая размеры 20 × 60 мм с пятью небольшими отверстиями (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 54, табл. 23). По предположению авторов публикации, «она, возможно, являлась частью пластинчатого доспеха». Подобные пластины были встречены и в ходе дальнейших работ на памятнике[3].

[3] О находках пластин панцирей автору стало известно благодаря устному сообщению П. А. Миляева. Разыскать данные пластины в фондах музея пока не удалось.

Пластина из Неревского раскопа

Пластина панциря, найденная на Неревском раскопе Великого Новгорода, изготовлена из железа, имеет сложную конфигурацию и снабжена элементами, нанесенными методом чеканки (тиснения), и отверстиями (рис. 5). Она входила в коллекцию вещей, собранных в процессе работ на Неревском раскопе в 1951–1962 гг. Новгородской экспедицией кафедры археологии МГУ[4]. Размеры пластины вписываются в прямоугольник 75 × 50 мм. Толщина пластины колеблется от 0,5 до 0,8 мм (рис. 6, *1*). Одна из сторон вытянута в узкий отросток, образуя самую длинную сторону (сторона А). Край отростка (сторона Б) практически полностью обломан по линии отверстий. Очевидно, что высота стороны А достигала не менее 74 мм. Предмет имел 12–13 отверстий диаметром около 1,5 мм. Две группы отверстий — по четыре отверстия в каждой — располагаются ближе к стороне А, образуя квадратики 4 × 4 мм. На этой же стороне есть единичное отверстие, расположенное на стандартном расстоянии от счетверенных групп. У первой (нижней) группы одно такое крошечное отверстие, вероятно, заплыло ржавчиной (видны его следы). Отверстия в пластине пробиты бородком изнутри. У стороны А примерно посередине имеется слабо выраженный уголок. Предмет имеет прямоугольную форму с закругленными углами, поэтому мы сочли возможным соотнести ее с полуокружностью и присвоить наименование одной из сторон — Г. Стороны В и Г декоративно оформлены — по периметру украшены кантом из крошечных рельефных точек, нанесенных в технике «тиснения» изнутри пластины тонким закругленным инструментом. На квадратной

Рис. 5. Пластина ламеллярного панциря в экспозиции Новгородского музея-заповедника

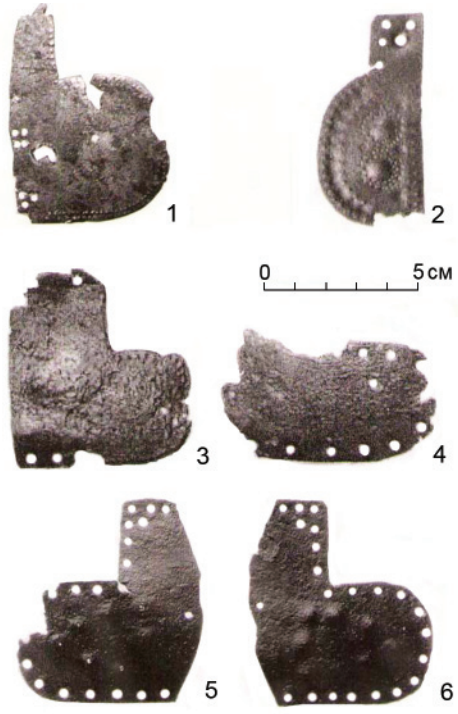

Рис. 6. Пластины оторочки брони L-образной формы. 1 — Великий Новгород, 2–6 — Вильнюс XIV–XV вв. (по: Bugys, 2014; Бугис, 2008)

[4] В реестре поступлений в НГОМЗ данной пластине присвоен номер 37259/568, передана она была экспедицией кафедры МГУ в Великий Новгород в 1991 г. под номером А-95/568. Автор признателен зав. отделом хранения экспозиций и выставок В. А. Белюнас за помощь в осмотре предмета, находящегося в экспозиции и сообщенную информацию о предмете.

части (сторона Г) кант из точек двойной. Примерно в середине квадратной части выдавлена крупная умбоновидная выпуклость диаметром около 15 мм, частично смятая. На краю выпуклости располагается отверстие, диаметром около 2 мм. Данную выпуклость окаймляет точечный орнамент, нанесенный снаружи пластины инструментом, схожим с современным керном. В настоящее время эти точки слаборазличимы, кажется, что кайма окружающая выпуклость, была двухрядной. Пластинка имеет утраты: одно отверстие, возникшее в результате коррозии ближе к стороне А; два на краях квадратной части; скол стороны Б.

Пластина принадлежит панцирю ламеллярного типа: одна из сторон, имеющая прямоугольную форму и выступ-уголок, превращает ее в подобие сильно растянутой по вертикали стрелки. Расположение отверстий и отсутствие заклепок говорят о связном соединении в панцире. Пластины подобной формы — частая находка в Новгороде Великом и в других древнерусских землях. Данный тип доспеха назван в работах А. Н. Кирпичникова «панцирем ременного скрепления» (Кирпичников 1971: 17). А. Ф. Медведев, комментируя находки подобных пластин, отмечал: «На всех пластинках без исключения сделано от трех и более небольших отверстий для прикрепления с помощью ниток или ремешков к кожаной или матерчатой подкладке» (Медведев 1959а: 175, 177). Вероятно, пластины в некоторых типах панциря сшивались при помощи нити, на что может указывать отрывок из сочинения римского императора Маврикия, где упоминается часть доспеха: «круглые шейные щитки аварского типа со свисающей бахромой, снаружи льняные, изнутри шерстяные» (Маврикий 2004: 67). До нас не дошли образцы такого рода скреплений, но можно предположить, что помимо узких кожаных ремешков использовалась нить, на что указывает крошечный размер отверстий. Нельзя не отметить и скорость работы по сборке пластинчатого гарнитура при наличии иглы и нити, легко проходящей сквозь матерчатую подоснову, в отличие от необходимости вдевать и протаскивать сквозь отверстие плотный кожаный ремешок. Что же касается крупной квадратной части, снабженной отростком, то совершенно очевидно, что перед нами классический пример пластины оторочки брони — краевой пластины, которой обычно завершался ряд доспеха. Уникальность данной части панциря заключается в созданном мастером варианте — оторочка изготовлена вместе с основной панцирной пластиной ряда.

Первые шаги в изучении и воссоздании панцирей после Б. Тордеманна (Thordeman 1939: 218) для подобных пластин были предприняты Ю. М. Лупиненко. Он же предложил классификацию пластин «оторочки брони» (Лупиненко 2008), найденных в мастерской оружейника на посаде летописного Гомия (ныне г. Гомель, Беларусь) — места скопления огромного количества пластин панцирей. В отечественной историографии гибель данной мастерской связывают с событиями монгольского погрома 1237 г. (Макушников 1993: 128). Таким образом, общую датировку пластин доспехов принято считать не выходящей за пределы второй четверти XIII в. Пластин оторочки, подобных новгородской, в гомельской оружейной не обнаружено. Среди пластин оторочки брони XII–XIII вв., найденных на территории Полоцка, аналогичные пластины также не обнаружены (Штыхов 1975: 57, 59). Нет подобных пластин и в крепости Замчище возле Белой Горы, на территории города Санок (Kotowicz 2017: 45), погибшей в 1340 г. (Kotowicz 2017: 35).

Первые образцы частей доспеха, подобных новгородской пластине, были открыты в 2002 г. на территории Нижнего замка Вильнюса. В настоящее время

известно около пяти подобных пластинок и их фрагментов с территории Литвы. П. Бугис опубликовал пару похожих пластинок, найденных на данной территории, назвав их пластинами *L-образной формы* (рис. 6, *2*). Предположительно, форма пластин «приспособлена для покрытия той части доспеха, которая должна обладать большей подвижностью», и эти пластины «могли быть вставлены подмышками» (Бугис 2008: 120). Фрагменты, опубликованные П. Бугисом, надежно датированы второй половиной — концом XIV в. Можно полагать, что подобные пластины являются характерной частью вооружения именно второй половины XIV — начала XV в. Один из наиболее поздних образцов сшивной брони в виде основных пластин ряда происходит с территории феодальной усадьбы Ближнее Константиново и датируется не позднее 1408 г. (Негин 2005: 84). Фрагмент доспеха из раскопок на Ярославовом дворище (Медведев 1959б: 177, табл. 14) благодаря дендрохронологическим исследованиям (Тарабардина 2015: 187) датируется 20-ми годами XV в. Правда, одна пластинка оторочки от подобного доспеха, опубликованная С. А. Салминым, относится к XVI в. (Салмин 2017: 301). Впрочем, образцы устаревших панцирей, могли существовать в арсенале небогатых воинов достаточно продолжительное время. Пока же очевидно, что в XV в. на Руси происходит массовый переход от ламеллярно-сшивных систем к клепано-пришивным.

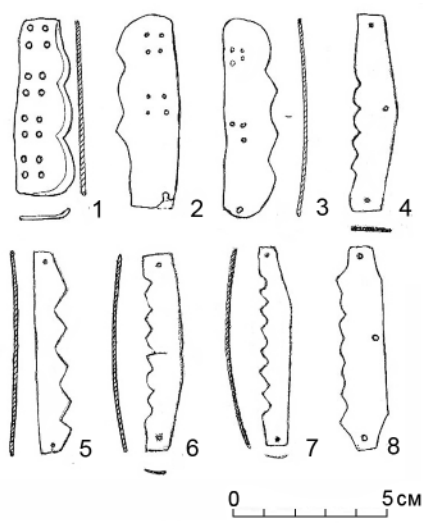

Рис. 7. Пластины панциря с группами отверстий и выемчатым краем. 1 — Гомель, XIII в. (по: Макушников, Лупиненко 2004), 2, 3 — Золотаревское городище, XIII в. (по: Белорыбкин, 2001), 4 — Серенск, XIII–XIV вв. (раскопки Т. Н. Никольской), 5–7 — Полоцк, XIII в. (по: Дук 2011), 8 — Вильнюс (по: Бугис 2008)

Среди известного новгородского археологического материала пластина оторочки доспеха L-образной формы опознана впервые. Обратим внимание на способ вязки, используемый в панцире, частью которого являлась данная пластина. Группы отверстий, расположенные по четыре, известны на пластинах с волнистым краем из Гомеля (рис. 7, *1*) (Макушников, Лупиненко: 2004). Изредка встречаются они на пластинах других форм, но, по-видимому, не представляют отдельный тип, а скорее являются дериватами указанного типа, где выемчатый край является сглажено-зубчатым. Так, некоторые элементы панцирей из Золотаревского городища, так же уничтоженного погромом золотоордынских войск в 1237 г. (Белорыбкин 2001: 136, рис. 80), имеют отверстия, практически аналогичные отверстиям новгородской пластины (рис. 7, *2, 3*), и волнистый край. Один из наиболее древних образцов пластинчатой брони с похожей системой отверстий происходящей из Новгорода, был датирован А. Ф. Медведевым XI в. (Медведев 1959б: 125). Встречены похожие пластинки также на городище Серенск (Никольская 1965; 1966). Некоторые из них имеют сглаженный «зубчатый» край, как мы полагаем, более грубый аналог волнистой оторочки. В целом, для пластинчатого вооружения XIV в. такие группы отверстий пока не были отмечены — детали панцирей, представляющие ламеллярно-сшивные системы, соединялись в ряд методом нашивки на полосу

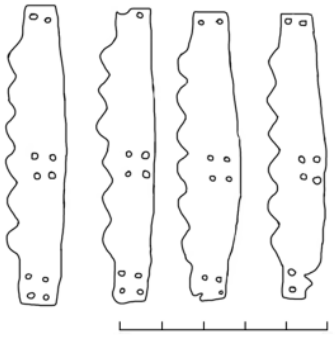

Рис. 8. Пластины панциря. Цитадель Дамаска. XIII–XV вв.

из кожи или ткани через три-четыре отверстия, а некоторые пластины такого же типа содержат всего два отверстия. Очевидно, что сшивка через счетверенные группы отверстий является способом соединения повышенной надежности панциря и возможным показателем более архаичной системы сборки. При наличии такого большого количества отверстий, собранных в группы, подоснова для соединения пластин в ряды могла и не требоваться.

Наиболее качественно изготовленные аналогии новгородскому фрагменту обнаружены среди неопубликованных артефактов из башни № 4 цитадели Дамаска[5] (рис. 8). Эти пластины представляют собой остатки некогда многочисленных экземпляров разнообразного снаряжения, находившегося в арсенале цитадели, расхищенном уже в середине XVI в. Вещи из этого арсенала, аналогичного древлехранилищу Оружейной палаты Московского Кремля, относятся к широкому временному периоду. Набор пластинок панциря с зубчатым краем из Полоцка В. У. Дук связывает с отложениями XII–XIII вв. (Дук 2011: 47) и верхней датой слоя считает 1310 г. (Дук 2011: 58).

Отметим особенности декора новгородской пластины — наличие канта из вытесненной выпуклости и прочеканенных точек. Оторочки панциря подобной формы наиболее близки одному из непарных вильнюсских образцов (Bugys 2014: 185). Но декор там выполнен другим способом: точечный кант вокруг оторочки вдавлен, посередине вытеснены две (?) полушаровидные выпуклости и пять крупных вдавленных точек (рис. 6, *2*). Кант также является комбинацией крупных вдавленных точек и крошечных выпуклостей. Полушаровидные выпуклости — характерный вид орнамента предметов воинского убора, часто встречаемый в Прибалтике. Присутствует большая умбоновидная выпуклость и на публикуемой новгородской пластине, но данный элемент имеет большие, нестандартные размеры. Большинство же найденных новгородских пластин оторочек брони гладкие, они не несут умбоновидных выпуклостей (Медведев 1959б: 127, 129–131, рис. 2, *7*, 3, *6*, 4, *2*, 5, *1, 6*). Исключение составляет пластина оторочки клепано-пришивного панциря из Никульчина (Макаров 1998: 218), где край пластинки декорирован кантом из некрупных полушаровидных выпуклостей. Некрупные полушаровидные выпуклости встречены на нескольких пластинах из Гомеля (Лупиненко 2007: 334). Они присутствуют также на пластинках оторочки ламеллярного панциря из Пскова (Салмин 2017: 297). Но в целом можно констатировать, что полушаровидные выпуклости наиболее характерны для территории Прибалтики (Миляев, Панкратов 2019).

Перечисленные декоративные элементы упомянутых пластин можно лишь приблизительно увязать с новгородской находкой. Точечный орнамент, выполненый в технике «кернения», широко употребляется для декорирования воинских вещей в средневековье на различных территориях, но в случае с пластинами панциря ламеллярно-сшивного соединения связан, очевидно, с доработкой поверхности пластины после тиснения выпуклостей. Ударами небольшого бородка, оставляющего

[5] Сообщил Ю. А. Кулешов, за что ему наша искренняя признательность.

серию маленьких вдавленных точек, формировалась более четкая граница полушаровидных выпуклостей и убирались искажения пластины после чеканки («тиснения»). Чеканка данных выпуклостей связана, вероятно, с приемом усиления пластины из мягкого железа: при чеканке полушаровидных выпуклостей создается напряжение в структуре металла и жесткость пластины увеличивается.

Среди прочих элементов пластины из Новгорода можно отметить вырубку или выпиливание одного из уголка пластины — прием обработки уголков ламеллярной «стреловидной» пластины, встреченный уже на вещах подобного типа в Можайске (Меньшиков 2008: 149). Скорее всего, обломанная часть новгородской пластинки несла три отверстия, повторяя систему отверстий на пластинах из Вильнюса (рис. 6, 5). Отсутствие или наличие отверстий по краю пластины не является датирующим элементом: среди пластин оторочек брони XIII в. встречены как снабженные перфорацией по краю, так и без нее. Вместе с тем, опираясь на прибалтийский материал, подчеркнем: все пластины L-образной формы были обнаружены в слоях XIV–XV вв. (Bugys 2014: 183, 185, 189).

Найденная в Новгороде оторочка брони является важным свидетельством сложного и надежного способа сборки доспеха через систему нескольких групп счетверенных отверстий, существовавшего во второй половине XIV в. Не исключено, впрочем, что эта находка свидетельствует о прогрессивном развитии брони более раннего периода. В любом случае, новгородская пластинка — это яркий пример эволюции традиционного доспешного снаряжения на древнерусских территориях. Данный фрагмент доспеха, безусловно, тяготеет к прибалтийскому материалу и относится скорее к периоду второй половины XIV — XV в., однако он не находит абсолютных аналогий. Совершенно очевидно, что Северо-Западная Русь была объединена общим экономическо-географическим пространством и воинской культурой с западнорусскими землями, в дальнейшем включенными в Великое княжество Литовское. Новгородская феодальная республика в XIV–XV вв. активно привлекала дружины литовских служилых князей, вне всякого сомнения использовавшие абсолютно единообразные с новгородским войском элементы защитного вооружения.

Так еще раз подтверждается вывод А. Н. Кирпичникова о развитии древнерусского военного дела: «Военное дело в середине и второй половине XIII в. развивается на Руси с поразительной для обескровленной и разрезанной на части страны интенсивностью» (Кирпичников 1976: 7). При этом исследователь подчеркивает: «В русской военной практике,.. стойко держались набор оружия и некоторые приемы владения им, унаследованные от домонгольского времени» (Кирпичников 1976: 19). Этим наблюдениям в полной мере соответствует картина развития доспеха, частный случай которого зафиксирован новгородской пластиной. Действительно, прогресс доспеха выражается в изменении форм частей панцирей и переходе от панцирей «ременного скрепления» и сшивных к более надежным формам защиты, таким как клепано-пришивной доспех, который также непрерывно модифицировался. Вместе с тем продолжительное использование текстильной подосновы, очевидно, изначально являющейся отдельным, самостоятельным видом доспеха (Баранов 2011: 146), чешуй и пластин, восходящих к традиционной защите, берущей начало среди вооружения армий Древнего мира, говорит о большом своеобразии военного дела на древнерусских территориях в XIV–XV вв.

Можно надеяться, что дальнейшие наблюдения за деталями русского доспеха XIII–XV вв. позволят максимально верно выявить временные рамки бытования тех или иных видов боевых прикрытий и выдвинуть обоснованные версии технологических схем изготовления защитного снаряжения.

Литература

Баранов 2011 — *Баранов Г. В.* Об одном типе неметаллической защиты византийской армии // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 2: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2011. С. 140–146.

Белорыбкин 2001 — *Белорыбкин Г. Н.* Золотаревское поселение. СПб.; ИИМК РАН, Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2001. 197 с.

Бугис 2008 — *Бугис П.* Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 1: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2008. С. 118–124.

Бугис 2014 — *Бугис П.* Комплект панцирных пластин с территории Вильнюсского Великокняжеского Нижнего замка // Двуреченский О. В. (отв. ред.). Военная археология: сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 3: сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. М.: Квадрига, 2014. С. 271–276.

Гайдуков 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новогорода: Нутный раскоп. М.: [Б. и.] 1992. 197 с.

Дук 2011 — *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчны ў 2007 г. // Матэриыалы па археалоги Беларусі. Вып. 21. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 30–60.

Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. III: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1976. 104 с.

Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Колчин Б. А., Янин В. Л. (общ. ред.). Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Лупиненко 2007 — *Лупиненко Ю. М.* Доспешные пластинки с тиснением с территории Черниговского княжества в контексте древнерусского защитного вооружения X–XIII вв. // Коваленко О. Б. (відповідальний ред.). Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 332–339.

Лупиненко 2008 — *Лупиненко Ю. М.* Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника в XII–XIII вв. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2008. № 15. С. 140–154.

Маврикий 2004 —Стратегикон Маврикия. СПб.: Алетея, 2004. 242 с.

Макаров 1998 — *Макаров Л. Д.* Военное дело вятчан в XII–XV вв. // Вилинбахов Г. В. и др. (ред. кол.). Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: ММК 2–5 сентября 2008 г. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 1998. С. 216–219.

Макушников 1993 — *Макушников О. А.* Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності Південної Русі: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в XIX–XIII вв.». Чернигов 15–18 травня 1990 г. Чернігів, Северянская. думка 1993. С. 121–130.

Макушников, Лупиненко 2004 — *Макушников О. А., Лупиненко Ю. М.* Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск: Інстытут гісторыі АН Беларусі, 2004. С. 213–225.

Медведев 1959а — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. (МИА. № 65).

Медведев 1959б — *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2. С. 119–134.

Меньшиков 2008 — *Меньшиков М. Ю.* Мастерская «бронника» на территории Можайского кремля // Энговатова А. В. (отв. ред.). Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 146–151.

Миляев, Панкратов 2019 — *Миляев П. А., Панкратов А. Г.* Находки фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов конца XIV — начала XV в. из орденских замков Латвии // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: Тверской НИИАРЦ, 2019. С. 427–446.

Негин 2005 — *Негин А. Е.* Панцирные пластины с селища Ближнее Константиново–1 // Молев Е. А. (отв. ред.). Нижегородские исследования по археологии и краеведению. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2005. С. 83–86.

Никольская 1965 — *Никольская Т. Н.* Отчет о раскопках у д. Серенск в 1965 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 3132.

Никольская 1966 — *Никольская Т. Н.* Отчет о работе Верхнеокской экспедиции. 1966 г. Архив ИА РАН. Р. 1. № 3299.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, ИИМК РАН, 2005. 402 с.

Салмин 2017 — *Салмин С. А.* Комплекс вооружения XVI–XVII вв. из раскопок Окольного города Пскова // Татаурова Л. В. (ред.). Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. ст. Омск: Наука, 2017. С. 296–303.

Тарабардина 2015 — *Тарабардина О. А.* Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // Лопатин Н. В. (отв. ред.). Археология и история Пскова и Псковской Земли: Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 г.). Вып. 30. М.; СПб.; Псков: Нестор-История, 2015. С. 177–189.

Штыхов 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–XII вв. Минск, Наука и Техника, 1975. 136 с.

Bugys 2014 — *Bugys P.* Šarvuotė lietuvos didžiojoje kunigaikštystėje XIII a. antroje pusėje — XVI a. viduryje (archeologijos duomenimis). Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius, 2014.

Kotowicz 2017 — *Kotowicz P. N.* The Polish-Ruthenian borderland in 1340 and the fall of the "Zamczysko" hillfort in Sanok-Biała Góra // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Bd. XXX. Łódź, 2017. Pp. 35–51.

Thordeman 1939 — Thordeman Bengt. Armor from the battle of Wisby 1361. Vol. 2. Plates. Stockholm: Kung. vitterhets historie och antikvitets akademien, 1939. 150 p.

В. Я. Петрухин
(Москва)

Вещий Олег и «могила в Ладоге»

Фигуры первых русских князей — Рюрика и Олега — остаются во многом загадочными для русской истории, хотя их значимость возрастает с каждым юбилеем русской государственности, свидетельством чему стал очередной памятник, воздвигнутый в 2015 г. в Старой Ладоге (Кирпичников, Сарабьянов 2013).

Досоветскую историографию подытожила работа А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» (Шахматов 1919). Взгляды Шахматова предопределяли обнаруженные им тенденции начального летописания, формировавшегося в древних центрах Руси — Новгороде и Киеве (и состояние тогдашней источниковой базы). Одним из старших источников Шахматов считал рассказ Ибн Русте об острове русов где-то на севере (но не в Новгороде/Хольмгарде) с разбойничьей торговой колонией во главе с «хаканом», грабившим славян, претендовавшим на титул «хазарского владыки» и искавшим поддержки Византии (судя по данным о посольстве шведских русов в Константинополь, сохраненным Бертинскими анналами под 839 г.). Достигнутое с греками соглашение способствовало продвижению начальной руси на юг и возникновению в Киеве центра, где последовательно княжили «русские каганы» Аскольд и Дир; тогда север, где разбойничали варяги, отложился от южного русского каганата, но «варяжский конунг» Олег овладел Киевом и «объединил под своей властью территории русского и варяжского государств» (Шахматов 1919: 55–62). Эта конструкция противоречила всем летописным известиям, в том числе и в отношении руси и варягов, ибо Аскольд и Дир именуются не русью, а варягами (НПЛ: 106), русь же появилась в Киеве как раз с Олегом (Петрухин 1995: 79–82).

Итоговой для отечественной историографии «перестроечного» периода стала работа А. П. Новосельцева «Образование Древнерусского государства и первый его правитель» (Новосельцев 2000). Востоковед Новосельцев опирается, прежде всего, на анализ восточных источников, во многом инвертируя конструкцию Шахматова: для него «русский каганат» — изначальное государственное образование с центром в Киеве, засвидетельствованное теми же Бертинскими анналами под 839 г. (хотя ни там, ни в других источниках Киев в первой половине IX в. не упоминается). Обнаруживает он и альтернативный северный центр формирующейся государственности: «Слава-Новгород», упомянутый в рассказе о «трех центрах руси» наряду с Куйаба (третий и главный центр — Арса — в этой конструкции игнорируется!). Наконец, А. П. Новосельцев привлекает и упоминание о «двух славянских царях» у ал-Масуди: *ал-Дир* традиционно ассоциируется с летописным Диром, но и имя упомянутого вслед за ним царя *ал-Олванг* «напоминает» автору имя *Олег*. Более

того, Новосельцев относит обоих правителей именно к восточным славянам, ссылаясь при этом на контекст источника: ал-Олванг «воюет с Румом, франками, лангобардами и другими народами» (Новосельцев 2000: 472), видимо, отождествляя Рум с Византией: но конфликт франков и лангобардов связан был со «старым» Римом, и речь у ал-Масуди явно идет о славянах Центральной Европы (предгорий Альп)[1].

Наличие общих династических имен у русских князей в разных источниках — едва ли не самая драматичная проблема историографии. Эти имена активно используют и т. н. саги о древних временах, в том числе «Сага о Стурлауге Трудолюбивом»: в незапамятные времена в Ладоге (сканд. Альдейгьюборг) правит конунг Ингвар (Игорь, ср.: Кирпичников, Сарабьянов 2013: 88). Более всего провоцирует на бесконечные гипотезы т. н. Кембриджский документ, примыкающий к еврейско-хазарской переписке 960-х гг. Главный герой русского фрагмента этого документа — «царь русов» *Хелгу*, чье имя в еврейской транскрипции точно передает скандинавскую форму имени *Олег*. Он по наущение греков нападает на хазар и хитростью берет их город Самкерц (как летописный Олег обманом берет полянский Киев, некогда плативший дань хазарам); хазары побеждают Хелгу ответным ударом и направляют его против крымских владений византийского императора Романа I Лакапина (919–944 гг.); греки истребляют русский флот своим огнем, и бежавший Хелгу погибает за морем (в Персии?). Разгром русского флота при Романе (под 941 г.) описывает Повесть временных лет (ПВЛ), но вождем похода там представлен наследник Олега Игорь. Две летописные традиции (ПВЛ и Новгородская летопись) путанно характеризуют соотношение Олега и Игоря: новгородец представлял Олега воеводой Игоря, ПВЛ — кормильцем юного князя, в новгородском изложении Игорь терпит поражение от греков, Олег совершает победоносный реванш в 922 г. (в правление упомянутого Романа). Дата не соответствует ни летописным, ни греческим источникам: победоносный поход Олега (под 907 г.) подтверждается знаменитым договором 911 г., включенным в ПВЛ, Игорь терпит неудачу на море в 941 г. Тем не менее, совпадение имен и сходство судеб Олега и Хелгу порождают всё новые интерпретации, стремящиеся переписать летописную историю (см. обзор в популярной книге: Пчелов 2018; ср. о Хелгу: Петрухин 2011: 119–126).

Судьба Олега представляется по-разному в ПВЛ и в новгородской традиции: киевский летописец рассказывает о торжественной встрече Олега, прозванного Вещим после похода на греков, и включает самостоятельный сюжет о волховании, смерти Олега от коня в Киеве во время осеннего полюдья под 912 г. «И погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова» (ПВЛ: 20). Память об этой могиле сохраняли и более поздние летописи. Новгородская летопись переиначивает рассказ ПВЛ (удалив «языческий» сюжет волхования): после возвращения в Киев «иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ» (НПЛ: 109). Сходство с Кембриджским документом здесь кажущееся: в отличие от Хелгу Олег не умер за морем, его могила

[1] Если не включать в эту конструкцию еще и путь неких ругов из предальпийского Ругиланда через Прагу в Киев (в средние века германское имя руги ассоциировалось с именем русь — ср.: Древняя Русь… 2010: 33). В недавнем историографическом обзоре авторы (Щавелев, Фетисов 2014: 16) почему-то приписывают этому пути византийские находки в Моравии, при том что ни в Праге, ни в Киеве подобных находок нет.

известна в Ладоге. Сразу следует оговориться, что имя «Олеговой могилы» было присвоено одной из ладожских (волховских) сопок во второй половине XIX в., когда актуализировались сюжеты, связанные с приближением «1000-летия Руси».

Е. В. Пчелов предложил «простое» решение проблемы двух могил Олега: «под словом „могила“ в Древней Руси могло подразумеваться не только захоронение, но и поминальный холм, насыпь для совершения тризны» (Пчелов 2018: 132). В античной традиции такое сооружение именовалось *кенотаф*, но на Руси в языческую эпоху этот обычай неизвестен. Тризну правили на кургане, содержавшем погребение: Ольга не стала насыпать кенотаф в честь мужа, погибшего у древлян, — она отправилась в опасный поход на мужнин курган к древлянам («да поплачюся над гробомъ его, и створю трызну мужю своему», см.: ПВЛ: 28). Прямую параллель двум могилам Олега представляет скандинавская традиция: Снорри рассказывает о том, как отец Харальда Прекрасноволосого, Хальфдан Черный, при жизни чрезвычайно удачливый на урожай, после смерти был расчленен на части — голова его погребена в кургане, а остальные части были похоронены в четырех областях Норвегии, чтобы удача (gaefa) конунга «распределилась» по всей стране. В этом рассказе обычно усматривают отражение христианских представлений о распределении мощей святого в разных локусах (Weber 1987: 110–111)[2]. Однако в норвежской традиции действительно были известны четыре кургана Хальфдана: очевидно, мы имеем здесь дело с фольклорной вариабельностью, когда разные варианты легенд увязывали курган Хальфдана с разными урочищами, где бывал во время традиционных разъездов конунг (Петрухин 2009: 133).

Действительно, начало русской истории в наиболее последовательном изложении (ИЛ: 14; ср.: Вилкул 2008) упоминает Ладогу как первый локус, где останавливаются призванные из-за моря князья, лишь затем оставшийся единоличным правителем Рюрик поднимается к истокам Волхова и «рубит» там город Новгород. И хотя родич Рюрика Олег не упоминается среди призванных варягов, его предсмертный маршрут Новгород — Ладога повторяет маршрут призванных из-за моря варягов. Археология подтверждает синхронное развитие этих городов: Ладога оказывается древнейшим из них (сер. VIII в.), к IX в. относятся ранние напластования новгородского Городища, которое и считается первоначальным Новгородом (Носов и др. 2017: 18–33). Некрополь Городища неизвестен, и выделение археологических комплексов времени Олега затруднительно: связи с византийским миром характеризуют находки монет, в том числе медная «херсоно-византийская» Василия I (867–886; см.: Мусин 2010).

Исследования киевского Подола продемонстрировали близость его планировки, ориентированной на водный путь, скандинавским «викам» — ранние дендродаты (конец IX в.) относятся ко времени, когда Олег овладел городом (под 882 г.; см.: Сагайдак 2007; ср.: Комар 2012: 316–317); эту топографическую ситуацию очевидно отражает скандинавское наименование Киева — Koenugarðr, «лодочный двор (гард, см.: Джаксон 2001: 86)». Уточняется датировка сходных напластований Гнёздова (по данным В. В. Мурашевой): среди сохранившихся деревянных изделий

[2] Ближайшая параллель — погребение миссийного епископа Унни (936 г.), тело которого было захоронено в Бирке, где тот проповедовал, а голова отправлена в Бремен (Из ранней истории… 1999: 70).

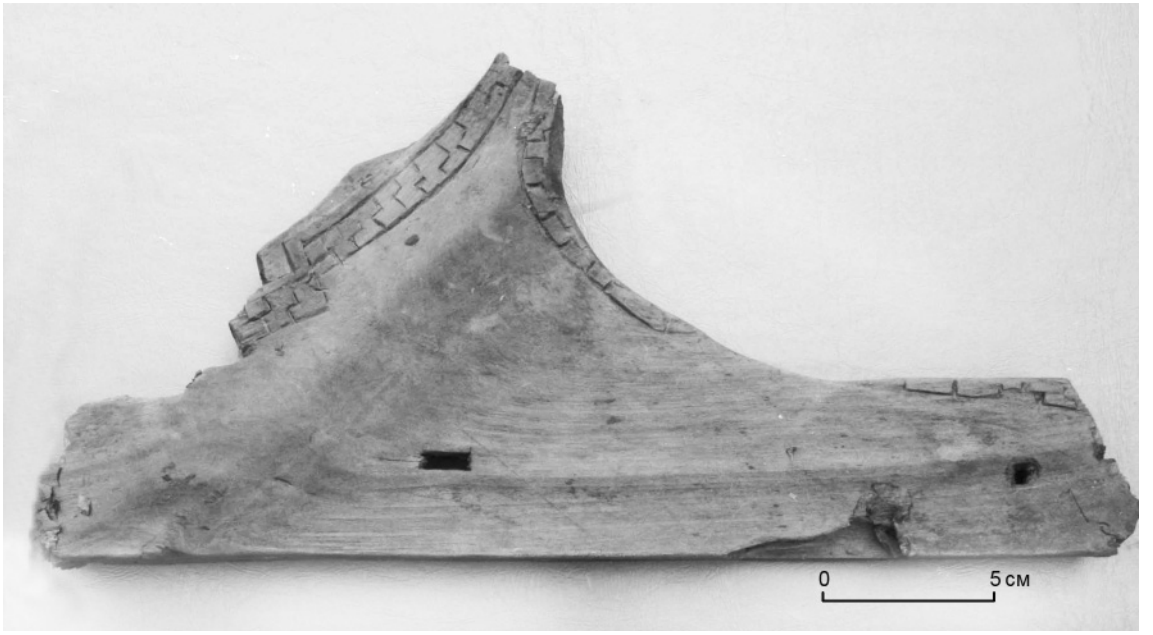

Рис. 1. Гнёздово. Деревянная уключина

замечательна находка уключины со скандинавским орнаментом (рис. 1). Напомню, что Олег, осадивший Царьград (под летописным 907 г.), взял с греков откуп «на ключь» (ПВЛ: 17) — уключину, рассчитывая на гребцов, как главную движущую силу своего войска (к обозначению дружины гребцов восходит и само имя *русь*, см.: Мельникова, Петрухин 1989).

Замечу, в связи с проблемой древнейших русских столиц (ср.: Кирпичников, Сарабьянов 2013), что «столица» в раннесредневековых государствах оказывалась там, где были «стол» правителя и его дружина. Дружина Олега и представляет собой особую археологическую проблему: на Руси исследованы многие десятки скандинавских погребальных комплексов, содержащих «дружинные» древности; принятая многие годы их суммарная датировка эпохой викингов — IX–XI вв. — позволяла увязывать их с событиями начальной русской истории, включая призвание варягов.

Романтические реконструкции основывались и на материалах Старой Ладоги, где исследован небольшой скандинавский некрополь в урочище Плакун, ассоциировавшийся чуть ли не самим Рюриком и его дружиной: уточнение датировок развеяло эти ассоциации — древнейший курган с камерной гробницей не может быть датирован ранее чем концом IX в. (880–900; ср.: Михайлов 2016: 227; Богуславский 1993: 137–139); эта «особняком стоящая» в ряду прочих, более поздних комплексов, камера (Михайлов 2016: 155) относится ко времени Олега. В самом Киеве ранняя камерная гробница на Старокиевской горе содержит погребение воина с мечом, в кошельке которого находились четыре медные монеты Василия I, Льва VI (886–912 гг.)[3], соправителей Льва и Александра (912–913 гг.), но позднейшая монета бита при Константине Багрянородном в 920-х гг. Все монеты чеканены в Херсонесе (Movchan 2007).

[3] В каталоге (Михайлов 2016: 126, 212) опечатка — упомянут Лев IV.

Немало усилий было потрачено, чтобы обнаружить комплексы IX в. в крупнейшем некрополе древней Руси в Гнёздове: на ранней дате одного из комплексов с сожжением в ладье (Л–47) продолжает настаивать С. С. Ширинский — он готов увязать каролингские находки из комплекса с упомянутым русским посольством 839 г. (в кургане обнаружена номисма Феофила, превращенная в подвеску; см.: Ширинский 2018), но не учитывает весь состав инвентаря, определяющий дату кургана X в. (Каинов 2001: 60). «Следы» пресловутого посольства к Феофилу, однако, бросаются в глаза исследователям: в Гнёздове обнаружено 11 фоллисов и уже два солида Феофила (Шевцов 2017), на новгородском Городище — всего пять (Шевцов 2017: 143), семь фоллисов Феофила было найдено в Скандинавии (пять — в ориентированной на Русь Бирке; ср.: Shepard 1995: 48; Шевцов 2017: 144)[4]. Ко времени Олега относятся привески из фоллисов (2 экз.) и милиарисиев (3 экз.), в том числе фоллиса и серебряной монеты Льва VI (886–912 гг.) и двух номисм его соправителя Александра I; милиарисии Льва VI были обнаружены также в упомянутой камерной гробнице Киева (Movchan 2007). В кургане № 83 Шестовицы под Черниговом, содержавшем кремацию скандинавского воина (с согнутым мечом типа H по Я. Петерсену), обнаружены два фоллиса Льва VI (утрачены, см.: Андрощук 1999: 65), курган по инвентарю датируется широко — X в.

Напомню, что при Льве и Александре в 911 г. был заключен договор с Олегом (ср.: Тиханова 1945: 30; Ениосова, Пушкина 2012: 39; Jankowiak 2016: 126–127; Шевцов 2017: 143). Серебряные (и золотые) монеты могли относиться к категории посольских даров (ср. Shepard 2014; Jankowiak 2016: 132 ff.) — драгоценные металлы (и ткани — шелк) не разрешалось вывозить из Византии для торговли; медные монеты, очевидно, относились к сфере «престижной экономики», демонстрировали «артикулированные» контакты с империей (хотя подвески — монеты из драгоценных металлов, естественно, были более престижны). Милиарисиями расплачивались и с русскими наемниками в византийских кампаниях (плата наемнику достигала 100 монет; см.: Jankowiak 2016: 128, 133).

Интересно, что привески из номисм Александра I (рис. 2) демонстрируют престижность именно реверса с изображением императора и патриарха (?): Христос на аверсе оказался перевернутым (Тиханова 1945: 28, рис. 22; Меч и златник 2012: 85, № 198), христианская символика не интересовала носителя привески (как она не заинтересовала и Олега, клявшегося в Царьграде языческими богами, см.: ПВЛ: 17); привеска демонстрировала интерес не к христианству, а к империи (ср.: Shepard 2014: 236). При этом погребальные *комплексы* начала X в. — эпохи Олега — в Гнёздове также не известны, как и комплексы IX в.

Нет погребальных комплексов эпохи Олега и в киевском некрополе: о «злате», которое принес Олег в Киев из Царьграда, согласно ПВЛ (ПВЛ: 12), может свидетельствовать клад с золотыми скандинавскими браслетами (изготовленными из золотых монет?), обнаруженный в 1913 г. на усадьбе Сикорского; серебро в ранних

[4] Суммарная датировка начала контактов и функционирования торговых путей, в том числе пути из варяг в греки и его «отрезков», основанная на единичных монетных находках, едва ли приемлема (о «соблазне» ранних датировок ср.: Мусин 2010: 38–39, хотя сам автор склоняется к ранней датировке Гнёздова, поминая даже монету VI в. — Юстина I). Достаточно в связи с этим напомнить о находке фоллиса Константина Великого в Новгороде (Гайдуков, Мызгин, Олейников 2018).

Рис. 2. Гнёздовское городище. Подвеска-номисма 912–913 гг. (по: Тиханова 1945: 29, рис. 22)

киевских кладах представлено дирхемами (Комар 2012: 320), но состав дирхемов уже отражает перемену в распределении серебра на рубеже IX и X вв. В течение предыдущего девятого столетия арабское серебро (аббасидские дирхемы) поступали на Русь и в Скандинавию через Кавказ и Хазарию; в последней четверти этого столетия приток монеты прекращается, что может быть связано с вторжением Олега в сферу влияния Хазарии в Приднепровье и хазарской блокадой, которую при Олеге удалось преодолеть, обратившись к альтернативному среднеазиатскому — саманидскому — рынку через Волжскую Болгарию (Петрухин 1995: 93 и сл.)[5]. В начале X в. первые клады серебра появляются в Киеве: упомянутый клад 1913 г. датируется 906/907 гг. и содержит десятую долю саманидских дирхемов (Нунан 2004: 260–261).

Восточная политика Олега не освещена источниками, кроме оговорки ПВЛ в рассказе о присвоении князем хазарской дани с северян: «азъ имъ (хазарам. — *Авт.*) противенъ» (ПВЛ: 14). Ко времени Олега относится знаменитый поход русов на Каспий в 909 г. (?): удар по мусульманским государствам Закавказья был выгоден и Византии, и хазарам (пропустившим русь на Каспий), но Хазария уже пребывала в окружении стран ислама и вынуждена была выдать русь, возвращавшуюся с добычей их врагам-мусульманам. Русское войско было истреблено в устье Волги (ср.: Новосельцев 2000: 476). Может быть, этим объясняется отсутствие дружинных погребений, относящихся ко времени Олега, в древнерусских центрах.

Нет оснований сомневаться в реальности могилы Олега в Киеве: память о курганах первых правителей и на Руси и в Скандинавии была основой исторической памяти (Петрухин 2009: 132–133). Мотивы мифологизированной смерти Олега находят соответствие как в скандинавской, так и в славянской традициях: даже время его гибели («и приспе осень») находит параллель в славянском фольклоре: осенью (христианский праздник Воздвиженье, 27. IX) по славянскому поверью все змеи двигались на тот свет и опасен был их укус (СД: 400).

Отправился ли Олег по знакомому маршруту за море через Новгород и Ладогу с остатками своей дружины, где он принял смерть, и добралась ли дружина за море, можно лишь предполагать. Е. А. Мельникова предположила даже, что древнерусский сюжет о смерти князя от коня был воспринят сказителями скандинавских саг и сохранился в «Саге об Одде Стреле» (Мельникова 2005). Со времен Т. Арне очевидно воздействие восточноевропейской традиции на скандинавскую «дружинную» культуру, в том числе вооружение (Кирпичников и др. 1986). Г. С. Лебедев называл носителей элементов этой традиции в Бирке «русами» и стремился увязать монетные находки из погребальных комплексов Бирки (в том числе «партию монет» 907–913 гг. из камерных погребений шведского города)

[5] Скептическое отношение к этим наблюдениям Т. Нунана не аргументировано (Мусин 2010: 41): отсутствие кладов последней четверти IX в. наблюдается и в Поволховье (Богуславский 1993: 142–143).

с «ветеранами походов» Олега на Византию и Каспий (Лебедев 1982: 155–157)[6]. Т. А. Пушкина проследила путь изделий, отражающих восточную традицию, от Хазарии через Гнёздово и Ладогу в Бирку (Пушкина 2007), назвав этим изделия «амулетами Аустрвег» («Восточного пути»): впрочем, «амулеты» активно включались в культуру Ладоги (и Скандинавии) уже на начальных этапах существования города (ср.: Рябинин, Сениченкова 2010) и поступали в Ладогу вплоть до перерыва в связях с Востоком в последние десятилетия IX в. (Богуславский 1993: 142–144) — времени вторжения Олега в Среднее Поднепровье, сферу влияния хазар; связи восстановились в X в., к которому относится большая часть «сувениров», перечисленных Т. А. Пушкиной.

Вероятно, Восточный путь был пройден уцелевшей частью дружины Олега, направляющейся «за море» после походов на Царьград и Каспий. В Ладоге дружинники Олега могли оставить единственную упомянутую камеру в урочище Плакун, но и этот комплекс по времени и инвентарю не связан с походами руси времен Олега; нет определяемых следов Олега в Новгороде (Городище)[7] и Гнёздове, новгородская летопись сохранила лишь память об ее возвращении за море, связанную с именем их предводителя — Олега[8]. Через Ладогу не раз возвращались в Скандинавию и дружины норвежских конунгов, обретавшихся на Руси в XI в. (Рыдзевская 1945).

Литература

Андрощук 1999 — *Андрощук Ф. О.* Нормани і слов'яни у Подесенні. Товариство археології та антропології, 1999. 140 с.

Богуславский 1993 — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв.// Массон В. М., Носов Е. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Древности Северо-Запада России: славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 132–156.

Вилкул 2008 — *Вилкул Т.* Ладога или Новгород? // Palaeoslavica. 2008. XVI/2. С. 272–280.

Гайдуков, Мызгин, Олейников 2018 — *Гайдуков П. Г., Мызгин К. В., Олейников О. М.* Фоллис Константина Великого из Великого Новгорода // Захаров Е. В. (отв. ред.). Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики ГИМ. М., 27 и 28 ноября 2018 г. МДиС. М.: ГИМ, 2018. С. 29–33.

Джаксон 2001 — *Джаксон Т. Н.* Austr í Görđum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 207 с.

Ениосова, Пушкина 2012 — *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сердюк Е. М. (отв. за выпуск).

[6] Естественно, анализ монетных находок требует учета эмиссии — как раз правления Льва VI и Романа I характеризуются отсутствием активной эмиссии (Jankowiak 2016:128).

[7] В. Л. Янин считает, что Олег поторопился оставить Новгород, чтобы избавиться от навязываемого новгородцами князьям договора — «ряда» (Янин 2007: 210).

[8] Летописная терминология свидетельствует, что речь идет именно о войске, а не о предводителе; ср.: о походе на греков «Иде Олегъ на Грѣкы и прииде к Цесарюграду» (НПЛ: 108) и цитированное выше «иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу» (НПЛ: 109).

Сугдейский сборник. Вып. V. Материалы V Судацкой НК «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Судак, 23–24 сентября 2010 г. Киев–Судак: Горобец, 2012. С. 34–85.

Каинов 2001 — *Каинов С. Ю.* Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Мурашёва В. В. (ред.). Археологический сборник: Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М.: ГИМ, 2001. С. 54–63 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Кирпичников и др. 1986 — *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Мельникова Е. А. (ред.). Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.

Кирпичников, Сарабьянов 2013 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2013. 216 с.

Комар 2012 — *Комар А. В.* Киев и Правобережное Приднепровье // Макаров Н. А. (ред.). Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.

Лебедев 1982 — *Лебедев Г. С.* Монеты Бирки как исторический источник // Скандинавский сборник. Вып. XXVII. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 149–163.

Мельникова 2005 — *Мельникова Е. А.* Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // Сахаров А. Н. (отв. ред.). От Древней Руси к новой России: Юбилейный сб., посвящ. чл.-кор. РАН Я. Н. Щапову. М.: Паломнический центр Московского патриархата. 2005. С. 95–108.

Мельникова, Петрухин 1989 — *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Меч и златник 2012 —Журавлев Д. В., Мурашёва В. В. (ред.). Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М.: Кучково поле, Мастерская Зарубина, 2012. 316 с.

Михайлов 2016 — *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI в. в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.

Мусин 2010 — *Мусин А. Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории древней Руси и «путь из варяг в греки» // Мусин Е. А., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.

Древняя Русь… 2010 — Назаренко А. В. (сост., пер., комм.). Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

НПЛ — Тихомиров М. Н., Насонов А. Н. (отв. ред.). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 571 с.

Новосельцев 2000 — *Новосельцев А. П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Калинина Т. М. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2000. С. 454–477.

Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Нунан 2004 — *Нунан Т. С.* Торговля Волжской Болгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 256–313.

Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 322 с.

Петрухин 2009 — *Петрухин В. Я.* Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Флоря Б. Н. (ред.). Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 81–150.

Петрухин 2011 — *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци»: аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с.

ПВЛ — Адрианова-Перетц В. П. (ред.). Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.

ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1962.

Пушкина 2007 — *Пушкина Т. А.* Амулеты Аустрвег // Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: ММНК (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 325–331.

Пчелов 2018 — *Пчелов Е. В.* Олег Вещий. М.: Молодая гвардия, 2018. 290 с. (ЖЗЛ).

Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 51–64.

Рябинин, Сениченкова 2010 — *Рябинин Е. А., Сениченкова Т. Б.* «Хазарский след» в древнейшей Ладоге // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). Краеугольный камень: археология, история, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 226–237.

Сагайдак 2007 — *Сагайдак М. А. (при участии Мурашевой В. В., Петрухина В. Я.).* К истории градообразования на территории Древней Руси, VI — первая половина XI века // Комеч А. И. (отв. ред.). История русского искусства. Т. 1. М.: Северный паломник, 2007. С. 81–108.

Из ранней истории… 1999 — Сванидзе А. А. (отв. ред.). Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. 332 с.

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 577 с.

Тиханова 1945 — *Тиханова М. А.* Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнёздове // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 28–29.

Шахматов 1919 — *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Изд. Русского Исторического журнала, 1919. 64 с.

Шевцов 2017 — *Шевцов А. О.* Монеты императора Феофила (829– 842 гг.) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.

Ширинский 2018 — *Ширинский С. С.* Памятники Гнёздова как источник изучения начального периода формирования государства Русь // Рыбина Е. А. (ред.). Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. МК, посвящ. 100-летию со дня

рождения Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 2018. С. 67–69 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 140. Сер. II, Исторические исследования, № 83).

Щавелев, Фетисов 2014 — *Щавелев А. С., Фетисов А. А.* К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей // Коновалова И. Г. (ред.). Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7–53.

Янин 2007 — *Янин В. Л.* О начале Новгорода // Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: ММНК (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 205–212.

Jankowiak 2016 — *Jankowiak M.* Byzantine coins in Viking-Age northern lands // Androshchuk F., Shepard J., M. White (eds.). Byzantium and the Viking World. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. P. 117–139.

Movchan 2007 — *Movchan I.* A 10th century Warrior's grave from Kiev // Aibabin A., Ivakin H. (eds.). Kiev-Cherson –Constantinople. Kiev–Simferopol–Paris, 2007. P. 221–223.

Shepard 1995 — *Shepard Jh.* The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. № 4 (1). 1995. P. 41–60.

Shepard 2014 — *Shepard Jh.* Byzantine Emissions, not Missions, to Rus', and the Problems of "False" Christians // Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (ред.). Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности севера, 2014. С. 234–242.

Weber 1987 — *Weber G. W.* Intellegere historiam. Typological Perspectives of Nordic Prehistori (in Snorri, Saxo, Widukind and Others) // Hastrup K., Sørensen P. M. (eds.). Tradition og historieskrivning. Kilderne til Nordens ældste historie. Aarhus: Aarhus universitetsforlag, 1987. S. 95–141.

Н. И. Платонова
(Санкт-Петербург)

Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)

Обличение национализма в археологии и других социально-исторических дисциплинах, стремление выявить и заклеймить «нацистские корни» отдельных методологических систем — эта проблематика является перманентно востребованной в современном научном мире (см. напр.: Шнирельман 1993; 2011; 2015; Мосионжник 2012). Ее актуальность свидетельствует, на мой взгляд, об усиленном, неприкрытом давлении политики на науку, которое лишь поменяло вектор по сравнению с советским периодом. К сожалению, уроки истории обычно усваиваются задним числом, после чего научное сообщество с готовностью наступает на те же грабли.

Изучение предшествующих научных практик, как представляется, не должно оборачиваться «идеологической проверкой» методик, теорий и парадигм с целью заклеймить те из них, что покажутся ошибочными или «вредными». Последнее никогда не приводило к добру, не спасали и благие намерения. В основе любой идеологической проверки, вне зависимости от того, где и кем она осуществлялась (в гитлеровской Германии, в СССР эпохи сталинизма или застоя, на современном либеральном Западе, в нынешней России и т. д.), лежит подспудное отождествление идеологии и науки, отождествление «нежелательных» мировоззренческих корней, породивших те или иные научные подходы, с конкретными методами, выработанными на основе этих подходов. А это далеко не одно и то же.

В качестве примера того, насколько различными могли быть и идеологическая подоплека, и интерпретация научных результатов, полученных одними и теми же методами, я хочу привести сравнительный анализ деятельности двух крупнейших археологов конца XIX — первой трети XX в. — Густафа Косинны и Александра Андреевича Спицына.

Общеизвестно, что методическая система Косинны включала в себя: а) понятие *культуры* (т. е. *культурного комплекса*, реконструированного в материале на основе совстречаемости ряда характерных элементов); б) *географический метод*, позволяющий локализовать культуру в пространстве путем картографирования памятников; в) *ретроспективный метод*, выявляющий преемственность элементов (и, соответственно, культур) от настоящего к прошлому, от известного к неизвестному. Ареал культуры (или «*культурную провинцию*») ученый ассоциировал с «народоплеменной общностью»; перемещение комплекса признаков в пространстве — с *миграцией народа* (Kossinna 1911: 4–5). Так выглядят вкратце основные методические

принципы, которые Г. Косинна разрабатывал и конкретизировал всю жизнь. Не будет лишним отметить: двигала им заветная идея — подтвердить огромное влияние германцев на всю историю цивилизованного человечества и археологически идентифицировать «индогерманский пранарод»[1]. Современная историография обычно принимает эту «систему» за образец истинного «нацизма в археологии».

Последнее справедливо только отчасти. Конечно, *идеологическая составляющая* трудов Косинны и выводы, им сформулированные, другого определения не заслуживают. Но если давать его трудам профессиональную оценку, вырисовывается куда более сложная картина. Конкретные археологические методы, изначально взятые Косинной на вооружение, являлись идеологически совершенно нейтральными. Ни в картографировании памятников, ни в ретроспективном прослеживании культурной преемственности, ни в воссоздании культурных комплексов, как таковых, ничего специфически расистского или националистического не было и быть не могло. Разумеется, любой из этих научных инструментов всегда можно постараться *использовать* для подобной трактовки. Но вряд ли невинные чернила и перья, которыми А. Гитлер писал «Майн Кампф», разделяют с ним ответственность за созданный текст.

В начале 1920-х гг. престарелому Косинне пришло время подводить итог. Созданная им «методическая система» (разумеется, в случае корректного ее использования!) желанного результата не давала, и сам он не мог этого не понимать. В частности, ретроспективный метод фиксировал несомненный культурный разрыв между комплексами среднего бронзового века Северной Германии и более ранним периодом. Ожидаемой преемственности «германских» культур эпохи бронзы с неолитом Ютландии не получалось. Да и предполагаемых частых миграций на юг и восток с территории Северной Европы в материале, при хоть сколько-нибудь строгом подходе, не фиксировалось… Следовало пересмотреть концепцию. Но для Косинны это было невозможно психологически — особенно после недавнего поражения в войне и унижения Германии в Версале. И он, действительно, отказался, но не от исходной идеи, а от методов, которыми не смог ее доказать.

Чтобы обосновать гипотезу о связи «германцев» бронзового века с «германцами» эпохи неолита, Косинна в обход археологии стал ссылаться на антропологию, на «нордические» черепа, принадлежащие носителям ютландской «культуры кьёккенмёддингов» (у него — «культуры Эллербек»). С точки зрения методов, обоснованных и развитых в том числе им самим, это было недопустимо. Ни культурной, ни хронологической близости между ранним неолитом Ютландии и средним бронзовым веком Германии в материале не наблюдалось. А тождество культуры и антропологического типа никто убедительно не доказал… Но упрямого старика это не остановило.

Тогда же он на практике отступил и от другого своего принципа, согласно которому свидетельством миграции достоверно является распространение на новые территории не одного, а *целого комплекса* взаимосвязанных культурных элементов… Теперь Косинне стало казаться, что и одного элемента достаточно. В результате, путем многих подстановок, прародина индогерманцев в Ютландии всё же была «открыта», а их «походы на Восток» описаны в деталях. Откровенно расистский

[1] Новейший анализ трудов Г. Косинны и подробная библиография проблемы «косиннизма» содержатся в: Клейн 2011: 491–527.

характер этого последнего крупного труда (Kossinna 1936) не подлежит сомнению. Но возникает вопрос: что лежало в основе сделанных выводов — «методическая система» автора или его собственное *отступление от нее*?

Безусловно, Косинна был знатоком своего материала. Даже в этом последнем его труде присутствовало немало частных наблюдений, представлявших научный интерес. Тем не менее, следует согласиться с Л. С. Клейном: на старости лет ученый де-факто «*признал банкротство» своей методической системы «в столкновении с той основной исследовательской задачей, для решения которой эта система и была создана*, — задачей отыскания «индогерманского пранарода»… (курсив мой. — *Авт.*)» (Клейн 2011: 511). На мой взгляд, это косвенно свидетельствует не только о неверной постановке задачи, но и об объективности собственно археологических методов, изначально включенных Косинной в свой арсенал.

Что касается таких провозглашенных им принципов, как «историческое право» германцев на территории (будто бы измеряемое древностью появление там их предков), объяснение «душевно-духовных сил» народов их расовым типом (Kossinna 1936: 93–95) и т. п., то они, по большому счету, характеризуют степень политизации им археологии, а отнюдь не научную составляющую его «методической системы». Здесь проявилась, в первую очередь, квазирелигиозная вера убежденного пангерманиста в германскую избранность.

Любопытно сопоставить «феномен Косинны» и породивший его исторический контекст с тем, что происходило в России в то же самое время в соответствующих областях археологии? Говоря о программной публикации Г. Косинны «Немецкая доистория — чрезвычайно национальная наука» (Kossinna 1912), Л. С. Клейн замечает: «Через все главы красной нитью проходит одна фанатически отстаиваемая идея — что, вопреки сообщениям античных писателей и мнению современных ученых-классиков, *ранние германцы и их предки индогерманцы не были варварами.* Что, наоборот, они в основных проявлениях культуры стояли выше всех других народов (курсив мой. — *Авт.*)» (Клейн 2011: 502–503).

В России в указанный период также присутствовало стремление доказать археологически, что *древние славяне и их потомки не были дикарями, которых цивилизовали германцы* (сначала в лице летописных варягов, потом — «немцев», приглашенных в Россию Петром I). Так, за археологическими построениями старших современников Косинны Д. Я. Самоквасова и И. Е. Забелина (Забелин 1876–1879; Самоквасов 1886; 1887; 1908) без труда просматривается влияние той самой национальной уязвленности, которая всю жизнь не давала покоя Г. Косинне. При этом Д. Я. Самоквасов первым попытался увязать археологический материал европейской части Российской империи в единую систему и распределить его по эпохам (Самоквасов 1892: VI–VII).

В своих этногенетических построениях он исходил из археологического материала, всецело доверяя ему как источнику. Между тем, данные, которыми ему приходилось оперировать, находились в начальной стадии разработки. Они являли собой слабо упорядоченную мозаику разновременных, разнородных культурных явлений, в которой, при желании, можно было усмотреть (и вырвать из контекста) самые разные элементы и связи. Недостаточная структурированность материала заметно сказалась на общих представлениях Самоквасова.

Вести детальную разработку отдельных категорий вещей он не умел. Он был первопроходцем, раскопщиком и прямо от полевого отчета перескакивал к глобальным построениям. Наличие в курганах разновременных погребений, принадлежавших разным эпохам и культурам, он уверенно трактовал как их прямую преемственность, как многовековое автохтонное развитие единого «народа», ветвью которого являлись славяне. Периодическая иммиграция в Причерноморье новых групп населения (скифов, эллинов, сарматов и др.), по его мнению, вовсе не прерывала на этой территории процесса внутреннего развития, а лишь оставляла в культуре новые «наслоения».

В итоге картина получилась грандиозная. Потомками скифов объявлялись не только славяне, но и германцы, «литовцы» (балты), аланы, болгары, гунны, хазары и др. В V в. до н. э. все они якобы имели единые язык и обычаи, а далее очень быстро разделились и обособились. «Праславяне» (или «геты–даки–скифы–праславяне») первоначально жили между нижним Дунаем и нижним Днепром, а со II в. н. э. начали расселяться в разных направлениях. «Вещественным доказательством» расселения автор считал клады римских монет I–II вв.

Ведущие русские археологи рубежа XIX–XX вв. не приняли этих рассуждений всерьез, хотя активно использовали публикации конкретных материалов Самоквасова как первоисточник. Давать «эпохам» этнографические названия было сочтено преждевременным. Вопрос о кладах римских монет как показателях славянской миграции стал предметом острой дискуссии. Д. Я. Самоквасов утверждал, что за пределами славянских земель находки кладов, якобы, отсутствуют. Это было грубейшей ошибкой. Ответом стала убийственно-корректная отповедь Д. Н. Анучина, изданная отдельной брошюрой. Очерк заканчивался указанием на «скороспелые выводы», «невежественные промахи» и «большие недоразумения, внесенные в науку» (Анучин 1888: 28).

В общем и целом, идеология панславизма отразилась в трудах профессиональных археологов Российской империи на удивление слабо. Если в Германии Косинна, несмотря на многочисленные критические отзывы в свой адрес (Клейн 2011: 500, 506–507), всё же сумел создать влиятельную научную школу, то в царской России археологи-панслависты играли куда более скромную роль. Позитивистская историческая наука Российской империи, жестко требовавшая от ученых «положительной критики источников», систематически вытесняла на дальнюю периферию все идеи об арийском происхождении славян, их миграциях из Азии в Восточную Европу, преемстве России и «кочевых империй» и пр.[2]

[2] Довольно полный обзор популярной литературы, в которой отразились указанные представления, приведен в монографии: Шнирельман 2015, т. I. Однако к научной археологии, являющейся предметом нашего анализа, это имеет лишь отдаленное отношение. Несколько выделяется на общем фоне лишь книга В. М. Флоринского (Флоринский 1894), военного врача по образованию, ставшего первым ректором Томского Императорского университета и основателем при нем Археологического музея. Флоринский попытался концептуально обобщить историю племен, живших на территории Сибири, и связать ее с историей происхождения славян. Многое роднит его подход с представлениями Д. Я. Самоквасова. Работа Флоринского, безусловно, заслуживает уважения как важный этап в деле систематизации источников и одна из первых попыток осмысления этнокультурной истории славян. Однако привлечение археологического материала Сибири как иллюстрации широких построений о переселениях индоевропейцев носит в ней, по сути, донаучный характер.

Тем не менее, прямая методологическая перекличка с Г. Косинной действительно имела место в дореволюционной России. Но демонстрировали ее специалисты, как раз очень далекие от «славянской школы». Чтобы понять это явление, следует обратиться к «феномену Спицына».

А. А. Спицын заслуженно считается создателем фундаментальной источниковой базы, на которой строилась вся археология СССР XX в. (особенно в первой половине — середине этого столетия). Его исследовательская методика вполне сопоставима с подходом Г. Косинны, ибо она включает выделение культур, картографирование их элементов, проецирование границ раннесредневековых «племен» на археологическую карту, признание важности миграций и заимствований. Несомненно, ученые работали в рамках единого направления, причем совершенно независимо. Косинна русского языка не знал, а Спицын, хотя читал по-немецки (даже реферировал кое-что важное для российской печати), не мог позаимствовать методы у германского коллеги, ибо стал применять их на практике раньше него.

Реконструкция древних этнографических сообществ Восточной Европы по археологическим данным была реализована Спицыным уже в первой крупной работе (Спицын 1899). Там еще нет «культуры» как обобщающего понятия археологии, но есть фактическое выделение культурных комплексов в рамках более широкой общности, которую Спицын назвал «общерусской». Таким образом, он фактически первым конкретизировал содержание понятия «древнерусская культура» (отнеся ее сложение к XI в.) и сразу же выделил в ней ряд вариантов, которые связал с летописными «племенами».

Нередко говорят, что Спицын выделял ареалы племен по типам височных колец. Это неверно. Височные кольца, действительно, оказались самым значимым элементом при группировке материала. Однако Спицын работал не с единичными типами вещей. Он старался учитывать целые комплексы взаимосвязанных элементов, включая типы погребальных сооружений, детали погребального обряда и самый разнообразный инвентарь (разумеется, с поправкой на степень изученности). Понятие «культура» он ввел в свои работы с 1901 г.

Всё это очень напоминает подход зрелого (но не позднего!) Косинны, нашедший отражение в его знаменитой статье «Орнаментированные железные наконечники копий как признак восточных германцев» (Kossinna 1905). В ней Косинна стремился, по крайней мере, на словах, работать не с отдельными типами артефактов, а с их устойчивыми сочетаниями. Оригинальность подхода в обоих случаях не подлежит сомнению, поэтому важно понять: на какой общей подоснове он возник?

Этническая интерпретация культур и отождествление их с народами не являлись изобретением Косинны или Спицына. В явном или скрытом виде это присутствовало в научной археологии изначально, с самого момента ее рождения в первой половине XIX в. Методы интерпретации археологических памятников формировались на базе: 1) опыта, накопленного этнографией; 2) информации о древних «народах», полученной из письменных источников. И в том, и в другом случае «племя» (= «народ», «этнос») являлось важнейшим обобщающим понятием.

В период господства эволюционизма природа культурных единств, выявленных в археологическом материале, еще не являлась предметом специального анализа. Но их этнический характер всё равно молчаливо подразумевался. Подтверждение тому можно найти даже в работах О. Монтелиуса (Montelius 1888: 151–160).

Рудольф Вирхов (1921–1902) и Отто Тишлер (1843–1891) уже в 1870–1880-х гг. фактически выделили в Европе целый ряд культур железного и бронзового века (у Вирхова — Kultur-Typus) (Daniel 1950: 243). Они основывались на повторяющихся сочетаниях признаков. При этом исследователи не сомневались в *этнической* природе этого явления (см. напр: Virchow 1870). Они не избегали конкретных этнических определений, напротив — стремились к ним. В рамках данного подхода, изначально сложившегося в Скандинавии, идея эволюции культуры во времени органично увязывалась с восприятием памятников как *наследия предков, национальных древностей,* и одновременно — с требованием разностороннего естественнонаучного анализа находок (Trigger, 1989: 83–85). Хорошей иллюстрацией тому служит прочувствованная речь Р. Вирхова (которого, кстати, никто никогда не обвинял ни в расизме, ни в воинствующем национализме): «…никто не может быть свободен от мысли: *а жили ли наши предки уже в позднем каменном веке в этой стране? Сидели ли здесь уже тогда германцы или ну вот хотя бы славяне?* Нет ведь ни одной души, столь омертвевшей, чтобы хоть раз не проникнуться ощущением связи, в которой она стоит к другим личностям и в которой ее народ стоит к другим народам… (курсив мой. — *Авт.*)» (Virchow 1884: 74–75; ср.: Клейн 2010: 10).

Попытки отрицать преемственность между Вирховом и Косинной (Fetten 2000: 170–171) представляются мне необоснованными. Научная их преемственность выступает вполне рельефно, а личные и политические разногласия не столь важны. Чтобы произвести свою «революцию», Косинне потребовалось лишь переставить акценты: этническую составляющую возвести в абсолют и подменить романтический национализм своих предшественников собственным воинствующим пангерманизмом (ср.: Клейн 2005: 386).

Вопрос о теоретических взглядах А. А. Спицына долго не поднимался в литературе просто потому, что за ним прочно закрепилась репутация сугубого эмпирика, человека, за всю жизнь не опубликовавшего ничего по теоретическим вопросам. Лишь сравнительно недавно выяснилось: в 1909 г., когда Спицына пригласили читать курс археологии в Санкт-Петербургском университете, ему волей-неволей пришлось систематизировать для студентов не только артефакты, но и собственные идеи и представления. Уникальные документы — его подготовительные наброски к лекциям — пролежали в архиве без изучения почти 90 лет (Платонова 2004; 2009).

Из этих записей можно понять, что археология в целом сопоставлялась Спицыным с «этнографией в истории», и конечной целью анализа археологического материала являлось для него решение «историко-этнологических проблем». Представление об «историческом характере» археологии и историко-бытовой (этнографической) реконструкции как главной цели работы он усвоил, безусловно, от своих предшественников в России — П. И. Лерха и А. С. Уварова (Платонова 2010: 70–82). Однако сам принцип совпадает с общей установкой Косинны. Тот именовал свое направление «Siedlungsarchäologie» (что я, вслед за Л. С. Клейном, склонна переводить, как «habitation archaeology», «археология обитания»). Наряду с этим, им употреблялись термины «ethnographische Vorgeschichte» («этнографическая доистория») и «Vorhistorische Ethnologie» («доисторическая этнология») (Kossinna 1911: 13, 16; Клейн 2011: 502). Изначально метод у обоих был «этнографическим».

Археологический материал представлялся Спицыну (и Косинне!) *наиболее весомым аргументом при решении проблемы племенной принадлежности*. Правда,

Спицын осознавал неоднозначность информации об этнической принадлежности носителей археологических культур (Косинна — тот не желал осознавать). В статье «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» он пишет: «Мы нашли, что на основании археологических данных племена эти могут быть соединены в три группы, и определили состав каждой из них, но — *культурное единство не есть единство племенное*… (курсив мой. — *Авт.*)». Несколькими строками ниже читаем: «…единство по языку еще не есть единство по крови» (Спицын 1899: 339).

Таким образом, «культура», по Спицыну, не покрывает целиком понятия «народности». Для последней характерны и такие признаки, как *общий язык, общее название, физические особенности, единая религия*. Но… за неимением других источников, он всё же считает возможным определять народность по *внешней форме* ее репрезентации — культуре: «В толпе, а особенно в дому, вы безошибочно отличите финна, цыгана, татарина, француза, еврея, киргиза, потому что каждый из них на свой лад», – утверждал Спицын (НА ИИМК. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 10 об.). Если народности различимы в настоящее время (по предметам быта, костюму, домашней обстановке), то почему же они не различимы в прошлом? — задавал он вопрос.

Спицын, в сущности, видел в «культуре» именно отражение древнего *этнографического единства* в его материальном, археологизированном воплощении. Это была для него «некая единица», совокупность археологических памятников, в рамках которой разные их категории тесно увязаны и объединены в «стройное целое». По ним археолог должен «восстанавливать» (в идеале!) «целую житейскую обстановку» древнего сообщества (конечно, на практике идеал чаще всего оказывался недостижим). В «стройном целом» легко опознается будущая «археологическая культура».

В своей практической работе Спицын активно применял ретроспективный метод. В учении Косинны ретроспективный метод также оказался одним из главных звеньев. Идею он, конечно, приписывал себе, хотя раньше она высказывалась другими, правда, мимоходом (Montelius 1888: 151–160; Клейн 2011: 494). В России эту мысль озвучил П. И. Лерх еще в 1860-е гг., но не успел апробировать ее на археологическом материале. Безусловно, идея «носилась в воздухе», а сама исследовательская мысль развивалась в России и Германии в едином русле, по единой логике. Однако пангерманистская, агрессивно антиславянская составляющая учения Косинны, разумеется, была неприемлема для российских ученых.

Интересно отметить, что некоторые элементы биологизации социальных явлений присутствуют не только у Косинны, но и у Спицына. Сохранился его набросок: «…Народность и культура — отдельные организмы человечества. Это то, что в зоологии и ботанике — вид. Каждая народность состоит из коренной и ... воспринятых приемышей… *Культуры, как и народности, представляют организмы. Это аксиома археологии* (курсив мой. — *Авт.*)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 13).

Идеи сравнения человеческого сообщества (или государства) с «организмом», вкупе с построением соответствующих моделей, стали в Европе весьма модными, начиная с 1860–1870-х гг. (Колчинский 2006: 99–101; Платонова 2010: 81). В основе своей они восходили к классикам позитивизма О. Конту и Г. Спенсеру. Вопрос о природе единств, изучаемых этнографией и археологией, о том, что же представляет собой «народность» (ἔθνος), живо обсуждался в 1900–1910 гг. в кругу этнографов Петербурга и Москвы. Цитированная запись Спицына вполне могла быть

рефлексией по поводу дискуссии, завязавшейся в печати именно в это время (Могилянский 1909; 1916; Максимов 1910: 14–24).

Однако идея даже не народности, а именно культуры как «вида» (то есть живого, системно организованного целого, обособленного от других) представляла собой в начале XX в. нечто новое, по крайней мере, в археологии. Конечно, можно предположить влияние на Спицына идей «морфологии культуры» его современника Лео Фробениуса, утверждавшего: «…каждая культура развивается, как живые организмы… переживает рождение, детство, зрелый возраст и старость, и, наконец, умирает» (Frobenius 1898: X, цит. по: Токарев 1978: 139). Но куда вероятнее, что источник находился ближе, и им послужило идейное наследие Н. Я. Данилевского, который еще в 1869 г. сформулировал теорию обособленных, локальных «культурно-исторических типов», развивающихся подобно живым организмам. В его трактовке и сами эти «типы», представляющие собой надэтнические образования (цивилизации), и народы, их составляющие, «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают» (Данилевский 1991: 74).

Могло ли отождествление культурных единств с этническими, вкупе с биологизацией понятий народа и культуры, привести автора, в конечном счете, к расизму, нацизму и т. д.? Безусловно, могло: в соответствующем историческом и социально-психологическом контексте. Однако… могло и не привести. И в этом плане сопоставление Косинны со Спицыным весьма показательно.

Спицын демонстрирует историкам науки пример редкостного, эпического спокойствия в вопросах этнической принадлежности памятников археологии. В этом он — прямая противоположность Косинне, для которого обслуживание идеологических запросов Германской империи являлось делом долга и чести. Спицына глубоко интересовали проблемы славяно-русских древностей и их происхождение. Но преданность Родине отнюдь не побуждала его создавать из русской археологии «чрезвычайно национальную науку» на манер Косинны. Данный феномен тем более интересен, что в конкретных научных методиках у них почти не было расхождений.

В отличие от Косинны, Спицын с легкостью преодолевал то, что называлось тогда в российских академических кругах «внушениями узкого патриотизма» (Толстой, Кондаков, 1889: I–II). «Что обещает дать археология для собственно русской истории?» — задавал он вопрос. И сам же с неподдельной радостью отвечал: «*Для древней истории — очень много и самые удивительные вещи!* Согласитесь, что основной вопрос начала Русского государства есть вопрос о территории, о племенах, занимавших землю в момент образования государства. Молчаливым соглашением принято думать, что Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Волынь, Киев... Черниговщина уже к этому времени имели сплошное русское население… *Археологические исследования весьма сокращают эту фантастическую картину*. <…> *Мы весьма сомневаемся, что Полтавщина в IX–X вв. имела значительное славянское население*, и видим здесь в эту пору совершенно иные племена, иранские. *Еще большие отторжения археология производит на Севере России. Ею определенно поставлен вопрос, действительно ли Смоленск, Новгород и Псков в IX в. были заселены русскими? Анализ имеющихся данных скорее ведет к… решению этого вопроса в пользу финнов...* (курсив мой. — *Авт.*)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Д. 101. Л. 9 об.-10).

Таким образом, Косинна со своими индогерманцами в неолите завоевывал Индию (правда, Германии этим пользы не принес). А Спицын, напротив, «производил отторжения» от территории Руси (не нанеся этим, впрочем, ни малейшего ущерба

России). Стояли они, как ни странно, на очень близких научных позициях. Их воззрения формировались в едином научном пространстве, в сходных социальных контекстах. Только Спицын своим принципиальным научным установкам следовал на практике. А Косинна их попросту нарушал — всякий раз, когда возникала опасность, что изначальная идея не подтвердится.

Феномен Спицына — неслучайное явление в субкультуре ученых, сложившейся в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. За ним стояло новое понимание «русскости» и русского патриотизма, которое вырабатывалось в кругах интеллектуальной элиты и которое можно считать первым вариантом концепции мультиэтнической всероссийской общности на территории Империи.

Завершая наше сопоставление научных взглядов двух, без преувеличения, великих археологов старой Европы, подчеркнем следующее. Методы и приемы исследования, использованные и развитые в трудах Косинны, нельзя напрямую ассоциировать с воинствующим национализмом или, тем более, «нацизмом в археологии». Этот методологический аппарат, сам по себе, являлся идеологически нейтральным и мог лишь использоваться (или не использоваться) в националистическом контексте. Нередко такое использование, диктуемое вненаучными факторами, было сопряжено с прямым отступлением от требований научной методики.

Косинна не изобретал представлений о сопряженности культуры и народности, ибо эти представления являлись исходными и основополагающими для европейской археологии XIX в. Поэтому считать его «учениками» всех археологов второй четверти — середины XX в., придерживавшихся этой позиции, также совершенно неправомерно. Археологи Западной Европы унаследовали ее, как минимум, *не только от него*. Что же касается СССР 1940–1950 гг., то здесь в указанный период актуализировалось отнюдь не наследие Г. Косинны, как считают некоторые коллеги (см. например: Шнирельман 1993: 60), а наследие А. А. Спицына, В. А. Городцова, Г. Чайлда и др.

У всех упомянутых археологов было с Косинной немало общего, ибо их теории и научные установки являлись, в сущности, побегами одного древа. Однако особенностью воззрений Косинны, особенно на позднем этапе его творчества, было признание сопряженности культуры даже не с этносом, а с расовым типом, «кровью». Заметим: это последнее вовсе не являлось результатом приложения к материалу конкретных методов археологического анализа, в развитие которых Косинна внес свой вклад. Нет, они были всецело «навязаны» материалу мировоззрением исследователя. Большинство его современников, работавших в рамках той же парадигмы, подобных представлений не разделяли.

Резюмировать приведенные данные можно следующим образом: в деформации науки и профанации ее выводов, под влиянием национального фактора, повинны отнюдь не научные методы и не концепции как таковые — даже если они односторонни и, действительно, уязвимы для критики. Повинны в них личности и социальные группировки, для которых вненаучные факторы становятся ключевыми. В моменты кризисов, когда именно эти факторы начинают доминировать в общественном сознании, социальное и политическое давление на науку резко возрастает. Поэтому проблема «избыточного национализма» в археологии любой страны — это, в первую очередь, проблема *вненаучных факторов*, обусловленных идеологией национальной уязвленности, национального неравенства или расовой иерархии, провоцирующих нарушение процедуры археологического исследования и разрушение научной этики.

Литература

Анучин 1888 — *Анучин Д. Н.* Кто вводит в науку большие недоразумения? Вопрос и ответ профессора Д. Н. Анучина профессору Д. Я. Самоквасову. М.: тип. «Рус. вед.», 1888. 28 с.

Данилевский 1991 — *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комм. С. А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с. (Историко-литературный архив).

Забелин 1876–1879 — *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. В 2 ч. М., 1876–1879. Ч. 1. М., 1876. 647 с. Ч. 2. М., 1879. 520 с.

Клейн 2005 — *Клейн Л. С.* Археология и идеология: немецкая археология при двух диктатурах. Рец. на сборник H. Härke 2000 // SP. 2003–2004 (2005). № 3. С. 384–389.

Клейн 2010 — *Клейн Л. С.* Рудольф Вирхов и взаимовлияние наук // Троицкий вариант. 2010. № 61. https//trv-science.ru/2010/08/31/rudolf-virxov-i-vzaimovliyanie-nauk.

Клейн 2011 — *Клейн Л. С.* История археологической мысли. В 2 т. Т 1. СПб.: Изд. дом. СПбГУ, 2011. 687 с.

Колчинский 2006 — *Колчинский Э. И.* Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2006. 637 с.

Максимов 1910 — *Максимов А. Н.* Современное положение этнографии и ее успехи // Этнографическое обозрение, 1909. Т. 4. М.: Тип. Имп. Московского ун-та, 1910. С. 9–24.

Могилянский 1909 — *Могилянский Н. М.* Этнография и ее задачи // Ежегодник Русского антропологического общества, 1908. Т. III. СПб.: Тип. А. Розена, 1909. С. 102–105.

Могилянский 1916 — *Могилянский Н. М.* Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. Вып. I. С. 1–22.

Мосионжник 2012 — *Мосионжник Л. А.* Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. 404 с.

Платонова 2004 — *Платонова Н. И.* Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 134–149.

Платонова 2009 — *Платонова Н. И.* Александр Андреевич Спицын о теории археологии // РА. 2009. № 3. С. 129–137.

Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Самоквасов 1886 — *Самоквасов Д. Я.* Клады римских монет в пределах земель русских и польских славян // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 г. Т. I. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. Протоколы. С. LXVTI.

Самоквасов 1887 — *Самоквасов Д. Я.* Генетическое, этнографическое сродство Скифов и Славян // Гр. П. С. Уварова (ред.). Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881 г. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. С. 196–202.

Самоквасов 1892 — *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава: Тип. М. Земкевич, 1892. 149 с., 10 ил.

Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д. Я.* Происхождение русского народа. М.: Синодальная тип., 1908. 15 с.

Спицын 1899 — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Т. 8. С. 301–340.

Токарев 1978 — *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.

Толстой, Кондаков 1889 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. 120 с.

Флоринский 1894 — *Флоринский В. М.* Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1894. 360 с.

Шнирельман 1993 — *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.

Шнирельман 2011 — *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. М.: НЛО, 2011. Т. 1. 552 с. Т. 2. 856 с.

Шнирельман 2015 — *Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире. М.: НЛО, 2015. Т. 1. 536 с. Т. 2. 440 с.

Daniel 1950 — *Daniel G. E.* A hundred years of archaeology. London: Gerald Duckworth, 1950. 350 p.

Fetten 2000 — *Fetten F.* Archaeology and anthropology in Germany before 1945 // Harke H. (ed.). Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. P. 140–179.

Frobenius 1898 — *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1898. 368 p.

Kossinna 1905 — *Kossinna G.* Die verzierten Eisenlanzenspitzenals Kennzeichen der Ostgermanen // Zeitschrift fur Ethnologie. 1905. Jg. XXXVII, H. II u. III: 369–407, H. IV: 596–599.

Kossinna 1911 — *Kossinna G.* Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg: Kabitzsch Verlag, 1911. 30 s. (Mannus-Bibliothek 6).

Kossinna 1912 — *Kossinna G.* Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft // Mannus. 1912. IV. S. 17–19.

Kossinna 1936 — *Kossinna G.* Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1936. XII, 238 s.

Montelius 1888 — Montelius O. Über Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden // Archiv für Anthropologie. *1888. Bd.* 17. S. 151–160.

Trigger 1989 — *Trigger B. G.* A history of archaeological thought. Cambridge: University Press, 1989. 500 p.

Virchow 1870 — *Virchow R.* Über Gesichtsurnen // Zeitschrift fur Ethnologie. *1870. S.* 73–86.

Virchow 1884 — *Virchow R.* Über ostdeutsche prähistorische Altertümer // Korrespondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft. 1884. 15 (9). S. 74–75.

А. И. Сакса
(Санкт-Петербург)

«Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.

Так называемый «Балтийский вопрос» — борьба Руси за выход к Балтийскому морю — стал актуален для России в 1478–1493 гг., после того как Москва окончательно подчинила себе Новгород (Тихомиров 1973: 23; Хорошкевич 1980: 131–169). Как следствие этого в зону внешнеполитических и торговых интересов зарождающегося Российского государства вошел прибалтийский регион. Крымский вопрос и отношения с Литвой уже не были единственной внешнеполитической проблемой усилившегося и расширившегося государства. Выход на Балтику и приобретение выгодных условий для российской торговли со странами Запада определили содержание новых внешнеполитических задач. В этой связи необходимо отметить, что восточные провинции Швеции, к которым относилась и шведская часть Карелии, задолго до этого уже были втянуты в борьбу с Новгородом за обладание всей Карелией и приневскими землями. Наряду со Швецией, препятствием в достижении этих целей были Ганза и Ливонский рыцарский орден.

После подчинения Новгорода Иван III вынужден был обратиться к решению связанных с Ганзейским союзом проблем. Незадолго до утраты своей независимости Новгород в 1473 г. подписал договор по «старине» с 73 северонемецкими городами и в том же году со Швецией; согласно этому договору, Швеция обязалась обеспечить новгородским купцам свободный проход в Выборг (Хорошкевич 1980: 132–133).

Первые направленные против Ганзы мероприятия были осуществлены Великим княжеством Московским уже в 1478 г., когда в Новгороде были задержаны ганзейские купцы (Хорошкевич 1980: 133; Рыбина 2001: 163). После этого русская сторона пыталась изменить условия ранее подписанных с Ганзой торговых договоров, сократить или даже исключить привилегии купцов. В то же время, отношения Ганзейского союза с Данией, и так напряженные, достигли состояния глубокого кризиса. Обычным явлением стало ограничение деятельности ганзейских купцов в Дании, которая предпочла заключить торговые соглашения с Англией и Нидерландами. Ганза находилась в тесных союзнических отношениях со Швецией, которая, в свою очередь, находилась в состоянии войны с Данией. У Швеции были собственные интересы на Балтике, которые она стремилась обеспечивать путём заключения соглашений с ганзейскими городами, Ливонским и Немецким орденами (Хорошкевич 1980: 133–138).

В борьбе Швеции с Данией Россия пыталась придерживаться политики невмешательства, стремясь сохранить взаимовыгодные торгово-экономические отношения

со Швецией, с которой, тем не менее, вела постоянные продолжительные споры о границе. Эту проблему решали путем заключения перемирий, последнее из которых продлили в 1476 г. во время поездки Ивана III в Новгород. Но уже вскоре после окончательного присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. русские отряды совершили разрушительный поход в Саволахти. После нескольких лет напряженности отношения между странами были опять урегулированы заключением договора «о чистом пути за море», что позволило восстановить взаимовыгодные торговые связи.

К этому времени ситуация на Балтике изменилась. Отношения Швеции с Ливонией и ганзейскими городами Ливонии улучшились, следствием чего было предложение шведского риксдага Ливонскому ордену заключить союз против России. В то же время шведы продолжали переговоры с русскими. Новым игроком в регионе стала Польша, с которой шведы провели переговоры в конце 1492 г. Результатом этих перемен было формирование в Балтийском регионе двух противостоящих друг другу «блоков». С одной стороны были Швеция, Ливония, Ганза и Польша, а с другой — Россия, Дания и Немецкий орден (Хорошкевич 1980: 134–138).

В 1487–1494 гг. Русь находилась в состоянии войны с Ливонией и в 1492 г. построила напротив Нарвы мощную крепость Ивангород (Тихомиров 1973: 23; Крепость Ивангород 1997: 19). Это означало, что монополии Ганзы по контролю над ведущими из России в Европу торговыми путями был нанесен ощутимый удар. В это же время в конце XV в. союзнические отношения между Россией и Данией укрепились ввиду общих противников — Швеции и Ганзы. В 1493 г. Россия и Дания заключили соглашение, по которому часть восточной Финляндии должна была отойти к России. Одним из следствий этого договора было закрытие немецкого двора в Новгороде в ноябре 1494 г. (Хорошкевич 1980: 139–144; Казакова 1984: 177–187; Рыбина 2001: 165; Бессуднова 2009: 59–65).

Тем временем напряжение на проходящем через Карельский перешеек участке российско-шведской границы нарастало и вызывало пограничные конфликты. В феврале 1495 г. по дороге в Новгород для участия в переговорах о мире шведские посланники убили двух русских купцов и были вынуждены вернуться в Выборг. Всё же в марте переговоры состоялись, но вопрос о границе и трех пограничных погостах — Эйреппя, Яскис и Саволакс — не был разрешен (Хорошкевич 1980: 145).

Война между Россией и Швецией. «Выборгский гром»

Война России со Швецией началась осенью 1495 г. 24 сентября крупное московское войско во главе с князем Даниилом Щеней прибывает к Выборгу и к середине октября полностью его окружает (Алексеев 2007: 334–344; Бессуднова 2009: 192). Обороной города руководил комендант Кнут Поссе. Скудные исторические источники не дают полной картины осады и штурма Выборга русскими войсками. Известно, что решающий штурм начался 30 ноября, в день св. Андрея с носящей его имя башни (рис. 1) (Magnus 1973: 64–67; Ruuth 1982: 111–116; Алексеев 2007: 342–343). Артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья.

Первые попытки русских проникнуть в город с восточной стороны городской каменной стены были отбиты шведами, но город постоянно обстреливался из пушек, имевшихся в большом количестве у нападавшей стороны. Количество

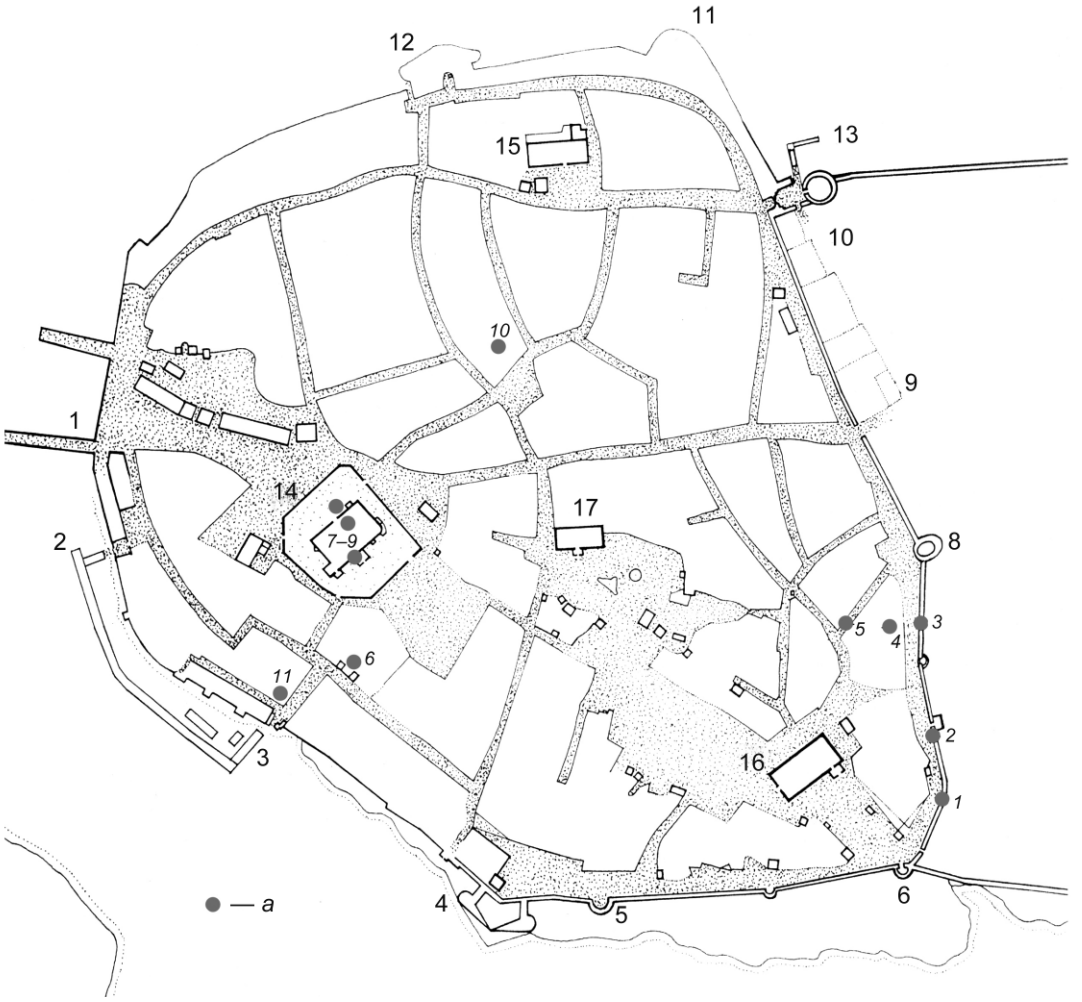

Рис. 1. План г. Выборга, фиксирующий городскую планировку конца 1630-х гг. до начала регулярной застройки с обозначением мест раскопок и средневековых построек. *Раскопы* (*a*): *1–2* — раскоп и шурфы у Ратушной башни, 1998–2000 г., *3* — раскоп на Городской стене, 2000 г., *4–5* — раскопы на перекрестке улиц Сторожевой Башни и Титова, 2000–2001 г., *6* — раскоп у дома 8 по улице Выборгской, 2004, 2006, 2011, 2012 гг., *7–9* — раскопки Кафедрального собора, 2011–2012 гг., *10* — раскопки на улице Краснофлотская, 2007 г., *11* — раскопки на улице Южный вал, 2003 г. *Средневековые постройки*: 1 — Веряяпортти (Ринкипортти, Торипортти); 2 — Катанпяянпортти; 3 — Хааконинпортти; 4 — Уусипортти; 5 — Пампаланторни; 6 — Мунккиторни (Мункипортти); 7 — Раатиторни; 8 — башня св. Андреаса; 9 — Кескипортти (Кунинкаанпортти); 10 — Карьяпортти; 11 — Лакамундинторни; 12 — Весипортти (Весипортинторни); 13 — Круглая башня; 14 — Кафедральный собор и колокольня; 15 — собор францисканцев; 16 — собор доминиканцев; 17 — Ратуша (по: Gardberg, Welin 1996: 17)

оборонявших город шведов оценивается примерно в 1500 человек (Gardberg 1996: 22). Русские войска обладали большим преимуществом. Согласно шведским данным, в осаде принимало участие 60 тыс. русских воинов и их потери достигали 16 тыс. человек (по другим данным 9 тыс.), что нельзя считать достоверными сведениями (Алексеев 2007: 343; Ruuth 1982: 116). В городе оставалось большое количество

жителей и беженцев, среди которых назревала паника. Заканчивались запасы продовольствия, и вспыхнула чума.

То, что шведам удалось отбить штурм, впоследствии было расценено как чудо и породило легенды, сохранившиеся до наших дней. Согласно одной из них, в решающий день штурма, выпавший на день св. Андрея (30.11), когда русские уже были на стене и готовились проникнуть в город, на темном небе появился предупреждающий знак —сверкающий Андреевский крест. Это вызвало панику среди нападавших, которые немедленно отступили и отказались от новых попыток овладеть городом. Это знамение шведы расценили как помощь высшей силы защитникам Выборга, оказавшимся в безнадежном положении. Согласно более поздней и популярной легенде, панику среди русских вызвал произведенный комендантом Кнутом Поссе мощный взрыв башни св. Андрея, позднее вошедший в историю под названием «Выборгский гром». Рассказывают, что он изготовил в «адском котле» смесь из жаб, змей, ртути, щелока и извести, при помощи которой взорвал башню, уничтожив тысячу людей. Это событие уже в Средние века вызывало различные толкования (Korpela 2004: 305–306). Нас, в данном случае, интересуют возможные следы, оставшиеся в культурном слое непосредственно у городской стены и башни, которые могли быть зафиксированы при раскопках, проведенных нами на этом месте в 2000–2001 гг.

В вышедшей в 1555 г. «Истории Северных стран» Олафа Магнуса в главе о походе московских войск на Выборг об этом эпизоде говорится следующее: «Теперь следует рассмотреть подземную пещеру рядом с прибрежным городом под названием Выборг, который находится рядом с московскими территориями. У пещеры есть такая тайная сила, что если туда бросить живое животное, то оттуда раздается такой мощный грохот, который так закладывает уши всех находящихся рядом, что они не могут ничего слышать, говорить и даже стоять. Такой своей особенностью пещера в момент уничтожает много большее количество людей, чем самая эффективная пушка или, во всяком случае, парализует их. При нападении врага фогт этой области повелел всем заткнуть уши воском и укрыться в подвалах и гротах, если хотят остаться в живых. Затем он с предостережением бросает в устье пещеры с помощью копья или веревки животное. От этого произошел настолько страшный гром, что находившиеся рядом осаждавшие упали на землю как убойный скот… Когда они снова пришли в сознание, то уже не были готовы к сражению, а лишь спасаться бегством…» (Magnus 1973: 64–67). Магнус объясняет это известным с античных времен «одним из чудес земли». В вышедшей в 1539 г. карте Севера Олафа Магнуса на месте Выборга изображен большой взрыв — как принято считать, в Круглой башне (рис. 2). Но, как правило, при этом забывают, что сам Олаф Магнус рассказывает именно об эффекте пещеры и о самой пещере следующее: «Каким бы не было действие пещеры, очевидно, что за ней всегда какой-нибудь понимающий должен следить и охранять и, к тому же, как видно из изображения, она окружена несколькими стенами» (Magnus 1973: 67). Следовательно, башня св. Андрея в связи с этой легендой появилась позднее (Korpela 2004, 305). Ведь известно, что при штурме русских были разрушены две башни и повреждена третья. Одна из башен была захвачена русскими во главе с каким-то «герцогом». Полагают, что речь идет об Иване Андреевиче Субботе Плещееве, гибель которого отмечена в русских источниках (Алексеев 2007: 342–343). Эта башня, расположенная в восточной части

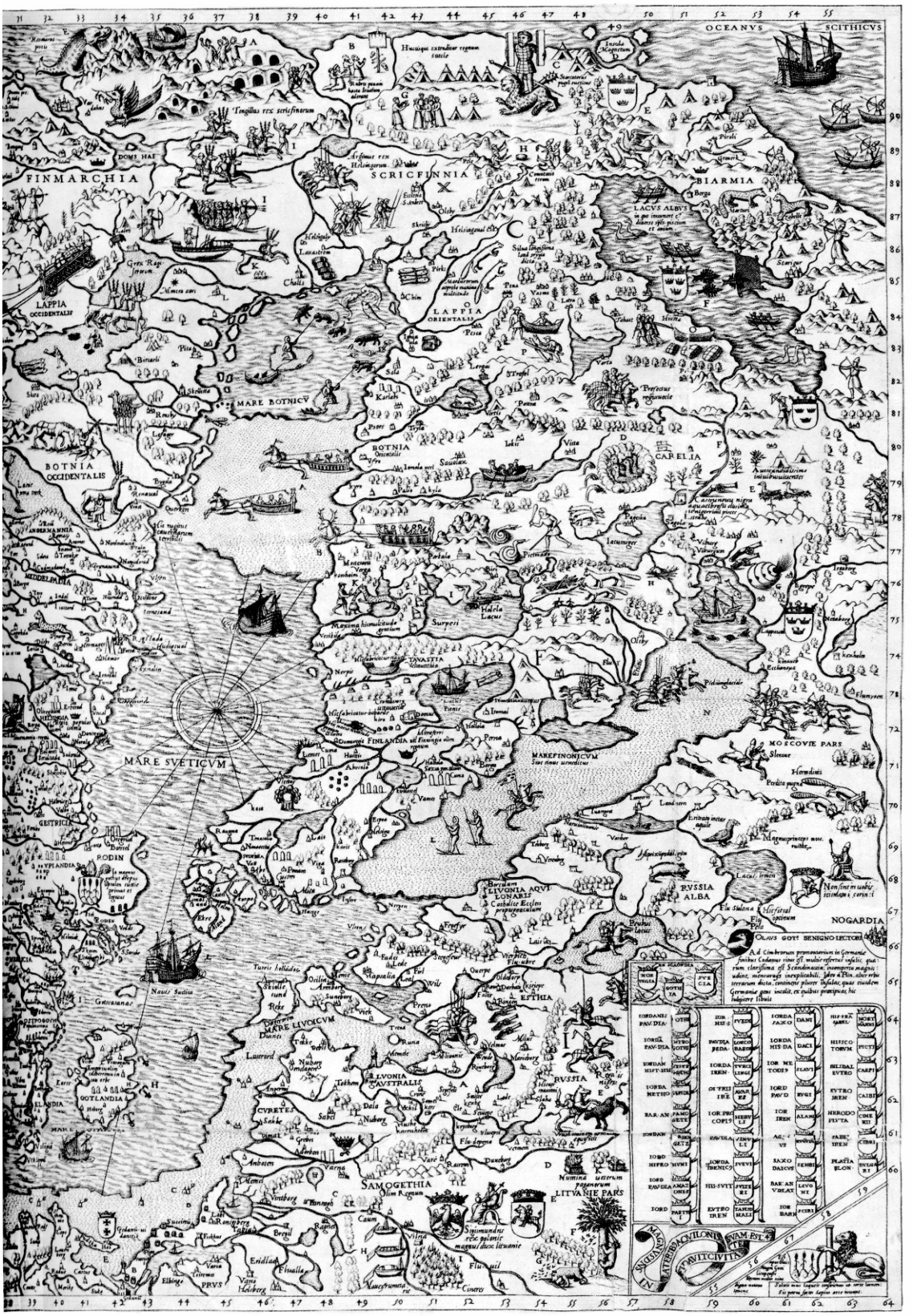

Рис. 2. Фрагмент карты Олафа Магнуса 1539 г.

городских укреплений на направлении «главного удара» штурмовавших городскую стену московитов, по всей видимости, и упоминается Магнусом. В ней могли храниться запасы пороха, которые взорвались или были взорваны в момент решающего штурма, разрушив башню и оставив под ее обломками значительную часть наступавших русских воинов.

«Выборгский гром» и Выборг того времени

Начиная с 1999 г. Выборгская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством автора проводила исследования в различных районах Выборга. Первые раскопки были проведены в месте пересечения улиц Титова и Сторожевой башни в восточной части города в непосредственной близости от несохранившейся башни св. Андрея и городской стены (рис. 3). Работы проводились в 2000 и 2001 гг. (Saksa 2016: 251–255; Сакса 2017: 66–80). Общая площадь четырех раскопов составила около 200 м². Мощность культурного слоя достигала 3,7 м. В процессе работ выяснилось, что эта часть города была освоена вскоре после постройки в 1470-е гг. городской стены (Сакса 2010: 238–252; 2017: 66–80).

Раскопы 4/2001 г. и 6/2001 г. расположены в непосредственной близости от остатков башни св. Андрея, скрытой под жилым домом. В них открыты хорошо сохранившиеся горизонты древней застройки, от ее начального этапа вплоть до новейшего времени (рис. 1, *3*). В раскопе 4 (24 м²) была зафиксирована вся стратиграфия строительной деятельности в этой части города от построенной в 1478–1480 гг. на скальной поверхности «бани» до уличной мостовой 1930-х гг. (горизонты 1–8).

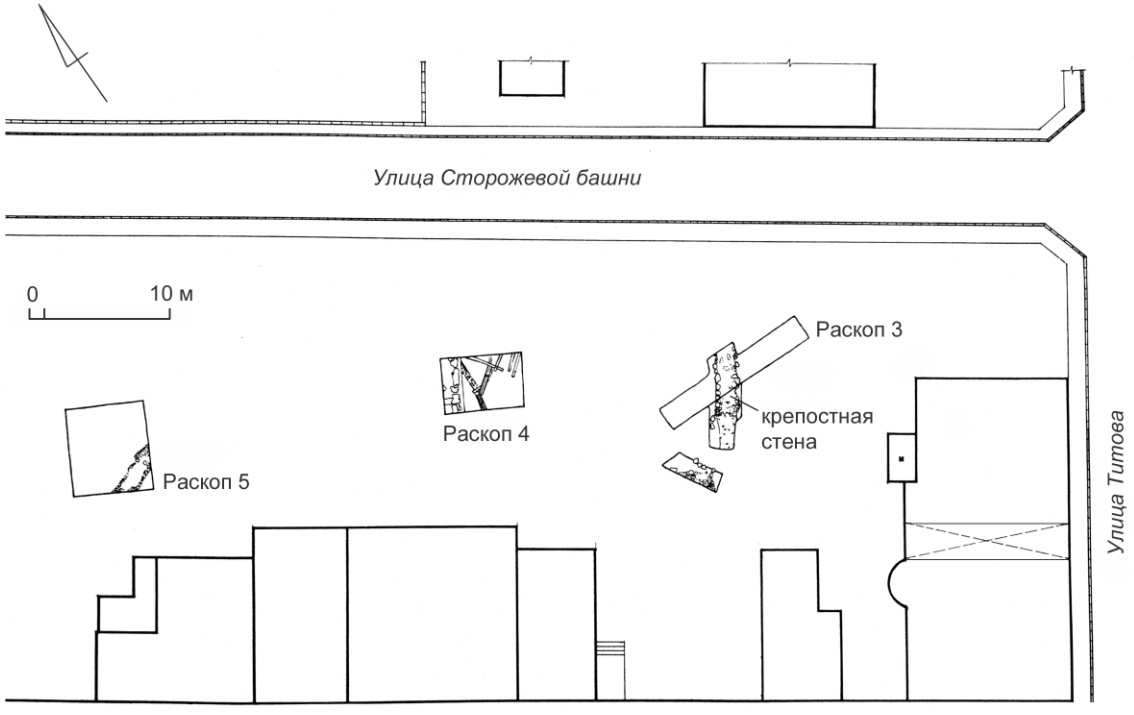

Рис. 3. Схема расположения раскопов 2000 г.

Несмотря на то что выявленные в раскопе остатки построек не повреждены позднейшей строительной деятельностью, никаких следов катастрофических разрушений 1495 г. выявлено не было. Не зафиксированы следы пожара или иные свидетельства военных действий и в нижних горизонтах 7 и 8 (рис. 4, 5).

Раскоп 6/2001 г. (92 м²) был расположен между раскопами 4 и 5 в 1,5 м от первого к северу и 7,5 м. от последнего к востоку. Мощность слоя здесь составляла 2,75–3,25 м. В раскопе было исследовано 5 строительных горизонтов. Верхний из них (зачистка дна строительного котлована) относится, судя по находкам российских монет времен Анны Иоанновны (денга 1731 г.) и Елизаветы Петровны (денга 1744 г.), уже к российскому периоду истории города (после 1710 г.). Следующие горизонты 1 и 2 по находкам шведских монет датируются от 1630-х гг. до второй половины XVII в. Они, в сущности, представляют один этап застройки исследованного участка. При этом планировка участка не меняется, сохраняя деление на две половины — бревенчатые подкладочные платформы в северной его части за уличной мостовой и нижние части бревенчатых построек (одна с каменным фундаментом) — в южной (рис. 6, 7).

Под этим горизонтом до поверхности скалы исследовано еще три горизонта (3–5) деревянной застройки (рис. 8, 9, 10). В расположенном под улицей горизонте 3 открыта нижняя часть углубленной в землю через горизонты 1 и 2 постройки — пол из толстых заостренных на одном конце досок забора (?) и выходящий наружу водоотводный желоб. Он перебит обмотанной листами бересты бочкой, вкопанной, вероятно, из выше расположенного горизонта 1. По бересте получена дата 180±40, SU-3603 [cal AD 1661 (1672, 1774, 1798) 1947], которая относит бочку ко второй половине XVII — XVIII в., что подтверждает представленную по монетным находкам датировку верхнего горизонта (Saarnisto, Saksa 2004: 259–261). В северной части этого горизонта, как и в распложенном выше горизонте, фиксируются ориентированные в направлении запад-восток и север-юг деревянные конструкции. Культурный слой представлен темно-коричневой землей мощностью до 30 см, в которой много древесной щепы и навоза. В этом слое также найдены кости домашних животных, большое количество грузил и поплавков от сетей, что типично для ранних горизонтов раскопов в центральной части Выборга. Керамика представлена местной белоглиняной посудой, аналогии которой хорошо известны на городищах древней Карелии и в городах Северо-Запада России в слоях конца XV–XVI вв. и западноевропейской, характерной для всех городских центров Германии, Скандинавии и Прибалтики XVI–XVII вв.

Ниже располагался горизонт 4, в северной части которого расчищены деревянные конструкции из бывших ранее в употреблении бревен, ориентированных, как и в выше расположенных горизонтах, по линии запад-восток и север-юг. Они находятся в конструктивной связи с деревянными сооружениями горизонта, расположенного выше. Хронологическую близость этих двух уровней деревянных сооружений подтверждает также полученная датировка бересты бревен западного угла горизонта 4 (330±40 BP, Su-3602 [cal AD 1483 (1519, 1574, 1626) 1640]). Культурный слой, таким образом, датируется XVI — началом XVII в. (Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003: 18).

В самом нижнем горизонте, содержавшем древесную щепу, кости животных, навоз, грузила и поплавки от сетей, практически полностью отсутствовали какие-либо

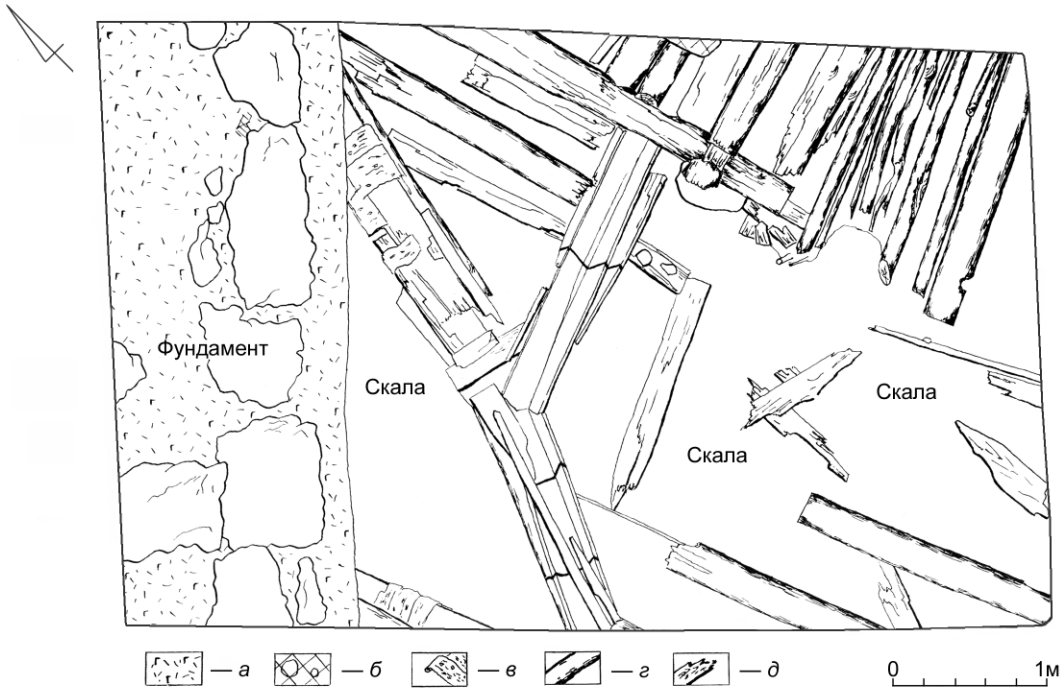

Рис. 4. Горизонт 8 раскопа 4/2000 г. План.
Условные обозначения (к рис. 4 и 5): *а* — гумус со строительным мусором; *б* — прокаленный песок, камни; *в* — береста; *г* — бревна; *д* — доски

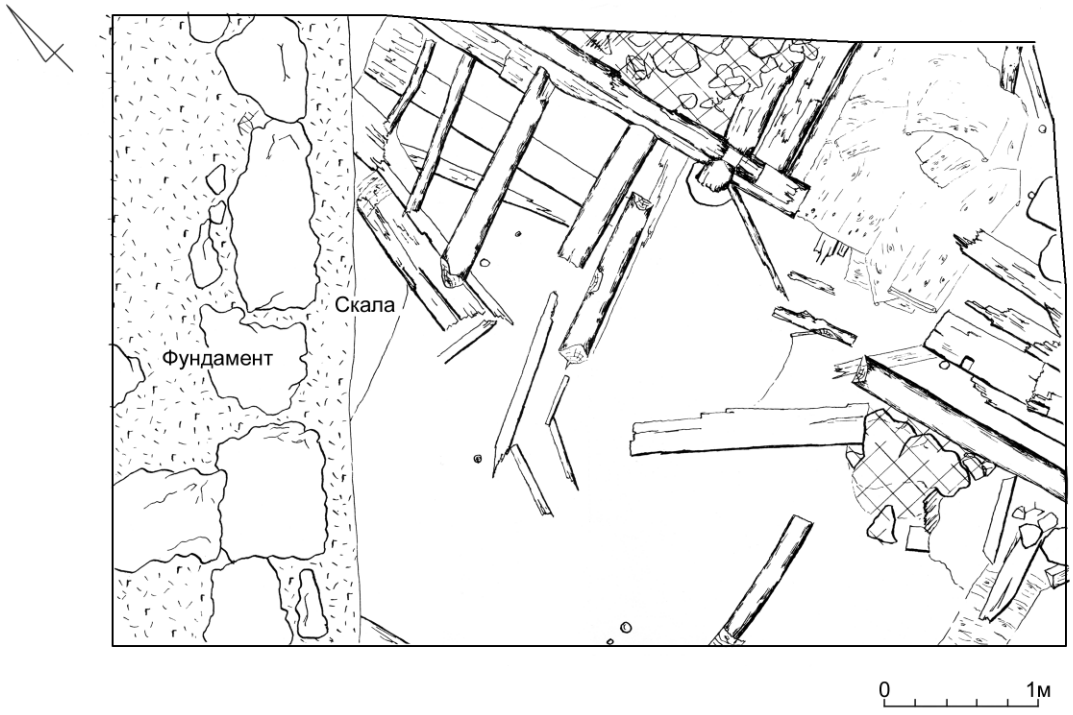

Рис. 5. Горизонт 7 раскопа 2000 г. План

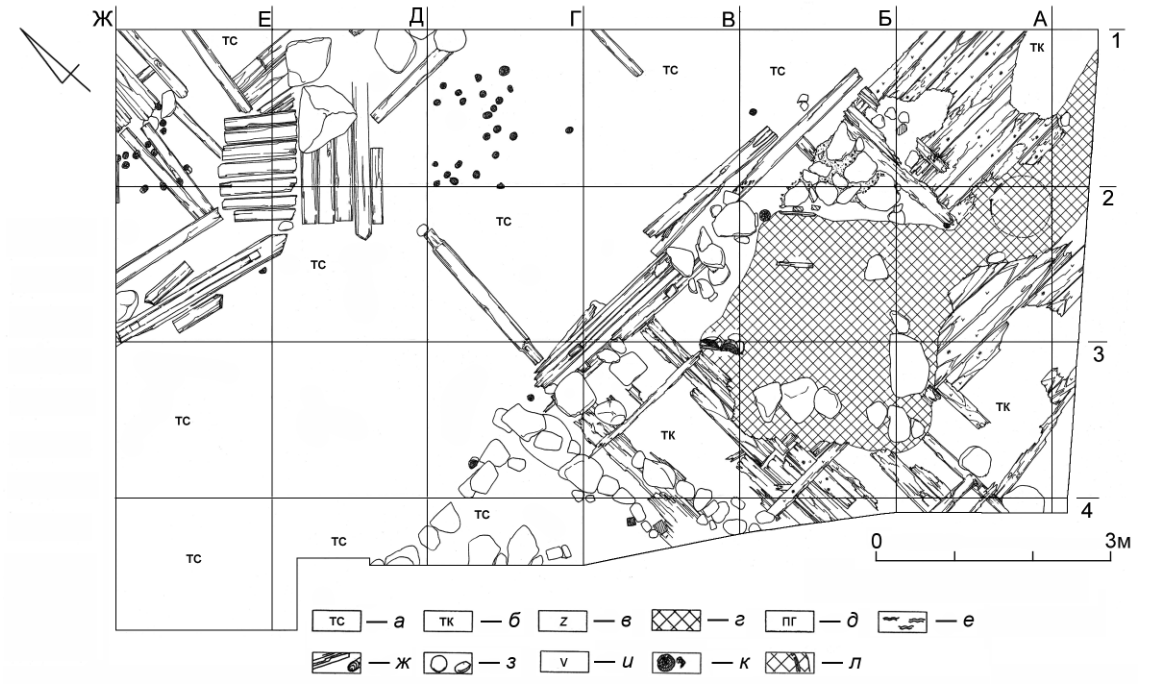

Рис. 6. Горизонт 1 раскопа 2001 г. План. Условные обозначения (к рис. 6, 7, 8, 9, 10): *а* — темно–серый гумус; *б* — темно–коричневый гумус; *в* — щепа; *г* — заполнение ям (перекоп); *д* — песок гравелистый; *е* — сосновая кора; *ж* — бревна, доски; *з* — камни; *и* — уголь; *к* — колья, *л* — доски бочки

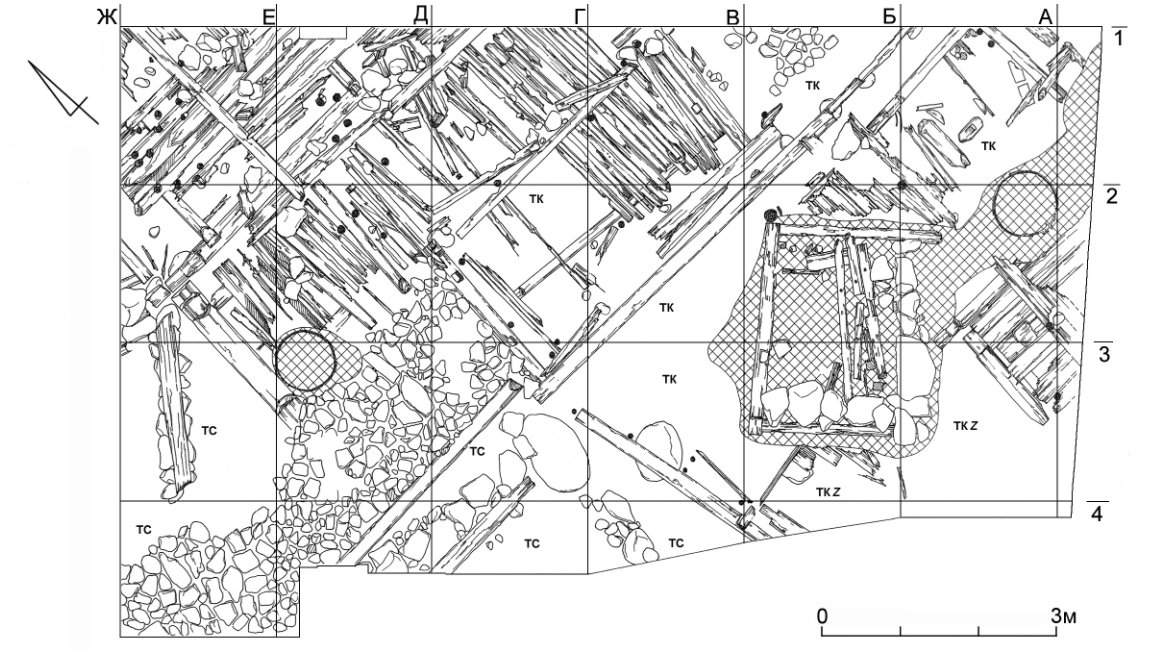

Рис. 7. Горизонт 2 раскопа 2001 г. План

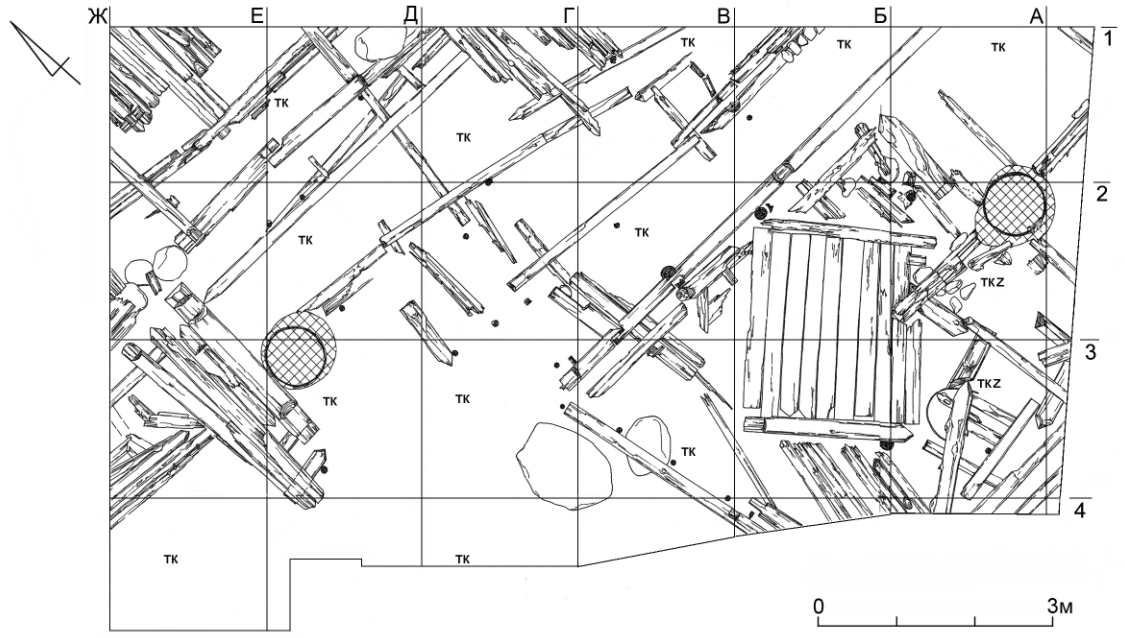

Рис. 8. Горизонт 3 раскопа 2001 г. План

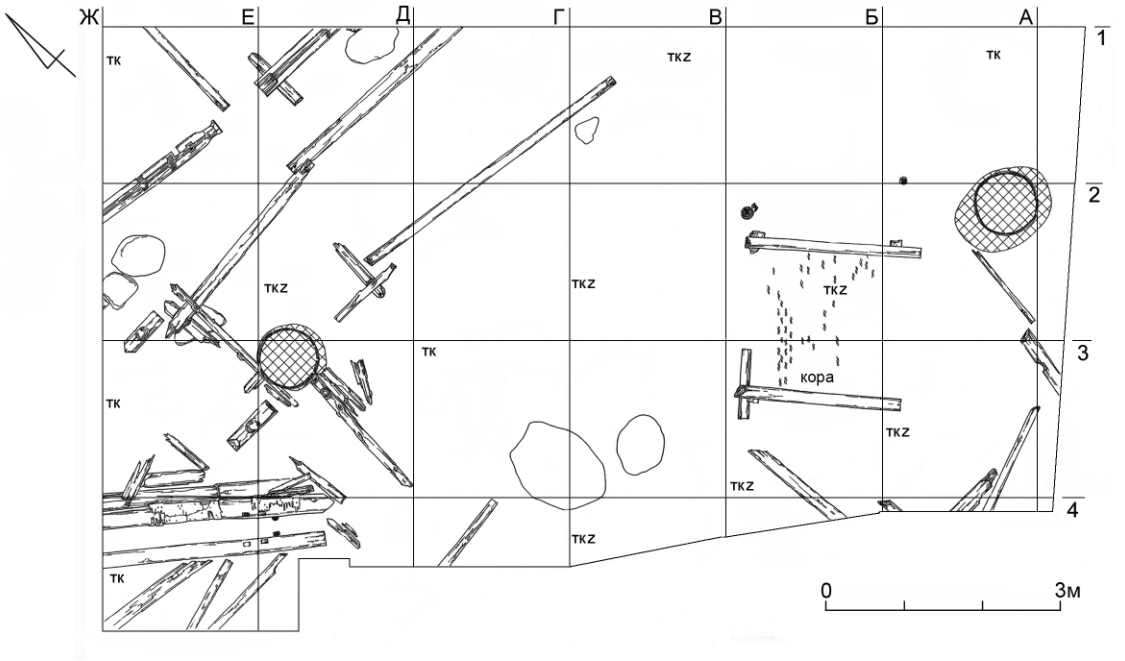

Рис. 9. Горизонт 4 раскопа 2001 г. План

деревянные конструкции (рис. 10). Только в северо-западном углу у поверхности скалы расчищено сооружение из двух параллельных бревен, установленных в направлении северо-запад — юго-восток и закрепленных в земле кольями. Два его верхних бревна, по которым получена дата Su-3602, открыли в предыдущем горизонте. Сам культурный слой этого горизонта стратиграфически и по находкам относится к XV в.

В процессе раскопок собрана значительная коллекция находок. К монетным находкам относятся артиг Андреаса Пепера (Тарту, 1468–1473 гг.) из нижнего горизонта, три монеты времени правления Юхана III (две монеты номиналом в 2 эре 1573 г. и 1/2 эре 1581 г.) из горизонта 3, пять монет Кристины (1/4 эре 1634, 1634–1640, 1637, 1638 и 1640 гг.) из верхней части горизонта 3 и горизонта 2 и две монеты Карла XI (1/6 эре 1666? и 1667 гг.) из верхней части горизонта 2, а также две российские монеты Анны Иоанновны (денга 1731 г.) и Елизаветы Петровны (денга 1744 г.) из верхнего горизонта раскопа 6/2001 г. Общая датировка всех исследованных средневековых горизонтов последней четвертью XV — второй половиной XVII в. подтверждается и находками керамики, к которой относится белоглиняная, вошедшая в употребление в конце XV — начале XVI в., немецкая каменная керамика XVI в., западноевропейские грапены XVI–XVII вв. и расписные тарелки XVII–XVIII вв.

Культурный слой в нижних горизонтах представлял собой отложения темно-коричневой земли мощностью 50–80 см, содержавшие в большом количестве древесную щепу, кости животных, навоз, обернутые берестой грузила от сетей и поплавки из сосновой коры, а также прибалтийские и шведские монеты последней четверти XV — XVI в. Керамика в основном привозная, европейская, изделия из металла, дерева, бересты, кожи и их фрагменты появляются в слое лишь на уровне 3 и 2 горизонтов, то есть на рубеже XVI и XVII вв. Во всех горизонтах с остатками деревянных построек присутствуют следы интенсивной строительной деятельности и вторичного использования бревен.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что на момент штурма русскими войсками городской стены Выборга в месте расположения башни св. Андрея на участке раскопа 6/2011 г. уже существовала деревянная застройка. Но и в этом случае никаких следов военных действий в виде пожара или разрушения имеющихся построек не выявлено. Следы пожара в виде обгоревших досок пола фиксируются лишь в юго-восточной части горизонтов 1 и 2, но они относятся к более позднему времени (рис. 6, 7).

В раскопе 3/2000 г. (около 30 м^2) зафиксирован участок городской стены, которая на этом участке делает небольшой поворот в сторону внутренней части города, что позволяет, продлив мысленно линию стены, с бóльшей точностью локализовать место башни св. Андрея (рис. 11). К сожалению, этот участок оказался сильно потревожен позднейшей строительной деятельностью, уничтожившей все более ранние культурные напластования.

На основании полученных при раскопках данных трудно делать выводы о характере ранней застройки на исследованном участке. Можно полагать, что она не была плотной по причине неровности первоначальной скальной поверхности, затруднявшей строительную деятельность на раннем этапе освоения восточной части города. Как выяснилось в процессе раскопок 2000–2001 гг., застройка здесь началась после завершения строительства каменной городской стены в середине 1470-х гг. Так, к примеру, на месте раскопа 6/2001 г. перепады в уровне поверхности скалы на участке размерами 13 на 7 м достигают 0,5–1,1 м. Еще большие высотные перепады фиксируются с учетом всех раскопов 2000 и 2001 гг. Тут следует отметить, что речь идет о незначительной по площади территории. Раскоп 6/2001 г. был разбит между раскопами 4 и 5 предыдущего года в 1,5 м от первого к северу и 7,5 м от последнего к востоку. Иными словами, речь идет о поверхности скалы длиной более 20 м.

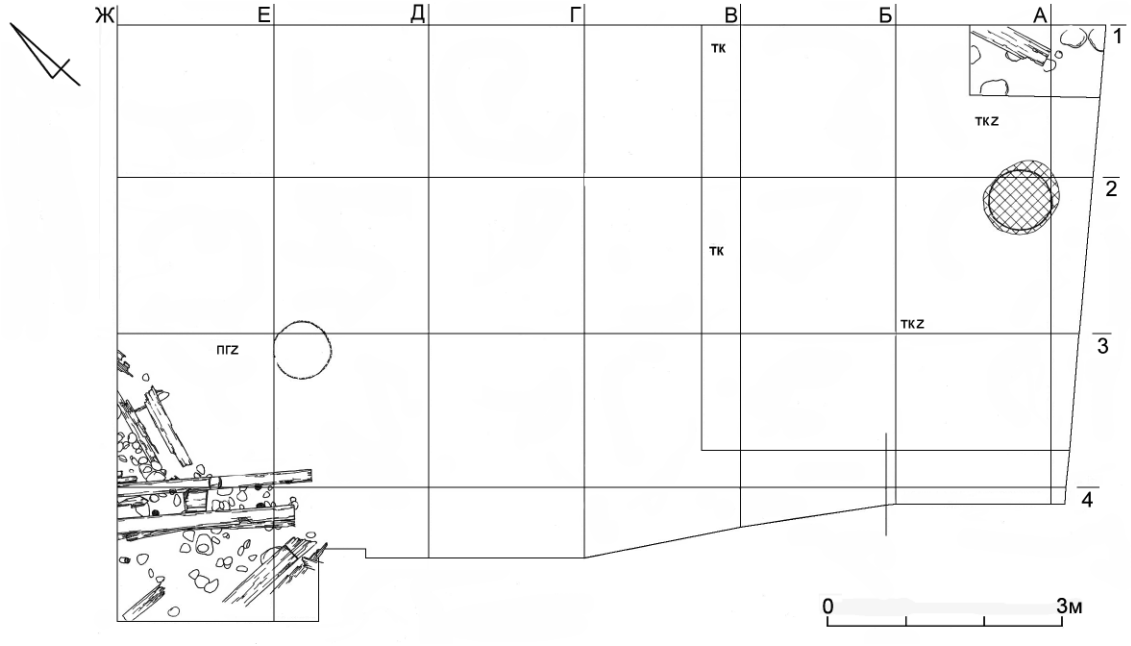

Рис. 10. Горизонт 5 раскопа 2001 г. План

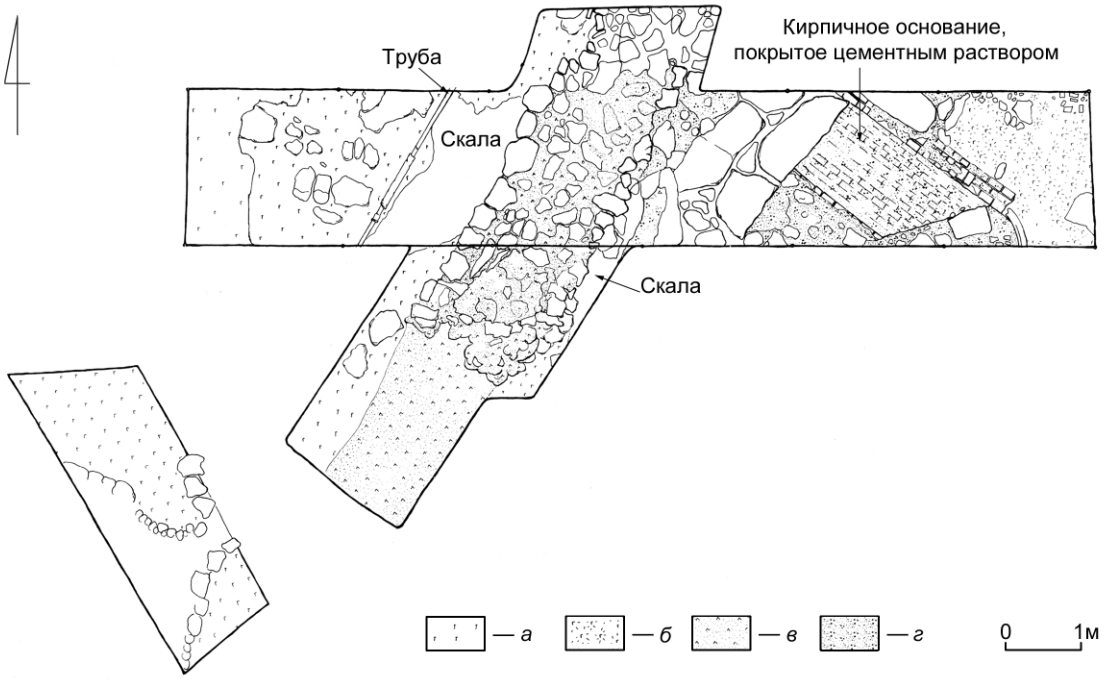

Рис. 11. Раскоп 3/2000 г. План. Условные обозначения: *а* — гумус; *б* — гумус со строительным мусором; *в* — известковый раствор; *г* — цементный раствор

В раскопе 4/2000 г. поверхность скалы фиксировалась на отметке 13,35 м по Балтийской системе координат, в раскопе 6/2001 г. — на отметке 12,04 м (северный угол), 13,12 м (южный угол), а в раскопе 5/2000 г. на отметке 15,00 м. Перепад высоты на этом небольшом участке составлял 1,65–3 м. Раскоп 6/2001 г. находился в своего рода скальной низине между двумя раскопами 2000 г.

Всё это указывает на то, что первоначальная (скальная) поверхность на этом участке была неровной. До того как эта территория стала местом плотного заселения, первые жители вынуждены были проводить масштабные работы по нивелировке поверхности. С помощью культурного слоя и бревен из более ранних разрушившихся или разобранных построек создавались подкладочные платформы.

Таким образом, ко времени штурма 1495 г. плотная сплошная застройка на участке еще не сложилась. На это указывает и то, что подкладочные бревна нижнего горизонта 4 раскопа 6/2001 г. имеют разного рода врубки, что указывает на их вторичное использование. По этой причине больших разрушений не могло произойти. С другой стороны, обстрел города из пушек мог быть направлен как на стену и башню, так и на центральную часть города, а внутренняя, расположенная непосредственно за стеной, территория оказалась вне зоны воздействия артиллерийского огня.

В любом случае, в археологическом материале горизонтов второй половины XV в. прилегающих к башне св. Андрея раскопов никаких следов осады и штурма Выборга 1495 г. не выявлено. В источниках отмечается, что артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья, а в стене образовались проломы (Алексеев 2007: 341–343). Одна из башен была захвачена русскими, которые, спустившись со стены, проникли в город. Но шведам удалось поджечь башню и отбить штурм. Русские потеряли тысячу человек (Алексеев 2007: 342). По этому описанию штурма городской стены Выборга представляется необычным, что следов непременного в таких случаях пожара и даже углей в культурном слое не зафиксировано. Это может указывать на то, что масштабы военных действий в шведских источниках сильно преувеличены, на что указывают и историки (Алексеев 2007: 343). По всей видимости, в башне св. Андреаса взорвались запасы пороха или был взорван пороховой заряд. Можно полагать, что русское войско, обладая значительным преимуществом в живой силе и артиллерии, рассчитывало штурмом овладеть городом после продолжительной осады, сосредоточив все силы на одном восточном участке городской стены. К сожалению, о ходе боевых действий у Выборга в наших источниках почти ничего не говорится (Алексеев 2007: 333, 341).

Как многочисленные вещевые находки и городская застройка, так и недавно отстроенная городская каменная стена высотой около двух метров и десятью башнями, умелые действия гарнизона говорят о достаточно развитой экономике и, в целом, готовности города к осаде. Одной из причин неудачи похода на Выборг исследователи считают неумение брать мощные каменные крепости и недостаточно отработанную тактику штурма (Алексеев 2007: 343).

В памяти потомков этот эпизод русско-шведской войны 1495–1497 гг. остался своего рода чудесным спасением города от неприятеля, что породило легенды, сохранившиеся до наших дней.

Литература

Алексеев 2007 — *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб.: СПбГУ, 2007. 462 с.

Бессуднова 2009 — *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV — начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2009. 243 с.

Казакова 1984 — *Казакова Н. А.* Еще раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2/12. Л.: Наука, 1984. С. 177–187.

Крепость Ивангород 1997 — Мильчик М. И. (сост., науч. ред.). Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 273 с.

Рыбина 2001 — *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 389 с.

Сакса 2010 — *Сакса А. И.* Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных территорий. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 238–252.

Сакса 2015 — *Сакса А. И.* Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.

Сакса 2017 — *Сакса А. И.* Средневековый Выборг. Восточная часть города по археологическим данным. По материалам раскопок 2000–2001 гг. // Анкундинов И. Ю., Гайдуков П. Г. (сост.). ННЗИА. Вып. 31. Материалы XXXI НК, посвящ. 85-летию археологического изучения Новгорода, Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. Великий Новгород: НГОМЗ, 2017. С. 66–80.

Тихомиров 1973 — *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII вв. М.: Наука, 1973. 422 с.

Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.

Gardberg, Welin 1996 — *Gardberg C. J., Welin P. O.* Viipiri — kivestä rakennettu kaupunki. Helsinki: Otava, 1996. 143 s.

Korpela 2004 — *Korpela J.* Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Jyväskylä: Gummerus, 2004. 363 s.

Magnus 1973 — Olaus Magnus Gothus. Pohjoisten kansojen historia. Suomea koskevat kuvaukset. Helsinki: Otava, 1973. 126 s.

Ruuth 1974 — *Ruuth J. W.* Viipurin kaupungin historia, II osa. Vuodet 1617–1710. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistanut Aimo Halila. Lappeenranta: Torkelin Säätiö, 1974. 505 s.

Ruuth 1982 —*Ruuth J. W.* Viipurin kaupungin historia, I osa. Vuoteen 1617. Kirjoittanut J. W. Ruuth ja uudistaneet R. Rosén, E. Kuujo, G. Kerkkonen, A.-V. Koskivirta, V. Nissilä, V. A. Tjulenev. Lappeenranta: Torkelin Säätiö, 1982. 364 s.

Saarnisto, Saksa 2004 — *Saarnisto M., Saksa A.* Radiohiiliajoituksia Viipurin arkeologisilta kaivauksilta Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Jyväskylä: Gummerus, 2004. S. 259–261.

Saksa 2016 — *Saksa A. I.* The early stages of the history of Vyborg: The results of Archaeological Research 1998–2012 // Uino P., Nordqist K. (eds.). New Sites, new Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium. Helsinki, 19–21 November, 2014. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys Rekisteriöity yhdistys; Finska Fornminnesföreningen Registrerad förering; The Finish Antiquarian Society, 2016. P. 246–261 (Iskos. 21).

Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003 — *Saksa A., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P.* 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // Suomen keskiajan arheologian seura (SKAS). 3/2003. Turku: Turun yliopisto, 2004. S. 15–20.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин
(Псков)

В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.

В 2016 г. на территории Псковского кремля были проведены археологические раскопки. Работы производились государственным бюджетным учреждением культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» в рамках разработки проектной документации для проведения реставрационных работ на объекте культурного наследия «Ансамбль Псковского кремля». Конкурс на разработку проекта реставрации был выигран ООО «КАРАТ», зарегистрированным в г. Курган Омской области. К сожалению, при формулировании генподрядчиком технического задания на археологические раскопки, не были озвучены ни определенные планы, ни понимание ситуации на объекте. Место закладки шурфов и раскопов изначально было обусловлено техническим заданием, однако был поставлен вопрос о внесении в планы необходимых изменений. В конечном итоге археологические работы 2016 г. были проведены с полным соблюдением современных методических требований на 11 участках общей площадью 260 м² (рис. 1).

Определенные ожидания проектировщика были связаны с возможностями раскрытия Смердьих ворот и прилегающего к ним захаба — для создания второго прохода из Довмонтова города в Кром — как дополнительного туристического объекта.

Понимание слов «охабень» и «захабень» («захапий») псковских летописей довольно неоднозначно: «В лѣто 6960. Поставлена бысть стѣна новая на Крому въ охабни, и оучиниша в неи погрѣби от Пскове межи ворот» (П2Л: 48); «В лѣто 6966… псковичи повелѣнием своим, надѣлаша на Староую стѣноу, оузвыше старыхъ стен, на Кромоу, своего ради добра, от захабня до Коутняго костра» (П3Л: 144).

Информация о локализации захаба «у Смердьих ворот» во многом также базировалась на плане 1857 г. из «Атласа» И. Ф. Годовикова (Годовиков 1880–1882; 1866). На этом плане в юго-западной части Крома напротив Смердьих ворот присутствует сооружение, аналогичное захабу в юго-восточном углу Крома (Лабутина 2011: 78–79). В. В. Косточкин считал захабами оба эти устройства (Косточкин 1962: 261–262).

Однако И. К. Лабутина, рассматривая варианты расположения двух захабов псковского Крома, убедительно показала, что письменные источники не позволяют определенно указать на конкретное местоположение захаба («захабня», «охабня») у западной стены Псковского кремля — более вероятно даже, что все случаи упоминания этого объекта XV в. касаются только восточной «стены над Псковой» (Лабутина 2011: 78–81).

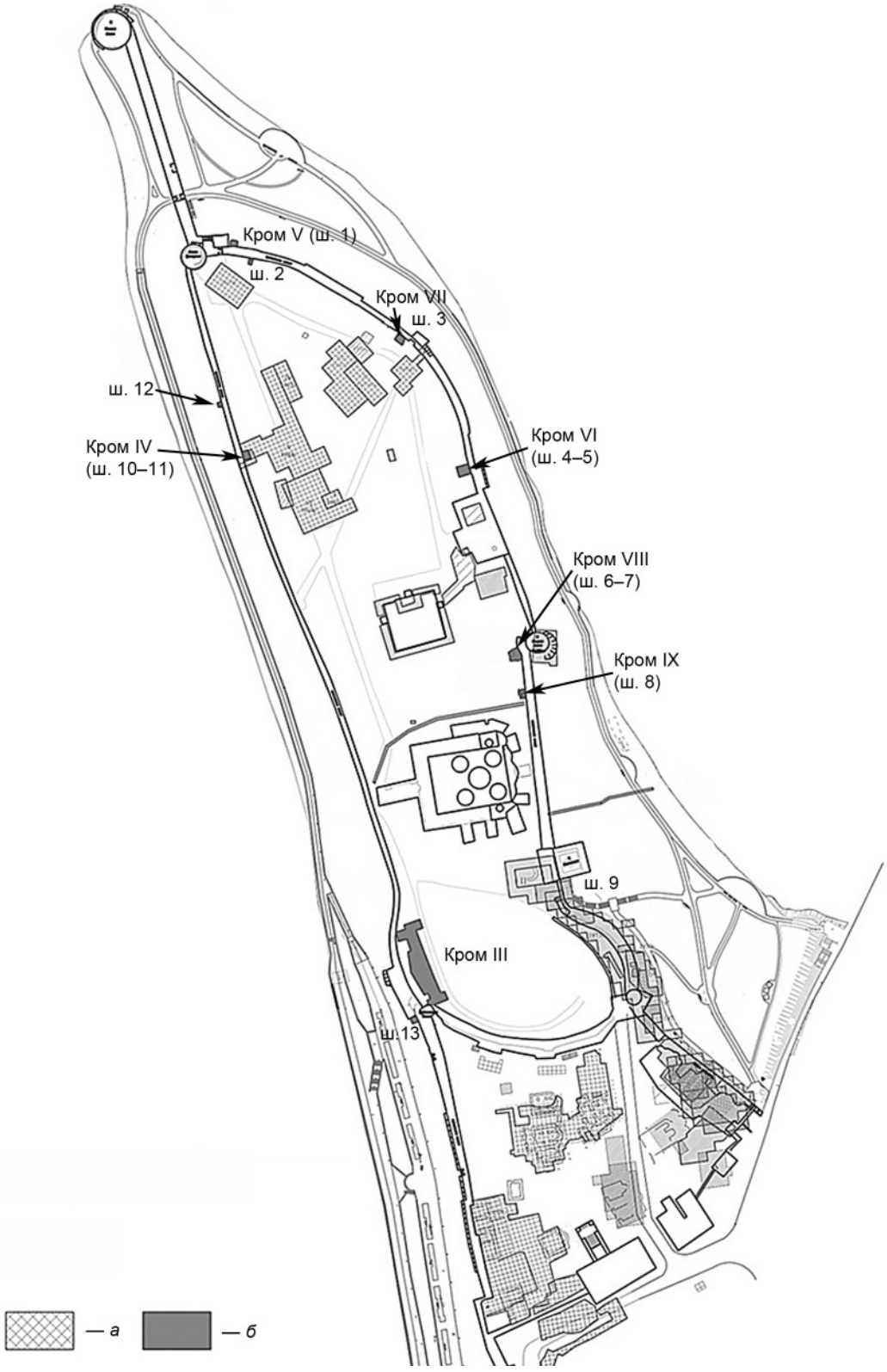

Рис.1. Схема расположения археологических раскопов на территории псковского Крома (1930–2016 гг.). Сост. Харлашов Б. Н., Подгорная Р. Г.
а — археологические раскопы прошлых лет, *б* — работы 2016 г.

И. К. Лабутина в своих выводах опирается на трактовку этого термина согласно словарю Срезневского — «часть города или крепости, окруженная отдельной стеной, предместье» (Срезневский 1958: 835, 836) , т. е. отдельное оборонительное звено крепости. М. Х. Алешковский предлагает расширить это определение, включая в «охабень» псковского Крома также и неукрепленную стенами часть города к югу от Детинца (Алешковский 1969: 20–21; 1972: 336; 1981: 154–155).

Обоснованием версии о наличии захаба у Смердьих ворот послужили раскопки 1957–1959 гг. В 1952 г. Советом министров РСФСР были приняты два постановления о восстановлении Псковского кремля, благодаря которым на памятнике начались планомерные работы. При реставрационных работах в 50-е гг. XX в. на территории Псковского кремля была проведена серия «откопок» фортификационных сооружений. К сожалению, бóльшая часть земляных работ была выполнена без участия археологов — несмотря на то что археологические исследования должны предварять реставрацию каждого объекта (Белецкий, Скрынникова 2000: 3, 17–27). В процессе реставрации стен и башен архитекторами закладывались шурфы, но полноценная археологическая фиксация этих работ не проводилась. Так, в 25 шурфах, выполненных к 1958 г., фиксировались исключительно только выявленные архитектурные объекты (см., напр.: Хамцов 1953; 1954; 1957; Шеляпина 1964). С учетом того что большая часть культурного слоя, непосредственно примыкающего к фортификационным объектам, была уничтожена землеройной техникой, возможность стратиграфического соотнесения фортификаций с культурным слоем поселения в настоящее время минимальна (сейчас это возможно только на немногих потенциально сохранившихся участках — при том что предварительное выявление таких участков затруднительно[1]).

Архитектурный объект, определенный в 1957–1959 гг. как «Смердий захаб» (Алешковский 1972: 328, 336–337), был выявлен в пределах реставрационной траншеи, выполненной под руководством Алексея Ивановича Хамцова (рис. 2[2]). При этом собственно археологических раскопок здесь проведено не было. Раскоп *Кром III* 2016 г., располагавшийся под Смердьей башней, был вытянут вдоль прясла крепостной стены и с западной стороны примыкал к незасыпанному котловану этой траншеи. Предполагалось, что в результате раскопок 2016 г. параметры архитектурных объектов будут существенно прояснены. Раскоп также частично включал в свою площадь осыпь, сформировавшуюся в последние десятилетия за пределами котлована 1957–1959 гг. (рис. 3).

Первоначально раскоп *Кром III* 2016 г. был разбит в расчете на площадь 250 м², однако после пересмотра условий задания (уже после непосредственного начала археологических работ) площадь должна была быть сокращена до 140 м². До начала археологических работ 2016 г. был проанализирован ряд исторических планов

[1] В 2016 году, помимо раскопа Кром III, была выполнена серия археологических шурфов у стен Псковского кремля, где работы были проведены в соответствии с современными методическими требованиями. Были уточнены границы ряда реставрационных траншей и раскопов прошлых лет, зафиксированы сохранные культурные отложения VIII–XI вв. Результаты этих работ представлены на 63-м заседании Семинара им. В. В. Седова «Археология и история Пскова и Псковской земли»; в настоящее время готовится к печати статья.

[2] Авторы выражают благодарность Д. С. Артамонову за указание этого ресурса и М. Смирновой за помощь с переводом.

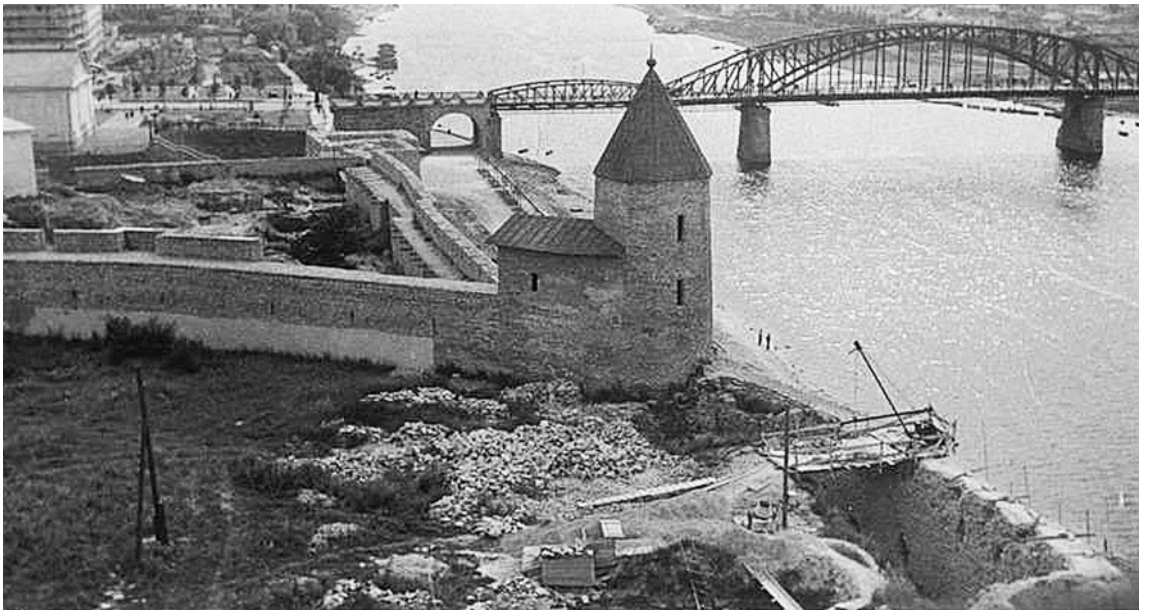

Рис. 2. Архитектурная траншея у Смердьей башни Псковского кремля. Фото 1958 г. «Vaade Pihkva kindlusele peakiriku tornist» = Вид на Псковский кремль с соборной колокольни (Национальный архив Эстонии, фонд Uno Hermann, EAA.5238.1.660.9) Электронный ресурс: URL:http:// www.ra.ee/fotis (дата обращения 07.08.2018)

Рис. 3. Общий вид площадки раскопа Кром III до начала археологических работ. Раздерновка площадки раскопа и участка незасыпанного котлована «раскопа» 1957–1959 гг., расчистка сооружений в бортах траншеи 1957–1959 гг. Вид с юга (здесь и далее — фото Е. Салминой)

г. Пскова. Были привлечены «Вид-план Пскова 1694 Ивана Молчанова» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4, использована копия, сделанная К. И. Теребеневым), план города и крепости Пскова 1706 г. (по: Лабутина 1970: 102–103, рис. 3), план Пскова «1740 г.» (точнее — 1731–1740 гг., по: Козюренок 1997: 344; Лабутина 2011: 12, 16–17), шведский план Пскова 1750 г. (План Пскова из Королевского…), план Пскова 1821 г. (по: Болховитинов 1831: вклейка), 1857 г. (Годовиков 1866; 1880–1882), 1859 г. (Памятная книжка 1860: вклейка), Сборный план Пскова Ф. А. Ушакова (Ушаков 1901), планы Пскова 1900 г., 1901 г., 1928 г., 1930 г. (цифровые копии, хранящиеся в АЦПО). Использована также информация, связанная с изображениями Пскова на иконах (Ткачёва 1995: 135–142; 1997: прил. 1, 36–39), в частности, привлечены прорисовки изображения Псковского кремля на иконе из лавки Жиглевича (прорисовка из архива ЦНРПМ), изображения Псковского кремля на иконе 1784 г. из часовни Владычного креста (по прорисовке И. И. Горностаева 1860 г.), изображения Псковского кремля на иконе из Псково-Печерского монастыря (прорисовка из архива ЦНРПМ) (Лабутина 2011: 17–21).

В результате анализа перечисленных источников было установлено, что в пятно раскопа с высокой долей вероятности попадают руины построек «старого» Владычного двора, руины «старой» Благовещенской церкви, а также конструкции, связанные с остатками первоначальной Смердьей башни.

Таким образом, приступая к работам, мы предполагали, что комплекс архитектурных сооружений, которые нам предстояло зафиксировать, окажется разновременным и многокомпонентным.

* * *

История *«старого» Владычного двора* довольно полно освещена в исторических источниках. Датировка начала строительства комплекса не совсем точна, однако очевидно, что это могло произойти только после учреждения в Пскове самостоятельной епархии в 1589 г., вероятнее всего, в период правления «епископа Генадья» (1595–1608 гг.), когда в Псковском кремле производилось активное строительство. Как и прочие подобные резиденции иерархов Русской Церкви, архиерейский двор в Пскове имел отдельный надворный трапезный храм и жилые, приемные и хозяйственные помещения. Позднее к жилым владычным палатам пристроили с севера каменную Благовещенскую церковь, которая стала «архиерейскою келейною». Время появления храма Благовещения Богородицы определяется неточно. Можно предположить, что это произошло в период перестройки Троицкого собора. В старом соборе был внутренний южный придел в честь Благовещения (где хранилась гробница с мощами князя Всеволода), поэтому появление одноименного храма по соседству могло быть одновременно переустройству — была устроена новая келейная церковь, где можно было совершать служения в период строительных работ по возведению нового кафедрального собора, и таким образом сохранялся (переносился в новую церковь) один из престолов старого Троицкого храма, освященный в честь Благовещения, туда же переносились и реликвии. Если эта гипотеза верна, то строительство церкви Благовещения должно было завершиться не позднее 1689 г., поскольку уже 12 апреля того же года по ходатайству псковского архиерея в Москве состоялось «Высочайшее решение» о начале строительных работ по замене старого собора новым (Постников 2008: 9).

На рукописном плане Пскова 1694 г. Ивана Молчанова (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4, выкопировка К. И. Теребенева), где псковская крепость показана со стороны Завеличья, присутствует информативное изображение Архиерейского двора и примыкающей к палатам с севера Благовещенской церкви. Палаты выглядят пристроенными к стене крепости, изображены двухчастными, перекрыты кровлей с двумя зубцами; в сторону р. Великой обращены четыре арочных окна. Благовещенская церковь на этом изображении возвышается над крепостной стеной, ее маковка достигает уровня «вышки» на шатре соседней Смердьей башни.

Архиерейский двор и Благовещенская церковь представлены также на цветной литографии Ивана Селезнева 1820-х гг. с видом псковского Крома, где видно, что постройка палат имела три этажа, церковь же имела приподнятый над основным объемом четверик, перекрытый на четыре ската (Селезнёв 1839).

Комплекс строений Владычного двора серьезно пострадал от пожара на кровле Троицкого собора в 1770 г., затем от разрушительного пожара 1788 г., при котором бедствие распространилось на Рыбники и на территорию всего Крома, когда «от сильнаго ветра усилилось стремление огня загорелись и келии архиерейския, Благовещенская церковь». В 1810–1820 гг. серия стихийных бедствий привела к окончательному разрушению Владычного двора. Происходили неоднократные обрушения западной кремлевской стены на участке от Троицкого собора до Благовещенской церкви. Возникла угроза обвала строений Владычного двора, примыкавших к крепостной стене. В конечном итоге буйство стихии и общее обветшание строений привели к перемещению резиденции псковских владык на Снятную гору. Строения архиерейского двора в Крому оказались практически полностью разобраны к 1830-м гг. (Постников 2008: 10–11).

К 1835 г. руины Владычного двора были практически разобраны, на его месте по проекту академика архитектуры А. И. Мельникова был возведен зимний храм (Василев 1898: 243), в 1933 г. разрушенный по решению властей как «не имеющий достаточной художественной ценности» (ПЭ 2007).

Именно с фиксации горизонта разрушения собора в 1933 г. и началась фиксация археологических горизонтов при раскопках 2016 г.

Соборная площадь

Все земляные работы на раскопе *Кром III* проводились вручную. На глубине 25–35 см от современной поверхности, под слоями дерна и серого грунта с мусором двух последних десятилетий XX — начала XXI в., практически вся площадь раскопа оказалась занята сухим серовато-коричневым грунтом с включениями разноразмерных осколков красного кирпича. Вероятнее всего, этот слой сформирован в результате сноса и разборки здания «нового» Благовещенского собора постройки 1835 г. (целый кирпич рачительно употребили на постройку в 1935 г. «Дома специалистов», см.: ПЭ 2007). В северо-западном углу раскопа были зафиксированы выраженные следы перекопа землеройным механизмом — в грунте присутствуют комья известкового раствора, массивные осколки бетонных блоков и плит, а также мусор второй половины XX в. Предположительно, этот

перекоп — следы «откопки стен» землеройными машинами в 50–60-е гг. XX в. при реставрационных мероприятиях (Белецкий, Скрынникова 2000: 20–21).

Находки из слоя характеризуемого горизонта немногочисленны, представлены фрагментами керамических сосудов (часть фрагментов может быть отнесена по характерной цветной поливе к XIX–XX вв.), бутылочным и аптечным стеклом XX в., фрагментами кафеля XIX–XX вв., фрагментами фаянсовых сосудов начала XX в., железными проволочными и коваными гвоздями, костями животных. Находки, отнесенные к индивидуальным, — фрагменты бело-голубых и зеленополивных изразцов. Отметим находку монеты «полкопейки» 1925 г.

Под «*слоем разрушения Благовещенского собора*» (толщина слоя около 30–35 см) раскрыт *горизонт замощения Соборной площади*, составленного гранитными булыжниками (рис. 4, 5). Булыжная мостовая была уложена позднее строительства Благовещенского собора в 1835 г., присутствует на фотографиях конца XIX — начала XX в. (фото М. И. Герасимова и Н. Г. Матвеева, см.: Левин 2004: 13, 15). Диаметр булыжников в среднем 8–16 см, вместе с этим выделяются участки, сложенные из камней меньшего диаметра (не более 5–7 см). Здесь же зафиксированы сформированные более крупными булыжниками (диаметром до 28 см) линии стока, ориентированные по оси СВ–ЮЗ и по оси СЗ–ЮВ, длина в пределах раскопа — до 660 см. Мостовая уложена на песчаную подсыпку толщиной 2,5–4,0 см, заканчивается на глубине от 68 до 80 см от современной дневной поверхности, перепад высот, в основном, связан с оползанием грунта по склону к котловану раскопа 1957/59 гг.

Непосредственно под камнями мостовой и под песчаной подсыпкой в культурных отложениях присутствовали немногочисленные целые формы красноглиняных кирпичей XIX в. Скорее всего, они попали туда в период строительства «нового теплого Благовещенского собора в Кремле» в 1835 г. на месте окончательно разрушенного Владычного двора. Именно к этому периоду отнесены две небольшие костровые ямы, содержащие остатки кухонных горшков и мелкие фрагменты костей, предположительно связанные с местами приготовления пищи для рабочих в период строительства Благовещенского собора 1835 г.

В центральной части раскопа булыжники уложены фактически без песчаной подсыпки на руины нижележащих сооружений. Уже на глубине от –80 до – 100 см от дневной поверхности практически вся площадь раскопа 2016 г. была занята массивом деструктурированного известняка и руинами строений, сложенных из известняковых плит на светло-желтом известковом растворе.

Археологические работы, проведенные на уровне следующих пластов, оказались практически полностью связаны с раскрытием в плане архитектурных памятников, занимающих почти всю площадь раскопа.

Благовещенская церковь

Северная часть раскопа занята руинами строения, интерпретированного, в соответствии с картографическими и изобразительными источниками, как *Благовещенская церковь XVI–XVII вв.* (рис. 6–8). В раскоп вошла «камера», заполненная развалом плит рухнувшего свода, бóльшей частью стоящих на ребре, в составе светло-коричневого грунта с огромным количеством известкового желтого

Рис. 4. Участок мостовой в северной части раскопа. Вид с востока

Рис. 5. Участок мостовой и осыпь, примыкающая к Смердьей башне в южной части раскопа. Вид с востока

Рис. 6. Северная стена и восточная часть развала рухнувшего свода Благовещенской церкви. Вид с востока

Рис. 7. Внутренний объем (северная и южная стены и развал рухнувшего свода) Благовещенской церкви. Вид с запада

Рис. 8. Общий план руин Благовещенской церкви в пределах раскопа. Прорисовка по ортофото (М. А. Васильев, А. В. Фисенко)

раствора. Размеры плит свода — от 12 × 14 × 2 см до 45 × 55 × 6 см. Многие плиты лежат на ребре или наклонно. Было принято решение не разбирать рухнувший свод, поскольку без укрепляющих мероприятий это неизбежно привело бы к разрушению всей постройки. В плане «камера» представляет собой продолжающийся за северной и восточной стенами раскопа прямоугольный объем, общие размеры по внешней стороне стен в пределах раскопа — до 720 × 780 см, бóльшая ось — СЗЗ–ЮВВ.

Толщина стен достоверно определяется только для южной — 172–174 см. Размеры плит в постройке в среднем — от 22–28 × 13–16 × 2–3 см до 70–90 × 35–55 × 3–8 см. В южной стене строения Благовещенской церкви сохранился нижний контур светового (?) окна (рис. 8), которое имеет в плане форму трапеции, размеры 122–125 × 25 × 80 см (бóльшее основание трапеции — северное).

В западной стене характеризуемой «камеры» зафиксирован проем шириной 87 см, вероятно, входной: зафиксирована плита порога. Проем соединял исследуемую часть строения с помещением, перекрытым сводом, интерпретация которого при имеющемся объеме данных затруднена, поскольку бóльшая часть этого строения осталась за пределами раскопа (рис. 9). Можно предполагать, что эта часть комплекса строений связана с подъемом на стену (известно, что в непогоду, следуя по стене и лестнице, владыка мог прямо из своих покоев дойти до крыльца Троицкого собора, см.: Болховитинов 1821; Левин 2005: 138), однако до полного раскрытия сооружения утверждать что-либо более определенное невозможно. На фотографии 1958 г., представленной на сайте Национального архива Эстонии (EAA.5238.1.660.14), отчетливо видны сохранившиеся ярусы южной стены этой части Благовещенской церкви (рис. 10), однако до наших дней памятник дошел в гораздо худшем состоянии.

Между руинами Благовещенской церкви и постройкой, интерпретированной как здание Владычных палат (см. ниже), зафиксирован специально оформленный проход во внутреннюю часть Владычного двора, северная и южная стены которого образованы северной стеной Палат и южной стеной Благовещенской церкви

Рис. 9. Постройка, примыкающая с запада к Благовещенской церкви.
Вид с юго-востока

(рис. 8, 11, 12). Эти стены соединены стенкой, приложенной после строительства основных объемов, толщиной 73–76 см, длина (и, соответственно, ширина прохода) — 265– 267 см (т. е. около полутора саженей). Сводчатый проем над перекрытием (шириной не менее 90 см) раскрыт только частично, поскольку, как уже отмечалось, на настоящем этапе продолжение работ по дальнейшей расчистке памятников невозможно по причине крайне бедственного состояния раскрываемых сооружений. Стенки прохода и поперечная стенка были покрыты фрагментарно сохранившейся известковой светло-желтой обмазкой, как во внешней части, так и во внутренней. Толщина обмазки на сохранившихся участках от 1,5 до 2 см. Фрагментарно сохранились плиты облицовки стен, размерами от 22 × 24 до 28 × 42 см при толщине

Рис. 10. Юго-западная часть Благовещенской церкви на фотографии 1958 г. «Vaade Pihkvale» = Вид Пскова (Национальный архив Эстонии, фонд Uno Hermann, EAA.5238.1.660.14) Электронный ресурс: URL:http:// www.ra.ee/fotis/index.php/et/photo/ (дата обращения 07.08.2018)

Рис. 11. Помещение проезда между Благовещенской церковью и Владычными палатами. Вид с юга

Рис. 12. Помещение проезда между Благовещенской церковью и Владычными палатами: облицовка плитами на южном участке восточной стены. Вид с востока

1,5–1,8 см (рис. 11). В пределах «прохода» во внутреннюю часть Владычного двора грунт темно-серый, с интенсивными включениями известнякового щебня, битого плитняка и угольков. Разборка засыпки продолжалась примерно на глубину 240 см от современной дневной поверхности.

Владычные палаты

Центральная часть раскопа занята руинированным зданием, соотносимым с *Владычными палатами* (рис. 13, 14). При работах 2016 г. выполнена расчистка здания в плане, произведена выборка заполнения поздних ям, фиксация контуров «провалов» и пр. Как и в случае с комплексом *Благовещенской церкви*, продолжение работ по дальнейшей расчистке выявленных сооружений было признано небезопасным для памятника.

Общие габариты выявленной части постройки на обоих участках — до 1480 см по оси ССЗ–ЮЮВ и на 800 см (в пределах раскопа) по оси ЗЗС–ЮЮВ по внешним обводам. Размеры плит до 35 × 45 × 6 см, постройка сложена на известковом серовато-желтом растворе. Северная стена здания сохранилась в верхней части в пределах раскопа на длину 390 см, продолжается за восточной границей, с СЗЗ стороны нарушена при осыпи в котлован раскопа 1957/1959 гг. Ширина северной стены — 170– 185 см. Западная стена здания вошла в раскоп на полную длину (до 1480 см), полная ширина не сохранилась в результате того, что котлован раскопа 1961 г. простоял незасыпанным до наших дней. В северной части верх стены практически

Рис. 13. Южная и центральная часть Владычных палат на уровне полной расчистки в плане. Вид с северо-востока

разрушен, ширина не более 20–25 см; в южной части ширина до 110–120 см. Южная стена здания сохранилась в верхней части в пределах раскопа на длину 645 см, продолжается за восточной границей, ширина стены до 200 см. Здание по западной стене сохранилось до уровня пяты коробчатого свода и первых камней свода.

Внутренний объем постройки заполнен темно-серым, местами темно-коричневым грунтом с включениями частиц известкового раствора, щебня и кирпичной крошки. Прослеживаются пустоты внутри здания, зафиксированы открытые провалы. Выборка заполнения на основной площади остановлена на глубине 90–110 см от современной дневной поверхности, поскольку дальнейшая разборка угрожала обвалом. Точно так же были расчищены только в плане каменные конструкции, примыкавшие к постройке с южной стороны. Возможно, эти постройки входили в комплекс Владычного двора, возможно — относились даже к самой основной постройке, но расчистка участка примыкания этих пристроек (?) к основному объему также была сочтена опасной без мероприятий по укреплению строений.

Сопоставление фотографии из работы М. Х. Алешковского (Алешковский 1972: 328) и фактически наблюдаемых объектов (рис. 15)[3] показывает, что именно западная стена Владычных палат в траншее А. И. Хамцова 1957–1959 гг. была воспринята как стена захаба. В настоящее время в этой стене отчетливо видны арочные проемы (рис. 16) — деталь, противоречащая трактовке открытой стены как части

[3] К сожалению, сформированный отвал не позволил нам повторить ракурс фотографии из издания 1972 г. в точности. Однако «смещение» не слишком велико и оставляет возможность для сопоставления ворот и ниш в крепостной стене.

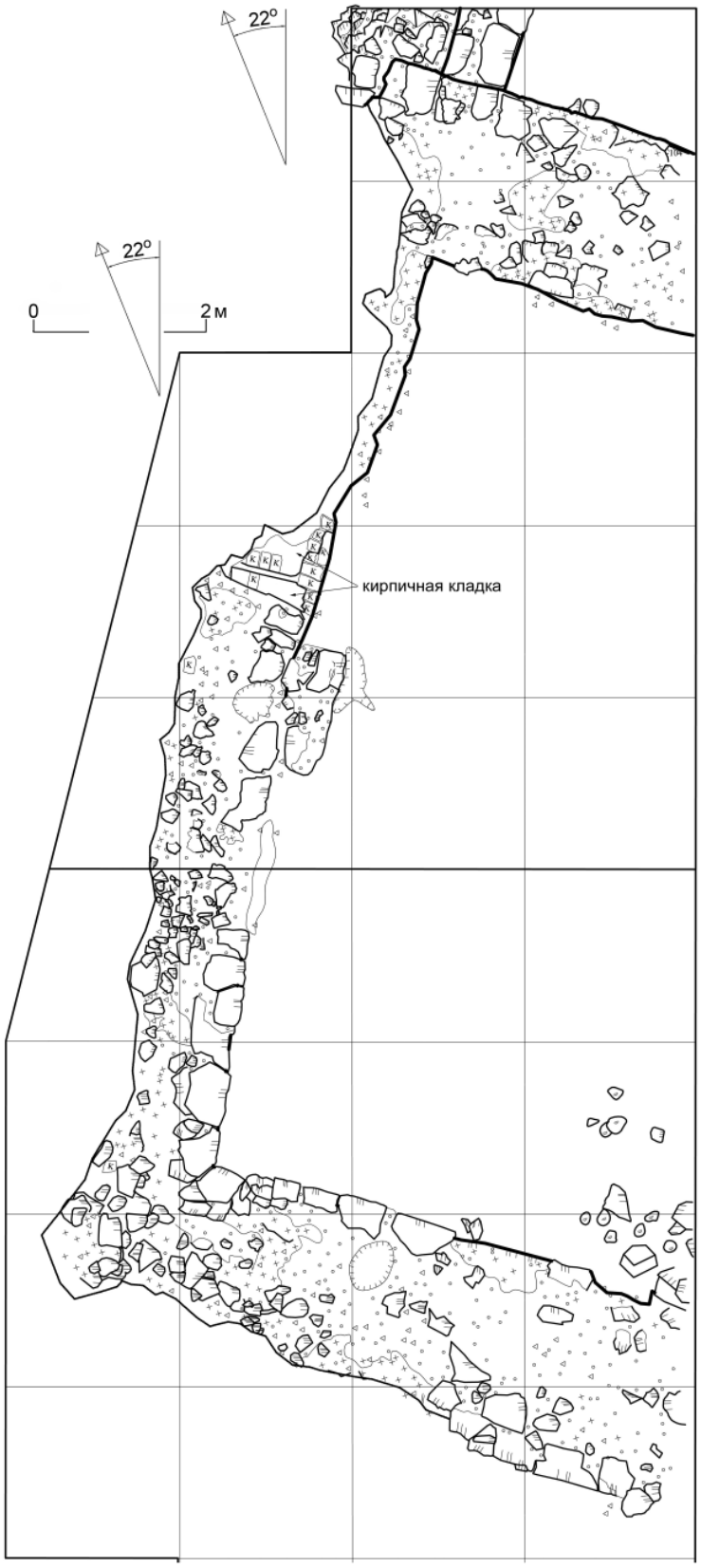

Рис. 14. Сводный план основной постройки Владычных палат. Прорисовка по ортофото (М.А.Васильев, А.В.Фисенко)

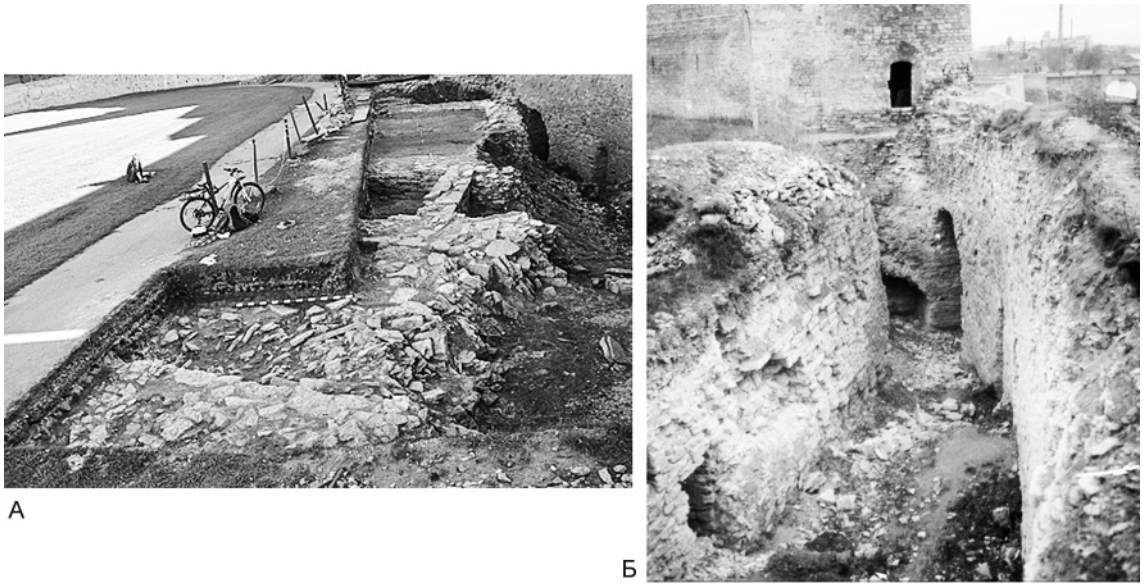

Рис. 15. А — общий вид каменных сооружений на уровне полного раскрытия в плане, Б – фотография сооружений, интерпретированных Х. М. Алешковским как «Смердий захаб» (Алешковский 1972: 328)

Рис. 16. Сводчатое перекрытие проёма в обрушивающейся западной стене Владычных палат. Вид с запада

фортификационного сооружения. К сожалению, раскоп 1957–1959 гг. простоял незасыпанным до наших дней, что и стало причиной сегодняшнего состояния памятника. Крайне нестабильное состояние здания[4] не позволило продолжить расчистку и выполнить чертежную фиксацию фасада этой стены.

Смердья башня

Как уже отмечалось, раскоп *Кром III* своей южной оконечностью примыкал к руинам *Смердьей башни* Псковского кремля, сооруженной в XV в. (летописный «костер на персях от Великой реки»). Дата постройки не установлена точно, «положение на персях, по-видимому, ставило строительство и обновление костра в зависимость от регулярно возобновлявшегося строительства персей» (Лабутина 2011: 76). Название «Смердья башня» фигурирует в исторических документах с XVII в. (Псков 1914: 90, 126, 221). Изначально башня была округлой в плане, имела проезжие ворота из Крома в Довмонтов город. *Смердьи ворота* известны по летописным данным XV в., летопись под 1462 г. в сообщении о строительстве указывает на них как на точку, до которой были доведены работы (ПЗЛ: 150). Смердьи ворота под наугольной башней над р. Великой хорошо известны по описаниям XVII в., из Домантовой стены к ним вел Смердий мост над Греблей. Находясь в самом углу Крома, ворота служили ориентиром для обозначения границы Крома и Домантовой стены. Впоследствии Смердьи ворота были заложены со стороны Домантовой стены и засыпаны.

Первоначальная Смердья башня была зафиксирована при инструментальной съемке городских сооружений и составлении плана Пскова в 1740 г. В 1816 г. был поставлен вопрос о крайнем обветшании стен кремля (ГАПО. Ф. 20. Д. 574, 727), затем, после посещения Пскова Николаем I в 1837 г., в рамках «ремонта» городских стен башня (как и многие другие участки древних укреплений) была разобрана. «Реставрационные мероприятия» проводились с 1857 по 1865 г. Именно тогда многие участки древних укреплений оказались фактически уничтожены с последующим возведением новоделов. Проект реставрации южной стены Крома (Перси), подготовленный архитектором К. А. Тоном в 1840 г., был откорректирован в 1845 г. архитектором Новиковым и утвержден в 1851 г. В соответствии с проектом Тона в 1860-е годы были проведены реставрационные работы, в результате которых подверглись существенной перестройке Перси псковского Крома. Смердья башня была перестроена уже по проекту псковского губернского архитектора А. И. Ранвида, когда были изменены конфигурация башни, наклон и форма зубцов. Круглая Смердья башня была разобрана «за ветхостью» и на ее месте выстроена значительно меньшая по диаметру восьмиугольная башня, довольно безосновательно получившая название «Довмонтовой» (Окулич-Казарин 2001: 113; Погодин 1881: 11; Спегальский 1972: 96).

При работах 2016 г. в южной части раскопа с глубины от 30–60 до 100 см от уровня современной дневной поверхности был раскрыт массив известняковых плит,

[4] Так, например, юго-западный угол здания поддерживает исключительно импровизированная «подпорка» из известняковых плит.

слежавшегося известкового раствора и известнякового щебня, вероятнее всего, относящийся к осыпи первоначальной башни, разрушенной в XIX в. Представленная в раскопе картина показала, что в ходе «реставрационных работ» XIX в. внутренний объем Смердьей башни был заполнен бутом, а сама сохранившаяся часть первоначальной башни, вероятнее всего, была использована в качестве основания для «новодела».

Общие максимальные размеры массива в плане на уровне завершения археологических работ 2016 г. — до 700 × 365 см. Северная (северо-восточная) граница массива имеет форму не вполне правильной дуги, полукруга. Размеры плит в составе массива — от 12 × 13 × 2 до 20 × 24 × 3 см. Массив был заглублен в нижележащие отложения.

У восточной части развала на глубине около 200 см от современной поверхности начало выявляться кирпичное основание печи, вероятно, относящееся к периоду реставрации Владычных палат после пожаров 1770-х гг.

Разборка культурных отложений в этой части раскопа была остановлена на глубине около 250 см от современной поверхности. Было принято решение не предпринимать разборку осыпи Смердьей башни на локальном участке (т. е. — в пределах раскопа Кром III), поскольку это привело бы к неполноте информации о самом памятнике. Было решено законсервировать осыпь до получения в дальнейшем возможности исследовать остатки башни по всей ее площади.

* * *

Итак, работы 2016 г. показали, что фактически в траншее 1957–1959 гг. были зафиксированы подземная часть первоначальной башни и стена Владычных палат, образующая вместе с крепостной стеной довольно узкий «коридор». Интересным представляется, что взаиморасположение основного объема Владычных палат и Благовещенской церкви позволяло полностью контролировать вход в Кром через Смердьи ворота без создания каких-либо дополнительных фортификационных сооружений. Возвращаясь к истории понятий «*захаб*», «*захабень*», напомним, что «Псковский областной словарь» называет так любое «опасное, труднопроходимое место», «участок, вдающийся во что-н., окаймленный чем-н.» (ПОС 1996: 219).

P. S.

В 2016 г. на территории Псковского кремля появился Анатолий Николаевич Кирпичников. Анатолий Николаевич не редкий гость в Пскове, но на этот раз причина была экстраординарной — в псковском Кроме после многолетнего перерыва началось исследование территории, прилегающей к «захабу у Смердьих ворот». На импровизированной планерке мы обсуждали, какие радости и какие опасности сулит нам изучение этого участка. Раскоп еще только начинался, и из-под тонкого слоя грунта только появлялась булыжная мостовая. Чудесное превращение Смердьего захаба во Владычные палаты было еще впереди… К сожалению, сегодняшние возможности не позволяют надеяться на скорое продолжение исследований. Поэтому после полной чертежной и фотографической фиксации комплекса памятников архитектурные сооружения были укрыты геотекстилем и засыпаны грунтом.

Приезжайте к нам еще много-много раз, Анатолий Николаевич, не все загадки разгаданы!

Литература

Алешковский 1969 — *Алешковский М. Х.* Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 19–21.

Алешковский 1972 — *Алешковский М. Х.* Начальные этапы каменного строительства псковского Крома (в связи с вопросом о русских каменных крепостях домонгольского периода) // Лазарев В. Н. и др. (ред. кол.). Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1972. С. 104–125.

Алешковский 1981 — *Алешковский М. Х.* Псков. Военно-оборонительные сооружения // Достопримечательности Псковской области. Л.: Лениздат, 1981. С. 150–168.

Белецкий, Скрынникова 2000 — *Белецкий С. В., Скрынникова Е. В.* Псковский кремль: Археология, реставрация, музеефикация. СПб.: СПб ГУ культуры и искусств, 2000. 34 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 1).

Болховитинов 1821 — *Евгений (Болховитинов)*, архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. Описание монастырей Иоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снетогорскаго с прибавлением списка Преосвященных Архиереев Псковских. Дерпт: Тип. И. Х. Шинмана, 1821. 54 с.

Болховитинов 1831 — *Евгений (Болховитинов),* митрополит Киевский. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Ч. I–II. Киев, тип. Киево-Печерской лавры, 1831.

Василев 1898 — *Василев И. И.* Археологический указатель города Пскова и его окрестностей. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1898. 97 с. (Записки Императорского Русского археологического Общества. Т. X. Кн. 3).

Годовиков 1866 — *Годовиков И. Ф.* Атлас рисунков древностей Пскова, 1866 // ПГОИАХМЗ. Отдел рукописных и старопечатных фондов. № 508.

Годовиков 1880–1882 — *Годовиков И. Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии: посмертное изд. соч. инж.-полк. И. Ф. Годовикова. Вып. 1–3. Псков: Псковская археологическая комиссия, 1880–1882. Вып. 1 — 132 с. Вып. 2 — 125 с. Вып. 3 — 61 с.

Козюренок 1997 — *Козюренок К. Л.* Планы и чертежи Псковской крепости 1740 г. в фондах РГА ВМФ // Белецкий С. В. (сост.). Памятники старины: концепции, открытия, версии: памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). Т. 1. СПб.; Псков: Псков. гос. объед. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник: ИИМК, 1997. С. 297–299.

Косточкин 1962 — *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.

Лабутина 1970 — *Лабутина И. К.* Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова // СА. № 2. 1970. С. 93–108.

Лабутина 2011 — *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 342 с.

Левин 2005 — Левин Н. Ф. (сост.). Храмы и монастыри губернского Пскова: сб. дореволюционных публикаций. Псков: Псковская областная типография, 2005. 502 с.

Левин 2004 — Левин Н. Ф. (сост.). Псков на старых открытках: Альбом в 4 ч. Псков: Стерх, 2004. 412 с.

Окулич-Казарин 2001 — *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову. Псков: Светоносец, 2001. 305 с.

П2Л — Псковская 2-я летопись // Насонов А. Н. (ред.). Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 9–69.

П3Л — Псковская 3-я летопись // Насонов А. Н. (ред.). Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 70–77.

Памятная книжка 1860 — Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. Псков: Псков. губ. стат. ком., 1860. 391 с.

План Пскова из Королевского… — План Пскова из Королевского военного архива в Стокгольме Krigsarkivet (http://sok.riksarkivet.se/?Sokord=Pskow ... dSok=False)

Погодин 1881 — *Погодин М. П.* Псков (из дорожных заметок): Приложение к протоколу IV-го (обыкновенного) общего собрания Псковского археологического общества 12 февраля 1881 года. Псков: тип. Псков. губ. правл., 1881. 19 с. (Отд. отт).

Постников 2008 — *Постников А. Б.* Судьба старых библиотек псковских церквей и монастырей // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 29. С. 29–56.

ПОС 1996 —Ивашко Л. А., Поцепня Д. М., Тарасова М. А. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. ЗАНААРЫВАТЬ — ЗЕНДЕНЬ. СПб.: СПбГУ, 1996. 336 с.

ПЭ 2007 — Лобачёв А. И. (ред.). Псковская энциклопедия. Псков: Псковское рег. общест. учреждение-изд-во «Псковская энциклопедия», 2007. 996 с.

Псков 1914 — Псков и его пригороды. Кн. 2. М.: 1914. 555 с. (Сборник Моск. архива Мин-ва юстиции. Т. VI).

Селезнёв 1839 — *Селезнёв И.* Вид развалин каменнаго Кремлевскаго замка (с западной стороны) в г. Пскове. Литография 1820-х годов. ПГОИАХМЗ. Отдел старопечатных и рукописных книг (Древлехранилище). Н. В. 11662 (1). Инв. № 5590. Цветная цифровая копия из издания «Атлас к материалам для статистики Российской Империи» СПб., 1839.

Срезневский 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л–П. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958. 1802 стлб.

Спегальский 1972 — *Спегальский Ю. П.* Псков. Архитектурно-художественные памятники. Л.: Лениздат, 1972. 270 с.

Ткачёва 1995 — *Ткачёва Н. М.* Иконы с изображением средневекового Пскова // Церковная археология. Ч: 2. СПб.: Отдел ОП Петербургкомстата, 1995. С. 135–147.

Ткачёва 1997 — *Ткачёва Н. М.* Псковские иконы конца XVI — начала XVII в. на сюжет сказания о видении Дорофея // Белецкий В. Д. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 36–47 (Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2. Вып. 1).

Ушаков 1901 — *Ушаков Ф. Л.* Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков: Тип. товарищества Труд и Знание, 1901. 16 с.

Хамцов 1953 — *Хамцов А. И.* Псковский кремль. Низкая стена: фиксация шурфов. 1953 // Архив ГУП ЦНРПМ. Шифр 56, № 60, 61, 62.

Хамцов 1954 — *Хамцов А. И.* Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации и восстановления Псковского кремля, составленному в 1953–1954 гг. // Архив ГУП ЦНРПМ. Шифр 56. № 33а.

Хамцов 1957 — *Хамцов А. И.* Псковский кремль. Западная стена: фиксация шурфов. 1957 // Архив ГУП ЦНРПМ. Шифр 56. № 114, 120.

Шеляпина 1964 — *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологически-разведывательных работах на территории Кремля, произведенных в сентябре 1964 г. // Архив Псковских специальных научно-реставрационных производственных мастерских, № 1-185 1-5-10. Архив АЦПО. Д. 2. Текст (5 стр.), чертеж, лист № 1 инв. 247.

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева
(Санкт-Петербург)

Новая находка из старых раскопок

В 1932 г. в Эрмитаж из Артиллерийского музея поступила на хранение коллекция из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1897 г. в б. Курляндской губернии. Это материалы Виндавского могильника, расположенного на берегу р. Венты (старое название — Виндава). В литературе он имеет также названия Пасильс, Пассильн, Пасильсциемс[1]. Материалы могильника вызывают непреходящий интерес у исследователей, правда, особое внимание уделяется предметам вооружения — мечам, наконечникам ножен, копьям (Arne 1913; Paulsen 1953; Корзухина 1950; Кирпичников 1961; 1966а; 1966б; Антейн 1973; Kazakevičius 1996; Tomsons 2018).

В 2018 г. часть предметов из могильника Пасильс была передана в группу реставрации археологического металла Лаборатории научной реставрации предметов прикладного искусства Государственного Эрмитажа с целью стабилизации активной коррозии и создания микросреды для дальнейшего хранения. Среди этих предметов были три обломка неизвестного назначения из железа и бронзы, полностью покрытых почвенно-коррозионными наслоениями (рис. 1). Расчистка проводилась механически при помощи бормашины с различными насадками, щипчиков и скальпеля. После расчистки и просушки предметы были законсервированы обратимым полимером.

При расчистке удалось выявить форму каждого из фрагментов. Первый — это бронзовый фигурный распределитель ремней и прикипевшие к нему железные детали (т. н. «костыльки» — витые железные стержни с петлями на обоих концах). Два других — такие же костыльки из стержней меньшего диаметра длиной 6–6,5 см с петлями, через которые продеты бронзовые колечки, скрепляющие их между собой. На этих костыльках частично сохранилась обмотка плоской бронзовой проволокой. Все три части стыкуются в местах прежних разломов (рис. 2–3)[2]. Общее количество костыльков и их фрагментов — не менее пяти.

Распределитель ремней (рис. 4) состоит из литого бронзового кольца (сохранилось в обломке, составляющем примерно половину целого изделия) с тремя «перемычками» подтреугольной формы, сходящимися в центре. Диаметр кольца 3 см. По окружности на лицевой стороне идет небольшое углубление (канавка); углубления

[1] История открытия и изучения могильника, а также формирования коллекции см.: Сениченкова 2015.

[2] Фотографии после реставрации сделаны сотрудником фотолаборатории ГЭ С. В. Суетовой, а рисунок распределителя — С. Ю. Скиба, которым выражаем глубокую признательность.

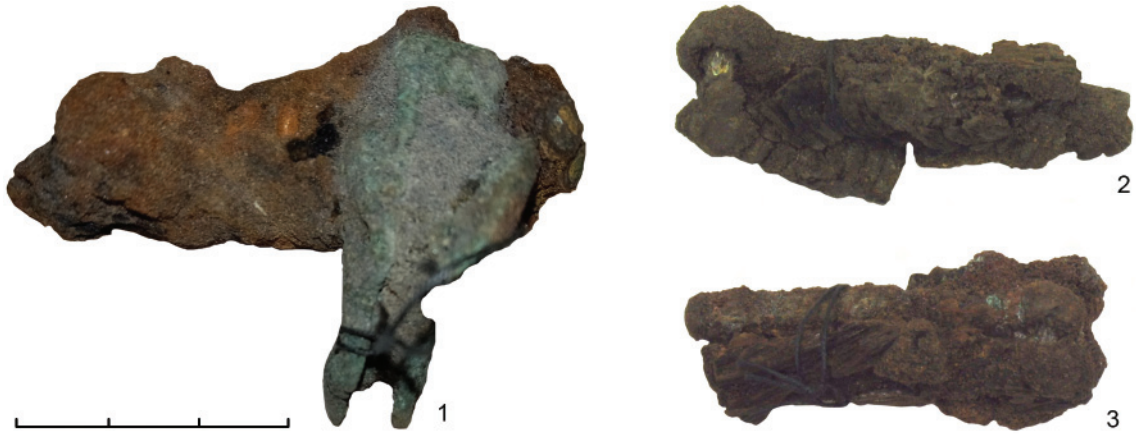

Рис. 1. Виндавский могильник. Три предмета неизвестного назначения (до реставрации)

Рис. 2. Виндавский могильник. Бронзовый распределитель ремней с железным костыльком (предмет 1 после реставрации)

Рис. 3. Виндавский могильник. Бронзовый распределитель ремней, соединенный с железными костыльками (предметы 1–3 после реставрации)

подтреугольной формы имеются на каждой из трех «перемычек». На оборотной стороне, там, где снаружи проходит канавка, имеется небольшое ребро. Здесь поверхность кольца гладкая, без декора. Кольцо было сломано и отремонтировано в древности с помощью оловянистого припоя (следы его сохранились на месте излома)[3].

Через кольцо была продета бронзовая оковка конца ремня, которая представляет собой обоймовидный предмет. На заднем конце его имеется заклепка для фиксации ремня. Длина оковки 4 см, наибольшая ширина 1,5 см. Нижняя сторона обоймицы плоская гладкая, кончик оформлен в виде треугольного выступа, верхняя — украшена стилизованной фигуркой животного, переданной в характерной для скандинавского искусства манере. Можно попытаться выделить голову этого существа с «утиным» носом и глазами-«пуговицами» и тулово, образованное композицией из переплетающихся восьмёркообразных узоров с плавными расширениями и сужениями. По краям этих «восьмёрок» идут рельефные углубления и мелкие насечки «под витьё».

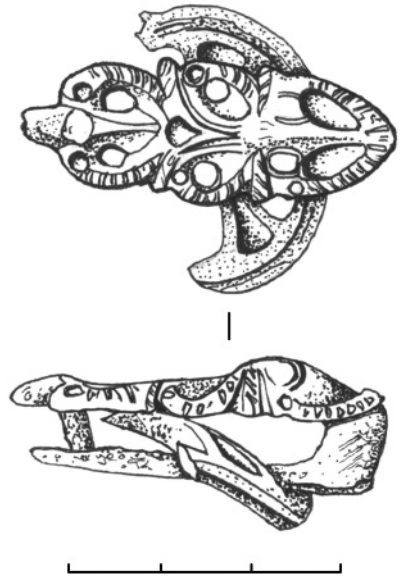

Рис. 4. Виндавский могильник. Бронзовый распределитель ремней (обойма с продетым через неё кольцом)

Эти особенности, по мнению исследователей, характерны для стиля Урнес, который в Швеции

[3] Определение было произведено в Отделе научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа С. В. Хавриным, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

называют также «стилем рунических камней». Возник он «около середины 1000-х гг.» и «около 1200 г. полностью исчезает» (Роэсдаль 2001: 156–157).

По типологии Л. Тунмарк-Нюлен, разработанной для материалов о. Готланд, наш распределитель относится к типу 5, который исследовательница датирует в основном XII в. (Thunmark–Nylén 1998: taf. 137, *16*; 138, *9*; 2006: 692–694). Наибольшее количество распределителей этого типа встречено именно на Готланде. В работе, посвященной подобной находке из Галича, М. Парчевский указал территорию их распространения: о. Готланд. о. Сааремаа, низовья Даугавы, территория Петербургской губернии (Парчевский 2011: 179, там же основная литература). Наша находка с полуострова Курземе также входит в этот круг. Учитывая близость этой территории к Готланду, следует присоединиться к мнению большинства исследователей, что распределители ремней подобного типа являются импортом оттуда.

Датируется могильник Пасильс широко. В капитальном издании «Археология Латвийской ССР» он отнесен к позднему железному веку и средневековью — от X–XII до XIII–XVII вв. (Latvijas PSR 1974: 336). В каталоге куршских древностей погребения по обряду кремации отнесены к XI–XIII вв., а ингумации — к XIV–XVII вв. (Kuršiai 2009: 450). К сожалению, методика раскопок конца XIX в. не позволяет выделить в материалах могильника Пасильс отдельные комплексы. Об этом писал еще Т. Арне в работе, посвященной наконечникам ножен мечей эпохи викингов (Arne 1913: 388). Датировка распределителя ремней из этой коллекции не противоречит времени функционирования могильника. Мы не можем с уверенностью сказать, входили ли подобные распределители в состав сложносоставных поясов или являлись элементами конской упряжи. Более вероятным, в нашем случае, является первый вариант, поскольку к распределителю прикреплена цепочка из железных витых костыльков. Несомненным представляется, что такие предметы являлись статусной вещью, о чем, в частности, говорит факт починки изделия, произведенной в древности.

Литература

Антейн 1973 — *Антейн А. К.* Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига: Зинатне, 1973. 139 с.

Корзухина 1950 — *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. № XIII. С. 63–94.

Кирпичников 1961 — *Кирпичников А. Н.* Русские мечи XI–XIII вв. // КСИА. 1961. № 85. С. 11–25.

Кирпичников 1966а — *Кирпичников А. Н.* Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. // Скандинавский сборник. Вып. XI. Таллин: Олион, 1966. С. 249–298.

Кирпичников 1966б — *Кирпичников А. Н.* Мечи куршей // Исаенко В. Ф. (ред.). Древности Белоруссии. Минск: [Б. и.], 1966. С. 299–300.

Парчевский 2011 — *Парчевский М.* Скандинавская находка из княжеского города Галича // SP. 2011. № 5. С. 175–182.

Роэсдаль 2001 — *Роэсдаль Э.* Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб.: Всемирное слово, 2001. 271 с.

Сениченкова 2015 — *Сениченкова Т. Б.* Полузабытая коллекция из раскопок Н. Е. Бранденбурга // Королькова Е. Ф. (ред.). Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы СПб.: ГЭ, 2015. С. 375–381 (ТГЭ. Вып. LXXVII).

Arne 1913 — *Arne T. J.* Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit // Opuskula Archeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata. D. IX. M. SEPT. A. MCMXIII. P. 376–390.

Kazakevičius 1996 — *Kazakevičius V.* IX–XIII a. Baltu kalavijay. Vilnius: Lietuvos Istorijos instituto, 1996. 174 p.

Kuršiai 2009 — Kuršiai. Genties Kultūra laidosenos duomenimis. Vilnius: Lietuvos nacionalis muziejus, 2009. 461 c.

Latvijas PSR 1974 — *Apals J., Atgāzis M., Daiga J., Deņisova R., Graudonis J., Loze I., Mugurēvičs Ē., Stubavs Ā., Šnore E., Zagorskis F., Zariņa A.* Latvijas PSR arheologija. Riga: Zinātne, 1974. 215 l.

Paulsen 1953 — *Paulsen P.* Schwertortbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953. 196 p.

Thunmark-Nylén 1998 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotland II. Tipentafeln. Stokholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. 17 s. 316 pl. s.

Thunmark-Nylén 2006 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotland III. 1–2. Text. Stokholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2006. 376 s.

Tomsons 2018 — *Tomsons A.* Zobeni Latvijas teritorijā no 7. līdz 16.gadsimtam. Rīga, 2018. 348 l. (Latvijas Nacionālā vestures muzeja raksti. Nr. 27).

В. Ю. Соболев
(Санкт-Петербург)

Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли

Многолетние полевые исследования археологических памятников средневекового Никольского Которского погоста[1] дали богатую коллекцию артефактов, иллюстрирующую все стороны жизни его населения. Находки предметов вооружения и конского снаряжения играют в этой коллекции важную роль. Они были найдены как при исследовании культурных напластований поселения, так и при изучении погребальных памятников, однако вся совокупность находок ранее никогда не рассматривалась как единый комплекс.

Поселение

Поселение Которскóй погост состоит из небольшого мысового городища и примыкающего к нему с напольной стороны селища (Соболев 2015б: 10–13; Соболев 2017: 217–220). На площадке городища культурный слой не выявлен. Культурные напластования селища подразделяются на нижний слой бурого гумусированного песка («бурого гумуса») и верхний слой гумусированного песка, окрашенного в черный цвет («черного гумуса»), верхняя часть которого распахана (т. н. «горизонт пахоты»)[2].

Возникновение поселения относится к концу IX — рубежу IX–X вв., прекращение жизни и перенос поселения на место современной деревни произошли не позднее середины — второй половины XI в.

Из слоя бурого гумуса происходит лишь фрагмент массивного ангона — особого вида метательного копья с двушипным наконечником (рис. 1, *1*). Копья с пером в виде двух расходящихся в стороны шипов относятся к типу VII, по классификации А. Н. Кирпичникова; исследователь указывает на их связь с европейскими позднеантичными и раннесредневековыми оружейными традициями, подчеркивая их преимущественно промысловое значение в древнерусское время (Кирпичников 1966: 13). Происхождение рассматриваемого артефакта из нижних

[1] История обнаружения и исследования археологических памятников Которского погоста подробно изложена в: Соболев 2015: 4–10.

[2] Подробнее о стратиграфии Которского селища см.: Кузьмин 1990: 154–160; Mikhailova 2014; Соболев 2015: 10–19; Соболев 2017: 221–225.

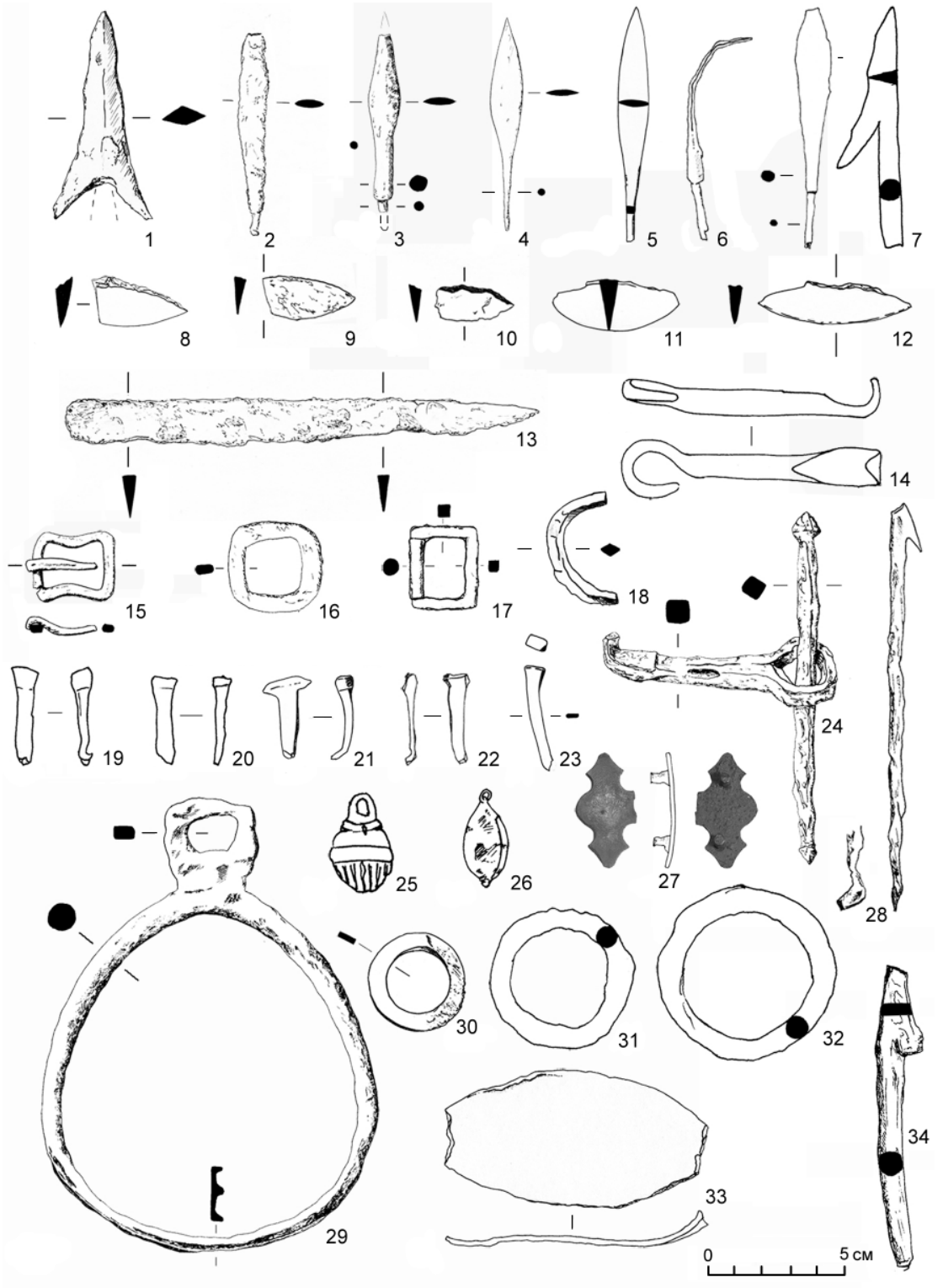

Рис. 1. Селище Которской погост. Предметы вооружения и снаряжения коня. 1 — наконечника копья фрагмент; 2–6 — наконечники стрел; 7, 28, 34 — наконечники гарпунов; 8–12 — фрагменты лезвий топоров; 13 — фрагмент лезвия боевого ножа; 14, 24 — фрагменты удил; 15–17 — пряжки подпружные; 18, 30–32 — сбруйные кольца; 19–23 — гвозди подковные; 25, 26 — подвески; 27 — сбруйная накладка; 29 — стремя; 33 — фрагмент подножки стремени. 1–24, 27–34 — железо; 25, 26 — бронза

напластований селища позволяет сделать осторожное предположение о его связи с носителями культуры длинных курганов, памятники которых в ближайших окрестностях Которского погоста известны (Хвощинская, Прусакова 1972; Царькова 1972; 1973; Соболев 2015б: 19–21); в любом случае, массивность рассматриваемого изделия и его длина дают возможность предполагать как минимум двойное назначение наконечников данного типа.

«Черный гумус» — слой черного гумусированного песка имеет внутреннюю стратификацию. Его нижнюю часть практически на всей площади раскопанных участков составляет горизонт мощного пожара: катастрофа, по всей видимости, имела военный характер. Из этого слоя происходит целый ряд находок: стремя, обломок топора, ланцетовидные и листовидный наконечники стрел, один из которых был найден в вертикальном положении, острием вниз — очевидно, древко не долетевшей до цели стрелы сгорело, а наконечник так и остался в земле.

Ланцетовидные наконечники (рис. 1, *2, 3, 6*) могут быть отнесены к варианту 2 типа 62 (Медведев 1966: 73–74), листовидный (лавролистный) с пером линзовидного сечения и простым круглым черенком без упора (рис. 1, *4*) близок типу 63 (Медведев 1966: 75–76). Аналогичный лавролистный наконечник происходит из слоя пахоты (рис. 1, *5*). Еще один ланцетовидный наконечник стрелы (рис. 1, *6*), также относящийся к варианту 2 типа 62, был обнаружен при незаконных поисковых работах на селище в 2017 г. и выброшен грабителями как непредставляющий интереса (Михайлова, Соболев 2019: 103, рис. 4).

В заполнении постройки 1 (слой черного гумуса) были найдены два одношипных черешковых наконечника, традиционно относимых к гарпунам (рис. 1, *28, 34*). Массивность их черешков не исключает универсальное назначение обоих артефактов (Кирпичников 1966: 19–23). Вероятно, к этой же категории следует отнести обломок черешкового одношипного наконечника (рис. 1, *7*), извлеченного при незаконных раскопках, по всей видимости, из слоя пахоты (Соболев 2005: 79).

Целое стремя (рис. 1, *29*) относится к I типу, по А. Н. Кирпичникову. Оно характеризуется округлой подножкой и пластинчатым трапециевидным ушком и является наиболее распространенной формой стремян X — первой половины XI в., которая связана с евразийскими формами более раннего времени (Кирпичников 1973: 47). Вероятно, подножкой стремени этого же типа является плоский железный предмет овальновытянутой формы, также происходящий из незаконных раскопок (Михайлова, Соболев 2019: рис. 4, *9*) и выброшенный грабителями (рис. 1, *33*).

В заполнении постройки 4 была найдена половина удил со стержневидным псалием (рис. 1, *24*), которая может принадлежать как к типу IV, так и типу V, являющимся наиболее массовыми находками (Кирпичников 1973: 16–17). К одному из этих типов относится половина удил (рис. 1, *14*), найденных грабителями в начале 2000-х гг. (Соболев 2005: 78–79). К деталям снаряжения верхового коня относятся происходящие из слоев черного гумуса и пахоты железные подпружные пряжки — прямоугольная с изогнутыми боковыми сторонами (рис. 1, *15*) и подквадратные (рис. 1, *16, 17*), массивные железные кольца круглого и ромбического сечения (рис. 1, *18, 30–32*) и подковные гвозди (рис. 1, *19–23*)[3]. Возможно, украшениями

[3] Следует отметить, что часть рассматриваемых артефактов, изъятая грабителями из слоя пахоты (напр., подпружные кольца № 31 и 32 и некоторые подковные гвозди), по всей

узды служила часть бронзовых ременных накладок, также происходящих из слоя пахоты (Соболев 2018).

К украшениям деталей конского снаряжения могут относиться найденный в слое пахоты бубенчик с выделенным пояском в средней части и отходящими от него вниз гравированными линиями (рис. 1, *25*) и найденная в слое черного гумуса на селище деформированная овальная привеска с небольшим ушком на одном конце и каплевидным завершением на противоположном (рис. 1, *26*). Похожие подвески конской узды известны в средневековых древностях населения степной и лесостепной зон (Соболев 2005: 86).

Несомненно, к украшениям конской узды относится фрагмент бронзовой накладки, найденный в 2006 г. в западной части поселения в раскопе Е. Р. Михайловой (рис. 1, *27*), однако он принадлежит к более позднему времени (XV–XVI вв.).

Найденный в горизонте пожара обломок лезвия топора (рис. 1, *8*), по всей видимости, принадлежал узколезвийному боевому топорику типа I или III (Кирпичников 1966: 29, 31–33), аналогичные лезвия происходят из заполнения постройки 1а (рис. 1, *12*), вышележащего слоя черного гумуса (рис. 1, *11*) и из слоя пахоты (рис. 1, *9, 10*) Которского селища. Узколезвийные топорики этих типов широко распространены, лезвия схожей формы были найдены при раскопках городища Надбелье на Оредеже, городища в дер. Городец (под Лугой), Малышевского городища (Любытинский археологический комплекс), целые топоры происходят из погребения 25 в Пскове (Малышева 2012: 71, 136–137), погребения 2 в «каменной насыпи»[4] и погребения 14 могильника Удрай II[5], кургана 2 могильника Удрай VI[6], курганов Юго-Восточного Приладожья.

В верхнем уровне заполнения постройки 3 (слой черного гумуса) был найден обломок лезвия ножа длиной около 14 см, шириной до 2,5 см и толщиной обуха около 0,5 см без следов перехода от клинка к рукояти (рис. 1, *13*). Аналогичный целый нож длиной 39,7 см происходит из слоя переотложенного гумусированного песка Псковского некрополя и интерпретируется как боевой (Малышева 2012: 71, табл. XLVII, *1*; Артемьев 1998); находки боевых ножей на Руси весьма редки.

Среди находок существуют две группы фрагментированных средневековых артефактов, которые могут быть как остатками предметов вооружения, так и обломками бытовых или универсальных орудий. В первую очередь это происходящие из слоев черного гумуса и распашки части топоров — обломки лезвий (заполнение ямы 2), обухов (заполнение ямы 10), щекавиц, соотнесение которых с теми или иными типами затруднительно, — и найденные в тех же слоях предметы (Михайлова, Соболев 2019: 103, рис. 4, *8*), которые могут быть интерпретированы как копейные втоки или пешни.

вероятности, не связана с раннесредневековыми культурными напластованиями, а относятся к более позднему времени.

[4] Отдел хранения и изучения археологических коллекций НГОМЗ, КП 34112 А101–176.

[5] Там же, КП 34112 А101–165.

[6] Там же, КП 34112 А101–156.

Погребальные памятники

Оставленные населением Которского погоста погребальные памятники разнотипны: сопки, курганные могильники, бескурганные (грунтовые) некрополи с остатками кремаций (Кузьмин 1990б; Кузьмин, Михайлова 1997; Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000; Соболев 2015б: 19–31) и древнерусские христианские курганные кладбища.

Сопки Которского погоста не исследовались, ближайшая раскопанная насыпь этого типа находилась менее чем в 2,5 км к юго-востоку, у дер. Полосы, но захоронения в ней найдены не были (Кузьмин 1990а; Соболев 2015б: 21–23).

Часть курганных могильников с кремациями относится к культуре псковских длинных курганов, исследованные насыпи не содержали предметов вооружения[7]; в еще одном изученном кургане — высокой погребальной насыпи из группы Которск IV — открыты лишь погребения с остатками женского убора и бытовыми предметами (Кузьмин 1990а).

Бескурганные (грунтовые) могильники с неиндивидуальным размещением кремированных останков (в большинстве своем не образующими компактных скоплений россыпи обломков пережженных костей) содержат большое количество фрагментированных вещей и керамики, находимых в дерне и слабогумусированном поддерновом слое на вершинах озовых гряд. По всей вероятности, собранные на месте погребального костра кремированные останки и вещи размещались в легких (берестяных?, лубяных?) наземных вместилищах, реже в неглубоких ямках, или же высыпались на поверхность земли. В Которском погосте выявлено четыре археологически синхронных могильника этого типа, по всей вероятности, каждый из которых является семейным кладбищем.

Наиболее полно изучен выявленный первым могильник Которск IX, результаты его исследования были опубликованы (Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000), хронология памятников этого типа подробно рассмотрена Е. Р. Михайловой (Михайлова 2014б).

В слое могильника обнаружено небольшое число предметов вооружения, деталей воинского снаряжения и снаряжения верхового коня, в большинстве относящихся к тем же типам, что и артефакты, найденные в культурных напластованиях селища: обломок ланцетовидного наконечника стрелы типа 62 (Медведев 1966: 73–74) (рис. 2, *2*), половина кольчатых удил IV или V типа (Кирпичников 1966: 16–17) (рис. 2, *1*), железная подквадратная, вероятно, подпружная пряжка (рис. 2, *6*). Как и на селище, в слое могильника были обнаружены фрагменты топоров неопределимых типов, они не включены в настоящую выборку. Наиболее редкой и интересной является находка железного колчанного крюка, несущего следы воздействия высокой температуры (рис. 2, *3*). Полные аналогии данному артефакту найти пока не удалось, схожий происходит из раскопок Гнездовского археологического комплекса.

В разведочных раскопах, заложенных на соседнем однотипном могильнике Которск XI, были найдены подковный гвоздь (рис. 2, *4*) и ледоходный шип (рис. 2, *5*)[8].

[7] Стоит отметить, что находки предметов вооружения и/или снаряжения воина весьма редки в памятниках этой культуры (Михайлова 2013; Михайлова 2014а).

[8] Назначение данных предметов по-прежнему дискуссионно, их отнесение к снаряжению верхового коня обосновано А. Н. Кирпичниковым.

Принятие христианства и крещение населения Новгородской земли археологически выражается в смене погребального обряда; появлении подкурганных ингумаций, наиболее ранние из которых датируются серединой XI в. (Соболев 2015а). Этим временем можно датировать наиболее ранние древнерусские христианские погребения Которского погоста. До настоящего времени в составе комплекса памятников сохранились три курганных кладбища, каждое, вероятно, как и бескурганные могильники, являлось семейной усыпальницей[9]. Новые — христианские — кладбища топографически наследуют некрополям предшествующего времени[10], располагаясь на тех же озовых грядах, но в отдалении от них. Лишь спустя практически сто лет с момента своего появления древнерусские курганы «наползают» на бескурганные могильники.

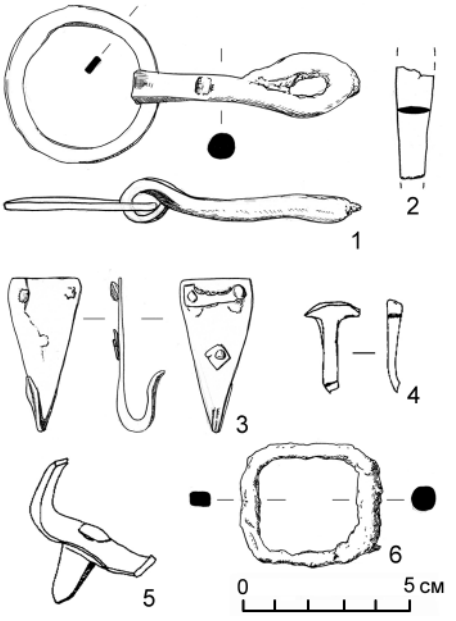

Рис. 2. Бескурганные (грунтовые) могильники Которск IX и Которск XI. Предметы вооружения и снаряжения коня. 1–3, 6 — Которск IX; 4, 5 — Которск XI. 1 — фрагмент удил; 2 — фрагмент наконечника стрелы; 3 — крюк колчанный; 4 — гвоздь подковный; 5 — шип ледоходный; 6 — пряжка подпружная. 1–6 — железо

Всего в Которском погосте исследовано немногим более 70 курганов древнерусского времени, предметы вооружения были найдены в девяти из них; часть комплексов опубликована (Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000; Соболев 2010; Михайлова, Соболев 2017).

Топор (рис. 3, *8*) был найден в «богатом» мужском погребении в кургане 3 кладбища Которск III, в котором кроме него были найдены подковообразная спиралеконечная застежка с орнаментированной дугой треугольного сечения и узкой иглой, четвертая часть серебряной монеты, пара разновесов от весов для малых взвешиваний, бронзовая подвеска-гребень с коньками на спинке и железный нож. В ногах погребенного был расчищен круговой горшок с остатками железного обруча под венчиком. Топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и небольшим вырезным обухом близок ранним вариантам типа IV (Кирпичников 1966: рис. 6).

Копья найдены лишь в двух погребениях, совершенных под насыпью кургана 19 группы Которск XI. Двушипное черешковое копье из погребения 1 (рис. 3, *2*) может быть отнесено к типу VII, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 13, рис. 1), считающимся промысловыми орудиями. Одновременное захоронение в двух смыкающихся полами курганах трех вооруженных мужчин и отсутствие как

[9] Возможно, число курганных некрополей было бóльшим: в исследованиях начала XX в. отмечено еще одно древнерусское (?) кладбище, несохранившееся до настоящего времени.

[10] Этим объясняются одинаковые названия курганных и бескурганных (грунтовых) могильников (Которск III, Которск IX, Которск XI), часть бескурганных некрополей была открыта при исследовании древнерусских кладбищ.

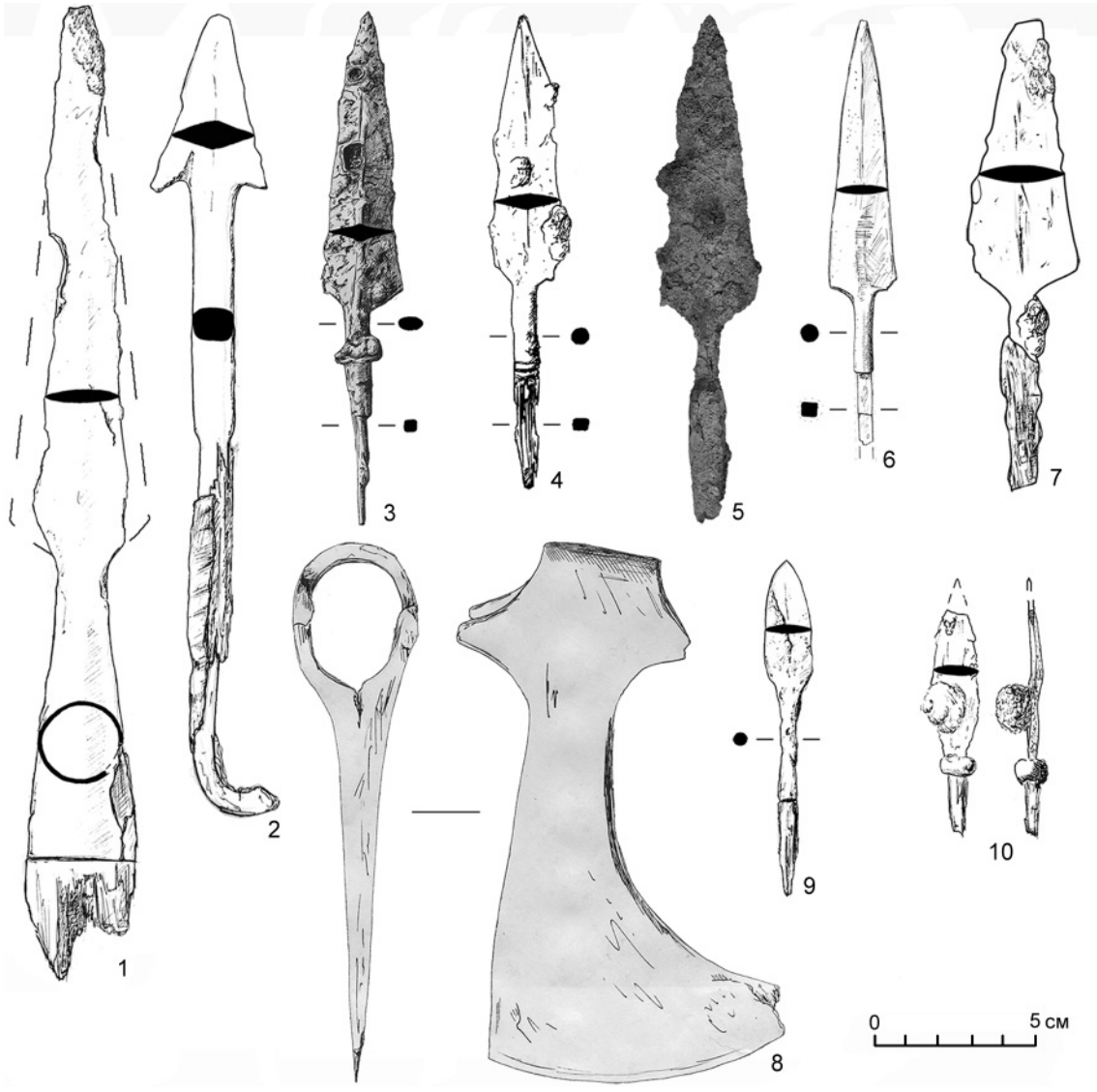

Рис. 3. Курганные могильники Которск III, Которск IX и Которск XI. Предметы вооружения. 1, 2, 4–7, 9 — Которск XI; 3, 8 — Которск IX; 10 — Которск III. 1–7, 9 — железо, дерево; 6, 10 — железо

среди исследованных в Которске захоронений, так и в целом в погребениях региона, традиции помещения в могилу бытовых предметов позволяет поставить под сомнение узкоутилитарное — охотничье — назначение наконечников этого типа. Наконечник отличается от описанного выше, происходящего из нижних напластований селища: у более раннего экземпляра шипы имеют более крутой угол перегиба. Черешковые двушипные ангонообразные копья в древнерусских материалах редки, территориально ближайшая находка двушипного втульчатого наконечника копья происходит из раскопанного Н. Н. Чернягиным кургана у дер. Адамово в Восточном Причудье (Чернягин 1940: 26).

Из погребения 2, совершенного под насыпью того же кургана 19, происходит корродированный втульчатый наконечник копья с относительно нешироким

пером удлиненно-треугольной формы и низко опущенными плечиками (рис. 3, *1*) типа III, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 8–10, рис. 1), широко распространенного в Северной и Восточной Европе, Прибалтике и Польше.

В отличие от большинства мужских погребений древнерусского времени, захоронения в кургане 19 могут быть узко датированы благодаря находке одностороннего наборного костяного гребня, датировка которого по аналогиям в слоях Великого Новгорода не выходит за пределы третьей четверти XI столетия[11].

Наиболее массовой находкой предметов вооружения из мужских ингумаций Которского погоста являются черешковые наконечники дротиков с пером линзовидного сечения, схожим с типом III копий (рис. 3, *3–7*). Назначением сулиц этого типа А. Н. Кирпичников считает скорее охоту, однако указывает, что часть из них могла иметь и боевое применение (Кирпичников 1966: 13, 19, 23). Черешковые дротики найдены в кургане 2 могильника Которск IX и курганах 5, 7, 10 и 14 кладбища Которск XI. Еще в одном кургане этой группы — 21 — был найден небольшой наконечник листовидной формы с длинным черешком, который мог принадлежать как дротику, так и стреле (рис. 3, *9*). Наконечник схожей формы, отнесенный А. Н. Кирпичниковым к типу IVA (Кирпичников 1966), происходит из кургана LXXXVIII, раскопанного Н. Е. Бранденбургом у дер. Кирилина в Юго-Восточном Приладожье (Бранденбург 1895: 119–122).

Еще один наконечник стрелы — небольшой, листовидной формы, с упором и пером линзовидного сечения — был найден в погребении 2 кургана 29 группы Которск III (рис. 3, *10*). Этот курган интересен тем, что первоначально он был возведен над погребением 1 — мужской ингумацией; у пояса погребенного был найден небольшой железный нож с остатками деревянной рукояти. По прошествии некоторого времени у юго-восточной полы кургана была отрыта еще одна могила небольшого размера (погребение 2), по дну которой были рассыпаны останки кремированного индивида. Линза кальцинированных костей фиксировалась не по всей площади, а в виде вытянутого пятна, имитирующего положение костяка. В могилу было положено несколько предметов, неподвергавшихся воздействию огня: небольшой железный нож, железный наконечник стрелы, серебряная монета. После засыпки могилы насыпь кургана 21 была увеличена таким образом, что перекрыла оба захоронения.

В древнерусских христианских некрополях Которского погоста известно несколько мужских погребений, совершенных по обряду трупосожжения, в части из них среди кальцинированных костей найдены вещи без следов пребывания в огне. Эти захоронения, на мой взгляд, не могут рассматриваться как проявление языческих пережитков, они совершены максимально приближенно к христианскому канону, на что указывает наличие и ориентация могилы, размещение костей на дне; возможно, кости были накрыты одеждой, т. к. ножи, носившиеся подвешенными к поясу, находятся в средней части могил, то есть именно там, где находился бы пояс при погребении по обряду ингумации, монета была найдена в ногах, что зафиксировано во многих ингумациях региона. Представляется вероятным, что захоронение 2 в кургане 21 — это погребение человека, умершего или погибшего вдали

[11] Условно синхронизируются с 23 ярусом мостовых Неревского раскопа и ниже, т. е. до 1076 г. (Лесман 1984).

от дома. Необходимость доставки тела на родовое кладбище и возможные способы его транспортировки обусловили особенности погребального обряда.

Подведем некоторые итоги.

Население средневекового локального центра Новгородской земли состояло из свободных зажиточных земледельцев типа северных бондов, знакомых со всеми типами современного им оружия и обладавших ими. В то же время, несмотря на их «богатство» (Михайлова, Соболев 2018), предметы, связанные именно с профессиональной воинской субкультурой, наиболее ярко представлены в горизонте пожара поселения, т. е. выпали в слой в результате военного конфликта, итогом которого стало сожжение погостского центра. Логично предположить, они принадлежали нападавшим, а не защищавшимся.

Предметы вооружения, воинского и всаднического снаряжения в погребальных памятниках дохристианского времени немногочисленны, характер погребального обряда — кремация, остатки погребений, находимые рассыпанными по поверхности земли и во «взвешенном» состоянии в дерне и поддерновом слое, — не дает возможности для определения или реконструкции их роли в погребальной обрядности. Возможно, наконечник стрелы не играл никакой роли в погребальном обряде, но явился причиной смерти одного из погребенных.

С принятием христианства и распространением нового погребального обряда число захоронений с оружием, как кажется, возрастает. Примечательно, что узко датированные комплексы с оружием относятся к раннему этапу древнерусской культуры и датируются второй половиной XI в.; представляется вероятным, что не позднее начала XII в. были совершены и остальные погребения с оружием Которского погоста.

Роль оружия в древнерусском погребальном обряде не вполне ясна. Часть исследователей связывает помещение мечей, топоров, копий в могилы с отголосками традиций предшествующей эпохи. М. Х. Алешковский предположил, что погребения с оружием — это захоронения местной сельской элиты и младших дружинников, получавших ленные пожалования от князей и бояр (Алешковский 1960). Возможно, оружие в захоронении отражает социальный статус покойного, однако столь же вероятно, что его наличие было призвано свидетельствовать личное участие погребенного в походе и/или сражении, что косвенно подтверждается отсутствием среди находок конского снаряжения и появлением в Новгородской земле группы захоронений мужских кремированных останков, подражающих трупоположениям, в части которых найдено оружие.

Литература

Алешковский 1960 — *Алешковский М. Х.* Курганы русских дружинников // СА. 1960. № 1. С. 70–90.

Артемьев 1998 — *Артемьев А. Р.* Скрамасакс из Псковского некрополя X — начала XI в. // АВ. 1998. № 5. С. 228–232.

Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1895. 156 с. (МАР. № 18).

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с. (САИ Вып. Е1-36).

Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. IV: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1973. 138 с. (САИ. Вып. Е1-36б).

Кузьмин 1990а — *Кузьмин С. Л.* Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 15849–15851.

Кузьмин 1990б — *Кузьмин С. Л.* Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгородской земли, 1990 г. М.: НГОМЗ, 1991. С. 153–168.

Кузьмин, Михайлова 1997 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // Седов В. В. (ред.). Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 138–146 (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3).

Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // SP. 2000. № 5. С. 70–82.

Лесман 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Лебедев Г. С. (ред.). Археологическое исследование Новгородской земли: Межвузовский сборник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.

Малышева 2012 — *Малышева Н. Н.* Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Лабутина И. К. (отв. ред.). Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 1. СПб.: Нестор-История, 2012. 298 с.

Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Михайлова 2013 — *Михайлова Е. Р.* Находки предметов вооружения в культуре псковских длинных курганов // Acta Archaeolgica Albaruthenica. Vol. IX. Мінск: Галіяфы, 2013. С. 29–44.

Михайлова 2014а — *Михайлова Е. Р.* Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // SP. 2014. № 6. С. 73–82.

Михайлова 2014б — *Михайлова Е. Р.* Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (ред.). Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Михайлова, Соболев 2017 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Платонова Н. И. (отв. ред.). Élite ou Égalité… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб.: Бранко, 2017. С. 147–157.

Михайлова, Соболев 2018 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Носов Е. Н. (отв. ред.). ННЗИА. Вып. 30. Великий Новгород: НГОМЗ, 2018. С. 181–190.

Михайлова, Соболев 2019 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Разведки на западе средневековой Новгородской земли в 2016–2017 гг. // Носов Е. Н. (отв. ред.). ННЗИА. Вып. 32. Великий Новгород: НГОМЗ, 2019. С. 100–108.

Соболев 2005 — *Соболев В. Ю.* Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // Янин В. Л. (отв. ред.). ННЗИА. Вып. 19. Великий Новгород: НГОМЗ, 2005.

Соболев 2010 — *Соболев В. Ю.* Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 169–177.

Соболев 2015а — *Соболев В. Ю.* Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // АВ. 2015. Вып. 21. С. 352–367.

Соболев 2015б — *Соболев В. Ю.* Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI века) // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород: СПбИИ РАН, Новгородский ГУ, НГОМЗ, 2015. С. 4–32.

Соболев 2017 — *Соболев В. Ю.* Которской погост в системе средневековых крепостей запада Новгородской земли // Ефимов С. В. (ред.). Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды VIII МНПК (17–19 мая 2017 г.). Ч. IV. СПб.: Департамент культуры Минобороны России, Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2017. С. 216–230.

Соболев 2018 — *Соболев В. Ю.* Детали поясной гарнитуры населения Которского погоста // Аранович А. В., Алексеев Д. Ю. (ред.). История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы III международной военно-исторической конференции (23 ноября 2017 г.). СПб.: СПб ГУ технологии и дизайна, 2018. С. 16–31.

Хвощинская, Прусакова 1972 — *Хвощинская Н. В., Прусакова З. В.* Разведка в верховьях р. Плюссы // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 43.

Царькова 1972 — *Царькова Л. А.* Разведка в Плюсском районе Псковской области // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 23–24.

Царькова 1973 — *Царькова Л. А.* Исследование погребальных памятников на территории Псковской области // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 44–45.

Чернягин 1940 — *Чернягин Н. Н.* Чертежи раскопок курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковской обл. в 1938–1940 гг. (д.д. Безьва, Володи, Городня, Совий Бор), рисунки находок. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35 Оп. 1. 1940. Д. № 165.

Mikhailova 2014 — *Mikhailova H.* Kotorsky pogost — a local centre in the western part of Novgorod Land // Linnuste raamatu eestikeelene paralleelpealkiri. Muinasaja teadus. 24. Tartu, 2014. P. 157–186.

П. Е. Сорокин, П. А. Васин
(Санкт-Петербург)

Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья

Классификация древнерусских мечей, разработанная А. Н. Кирпичниковым, разделяет мечи по форме наверший и перекрестий (Кирпичников 1966). Для раннесредневекового оружия, когда мечи каролингского типа имели сходные по форме и размерам клинки, такой подход считается обоснованным. Мечи более позднего периода — развитого и позднего средневековья — характеризуются большим разнообразием клинков и рукоятей — романские одноручные, полуторараучные мечи с рубящими, колющими (готическими) и промежуточными клинками со значительными вариациями длины меча, формы поперечного сечения, количества долов, граней, ребер и т. п. В настоящее время наиболее детальной классификацией, учитывающей и дифференцирующей все эти признаки, считается общеевропейская классификация Э. Окшотта. В ней учитываются: тип клинка, соотношение размеров клинка и рукояти, особенности форм перекрестья и навершия меча (Окшотт 2009: 202–316).

Мечи Северо-Запада Новгородской земли составляют одну из наиболее представительных коллекций на территории Древней Руси, что связывается с особенностями погребальной обрядности на этой территории. Традиция помещения мечей в погребения, появившаяся на отдельных территориях Северо-Запада в IX в., местами исчезает уже в XI в. и полностью прекращается в XIII столетии. Ближайшие к Приневью находки мечей известны в основных зонах расселения восточной части прибалтийско-финских племен: корелы — в северо-западном Приладожье (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006), води — на Ижорском плато (Спицын 1896; Кирпичников 1966; Стасюк 2010), приладожской чуди или веси — в юго-восточном Приладожье (Кирпичников 1966; Кочкуркина 1981: 261, 282), в меньшей степени у населения Понаровья и восточного Причудья. В бóльшем количестве мечи встречаются в погребениях на западных прибалтийско-финских территориях — в Эстонии и Западной Финляндии.

На Карельском перешейке и в северо-западном Приладожье найдено 12 мечей XII–XIII вв. и три меча, которые могут относиться и к эпохе викингов, и к рубежу двух периодов (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 41–72, рис. 1). В Эстонии известно несколько десятков романских мечей и их деталей, датируемых рубежом XII–XIII — XIII в. (Mandel 1991: 130–133).

На Ижорском плато из 15 мечей 12 происходят из раскопок Л. К. Ивановского 1872–1891 гг. (Спицын 1896: 34; Кирпичников 1966: 76–77, 86–89; Стасюк 2010: 397).

Обращает на себя внимание хронологическое несоответствие части этих мечей, относящихся к каролингским типам (четыре меча типа H и один — типа Z по Я. Петерсену) IX–XI вв., и самих могильников (1134–1313 гг. по Ю. М. Лесману, см.: Лесман 1982: 70–71). Оно объясняется длительностью использования в этом регионе каролингских мечей в течение нескольких веков до попадания их в погребения (Стасюк 2010: 402–403). А. Н. Кирпичников отмечал возможность запаздывания отдельных типов мечей на древнерусской территории в пределах 50–100 лет в сравнении с Западной и Северной Европой (Кирпичников 1966: 19, 30–32, 42). Встречаются и другие сведения о возможности более длительного использования каролингских мечей на Руси. Такой меч, например, обнаружен на разрушенном монголами Райковецком городище (1240 г.) вместе с девятью романскими мечами и их деталями (Гончаров 1950: 91, табл. XI, *1*). Однако одновременность этого комплекса находок вызывает сомнения, поскольку среди них имелся и рубящий полутораручный меч с квадратным навершием, принадлежащий к типу «Spadaschiavonesca», датируемый с конца XV по XVI в.

Следует отметить, что на территориях соседних прибалтийско-финских племен датировки мечей, в основном, соответствуют времени самих погребальных комплексов. Каролингские мечи, связываемые с могильниками XII–XIII вв. на Ижорском плато, также, вероятно, могли принадлежать к более ранним захоронениям, которые не были выделены в составе материалов Л. К. Ивановского.

Средневековые мечи в Приневье и юго-западном Приладожье — на территории летописной ижоры — встречаются реже, чем на соседних землях с прибалтийско-финским населением, что связано, вероятно, с относительно небольшим количеством изученных захоронений XII–XIII вв. и отсутствием здесь выявленных памятников предшествующего времени.

Два романских меча были обнаружены в 2005 г. и один зафиксирован в 2015 г. в процессе работ Санкт-Петербургской археологической экспедиции южнее Невы. Они происходят из погребальных памятников Кирсино 1 и Погостье 1, изученных в бассейне верхнего течения реки Мги. Первый из них, раскопанный полностью, судя по комплексу обнаруженных находок, датируется второй половиной XII — первой половиной XIII в. (Сорокин 2006: 100–106; 2008: 92–105). Второй могильник относится, вероятно, к тому же или несколько более позднему времени, но его датировка нуждается в уточнении (табл.; рис. 1–3). Предварительные публикации мечей из Кирсино 1, находившихся в сильно коррозированном состоянии, делались до их реставрации.

Меч из парного погребения Кирсино 1.1 относится к мужскому захоронению. Костные останки не сохранились, но судя по расположению вещей, меч находился справа от погребенного, был положен вдоль его тела вместе с наконечниками копья, сулицы, с топором и косой (Сорокин 2006: 100–106, 2008: 92–105). По форме навершия меч относится к типу III по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 1, *1*; 2, *1*; 3; табл. 1.1). При этом у него не изогнутое, а прямое перекрестье, что более характерно для западноевропейских мечей конца XII — первой половины XIII в. (Кирпичников 1966: 53). По классификации Э. Окшотта меч может быть отнесен к типу XIIIb с рубящим клинком средней длины, с практически параллельно идущими лезвиями, сходящимися к округлому острию, с относительно широким, но очень слабо выраженным долом и одноручной рукоятью. Сам клинок неширокий

Таблица

№ п/п, рис.	1, рис. 1.1	2, рис. 1.2	3, рис. 1.3
Комплекс, место находки	Кирсино 1, погр. 1.1	Кирсино 1, погр. 6.1	Погостье 1, случайная находка
Тип по Кирпичникову	III	V	VI
Тип комбинированный (на основе классификации Окшотта)	XIII.3.N	XI.5.B	XII.6.G
Дата	XII–XIII	XIII	XIII
Общая длина $L = l_к + l_п$	94	97,5 (96,3)*	95
Длина клинка $l_к$	79	83,7 (82,5)	79
Длина рукояти $l_п$	15	13,8	16
Длина × средняя ширина дола $l_д \times S_д$	59×1,2	67×8	56×1,5
Ширина / толщина клинка у перекрестья $S_{кп}/h_{кп}$	4,5 / 0,5	5,0 / 0,6	4,4 / 0,5
Ширина / толщина клинка в 3 см от острия $S_{кк}/h_{кк}$	2,8 / 2,25	2,6 / 0,3	2,5 / 0,25
Длина перекрестья $l_п$	15,8 (14,8)	20 (19)	11 (10,5)
Высота перекрестья на концах $h_{п1}$	1,0	1,5	2,0
Высота перекрестья в середине $h_{п2}$	1,1	1,0	1,6
Ширина перекрестья на концах $S_{п1}$	0,8	0,8	0,1
Ширина перекрестья в середине $S_{п2}$	1,1	1,2	1,5
Ширина стержня рукояти (черенка) у перекрестья $S_{чп}$	2,6	2,6	2,8
Ширина стержня рукояти (черенка) у навершия $S_{чн}$	1,6	1,5	1,6
Ширина навершия $S_н$	6,8 (6,0)	6,0 (5,5)	4,6
Высота навершия $l_н$	3,0	4,0	4,5
Толщина навершия max / min $h_{н1}/h_{н2}$	1,6 / 0,8	3,1	16 / 11
Примечание	Один из стержней перекрестья отломан (около 10 мм), один угол навершия замят (около 8 мм)	Самый кончик острия клинка обломан (около 12 мм), один из стержней перекрестья (около 10 мм) отломан	

* В скобках указаны современные размеры с учетом утрат деталей, без скобок — изначальные их размеры (реконструкция).

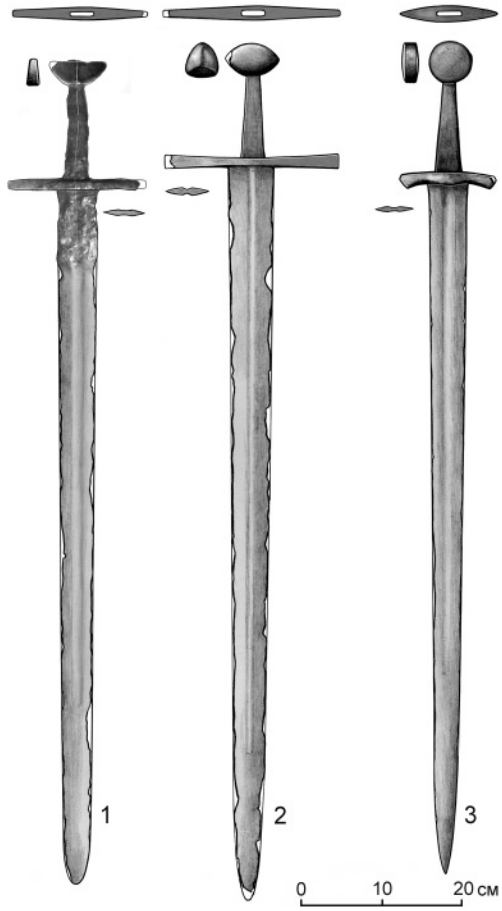

Рис. 1. Средневековые мечи из Южного Приневья: 1 — мог. Кирсино 1, погр. 1.1; 2 — мог. Кирсино 1, погр. 6.1; 3 — мог. Погостье 1

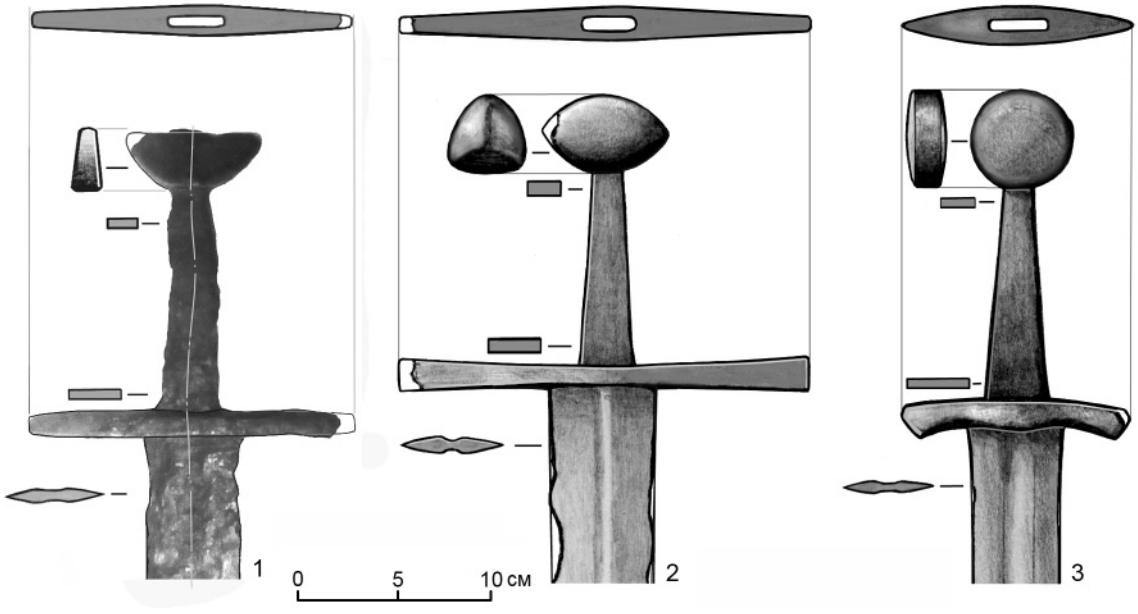

Рис.2. Рукояти и детали рукоятей мечей: 1 — мог. Кирсино 1, погр. 1.1; 2 — мог. Кирсино 1, погр. 6.1; 3 — мог. Погостье 1

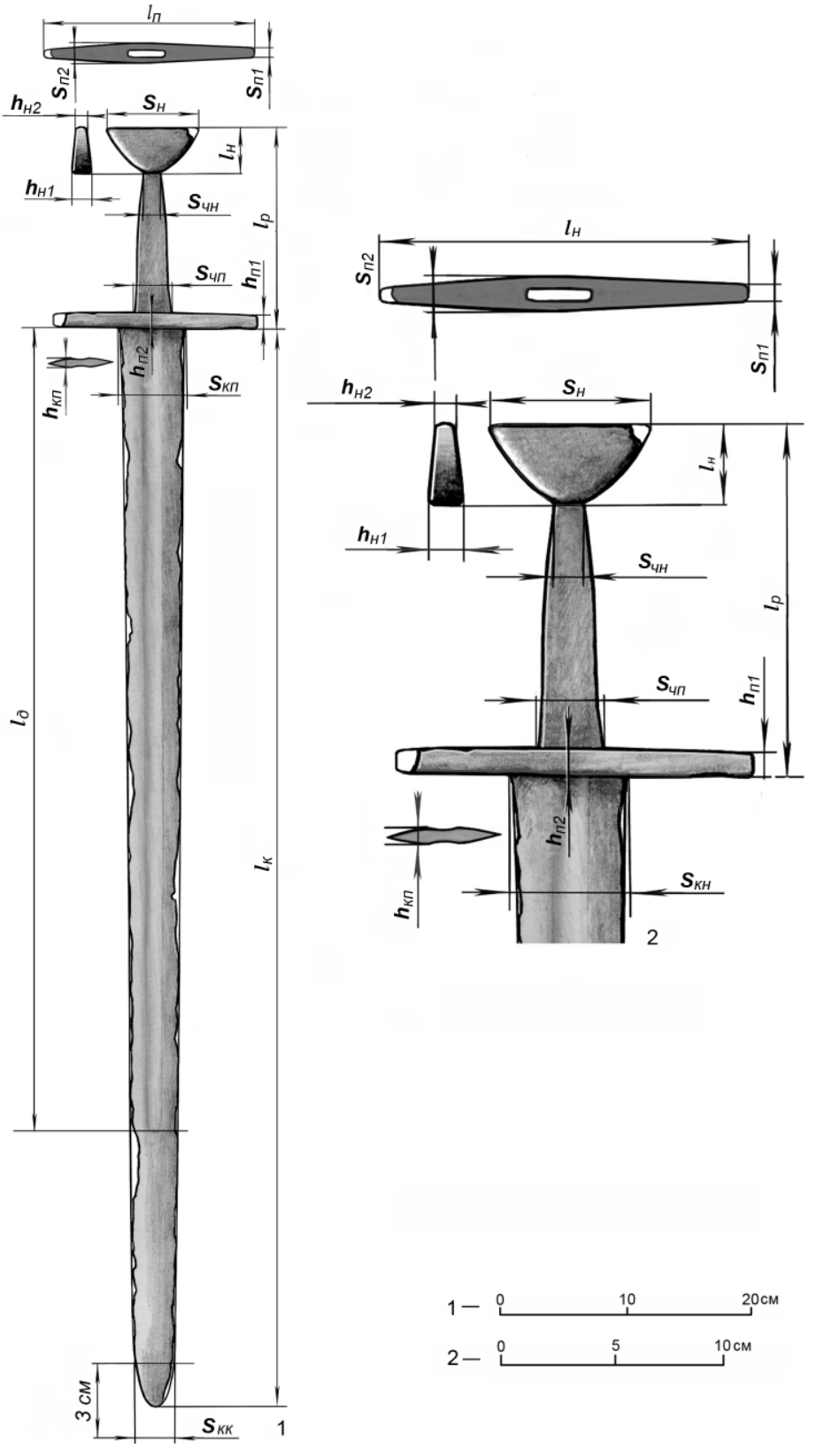

Рис. 3. Обозначение и места промеров мечей (на примере находки из мог. Кирсино 1).
1 — общий вид меча; 2 — рукоять и детали рукояти (параметры см.: табл.)

и относительно тонкий. Подобные рубящие клинки с широкими долами могли снабжаться длинными перекрестьями и романскими навершиями. Прямое, прямоугольное в сечении перекрестье средней длины, толщина которого слегка сужается к концам, соответствует типу 3 по Э. Окшотту, а навершие наиболее близко типу N (Окшотт 2009: 261–264). Следует отметить, что меч был обнаружен в корродированном состоянии. Лезвие клинка имело изъяны по сторонам, один из углов верхней грани навершия был обломан, а сама грань с выступом в центральной части имела небольшие углубления по сторонам; перекрестье с одной стороны было погнуто и обломано у окончания; рукоять меча носила следы сильной деформации в виде изгибов, которые не могли быть получены в результате использования меча в бою. В то же время сам клинок не был погнут, поэтому, вероятно, эти повреждения нельзя связывать с целенаправленной порчей оружия перед погребением.

В Западной Европе мечи с такими навершиями крайне редки. Известны два меча из Швейцарии и Румынии, а также скульптурное изображение с подобным мечом из Германии (Окшотт 2009: 263–264). По каталогу А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966: 86) на территории Древней Руси было найдено три меча подобного типа: один на Ижорском плато и два — на Украине. Эти находки датируются последней четвертью XII — первой половиной XIII в. Еще два меча подобного типа найдены на территории Белоруссии. Один из них реконструируется по деталям из оружейной мастерской Гомеля, прекратившей свое существование в результате монгольского погрома (1239–1250 гг.). Другой меч в древности прошел ремонт: его клинок сварен из двух фрагментов — однолезвийного без дола и двулезвийного с долом (Засвирь, Минская обл.). Он датируется XII–XIII вв. (Плавинскі 2009: 23–24, рис. 21). В Финляндии меч подобного типа найден в земле еми (Kivikoski 1973: 142, Abb. 1164). Наибольшее число мечей с «седловидным навершием» — 24 — найдено в Восточной Прибалтике (Kazakevičius 1996: 78–82, 160), где они также датируются XI–XIII вв.

Меч из парного погребения Кирсино 1.6 относится к мужскому захоронению. Костные останки не сохранились, но, судя по расположению вещей, меч находился справа от погребенного и был положен вдоль его тела, вместе с наконечниками копья, сулицы, топором и косой (Сорокин 2006: 100–106, 2008: 92–105). В соответствии с классификацией А. Н. Кирпичникова по характерной форме линзовидного навершия (так называемый «бразильский орех») и прямому длинному перекрестью меч относится к типу V (рис. 1, *2*; 2, *2*; табл. 1.2). В Европе мечи этого типа использовались в XII–XIV вв. (Кирпичников 1966: 54–55).

Самый кончик острия обломан — по всей видимости, клинок был на 12–15 мм длиннее. Почти параллельно идущие лезвия, явно зауженный и длинный дол и увеличенная толщина клинка позволяют отнести меч к типу XIa по Э. Окшотту. Тип XI (или XIa) по своим параметрам значительно отличается от типа X — переходного от каролингского к романскому. В целом мечи типа XI более длинные и узкие, у них узкий неглубокий дол и более толстый клинок в сравнении с типом X. Лезвия их обычно идут параллельно почти по всей длине клинка, не сужаясь к острию, оконечность его обычно заострена, а не закруглена. Манера использования мечей этого типа также отличалась — он входил в комплект вооружения конного воина и был предназначен, в основном, для рубки с коня.

Линзовидная форма наверший и длинные прямые перекрестья бытуют как составляющие романской группы мечей в течение достаточного длительного

исторического периода — практически от начала их распространения в Европе с XI в. и вплоть до XIV в. включительно. В более раннюю эпоху эти навершия имели значительную ширину — до 80 мм и более. Рассматриваемый меч отличается более скругленным и гладким навершием (тип B по Э. Окшотту), что позволяет использовать более позднюю датировку. Длинное прямое перекрестье (тип 5 по Э. Окшотту) плавно расширяется к концам по ширине и сужается по толщине, что также является поздним признаком. Такое же перекрестье, например, известно у двух однотипных мечей из Киевского исторического музея (инв. № З-801 и В-1405), датируемых концом XIII — началом XIV в. (Попельницька 2014: 150–153), а также и у других синхронных мечей. Укороченная рукоять и особенности клинка не позволяют продлить время бытования меча до XIV в. Более надежной представляется его датировка в пределах XIII в.

Многочисленные повреждения: облом кончика острия, замятины и отломы на перекрестье и навершии, характерные утраты на лезвиях клинка, могут свидетельствовать об активном боевом прошлом оружия. Понятно, что в ходе рубки на мечах на лезвиях остаются зазубрины, образуются скрытые микротрещины, которые в земле способствуют проникновению коррозии внутрь металла, образованию сколов и характерных утрат (рис. 1, *2*).

На Карельском перешейке два меча с линзовидным навершием найдены в Саккола (Лапинлахти) на месте могильника с сожжениями и в Метсяпиртти (Коукунниеми) (Кирпичников 1966: 54–55, Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 54–55, 62, рис. 1, *12*).

Мечи с линзовидным навершием достаточно широко распространены по территории всей Европы. По данным свода А. Н. Кирпичникова на территории Восточной Европы их было известно восемь экземпляров (Кирпичников 1966: 86). В настоящее время этот перечень может быть существенно расширен. Всего найдено 27 мечей: 11 — в Северной Руси, в основном, в новгородских землях, включая территории Ижорского плато и Карельского перешейка, восемь — на Украине, три — в Беларуси и один — в Западной Сибири (р. Обь). Места находок остальных мечей неизвестны. В Эстонии найден один меч и два навершия мечей этого типа (Mandel 1991: 131).

Меч из могильника Погостье 1 обнаружен случайно[1]. При обследовании места находки Санкт-Петербургской археологической экспедицией было установлено, что он происходит из нарушенного захоронения, сходного с могильником Кирсино 1. Считается, что мечи с дисковидными навершиями представляют наиболее многочисленную группу оружия эпохи развитого и позднего средневековья. Их особенно часто изображали художники XII–XIII вв. на миниатюрах, иконах, каменных образках, печатях, в белокаменной резьбе. В Европе мечи этого типа существуют с XII до XV в., при этом преобладают экземпляры с выпуклым навершием и прямым перекрестьем.

Меч с плоским дисковидным навершием и изогнутым перекрестием с расширяющимися концами соответствует типу VI, по А. Н. Кирпичникову. Дисковидные

[1] Меч найден поисковым отрядом, работавшим по перезахоронению советских солдат, погибших в Великой Отечественной войне. Пользуясь случаем, выражаем благодарность руководству и личному составу отряда, сохранившим находку и оказавшим содействие в обследовании ее местонахождения.

навершия, появляющиеся в эпоху викингов, в разных вариантах были наиболее употребительными в эпоху средневековья. По Э. Окшотту, меч можно отнести к типу XII, являвшемуся наиболее распространенным рыцарским одноручным мечом. Это хорошо сбалансированное оружие использовали конные и пешие воины со щитом и без щита. Такие мечи почти всегда демонстрируют широкие долы и сужающийся к острию клинок. С учетом других признаков — формы перекрестья и дисковидного навершия в виде низкого цилиндра с плоскими боковинами — полное обозначение типа рассматриваемого меча — XII.6.G. По размерам рукояти рассматриваемый экземпляр представляет собой промежуточный вариант между одноручным оружием и мечом в полторы руки, более удобным для конного боя. Хотя плоское дисковидное навершие появляется с начала XII в. и является относительно ранним признаком, но плавно сужающийся к концу клинок, предназначенный для нанесения как рубящих, так и колющих ударов, смещает датировку меча к XIII в. (рис. 1, *3*; 2, *3*; табл. 1.3).

Мечи с плоским дисковидным навершием датируются в Восточной Европе XII–XIV вв., при их наибольшем распространении в XIII в. По каталогу А. Н. Кирпичникова пять мечей VI типа происходят из разных регионов средневековой Руси (Кирпичников 1966: 88). Два из них известны из раскопок курганов Ижорского плато Л. К. Ивановского 1872–1891 гг. (Спицын 1896: табл. XIX; Кирпичников 1966: табл. II, XXVII; Стасюк 2010). К настоящему времени известно уже 18 мечей этого типа: 14 происходят с территории Северо-Запада (включая подвластные Великому Новгороду земли карел и финнов) и по два экземпляра найдено в Украине и Беларуси. При этом один из последних относится к XIV в., отличаясь более поздним перекрестьем и другим типом клинка (Плавинский 2009: 33, рис. 24).

На Карельском перешейке найдены шесть мечей этого типа — в могильнике Патья (Саккола), в Куркиёках (Кирпичников 1966: 13–31, 39, 55–56), а также на острове Кильпола (Kivikoski 1973: 143, Abb. 1165–1167) и в пос. Мельниково на Вуоксе. Группа из шести мечей с дисковидными навершиями, найденных на территории Карелии, и один меч из Финляндии выделяются своим «парадным» оформлением — диски их наверший и стержни гарды, оформленные медальонами, а также трубчатая рукоять были инкрустированы серебряной проволокой, воспроизводящей местные орнаментальные мотивы. Два редких «парадных» меча с плоским дисковидным навершием, с тремя округлыми утолщениями на длинном перекрестии с расширяющимися концами происходят из могильника Кекомяки. Навершия и перекрестия этих мечей украшены серебряной инкрустацией с растительным орнаментом. Рукоять одного меча покрыта сердцевидным орнаментом, характерным для карельских украшений (Кирпичников, Сакса, Томантеря 2006: 51–57, 64, 69–72, рис. 1, 17–19, 32–39). При этом клинки таких мечей полностью соответствуют типологии синхронных европейских мечей по Э. Окшотту.

На территории балтских племен обнаружено 14 мечей с дисковидным навершием. Четыре из них найдены в Литве, семь — в Латвии, три — в Калининградской области (Kazakevičius 1996: 89–91, 161). В Эстонии известны один меч и 19 наверший этого типа (Mandel 1991: 131). Такие мечи известны в Италии и Германии, которые обслуживались едиными оружейными центрами, что характерно для эпохи Высокого средневековья.

Несколько фрагментов мечей найдены в процессе раскопок 1969–1975 гг. в культурных слоях XIV в. крепости Орешек. Они были обнаружены в рассредоточенном

виде, поэтому, вероятно, относятся к разным экземплярам мечей. Среди них два навершия: линзовидное (7,5 × 3,0 см) и дисковидное (5 см) (типы V, VI по А. Н. Кирпичникову). Кроме того, найдены: фрагмент квадратного в сечении прямого перекрестья длиной 16,5 см и обломок клинка длиной 15 см, шириной 4 см. (Кильдюшевский 1999: 69–70, рис. 4). Все обнаруженные детали, кроме линзовидного навершия, которое может иметь и более раннюю датировку, относятся к XIV в. Фрагмент узкого клинка, относительно длинное и узкое перекрестье и, что характерно, дисковидное навершие — не плоское, а с ярко выраженными косыми фасками — всё это отражает более поздний тип оружия по сравнению с находками в Приневье и на Ижорском плато. Таким образом, в Орешке были найдены фрагменты мечей того же типа, что и в погребальных памятниках его окрестностей. После XIII в. плоские дисковидные навершия постепенно сменяются другими родственными формами — дисками с косыми фасками, с выступающими центральными боковинами, призматическими прямоугольными утолщениями, впадинами и т. п. Такие модернизированные типы дисковидных наверший продолжают использоваться по всей Европе вплоть до XVI в.

Типы мечей, найденных в Приневье, по-разному представлены на сопредельных территориях. Из рассматриваемых экземпляров наиболее редки на Руси, как и в остальной Европе, мечи с седловидным навершием. Более распространены мечи с навершием в виде бразильского ореха и особенно широко — мечи с дисковидным навершием.

Согласно расчетам А. Н. Кирпичникова для территории Руси один меч приходится в среднем на 15–40 курганных захоронений. Признавая, что этот показатель для разных территорий отражает в первую очередь особенности погребальной обрядности, а уже потом — степень военизированности населения, следует отметить, что три погребения с мечами, выявленные в ижорских захоронениях XII–XIII вв. (к настоящему времени исследовано около 50), составляют 16,6% от общего их числа, что приближается к наибольшему количеству этого вида оружия в захоронениях на территории Руси. Находясь на водном пути, связывавшем Новгород с Западной Европой, ижора, населявшая эти земли, вступала в непосредственные торговые контакты с немецкими купцами, дважды в год приходившими в Новгород через Неву. Кроме того, согласно письменным свидетельствам, в XII–XIII вв. она активно участвовала на стороне Новгорода в военных действиях с емью, Шведским королевством и Ливонским орденом, что также объясняет значительное количество оружия, включая мечи, в ижорских захоронениях.

По своему географическому положению прибалтийско-финское население Северо-Запада Русского государства находилось в тесном контакте с народами балтийского региона и в первую очередь сталкивалось с инновациями в области вооружений, распространявшихся вокруг Балтийского моря.

Литература

Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: АН УССР, 1950. 217 с.

Кильдюшевский 1999 — *Кильдюшевский В. И.* Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Носов Е. Н. (отв. ред.). Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 63–79.

Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 176 с. (САИ. Вып. Е1-36а).

Кирпичников, Сакса, Томантери 2006 — *Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантери Л.* Мечи средневековой Карелии // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н., Сакса А. И. (ред). Славяне и финно-угры = Slavs, finns and ougrien: контактные зоны и взаимодействие культур: доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г.). СПб.: Нестор-История, ИИМК РАН, 2006. С. 41–72.

Кочкуркина 1981 — *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы X–XV вв. Л.: Наука, 1981. 160 с.

Лесман 1982 — *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Лебедев Г. С. (ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: межвузовский сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 65–74.

Окшотт 2009 — *Окшотт Э.* Оружие и воинские доспехи Европы: с древнейших времен до конца Средневековья. М.: Центрополиграф, 2009. 702 с.

Попельницька 2014 — *Попельницька О. О.* Мечі другої половини XIII — першої половини XV ст. у зібранні Національного музею історії України // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 150–153.

Плавинскі 2009 — *Плавинскі М. А.* Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяу на Беларусі. Мінск, І.П. Логвінаў, 2009. 158 с.

Сорокин 2006 — *Сорокин П. Е.* Раскопки Ижорских могильников в бассейне реки Невы // ЗИИМК. 2006. №1. С. 94–111.

Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1896. 123 с. (МАР. № 20).

Стасюк 2010 — *Стасюк И. В.* Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Ивановского) // Носов Е. В., Белецкий С. В. (отв. ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 397–410.

Kazakevičius 1996 — *Kazakevičius V.* IX–XIII a. Baltu kalavijay. Vilnius: Lietuvos Istorijos instituto, 1996. 174 p.

Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. 150 s.

Mandel 1991 — *Mandel M.* Eesti 8.-13. sajandi mõõkade tûpologiast ja dateerimisest // Minasaja teadus I. Arheologiline kogumik. Eds. Jaanits L. & Lang V. Tallinn: Aqu, 1991. S. 101–133.

Р. Спиргис
(Рига)

Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.[1]

На фоне соседних балтских народов культура древних ливов выделяется рядом скандинавских заимствований. На берегах низовья Даугавы довольно часты находки скандинавских овальных фибул, которые послужили толчком к возникновению и развитию местных типов украшений этой формы. Значительно реже встречаются местные вариации типичных для женских украшений Готланда фибул в виде круглых пряжек (нем. *Ringschnallen*, латыш. *sprādzes sakta*, швед. *redskapsspänne* — шестеренчатые пряжки), а также обоймиц для крепления бусинных пронизок (Zariņa A. 1992a: 179–181, Abb. 7, 8; Zemītis 2002: 13–14). Необходимо также отметить захоронение 67 готландских женщин из могильника Саласпилс Лаукскола с полным набором типичных для этого острова украшений, а именно парой фибул в виде головы медведя и круглой коробчатой фибулы (Zariņa A. 1992a: 173–174, Abb. 1; Zariņa A. 2000), но эти изделия дальнейшего развития в местном материале не получили. В плане дальнейшего продолжения форм готландских ювелирных изделий исключение составляют только местные подражания хронологически более ранним брактеатам.

Надо отметить, что культура ливов особенно богата различными подвесками, среди которых видное место занимают изделия круглой формы. Они могут быть выполнены из сплава свинца с оловом, из медных сплавов или серебра, в технике литья или чеканки. Причем наиболее часто встречаются именно чеканные жестяные подвески, общее число находок которых в низовье Даугавы превышает 200 экземпляров. Широк и хронологический диапазон их существования: конец X — начало XVI в.

Весь массив круглых подвесок по размеру и орнаменту можно разделить на две группы. Наиболее многочисленны более поздние экземпляры с мотивом креста и евхаристии (Спиргис 2016: 333–338). Но в данной статье речь пойдет о более ранних круглых подвесках из тонкой бронзовой или серебряной жести с тисненым сферическим выступом в центре и концентрическими кругами из чеканных треугольников или кружочков по краям.

Как уже отмечалось в литературе (Zariņa A. 1992a: 182; Zariņa A. 2006: 255; Thunmark-Nylen 2006: 214), эти ливские подвески являлись имитацией готландских брактеатов. Сам термин «брактеат» происходит от лат. *Brattea,* или *bractea*, — термина, которым римляне обозначали золотую фольгу или пластину, на которую при

[1] Статья выполнена в рамках государственной исследовательской программы Letonika (проект № 2.1.2: «История Латвии: Культурно-историческая среда и социально-политические процессы в контексте региона Балтийского моря»).

помощи штампа наносилось рельефное изображение, причем с обратной стороны предмета оставался полый контррельеф. Такие металлические пластины использовались для украшения мебели, ткани, статуй и ювелирных изделий. В нумизматике этим термином обозначаются монеты XII–XIV вв. из тонкого листа серебра, которые чеканились в технике брактеата. Рассматриваемые ливские подвески собственно брактеатами не являются, а только имитируют изготовленные в упомянутой технике скандинавские экземпляры. В литературе они называются также большими круглыми подвесками или украшениями (нем. *runde Zierscheibe*).

Следует упомянуть, что обозначение «подвеска-брактеат» в археологии внедрилось благодаря широко распространившимся в Северной Европе в эпоху переселения народов золотым подвескам. Кроме того, в посвященной скандинавским древностям литературе к группе «подвесок-брактеатов» причисляются также схожие круглые подвески, в том числе с филигранным орнаментом, выполненные и в других техниках (Thunmark-Nylen 2006: 214).

Возвращаясь к ливским находкам, надо отметить, что, несмотря на частую встречаемость круглых жестяных подвесок в женских захоронениях, они до сих пор не стали объектом специального исследования. В литературе больше внимания уделялось не подражаниям-брактеатам, которые рассмотрены в контексте других ливских подвесок из могильников на о. Доле и Саласпилс Лаукскола (Svarāne 1991: 35; Zariņa A. 2006: 255), а подвескам с изображением креста и евхаристии (Озере 1986: 46; Zemītis 1994; Спиргис 2016), в том числе и из памятников позднего средневековья (Vaska 2003: 38–41; Mugurēvičs 2008: 135; Muižnieks 2015: 148–149).

История нахождения и публикации подвесок

Первая сохранившаяся до наших дней в музейных коллекциях подвеска, подражающая брактеатам, была найдена в Видземе у входа в церковь в Калснаве Мадонского района (RK 1896: 96, Nr. 631, 5), т. е. происходит с территории, населенной в позднем железном веке носителями латгальской материальной культуры. Следующие находки происходят уже из региона даугавских ливов: две попавшие в коллекцию местного пастора Карла Нейкирхена подвески найдены на могильнике Айзкраукле после паводка 1837 г. Там же найдена еще одна подвеска, происходящая из раскопок Иогана Карла Бэра, проведенных в сороковых годах XIX в. (табл., *32*). Все три подвески уже тогда были опубликованы в первых в Прибалтике монографиях по археологии: в *Necrolivonica* Фридриха Крузе (Kruse 1842: Beilage G, Taf. 15, *5c, 1g*, Taf. 16, *5c, 1g*) и *Die Graben der Liven* Иоганна Карла Бэра (Bähr 1850: Taf. III, Grab II, *6*, XI, *10*, XII, 7, XX, *9*).

С точки зрения современной науки, документация упомянутых находок первой половины XIX в. недостаточна. Судя по монографии Ф. Крузе, подвески были привешены к цепевидным украшениям с традиционными ливскими овальными фибулами. Такое же расположение фиксирует музейная опись для находки И. К. Бэра (Ciglis, Vilcāne 2012: 39), хотя в упомянутой монографии на иллюстрации предмет нарисован отдельно (Bähr 1850: Taf. III, Grab II, 6). Всё же предлагаемое расположение подвесок представляется сомнительным, т. к. последующие систематические исследования могильников свидетельствуют о том, что подвески в виде брактеатов

носились исключительно в составе пронизок со стеклянными бусами и ни одного прецедента крепления к цепочкам выявлено не было[2]. Поэтому можно предположить, что местные крестьяне в 1837 г., дабы сделать свою находку более впечатляющей и, соответственно, более дорогой, самовольно «нарастили» цепевидные украшения отдельно найденными подвесками.

Одно из найденных в Айзкраукле цепевидных украшений до наших дней дошло в разобранном виде и брактеат хранится отдельно (табл., *27*). В свою очередь, если сравнить зарисовку второго цепевидного украшения (Kruse 1842: Beilage G., Taf. 15, *5c, 1g*) с фотографией из каталога X археологического конгресса 1896 г. (RK 1896: Taf. 12, *1*), то видно, что с течением времени цепевидное украшение либо «обросло» новыми подвесками, либо сама подвеска в виде брактеата была перевешена к другому комплексу[3]. В таком виде комплекс дошел до сегодняшнего дня[4].

Подвеска из захоронения 4 в Айзкраукле, опубликованная И. К. Бэром (Bähr 1850: Taf. III, Grab II, *6*, XI, *10*), сохранилась очень плохо и в настоящее время рассыпалась (Ciglis, Vilcāne 2012: 39), из-за чего причислить ее к тому или иному типу не представляется возможным (табл., *32*)[5].

Еще одна подвеска (табл., *25*) была случайно найдена в ходе постройки печи для обжига извести у хутора Саласпилс Яунземйи в 1880 г. (Sb. Rig. 1884: 130; RK 1896: 63, Nr. 491, *15*). Следующая находка сделана только в 1926 г. на могильнике Саласпилс Лаукскола (табл., *8*), когда в ходе сельскохозяйственных работ был выпахан инвентарь как минимум двух богатых женских захоронений[6].

Самые важные находки дали широкие и хорошо документированные исследования захоронений ливов, которые проводились Институтом истории Латвии в связи со строительством Рижской ГЭС в 1967–1975 гг. Из них подавляющее большинство подвесок (17 экз.) найдены на наиболее исследованном ливском могильнике Саласпилс Лаукскола (табл., *1, 6–8, 11, 12, 15–23, 29, 30*). Четыре подвески происходят из могильника Долес Вампиенеши I (табл.: 2–3, 9–10), одна — из прицерковного кладбища на о. Мартиньсала (табл., *31*). Бóльшая часть подвесок опубликована (Apals ets. 1974: 197, 118. att.; Zariņa A. 1988: XV tab.; Берга 1988: табл. XII; Svarāne 1991: 36, 2. att. 1; Zariņa A. 1992a: 181, Abb. 9; Zariņa A. 1992b: 294, Nr. 249; Šnore 1996: 20, 9. att. 3; Radiņš 1996: 182; Zariņa A. 2006: 48, 329, 344, 347, 349, 350, 351, 356, 358, 365, 374, 36.

[2] В некоторых публикациях инвентаря захоронения 480 на могильнике Саласпилс Лаукскола подвеска изображена прикрепленной к соединяющей цепедержатели цепочке (Radiņš 1996: 182; Zariņa A. 1988: XV tab.). Судя по описанию захоронения, такая реконструкция расположения неверна, и интересующий нас предмет носился в составе ожерелья из стеклянных бус и раковин каури (Zariņa A. 2006: 129).

[3] Точно идентифицировать все имеющиеся цепевидные украшения с зарисовками из публикации Ф. Крузе затруднительно ввиду схематичности последних.

[4] Цепевидное украшение и подвеска публиковались многократно (Ciglis, Zirne, Žeiere 2001: 45, 35. att. 5; Baumane etc. 2012: 35; Radiņš 2012: 374, 787. att.; и др.).

[5] В книге И. К. Бэра опубликована еще одна подвеска (Bähr 1850: Taf. XII, 7, XX, 9), которая, судя по всему, является схематичной перерисовкой находки из публикации Ф. Крузе (Kruse 1842: Beilage G, Taf. 15, 1g).

[6] Древности собрал и сдал в Национальный музей истории Латвии (тогда Музей истории Латвии) Карл Матис (A 2360-2387a).

Таблица. Свод находок ливских подражаний брактеатам на территории Латвии

№ пп	Место находки	№ зах. или раскопа	Пол	Инв. №	Вариант	Диаметр, мм	Число орн. поясов	Вид пуансона	Группа цепевидного украшения	Датировка	Примечания
1	Саласпилс Лаукскола	62	Д	VI 128: 292	S	61	11		—	Ia	c
2	Долес Вампениеши I	9	М	VI 124: 81	$1a_1$	68	2		—	Ib	п
3	Долес Вампениеши I	166	Д	VI 124: 1746	$1a_1$	66	2		—	Ic	—
4	Городище Даугмале	р. B	—	A 11970: 184	$1a_1$	?	?		—	—	ф
5	Городище Даугмале	р. C	—	A 9964: 8286	$1a_1$	?	2		—	—	—
6	Саласпилс Лаукскола	409	Д	VI 128: 5761	$1a_2$	>62	1		—	Ib-c	п
7	Саласпилс Лаукскола	426	Д	VI 128: 6589	$1a_2$	>60	1		—	Ic	п
8	Саласпилс Лаукскола	сл.	—	A 2363	$1b_1$	66	2		—	—	п
9	Долес Вампениеши I	179	Ж	VI 124: 1823	$1b_1$	>62	3		2,2	Ib	п
10	Долес Вампениеши I	132	Д	VI 124: 1430	$1b_1$	56	3		—	Ic	—
11	Саласпилс Лаукскола	236	М	VI 128: 2510	$1b_1$	>53	3		—	Ic	ф
12	Саласпилс Лаукскола	68	М?	VI 128: 342	$1b_1$	56	3		—	IIa-b	п
13	Городище Даугмале	р. C.	—	A 9964: 8281	$1b_2$	41	2		—	-	—
14	Мадонас Калснава	сл.	—	RDM I 1130	$1b_2$	63	3		-	—	п
15	Саласпилс Лаукскола	374	Д	VI 128: 4541	$1c_1$	58	3		2,1	Ic	п
16	Саласпилс Лаукскола	497	Д	VI 128: 7455	$1c_1$	65	5		3,1	IIa	—

17	Саласпилс Лаукскола	120	Ж	VI 128: 1203	1c$_2$	76	4		2,1	IIa	п
18	Саласпилс Лаукскола	265	Д	VI 128: 3619	1c$_3$	54	1		—	IIa	п
19	Саласпилс Лаукскола	510	Р	VI 128: 7558	1c$_4$	>49	2		—	II	—
20	Саласпилс Лаукскола	135	Ж	VI 128: 1398	1d$_1$	?	1		—	IIc	ф
21	Саласпилс Лаукскола	99	М	VI 128: 1043	1d$_2$	60	4		—	IIc	с
22	Саласпилс Лаукскола	413	Ж	VI 128: 5782	2a$_1$	55	8		3,2	IIc	с
23	Саласпилс Лаукскола	480	Ж	VI 128: 6945	2a$_1$	53	6		3,2	IIb	—
24	Мадонас Тирза	сл.	—	RDM I 2666	2a$_2$	49	8		—	—	п
25	Саласпилс Яунземйи	сл.	—	RDM 936	2a$_2$	59	8		—	—	с
26	Лиелвардская переправа	21	ж	VI 216: 22	2b$_1$	57	11		3,2	IIb	с
27	Айзкраукле	сл.	—	RDM I 686	2b$_2$	55	11		—	—	с
28	Айзкраукле	сл.	—	RDM I 2193	2b$_2$	>57	10		—	—	с
29	Саласпилс Лаукскола	412	Ж	VI 128: 5770	2b$_2$	66	12?		—	IIc	с
30	Саласпилс Лаукскола	104	М	VI 128: bez nr.	2b$_2$	?	?		—	IIc	ф
31	Саласпилс Мартиньсала	1212	Ж	VI 122: 1581	2c	47	3		4,2	IIIc	с
32	Айзкраукле	4	—	BM 1852,0329.37	?	?	?	?	4,2	IIIb	с

Сокращения:

№ захоронения или раскопа: р. — раскоп, сл. — случайная находка; пол: Д — девушка, М — мальчик, Р — ребенок, Ж — женщина; инв. №: A, VI, RDM — шифры коллекций Национального музея истории Латвии; BM — Британский музей; группа цепевидного украшения по: Spirģis 2008: 42–46, 1. tab. 1, 6, 27, 61, 76, 87, 142, 165; датировка: периоды археологической культуры ливов по: Spirģis 2008: 42–46, 1. tab. 1, 6, 27, 61, 76, 87, 142, 165; с — серебро, ф — фрагмент, п — покрытие белым металлом.

att., 155. att., 170. att., 173. att., 175. att.: 2, 3, 9, 176. att.: 8, 177. att.: 1, 182. att.: 2, 184. att.: 2, 191. att.: 2, 200. att.: 2; Spirģis 2008: 394, 395, 411, 412, 167. att., 168. att., 184. att., 185. att.; Mugurēvičs 2008: 153, 128. att.; Ciglis, Hilbert 2009: 136–137, Nr. 40.6; Muižnieks 2015: 139, 83. att.; Zariņa G. 2016: 32–33). После окончания работ в зоне водохранилища Рижской ГЭС была найдена единственная подвеска в раскопках А. Зарини 1977 г. на могильнике у переправы в Лиелварде (табл., *26*).

На поселениях автору известны находки одного целого и двух фрагментарных предметов из городища Даугмале (табл., 4–5, 13).

Таким образом, удалось собрать информацию об одной находке собственно скандинавского брактеата и 31 местной имитации (табл.). Диаметр бóльшей части ливских изделий колеблется в пределах 47–66 мм. Самая крупная подвеска (диаметр 76 мм) происходит из исключительно богатого захоронения 120 могильника Саласпилс Лаукскола (табл., *17*). Диаметр самой маленькой подвески из Даугмале составляет 41 мм (табл., *13*). Диск подвесок вырезался из тонкой жести толщиной всего 0,44–0,78 мм. В основном для этого использовалась бронза, на бóльшей части изделий видны остатки серебрения или лужения (табл., *2, 6–9, 12, 14, 15, 17, 18, 24*). Также найдены девять серебряных экземпляров (табл., *21, 22, 25–29, 31, 32*)[7].

Подвески в виде брактеатов носили в составе ожерелий со стеклянными бусами, в которых они занимали центральное место. Подвешивались при помощи приклепанного ушка, которые по форме в основном схожи с ушками монет-привесок: плоские прямые (рис. 2, *a2, b1, b2*, *c1a*), трапециевидные (рис. 2, *c4*); расплющенные в месте клепки жгутиковые (рис. 2, *c2, c3*) или плоские (рис. 1, *4*; 2, *d1*; 3, *a1, a2, b2*), но встречаются также фигурные (рис. 2, *a1*, *d2*). Некоторые орнаментированы пуансоном (рис. 2, *a1, b1*). В одном случае, видимо компенсируя утраченное ушко, подвеска крепилась на простой петельке (рис. 2, *c1b*).

Типология

Отдельно может быть рассмотрен скандинавский брактеат из захоронения 62 в могильнике Саласпилс Лаукскола (рис. 1, *3*; табл.). Диаметр серебряного диска 61 мм. По центру расположен медальон диаметром 22 мм с остатками стертого в результате ношения изображения. В верхней части медальона еще можно рассмотреть характерное для поздних готландских изделий изображение сильно стилизованной головы человека. По направлению от центра радиально расположены три согнутых в трискелеон длинные шеи со звериными головами. В целом о характере плохо сохранившегося мотива можно судить по аналогиям, например, на схожих бронзовых брактеатах из захоронения 1 скандинавского могильника Гробиняс Смукуми (рис. 1, *1*).

Вне центрального медальона на полосе шириной примерно 20 мм при помощи маленьких треугольных и угловатых пуансонов выполнены 11 концентрических

[7] Проба серебра установлена для трех предметов: брактеат из захоронения 62 могильника Саласпилс Лаукскола — 926º, подвески в виде брактеата из захоронения 412 могильника Саласпилс Лаукскола и захоронения 1212 кладбища Саласпилс Мартиньсала — 875º (рукописные списки учета серебряных артефактов VIS (Latvijas vēstures institūts, senlietas, sudrabs, 2., 3. lpp.) и VISP (Latvijas vēstures institūts, senlietas, sudrabs ar piejaukumiem, 2. lpp.) хранятся в Археологическом отделении Национального музея истории Латвии).

Рис. 1. Скандинавские брактеаты и ливские подражания. 1 — скандинавский бронзовый брактеат из захор. 1 могильника Гробиняс Смукуми (A 7136: 17), 2 — ливская бронзовая подвеска подварианта 1b2 из городища Даугмале (A 9964: 8281), 3 — скандинавский серебряный брактеат из захор. 62 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 292), 4 — ливская серебряная подвеска из Айзкраукле (RDM I 2193)

кругов зигзагообразных линий. Набивка орнамента выполнена предельно четко, и этим древний мастер добился визуального эффекта тонкой филиграни. Контррельеф на обратной стороне на экземпляре из Саласпилс Лаукскалы почти не прослеживается. Петелька для подвешивания утрачена, но судя по отверстиям в верхней части изделия, она была оформлена в виде профилированной трубочки, которую в плоскости лицевой стороны подвески дополняла фигурно выгнутая проволока тонкой филиграни с гранулами (ср. рис. 1, *1*).

Согласно введенному О. Монтелиусом обозначению типов скандинавских брактеатов, экземпляр из Саласпилс Лаукскалы принадлежит типу E (Montelius 1869: Pl. 2, *4, 13*). Эти брактеаты в целом достаточно однородны и в рамках типа E исследователями выделяются две стандартные группы (группа A и B) и ряд индивидуально выполненных изделий[8].

В отличии от экземпляров из Гробини, которые определены как брактеаты стандартной группы A (Gaimster 1998: 280, № 138, 139), судя по маленькой пасти и отсутствию подбородка у голов зверей, ливская находка из Саласпилс Лаукскалы, скорее всего, принадлежит стандартной группе B. Брактеаты этой группы не только более поздние в рамках эпохи венделя, но и доживают до эпохи викингов (Gaimster 1998: 94, 125).

[8] Подробный анализ подвесок типа E провела в своей диссертации М. Гаимстер (Gaimster 1998).

Что касается местных подражаний скандинавским брактеатам, то они не были объектом типологических изысканий. Поэтому, одна из главных задач данной работы — выделить в материале характерные типы и варианты. Поскольку разные мастера использовали различные пуансоны и их комбинации, среди рассматриваемых подвесок наблюдается большое разнообразие и одинаковых предметов мало. В зависимости от вида использованных пуансонов, подвески можно разделить на два типа с несколькими вариантами и подвариантами в каждом. В статье типы обозначены арабскими цифрами 1 и 2, для вариантов использованы латинские прописные буквы, для подвариантов — арабские цифры в нижних индексах. Выделенные варианты сгруппированы и рассмотрены в хронологическом порядке.

Чекан на поверхности подвесок формирует концентрические пояски с орнаментом, и по их характеру в тип 1 могут быть объединены 20 экземпляров, у которых пояски отделены один от другого посредством разграничительных точечных линий (рис. 2, табл., *2–21*). По форме использованного пуансона и количеству поясков орнамента, в рамках типа 1 может быть выделено четыре варианта. К варианту 1a отнесено шесть подвесок (рис. 2, *a1–a2*, табл., *2–7*), в оформлении которых использованы пунктированные треугольники, направленные друг против друга. Из них четыре экземпляра, у которых вдоль края подвески размещены два пояска треугольников с тремя точками, направленных друг против друга, могут быть выделены в *подвариант* $1a_1$ (рис. 2, *a1*, табл., *2–5*). Две оставшиеся подвески с одним широким пояском и набитыми в нем маленькими треугольниками с одной точкой посередине объединены в *подвариант* $1a_2$ (рис. 2, *a2*, табл., *6–7*).

Вариант 1b составляют семь подвесок, орнамент которых представлен тремя (реже двумя) поясками треугольников (рис. 1, *2*, 2, *b1–b2*, табл., *8–14*). В отличие от подвесок варианта 1a, здесь треугольники начеканены вершиной к центру и в каждом пояске сгруппированы в один ряд. В зависимости от использованного пуансона в рамках варианта можно выделить два подварианта: у пяти подвесок *подварианта* $1b_1$ выбиты более крупные треугольники с тремя точками (рис. 2, *b1*, табл., *8–12*), а у двух изделий *подварианта* $1b_2$ – более маленькие треугольники с одной точкой посередине (рис. 1, *2*, 2, *b2*, табл., *13–14*). К тому же при орнаментации экземпляра из Мадонас Калснавас использован пуансон, который оставляет оттиск сразу двух соприкасающихся треугольников (рис. 2, *b2*, табл., *14*).

Вдоль полусферического выступа в центре подвесок обоих вариантов выбит еще один круг из направленных к центру треугольников. В рамках варианта 1b выделяется маленькая подвеска из Даугмальского городища, диаметр которой составляет 41 мм, на поверхности которой размещены только два пояса из разделенных зубчатыми линиями треугольников (рис. 1, *2*, табл., *13*). В центре подвески вдоль полусферического выступа выполнен чеканный круг из выбитых попарно, друг против друга пунктирных треугольников.

В вариант 1c выделены пять подвесок, в оформлении которых наряду с треугольником появляется новый вид пуансона — кружочек с точкой посередине (рис. 2, табл., *15–19*). Подвески сохраняют разделенные зубчатыми линиями орнаментальные пояски, но выбитый на них мотив более разнообразен. Орнамент каждой подвески индивидуален: отличается как вид использованных пуансонов и их расположение, так и число поясков, которое может варьироваться от одного до пяти. У двух подвесок *варианта* $1c_1$ треугольники в узких концентрических кругах

Рис. 2. Ливские подражания брактеатам. Тип 1.
Вариант a и b: a1 — бронзовая подвеска подварианта 1a1 из захоронения 9 могильника Долес Вампениеши I (VI 124: 81), a2 — бронзовая подвеска подварианта 1a2 из захоронения 426 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 6589), b1 — бронзовая подвеска подварианта 1b1 из захоронения 132 могильника Долес Вампениеши I (VI 124: 1430), b2 — бронзовая подвеска подварианта 1b2 из Мадонас Калснава (RDM I 1130).
Вариант c: c1a — бронзовая подвеска подварианта 1c1 из захоронения 497 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 7454), c1b — бронзовая подвеска подварианта 1c1 из захоронения 374 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 4541), c2 — бронзовая подвеска подварианта 1c2 из захоронения 120 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 124: 1203), c3 — бронзовая подвеска подварианта 1c3 из захоронения 265 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 3619), c4 — бронзовая подвеска подварианта 1c4 из захоронения 510 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 7558).
Вариант d: d1 — бронзовая подвеска подварианта 1d1 из захоронения 135 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 1398), d2 — серебряная подвеска подварианта 1d2 из захоронения 99 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 1043)

выбиты в один ряд. У экземпляра из захоронения 374 на могильнике Саласпилс Лаукскола (рис. 2, *c1b*, табл., *15*) один из кругов состоит из треугольников с тремя точками посередине, а два других — из кружочков с точкой посередине. На подвеске из захоронения 497 на могильнике Саласпилс Лаукскола (рис. 2, *c1a*, табл., *16*) два круга состоят из маленьких треугольников с одной точкой посередине, причем треугольники развернуты вершинами к краю. Остальные три ряда представлены кружочками. У обеих подвесок подварианта $1c_1$ в центре вдоль полусферического выступа выбиты кружочки.

Ширина поясков у подвески *подварианта* $1c_2$ из захоронения 120 на могильнике Саласпилс Лаукскола разная (рис. 2, *c2*, табл., *17*). Внешний поясок шире, и в нем

в два ряда набиты треугольники с рядом кружочков посередине. Внутренний поясок значительно уже, и в нем набит только один ряд треугольников. В двух поясках посередине выбито по одному ряду треугольников и кружочков. Вокруг полусферического выступа опять выбит ряд из кружочков. Кружочки этой подвески выполнены при помощи более сложного концентрического пуансона. Треугольники развернуты вершиной к краю подвески.

У изделия *подварианта 1c*$_3$ из захоронения 265 на могильнике Саласпилс Лаукскола сформирован только один поясок вдоль края подвески (рис. 2, *c3*, табл., *18*). В нем набиты как попарно сгруппированные треугольники с одной точкой в центре, так и кружочки. В свою очередь, по всей центральной части подвески набиты кружочки в 4–5 рядов.

Подвеска *подварианта 1c*$_4$ из захоронения 510 на могильнике Саласпилс Лаукскола выделяется двумя концентрическими поясками маленьких треугольников с одной точкой в центре, с кругом из ряда кружочков вокруг полусферического выступа в центре (рис. 2, *c4*, табл. *19*).

К *варианту 1d* могут быть отнесены две подвески, у которых при помощи пуансона в виде точечного отрезка набит зигзаг (рис. 2, табл., *20–21*). Схожий мотив характерен для ливских полых браслетов (Spirģis 2008: 285–290).

Две подвески варианта 1d оформлены по-разному. Сходно с изделиями подварианта 1a$_2$, у подвески *подварианта 1d*$_1$ из захоронения 135 на могильнике Саласпилс Лаукскола вдоль края виден широкий поясок с двумя рядами направленных друг против друга треугольников с точкой посередине. Ближе к центру следует зигзаг из точечных отрезков, вокруг полусферического центра по кругу набиты треугольники, направленные вершинами наружу (рис. 2, *d1*, табл., *20*).

У подвески *подварианта 1d*$_2$ из захоронения 99 того же могильника круг из зигзага расположен вдоль края и дополнен маленькими крестиками с точкой посередине. Ближе к центру диска подвески следуют три пояска со сдвоенными рядами соприкасающихся вершинами треугольников с точкой посередине (рис. 2, *d2*, табл., *21*).

Тип 2 представлен десятью подвесками, у которых чеканные круги не отделены один от другого точечными линиями (рис. 3, табл., *22–31*). В рамках типа могут быть выделены три варианта. В основе композиции подвесок *варианта 2a* использован только один пуансон. На двух подвесках *подварианта 2a*$_1$ из захоронений 413 и 480 на могильнике Саласпилс Лаукскола с помощью пуансона, оставляющего фигуру в виде двух соединенных маленьких нерегулярных треугольников, набито соответственно восемь и шесть концентрических кругов. Надо отметить, что вдоль края обеих подвесок набита линия из точек (рис. 3, *a1*, табл., *22–23*).

Поверхность подвесок *подварианта 2a*$_2$ из Мадонас Тирзас и Саласпилс Яунземьи покрыта 7,5–8 рядами треугольников, направленных вершинами к центру (рис. 3, *a2*, табл., *24–25*).

Пять подвесок *варианта 2b* выделяются тем, что их орнамент создан с помощью двух или трех различных пуансонов (рис. 3, *b1–b2*, табл., *26–30*). В *подвариант 2b*$_1$ выделена подвеска из захоронения 21 на могильнике у Лиелвардской переправы: на поверхности этой подвески виден оттиск двух пуансонов — пунктированный треугольник и крестик, которые набиты попеременно в 11 рядов (рис. 3, *b1*, табл., *26*).

К *подварианту 2b*$_2$ отнесены четыре подвески из захоронений 104 и 412 на могильнике Саласпилс Лаукскола и из Айзкраукле: у этих подвесок концентрические

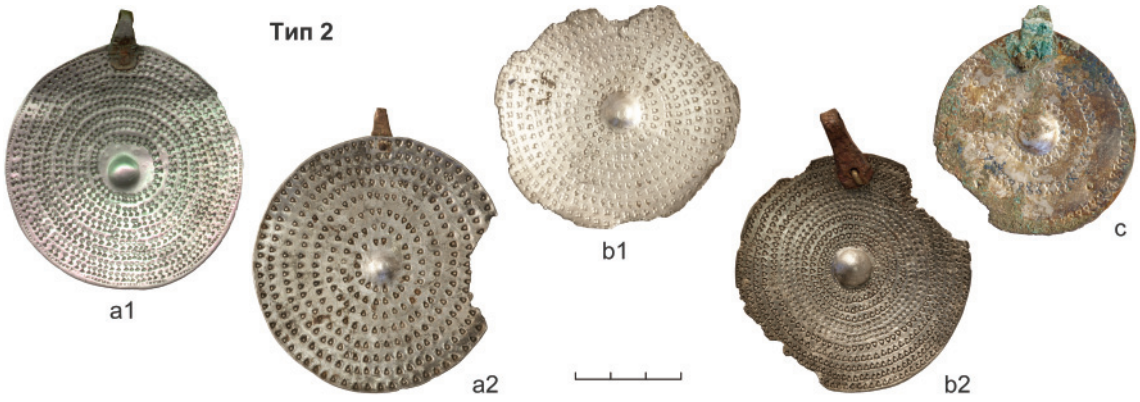

Рис. 3. Ливские подражания брактеатам. Тип 2. a1 — серебряная подвеска подварианта 2a1 из захоронения 413 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 5782), a2 — серебряная подвеска подварианта 2a2 из могильника Саласпилс Яунземйи (RDM I 936), b1 — серебряная подвеска подварианта 2b1 из захоронения 21 могильника у Лиелвардской переправы (VI 216: 22), b2 — серебряная подвеска подварианта 2b2 из могильника Айзкраукле (RDM I 686), c — серебряная подвеска подварианта 2c из захоронения 1212 кладбища Мартиньсала (VI 122: 1581)

круги выполнены как с помощью пуансона с пунктированным треугольником, так с соединенными в пару маленькими треугольниками (рис. 3, *b2*, табл., *27–30*). Обе подвески из Айзкраукле дополняют пунктированные крестики (рис. 3, *b2*, табл., *27–28*).

Вариант 2c формирует подвеска из захоронения 1212 кладбища Саласпилс Мартинсала (рис. 3, *c*, табл., *31*), на поверхности которой набиты три концентрических круга из парных пунктированных треугольников. Между рядами треугольников набиты отдельные кружочки.

Распространение

На территории Латвии подвески-подражания готландским брактеатам широкое распространение получили только у даугавских ливов (рис. 4). У соседей известны лишь отдельные экземпляры. Так, в Видземе два серебряных экземпляра были случайно найдены во время проведения земляных работ у церкви в Мадонас Тирзас (табл., *24*) и у хутора Мадонас Калснава (рис. 2, *b2*, табл., *14*). В обоих объектах среди находок фигурируют специфически ливские вещи: у церкви в Тирзе это бронзовая овальная фибула (RDM I 2666) и подвеска медвежий клык (RDM I 2666); в Мадонас Калснава — бронзовый ажурный цепедержатель (RDM I 1197) подварианта $3c_3$ (ср.: Spirģis 2008: 120, 121, 69. att. 3), фрагмент бронзовой витой цепочки (RDM I 2007). Можно предположить, что найденные в окрестностях Мадоны подражания готландским брактеатам происходят из перекопанных могил, в которых были похоронены сосватанные в ливских землях женщины.

Подвески, имитирующие готландские брактеаты, известны в Финляндиии и на самом Готланде, но они отличаются от ливских изделий и имеют черты местного

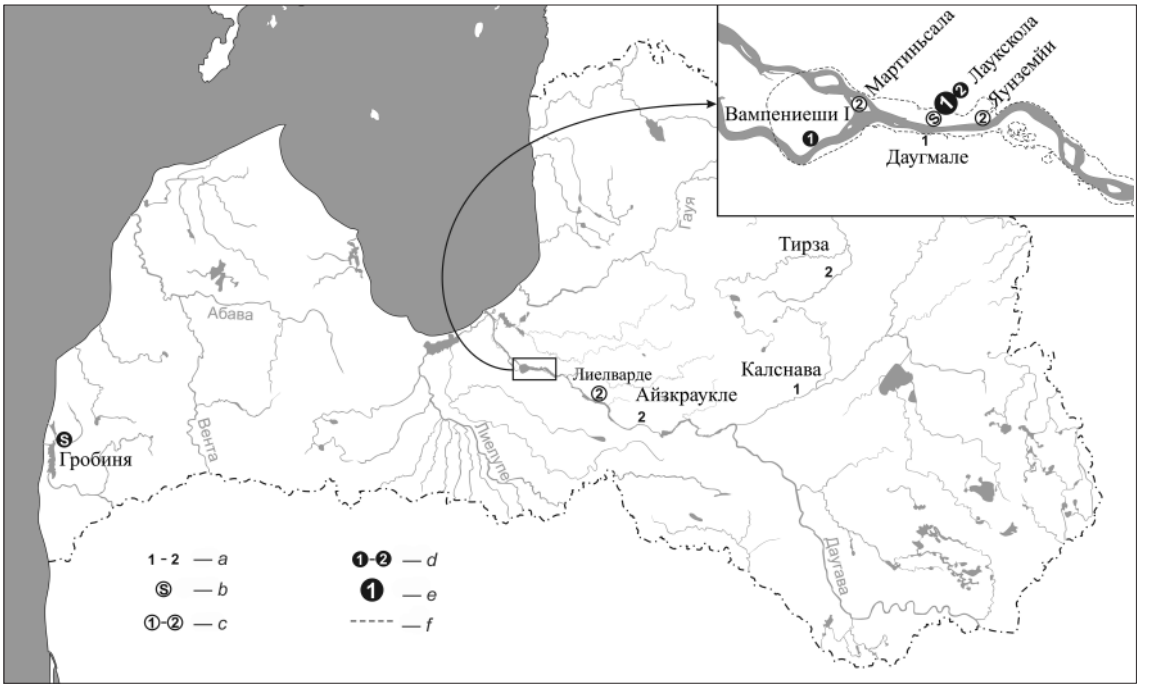

Рис. 4. Распространение скандинавских брактеатов и их подражаний на территории Латвии. *a* — находки отдельных ливских подражаний брактеатам (номер указывает на тип подвески), *b* — находки скандинавских брактеатов в захоронениях, *c* — находки ливских подражаний брактеатам в захоронениях (номер указывает на тип подвески), *d* — находки трех–четырех ливских подражаний брактеатам в захоронениях (номер указывает на тип подвески), *e* — находки более десяти ливских подражаний брактеатам в захоронениях (номер указывает на тип подвески), *f* — территория затопления Рижской ГЭС

изготовления. Так, подвеска, опубликованная шведским археологом Леной Тунмарк-Ниленой в каталоге готландских артефактов эпохи викингов (Thunmark-Nylen 1998: Taf. 170, *4*), хотя и имеет схожие с ливскими экземплярами круги из треугольных и круглых пуансонов, судя по филигранному исполнению петельки для подвешивания и тесненного мотива в центральном медальоне, принадлежит местной традиции изготовления брактеатов. Ближе ливским экземплярам другая подвеска из того же каталога (Thunmark-Nylen, 1998: Taf. 170, *6*), на поверхности которой вдоль края виден схоже выполненный поясок из двух направленных друг против друга треугольников с точкой посередине. Ряд треугольников набит вокруг полусферического выступа в центре, а в незаполненном пространстве между рядами треугольников видны четыре группы по три-четыре маленьких кружочка. В отличие от ливских экземпляров пояс из треугольников не обрамлен пунктирной линией, и большая часть поверхности подвески оставлена без орнамента.

В свою очередь, покрытая кругами из пунктирных треугольников серебряная подвеска из клада Рауту-Пённиунмяки (Rautu-Pänniömäki) в Финляндии имеет грубое концентрическое тиснение (Kivikoski 1973: 139, Abb. 1128). Выполненные в тиснении различные фигуры характерны как раз для жестяных подвесок Финляндии и Эстонии (Leimus 2009: 9–13), но на ливских подражаниях брактеатам не встречаются.

Хронология

Датировку брактеата и ливских имитаций облегчает тот факт, что в восьми захоронениях они найдены вместе с подвесками-монетами (табл., *1, 7, 17, 20, 22, 29–31*), что дает хорошую датировку *post quem*. Так, в захоронениях 62, 426 и 120 на могильнике Саласпилс Лаукскола[9] как скандинавский брактеат, так и подражания подвариантов $1a_2$ и $1c_2$ коррелируют с дирхемами первой половины X в. Подвеска подварианта $1d_1$ из захоронения 135 того же самого могильника найдена вместе с местным подражанием западноевропейским денариям, которые появляются во второй половине XI в. К XI в. относится сильно стертый немецкий денарий из захоронения 413 на могильнике Саласпилс Лаукскола, который можно хронологически соотнести с подвеской подварианта $2a_1$. Две подвески подварианта $2b_2$ из захоронений 104 и 412 этого же могильника найдены вместе с отчеканенным в Выборге денарием датского короля Свена Эстридсена (1047–1075), отчеканенным в Гиттельде денарием архиепископа Магдебурга Хартвига фон Шпанхаим (1079–1102) и Кёльнским денарием архиепископа Германа III фон Хохштаден (1089–1099). В ожерелье с подвеской варианта 2c из захоронения 1212 на кладбище Саласпилс Мартинсала (Берга 1988: 49) констатировано пять западноевропейских денариев, младший из которых отчеканен в Оснабрюке (Вестфалия) при епископе Герхарде (1192–1216).

В девяти захоронениях ожерелья с подражаниями брактеатам найдены вместе с ливскими цепевидными украшениями, хронология которых изучена. Так, подвеска подварианта $1b_1$ из захоронения 179 могильника Долес Вампениеши I коррелирует с парой ливских трапециевидных ажурных цепедержателей подварианта $3a_3$ с геометрическим орнаментом (цепевидное украшение группы 2.2[10]); подвеска подварианта $1c_1$ из захоронений 374 и 497 могильника Саласпилс Лаукскола — с парой ливских овальных фибул подвариантов $1a_1$ и $2b_1$, а также трапециевидными ажурными цепедержателями подварианта $3a_5$ (соответственно группы 2.1 и 3.1); подвеска подварианта $1c_2$ из захоронения 120 могильника Саласпилс Лаукскола — со скандинавскими овальными фибулами типа P51 C1[11] и ливскими цепедержателями подварианта $3a_3$, а также продолговатыми цеперазъединителями с ажурным орнаментом подварианта $1b_2$ (группа 2.2); подвеска подварианта $2a_1$ из захоронений 413 и 480 того же могильника — с ливскими овальными фибулами подварианта $2c_1$ и цепедержателями подварианта $3b_4$, $3c_2$ (группа 3.2); подвеска подварианта $2b_1$ из 21 захоронения могильника у Лиелвардской переправы — с фибулами $2c_1$ и цепедержателями $3c_2$ (группа 3.2); подвеска 2c из захоронения 1212 кладбища Саласпилс Мартиньсала — с фибулами $5a_4$ и цепедержателями 4a/c (группа 4.2).

Для подражаний брактеатам из захоронений мальчиков хронологическим рубежом может служить смена лепной керамики на круговую, которая в захоронениях низовья Даугавы в целом произошла примерно во второй четверти XI в. Так в захоронениях 9 и 236 из могильников Долес Вампениеши I и Саласпилс Лаукскола с подвесками подварианта $1a_1$ и $1b_1$ (табл., *2, 11*) констатированы лепные горшки,

[9] Определение монет из могильника Саласпилс Лаукскола см.: Berga 2006.

[10] Здесь и далее группы цепевидных украшений по: (Spirģis 2008: 42–46, 1 tab.: 6, 27, 61, 76, 87, 142, 165).

[11] Типы скандинавских фибул даны по типологии Яна Петерсена и Ингмара Яннсона.

что позволяет отнести находки к хронологическому периоду I[12]. Соответственно, более поздними будут захоронения с подвесками подвариантов $1b_1$, $1c_4$, $1d_2$ из захоронений 68, 510 и 99 могильника Саласпилс Лаукскола, в которых были обнаружены произведенные на гончарном круге горшки (период II).

Таким образом, бытование первого типа ливских подражаний готландским брактеатам может быть отнесено к концу X — XI в., а второй тип — к XII и первой половине XIII в. В соответствии изложенным наблюдениям, предполагаемое автором типологическое развитие ливских подражаний готландским брактеатам рисует следующую эволюцию изделий этого вида (рис. 5): в низовье Даугавы типологический ряд больших, круглых, жестяных подвесок начинает собственно готландский брактеат из захоронения 62 в Саласпилс Лаукскола, который найден во второй половине X в. Местные подражания (вариант 1a) появляются в конце X — начале XI в. и находятся в употреблении в первой половине XI в. Затем им на смену приходят подвески варианта 1b, использование которых продолжается вплоть до начала XII в. Экземпляры варианта 1c носились во второй половине XI в. В XII в. существование типа 1 завершается на варианте 1d, когда начинают распространяться изделия типа 2. Использование рассматриваемых подвесок в целом завершается в XII в. К XIII в. может быть отнесен только один предмет — вариант 2c.

Происхождение

Как уже было отмечено, происхождение рассматриваемых ливских подвесок было связано с готландскими брактеатами (Zariņa A. 2006: 255; Svarāne 1991: 35). На территории Латвии (рис. 1, *1*) они хорошо знакомы по скандинавским захоронениям в Гробине (Nerman 1968: 98, 100), а один найден в низовье Даугавы (рис. 1, *3*).

Происхождение так называемых скандинавских брактеатов исследователи связывают с позднеантичными римскими медальонами. Германцы, в том числе и скандинавского происхождения, часто становились союзниками империи и брали на себя обязанности по охране ее границ от посягательства других варваров. Эти взаимоотношения удостоверяли римские контрибуции и подарки. В частности, предводителям за их услуги вручались золотые медальоны с портретом императора. Такие «награды» в среде варваров получили весьма престижный статус и вскоре появились их местные реплики. После падения Западной Римской империи к концу периода великого переселения народов эти инсигнии власти утратили свое значение, возрастает их апотропеическое значение, а в эпоху Венделя они сохранились исключительно на острове Готланд — так называемый тип E.

Вендельские E-брактеаты Готланда однообразны и варьируются в пределах только небольших деталей. На них изображался трискелеон со звериными головами и

[12] Деление ливских древностей на хронологические периоды I–III введено эстонским археологом Э. Тынисонном (Tõnisson 1974: 149–154). Материл могильника Саласпилс Лаукскола разделен на периоды в монографии А. Зарини (Zariņa 2006). Более дробное членение периодов на базе женских захоронений с овальными фибулами с цепевидным украшением выполнено в работах автора данной статьи (Spirģis 2008: 297-328). Период I датируется второй половиной X — началом XI в.; период II — второй четвертью XI — второй половиной XII в.; период III — последней четвертью XII — второй половиной XIII в. (Spirģis 2008: 326).

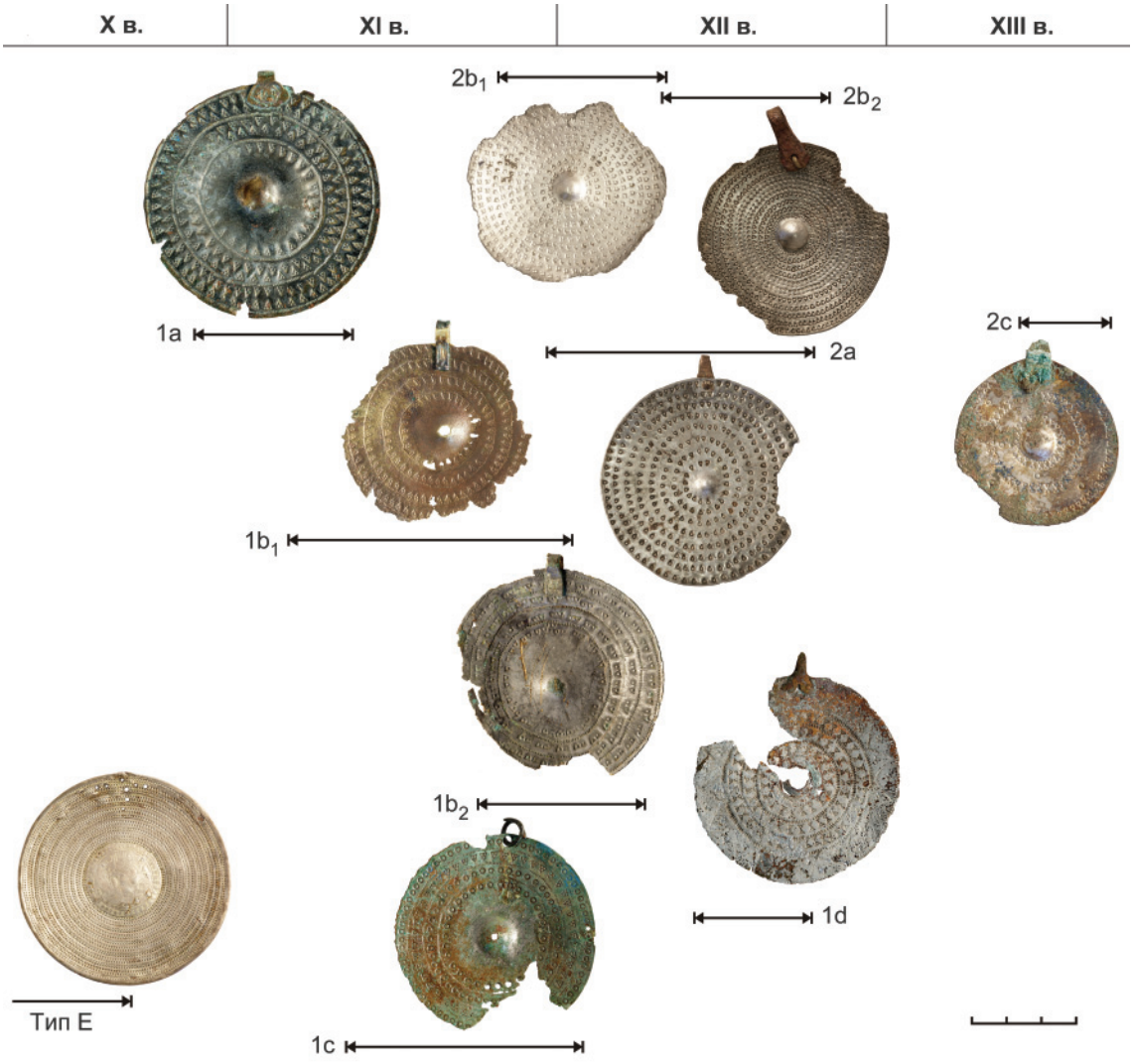

Рис. 5. Хронология ливских подражаний брактеатам

сильно стилизированная голова человека. Изображение зооморфного трискелеона и человеческой головы исследователями выводится путем дегенерации изображения из ранних брактеатов с изображением всадника и животных (C-брактеаты), у которых в результате общей абстракции ноги коня наделяются звериными головами. Причем изначальная композиция с всадником традиционно связывается с изображением Одина, а появление трискелеона — с влиянием христианства (Nerman 1968; Gaimster 1998: 73–74).

Еще один возможный вариант происхождения брактеатов типа E — это упрощение брактеатов с изображением нападающего на человека монстра (B-брактеаты). В таком случае сюжет интересующих нас подвесок — это битва Одина с Мидгардским змием или левиафаном библейской традиции (Gaimster 1998: 74–75).

Так или иначе, исследователи сходятся во мнении, что рассматриваемые подвески служили оберегами (Gaimster 1998: 18, 72). В противовес мифологической интерпретации сюжетов брактеатов, в литературе также уже многократно высказывалось мнение о значимости античных и библейских мотивов (Gaimster

1998: 29, 40–48). Относительно C-брактеатов хотелось бы отметить, что амулеты с изображением как животных, так и побеждающего демона всадника также использовались глубоко суеверными византийцами (Spier 1993; 2014). В свою очередь готландские E-брактеаты с изображением человеческой головы и трех звериных голов на длинных шеях вызывают ассоциацию с древнерусскими змеевиками, змеевидная композиция которых не во всех случаях «произрастает» непосредственно из «прически» демона и в настоящее время больше не связывается однозначно с Медузой Горгоной (Коваль 2014). В этой связи хотелось бы отметить фонетическую схожесть между именем мифологического героя *Одина* и демона змеевиков *Дъны*.

Всего известно более 280 брактеатов типа E. Кроме кладов, где в основном встречаются экземпляры из золота, бронзовые E-брактеаты являются обычным спутником женских захоронений Готланда, причем вне острова — материковая Швеция (Бирка, Уппсала, Эскильстуна), о. Эланд и Латвия (Ґробиня, Саласпилс Лаукскола) — найдено только несколько экземпляров (Gaimster 1998: 71, 280). Брактеаты из серебра, хоть и встречаются редко, но доживают тут до эпохи викингов. Так, два серебряных брактеата типа E были найдены в захоронениях Бирки, причем оба предмета были переделаны в фибулы (Arbman 1940: Taf. 84, 7, 8; Thunmark-Nylen 2006: 214).

Таким образом, датировка позднейших брактеатов в Скандинавии и появление первых ливских подражаний хронологически близки. Кроме того, на циркуляцию некоторого количества первых на начальном этапе возникновения культуры даугавских ливов (первые захоронения могут быть отнесены к третьей четверти X в., см.: Spirģis 2008: 326) указывает находка брактеата в захоронении 62 на могильнике Саласпилс Лаукскола, что, несомненно, подтверждает уже высказывавшееся в литературе мнение о происхождении ливских подвесок как непосредственных подражаний скандинавским брактеатам.

Выводы

Представленный в статье обзор ливских подражаний готландским брактеатам позволяет сделать несколько выводов об этом виде украшений. Появление подвесок связано с попыткой копировать поздние готландские брактеаты типа E. Первые подвески-подражания появляются в конце X — начале XI в. Судя по всему, наибольшее распространение в низовье Даугавы они получили именно в XI в., когда на самом Готланде брактеаты уже давно не использовались.

Ранние подвески у ливов изготовлялись из бронзы с оловянным или серебряным покрытием. Позднее распространяются и собственно серебряные экземпляры, но общее количество находок уменьшается (XII в.). Надо отметить, что до середины XI в. рассматриваемые подвески в женских захоронениях с овальными фибулами не встречаются. Поэтому, возможно, что в противовес овальным фибулам, которые являются, прежде всего, традицией материковой Швеции, подражания брактеатам указывали на какие-то далекие готландские корни или другого рода связи с упомянутым островом. Впоследствии различия нивелируются, и такие подвески в захоронениях постоянно встречаются вместе с овальными фибулами. Можно предположить, что, по аналогии с готландскими

прототипами, интересующие нас предметы рассматривались ливскими женщинами как амулеты. В конце XII в. ливские подражания брактеатам почти полностью исчезают, а их место занимают схожие с ними по технике изготовления серебряные круглые подвески меньшего размера, но с мотивом креста и евхаристии.

Литература

Берга 1988 — *Берга Т.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига: Зинатне, 1988. 99 с.

Коваль 2014 — *Коваль В. Ю.* Иконки-змеевики. О происхождении змеевидных композиций // Асташова Н. И. (отв. ред.). Славяне и иные языци … К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ, 2014. С. 196–207 (Труды ГИМ 198).

Озере 1986 — *Озере И.* Привески-амулеты из могильников Курземе X–XV вв. // Кругликова И. Т. (отв. ред.). Средневековая археология Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 41–48 (КСИА. Вып. 183).

Спиргис 2016 — *Спиргис Р.* Круглые подвески ливов и их символика // АИППЗ. Материалы 61-го заседания, 14–16 апреля 2015 г. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. С. 331–339.

Apals ets. 1974 — *Apals J., Atgāzis M., Daiga J., Deņisova R., Graudonis J., Loze I., Mugurēvičs Ē., Stubavs Ā., Šnore E., Zagorskis F., Zariņa A.* Latvijas PSR arheologija. Riga: Zinātne, 1974. 374 lpp.

Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Uppsala: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. 560 S.

Baumane ets. 2012 — *Baumane G., Ciglis J., Ducmane K., Grinberga L., Jansone A., Ķikuts T., Meinarte A., Muižnieks V., Ozoliņa A., Radiņš A., Robežniece I., Stinkule S., Zeibārte A., Zeibārte I., Ziņģīte I., Žeiere I.* 100 Latvijas vēstures relikvijas. Rīga: Lauku Avīze, 2012. 224 lpp.

Bähr 1850 — *Bähr J. K.* Die Gräben der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Alterthumskunde und Geschichte. Dresden: Rudolf Kuntze, 1850. VIII + 65 S.

Berga 2006 — *Berga T.* Salaspils Laukskolas kapulauka monētas // *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks. 10.–13. gadsimts. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 435.–444. lpp.

Ciglis, Hilbert 2009 — *Ciglis J., Hilbert V.* Nr. 40. Salaspils Laukskola, Grab 120 // Carnap-Bornheim C. von, Hilbert V., Radiņš A., Schopper F. (Hg.). Lettlands viele Völker: Archäologie der Eisenzeit von Christi Geburt bis zum Jahr 1200: Katalog zur Ausstellung. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege und Archäologisches Landesmuseum, 2009. S. 136–138.

Ciglis, Vilcāne 2012 — *Ciglis J., Vilcāne A.* Johana Karla Bēra kolekcija Britu muzejā. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, Britu muzejs, 2012. 223 lpp. (Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs 4. Arheoloģija).

Ciglis, Zirne, Žeiere 2001 — *Ciglis J., Zirne S., Žeiere I.* Lībieši senatnē = The livs in antiquity. Rīga: Latvijas Vēstures muzejs, 2001. 53 lpp.

Gaimster 1998 — *Gaimster M.* Vendel period bracteates on Gotland. On the significance of Germanic art. Lund: Almqvist & Wiksell International, 1998. (Acta Archaeologica Ludensia. Series IN 8. No. 27). 302 p.

Kivikoski 1973 — *Kivikoski E*. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft, 1973. 150 S.

Kruse 1842 — *Kruse F.* Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in den Kaiserlich Russischen Ostsee-Gouvernements: zusammengestellt und historisch erläutert in einem Unterthänigsten Generalberichte über seine auf Allerhöchsten Befehl im Jahre 1839 ausgeführte Archaeologische Untersuchungsreise: nebst mehreren wissenschaftlichen Excursen und vielen Lithographien von Alterthümern, Plänen und Charten. Dorpat: F. Kruse [и др.], Leipzig: Leopold Voss, 1842. 26 S.

Leimus 2009 — *Leimus I*. Läänemere kristlikud paganad // Tuna. 2009. Nr 4. Lk. 5–12.

Montelius 1869 — *Montelius O*. Från jernåldern. Stockholm: Iwar H. Häggströms boktryckeri. 1869. 66 s.

Mugurēvičs 2008 — *Mugurēvičs Ē*. Viduslaiku ciems un pils Salaspils novadā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. 262 lpp.

Muižnieks 2015 — *Muižnieks V*. Bēru tradīcijas Latvijā pēc arheoloģiski pētīto 14.-18. gadsimta apbedīšanas vietu materiāla. Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti 21. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. 2015. 330 lpp.

Nerman 1968 — *Nerman B*. De gotländska Vendeltidsbrakteaternas ursprung // Fornvännen 63. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1968. S. 55–60.

Radiņš 1996 — *Radiņš A*. Ceļvedis Latvijas senvēsturē. Rīga: Zvaigzne ABC, 1996. 299 lpp.

Radiņš 2012 — *Radiņš A*. Arheoloģisks ceļvedis latviešu un Latvijas vēsturē. Rīga: Neputns, 2012. 416 lpp.

RK 1896 — Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga: druck von W.F. Häcker, 1896. 255 S.

Sb. Rig. 1884 — Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahren 1877–1881. Riga: W. F. Häcker, 1884. 186 S.

Spier 1993 — *Spier J*. Medieval Byzantine magical amulets and their tradicion // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. No. 56. London: Warburg Institute, University of London. P. 25–62.

Spirģis 2008 — *Spirģis R*. Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. 511 lpp.

Svarāne 1991 — *Svarāne D*. Doles salas lībiešu kapulaukos atrastie 10.-13. gadsimta piekariņi — amuleti un rotaslietas // Daugavas raksti. No. Aizkraukles līdz Rīgai. Rīga: Zinātne, 1991. 31.–43. lpp.

Šnore 1996 — *Šnore E*. Daugavas lībieši Doles salā // Arheoloģija un etnogrāfija 18. laid. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1996. 111.–132. lpp.

Thunmark-Nylén 1998 — *Thunmark-Nylén L*. Die Wikingerzeit Gotland II. Tipentafeln. Stokholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. 17 S. 316 Pl S.

Thunmark-Nylén 2006 — *Thunmark-Nylén L*. Die Wikingerzeit Gotland III. 1–2. Text. Stokholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2006. 376 S.

Tõnisson 1974 — *Tõnisson E*. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – Anfang 13. Jhs). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 209 S.

Vaska 2003 — *Vaska B*. Viduslaiku ornaments Rietumlatvijā pēc arheoloģiskajiem materiāliem // Ventspils muzeja raksti III. Rīga: Ventspils muzejs, 2003. 34.–93. lpp.

Zariņa A. 1988 — *Zariņa A*. Lībiešu apģērbs 10.–13. gs. Rīga: Zinātne. 1988. 102 lpp.

Zariņa A. 1992a — *Zariņa A*. Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10.–13. Jh. zu Salaspils Laukskola. Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter // Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensis 9. Stockholm: Centre for Baltic studies at the University of Stockholm, 1992. S. 173–184.

Zariņa A. 1992b — *Zariņa A*. Nr. 249. Trachtenschmuck einer livischen Frau // Roesdahl E. (red.). Wikinger, Waräger, Normannen: die Skandinavier und Europa 800-1200. Berlin: Museum für Vor– und Frühgeschichte. 1992. S. 294.

Zariņa A. 2000 — *Zariņa A*. Gotlandietes apbedījums Salaspils Laukskolas kapulaukā. Latvijas vēsturnieki // Caune A. (comp.). Arheologs Dr. hist., Dr. hist. h. c. Jānis Apals: Biobibliogrāfija, darbabiedru veltījumi 70 gadu jubilejā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 2000. 136.–143. lpp.

Zariņa A. 2006 — *Zariņa A*. Salaspils Laukskolas kapulauks. 10.–13. gadsimts. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 463 lpp.

Zariņa G. 2016 — *Zariņa G*. Ikšķiles 13. –15. gadsimta iedzīvotāji — 13th–15th century population of Ikšķile. Rīga: Zinātne, 2016. 136 lpp.

Zemītis 1994 — *Zemītis G*. Daugmales pilskalna apaļie vairogveida piekariņi // Arheoloģija un etnogrāfija XVII. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1994. 144.–147. lpp.

Zemītis 2002 — *Zemītis G*. Lībieši un skandināvi senatnē // Lībiešu gadagrāmata. Līvlist āigastrōntõz 2002. Rīga: Lībiešu krasts, 2002. 12.–16. lpp.

С. В. Томсинский
(Санкт-Петербург)

Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»

В процессе раскопок городища у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой области УССР, производившихся в 1957–1964 гг. Галицко-Волынской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. К. Каргера, были исследованы остатки древнерусского города, как предположил автор раскопок, летописного «Изяславля», уничтоженного со всем населением зимой 1241 г. во время похода Батыя на Центральную Европу. Раскопки дали огромный по объему и составу материал, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Появившиеся недавно сомнения в правильности первоначальной идентификации памятника не смещают верхнюю дату: болоховские города, к числу которых, по мнению некоторых исследователей, принадлежал и тот, остатки которого исследовались М. К. Каргером, были разгромлены Даниилом Романовичем Галицким в 1257 г. Не вдаваясь в проблему идентификации памятника, мы всё же будем именовать этот город «Изяславлем», поскольку для нашей темы этот сам по себе достаточно важный и по сей день дискуссионный вопрос принципиального значения не имеет.

Среди находок Галицко-Волынской экспедиции 1957–1964 гг. присутствует серия из семи резных каменных иконок, признанных принадлежащими людям, погибшим в разгроме города. Все они изготовлены из пирофиллитовых сланцев разных оттенков — от розового до желтовато-белого, месторождения которых на крайнем западе Украинского щита разрабатывались с глубокой древности (Деревская, Коженевский, 2015: 13–14). Если исходить из материалов раскопок, то придется констатировать, что дорогих стеатитовых иконок работы высококвалифицированных мастеров в этом городе и его округе никто не носил; однако археолог не в состоянии зафиксировать все реалии исторической действительности: такие иконки, заключенные в драгоценные оправы, вполне могли стать трофеями победителей.

Наиболее обстоятельная характеристика этой серии дана в своде портативной сакральной пластики Древней Руси и Московского царства, составленном Т. В. Николаевой в 1983 г. Исследовательница отнесла иконки к «южнорусской группе» и признала их (за исключением, может быть, двух) работами «местных мастеров», не проявившими ни иконописных навыков рисунка, ни умения тщательной обработки камня и «предназначавшимися для простых горожан», не обладающими особыми художественными достоинствами (Николаева 1983: 24–25, 60). Оба вывода Татьяны Васильевны представляются нам недостаточно обоснованными в общем контексте тех сложностей изучения портативной сакральной пластики, которые

были понятны и ее предшественникам, и ей самой, и тем, кто продолжил ее дело изучения миниатюрных каменных рельефов (Порфиридов 1972; Пуцко 2006; Архипова 2010).

Во-первых, в «Изяславле» перед разгромом города могли оказаться выходцы из других регионов Древней Руси, как сопредельных, так и отдаленных — тем более, что нашествие 1238–1241 гг. сдвинуло с насиженных мест массы беженцев, причем и из весьма отдаленных регионов. Следовательно, иконки, обнаруженные на этом памятнике, вовсе необязательно были созданы «местными мастерами» и вовсе необязательно принадлежали местным жителям. У нас просто нет на сей счет однозначно достоверных данных.

Во-вторых, художественные достоинства миниатюрных рельефов портативной сакральной пластики определяются отнюдь не только тщательностью резьбы, выдержанностью пропорций и сложностью орнаментаций, но, в первую очередь, материализацией в камне эстетических переживаний освобождения формы из материала, передаваемых мастером заказчику-владельцу предмета личного благочестия. И в этом контексте никак нельзя признать «изяславские» иконки лишенными художественных достоинств, хотя они никак не могут быть соотнесены, например, с такими памятниками «южнорусской группы», по Т. В. Николаевой, как «Св. Симеон и св. Ставрокий» из Новгорода или «Свв. Борис и Глеб» из Солотчи (Николаева 1983: 55; Рындина 1978: 31–43; Пуцко 2006: 445–446; Архипова 2006: 98).

После публикации Т. В. Николаевой иконки из «Изяславля» только спорадически попадали в поле зрения исследователей. М. А. Миролюбов представил две из них в каталоге небольшой временной выставки в Государственном Эрмитаже без подробного анализа миниатюрных рельефов, причем одну из иконок неправильно определил как изображение Вседержителя (Древнерусский город Изяславль 1983: 39, 52, № 238, 239). Те же две иконки — «Св. Илья Пророк» и «Св. Николай» — из этой группы В. В. Жишкович упомянул в своем основательном обзоре сакральной пластики Галицко-Волынского княжества (Жишкович 2008: 358–359). Между тем, эта небольшая серия миниатюрных рельефов не так проста, как кажется на первый взгляд, и вполне заслуживает более пристального внимания, хотя бы как особая группа находок в огромной коллекции из раскопок 1957–1964 гг. на городище у с. Городище.

Прежде всего, три из пяти «изяславских» иконок — «Св. Илья Пророк», «Безбородый святитель» и «Спас Эммануил» — обладают заметными общими признаками: некая массивность, достаточно широкие поля и небрежно вырезанное из камня оглавие с отверстием для шнурка, свидетельствующее об отсутствии металлический оправы и о том, что иконки носили не в мешочке-ладанке (рис. 1, *1, 3, 4*). Такое устройство для подвешивания оказывается достаточно редким, но не уникальным в портативной сакральной пластике разных регионов Древней Руси и даже в византийской художественной традиции (Николаева 1983: табл. 8, *4*, 16, *8*, 19, *5*, 52, *2*).

Соотношение рельефа и массы камня, из которого изображение выведено резцом, особенно выразительно в иконке «Св. Илья Пророк»: невысокий плоский рельеф кажется просто наложенным на несоразмерно крупный, «излишний» для изображения объем. Пожалуй, из того куска камня, который использовал резчик, можно было изготовить две, а то и три миниатюрных рельефа. «Безбородый святитель» также вырезан на достаточно тяжелой пластине розового шифера. Иконка

Рис. 1. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля». 1 — «Св. Илья Пророк», 2 — «Св. Николай», 3 — «Спас Эммануил» , 4 — «Безбородый епископ», 5 — фрагмент композиции «Благовещение», 6 — изображение конного воина, 7— «Процветший крест»

с изображением «Спаса Эммануила» вырезана на более тонкой пластинке, однако и здесь массивность подчеркнута глубоким ковчегом, в который помещено изображение. Может возникнуть предположение, нелишенное вероятности, что эти «изяславские» иконки изготовлены мастерами, привыкшими резать из мягкого камня литейные формочки. Однако массивность трех «изяславских» иконок, вполне созвучная «примитивности» пластического решения миниатюрных рельефов, несомненно, эстетически переживавшаяся владельцем, носившим их на груди с определенным для себя неудобством, выразительно акцентирует сакральную значимость изображений.

В то же время рельефы этих трех иконок демонстрируют столь очевидные стилистические различия, что нет оснований предполагать их принадлежность одному мастеру.

Иконка «Св. Илья Пророк», судя по явному стремлению мастера к тщательности передачи лика, складок одеяния и точечных углублений на нимбе, явно воспроизводит некий чтимый образ, который и определил пластику рельефа. В. В. Жишкович, характеризуя этот памятник портативной сакральной пластики, ограничился

достаточно кратким определением: «До кола пам'яток дрібної кам'яної пластики, створених в ореолі Галицько-Волинської держави, належить невеличка іконка першої половини XIII ст. із поясним зображенням пророка Іллі». Впрочем, предположение о каких-либо стилистических «галицизмах» в этой иконке исследователь не конкретизировал, перейдя затем к описанию рельефа (Жишкович 2008: 359). Т. В. Николаева (Николаева 1983: 25) признала мастера, создавшего эту иконку, достаточно опытным резчиком, правда, обнаружившим «беспомощность» в изображении благословляющей десницы (рис. 1, *1*). Однако эта «беспомощность» не бросается в глаза и никак не снижает общей выразительности рельефа: в данном случае, несомненно, заказчик требовал от мастера максимально возможного в резьбе по камню сходства с воспроизводимым оригиналом, и мастер со своей задачей справился успешно.

Если ориентироваться на свод Т. В. Николаевой, то придется признать, что св. пророк Илья — достаточно редкий персонаж в древнерусской портативной пластике из камня. В своде обнаруживаются еще две иконки с изображением св. Илии, причем одна из них представляет пророка в пустыне, а вот на второй, происходящей из Суздаля и отнесенной Т. В. Николаевой к «среднерусской группе», воспроизведен тот же самый иконографический тип, что и на иконке из «Изяславля». Несомненно, и в этом случае мастер воспроизвел чтимую икону, однако не только географическая отдаленность «Изяславля» и Волго-Окского междуречья (огромные расстояния в эпоху средневековья преодолевались гораздо легче, чем нам представляется сейчас), но и различия в трактовке прядей волос и бороды, и одеяния на этих двух иконках вряд ли предполагают наличие общего оригинала миниатюрных рельефов (Николаева 1983: 62, 126, табл. 13, *1*, 22, *1*). Однако редкость изображений св. пророка Илии в портативной сакральной пластике из камня позволяет также допустить, что суздальская и «изяславская» иконки были воспроизведением семейных или личных чтимых икон, представлявших соименного по крещению или иноческому наречению небесного покровителя владельца.

Иконка «Спас Эммануил» кажется самой «примитивной» по композиции из всей «изяславской» серии. В глубоком ковчеге помещен только силуэт полуфигуры ребенка Христа с несоразмерно большой головой, едва намеченными выступами на месте глаз и носа и обобщенно трактованными руками. Эта откровенная обобщенность, несомненно, объясняется не только неспособностью мастера проявить в полной мере возможности передать в материале мелкие детали рельефа, но и уже отмечавшейся исследователями древнерусской портативной сакральной пластики необязательностью для владельцев иконок точной передачи воспроизводимого в рельефе оригинала — иконы или фрески (рис. 1, *3*). Само значение имени Эммануил — «*с нами Бог*» — хорошо объясняет смысл помещения именно изображения этой ипостаси Христа на предмете личного благочестия. Но образ Спаса Эммануила в портативной сакральной пластике из камня, как и в иконописи, и фресковых росписях, встречается редко: в своде Т. В. Николаевой присутствует еще одна иконка из Новгорода, однако на этом рельефе Эммануил представлен в верхней части многофигурной композиции, над изображениями свв. Николая, Федора Тирона и Федора Стратилата (Николаева 1983: 124, табл. 51, *3*). Очень вероятно, что изображение Христа-отрока, обнаруженное в «Изяславле», и предназначалось отроку, отдававшемуся под защиту Бога именно в том возрасте, в котором Иисус впервые

появился в Иерусалиме на храмовом празднике — но это, конечно, только предположение.

Самой загадочной иконкой этой маленькой группы оказывается «Безбородый епископ» (рис. 1, *4*). Стратиграфический локус иконки точно неопределим, и она, как и другие миниатюрные рельефы «Изяславля», a priori датирована публикаторами первой третью XIII в., т. е. периодом перед разгромом города в 1241 г.

Изображение, выполненное глубокими резкими порезами, не обнаруживает никакого сходства с пластикой «Св. Илии Пророка» и даже «Спаса Эммануила», нимб небрежно вписан в глубокую нишу ковчега. Фигура изображенного предельно схематизирована, тем не менее, вполне отчетливо передан округлый лик, несоразмерно крупная десница и крестчатый омофор, удостоверяющий высокий духовный сан иерарха. Т. В. Николаева в подробном описании отмечает «шапочку» вместо волос и «как бы усы» над выпуклыми, плотно сжатыми губами (Николаева 1983: 60, табл. 12, *2*). Неуверенность исследователя понятна — с той же вероятностью можно предположить, что мастер всё-таки передал коротко стриженые волосы или тонзуру — «гуменце», а «усы» — просто штрих резцом при разработке выпуклых, плотно сжатых губ. Однако и исключить наличие этой самой шапочки и усов полностью нельзя — мастер не озаботился более подробной детализацией тщательной отделкой рельефа.

Чтобы правильно понять этот памятник портативной сакральной пластики, желательно, прежде всего, уяснить, кто может быть изображен на иконке. В православной традиции архиереев, изображавшихся безбородыми, очень мало. Т. В. Николаева, завершая характеристику этой «изяславской» иконки, риторически вопросила: а не изображен ли здесь новгородский епископ Никита, «который был скопец» (Николаева 1983: 60)? Определенно нет: новгородский епископ Никита, скончался в 1108 г. и канонизирован только в 1547 г. Местное почитание св. епископа Никиты, несомненно, установилось вскоре после его кончины, но среди памятников портативной сакральной пластики из камня и других материалов, в т. ч. и причисляемых к новгородским, его изображений нет. Очевидно, надо искать других святителей, изображавшихся в православной традиции безбородыми.

Впрочем, если небольшие усики на лике изображенного на этой «изяславской» иконке еще можно при желании усмотреть, то «безбородость» этого персонажа, учитывая особенности пластического решения рельефа, скорее удостоверяет отсутствие у святителя окладистой бороды, обладателями которой в иконографической традиции становились старцы, и даже небольшой бородки «средовека». Однако этот святой на том оригинале, который копировал резчик, вполне мог быть обладателем едва пробившейся юношеской бородки, которая на иконах и фресках плохо отличима от тени, оконтуривающей лик. Именно такими, с еле различимым юношеским пушком на щеках и небольшими усиками, представлены на мозаике Палатинской капеллы в Сицилии и на известных фресках храма свв. Козьмы и Дамиана в Кастории XII в. два святителя, почитаемых и православными, и католиками: св. Елевферий, епископ Иллирийский и св. папа Римский Лев I Великий (Лазарев 1986: 101, табл. 344–345). Св. Елевферий был хиротонисан в епископы папой Аникетом в возрасте всего 20 лет и погиб, согласно традиции, в 121 г. Лев I Великий, папа Римский, утвердивший, как известно, примат Римской кафедры св. Петра в христианстве, прожил долгую жизнь и чаще всего изображается с бородой —

«средовеком» или старцем. Однако дата его рождения и поставления в епископы неизвестны — судя по упомянутым выше изображениям, по крайней мере, в XII в. считалось, что и он был хиротонисан совсем молодым человеком. В древнерусской иконографической традиции, видимо, именно этих святителей или одного из них вполне могли изображать не только безбородыми, но и безусыми: изображение непоименованного молодого епископа присутствует, например, в росписях храма Покрова XIV в. в Довмонтовом городе Пскова (Белецкий 1986: 92, 93, табл. XXXI).

Очевидно, одного из этих святых и представляет «изяславская» иконка — отсутствие именующей надписи не позволяет высказаться конкретней. Однако в данном случае нельзя ограничиться только наиболее вероятностной идентификацией изображенного, нужно еще объяснить нетипичные для портативной сакральной пластики Древней Руси и Московского царства элементы этого миниатюрного рельефа. Прежде всего, обращает на себя внимание трапециевидная форма иконки, причем сама пластинка шифера, на которой вырезан рельеф, имеет отчетливое расширение от оборотной части к лицевой. И уж совершенно нетипичным для каменных иконок XII–XV вв. оказывается «волнисто-зубчатое» обрамление рельефа, которое и мастер, и заказчик вполне могли ассоциировать с исходящим от изображенного святителя сиянием. Металлические оправы, сохранившиеся на некоторых каменных иконках, относимых исследователями к разным центрам производства, аналогиями признаны быть не могут, хотя бы потому что по конструкции оправ зубцы оказываются на оборотной, а не на лицевой стороне иконки (Николаева 1983: 103, 112, табл.13, *1*, 28, *2,* 48, *4;* Рындина 1978: 234–236, 255).

Интерпретировать эти особенности иконки с изображением безбородого святителя сложно. Если в «Изяславле», как свидетельствуют материалы раскопок, православные общались или даже сосуществовали длительное время с католиками, отмеченные выше нетипичные для древнерусской и византийской портативной сакральной пластики особенности этого памятника вполне могут быть a priori признаны влиянием романской художественной традиции, тем более что на иконке, как мы предполагаем, изображен святой, почитаемый в обеих конфессиях. И поскольку волнистые и зубчатые обрамления композиций с изображениями святых в романском искусстве, например, в знаменитых лиможских эмалях, действительно спорадически встречаются, рискнем предположить, что оригиналом иконки с изображением безбородого святителя стала иконка или медальон из неизвестного материала западноевропейского происхождения. Резчику, очевидно, это «зубчато-волнистое» обрамление показалось очень значимым, по ассоциации с сиянием, исходящим от фигуры святого; возможно, на оригинале оно чем-то выделялось: цветом, вставками, покрытием из благородного металла, а уж воспроизвел он этот элемент в меру своего мастерства, приложенного к другому материалу.

Еще раз повторим, и этот наш вывод сугубо гипотетичен: в изучении портативной сакральной пластики из камня достоверно установленного вообще гораздо меньше, чем выдаваемых за таковое предположений.

Выделяется в «изяславской» серии и иконка «Св. Николай», не обнаруживающая никакого сходства с рассмотренными выше памятниками (рис. 1, *2*). К характеристике пластического решения рельефа этой иконки, данной Т. В. Николаевой и В. В. Жишковичем, трудно что-то добавить; не вызывает возражения и констатированное исследователями стилистическое сходство с иконкой с изображением

св. Николая и Одигитрии из Галича (Николаева 1983: 35, 60, табл. 12, *4;* Жишкович 2008: 358). Однако полагаем необходимым отметить, что и представления исследователей о собственно галицкой художественной традиции каменных иконок остаются всё же пусть обоснованными, плодотворными и поддающимися проверке, но гипотезами. Посему и полной уверенности в галицком происхождении этой «изяславской» иконки нет, хотя вероятность действительно весьма высока (Жишкович 2008, 353–355). В исторической действительности XII–XIII вв. всё могло обстоять значительно сложнее, чем это представляется исследователям, которые не в состоянии проследить возможные перемещения и людей, и вещей в средневековых социумах.

Миниатюрный рельеф с изображением Процветшего Креста в «изяславской» серии представляет самый распространенный в Древней Руси тип шестиконечного креста с двумя ответвлениями-побегами (рис. 1, *7*), многократно воспроизведенного на произведениях сакрального искусства и в граффити как воспринятый христианством символ Древа Вечной Жизни и как материализация евангельского образа Христа — виноградной лозы. Изображение Процветшего Креста было настолько значимо для владельца иконки и, видимо, для мастера, что побеги от Честного Древа резчик перенес и на оборотную сторону иконки (Николаева 1983: 60, табл. 12, *5*). Уместно напомнить, что нанесение на стены храмов изображений Креста на Голгофе и Процветшего Креста, судя по частоте этих граффити, зафиксированных исследователями, следует признать одной из устойчивых религиозных практик Древней Руси. Неоднократно зафиксированные изображения Процветшего Креста на оборотных сторонах каменных иконок, несомненно, должно было усилить охранительное действие предмета личного благочестия. Однако в портативной сакральной пластике Древней Руси из камня изображение Процветшего Креста на лицевой стороне иконки приходится признать редким. Близкие аналогии этой иконке из «Изяславля» обнаруживаются среди византийских стеатитовых паломнических иконок XII в. с емкостями для частиц Древа Креста и мощей. Можно было бы говорить о продолжении этой традиции, но на «изяславской» иконке, изготовленной не из стеатита, такие емкости отсутствуют, что не позволяет однозначно отнести этот памятник именно к паломнической субкультуре (Залесская 2005: 29–35).

Фрагмент иконки с изображением конного воина (рис. 1, *6*) слишком мал для характеристики утраченного навсегда памятника портативной сакральной пластики. Невозможно даже установить, какой именно из святых воинов, изображавшихся конными, был представлен на этом миниатюрном рельефе (Николаева 1983: 60, табл. 12, *4)*. Исходя из приведенных А. Н. Кирпичниковым данных об изменениях посадки всадников, можно только полагать, что иконка изготовлена в XII в. и, следовательно, достаточно долго находилась в употреблении до гибели города (Кирпичников 1973: 77).

Наконец, еще один обломок каменной иконки из «Изяславля» представляет часть фигуры Богоматери и вполне обоснованно признан Т. В. Николаевой фрагментом композиции «Благовещение» (рис. 1, *5*), отметившей в краткой характеристике этого памятника «грубость и непрофессиональность» резьбы (Николаева 1983: 60, табл. 12, *3*). Эта композиция также не принадлежит к числу распространенных в портативной сакральной пластике из камня Древней Руси и Московского царства (Николаева 1983: 156). Сохранившийся фрагмент, как и фрагмент иконки

с изображением конного воина, не дает оснований для более пространных характеристик всего произведения, но вряд ли в такой характеристике и есть необходимость. Это, действительно, самая «грубая» из иконок «изяславской» серии, и именно особенности пластического решения рельефа не позволяют однозначно отнести эту иконку к работам тех же мастеров, которые создали прочие произведения портативной сакральной пластики из камня, обнаруженные в «Изяславле», включая и «Безбородого святителя». Этой констатацией в данном случае нам и приходится ограничиться.

Таким образом, каменные иконки из раскопок древнерусского города «Изяславля» оказываются не только, может быть, даже не столько памятниками сакрального искусства, сколько драгоценными для исследователей маркерами объективно недоступной для непосредственного изучения обыденной религиозности в одном из регионов Древней Руси, ибо эти миниатюрные рельефы содержат весьма важную для потомков информацию не только о мастерах, но и о владельцах каменных иконок. Если попытаться расслышать константу эмоционального звучания «изяславских» иконок, то прозвучит — *истовость веры*, присущая в ту эпоху и знати, и простонародью, и прозвучит тем громче, чем «примитивнее» и грубее по исполнению кажется рельеф. Очевидная разностильность иконок из «Изяславля», даже в контексте сугубо гипотетических выводов об их происхождении и безвозвратной потере во времени имен мастеров и владельцев, осознанно или неосознанно соотносится с навсегда неведомыми нам перипетиями бытия их владельцев — и горестной общей их судьбой, установленной с достаточной степенью достоверности. Неслучайно особую выразительность эти каменные иконки обретают именно представленные все вместе.

Литература

Архипова 2006 — *Архипова Е. И.* Дрібна скульптура Київськой Русі (з приволу статті В. Пуцка «Київська пластика початку XIII ст.») // Скрипник Г. А. (ред.). Студії мистецтвознавчі. 3 (11). Київ: ІМФЕ НАН України, 2006. С. 94–102.

Архипова 2010 — *Архипова Е. И.* Каменные иконки в Древней Руси: итоги и проблемы изучения иконок домонгольского времени // Археологія і давня історія України. 2010. Вип. 1. С. 419–425.

Белецкий 1986 — *Белецкий В. Д.* Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV века. Л.: Искусство, 1986. 152 с.

Деревская, Коженевский 2015 — *Деревская Е. И.*, *Коженевский С. Р.* Пирофиллит Словечанско-Овручского кряжа // Коштовне та декоративне каміння. Науково-практичий журнал. 2015. № 1 (79). С. 13–19.

Древнерусский город Изяславль 1983 — Миролюбов М. А. (сост.). Древнерусский город Изяславль. Каталог временной выставки. Л.: ГЭ, 1983. 64 с.

Жишкович 2008 — *Жишкович В.* Кам'яна пластика Галицько-Волинської держави // Лильо-Откович З. (общ. ред.). Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі: мат-ли Міжнарод. наук. конф-ції, 29–30 листопада 2007 р. Львів: Мистецький фонд імені короля Данила, 2008. С. 353–361

Залесская 2005 —*Залесская В. Н.* Византийские стеатитовые образки и кресты эпохи крестовых походов в собрании Государственного Эрмитажа // Искусство Христианского мира. 2005. Вып. 9. С. 29–35.

Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. IV: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Лазарев 1986 — *Лазарев В. Н.* История византийской живописи / Под общ. ред. Г. И. Вздорнова. М.: Искусство, 1986. 550 с.

Николаева 1983 — *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.: Наука, 1983. 163 с. (САИ. Вып. Е1-160).

Рындина 1978 — *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М.: Наука, 1978. 192 с.

Порфиридов 1972 — *Порфиридов Н. Г.* Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // СА. 1972. № 3. С. 200–208.

Пуцко 2006 — *Пуцко В. Г.* Древнерусская каменная пластика малых форм: из опыта систематизации // SP. 2006. № 5. С. 439–448.

С. Н. Травкин
(Санкт-Петербург)

Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века

Использование денежных знаков в средние века имело ряд особенностей, отразившихся в материалах нумизматических тезавраций. Одной из таких особенностей является «повторное» использование старых монет.

В условиях низкого уровня развития транспорта монетное обращение имело ряд территориальных отличий. Рассмотрим это на примере южной части Восточной Европы, отделенной от северных земель полосой лесов и болот вдоль рек Припять и Десна. Южной границей рассматриваемой территории является северное побережье Черного моря, западной — нижнее течение Дуная и Карпаты, а восточной — нижний Дон. Вероятно, из этого региона необходимо исключить земли полуострова Таврии (Крыма), так как их средневековая история заметно отличалась от политических и социальных процессов, происходивших в континентальной части Юго-Восточной Европы.

Состав монетных находок является своеобразным археологическим источником. Монеты — важный хронологический индикатор. Однако отдельные находки монет имеют широкую хронологию использования. В связи с этим особую значимость в качестве хронологических маркеров приобретают клады (Круглов 2005: 87; Шувалов 1999: 374–376). В большинстве случаев предполагается, что монеты, обнаруженные в составе одного комплекса, имели одновременное хождение.

Каждый нумизматический клад с момента своего сокрытия может рассматриваться в качестве закрытого археологического комплекса. После попадания в землю монетный клад превращается в своеобразное отражение денежного обращения в момент археологизации, однако часто зеркало оказывается «кривым». Связана данная ситуация со сложным и противоречивым процессом формирования и сокрытия монетных кладов.

Тезаврации монет весьма разнообразны по причинам и особенностям своего образования и сокрытия. В научной литературе существует несколько сложных и достаточно спорных классификаций монетных кладов (Потин 1993: 171–177) Анализ нумизматического комплекса должен проводиться в зависимости от особенностей его формирования и попадания в культурный слой. Особенно важное значение имеет дата сокрытия клада или его случайного попадания в культурный слой. В ряде случаев для определения времени этого события индикатором могут служить младшие монеты нумизматического комплекса. Дополнительным показателем хронологии сокрытия и формирования клада может также служить структура тезаврации.

Вопрос о хронологии нумизматических кладов является предметом давней научной дискуссии (Потин 1981: 78–80). Особое место среди тезавраций занимают комплексы длительного накопления, которые формировались на протяжении десятилетий, а иногда и столетий. Состав этих кладов свидетельствует о постепенном накоплении богатства в руках их владельца или владельцев. Монеты в подобных комплексах формируют более или менее непрерывный хронологический ряд, в котором между датами чеканки самых «старых» и самых «молодых» экземпляров могут лежать десятилетия, а иногда столетия целенаправленной деятельности одного или нескольких владельцев комплекса (Потин 1993: 180–181).

В связи с существованием тезавраций длительного накопления возникает вопрос о времени формирования и сокрытия тех кладов, в хронологическом ряду монет которых имеются несомненные и длительные лакуны. Так, в 1845 г. в Киеве был обнаружен клад из 200 медных «восточных» монет. К сожалению, полная информация о структуре клада не сохранилась. Однако известно, что младшая монета в комплексе принадлежала монгольской чеканке от имени Менгу Каана в Бухаре и имела дату 651 год Хиджры (= 1253/ 1254 год от Р. Хр.). Старшая монета была отнесена к денежным знакам Аббасидов и выпущена от имени Мансура в Бухаре в 147 году Хиджры (= 765 год от Р. Хр.) (Марков 1910: 13).

Информация об этом кладе минимальна, но его состав не совсем обычен для Восточной Европы. Находки кладов с «восточными», чаще всего с джучидскими монетами эпохи Золотой Орды, широко распространены на территории южной части Восточной Европы начиная с XIII в. (Фёдоров-Давыдов 1960: 94–190; 1963: 165–218).

Нумизматические комплексы, содержащие куфические монеты VIII–X вв. известны на землях Восточной Европы, однако, как правило, это серебряные дирхемы (Янин 2009: 95–159, табл. 2). Верхняя хронологическая граница их активного обращения ограничена периодом конца X — XI в. (Кулешов 2015: 73–76).

В рассматриваемом комплексе разрыв между старшей и младшей монетами составляет почти 500 лет. Представляется маловероятным непрерывное обращение медного денежного знака на протяжении нескольких столетий. Складывается впечатление, что «древний» куфический медный фельс возник из небытия, как призрак более ранней эпохи средневековой нумизматики.

Особое место в нумизматике Юго-Восточной Европы занимают тезаврации, включавшие в себя одновременно античные и средневековые монеты. Античный компонент в подавляющем большинстве представлен чеканками Римской империи.

Денежные знаки Древнего Рима имели широкое распространение на землях Северного Причерноморья, однако хронология их обращения была ограничена (Столярик 1992). В связи с этим интересно отметить несколько тезавраций, в которых отразилось позднее использование античных монет.

В 1894 г. в с. Хренник (или Хренники) возле Ровно был найден клад, включавший серебряные западноевропейские, литовские и польские монеты XVI в. Дополнением к ним послужил (Кропоткин 1961: 74, № 866) один денарий императора Марка Аврелия (161–180).

В 1897 г. на территории Бессарабской губернии в Сорокском уезде возле с. Редь-Чересновец был обнаружен клад из 4437 серебряных и биллоновых монет. Он включал в себя несколько хронологических и этнических групп монет по времени

и месту чеканки. Подавляющее большинство составляли мелкие номиналы Речи Посполитой, выпущенные от имени Стефана Батория (1575–1586 гг.) и Сигизмунда III Вазы (1586–1632 гг.). Талеры и полуталеры государств Священной Римской империи германской нации и Соединенных Провинций Нидерландов охватывали период с 1564 по 1618 гг. Монеты Венгерского королевства были представлены в комплексе талерами, полуталерами и денариями королей Рудольфа II Габсбурга (1576–1608 гг.) и Матвея II Габсбурга (1608–1618 гг.). Чеканки Московского царства включали деньгу Фёдора Ивановича (1584–1598 гг.) и две копейки Бориса Фёдоровича Годунова (1598–1605 гг.). Особое место в материалах тезаврации занимала единственная серебряная монета Римской империи (Нудельман 1976: 106).

В 1911 г. недалеко от Киева в Дыбинцах был обнаружен клад из 156 серебряных германских, польских и шведских монет, датированных 1623–1637 гг. Дополняли их четыре денария античного Рима (Кропоткин 1961: 58, № 455).

В советское время возле с. Выграев Черкасской обл. был выявлен монетно-вещевой комплекс, включавший в себя польские и шведские серебряные монеты XVII в. и два римских денария — республиканский и императора Марка Аврелия (Кропоткин 1961: 86, № 1176). В данном случае необходимо отметить, что денарии Римской республики относительно редко встречаются в находках на землях Восточной Европы.

Другим похожим случаем может служить клад, обнаруженный в 1967 г. в Пэкуйул луй Соаре на территории Румынии возле города Констанца. В его состав входили 42 медные монеты, которые по времени и месту выпуска делятся на три части. Самой ранней была медная монета Римской империи, датированная по времени чеканки IV в. от Р. Хр. Вторую группу представляли денежные знаки Второго Болгарского царства, выпущенные от имени царей Ивана Александра и Михаила (1333–1335 гг.) — 28 экз., подражания монетам Ивана Срацимира (1360–1396 гг.) — 3 экз., подражания монетам Ивана Срацимира и Константина (XIV в.) — 8 экз. Третью группу составили медные мангыры Османской империи, чеканенные от имени султанов Баязида II (1481–1512 гг.) и Селима I (1512–1520 гг.) (Isacescu 1975: 253–255).

Обращает на себя внимание то, что во всех этих нумизматических комплексах между старшей античной монетой и основной нумизматической массой средневековых монет имеется лакуна более чем в тысячу лет. Учитывая определенное сходство в оформлении римских денариев и мелких средневековых номиналов христианской Европы, можно предположить, что античные чеканки могли вернуться в активное обращение в результате их случайной находки.

В дополнении к приведенным примерам можно добавить еще несколько тезавраций, в которых хронологический разрыв между самой ранней монетой и основным составом клада выражен не столь ярко.

В данном случае имеются в виду, прежде всего, клады XVI и XVII вв., содержавшие пражские гроши. Чеканка этих монет происходила с самого начала XIV и до XVI в., однако наиболее массовая чеканка продолжалась до начала XV в. (Козубовський 2010: 60–62).

В конце средних веков повторное использование монет можно предположить для наиболее ранних пражских грошей Вацлава II (чеканил пражские гроши в 1300–1305 гг.). Пражские гроши, выпущенные от имени королей Иоанна Люксембургского (1310–1346), Карла I (1346–1378) и Вацлава IV (1378–1419), имели более

позднюю хронологию чеканки и непрерывного обращения на землях Восточной Европы. Вероятно, их поздние находки выходят за пределы предложенной схемы повторного использования монет.

В 1882 г. в с. Княжое Владимиро-Волынского уезда был выявлен клад из золотых и серебряных монет. Преобладали в этом комплексе чеканки короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы. Дополняли их номиналы Венгрии, Венеции, Голландии, Пруссии, Швеции, восточных государств. Продукция монетных дворов Чехии была представлена единственным пражским грошем Вацлава II, от имени которого пражские гроши чеканились в 1300–1305 гг. (Сиверс 1922: 12, № 13).

В 1921 г. в Буске, недалеко от Львова, был обнаружен клад из 390 серебряных монет. В тезаврации преобладали чеканки XV и XVI вв. Польского королевства, Великого княжества Литовского, Венгерского королевства, государств Германской империи, Тевтонского ордена. Дополнением к ним служил один пражский грош Вацлава II (Соболева 1963: 133–134).

Клады, содержавшие ранние пражские гроши, имели менее выраженную хронологическую лакуну. Она охватывала период от ста до трехсот лет. Пражские гроши Вацлава II имели хронологические продолжения в более поздних выпусках данных монет. В связи с этим их использование (возможно повторное) не вызывает удивления.

Своеобразное место занимала средневековая тезаврация, обнаруженная на землях центральной части Бессарабии.

Клад, найденный возле с. Сесены (МССР, ныне — Республика Молдова) в 1973 г., по хронологии чеканки можно условно разделить на две части. Первая группа включала в себя монеты Венгерского королевства, Великого княжества Литовского, Османской империи и Молдавского княжества конца XV в. и первой четверти XVI в. Вторая группа монет представлена дирхемами Золотой Орды, выпущенными во второй половине XIV в. (Нудельман 1975: 103–104)

Между джучидскими дирхемами и остальной частью комплекса существует разрыв более чем в столетие. Характерной особенностью данного клада является то, что «вторичное» использование денежных знаков было связано с серебряными номиналами Золотой Орды. По своему оформлению и графике надписей эти дирхемы принципиально отличались от более поздней «христианской» части Сесенского клада. Внешний вид турецких акче соответствовал правилам ислама, но по весу и содержанию надписей они отличались от золотоордынских дирхемов.

На основании рассмотренных материалов можно сделать вывод о том, что появление в нумизматических закрытых комплексах монет, которые были повторно использованы создателями этих тезавраций, на территории южной части Восточной Европы было редким, но вполне реальным явлением. При этом между временем чеканки старшей и младшей частей клада возникала хронологическая лакуна в столетия, а иногда и в тысячелетия. Можно предположить, что создатель клада повторно возвращал в оборот монеты, временно вышедшие из обращения. В условиях низких грамотности и общей культуры населения существовала возможность хождения на рынке денежных знаков с нестандартной символикой и нечитаемыми надписями.

Чаще всего среди этих монет встречались денежные знаки Римской империи и пражские гроши. Эти монеты в свое время получили широкое распространение

на землях Юго-Восточной Европы. Похожая ситуация существовала для джучидских дирхемов и куфических монет.

По материалу изготовления среди повторно использованных монет преобладали экземпляры из драгоценного металла. В условиях средневековья в Восточной Европе это было серебро. Подобные денежные знаки обладали заметной ценой и могли заинтересовать не слишком богатого участника обмена.

Вызывает определенное удивление повторное использование медных номиналов, обладавших минимальной стоимостью. Вероятно, медные монеты могли иметь относительную ценность на рынке, что, возможно, свидетельствует о достаточно высокой потребности в средствах обращения на землях Юго-Восточной Европы в некоторые периоды средневековья.

В конечном итоге необходимо признать, что в условиях средневековой культуры и экономики на территории Юго-Восточной Европы «повторное» использование старых монет в нумизматических комплексах имело место, и оно может деформировать анализ хронологии тезавраций.

Литература

Козубовський 2010 — *Козубовський Г. А.* Празькі гроші XIV–XV ст. з археологічних пам'яток України // Археологія (Київ). 2010. № 4. С. 60–69.

Кропоткин 1961 — *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 114 с. (САИ. Вып. Г4-4).

Круглов 2005 — *Круглов В. П.* Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии // Вияшко В. А. (ред.). Археологические записки. Вып. 4. Ростов/н/Д: Ростовская региональная общественная организация «Донское археологическое общество», 2005. С. 87–95.

Кулешов 2015 — *Кулешов Вяч. С.* Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX — XI в.) // Нумизматические чтения ГИМ 2015 года. Памяти Н. А. Фроловой (24.01.1936 – 20.10.2015). Москва 30 ноября — 1 декабря 2015 г. МДиС. М.: ГИМ, 2015. С. 73–76.

Марков 1910 — *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. 148 с.

Нудельман 1975 — *Нудельман А. А.* К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI в. // Гросул Я. С. (отв. ред.). Карпато-Дунайские земли в средние века: сб. ст. Кишинев: Штиинца, 1975. С. 94–124.

Нудельман 1976 — *Нудельман А. А.* Топография кладов и находок единичных монет. Кишинев: Штиинца, 1976. 196 с.

Потин 1981 — *Потин В. М.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // ТГЭ. Т. 21. Нумизматика. 5. Л.: Искусство, 1981. С. 78–89.

Потин 1993 — *Потин В. М.* Монеты, клады, коллекции. СПб.: Искусство, 1993. 304 с.

Сиверс 1922 — *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами. Петроград, 1922. 37 с. (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. II).

Соболева 1963 — *Соболева Н. А.* Пражские гроши в музеях Украины // Анохин В. А. (отв. ред.). Нумизматика и сфрагистика. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1963. С. 128–138.

Столярик 1992 — *Столярик Е. С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в поздне-римское и византийское время (конец III — начало XIII в.). Киев: Наукова думка, 1992. 126 с.

Фёдоров-Давыдов 1960 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет // Шелов Д. Б. (ред.). Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

Фёдоров-Давыдов 1963 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет // Шелов Д. Б. (ред.). Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 165–221.

Шувалов 1999 — *Шувалов П. В.* Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. 1999. № 6. С. 324–400.

Янин 2009 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки по истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

Isacescu 1975 — *Isacescu E.* Un alt tezaur monetar gasit la Pacuiul lui Soare (j. Constanta) // Studii si cerceteri de numizmatica. V. 6. Bucuresti. 1975. P. 253–257.

Сокращения

АВ — Археологические вести. СПб.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АММ — Acta Militaria Mediaevalia. Kraków–Rzeszów–Sanok
АО — Археологические открытия.
АЦПО — Археологический центр Псковской области
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВУ — Варяжская улица
ГАПО — Государственный архив Псковской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМЗ — государственный музей-заповедник
ГРМ — Государственный Русский музей
ГУ — государственный университет
ГУП ЦНРПМ — Государственное унитарное предприятие «Центральные научно-реставрационные производственные мастерские»
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДГУ — Днепропетровский ГУ
ЖЗЛ — серия книг «Жизнь замечательных людей»
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИЛ — Ипатьевская летопись
ІМФЕ НАН України — Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського Национальной академии наук Украины
КБР — Кабардино-Балкарская республика
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
МАМЮ — Московский архив министерства юстиции
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МК — материалы конференции
ММНК — материалы международной научной конференции
МНПК — международная научно-практическая конференция
НАН — национальная академия наук
НГОМЗ — Новгородский гос. объединенный музей-заповедник
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПЛ —Новгородская первая летопись
НПК — научно-практическая конференция
НЦ — научный центр

ОАК — Отчёт Императорской археологической комиссии. СПб.
ОР НПБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГОИАХМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ПСПР — Псковский институт «Спецпроектреставрация»
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РГА ВМФ — Российский Государственный архив военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников СССР. М.
САЭ — Староладожская археологическая экспедиция
Сб. — сборник
Сб. ст. — сборник статей
СИААМЗ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СЛМ — Староладожский музей
СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
Тверской НИИАРЦ — Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр
ТГЭ — Труды ГЭ
ТДиС — тезизы докладов и сообщений
УССР — Ураинская советская социалистическая республика
ЦНРПМ — Центральные научно-проектные реставрационные мастерские

AAASH — Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AAL — Acta Archaeologica Lodziensia. Łodź
BAR. IS — British Archaeological Reports. International Series. Oxford
BMV — Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin
II.P.P.Publ. — Institute of Proto- and Pro-History Publication
SMYA — Suomen muinaismustouhdistyksen aikakausikirja
SP — Stratum Plus. Кишинёв (Молдова), Санкт-Петербург (Россия),Одесса (Украина), Бухарест (Румыния)

Содержание

В. А. Лапшин. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения 5

Л. А. Губчевская. «Заповедный» — значит «особо хранимый» 8

Л. М. Всевиов (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова 11

А. А. Александров. «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи) 14

С. В. Белецкий. Геральдические подвески X–XI вв. 30

Р. Брузис. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии 50

Ю. А. Виноградов. О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии 61

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги 66

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина. Изборская крепость в первой трети XIV в. 70

Т. Н. Джаксон. О природных чудесах Исландии 84

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища 91

И. И. Еремеев. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом 99

М. М. Казанский. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы 113

С. Ю. Каинов. «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) 125

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова. Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты 140

А. А. Кищук, О. В. Овсянников. Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского 156

Л. С. Клейн. Спор о варягах как пережитое 183

Н. Б. Крыласова. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае 201

Ю. А. Кулешов. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) 215

А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах 241

А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным 245

В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга 258

П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада 267

К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) 286

Е. Р. Михайлова. Двушипные наконечники копий из Которского погоста 298

А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси 312

В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладоге» 322

Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») 332

А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. 343

Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. 358

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок 379

В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли 384

П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья 395

Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв. 405

С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» 424

С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века 433

Сокращения 439

Научное издание

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

Корректор Г. А. Седова
Редактор, верстка Е. В. Новгородских
Дизайн обложки И. Н. Лицук

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 51,62. Тираж 300 экз. Заказ 514.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в типографии ООО «Невская Типография».
197198, город Санкт-Петербург, Ропшинская улица,
дом 1/32, литер А, помещение 4Н, офис 9
тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru